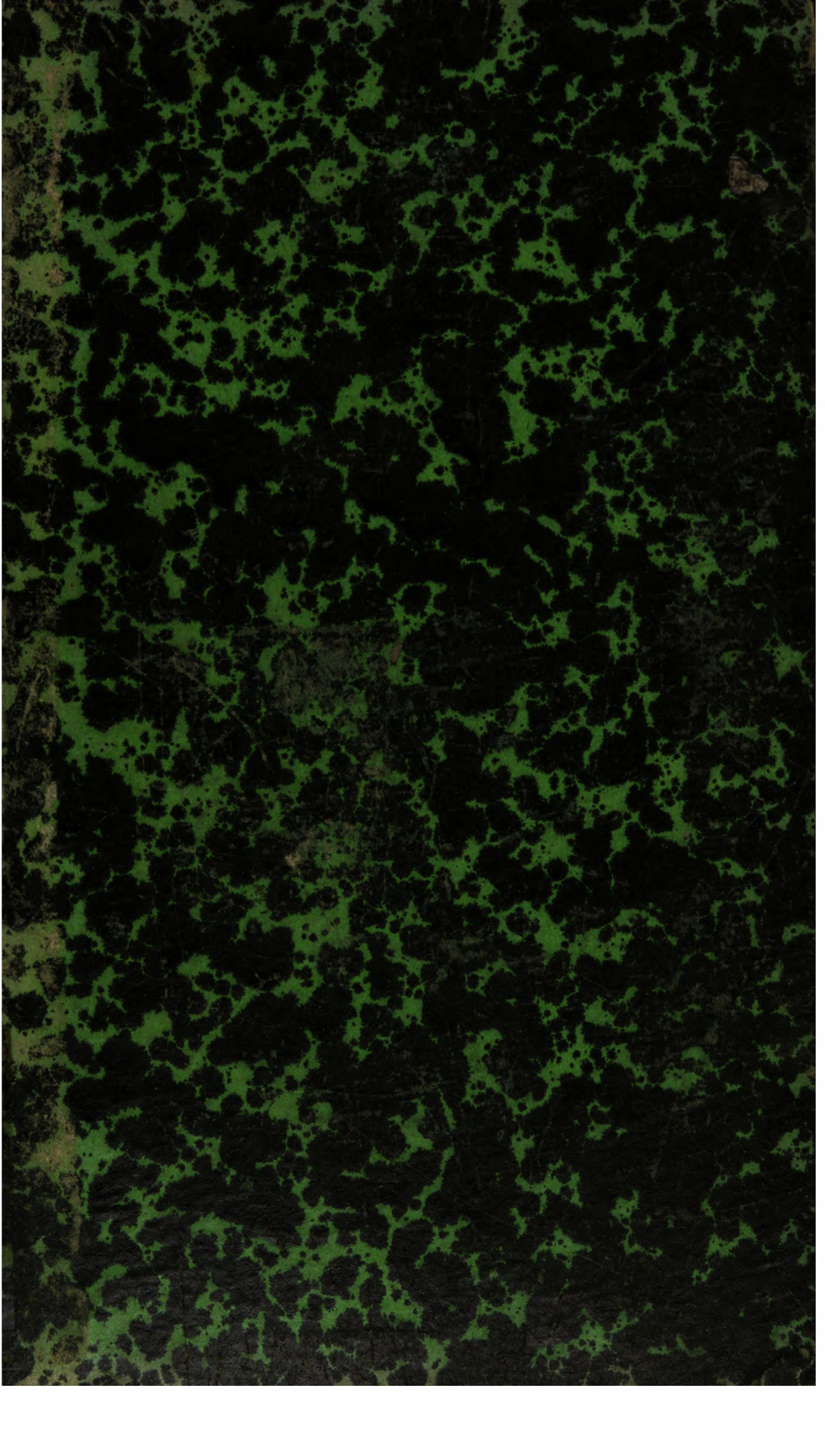
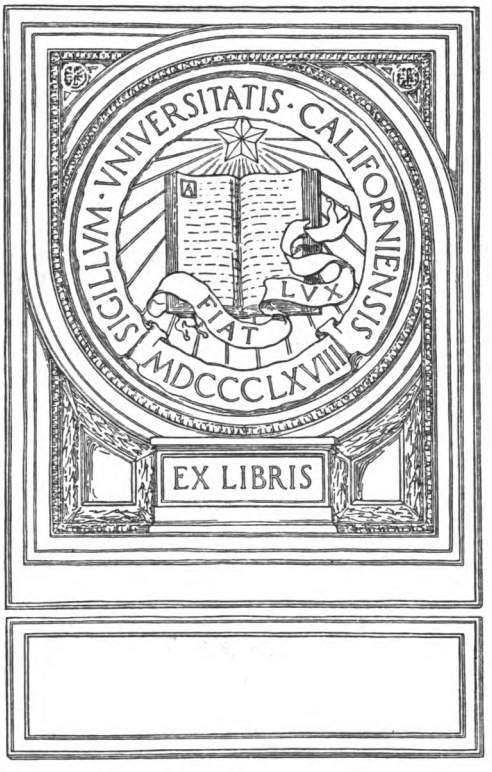


Бобруйская
Публичная Библіотека
№
имени А. С. ПУШКИНА.



№ 26705

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ
МІРЪ БОЖІЙ.

VII-й г. изд. VII-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 25 до 27 печ. листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. ОРИГИНАЛЬНАЯ: стихотворенія гг. Бальмонта, Бунина, Ладыженскаго, Минскаго, П. Я., О. Чуминой, Allegro и др. «Финикіянки», трагедія **Эврипида**, переводъ въ стихахъ съ греческаго **И. Ѳ. Анненскаго**, «Два счастья», романъ **И. Потапенко**; «Равнодушные», романъ **К. Станюковича**; разсказы **Ив. Бунина, В. Немировича-Данченко, Ю. Безродной**. ПЕРЕВОДНАЯ: «Христіанинъ», **Холлъ Кена**, романъ, переводъ съ англійскаго **З. Н. Журавской**; «Оводъ», романъ, переводъ съ англ. **З. А. Венгеровой**; «Пасынокъ вѣка», романъ, перев. съ финскаго **П. Морозова**; «Новый Тангейзеръ», романъ, перев. съ шведскаго **В. Фирсова**.

Отдѣлъ II. Научныя сочиненія и статьи. ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ: «Страна чудесъ на рѣкѣ Еловстонѣ», проф. **А. Павлова**; «Физіологія растеній и раціональное земледѣліе», проф. **Тимирязева**; «Юліусъ Саксъ» (критико-біографическій очеркъ), проф. **Тимирязева**; «Самокалѣченіе и борьба за существованіе у животныхъ», проф. **Фаусека**. ПО МЕДИЦИНѢ И ГИГІЕНѢ: «Очерки общественной гигіены и государственнаго врачебновѣдѣнія», проф. **Н. А. Вельяминова**; «Рудольфъ Вирховъ», монографія д-ра **Ю. Г. Малиса**; «Популярные обзоры успѣховъ біологіи и медицины», проф. **И. Р. Тарханова**. ПО ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ: «Очерки по исторіи роскоши», «Исторія классической системы въ Германіи», **Н. Сперанскаго**; «Къ исторіи русскаго театра», очеркъ **Н. Гурѣева**. КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «Исторія русской критики», ч. III, отъ Бѣлинскаго до Писарева включительно, **Ив. Иванова**; «В. Бѣлинскій» (къ пятидесятилѣтію смерти); «Изъ дневника **Н. В. Шелгунова**», извлеченія изъ переписки и дневника; «Адамъ Мицкевичъ» (къ столѣтней годовщинѣ рожденія). ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. «Капитализація земледѣльческой промышленности» (1) Вліяніе большого рынка, централизація земледѣльческихъ промысловъ. 2) Техническій переворотъ въ скотоводствѣ. Зоотехника. Послѣдствія переворота. 3) Переворотъ въ орудіяхъ труда. 4) Спеціальные районы производства, ихъ конкуррирующее вліяніе. 5) Переворотъ въ техникѣ посредничества. Хлѣбная биржа. Элеваторы) **Людвига Крживицкаго**. ПО ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ: «Современное естествознаніе и психологія», академика **А. С. Фаминцына**; «Методы изслѣдованія въ современной психологіи», проф. **Г. И. Челпанова**; «Спинова и его міросозерцаніе», популярный очеркъ канд. философ. **Б. Вельбеля**. ПУБЛИЦИСТИКА: «Забытый утопистъ», **С. Анскаго**; «Въ домѣ народа»; «Культура и народное хозяйство Фин-

ляндіи», В. Фирсова; «Общественныя увеселенія въ Америкѣ», П. Тверского; «Положеніе труда въ Лондонѣ», Л. Давидовой; «Нищенство какъ промыселъ», С. Операнскаго. ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ: «Сравнительная литература», Махолей-Поснета, перев. съ англ. Л. Давидовой; «Основы этики», Мэкензи, перев. съ англ. подъ редак. проф. Г. И. Челпанова; «Чудеса воздуха» (очерки по метеорологіи), перев. съ франц. В. Агафонова.

Отдѣлъ III. Научное Обозрѣніе. Подъ общимъ заглавіемъ: НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» редакція предполагаетъ помѣщать рядъ оригинальныхъ статей, составленныхъ спеціалистами, въ видѣ обзоровъ по отдѣльнымъ наукамъ или по частнымъ научнымъ вопросамъ. Дополненіемъ къ этому отдѣлу должны служить «ТЕКУЩІЯ НАУЧНЫЯ НОВОСТИ», составляемыя по русскимъ и иностраннымъ научно-популярнымъ изданіямъ. Въ отдѣлѣ «НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» обѣщали принять участіе господа: В. К. Агафоновъ и лекторъ берлинской «Урании» H. Bürgel; профессора: Павловъ, Тархановъ, Тимирязевъ, Хвольсонъ, Холодковскій, Челпановъ и Фаусекъ.

Отдѣлъ IV. Критическія замѣтки. Очерки болѣе или менѣе выдающихся произведеній русской и переводной литературы. Съ будущаго года предполагается дополнить этотъ отдѣлъ «ОБЗОРОМЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ».

Отдѣлъ V. Изъ западной культуры. Критическій разборъ выдающихся иностранныхъ произведеній. Ив. Ивановъ.

Отдѣлъ VI. Разныя разности. НА РОДИНѢ. Свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ русской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ корреспонденціи изъ провинціи и небольшія статьи о текущихъ событіяхъ—выставкахъ, конгрессахъ, дѣятельности разныхъ обществъ и т. п. ЗАГРАНИЦЕЙ. Свѣдѣнія и сообщенія изъ западно-европейской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ рефераты статей, особенно интересныхъ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ, а также небольшія статьи и корреспонденціи о выдающихся текущихъ явленіяхъ заграничной жизни.

Отдѣлъ VII. Библіографія. Рецензіи о русскихъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ и всѣмъ отраслямъ науки, кромѣ исключительно спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще-образованной публики. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатый отзывъ о важнѣйшихъ, появляющихся за границей, новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ. . . 8 руб.
Безъ доставки на годъ . . . . . 7 »
За границу на годъ. . . . . 10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода . 4 р.
За границу . . . . . 5 »
Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:
въ январѣ . . . . . 3 р.
» маѣ. . . . . 3 »
» сентябрѣ . . . . . 2 »

За границу: въ январѣ . . . . 4 »
» » » маѣ . . . . . 3 »
» » » сентябрѣ . . . . 3 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной цѣны.

Книжные магазины при годовой и полугодовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ВСХОДЫ".

III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ среднія и низшія учебныя заведенія, безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—книгой большого формата—отъ 5 до 6 печатныхъ листовъ—въ два столбца, съ многочисленными рисунками и разнообразнымъ матеріаломъ, б) 15-го—небольшой книжкой—отъ 7 до 14 печатныхъ листовъ, содержащей въ себѣ одно произведеніе бедлетристическое или научно-популярное. Редакція остановилась на этой новой формѣ изданія дѣтскаго журнала, находя болѣе цѣлесообразнымъ давать дѣтямъ то или другое произведеніе законченнымъ въ одномъ или, много, въ двухъ номерахъ. и оставляющимъ вслѣдствіе этого болѣе цѣльное, ясное и глубокое впечатлѣніе, что трудно достигается при дробленіи произведенія на большее количество номеровъ.

Программа журнала слѣдующая: повѣсти и романы для дѣтей, оригинальные и переводные; стихотворенія; историческія повѣсти: сказки; историческія легенды; біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и проч. Большое вниманіе будетъ обращено редакціей на ознакомленіе дѣтей съ Россіей, ея исторіей, этнографіей и географіей, а также на сообщеніе разнаго рода свѣдѣній изъ міра научныхъ изобрѣтеній и открытій, которыя будутъ излагаться въ простой формѣ, вполнѣ доступной для дѣтскаго пониманія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаетъ извѣстная писательница для дѣтей А. Н. Анненская.

Въ журналѣ «ВСХОДЫ» помѣщается ежемѣсячно: 1) отдѣлъ для маленькихъ дѣтей и 2) для родителей—критическій указатель дѣтской литературы.

Въ номерахъ журнала, выходящихъ 1-го числа каждаго мѣсяца предположено напечатать между прочимъ: «Володя». К. Баранцевича. «Волченята». Ив. Бунина. «Чайка». Его же. «На дудкахъ». Разсказъ. Д. Мамина-Сибиряка. «Тиранъ». И. Потапенко. «Въ штормъ». Разсказъ. К. Станюковича. «Матросикъ». Его же. «Матросы корабля «Надежда». Разсказъ. В. Сѣрошевскаго; разсказы: Н. Вагнера (Котъ Мурлыка), Н. Гарина, Н. Дементьевой, А. Коваленской, В. Немировича-Данченко, А. Паевской. Разсказы изъ русской исторіи И. Потапенко. Запорожская старина. В. Радича. Очерки изъ исторіи Малороссіи. Д. Эварницкаго.

«Біографіи». Сервантесъ. И. Иванова. Фарадей. А. Анненской. «Народные герои». Ея же. Другъ школы и народа. В. Ермилова. Зоологическіе очерки. Доктора зоологіи В. Львова. Очерки по исторіи культуры. Д. Коропчевскаго. Очерки по физической географіи и геологіи. А. Нечаева. Въ отдѣлѣ: «На родинѣ» будетъ помѣщенъ между прочимъ рядъ статей, знакомящихъ съ разными промыслами и фабрично-заводской дѣятельностью. Въ книжкахъ, выходящихъ 15-го числа каждаго мѣсяца, предполагается напечатать между прочимъ: «Пѣснь о Гайаватѣ», извѣстная индѣйская поэма Генри Лонгфелло, переводъ съ англійскаго въ стихахъ Ив. Бунина. «Исторія африканской фермы». Шрейнеръ, въ перед. Л. Давыдовой. «Жаворонокъ». Историч. повѣсть. Беннетъ. «Венъ-Гуръ». Ром. Уоллеса, въ перед. Л. Паевской; кромѣ того нѣсколько путешествій.

Подписчикамъ, внесшимъ всю годовую плату, будетъ разослано безплатное приложеніе: «Жизнь моря», по Келлеру и др., сост. Э. Пименова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ **5 руб.**, на ½ года **2 р. 50 к.** Безъ доставки **4 р. 50 к.** За границу **8 руб.** Подписчики, желающіе получать книжки выходящія 15-го числа каждаго мѣсяца, въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, благоволятъ доплатить сверхъ подписной суммы за годъ 1 руб. и за ½ года 50 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Малая Итальянская, д. №. 22, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ П. Голяховскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ (9-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ вышедшихъ за текущій годъ книжкахъ журнала (№№ 1—10) напечатаны, между прочимъ слѣд. статьи: 1) И. П. Деркачевъ (по поводу 35-лѣтія его общественно-педагогической и литературной дѣятельности). ***Н. Ѳ. Арепьева;*** 2) К. Д. Ушинскій въ Симферополѣ (по личнымъ воспоминаніямъ). ***И. П. Деркачева;*** 3) Изъ педагогической автобіографіи. ***Л. Н. Модзалевскаго;*** 4) Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. ***П. Г. Мижуева;*** 5) Идеалы и дѣйствительность средняго образованія въ Англіи. ***Его-же;*** 6) О единой школѣ въ Западной Европѣ. Проф. ***А. Д. Вейсмана;*** 7) Образованіе и положеніе народнаго учителя въ Швейцаріи. ***А. Н. Каменской;*** 8) Новая русская педагогія, ея главнѣйшіе идеи, направленія и дѣятели. ***П. Ѳ. Каптерева;*** 9) О нѣкоторыхъ дурныхъ привычкахъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Д-ра ***В. В. Гориневскаго;*** 10) О школьныхъ болѣзняхъ и мѣрахъ, предупреждающихъ ихъ развитіе. Д-ра ***В. Ф. Якубовича;*** 11) О физическомъ воспитаніи. Д-ра ***Г. Явейна;*** 12) Физіологическая теорія воспитанія и обученія проф. Левенталя. Д-ра ***А. С. Виреніуса;*** 13) Новый способъ изслѣдованія умственныхъ способностей и его примѣненіе на учащихся проф. Эбингауза. ***Его-же;*** 14) Нравственное воспитаніе въ связи съ эволюціонной теоріей. ***Л. Е. Оболенскаго;*** 15) О воспитаніи и обученіи дѣтей идіотовъ, тупоумныхъ и отсталыхъ по Сегену. ***М. Н. Лебедевой;*** 16) Воля и воспитаніе ея. ***К. В. Ельницкаго;*** 17) Объ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ. ***Ст. Никольскаго;*** 18) Педагогическіе матеріалы въ сатирахъ Салтыкова. ***С. Ашевскаго;*** 19) Новое поприще для дѣятельности русской интеллигентной женщины. ***А. М. Калмыковой;*** 20) Школьныя нормы ***В. П. Вахтерова;*** 21) Объ идеалахъ церковной и свѣтской школы. ***Кл. Тихомирова;*** 22) Начальная школа и профессіональныя знанія. ***Д. Д. Лобанова;*** 23) Къ двадцатипятилѣтію «Положенія» о городскихъ училищахъ. Высочайше утвержденныхъ 31-го мая 1872 года. ***Н. З.;*** 24) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1896. ***И. П. Бѣлокопскаго;*** 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи. ***А. П. Раменскаго;*** 26) О наглядно-звуковомъ методѣ обученія грамотѣ. ***Н. Страхова;*** 27) Способы и пріемы обученія правописанію. ***В. Г. Зимницкаго;*** 28) Методическіе пріемы веденія письменныхъ работъ по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. ***Е. Н. Шульгина;*** 29) О современной постановкѣ преподаванія чистописанія въ нашихъ школахъ и о мѣрахъ къ ея улучшенію. ***И. Е. Евсѣева;*** 30) Замѣтка о чтеніи художественныхъ произведеній въ народной школѣ. ***А. Максимова;*** 31) О значеніи черченія при прохожденіи курса геометріи. ***Н. Гебеля;*** 33) Замѣтки о методахъ преподаванія спеціальныхъ предметовъ въ среднихъ сельскохозяйственныхъ школахъ. ***П. Строева.***

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ, хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ ***Я. В. Абрамова,*** хроника воскресныхъ школъ ***Х. Д. Алчевской*** и ***М. Н. Салтыковой,*** хроника профессіональнаго образованія ***В. В. Бирюковича*** и пр.

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно** книжками не менѣе **десяти** печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**6 р. 50 к.**; для иногородныхъ съ пересылкою—**семь руб.**; за-границу—**девять руб.** Сельскіе учителя выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Карбасникова.

За предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) имѣется еще небольшое число экз. по вышеозначеной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель ***Я. Г. Гуревичъ.***

Годъ VI-й. № 11-й.

UNIV. OF CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

НОЯБРЬ

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Printed in

UNIV. OF
CALIFORNIA

Дозволено цензурою 27-го октября 1897 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1897 II
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. СТИХОТВОРЕНІЕ. **Allegro**. 1
2. О СВОБОДѢ ВОЛИ. Проф. **Г. Челпанова**. 2
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. **Вл. Ладыженскаго** 24
4. ТЯЖЕЛЫЙ ВОПРОСЪ. (Повѣсть). **А. Осипова** 25
5. ЕЛИЗАВЕТА БЛЕКУЭЛЬ, ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-ВРАЧЪ. **Т. Криль**. 49
6. «АНТОНЪ-ГОРЕМЫКА». (1847—1897). **С. Ашевскаго**. . . . 71
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ Р. КИПЛИНГА. Пѣсня мертвыхъ. **О. Чуминой**. 85
8. ЗЛОЙ ДУХЪ. Романъ **Іонаса Ли**. Переводъ съ норвежскаго **В. Фирсова**. (Продолженіе) 87
9. СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. Ея исторія, современное положеніе и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ нѣмецкихъ ученыхъ. **Н. Сперанскаго**. . . 115
10. ЭВОЛЮЦІЯ РАБСТВА У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. (Продолженіе). **Шарля Летурно**. Переводъ съ французскаго **Э. Пименовой**. 134
11. ПАСТОРЪ ГЁРЕ И ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ. **М. Рафаилова**. 167
12. ШКОЛЯРЫ. (Сцены и характеристики). **В. І. Дмитріевой**. . . 190
13. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть вторая. (Продолженіе). **Ив. Иванова**. 203
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МОРО. На закатѣ. **О. Чуминой**. . . 231

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Братская Помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ.—Богатство сборника фактическимъ матеріаломъ.—«Въ борьбѣ съ дьяволомъ», г. Короленко.—«Еще изъ міра отверженныхъ», г. Мельшина.—«Русскій марксизмъ и его будущее», г. Кандидата философіи, **А. Б.** . 1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ**. Организація земской юридической помощи крестьянамъ.—Летучія библіотеки въ Ростовѣ-на-Дону.—Порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній.—Деревенскія ворожеи.—Гибель одного изъ участниковъ геологической экскурсіи.—Еще къ миссіонерскому съѣзду въ Казани.—Забытая годовщина. 14

884293

стр.

17. КЪ БІОГРАФІИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА. (Біографическая замѣтка). **Тихонова** 24
18. **За границей.** Ньюкэстльская община. — Британскія затрудненія.—Кубанскіе герои и героини.—Опытъ международной корреспонденціи. 28
19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue internationale».—«Revue des Revues» 39
20. НАЦІОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ СРЕДИ ЕВРЕЕВЪ. (По поводу конгресса сіонистовъ). **Г. А. Гроссмана.** 42
21. НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Седьмой международный геологическій конгрессъ. **В. Агафонова.** 51
22. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. 1) Послѣднія работы о геліи и аргонѣ. 2) Рѣнтгеновскіе лучи и ихъ физіологическое дѣйствіе. 3) Человѣкъ-магнитъ. 4) Искусственное золото и золото въ природѣ. 5) Новый способъ искусственнаго полученія алмаза. 6) Солнце—электро-магнитъ и предсказаніе погоды. Періоды тепла и холода. 7) Защита противъ града. 8) Послѣднія землетресенія. Связь силы толчковъ землетресенія съ часами дня и ночи. 9) Къ вопросу объ умственныхъ способностяхъ животныхъ. 10) Гигантская черепаха .Морское чудовище. 11) Бактеріи и растенія. 12) Масляное дерево. *Некрологъ. Юлій Саксъ.* **В. Агафонова.** 60
23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Русскія и переводныя книги. Критика и исторія литературы. — Публицистика.—Исторія русская и всеобщая.—Медицина и гигіена.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 69
24. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. **Ив. Иванова.** 94
25. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 107

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ФАРАОНЪ. Историческій романъ въ трехъ частяхъ **Болеслава Пруса.** Переводъ съ польскаго **Е. А. Ганейзера.** (Продолженіе). . 321
27. ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. Въ отрывкахъ изъ подлинныхъ работъ. Д-ра Фридриха Даннеманна. Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. **В. К. Агафонова.** (Продолженіе). 211
28. ОЧЕРКИ ДОИСТОРИЧЕСКАГО МІРА. (Prehistoric man and beast). **Хётчинсонъ.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** . 181
29. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

UNIV. OF CALIFORNIA

* * *

Одинъ по сумрачной аллеѣ
Иду, темнѣетъ неба сводъ.
Въ душѣ все ярче, все смѣлѣе
Былова призракъ возстаетъ.

—

И какъ осенніе туманы
Ползутъ надъ грустною землей —
Такъ позабытые обманы
Опять проходятъ предо мной.

—

Опавшихъ листьевъ шумъ прощальный
Одинъ въ вечерней тишинѣ,
Какъ совѣсти упрекъ печальный
Опять волнуетъ душу мнѣ.

—

И вспомнилось съ тоской глубокой
Все, что на мигъ я позабылъ...
Мой бѣдный другъ, мой другъ далекій,
Простишь ли ты, какъ я простилъ...

Allegro.

* * *

Если сумракъ долины коснется
И покроетъ все мрачною тѣнью,
Не смущайся: твой духъ встрепенется
Не подвластный ни злу, ни сомнѣнью,

—

Вознесется онъ къ снѣжнымъ вершинамъ,
Весь проникнется чистымъ сіяньемъ
И вернется къ уснувшимъ долинамъ,
Не смущаясь ни тьмой, ни страданьемъ.

Allegro.

О СВОБОДѢ ВОЛИ.

Проф. Г. Челпанова.

«Свободна ли человѣческая воля или нѣтъ?»—вотъ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ философскихъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ котораго уже много вѣковъ трудятся философы. До какой степени этотъ вопросъ запутанъ, показываетъ то обстоятельство, что многіе изъ современныхъ философовъ утверждаютъ, что мораль, юриспруденція, воспитаніе были бы невозможны, если бы мы стали *отрицать* свободу воли; между тѣмъ какъ другіе такъ же рѣшительно заявляютъ, что мораль, юриспруденція, воспитаніе были бы невозможны, если бы мы стали *признавать* свободу воли. Многіе самые выдающіеся философы держатся въ этомъ вопросѣ самыхъ противоположныхъ мнѣній. Такъ Спиноза, Гоббесъ, Юмъ, отрицаютъ свободу воли, а Кантъ, Шопенгауэръ, Гегель и др. признаютъ ее, причемъ часто понимаютъ этотъ вопросъ совершенно отличнымъ другъ отъ друга образомъ. У насъ въ Россіи существуетъ мнѣніе, что просто нелѣпо говорить о *свободѣ* воли тому, кто желаетъ оставаться на строго научной почвѣ. Говорить о свободѣ воли — все равно, что говорить о непротяженности матеріи; гораздо правильнѣе было бы говорить о *несвободѣ* воли *).

Запутанность этого вопроса и въ литературѣ, и въ обиходной жизни происходитъ, между прочимъ, оттого, что многіе совершенно неправильно поставляютъ вопросъ. Многіе спрашиваютъ: «свободна ли воля»? думая получить на это такой же опредѣленный отвѣтъ, какъ если бы дѣло шло о томъ, голубого ли цвѣта небо и прозрачна ли вода, или нѣтъ. Между тѣмъ правильная постановка вопроса была бы такова: «что такое свобода воли?» и только послѣ того, какъ мы узнали это, намъ слѣдуетъ ставить вопросъ: «свободна ли воля?» Неправильная постановка вопроса приводила часто къ тому, что философы видѣли противорѣчіе въ томъ, въ чемъ на самомъ дѣлѣ его совсѣмъ нѣтъ.

Многіе интересующіеся этимъ вопросомъ пытаются узнать смыслъ термина «свобода» въ выраженіи «свобода воли» изъ его обиходнаго употребленія. Но такой путь самый ненадежный. Изъ обиходнаго слово-

*) См. статью проф. Сѣченова «О несвободѣ воли». «Вѣстн. Евр.» 1881. № 3-й.

употребленія едва ли возможно понять, что такое «свобода воли». Положимъ, я говорю: «вотъ наклонная плоскость, по ней катится шаръ *свободно*». Что значитъ здѣсь «свободно»? Что шаръ на своемъ пути не встрѣчаетъ препятствій. «Вотъ птичка въ клѣткѣ—она *несвободна*». Это значитъ, что она встрѣчаетъ *препятствія* въ своемъ намѣреніи совершать полетъ. Восточный деспотъ *свободно* можетъ дѣлать что ему угодно: его дѣйствія не встрѣчаютъ никакихъ препятствій; культурный человѣкъ *несвободенъ* дѣлать, что ему угодно, потому что его дѣйствія ограничиваются закономъ и соблюденіемъ права другихъ. Очевидно, слово «свобода» въ обиходномъ употребленіи предполагаетъ присутствіе или отсутствіе *препятствій*. Но если вы пожелаете распространить это пониманіе на вопросъ о свободѣ воли и будете думать, что когда рѣчь идетъ о свободѣ воли, то все дѣло въ томъ, что дѣйствія человѣческой воли не находятся въ зависимости отъ чего-либо, не встрѣчаютъ на своемъ пути препятствій, то вы едва ли поймете, что значитъ свобода воли. Чтобы понять должнымъ образомъ вопросъ о свободѣ воли, необходимо разсмотрѣть исторію его, уловить различные оттѣнки теорій, предлагавшихся философами; необходимо понять, для чего философы вообще поставляли вопросъ о свободѣ воли, и только тогда мы болѣе или менѣе приблизимся къ удовлетворительному рѣшенію его. Въ противномъ случаѣ мы будемъ совершать логическую ошибку, ignoratio elenchi, т. е. будемъ отрицать то, чего никто не думалъ признавать.

Начнемъ съ греческой философіи, которая развивалась въ тѣсной связи съ греческой религіей.

Когда человѣкъ желаетъ разобраться въ явленіяхъ окружающаго міра, ему прежде всего необходимо рѣшить вопросъ о своей *зависимости отъ вселенной*. И вотъ, древній грекъ, пытаясь отвѣтить на этотъ вопросъ, допускаетъ, что существуютъ боги, которые подчиняются одному высшему божеству, Зевсу. Этотъ высшій богъ всѣмъ повелѣваетъ, все подчиняетъ своей волѣ, въ томъ числѣ и человѣческія дѣйствія. Но, по мнѣнію грековъ, не слѣдуетъ думать, что воля Зевса произвольна, т. е. что онъ можетъ рѣшать и дѣйствовать такъ, какъ онъ самъ пожелаетъ. Рѣшенія Зевса не зависятъ отъ него одного. Есть еще одна могущественная и таинственная сила, которая находится *надъ* нимъ и которая называется *Мойра* (что значитъ Судьба, Рокъ). Судьбѣ все подчиняется, ея рѣшенія неизмѣнны, необходимы. Самъ Зевсъ обязанъ исполнять повелѣнія Мойры.

Если такъ, то становится понятнымъ, что, по представленію грековъ, всѣ человѣческія дѣйствія предопредѣлены судьбою, что *судьба, необходимость* властвуетъ надъ человѣческими дѣйствіями. При такомъ пониманіи отношенія человѣка къ міру, ко вселенной, естественно возникалъ вопросъ, отвѣтственъ ли человѣкъ за свои дѣйствія (дурныя и хорошія), или же, можетъ быть, за нихъ отвѣтственны боги, которые

руководятъ дѣйствіями человѣка? На этотъ вопросъ поэтъ Пиндаръ, напр., прямо отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что хотя судьба, необходимость, властвуетъ надъ человѣческими дѣйствіями, но что боги все-таки не должны считаться виновниками человѣческаго злодѣянія. Противорѣчіе въ этомъ разсужденіи очевидно: съ одной стороны, вина преступленія вмѣняется человѣку, онъ считается виновникомъ совершеннаго дѣйствія, съ другой стороны, кажется, что онъ не есть причина совершеннаго дѣйствія, такъ какъ неумолимый рокъ все предопредѣлилъ заранѣе. Вотъ это-то противорѣчіе между предопредѣленностью человѣческихъ дѣйствій и ихъ вмѣняемостью и невмѣняемостью человѣку должны были разрѣшить первые греческіе философы *).

Сократъ и *Платонъ* приступаютъ къ этому вопросу съ рѣшеніемъ, которое для насъ въ данную минуту не представляетъ особеннаго интереса. *Аристотель* предложилъ очень точное описаніе тѣхъ дѣйствій, которыя мы называемъ произвольными и непроизвольными; онъ показалъ, какимъ образомъ дѣйствія, какъ добродѣтельныя, такъ и порочныя, зависятъ отъ насъ, но у него мы не находимъ такой постановки вопроса, которая уясняла бы для насъ сущность вопроса о свободѣ воли.

Наиболѣе опредѣленную постановку этого вопроса мы находимъ у *Эпикура* (342—270 до Р. Хр.). Какъ извѣстно, Эпикуръ строилъ свою философскую систему на такъ называемой атомистической теоріи. Все существующее въ мірѣ, по его мнѣнію, состоитъ изъ матеріальныхъ атомовъ. Демокритъ, который впервые предложилъ эту теорію, думалъ, что соединеніе атомовъ совершается благодаря необходимости. Необходимость дала первый толчекъ, и всѣ явленія міра суть не что иное, какъ необходимое слѣдствіе этого перваго толчка. Необходмость, о которой говорилъ Демокритъ, это тотъ же рокъ, признаніе котораго мы находимъ въ греческой религіи. Эпикуръ, заимствовавшій свою философскую систему у Демокрита, въ этомъ пунктѣ долженъ былъ отступить отъ его ученія, такъ какъ оно становилось въ противорѣчіе съ его собственной моральной теоріей. Именно, по мнѣнію Эпикура, цѣль человѣческой жизни есть счастіе, удовольствіе и избавленіе отъ страданій. Къ числу величайшихъ человѣческихъ страданій относится страхъ. Душа человѣческая страдаетъ отъ страха смерти, небесныхъ явленій, въ особенности отъ страха передъ богами; произволъ боговъ можетъ въ любую минуту лишить ихъ жизни, здоровья, высшаго удовольствія—спокойствія. Но существуетъ еще одинъ весьма важный источникъ страха—это именно необходимость, рокъ, судьба. Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ, что̀ повелѣла эта непреклонная необходимость? Не должны ли мы бояться этой неизвѣстной и страшной силы? Этотъ страхъ ужаснѣе, чѣмъ страхъ передъ богами, потому что необходимость неумолима. Вотъ для того, чтобы избѣжать этой необходимости, Эпикуръ считаетъ нуж-

*) См. Fonsegrive. «Essai sur le libre arbitre». Paris. 1887, стр. 3—11.

нымъ допустить *случайность* въ міровой жизни. Рисуя образованіе міра изъ атомовъ, онъ, подобно Демокриту, допускаетъ, что атомы, которые существовали вѣчно, въ силу тяжести устремились внизъ, образовали особый атомный дождь. Конечно, изъ этого атомнаго дождя ничего не могло бы произойти, если бы всѣ эти атомы падали совершенно однообразно, т. е. сверху внизъ въ вертикальномъ направленіи; но вотъ, *случайно*, одинъ атомъ уклоняется отъ своего первоначальнаго пути; тогда, благодаря такому нарушенію, происходитъ всеобщая пертурбація, которая въ концѣ концовъ приводитъ къ созиданію вещей нынѣ существующаго міра. Такимъ образомъ Эпикуръ приходитъ къ признанію *случая* въ мірѣ. Благодаря этому признанію, онъ можетъ легко устранить страхъ передъ необходимостью. Если, въ самомъ дѣлѣ, въ мірѣ существуетъ случайность, то міровая необходимость не такъ неумолима, не такъ неизмѣнна, какъ это представляло себѣ народное сознаніе. Человѣкъ, въ силу существованія вообще *случая*, можетъ не подчиняться всеобщей необходимости; въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть *свободнымъ*. Если атомъ въ міроздаиіи могъ *измѣнить* свой ходъ, то отчего же человѣкъ не можетъ такимъ же образомъ *измѣнить* ходъ своихъ дѣйствій и нарушить, такъ сказать, всеобщую необходимость? На этотъ вопросъ Эпикуръ отвѣчаетъ утвердительно. Человѣкъ, по Эпикуру, свободенъ, потому что онъ, подобно указанному атому, можетъ уклониться отъ первоначально начертаннаго пути. Такимъ образомъ, признаніемъ случая, независимости отъ общаго мірового порядка, достигается основная цѣль моральной философіи Эпикура—именно счастіе, устраненіе одного изъ величайшихъ страданій, именно страха передъ непреклоннымъ, неумолимымъ рѣшеніемъ судьбы *).

Противъ эпикурейцевъ выступили философы *стоической* школы, которые совершенно отрицали случай. Они говорили, что намъ только кажется, что въ мірѣ существуетъ случай;—именно, когда мы не знаемъ причинъ какихъ-либо явленій, то мы склонны думать, что эти явленія случайны. На самомъ же дѣлѣ случая не существуетъ и не можетъ существовать. Всѣ явленія въ мірѣ подчинены необходимости. Ничто не можетъ остановить дѣйствій судьбы, и въ томъ числѣ, разумѣется, человѣческія дѣйствія также подчинены этой необходимости. Ничего не происходитъ внѣ предвидѣнія или предопредѣленія судьбы. По мнѣнію философовъ стоической школы, фатумъ, рокъ, тяготѣетъ надъ человѣческими дѣйствіями, и они признавали, что человѣкъ составляетъ одно изъ звеньевъ природы или міровой жизни и подчиняется необходимому ходу ея. Стоики утверждали, что человѣкъ несвободенъ: отъ нихъ дошло къ намъ выраженіе: fata volentem ducunt, nolentem trahunt, т. е. если человѣкъ желаетъ дѣйствовать такъ, какъ объ этомъ было написано въ книгѣ

*) См. *Fonsegrive* ук. соч., стр. 37—51; *Целлеръ*. Очерк. ист. греч. филос. Спб. 1886, стр. 222—3. *Виндельбандъ*. Исторія древней философіи. Спб. 1893, стр. 274—5.

судебъ, то судьба руководитъ его дѣйствіями, если же онъ пожелаетъ воспротивиться этому предопредѣленію, то судьба насильно увлечетъ его. Слѣдовательно, по воззрѣніямъ стоиковъ, дѣйствія человѣка несвободны и необходимо подчиняются судьбѣ *).

Изъ послѣдующихъ философовъ заслуживаетъ упоминанія философъ аристотелевской школы *Александръ Афродизійскій*. Онъ высказывался въ пользу свободы воли, потому что, по его мнѣнію, непризнаніе свободы воли въ нравственномъ отношеніи нужно считать опаснымъ. Онъ думаетъ, что если человѣкъ вѣритъ въ судьбу, непреодолимость рока, въ свое совершенное ничтожество, то слѣдствіемъ этой вѣры будетъ бездѣятельность, пассивность: человѣкъ не станетъ стремиться къ противодѣйствію, такъ какъ онъ будетъ убѣжденъ, что онъ не въ состояніи ничего измѣнить въ теченіи вещей. Нужно отвергнуть такое опасное ученіе. Мы имѣемъ власть надъ нашими дѣйствіями, иначе—нельзя было бы объяснить чувства раскаянія **).

Въ новую фазу развитія этотъ вопросъ вступаетъ въ *христіанской философіи*, и одинъ изъ первыхъ, разбиравшихъ его, былъ *Блаженный Августинъ*. Онъ, подобно современнымъ ему философамъ, былъ занятъ вопросомъ о происхожденіи грѣха. Если міръ созданъ Богомъ, то откуда берется грѣхъ? Какъ это можетъ быть, чтобы Богъ, существо совершенное, могъ создать грѣхъ?—вѣдь это было бы совсѣмъ несогласимо съ его совершенствомъ. Эту проблему Блаженный Августинъ рѣшалъ слѣдующимъ образомъ. Богъ создалъ человѣка совершеннымъ и къ совершенству его принадлежитъ и свобода воли, т. е. способность выбирать между двумя различными дѣйствіями. Богъ далъ человѣку такую волю, при помощи которой онъ могъ бы совершать благодѣянія, человѣкъ же свою волю употребилъ во зло, совершилъ грѣхъ ***) и съ этого момента грѣхъ водворился на землѣ. Слѣдовательно, человѣкъ, употребивъ во зло данную ему Богомъ свободу воли, породилъ грѣхъ, и такимъ образомъ грѣхъ является не божескимъ твореніемъ, а дѣломъ рукъ человѣческихъ.

Изъ этого разсужденія становится очевиднымъ, что Бл. Августинъ призналъ волю человѣка свободной. Впослѣдствіи, когда онъ вступаетъ въ полемику съ Пелагіемъ, то его отношеніе къ этому вопросу становится менѣе яснымъ. Именно здѣсь и самый вопросъ поставляется имъ иначе. «Можетъ ли,—спрашиваетъ онъ,—свободная воля при помощи собственныхъ силъ достигнуть жизни совершенно счастливой, обѣщанной избраннымъ?» т. е. можетъ ли человѣкъ совершать добро при помощи собственной воли, или же для этого необходимо вмѣшательство Бога? Пелагій признавалъ это возможнымъ; Августинъ же отрицалъ.

---

*) Fonsegrive, стр. 53—67. Целлеръ, 204, Виндельбандъ, 264—5.

**) Fonsegrive, 75—80.

***) Имѣется въ виду грѣхопаденіе Адама.

Пелагій опредѣлялъ свободную волю какъ способность направляться какъ къ добру, такъ и ко злу, безъ различія. Свобода воли, по его мнѣнію, есть равновѣсіе воли между однимъ и другимъ. Свободная воля есть не что иное, какъ возможность грѣшить и не грѣшить. Св. Августинъ отвергалъ эти опредѣленія. Богъ по существу свободенъ, однако Онъ не безразличенъ по отношенію къ добру и ко злу, а наоборотъ, Онъ неуклонно слѣдуетъ къ добру. Свобода такъ, какъ ее понимаетъ Пелагій, есть только низшая степень свободы (libertas minor), которая состоитъ въ *способности не грѣшить*. Существуетъ еще высшая степень свободы (libertas major), которая состоитъ въ *неспособности грѣшить*. Эта свобода присуща только Богу. Но, кромѣ этихъ двухъ степеней свободы, онъ признаетъ еще третью—это именно способность, вслѣдствіе которой воля *не можетъ не грѣшить*. Изъ этихъ трехъ способностей человѣкъ обладаетъ третьей, а второй способностью обладаетъ только Богъ. Адамъ до грѣхопаденія обладалъ первымъ видомъ свободы, грѣхъ же произвелъ то, что человѣчество потеряло способность опредѣляться къ добру и ко злу. Испорченная воля отнынѣ стала направляться только ко злу.

Человѣкъ послѣ грѣхопаденія можетъ совершать только дурное, т. е. онъ въ своемъ выборѣ необходимо направляется къ дурному. Мы, предоставленные собственнымъ силамъ, не можемъ сдѣлать ничего хорошаго; мы всѣ грѣшники, и только *благодать* Божія помогаетъ въ этомъ несчастіи: только при помощи благодати воля приходитъ въ то состояніе, въ какомъ она находилась до грѣхопаденія. При отсутствіи Божеской помощи мы могли бы дѣлать только зло; человѣческая воля по существу осквернена въ своемъ источникѣ и не можетъ произвести ничего хорошаго; она не можетъ совершать добрыхъ дѣйствій сама по себѣ безъ содѣйствія благодати Божіей.

Но не слѣдуетъ думать, что Августинъ хотѣлъ этимъ отрицать свободу воли. Какъ разъ наоборотъ. Такъ какъ, вслѣдствіе благодати, человѣкъ можетъ совершать добрыя дѣла, то его воля вслѣдствіе воздѣйствія благодати становится свободной.

Но какъ согласовать признаваемую Августиномъ свободу воли съ Божескимъ *предвѣдѣніемъ* и *предопредѣленіемъ*? Августинъ, конечно, долженъ былъ признавать, что Богъ въ предвѣчности создалъ планъ міра и отъ него ничего не скрыто, что́ должно произойти. Если все создано по уже заранѣе предопредѣленному плану, то спрашивается, какъ въ такомъ случаѣ можно признавать свободу воли? Вѣдь при такихъ условіяхъ человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ ничего выбирать не можетъ: онъ дѣйствуетъ по заранѣе предопредѣленному плану. Онъ, конечно, не свободенъ. Но Августинъ все таки старается отстоять свободу воли; онъ пытается доказать, что свобода воли согласима съ предвѣдѣніемъ Бога. По его мнѣнію, если бы предвѣдѣніе Бога уничтожало у человѣка его свободную волю, то она уничтожала бы ее и у Бога, потому

что Богъ вѣдь знаетъ то, что *Онъ* сдѣлаетъ такъ же, какъ и то, что *мы* сдѣлаемъ. Такъ какъ это допущеніе относительно Бога нелѣпо, то оно нелѣпо и относительно человѣка. Хотя Богъ предвидитъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершитъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе, это не препятствуетъ тому, чтобы человѣческая воля оставалась свободной, потому что *знать не значитъ предопредѣлять*.

Итакъ, по мнѣнію Августина, воля человѣческая послѣ грѣхопаденія не пользуется полной свободой, но, вслѣдствіе воздѣйствія благодати, она можетъ сдѣлаться свободной, т. е. направляться къ добру. Это понятіе свободы вполнѣ согласимо съ Божескимъ предопредѣленіемъ и предвѣдѣніемъ.

Другіе христіанскіе теологи, напр.: *Лютеръ*, *Кальвинъ* и др., исходя изъ тѣхъ же данныхъ, приходили къ отрицанію свободы воли.

Лютеръ, напр., думалъ, что если все заранѣе предопредѣлено, то изъ этого слѣдуетъ, что предопредѣлены и человѣческія дѣйствія; а если такъ, то воля человѣка не свободна. По его словамъ, Богъ «предвидитъ, предполагаетъ и совершаетъ всѣ вещи посредствомъ своей неизмѣнной, вѣчной и непогрѣшимой воли, а *это уничтожаетъ свободную волю*. Отсюда слѣдуетъ неизбѣжнымъ образомъ, что все, что мы совершаемъ, что всѣ вещи, которыя совершаются, хотя и кажется, что онѣ совершаются случайно, на самомъ дѣлѣ совершаются необходимо и неизмѣннымъ образомъ». Если мы вѣримъ въ то, что «Богъ знаетъ и предопредѣляетъ всѣ вещи заранѣе, что его предвѣдѣніе и его предопредѣленіе не могутъ ни обмануваться, ни встрѣчать препятствій и что ничего не совершается безъ его воли, то свидѣтельство самого разума говоритъ, что *не можетъ быть никакой свободы воли*, ни въ человѣкѣ, ни въ ангелѣ, ни въ какомъ иномъ твореніи».

Вотъ противорѣчіе, къ которому пришли христіанскіе теологи. Однимъ казалось, что воля человѣческая несвободна, что только это и согласимо съ предвѣдѣніемъ Божескимъ, другимъ казалось, что и при такихъ условіяхъ воля свободна *).

Въ классической философіи, какъ мы видѣли, были озабочены разрѣшеніемъ вопроса о томъ, можетъ ли человѣкъ разорвать цѣпь явленій, можетъ ли онъ освободиться отъ рокового хода явленій? можетъ-ли онъ произвольно, по собственной волѣ выбирать между двумя какими-либо дѣйствіями или же нѣтъ? Въ христіанской философіи центръ тяжести переносится на рѣшеніе другого вопроса: можетъ ли человѣкъ свободно выбирать между двумя дѣйствіями, изъ которыхъ одно нравственно *хорошее*, а другое нравственно *дурное*. Какъ мы видѣли, на

---

*) См. *Fonsegrive*, ук. соч., 85—154; *Ueberweg*. «Grundr. d. Gesch. d. Phil.» Ч. 2-я Berl. 1886, стр. 112—113. *Bain*. «Mental and Moral Science». 1884, стр. 408—411. Объ Августинѣ и Пелагіи см. *Трубецкой*. «Религіозно-обществен. идеалъ западнаго христіанства». Ч. 1 я, М. стр. 162—213.

этотъ послѣдній вопросъ нѣкоторые христіанскіе философы отвѣчали въ томъ смыслѣ, что необходимо признаніе благодати для того, чтобы человѣкъ могъ совершать дѣйствія, приводящія къ спасенію. Но и классическіе, и христіанскіе философы сходятся въ одномъ и томъ же: и тѣ, и другіе одинаково стремятся рѣшить затрудненіе, которое существуетъ въ вопросѣ объ отношеніи между человѣкомъ и міромъ, между человѣкомъ и божествомъ; подчиненъ ли человѣкъ этому послѣднему до полнаго ничтожества, или же нѣтъ? Обладаетъ ли человѣкъ какою либо самостоятельностью, или же нѣтъ? Этотъ вопросъ связанъ съ другимъ: *отвѣтственъ ли человѣкъ за свои дѣйствія, или же нѣтъ?* Если признать, что дѣйствія человѣка суть необходимое звено въ механизмѣ вселенной, то въ высшей степени трудно доказать, почему онъ долженъ быть отвѣтственнымъ за свои дѣйствія; если человѣкъ не независимъ отъ механизма вселенной, то онъ не можетъ быть отвѣтственъ за свои дѣянія вообще или за свои грѣхи въ частности.

Изъ всего этого хода развитія ученія о свободѣ воли для насъ ясно одно, что философамъ нужно было доказать, что человѣческая воля не зависитъ отъ общей міровой причинности, т. е. что человѣкъ обладаетъ свободой воли, потому что только при такихъ условіяхъ можно было доказать, что человѣкъ отвѣтственъ за свои дѣянія. И вотъ философы всячески изощрялись, чтобы доказать, что человѣческая воля свободна, т. е. что она не зависитъ отъ общей міровой причинности.

Во всѣ времена философы знали такъ-же хорошо, какъ и мы, что въ мірѣ существуетъ всеобщая причинность, что міръ представляетъ одинъ общій механизмъ; что всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину и т. д. Мы никогда не скажемъ, что можетъ существовать какое-либо дѣйствіе безъ причины. Вотъ движется паровозъ. Мы спрашиваемъ, какая причина того, что паровозъ движется? Причина та, что колеса движутся. Какая причина того, что колеса движутся? Причина та, что упругая сила пара, находящагося въ цилиндрѣ, приводитъ въ движеніе поршень, который, въ свою очередь, вслѣдствіе нѣкоторыхъ приспособленій, переводитъ прямолинейное движеніе во вращательное. Какая причина созидаетъ упругую силу пара? Причина эта заключается въ нагрѣваніи извѣстнаго количества воды при помощи теплоты. Какая причина созидаетъ теплоту? Причина созиданія теплоты заключается въ сгораніи извѣстнаго количества угля, и т. д. и т. д.; можно разсуждать до безконечности, пока не дойдемъ до первопричины. Міръ представляетъ какъ бы одну причинную цѣпь, въ которой каждое звено связано другъ съ другомъ, и мы не можемъ себѣ представить, чтобы одно изъ этихъ звеньевъ прерывалось и нарушало бы законъ причинности: нѣтъ такихъ дѣйствій, которыя не подчинялись бы законамъ причинности. Если такъ, то и человѣкъ, и человѣческія дѣйствія входятъ въ общій механизмъ вселенной. Но философамъ, *чтобы отстоять нравственную отвѣтственность, нужно было доказать, что воля представ-*

ляетъ исключеніе, что она не подчиняется всеобщему закону причинности, что она начинаетъ рядъ явленій сама собой. Имъ нужно было доказать, что наши дѣйствія могутъ не имѣть никакой причины, что наша воля не входитъ во всеобщій механизмъ. Эту безпричинность воли они доказывали самыми различными способами.

Возьмемъ причинность, какъ она царитъ въ мірѣ физическомъ, и мы увидимъ слѣдующее. Вотъ дуло пушки, въ которомъ находится ядро; если бы я наклонилъ пушку, ядро упало бы на землю возлѣ пушки и мы сказали бы, что это произошло въ силу земного притяженія. Положимъ, что ядро не упало, а находится въ дулѣ: мы всыплемъ туда пороху и зажжемъ его; тогда образуются газы, которые своею упругостью выбросятъ ядро на большое разстояніе. Выходитъ такъ, что хотя первая причина (притяженіе земли) и не перестала дѣйствовать, но вторая причина (упругая сила газовъ) дѣйствуетъ такъ, что уничтожаетъ (или дѣлаетъ незамѣтнымъ) дѣйствіе первой. Такъ всегда происходитъ въ мірѣ физическомъ. Если дѣйствуютъ двѣ причины, изъ которыхъ одна сильнѣе другой, то она будетъ устранять или дѣлать незамѣтнымъ дѣйствіе болѣе слабой причины. Но такъ ли происходитъ дѣло и въ человѣческой жизни? Положимъ, у меня сегодня свободный вечеръ, мнѣ хотѣлось бы развлечься, и я думаю, куда бы мнѣ пойти, къ знакомымъ, или въ театръ. И я разсуждаю такъ: «у знакомыхъ я успѣю побывать въ другой разъ, ну а спектакль, въ которомъ гастролируетъ какой-нибудь знаменитый артистъ, мнѣ не слѣдовало бы пропустить». Въ этомъ случаѣ моему уму представляются два дѣйствія: одно—посѣщеніе знакомыхъ, другое—посѣщеніе театра или, что то же, двѣ *причины* дѣйствія. Но одна изъ причинъ оказываетъ на меня болѣе сильное воздѣйствіе. На языкѣ психологовъ, эти причины будутъ называться *мотивами*, и, слѣдовательно, одинъ *мотивъ* будетъ болѣе сильнымъ, чѣмъ другой: и я иду въ театръ. Я могу сказать, что мои дѣйствія находятся подъ вліяніемъ мотивовъ, и преобладающее вліяніе принадлежитъ болѣе сильному мотиву: въ данномъ случаѣ идти въ театръ. Но, положимъ, у меня сидитъ пріятель, съ которымъ я только что спорилъ о свободѣ воли, и я въ доказательство моей свободы воли говорю, что хотя мотивъ пойти въ театръ у меня сильнѣе, чѣмъ мотивъ идти къ знакомымъ, но я все-таки пойду къ знакомымъ, и я иду къ знакомымъ. Вотъ какая разница между дѣйствіями человѣка и ядра. Пускай такъ разсуждаетъ ядро и вмѣсто того, чтобы летѣть вдаль, упадетъ на землю. Оно такъ поступить не можетъ, а человѣкъ можетъ выбирать и подчиняться болѣе слабымъ мотивамъ. *Разъ онъ можетъ дѣйствовать по какимъ угодно мотивамъ, значитъ, его воля совершенно свободна, не зависитъ ни отъ какихъ мотивовъ и причинъ.*

Существуетъ примѣръ, идущій къ намъ изъ среднихъ вѣковъ и очень хорошо поясняющій то, о чемъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ, это именно

такъ наз. примѣръ Буриданова осла *). Представимъ себѣ, что между двумя стогами сѣна, одинаковой величины и одинаково привлекательными, какъ разъ по срединѣ стоитъ оселъ. Если бы дѣйствія осла находились подъ вліяніемъ мотивовъ, то оселъ, находясь подъ вліяніемъ *двухъ одинаково сильныхъ* мотивовъ, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи, долженъ былъ бы околѣть, не зная, въ какую сторону ему пойти, но такъ какъ животное обладаетъ свободой выбора, то оно дѣйствуетъ, какъ бы разсуждая слѣд. образомъ: «вотъ два одинаково привлекательныхъ мотива, которые влекутъ меня въ противоположныя стороны, но я пренебрегу ими и рѣшу направиться въ одну сторону». Слѣд., оселъ этимъ показываетъ, что его дѣйствія не находятся подъ вліяніемъ мотивовъ. Такая свобода называется *свободой безразличія* **).

Это доказательство свободы не осталось безъ послѣдователей, и до послѣднихъ дней имѣются защитники его. По мнѣнію шотландскаго философа *Рида* (1704—1796), если вы хотите знать, свободна ли человѣческая воля, то обратите вниманіе на ваше *самосознаніе* и вы увидите, что воля свободна, что *вы можете дѣйствовать въ какомъ угодно направленіи*. Ридъ, между прочимъ, приводитъ такой примѣръ: положимъ, я долженъ дать вамъ монету, я подаю вамъ двѣ совершенно *одинаковыхъ* монеты и говорю: «берите какую угодно», и вы, не разсуждая, берете *безразлично* какую-нибудь изъ нихъ. Слѣдовательно, никакихъ *причинъ*, опредѣляющихъ ваше дѣйствіе, не было, значитъ воля ваша дѣйствовала безъ мотивовъ, безъ причинъ, слѣд. она свободна. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться въ любую минуту—если только мы обратимся къ нашему самосознанію. Я могъ бы дѣйствовать и иначе, противоположно тому, какъ поступилъ. Слѣдовательно, оказывается, что при одинаковыхъ условіяхъ мы можемъ дѣйствовать въ двухъ различныхъ направленіяхъ, не повинуясь никакимъ мотивамъ, никакимъ причинамъ.

Итакъ, если наши волевыя дѣйствія не подчиняются *причинамъ*, то наша воля свободна, и, слѣдовательно, можно сказать, что человѣкъ самъ отъ себя начинаетъ рядъ дѣйствій и не подчиняется міровой причинности. Вотъ первое доказательство существованія свободы воли: я бы назвалъ его *психологическимъ*.

Но есть еще другое доказательство, которое можно назвать *метафизическимъ* ***); правда, въ наукѣ такъ его не называютъ, но я его на-

*) Буриданъ—извѣстный французскій схоластъ (ум. въ 1350 г.). Въ его сочиненіяхъ этого примѣра не имѣется. По всей вѣроятности, примѣръ съ осломъ приписанъ ему съ цѣлью его осмѣять.

**) Или она обыкновенно называется техническимъ терминомъ liberum arbitrium indifferentiae.

***) Я называю это доказательство *метафизическимъ* не въ томъ презрительномъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется въ обиходной жизни. Я это слово употребляю только потому, что проблема отношенія души къ тѣлу есть по существу *метафизическая*, а потому и доказательство свободы воли, основывающееся на разсмотрѣніи отношенія души къ тѣлу, я называю метафизическимъ.

зываю такъ для отличія отъ другихъ. Мы можемъ предположить, что воля сама отъ себя начинаетъ извѣстныя дѣйствія, т. е. она является первой причиной, она творитъ извѣстныя дѣйствія изъ ничего, что воля обладаетъ *творческой* способностью. Разъ воля творитъ изъ ничего, она не подчиняется всеобщему закону причинности; наше сознаніе, по этой теоріи, можетъ оказывать вліяніе на наше тѣло и производить извѣстное дѣйствіе, само не будучи ни отъ чего зависимо. Если допустить такое воздѣйствіе нашего духа на тѣло, то мы этимъ самымъ допускаемъ, что *воля начинаетъ рядъ дѣйствій сама собой и ни отъ чего не зависитъ*—это значитъ, что она свободна.

Такое доказательство этой теоріи возникло только въ новѣйшее время. Его мы находимъ, напр., у проф. *Лопатина* *).

«Такія причины, — говоритъ Лопатинъ, — которыя отъ себя доподлинно новыя дѣйствія начинаютъ, я называю, самодѣятельными или *творческими*. Весь вопросъ о свободѣ воли сводится къ слѣдующему: Присутствуетъ ли въ нашей личности творческая сила и въ какомъ смыслѣ присутствуетъ»? И дѣйствительно, по его мнѣнію, «наша мысль оказываетъ вліяніе въ качествѣ мысли. Мы должны предположить творческіе переходы въ жизни души». Я не стану разсматривать теоріи пр. Лопатина, а укажу только лишь на то, что, по его теоріи **), духовныя силы какъ бы производятъ какой-то перерывъ въ общей причинности. Онѣ какъ бы вмѣшиваются въ міръ физическихъ явленій, и въ этомъ смыслѣ воля безпричинна или свободна. Она есть нѣчто творческое.

Въ послѣднее время нѣкоторые французскіе математики пытались доказать свободу воли тѣми соображеніями, что *движеніе можетъ созидаться безъ потери силъ*, или что *безъ траты энергіи можетъ быть измѣнено направленіе движенія*.

Смыслъ этого доказательства легко понятенъ. Мы знаемъ, что всякое движеніе происходитъ, благодаря предшествующему движенію; всякое дѣйствіе происходитъ, благодаря предшествующему дѣйствію. Всякое дѣйствіе можно произвести только въ томъ случаѣ, если мы употребимъ извѣстное количество *энергіи*. Это собственно есть особый способъ выраженія для обозначенія того, что *нѣтъ дѣйствія безъ причины*. Если бы мы могли доказать, что на самомъ дѣлѣ можно совершать дѣйствія безъ затраты энергіи, то этимъ самымъ было бы доказано, что это правило допускаетъ исключенія. Вотъ это-то именно и хотѣли доказать французскіе математики: *Курно*, *Сэнъ-Венанъ* и *Буссинэ*.

Математикъ *Курно* доказываетъ, что сила, необходимая для освобожденія движенія, можетъ быть нетолько относительно очень малая, но можетъ обратиться въ нуль. Именно, человѣкъ путемъ послѣдовательныхъ усовершенствованій какой-либо машины можетъ сдѣлать ту

*) См. «Труды Моск. Псих. Общ. О свободѣ воли». М. 1889, стр. 135.

**) Если я ее вѣрно понимаю.

силу, которую употребляетъ рабочій для того, чтобы привести ее въ движеніе, все болѣе или болѣе незначительной. По его мнѣнію, можно себѣ представить возможнымъ случай, когда эта работа могла бы быть равной, въ строгомъ смыслѣ слова, нулю.

Другой ученый, *Сэнъ-Венанъ*, тоже думаетъ, что есть аналогія между дѣйствіемъ воли и механическимъ дѣйствіемъ, которое онъ называетъ разряжающей работой (travail de crochant); онъ сравниваетъ дѣйствіе воли съ работой человѣка, тянущаго крючокъ, который освобождаетъ тяжесть, поднятую на извѣстную высоту и предназначенную вбивать сваи, или съ работой человѣка, который тянетъ курокъ заряженнаго ружья. Въ этихъ случаяхъ мы затрачиваемъ очень мало энергіи, но при этомъ создаемъ большое количество работы. Сэнъ-Венанъ показываетъ, что все большее и большее совершенствованіе механизмовъ можетъ насъ привести къ тому, что эта *разряжающая энергія можетъ быть уменьшаема до безконечности.* Если это справедливо относительно человѣческаго искусства, то существуютъ всѣ основанія допустить, что природа болѣе совершенная, чѣмъ искусство, можетъ дойти до того, что будетъ въ состояніи совершенно уничтожить ее въ одушевленныхъ организмахъ, т. е. что *воля можетъ освобождать движеніе, не затрачивая никакой энергіи.* Представимъ себѣ, что, напр., шаръ произвольной тяжести находится въ состояніи равновѣсія на вершинѣ какого-либо конуса произвольной величины; очевидно, что, чѣмъ совершеннѣе будетъ шаръ въ смыслѣ своей формы, и чѣмъ однороднѣе будетъ масса шара, и чѣмъ острѣе вершина конуса, тѣмъ меньше нужно будетъ работы, чтобы заставить упасть шаръ. Эта работа должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ увеличивается совершенство шара и конуса, такъ что если мы предположимъ, что мы пришли къ *предѣлу совершенства*, то сила разряжающая, т. е. приводящая въ движеніе, тоже придетъ къ своему крайнему предѣлу; она будетъ меньше, чѣмъ всякая данная величина, т. е. она практически будетъ равна *нулю.* Сила, равная нулю, можетъ, однако, производить въ мірѣ очень большія послѣдствія. Точно такимъ же образомъ и воля, по мнѣнію Сэнъ-Венана, не тратя никакой силы, могла бы производить новыя явленія.

Буссинэ приблизительно такимъ же образомъ доказываетъ возможность свободной воли. Онъ думаетъ, что въ нашемъ организмѣ существуютъ пункты, въ которыхъ *нематеріальный принципъ можетъ созидать механическія дѣйствія*, т. е., по его мнѣнію также, сознаніе или воля можетъ производить движенія нашего организма непосредственно, не тратя ни малѣйшаго количества энергіи. Чтобы пояснить это, возьмемъ только-что приведенный примѣръ Сэнъ-Венана.

Вотъ конусъ; на вершинѣ его находится шаръ въ состояніи полнаго покоя. Если шаръ выйдетъ изъ состоянія равновѣсія, то онъ совершитъ только одно движеніе, но можетъ совершить безконечное множество ихъ: онъ можетъ скатиться направо, налѣво, впередъ, назадъ

и т. д., т. е. онъ можетъ совершить милліонъ самыхъ разнообразныхъ движеній. «Во всѣхъ этихъ случаяхъ сила, необходимая для того, чтобы заставить шаръ падать, остается одной и той же. Но слѣдствія будутъ очень различныя. Направляющій принципъ (principe directeur), который изберетъ ту или другую образующую линію конуса (по которой упадетъ шаръ) и который будетъ *направлять* движеніе шара, не создастъ новой энергіи, однако произведетъ извѣстныя реальныя послѣдствія». Другими словами, если мы предположимъ, что необходимо затратить извѣстное количество энергіи для того, чтобы шаръ вышелъ изъ состоянія равновѣсія, то легко понять, что *выборъ* одного изъ многочисленныхъ движеній, которыя можетъ совершить шаръ, можно сдѣлать безъ всякой траты энергіи *).

Точно такимъ же образомъ можно предположить, что въ нашемъ организмѣ бываютъ такія состоянія механической неопредѣленности, когда оказывается возможнымъ произвести множество различныхъ движеній. Тогда вмѣшивается душа, которой принадлежитъ *направляющая* способность, и она, не тратя энергіи, *выбираетъ* то или другое дѣйствіе. Итакъ, отсюда легко понять, что когда извѣстныя движенія нашего организма находятся въ состояніи полной неопредѣленности, то воля, не затрачивая никакой энергіи, можетъ выбрать то или другое движеніе.

Не трудно видѣть различіе между ученіями Курно, Сэнъ-Венана и Буссинэ: Курно допускалъ, что сила, приводящая въ движеніе (разряжающая сила), въ строгомъ смыслѣ слова, можетъ равняться нулю; Сэнъ-Венанъ разсматривалъ ее какъ меньшую, чѣмъ всякая данная, слѣдовательно, какъ равную нулю по отношенію къ произведеннымъ слѣдствіямъ; Буссинэ, наконецъ, думаетъ, что *разряжающая* сила имѣетъ опредѣленную величину, но зато *направляющая* сила въ извѣст-

*) Взглядъ Буссинэ формулируется у Жакэ слѣдующимъ образомъ: «Идея Буссинэ,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться, для доказательства возможности моральной свободы, теоріей хорошо извѣстной у геометровъ подъ именемъ особенныхъ рѣшеній (solutions singulieres) и частный примѣръ котораго составляетъ то, что можно было бы назвать парадоксомъ Пуассона. Согласно этой теоріи, по словамъ Буссинэ, могутъ быть случаи полной механической неопредѣленности, т.-е. случаи, когда движущееся тѣло, придя въ извѣстные пункты, называемые авторомъ *пунктами раздвоенія* (points de bifurcation), могло бы принять два или нѣсколько различныхъ направленій, вполнѣ удовлетворяя какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ математическому уравненію. Могутъ быть случаи, когда тѣло можетъ безразлично или оставаться въ покоѣ, или двигаться впередъ или назадъ, вправо или влѣво, причемъ предшествующее состояніе не опредѣляетъ необходимымъ образомъ одну изъ этихъ гипотезъ, такъ какъ всѣ одинаково удовлетворяютъ всѣмъ принципамъ механики. Такъ что для опредѣленія (determiner) одной изъ этихъ гипотезъ нѣтъ надобности ни въ какой новой работѣ. Такимъ образомъ понятно, что при этомъ предположеніи *дѣйствіе внѣ-физическое, внѣ-механическое можетъ быть слѣдствіемъ какой-нибудь направляющей силы*». Цит. по ук. соч. Фонсегрива, стр. 295.

ныхъ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть равной нулю. Хотя эти доказательства и различны, но изъ нихъ вытекаетъ одинъ и тотъ же выводъ, именно, что вполнѣ мыслимо, что наше сознаніе или воля можетъ оказывать вліяніе на наше тѣло, не тратя при этомъ никакой энергіи; а если это такъ, если воля можетъ сама начать рядъ движеній безъ затраты энергіи, то она, слѣдовательно, свободна и не входитъ въ общій механизмъ вселенной. Это второе доказательство—*метафизическое* *).

Есть еще третье доказательство, именно *моральное*; защитникъ свободы воли въ этомъ смыслѣ говорятъ: «я знаю изъ моего самосознанія, что во мнѣ есть чувство отвѣтственности. Если я совершаю что-нибудь дурное, то меня порицаютъ, и я самъ чувствую раскаяніе при совершеніи подобнаго дѣйствія, когда же поступаю хорошо, то мое дѣйствіе одобряютъ, и я чувствую извѣстное удовлетвореніе. Это именно и есть то, что называется *чувствомъ отвѣтственности*. Если бы мы представили себѣ, что воля наша *не свободна*, что мы являемся лишь простымъ колесомъ въ механизмѣ вселенной, что мы самостоятельно ничего не въ состояніи совершать, что все нами совершаемое есть только лишь продуктъ дѣйствія какой-либо посторонней силы, то мы играли бы роль автоматовъ, подчиняющихся фатальному ходу природы; тогда насъ за наши дѣйствія не стали бы ни порицать, ни одобрять. А разъ у насъ есть чувство отвѣтственности за дурное и за хорошее, значитъ мы *свободны*». Если бы человѣкъ являлся просто пассивнымъ орудіемъ какихъ-либо невѣдомыхъ силъ, то онъ таковымъ чувствомъ не обладалъ бы. Слѣдовательно, существованіе этого чувства показываетъ, что человѣкъ свободенъ, т. е., что онъ *себя* считаетъ главной причиной совершеннаго дѣйствія. Легко видѣть, что эта теорія, хотя и находится въ несомнѣнной связи съ предъидущими, но, тѣмъ не менѣе, нѣсколько своеобразно понимаетъ свободу. Она хочетъ доказать независимость человѣческихъ дѣйствій отъ міровой причинности и для этой цѣли беретъ человѣческое сознаніе, которое *себѣ* приписываетъ совершенное, а не чему-либо постороннему. Эта теорія исходитъ изъ того несомнѣннаго психологическаго факта, что человѣкъ обладаетъ чувствомъ отвѣтственности.

Моральнымъ доказательствомъ свободы воли пользовался, какъ извѣстно, и *Кантъ*.

---

*) См. *Cournot*. «Traité de l'enchainement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire». 1861. *Saint-Venant*. «Conciliation du veritable Determinisme Mecanique avec l'existence de la Vie et de la liberté morale». Paris. 1878. *Boussineq*. «Accord des lois de la mecanique avec la liberté de l'homme dans son action sur la matière». «Contes Rendus». 5 Mars. 1877. Изложеніе этихъ ученій см. у Du Bois Reymond'a «Die Sieben Welträthsel». Lpz. 1891. *Fonsegrive* ук. соч., 293—297. Ср. родственное съ этимъ ученіе Дельбёфа« Determinisme et liberté» «Revue Philosophique», 1882, № 5, 6, 8),

Я не могу, къ сожалѣнію, предложить своимъ читателямъ болѣе или менѣе полнаго изложенія ученія о свободѣ воли у Канта, имѣвшаго такое огромное вліяніе на послѣдующихъ философовъ (Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и др.), потому что оно могло бы завести насъ далеко за предѣлы общедоступнаго изложенія, такъ какъ его ученіе о свободѣ воли находится въ самой тѣсной связи съ его теоретической и моральной философіей. Кромѣ того, оно не свободно отъ противорѣчій и неясностей у самаго Канта; а потому я попытаюсь только въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтить содержаніе Кантовскаго ученія.

Кантъ находитъ, что въ мірѣ, какъ физическомъ, такъ и психическомъ, царитъ законъ причинности; волевыя дѣйствія человѣка не представляютъ исключенія: они тоже подчиняются закону причинности или *необходимости*. Но, тѣмъ не менѣе, Кантъ считаетъ волю человѣка въ извѣстномъ смыслѣ свободной и выводитъ эту *свободу* воли изъ существованія въ насъ нравственнаго закона, имѣющаго чисто *формальный* характеръ. Въ то время, какъ другіе моралисты цѣлью человѣческой жизни или нравственнымъ критеріемъ считали *удовольствіе* или *счастье*, т. е. нѣчто вполнѣ конкретное, Кантъ находилъ, что критеріемъ человѣческаго поведенія нужно считать законъ: «дѣйствуй по такому правилу, относительно котораго ты могъ бы желать, чтобы оно сдѣлалось правиломъ всеобщаго поведенія» *). Такъ какъ этотъ законъ совсѣмъ не говоритъ, какъ именно мы должны дѣйствовать, а только указываетъ намъ *форму*, подъ которую мы должны подводить то или другое дѣйствіе, то спрашивается, откуда получается такое правило, имѣющее *формальный* характеръ? По мнѣнію Канта, оно не можетъ быть получено изъ опыта, а должно имѣть своимъ источникомъ *разумъ* и именно практическій разумъ, какъ еще Кантъ называетъ разумную волю. Слѣдовательно, воля сама себѣ даетъ этотъ законъ, сама себя обязуетъ; значитъ она является первопричиной, слѣдовательно,—она свободна.

Подъ *свободой* Кантъ понимаетъ «способность начинать *отъ себя* рядъ послѣдовательныхъ вещей или состояній» и «независимость нашей воли отъ принужденія чувственныхъ влеченій», «независимость воли отъ всего другого, кромѣ моральнаго закона». Нравственный законъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы въ нашихъ дѣйствіяхъ не опредѣлялись какими-нибудь чувственными влеченіями, данными намъ эмпирически, но опредѣлялись бы совершенно независимо отъ всего эмпирически даннаго. Когда мы собираемся совершить какое-нибудь дѣйствіе, то мы не должны обсуждать его съ точки зрѣнія удовольствія или страданія, которое оно можетъ намъ доставить, а должны лишь разсмотрѣть, удовлетворяетъ ли оно вышеприведенному нравственному закону, который требуетъ, чтобы мы дѣйствовали по такому правилу, которое мы желали бы возвести во всеобщій законъ.

*) Этотъ законъ Кантъ называетъ *категорическимъ императивомъ*, потому что онъ повелѣваетъ *необходимо, безусловно*.

Если это требованіе предъявляется намъ необходимо повелѣвающимъ закономъ разума, то изъ этого слѣдуетъ, что наша воля *можетъ* не подлежать давленію естественныхъ законовъ, что она обладаетъ *способностью опредѣляться сама собою*, что она слѣд. *свободна* (или *автономна*, какъ выразился Кантъ). Нравственный законъ намъ повелѣваетъ; а повелѣваетъ потому, что считаетъ насъ *способными* исполнять ея повелѣнія, другими словами, онъ намъ вмѣняетъ наши дѣйствія; а отсюда мы заключаемъ къ существованію въ насъ свободы. «Моральный законъ,—говоритъ Кантъ,—есть основа познанія свободы. Ибо если бы моральный законъ не былъ нами предварительно ясно мыслимъ, то мы никогда не чувствовали бы себя вправѣ допускать что-нибудь въ родѣ свободы».

Итакъ, въ насъ существуетъ нравственный законъ, который намъ говоритъ, что мы *должны* исполнять его повелѣнія, потому что мы *можемъ* ихъ исполнять. Другими словами, мы *вмѣняемъ* себѣ наши дѣйствія, въ насъ есть *чувство отвѣтственности*, а потому мы *свободны*.

Такъ какъ Кантъ самъ признавалъ, что все въ мірѣ эмпирическомъ подчиняется закону причинности, разумная же воля этой причинности не подчиняется, то онъ долженъ былъ придти къ признанію міра *сверхчувственнаго* и къ тому, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, относящихся къ міру сверхчувственному, человѣкъ свободенъ, а въ дѣйствіяхъ, относящихся къ міру эмпирическому, онъ не свободенъ. Чтобы это оказалось возможнымъ, Кантъ долженъ былъ допустить, что человѣческое существо имѣетъ двѣ стороны. Первая—это все, чѣмъ мы живемъ и принадлежимъ міру эмпирическому, вторая—это та, которая принадлежитъ міру сверхчувственному. Наши дѣйствія опредѣляются *характеромъ эмпирическимъ*, принадлежащимъ нашему чувственному существу, а характеръ эмпирическій находится въ зависимости отъ характера *умопостигаемаго*, принадлежащаго сверхчувственной сторонѣ человѣческаго существа.

Эмпирическій характеръ есть только форма проявленія умопостигаемаго характера, который образуетъ истинную причину волевыхъ рѣшеній человѣка и несетъ отвѣтственность за нихъ. Голосъ этого характера становится слышнымъ въ эмпирическомъ характерѣ посредствомъ *совѣсти*, ибо хотя мы можемъ знать, что наше отдѣльное волевое рѣшеніе слѣдуетъ законамъ природы, но нравственное сознаніе говоритъ намъ, что самъ нашъ эмпирическій характеръ есть проявленіе умопостигаемаго, который вслѣдствіе свободы могъ бы быть другимъ.

Эта теорія Канта *необходимости* человѣческихъ дѣйствій, разсматриваемыхъ эмпирически, и *свободы* съ точки зрѣнія умопостигаемаго міра, съ трудомъ можетъ быть понимаема и съ еще большимъ трудомъ можетъ быть признана. Но мнѣ кажется, что зерно несомнѣнной истины, заключающееся въ этой теоріи, сдѣлается для каждаго конкретно яснымъ, если мы иллюстрируемъ ее при помощи того Платоновскаго миѳа, по

которому, до появленія нашего въ міръ эмпирическій, намъ въ сверхчувственномъ мірѣ какъ будто предлагаютъ избрать извѣстную судьбу, извѣстный характеръ, съ которымъ мы являемся въ міръ земной. Этотъ характеръ опредѣляетъ всѣ наши дѣйствія; все, что мы дѣлаемъ, мы дѣлаемъ благодаря нашему характеру, потому мы и порицаемъ и одобряемъ себя за нашъ характеръ. Обыкновенно мы говоримъ: я совершилъ дурное или хорошее, во всемъ виноватъ мой характеръ, слѣдовательно, мы считаемъ свой характеръ отвѣтственнымъ за наши дѣйствія, мы считаемъ отвѣтственнымъ за извѣстныя дѣйствія свой характеръ, который мы *свободно* избрали въ мірѣ сверхчувственномъ *).

Итакъ, если каждому индивидууму присущъ свой особенный характеръ и въ немъ есть чувство отвѣтственности за свой характеръ или, что то же, за свои дѣйствія, то значитъ онъ свободенъ. Вотъ сущность такъ называемаго *моральнаго* доказательства свободы воли.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ три доказательства, — доказательство первое *психологическое*, что *воля дѣйствуетъ безъ причинъ*. Второе доказательство *метафизическое*, что сознаніе, воля можетъ дѣйствовать на наше тѣло и такимъ образомъ *нарушать общую причинность*. Всякій, конечно, легко можетъ усмотрѣть связь между этими двумя доказательствами. Третье доказательство—моральное, основанное на существованіи у насъ *чувства отвѣтственности*: если бы не было свободы воли, то мы не имѣли бы и чувства отвѣтственности.

Когда мы разсуждаемъ о свободѣ воли, то мы должны знать, о какомъ изъ трехъ доказательствъ идетъ рѣчь. Можно первое признавать, второе и третье отрицать, и наоборотъ, послѣднія два можно признавать, а первое отрицать и т. д. Одни изъ доказательствъ можно отрицать и все-таки оставаться защитникомъ *свободы* воли. Вслѣдствіе того, что смѣшиваютъ три разныхъ пониманія вопроса, и происходятъ безконечные споры.

До сихъ поръ я разсматривалъ воззрѣнія *индетерминистовъ*, т. е. тѣхъ, которые *защищаютъ* свободу воли; теперь я долженъ разсмотрѣть и мнѣнія *детерминистовъ*, т. е. тѣхъ, которые *отрицаютъ* свободу воли; я долженъ разсмотрѣть, какъ возражаютъ противники свободы воли противъ приведенныхъ взглядовъ.

Прежде всего остановлюсь на первомъ, психологическомъ доказательствѣ, будто *воля можетъ дѣйствовать безъ мотивовъ*. Этого не мо-

---

*) О Кантовской теоріи свободы воли см. его «Критику чистаго разума» и «Критику практическаго разума». Наилучшее изложеніе этой теоріи: *Jodl.* Geschichte d. Ethik. II. Band. 1889, стр. 26—38. *Zeller.* Geschichte d. deutschen Philosophie. 1875, стр. 367—372. *Windelband.* Die Geschichte der neuren Philosophie. 1880. B. II, стр. 118 и д. *Виндельбандъ.* Философія Канта. 1893. *Lasswitz.* Die Lehre Kant's von der Idealität des Raumes u. d. Zeit. 1883, стр. 204—224. *Gizycki.* Moralphilosophie, стр. 250—277.

жетъ быть: каждое волевое дѣйствіе должно имѣть опредѣленный мотивъ. Одинъ защитникъ свободы воли, въ доказательство того, что воля можетъ дѣйствовать безъ мотивовъ, заявилъ, что онъ можетъ по произволу поднять *любую* изъ своихъ рукъ и при этомъ поднялъ лѣвую (онъ былъ лѣвша) и этимъ доказалъ, что существуютъ строго опредѣленныя причины, побуждавшія насъ совершать то или другое дѣйствіе и тѣмъ же самымъ доказалъ несвободу воли, желая доказать свободу ея. Разберемъ далѣе примѣръ Рида.—Вотъ двѣ одинаковыхъ монеты: мы беремъ одну изъ нихъ, повидимому, совершенно *безразлично*, безъ всякой причины, но если бы мы стали разбирать это дѣйствіе психологически, то увидѣли бы, что непремѣнно была какая-нибудь причина, почему мы взяли ту монету, а не другую, напр., близость или большее удобство схватыванія и т. п. Примѣръ Буриданова осла совсѣмъ бездоказателенъ, потому что предполагается, что будто бы возможно, что оселъ непремѣнно станетъ на математическую середину между двумя абсолютно одинаковыми стогами сѣна. На это можно сказать, что въ жизни подобные случаи невозможны. Невозможно допустить существованія двухъ абсолютно равныхъ и одинаково привлекательныхъ условій; это не отвѣчаетъ реальной дѣйствительности; но, если бы, на самомъ дѣлѣ, это было возможно, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оселъ дѣйствительно не зналъ бы, что ему дѣлать, и навѣрное на мѣстѣ околѣлъ бы съ голоду.

Еще Лейбницъ очень остроумно высказывался противъ *свободы безразличія*. По его мнѣнію, мы не можемъ быть безразличными: абсолютное равновѣсіе между дѣйствіемъ мотивовъ не можетъ фактически существовать. Гипотеза Буриданова осла практически неосуществима и абсурдна. «Это,—говоритъ Лейбницъ *),—есть фикція, которая не могла бы имѣть мѣста во вселенной и въ порядкѣ міра. По существу вопросъ идетъ о невозможности, развѣ Богъ нарочно создалъ бы ее, потому что вселенная не можетъ быть раздѣлена на двѣ части посредствомъ плоскости, проведенной черезъ середину осла, разрѣзающей его вертикально по длинѣ, чтобы обѣ части могли быть равными и сходными другъ съ другомъ, подобно тому, какъ элипсисъ и всякая другая фигура, которую я называю симметрической (amphidextres), можетъ быть такимъ образомъ раздѣлена пополамъ посредствомъ какой-либо прямой линіи, проходящей черезъ ея середину; ибо ни части вселенной, ни внутренности животнаго не суть сходны и не расположены одинаковымъ образомъ отъ этой вертикальной плоскости. Такъ что существуетъ множество вещей въ ослѣ и внѣ осла, хотя мы ихъ и не замѣчаемъ, которыя заставляютъ осла идти скорѣе въ одну сторону, чѣмъ въ другую».

Пойдемъ дальше. Разсужденіе, что *я могу дѣйствовать по какому угодно мотиву* или безъ мотива, также неправильно. Разберемъ приве-

*) Leibnitz. «Opera philosoph.». Изд. Эрдманна, стр. 517.

денный выше примѣръ: «я могу пойти къ знакомымъ, но могу пойти и въ театръ». Если я желаю доказать свободу воли, то я могу пренебречь болѣе *сильнымъ* мотивомъ (идти въ театръ) и подчиниться болѣе *слабому* мотиву (идти къ знакомымъ): могу пойти къ знакомымъ. Но я этимъ не только не докажу своей свободы воли, а докажу свою несвободу, такъ какъ я теперь дѣйствую подъ вліяніемъ *новаго* мотива—желанія доказать пріятелю, что моя воля свободна. Словомъ сказать, «*поступать* я могу, какъ мнѣ вздумается, а вотъ *хотѣть* какъ вздумается я не могу», и если мы утверждаемъ, что изъ двухъ дѣйствій мы можемъ выбрать по произволу какое-либо одно изъ нихъ, не руководствуясь никакими мотивами, то это происходитъ оттого, что мы не *замѣчаемъ* мотивовъ, руководящихъ нашими дѣйствіями. Мы отрицаемъ существованіе мотивовъ на основаніи показаній нашего самосознанія. Но достовѣрный ли это источникъ? Нѣтъ.

Если мы обратимся къ нашему самосознанію, то этотъ источникъ можетъ оказаться самымъ невѣрнымъ. Чаще всего мы ошибаемся потому, что не можемъ найти причины дѣйствія, мы не сознаемъ мотивовъ нашихъ дѣйствій; но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что такихъ мотивовъ или причинъ вовсе не существуетъ. Справедливо кажется слѣдующее замѣчаніе Бейля: «Магнитная стрѣлка въ силу магнитнаго притяженія направляется постоянно къ сѣверу. Если бы она сознавала свои движенія, не зная ихъ причинъ, то она бы навѣрное сказала, что обращается на сѣверъ потому, что она свободна». «Если бы волчекъ, подгоняемый дѣтьми,—говоритъ Гоббесъ,—обладалъ сознаніемъ своего движенія, то полагалъ бы, что онъ движется согласно своей собственной волѣ. Точно также и человѣкъ говоритъ, что онъ свободенъ потому, что онъ не знаетъ о тѣхъ кнутахъ, которые его погоняютъ». «Если бы камень, падающій на землю,—говоритъ Спиноза,—могъ бы размышлять, то онъ бы думалъ, что падаетъ на землю свободно, потому что онъ не зналъ бы истинной причины своего паденія». Въ такомъ же положеніи находимся и мы: намъ кажется, что если мы *захотимъ*, то дѣйствуемъ такъ, *захотимъ*—дѣйствуемъ иначе; намъ *кажется*, что наши дѣйствія никакими причинами не опредѣляются. Но только что приведенные примѣры ясно показываютъ, что мы не должны обращаться къ нашему самосознанію, потому что оно можетъ насъ обмануть. Итакъ тотъ аргументъ, что воля дѣйствуетъ безъ мотивовъ, безъ причинъ, основанъ на весьма шаткомъ доказательствѣ — нашемъ самосознаніи. Намъ нужны, слѣдовательно, другія докательства.

Остановимся на метафизическомъ, утверждающемъ, что наше сознаніе или воля дѣйствуетъ на наше тѣло. Противники свободы воли говорятъ, что это немыслимо и что на самомъ простомъ примѣрѣ можно это доказать. Что такое сознаніе? Возьмемъ наши желанія, мысли, чувства—все это нѣчто не матеріальное, въ пространствѣ не находящееся и въ пространствѣ не совершающееся. Но какимъ образомъ нѣчто, въ пространствѣ

не находящееся, можетъ дѣйствовать на то, что въ пространствѣ находится, т. е. на тѣло? Сказать, что какая-то психическая энергія можетъ превратиться въ энергію физическую, нельзя. Между явленіями физическими и психическими существуетъ непроходимое различіе, исключающее возможность ихъ взаимодѣйствія. Доказать воздѣйствіе сознанія, воли на наше тѣло мы не можемъ, да и соображеніе французскихъ математиковъ, что, будто бы, воля можетъ производить воздѣйствіе на наше тѣло, не тратя при этомъ совсѣмъ энергіи, кажется совсѣмъ неубѣдительнымъ. Мы видѣли, что, по утвержденію французскихъ математиковъ, *движеніе* или измѣненія *направленія* движенія можетъ быть создано безъ затраты силы; они думаютъ, что сила, необходимая для совершенія произвольнаго движенія, можетъ быть не только относительно очень мала, но можетъ обратиться въ нуль. Но ихъ разсужденіе совершенно неправильно: изъ того, что разрѣшающая сила можетъ быть безконечно *малой*, совсѣмъ нельзя дѣлать того вывода, что она можетъ быть равной *нулю*. «Разрѣшающаяся сила въ сравненіи съ разрѣшенной можетъ быть чрезвычайно мала. Сила размаха крыла вороны, которая приводитъ въ движеніе лавину кажется намъ совсѣмъ ничтожной, по отношенію къ силѣ снѣговой массы, падающей въ долину, т. е. мы можемъ пренебречь силой, равной первой при измѣреніи послѣдней, потому что она не производитъ никакого замѣтнаго вліянія. Однако, какъ ни незначителенъ, разсматриваемый съ долины, размахъ крыла въ сравненіи съ колоссальной силой лавины, но если мы станемъ разсматривать его вблизи, то онъ все-таки остается ударомъ крыла, которому соотвѣтствуетъ опредѣленная тяжесть поднятая на извѣстную высоту. *Разрѣшающая сила сама по себѣ никогда не можетъ быть равной* нулю». Что касается вышеприведенныхъ соображеній Буссинэ, то мы можемъ прямо утверждать, что «никакой «руководящій принципъ» не матеріальной природы не можетъ передвинуть центръ тяжести на вершинѣ конуса ни на малѣйшую величину; при всѣхъ обстоятельствахъ для этого необходима механическая сила, хотя и очень малая» *). «Направляющая сила не можетъ быть разсматриваема равной нулю; нужно большее или меньшее количество силы для того, чтобы заставить шаръ падать направо или налѣво, смотря по положенію источника энергіи». (Фонсегривъ) **).

Толковать о томъ, что вообще могутъ быть *безпричинныя* явленія, противорѣчитъ современной наукѣ. Всѣ явленія и физическія, и пси-

*) *Du Bois Reymond.* Die Sieben Welträthsel 1891 стр. 106—8.

**) См. объ этомъ мою статью: «Къ вопросу о матеріализмѣ». «Міръ Божій», № 8, стр. 18—22. Впрочемъ, я къ этому долженъ прибавить, что нѣкоторые изъ современныхъ выдающихся психологовъ признаютъ возможность воздѣйствія души на тѣло. Поэтому, напр. Штумфъ считаетъ преждевременнымъ отрицаніе свободы воли на томъ основаніи, что, будто бы, душа не можетъ воздѣйствовать на тѣло. См. его «Rede zur Eröpfnung des III Internationalen Congresses für Psychologie» въ «Beilage zur Allgemeine Zeitung». Jahrg. 1896, № 180; ср. съ этимъ Sigwart. «Logik» B. II. 1893, стр. 162 и слѣд., 524 и слѣд.

хическія одинаково подчиняются закону причинности; въ мірѣ психическомъ есть своя причинность, именно психическая: извѣстныя чувства вызываютъ другія чувства; мысли вызываютъ извѣстныя волевыя движенія; между ними существуетъ необходимо извѣстная закономѣрная связь, отрицать которую мы могли бы только у душевно-больного. Этой закономѣрности подчиняются какъ наши внутреннія, такъ и наши внѣшнія дѣйствія.

Кромѣ того, есть цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что человѣческія дѣйствія, его поступки, подчиняются закону, что они необходимы, закономѣрны, законосообразны, совершенно такъ же, какъ явленія въ мірѣ физическомъ. Напр., мы находимъ, что при извѣстныхъ условіяхъ газы сжимаются, вода замерзаетъ, и разъ эти условія наступаютъ, тотчасъ же произойдетъ и сжиманіе, и замерзаніе и проч. Волевыя дѣйствія подчиняются совершенно тому же закону, и извѣстная причина непремѣнно вызываетъ извѣстное дѣйствіе. Это положеніе доказывается такъ называемой *моральной статистикой*, которая опредѣляетъ количество браковъ, рожденій, преступленій, самоубійствъ и т. под. Возьмемъ эти цифры и мы увидимъ, что онѣ доказываютъ *закономѣрность* человѣческихъ дѣйствій, т. е. онѣ доказываютъ, что на извѣстное число жителей приходится извѣстное число опредѣленныхъ дѣйствій и что эти дѣйствія находятся подъ вліяніемъ какихъ-то причинъ и возникаютъ съ такою же *необходимостью*, съ какою ядро вылетаетъ изъ пушки, когда въ ней развиваются газы отъ разложенія пороха. Факты эти были впервые указаны бельгійскимъ ученымъ *Кетле* *). Онъ именно доказалъ, что *волевыя дѣйствія человѣка подчиняются извѣстному закону*. Оказывается изъ его изслѣдованій и (позднѣйшихъ), что при данномъ состояніи извѣстнаго общества ежегодное число браковъ, законныхъ и незаконныхъ рожденій, самоубійствъ, преступленій остается постояннымъ по отношенію къ общему числу населенія. Даже такое психическое явленіе, какъ разсѣянность и забывчивость при надписаніи адреса на письмахъ, совершается однообразно, какъ бы по закону природы. Доказано, что голодъ увеличиваетъ число преступленій, уменьшаетъ число браковъ; сильныя эпидеміи въ родѣ холеры также ихъ уменьшаютъ; по окончаніи эпидеміи они увеличиваются въ той же пропорціи, въ какой они раньше уменьшились. Существуетъ ближайшая связь между движеніемъ преступленій и проступковъ противъ собственности и паденіемъ или возрастаніемъ цѣнъ на рожь. Можно даже предсказать, что если въ извѣстный моментъ цѣна на хлѣбъ поднимется на нѣсколько копѣекъ, то и количество преступленій *непремѣнно* увеличится на извѣстную цифру. Это показываетъ, съ какой необходимостью происходятъ человѣческія дѣй-

*) *Quetelet.* «Sur l'homme et le developpement de ses facultés ou Essais de physique Social». 1836. На русск. яз. о моральной статистикѣ см. *Майеръ*. «Законосообразности въ общественной жизни». 1884.

ствія. Мнѣ, напр., кажется, что я *могу красть, могу и не красть*, мнѣ кажется, что это продуктъ моей собственной воли. Оказывается, нѣтъ. Есть силы, которыя меня толкаютъ на преступленія, есть опредѣленныя причины, направляющія мое волевое дѣйствіе.

Особенно интересны цифры *самоубійствъ*. Намъ кажется, что это актъ совершенно произвольный, продуктъ нашей свободной воли; также произвольнымъ намъ кажется и выборъ средствъ, которымъ можно лишить себя жизни—хочу брошусь въ воду, хочу приму ядъ, хочу повѣшусь, употреблю огнестрѣльное оружіе или холодное. Но посмотримъ, что показываютъ намъ цифры. У Морселли собраны цифры за періодъ отъ 1858—1878 гг. Въ Англіи на 1 милл. жителей каждый годъ приходится слѣдующее количество самоубійствъ: 66; 64; 70; 68; 65; 64; 67; 64; 67; 64, и т. д. Цифры эти до такой степени однообразны, что мы можемъ, напр., на основаніи цифръ 1874 г. предсказать цифру самоубійствъ въ 1875 г. Даже по отношенію къ числу *средствъ* самоубійствъ—какъ вода, веревка, огнестрѣльное оружіе и проч. царитъ удивительная правильность и однообразіе. Напр., при помощи огнестрѣльнаго оружія лишило себя жизни въ тотъ же періодъ на то же количество жителей слѣдующее число лицъ: 3; 3; 3; 3; 3; 3; 3; 3; 3; 3; 5; 3; 3; 3; 2; 3; 4; 3; 3; при помощи яда: 6; 6; 6; 8; 8; 8; 6; 6; 6; 7; 7; 6; 6; 6; 6; 7; 7. Однообразіе и здѣсь поразительное. Обратимъ далѣе вниманіе на такое явленіе, какъ разводъ. Разумѣется, всякій скажетъ, что разводъ есть продуктъ нашей воли, нашего выбора. Но оказывается, что и здѣсь царитъ удивительное однообразіе по годамъ и по странамъ. Цифры колеблятся совсѣмъ незначительно. Если мы возьмемъ страны, гдѣ брачное законодательство долгое время остается неизмѣннымъ, тамъ и число незаконнорожденныхъ очень однообразно; во Франціи за 9 пятилѣтій въ періодъ отъ 1831—1870 г. на 100 рожденій приходится незаконнорожденныхъ 7,36; 7,42; 7,15; 7,16 и т. д.—однообразіе, которое всякому безпристрастному изслѣдователю должно казаться изумительнымъ *). Выходитъ, что дѣйствіе, которое мы считаемъ произвольнымъ, на самомъ дѣлѣ подчиняется такому же закону, какъ и все въ мірѣ физическомъ. Кетле съ полнымъ правомъ могъ сказать: «Существуетъ бюджетъ, пополняемый съ ужасною правильностью—это бюджетъ тюремъ, остроговъ, эшафотовъ. И всякій годъ, говоритъ Кетле, цифры подтверждали мои предсказанія съ такою правильностью, что я могъ бы выразиться нѣсколько точнѣе: существуетъ *налогъ*, который уплачивается человѣкомъ аккуратнѣе, чѣмъ налогъ, уплачиваемый государственному казначейству. Это—налогъ, уплачиваемый имъ преступленію. Мы можемъ заранѣе вычислить, сколько лицъ обагритъ свои руки въ крови ближнихъ, сколько лицъ совершатъ подлоги, сколько лицъ прибѣгнетъ къ отравѣ, точно также, какъ можемъ заранѣе вычислить число рожденій и смертныхъ случаевъ».

*) Цит. по *Gizycki*. 1888, «Moralphilosophie», стр. 198—201.

Нѣтъ сомнѣнія, слѣдовательно, что дѣйствія наши не суть продукты свободной воли, а они необходимы такъ же, какъ явленія въ мірѣ физическомъ: и если мы думаемъ, что мы совершаемъ дѣйствія произвольно, то *мы* ошибаемся, на самомъ дѣлѣ нами что-то повелѣваетъ. Сказать, что мы повелѣваемъ своими дѣйствіями, это все равно, что сказать, что мы свободно носимся въ небесномъ пространствѣ, въ то время какъ въ дѣйствительности не мы носимся, а наша планета и вмѣстѣ съ нею мы. Мы воображаемъ, что *мы* свободно совершаемъ наши дѣйствія, на самомъ дѣлѣ волны міровыхъ событій увлекаютъ насъ: въ этой жизни мы являемся лишь жалкими автоматами. Мы мечтаемъ о томъ, чтобы двигать исторію, а на самомъ дѣлѣ насъ приводятъ въ движеніе стихійныя силы. И трагизмъ нашего положенія увеличивается еще отъ того, что мы чувствуемъ свободу, мы даже гордимся мнимой свободой, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности мы являемся лишь игрушкой въ рукахъ стихій.

Вотъ грустныя размышленія, къ которымъ приводятъ только что разсмотрѣнные факты. Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ, справедливы ли они.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Прости! Онъ близокъ, часъ разлуки...
Я уношу съ собою вдаль
Тобой осмѣянныя муки,
Тобой зажженную печаль.

И знаешь ты, что я, тоскуя,
Въ тиши родныхъ моихъ степей
Все буду жаждать поцѣлуя
И лжи ласкающихъ рѣчей.

Такъ иногда,—мечты созданье,—
Приноситъ призракъ роковой
Непобѣдимое страданье
Непобѣдимой красотой.

Вл. Ладыженскій.

ТЯЖЕЛЫЙ ВОПРОСЪ.

(Повѣсть).

Глава первая.

I.

Александръ Ивановичъ не успѣлъ переступить еще черезъ порогъ своего деревенскаго дома, какъ дверь въ переднюю быстро отворилась и онъ попалъ прямо въ объятія своей жены. Онъ съ любовью прижалъ къ себѣ ея молодое, отдававшее свѣжестью сквозь тонкій пеньюаръ, тѣло и два раза поцѣловалъ ее въ крупныя губы.

— А я ждала тебя не раньше, какъ часовъ въ двѣнадцать,— была она въ силахъ, наконецъ, сказать.

— Нѣтъ, Надя, я нарочно раньше выѣхалъ, чтобы успѣть проѣхать холодкомъ и не заморить лошадей.

Они прошли въ его кабинетъ. Соловцовъ любилъ эту комнату съ строгимъ стилемъ рѣзной мебели изъ чернаго дуба. Окна въ садъ были открыты и сладкій запахъ цвѣтущихъ липъ несся оттуда. Александръ Ивановичъ подошелъ къ письменному столу, на которомъ аккуратно были сложены рапортички старосты за нѣсколько дней его отсутствія. Надежда Васильевна усѣлась на большой турецкій диванъ и приготовилась слушать.

— Ну, что тебѣ разсказать новаго?—началъ онъ, вынимая изъ кармана своего сѣраго клѣтчатаго костюма портсигаръ, бумажникъ, часы, связку ключей,—въ городѣ пыль и духота невыносимая. Марья Николаевна просила тебѣ кланяться, я обѣдалъ вчера у нихъ. Какъ ихъ мальчишка выросъ, просто узнать нельзя. Бѣлокурый, такой живой и также все головой помогаетъ себѣ бѣжать, какъ, бывало, наша Варя...

Надежда Васильевна низко опустила голову и начала играть кисточкой подушки. Глаза ея какъ-то разомъ потемнѣли.

— Да,—продолжалъ Александръ Ивановичъ, открывая и за-

крывая ящики стола,—жить было бы тамъ невыносимо. Товарищъ прокурора, который на съѣздѣ былъ, очень милый человѣкъ, анекдотистъ, пріятный партнеръ...

— Что, въ гостинницѣ покойно тебѣ было?

— Ничего, чисто, только мухи по утрамъ надоѣдали.

— Я, Саша, безъ тебя кутила.

— Какъ такъ?

— Ѣздила съ Лаврентьичемъ и Таней въ поле. Рожь ужъ колоситься начала, но овесъ, овесъ удивительный!...

— Дай Богъ, только убраться. Барометръ что?

— Все направо идетъ.

— Славу Богу! Ахъ да, чуть не забылъ тебѣ сказать,—Селиверстовъ съ женой разводится.

— Неужели, вѣдь они такъ хорошо жили?

— Увлекся гувернанткой, этой здоровой нѣмкой, которую мы видѣли у Маріи Николаевны на Пасхѣ, и чортъ знаетъ, что началъ выдѣлывать.

— Не понимаю я этихъ людей!—воскликнула Надежда Васильевна,—положительно, не понимаю! Неужели они не могутъ удержаться и пересилить себя? Я часто думаю, Саша, что это можетъ быть отъ того, что эти люди не по любви сходятся.

— Полно! Селиверстовъ страстно любилъ свою жену.

— Вотъ этой страсти-то, Саша, и не надо! У нихъ не любовь, а увлеченіе. Увлеченіе проходитъ и, конечно, семья должна распасться. Мнѣ бываетъ грустно думать, что вся жизнь человѣка создана для этого. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе: молодая дѣвушка и молодой человѣкъ любятъ другъ друга. Вотъ они одна семья, дѣти, радости общія, общее горе... Кажется, тутъ-то бы и работать, тутъ-то и распуститься всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ—цѣль достигнута, существованіе не пройдетъ безслѣдно... Глядишь, какъ разъ наоборотъ: полная апатія, скука, тоска и исканіе новаго предмета для удовлетворенія своихъ желаній. Воля твоя, это ненормально!

— Надя,—сказалъ Соловцовъ, подходя и обнимая жену,—для насъ все это чуждо. Мы съ тобой уже девять лѣтъ, какъ живемъ безвыѣздно здѣсь, въ Богородскомъ, и наша жизнь все также свѣтла и безмятежна, только ты иногда нападаешь на меня.

— За что, милый, за что?

— Что я много сахару кладу въ чай...—расхохотался здоровымъ смѣхомъ Александръ Ивановичъ.

— Милый мой, милый! —ласкала она его.

— Ну, теперь я пойду почиститься съ дороги въ уборную, я весь въ пыли, а тамъ по хозяйству, а ты, Надя, распорядись о завтракѣ,— сказалъ Александръ Ивановичъ, проходя въ спальню.

Опущенныя занавѣски чуть-чуть колыхались отъ надувающаго ихъ вѣтерка и въ спальнѣ было прохладно и пріятно. Александръ Ивановичъ подошелъ къ зеркалу и взглянулъ въ него. Изъ серебряной рамы на него смотрѣло красивое лицо съ сѣрыми глазами и большой русой бородой. Волосы на головѣ онъ стригъ лѣтомъ всегда коротко. Морщинъ на лицѣ не было, только на лбу легли три борозды отъ привычки съ дѣтства поднимать брови при разговорѣ. Глаза сегодня смотрѣли устало. Александръ Ивановичъ началъ раздѣваться и черезъ минуту Надежда Васильевна, все еще сидѣвшая на диванѣ, услыхала его фырканіе и звуки льющейся воды.

— Надечка! —крикнулъ онъ ей изъ спальни.—Надя, прикажи Никанору дать тебѣ почту, пусть у кучера возьметъ, тамъ тебѣ письмо есть, совсѣмъ забылъ сказать.

Надежда Васильевна встала и легкой и красивой походкой, такъ гармонировавшей съ ея стройной, высокой фигурой, вышла изъ кабинета.

II.

Садъ трепеталъ и млѣлъ подъ горячими лучами солнца. Дорожки, посыпанныя пескомъ, бѣжали внизъ къ рѣкѣ, блестѣвшей, какъ стекло. По ту сторону рѣки видна была пестрая шашечница полей, которыми любовался теперь, сидя на балконѣ послѣ завтрака, Соловцовъ. Бесѣда со старостой, пришедшимъ какъ разъ во время завтрака, была окончена, и сердце Александра Ивановича было полно тихой радостью. Хозяйство шло какъ заведенная машина, урожай обѣщалъ быть прекраснымъ и, наконецъ, беркширская свинья, предметъ многочисленныхъ заботъ, принесла цѣлую кучу поросятъ. Староста очень хвалилъ ихъ, а это значило очень много, такъ какъ онъ относился сначала недовѣрчиво къ затѣямъ своего барина.

Надежда Васильевна ушла на птичій дворъ—ея царство, гдѣ цѣлые дни шелъ веселый гомонъ, прерываемый громкими криками пѣтуховъ.

Александръ Ивановичъ подошелъ къ столу свернуть себѣ папиросу и замѣтилъ, что нераспечатанная почта продолжала все лежать на томъ мѣстѣ, гдѣ ее положила его жена. Онъ закурилъ папиросу, сорвалъ бандероль съ газеты и началъ пробѣгать отдѣлъ политическихъ извѣстій. На двухъ столбцахъ трактовалось, что Англія стремится овладѣть какими-то колоніями, но тройственный союзъ, конечно, не допуститъ этого.

— Какое мнѣ дѣло до всего этого,—думалъ Александръ Ивановичъ въ то время, какъ глаза его перебѣгали съ одной строчки

на другую,—меня гораздо больше интересуетъ гречиха, чѣмъ Англія со всѣмъ тройственнымъ союзомъ.

На второй страницѣ описывались какія-то торжества, третья была посвящена опереткѣ и балету — отъ всего пахло тоской, затхлостью петербургскаго чиновника, рѣшившагося лѣтомъ полиберальничать.

Александръ Ивановичъ отбросилъ газету. Взглядъ его упалъ на письмо съ заграничной маркой, адресованное его женѣ.

— Гм... отъ кого бы это?—думалъ онъ, вертя его въ рукѣ. Марка была итальянская, а на задней сторонѣ виднѣлись двѣ переплетенныя буквы П. и Н.

Мысли его, задержанныя письмомъ, повернулись опять къ деревнѣ и цѣлый калейдоскопъ будущаго завертѣлся передъ нимъ.

— А что дѣлаетъ мой симентальскій быкъ?—думалъ онъ,—я такъ и не спросилъ про него. Значитъ здоровъ, иначе бы староста сказалъ что-нибудь.—Вспомнился ему разсказъ того же старосты про работника Фоку, бойкаго малаго, котораго приходилось уволить, такъ какъ онъ оказался воромъ. Кто бы могъ это подумать? У него такое открытое, честное лицо, онъ всегда былъ такъ услужливъ и изъ всѣхъ рабочихъ одинъ рѣшился сѣсть на вновь выписанную жнею. Стукъ закрываемаго окна заставилъ его вздрогнуть и повернуть голову. Таня, горничная его жены, предметъ вѣчныхъ вздоховъ кучеровъ и рабочихъ, старалась запереть раму на крючокъ.

— Гдѣ барыня?—спросилъ онъ.

— Одѣваются, сейчасъ выйдутъ,—тоненькимъ голоскомъ пропищала она и скрылась.

Дѣйствительно, черезъ минуту на порогѣ балкона показалась Надежда Васильевна. Ея густыя темныя косы красиво оттѣняли ея чисто русское лицо, а строгіе глаза смѣялись и радовались. На ней сидѣло ловко сшитое бѣлое платье съ вѣтками сирени, нѣжно лиловаго цвѣта. Вся она дышала свѣжестью, молодостью и здоровьемъ.

— Надя, прочти письмо,—сказалъ Соловцовъ, протягивая ей конвертъ.

Она взяла конвертъ, съ усиліемъ разорвала толстую бумагу, при чемъ губы ея чуть-чуть раскрылись, на минуту показавъ рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ.

— Это отъ Павлы Нератовой,—произнесла она, взглянувъ на подпись.

— А, вѣрная, вѣчная подруга невидимка, съ которой вы переписываетесь, сами не зная о чемъ....

— Саша!...

— Ну, читай, читай!

Надежда Васильевна подвинула себѣ стулъ, положила руки на столъ и, поднеся листокъ къ глазамъ, прочла внимавшему ей мужу слѣдующія строки:

„Дорогая Надя! Вчера закрылись двери театра и сезонъ окончился къ великому огорченію публики, по словамъ рецензентовъ, и къ великой радости артистовъ, къ которымъ имѣю честь принадлежать и я. Вчера я спѣла свою Карменъ, была убита и убита вплоть до сентября мѣсяца, когда опять, въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, буду доказывать, что любовь—преходящее чувство и что по вечерамъ меня можно видѣть въ Лилась-Пастіа. Неаполь мнѣ окончательно опротивѣлъ, а мой обожатель, графъ Мендоза-ди-Ботелло, еще болѣе. Это невыносимо скучный и скупой человѣкъ! Цѣлые дни онъ сидитъ около меня, покидая для сего свое родовое помѣстье, про которое разсказываетъ чудеса, но которое, вѣроятно, не больше ладони. Днемъ на Santa-Lucia стоитъ крикъ, который раздражаетъ меня до невозможности: кричатъ мальчишки, торговцы, ослы и продавщицы апельсиновъ. Все это кричитъ, поетъ, споритъ до вечера, когда разомъ наступаетъ тишина, только вѣчно неугомонное море поетъ свою пѣсню, забытую радость силится вспомнить, да Везувій изрѣдка освѣтится багровымъ пламенемъ. Гулко раздаются шаги прохожихъ по каменнымъ плитамъ все тише, тише, но вотъ гдѣ-то прозвучала гитара, за ней мандолина и бойкая живая пѣсня уже звучитъ подъ арками, а море... море шумитъ попрежнему. Вечера дивно хороши, но мой графъ страдаетъ ревматизмами, боится получить болотную лихорадку и запираетъ меня наглухо. Хочется удрать отсюда, услышать живую, родную рѣчь и подышать воздухомъ своихъ полей. Думала я, Надя, и рѣшилась обратиться къ тебѣ и твоему мужу съ просьбой (хотя я его не знаю, но онъ проститъ мою смѣлость) принять меня на лѣто къ себѣ, въ ваше Богородское. Приголубьте меня, дорогіе мои, и не откажите въ моей просьбѣ.

„Жду вашего отвѣта. Слышу кашель графа и желаю ему упасть на лѣстницѣ. Цѣлую тебя, Надя, тысячу разъ и надѣюсь скоро обнять тебя. Остаюсь твоя Павла Нератова“.

— Какая она остроумная! — сказала Надежда Васильевна, складывая листокъ.

— Да,—произнесъ задумчиво Словцовъ,—вотъ на поди, теперь отвѣчай ей.

— Пригласимъ ее, Саша,—робко сказала Надежди Васильевна. не глядя на мужа.

— Чортъ ее знаетъ!

— Саша!..

— Да, чортъ ее знаетъ, шлялась тамъ по за границамъ и вдругъ потянуло домой. И потомъ, съ другой стороны, посторон-

ній человѣкъ всегда между нами, мало ли о чемъ иногда нужно переговорить... А, впрочемъ, какъ знаешь, если хочешь, пусть пріѣзжаетъ, а то ей скучно тамъ, а тебѣ здѣсь...

— Какъ тебѣ не стыдно!

— Нисколько!

— Такъ писать ей?—вопросительно протянула она.

— Пиши!—кивнулъ ей Александръ Ивановичъ и, спустившись въ садъ черезъ боковую калитку, направился во дворъ, гдѣ уже давно поджидали его бѣговыя дрожки и слышно было, какъ лошадь стучала копытами, отбиваясь отъ надоѣдавшихъ ей оводовъ.

III.

Человѣкъ внесъ и поставилъ большое блюдо дымящихся раковъ на столъ.

Василій Николаевичъ Глушевичъ съ любовью посмотрѣлъ на нихъ и протянулъ свою тарелку Надеждѣ Васильевнѣ.

— Матушка,—пропѣлъ онъ ей густымъ низкимъ баритономъ,—вы хотите заставить меня пасть передъ вами на колѣни, что, при моей толщинѣ, подвигъ значительный,—и толстое лицо его, обрамленное сѣдой бородой, покраснѣло и добродушно осклабилось.

— Отчего—усмѣхнулся Александръ Ивановичъ.

— Раки — да это предметъ моего обожанія, единственная страсть, которая осталась у меня въ мои годы.

— А музыка?

— Ну, музыка, батюшка, ее никогда тутъ не услышишь, развѣ пьяный мужикъ около кабака пропоетъ: „Нигдѣ милаго не вижу“...

— Вотъ и ошибаетесь, Василій Николаевичъ,—воскликнула Надежда Васильевна,—скоро услышите пѣніе, да еще какое!

— Что вы, матушка?—откликнулся Глушевичъ,—да откуда?

— Къ намъ пріѣдетъ одна моя подруга Нератова, сейчасъ она только кончила сезонъ въ Неаполѣ.

— Поетъ она Casta diva?—забезпокоился Глушевичъ.

— Ну, этого не знаю ужъ,—разсмѣялась Надежда Васильевна.

Человѣкъ убралъ пустое блюдо и перемѣнилъ тарелки.

— Опять въ сегодняшнихъ газетахъ оправдательный приговоръ, — началъ Глушевичъ, наливая себѣ объемистый стаканъ краснаго вина,—это просто возмутительно! Только подлецовъ на свободу выпускаютъ; намъ, честнымъ, жить скоро нельзя будетъ.

— Что же, по вашему, взять да и уничтожить присяжныхъ, уничтожить всесословность суда?

— Зачѣмъ, зачѣмъ... Но посудите сами: какая-нибудь слож-

ная драма можетъ ли быть понятна мужику и, наоборотъ, хотя мы теоретически и знаемъ, что конокрадство—ужасный бичъ, но судить его могутъ только крестьяне. Защита у насъ тоже поставлена безобразно, не даромъ мужики говорятъ: адвокатъ—нанятая совѣсть.

— Но развѣ, Василій Николаевичъ, не бываетъ иногда случаевъ, когда языкъ не повернется у васъ сказать, что человѣкъ виноватъ?—спросила Надежда Васильевна, кладя на тарелку Глушевичу большой кусокъ сочной телятины и передавая ему салатъ.—Не вы ли сами горой стояли тогда за Дубинина, убившаго свою жену.

— Такъ, вѣдь, изъ ревности, голубушка, изъ ревности, это другое дѣло,—кричалъ Глушевичъ съ полнымъ ртомъ.

— Надя,—сказалъ Александръ Ивановичъ,—бываютъ случаи, когда двумъ людямъ нѣтъ мѣста на землѣ. Одному нужно погибнуть...

— Зачѣмъ погибнуть, зачѣмъ!—воскликнула съ мгновенно заискрившимися глазами жена Александра Ивановича:—не погибнуть, а перейти въ другую, въ другую... какъ бы это сказать?...—въ другую полосу жизни. Не лишать жизни другого, не лишать жизни самаго себя,—человѣкъ не имѣетъ права на это. Если онъ можетъ оказать кому-нибудь пользу, поднять хоть одну надломленную силу, онъ долженъ, онъ обязанъ жить... И не жалѣйте, Василій Николаевичъ, что насъ судитъ „улица", какъ вы выражаетесь. На улицу мы бѣжимъ, когда у насъ въ домѣ несчастье, на улицѣ мы встрѣчаемъ сочувствующихъ намъ людей и помощь... Не грустите, Василій Николаевичъ, и не падайте духомъ, жизнь такъ хороша, — и лицо ея, освѣщенное внутреннимъ блескомъ, было такъ привлекательно, что Глушевичъ всталъ и, переваливаясь, обошелъ столъ и прижался къ ея рукѣ.

— Умница вы моя!—пропѣлъ онъ.

— Да, жизнь дѣйствительно хороша,—повторилъ Александръ Ивановичъ, съ теплымъ, искреннимъ чувствомъ глядя на жену.—Помнишь, Надя, какъ прекрасно выражена эта мысль у Гёте. Человѣкъ въ самую тяжелую минуту всегда можетъ найти себѣ утѣшеніе, и Вильгельму Мейстеру, когда онъ умиралъ, было жаль покидать далекія блестящія звѣзды...

Косыя тѣни легли на цвѣтникъ передъ домомъ. Въ воздухѣ начало свѣжѣть. Глушевичъ всталъ и началъ прощаться.

— Мы васъ проводимъ,—сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Мои лошади у парома ждутъ меня. Надо на лодкѣ ѣхать.

— Не боитесь? – сказала Надежда Васильевна.

— Кому суждено сгорѣть, тотъ не утонетъ.

IV.

Колокольчикъ тройки Глушевича постепенно замолкалъ въ то время, какъ лодка, подъ сильными ударами веселъ Александра Ивановича, двигалась обратно къ Богородскому. Яркій круглый мѣсяцъ, прорывая мѣстами густыя ракиты, склонившіяся надъ рѣкой, съ обѣихъ сторонъ покрывалъ гладь рѣки точно серебромъ. Въ воздухѣ было совершенно тихо, только слышно было, какъ вода бѣжала по сторонамъ лодки. Яркія звѣзды ласково мигали.

Александръ Ивановичъ сложилъ весла и лодка тихо поплыла по теченію.

Надежда Васильевна сидѣла, не двигаясь, только лицо ея сдѣлалось блѣднымъ отъ свѣта мѣсяца и глаза смотрѣли таинственно. Александръ Ивановичъ и Надежда Васильевна молчали, точно боясь нарушить эту тишину. На душѣ у нихъ сдѣлалось грустно, хотя, въ сущности, жалѣть и грустить имъ было не о чемъ. Александру Ивановичу почему-то вспомнилось то чувство страха, которое онъ испытывалъ въ дѣтствѣ, когда мать брала его за руку и гуляла съ нимъ вечеромъ по саду. Каждый кустъ казался ему страшнымъ чудовищемъ, въ аллеяхъ грозила опасность, только на полянахъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ, было хорошо. А затѣмъ? Пріѣхалъ онъ сюда студентомъ, также катался по рѣкѣ съ товарищемъ,—гдѣ-то онъ теперь? Но они не хранили тишину, напротивъ, фантастическое освѣщеніе поднимало ихъ нервы и заставляло говорить и мечтать. Тогда еще вѣрилось во все хорошее, думалось, что дружнымъ усиліемъ можно передѣлать міръ и зажить по новому. Много было въ этихъ мечтахъ несбыточнаго, но хорошія чувства любви, долга и нравственности порождали ихъ. Смѣлыя рѣчи неслись по рѣкѣ, старыя ракиты неодобрительно кивали головами и рѣка морщилась отъ набѣгавшаго вѣтерка. Вспомнилась Александру Ивановичу ночь, когда онъ, послѣ университета, похоронивъ отца и мать, пріѣхалъ сюда передъ вечеромъ и рѣшилъ поселиться въ деревнѣ на всю жизнь. Одиноко прошелся онъ по дорожкамъ, присѣлъ на скамью надъ рѣкой, да такъ и просидѣлъ до утра, не замѣчая, что мысли давно уже ушли, звѣзды начали блѣднѣть и исчезать одна за другой, а востокъ разгорался все ярче и ярче. Звонкое ржаніе жеребенка на сосѣднемъ лугу заставило его придти въ себя, встать съ посырѣйшей и похолодѣвшей скамьи и зашагать домой...

Надежда Васильевна, машинально опустивъ руку въ воду, смотрѣла, какъ блестящія капли сбѣгали съ ея пальцевъ. Лунный свѣтъ и на нее навѣялъ воспоминанія. Помнитъ она ту ночь въ небольшомъ городѣ, гдѣ въ саду, въ бесѣдкѣ услыхала она впервые слова любви. Городъ замеръ. Изрѣдка задребезжатъ дрожки,

да прозвучитъ гармоника или скрипъ калитки... Вся она дрожитъ и трепещетъ отъ страха, придетъ онъ, или нѣтъ... Но вотъ въ кустѣ черемухи робко, словно пробуя свои силы, запѣлъ соловей. Боясь дышать, она сидѣла, не шевелясь, и слушала царя ночи. Вотъ гдѣ-то раздались шаги... ближе... ближе...

— Надя?!...

— Здѣсь я, здѣсь, милый, дорогой!..

Онъ обнимаетъ, цѣлуетъ ее, смотритъ въ ея освѣщенное мѣсяцемъ лицо.

— Саша, мой Саша!..

А соловей все смѣлѣе и смѣлѣе поетъ свою пѣсню, точно старается убѣдить ихъ въ томъ, что нѣтъ лучше этой ночи, этого сада, этой луны...

Лодка тихо подошла къ бѣлѣвшей пристани. Александръ Ивановичъ привязалъ ее, помогъ женѣ выйти и, взявъ ее за талію, повелъ къ дому. Она прижималась къ нему, чувствуя въ немъ свою опору, свою защиту, навсегда, на всю жизнь.

Цвѣтникъ, освѣжаемый росой, наполнялъ воздухъ благоуханіемъ. Цвѣты курили фиміамъ этой чудной ночи, этому мѣсяцу, который такъ кротко глядѣлъ на нихъ съ темнаго, темнаго неба. Александръ Ивановичъ и Надежда Васильевна остановились на одинъ мигъ на террасѣ. Все было тихо, все спало кругомъ, только гдѣ-то далеко, далеко лаяла однозвучно собака.

— Какъ хорошо!—полной грудью вздохнулъ Соловцовъ, глядя на жену.

— Милый, милый!—прижималась она къ нему.

— А теперь спать,—сказалъ онъ, уводя ее въ комнаты и закрывая за собой дверь на балконъ.

Глава вторая.

I.

Мелкій, упрямый дождь съ утра моросилъ и окутывалъ всю мѣстность. Почтовый поѣздъ съ синими вагонами перваго класса и коричневыми второго, весь мокрый и съ слезящимися стеклами оконъ, подошелъ къ платформѣ станціи „Кругловка“.

— Станція Кругловка! Станція Кругловка!—монотонно сонным голосомъ повторялъ высокій благообразный кондукторъ, чувствуя въ то же время, какъ дождь назойливо пробирается ему за воротникъ и бьетъ въ лицо.

Надежда Васильевна въ старой поношенной тальмѣ и фетровой шляпѣ стояла на дебаркадерѣ и глаза ея пытливо перебѣгали отъ одного вагона къ другому.

— Не пріѣхала!.. Вѣроятно, съ слѣдующимъ поѣздомъ пріѣдетъ,—думала она и хотѣла уже повернуться и идти назадъ, какъ кто-то схватилъ ее за плечи, началъ тискать и цѣловать.

— Паля!—воскликнула она, называя Нератову старымъ институтскимъ прозвищемъ.

— Она самая,—хохотала та, прищуривая темные, почти черные глаза и сверкая зубами.

— Ты все такая же, — ласково проговорила Надежда Васильевна,—тотъ же красивый римскій носъ, та же свѣжесть...

— Гдѣ моя юность, гдѣ моя свѣжесть?..—комически продекламировала Нератова, насупливая густыя черныя брови.

— Ну, что твой мужъ не сердится, не ворчитъ за мой пріѣздъ?—продолжала она болтать, показывая рукой носильщику, чтобы проносили вещи въ помѣщеніе станціи.

— Сакъ желтый взялъ?.. Такъ, не сердится?.. А я моего графа такъ надула, что просто страсть: назначила свиданіе ему вечеромъ, въ ночь собралась и удрала. У васъ всегда тутъ такая погода?

Гулко задребезжалъ звонокъ подъ привычной рукой сторожа.

— Ѣдемъ, ѣдемъ!—торопила Нератову Надежда Васильевна,—что намъ подъ дождемъ мокнуть!

— Ѣдемъ. Куда идти? сюда?

Нератова проскользнула въ дверь и черезъ секунду уже ея маленькая, стройная живая фигура въ сѣромъ клѣтчатомъ дорожномъ пальто суетилась около коляски. Кучеръ Антипъ, не поворачивая головы, съ трудомъ сдерживалъ пару лошадей, запряженныхъ въ помѣстительную коляску съ поднятымъ верхомъ. Вещи были уложены, подруги усѣлись и лошади, звучно шлепая ногами по грязи и лужамъ, вынесли экипажъ на шоссе.

Обѣ подруги снова принялись цѣловаться и жать другъ другу руки.

— Милая, какъ я рада, что ты пріѣхала!—говорила Надежда Васильевна.

— Я такъ довольна, такъ довольна, что могла бросить Италію съ ея нѣмцами, музыкальными разговорами и чужой рѣчью. Мнѣ кажется, что русскій человѣкъ только тогда силенъ и крѣпокъ, когда онъ дома, и русская женщина можетъ полюбить только русскаго.

— По поводу русскаго: помнишь Кондратьева? Нашего учителя русскаго языка? Я какъ-то встрѣтила его въ городѣ, старый сталъ, но все-таки носитъ лорнетъ на черной лентѣ...

— Что мы считали послѣднимъ словомъ изящества?—засмѣялась Павла Николаевна.—Далеко еще намъ ѣхать?

— Версты четыре.

Павла Николаевна начала разсказывать про себя и свои похожденія. Въ ея рѣчахъ было много остроумія, находчивости, живости, много интересныхъ парадоксовъ, но видно было, что жизнь какъ-то скользила по ней, не оставляя глубокаго слѣда. Слушавшему ея рѣчи невольно приходило въ голову, что хотя она много видѣла и испытала, но настоящей жизни, т.-е. цѣпи будничныхъ невзгодъ и радостей—она не знаетъ. Надежда Васильевна ровно и тихо передавала ей свое житье-бытье, но, къ удивленію своему, она, за исключеніемъ смерти дочери, не нашла въ ней никакихъ интересныхъ эпизодовъ, часто должна была останавливаться и искать темы для дальнѣйшаго повѣствованія. Ея жизнь была такъ интимна; все, что ее интересовало и радовало, было такъ мелко, если снять покрывавшую ея существованіе дымку счастія, что передать это въ разсказѣ простомъ и плавномъ было почти невозможно, и невозможно именно въ коляскѣ, въ такую погоду. Ей чувствовалось, что къ разсказу о счастьи была нужна другая обстановка—яркое солнце, покойное помѣщеніе и счастіе того, кому разсказываешь, для того, чтобы онъ понималъ, а не завидовалъ.

Коляска спустилась къ небольшой рѣкѣ и копыта лошадей застучали по деревянной настилкѣ моста. За рѣкой была расположена деревня. Нератова внимательно разглядывала покосившіяся избы съ провалившимися крышами, и жидкая грязь брызгала на перебиравшихся черезъ дорогу крестьянскихъ дѣтей, нѣсколько свиней лѣниво и нехотя уступили дорогу. Павлѣ Николаевнѣ стало вдругъ разомъ жаль красивый югъ, который она покинула. Она замолкла, откинулась въ уголъ коляски и задумалась. Ей почему-то вспомнилось Монте-Карло, гдѣ она такъ веселилась ровно годъ. Да, ровно годъ тому назадъ... Голубое, голубое море до горизонта подъ ея ногами, вотъ изъ туннеля выскользнулъ поѣздъ, подошелъ къ плоской платформѣ и выкинулъ кучу игроковъ, многіе изъ нихъ не въ силахъ подняться, идутъ къ подъемной машинѣ. А небо? Синее, темное, ласковое...

Она открыла глаза. Дождь стучалъ все также ровно и однообразно по кузову коляски, спина кучера стала совсѣмъ темной, вѣрно до костей промокъ, бѣдный! Надежда Васильевна ласково улыбнулась, встрѣтивъ ея взглядъ. Дорога пролегала около церкви. Нѣсколько телѣгъ стояло около воротъ.

— Какой сегодня день?—спросила Павла Николаевна.

— Воскресенье.

И Павлѣ Николаевнѣ вдругъ разомъ захотѣлось заѣхать въ церковь и услышать молитву на родномъ языкѣ и церковное пѣніе.

— Остановись около церкви,—крикнула она кучеру, не обращая вниманія на изумленный взглядъ Надежды Васильевны.

*

Коляска сдѣлала полукругъ и остановилась у церковной ограды.

II.

Дьячекъ Васильичъ, волостной писарь и сынъ кабатчика только что окончили херувимскую, когда онѣ вошли. Окна въ церкви были заперты и ладонъ бѣлесоватыми волнами носился въ воздухѣ. Все было тихо. Отецъ Михаилъ медленнымъ шагомъ съ чашей въ рукахъ выходилъ на амвонъ. Двѣ бабы съ дѣтьми протиснулись впередъ.

— Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго...—началъ старческимъ голосомъ священникъ, строго оглядывая церковь, которая была сегодня далеко не полна по случаю дурной погоды.

Нератова опустилась на колѣни, и воспоминанія ли дѣтства, или привычка заставили ее молиться. Слова давно забытыхъ молитвъ легко и свободно приходили на память. Ей показалось, что она опять маленькой дѣвочкой стоитъ въ церкви съ своей матерью и чувствуетъ, какъ та, заставляя ее молиться, кладетъ ей руку на голову. Нератовой казалось, что она и сейчасъ чувствуетъ эту горячую, болѣзненно горячую руку, съ тонкими пальцами, у себя на темени.

— Господи!—молилась она,—пошли мнѣ вѣру, дай мнѣ утѣшеніе, спокойствіе, чтобы я могла приходить къ Тебѣ, просить Тебя, плакать передъ Тобой и каяться во всемъ, во всемъ...

Она чувствовала, какъ что-то сжимаетъ ей горло, комомъ подступаетъ все выше, выше... Въ церкви было такъ хорошо... Небольшой, бѣдный иконостасъ съ темными, строгими ликами иконъ нравился ей. Когда-то блестѣвшее паникадило со свѣчами, зажигаемыми въ большіе праздники потемнѣло отъ времени. Во всей церкви стоялъ полусвѣтъ; стекла оконъ отливали всѣми цвѣтами радуги, мокрыя березы стучали въ нихъ, обдавая ихъ брызгами. Старческій голосъ звучалъ теперь мягко, ласково:

— Васъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ...

Кто-то громко вздохнулъ. Нератова чувствовала, что расплачется, и поспѣшно встала съ колѣнъ. Надежда Васильевна, не видя взглядовъ Павлы Нератовой, глубоко и искренно молилась. Бабы съ дѣтьми напоминали ей Варю, ребенка, котораго она и мужъ такъ страстно желали, который, наконецъ, явился, обрадовалъ ихъ, точно хотѣлъ познакомить съ счастіемъ имѣть дѣтей, и скрылся опять... Куда? У Надежды Васильевны, сильной вѣрой, былъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Она знала, что онъ тамъ, гдѣ царствіе Того Божественнаго младенца, на котораго сейчасъ

смотрятъ ея плачущіе глаза. Она любила эту икону около царскихъ вратъ, на которой изображена была Богоматерь съ младенцемъ, протянувшимъ свои руки, какъ бы уже раскрывшимъ свои широкія объятія. Губы его были чуть-чуть открыты, но случайный мазокъ кисти художника, тѣнь или дѣйствительность, но въ углахъ этихъ губъ видѣлась грустная складка, чувствовалось, что настанетъ минуту, уста отверзятся и міръ услышитъ великія слова:

— Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся...

Надежда Васильевна шептала молитву, слезы легко и свободно лились изъ ея глазъ, она не вытирала ихъ, давая имъ скользить по лицу и чувствовала въ этомъ особое удовольствіе. Она смотрѣла на смерть ребенка, какъ на разлуку, но чувство разлуки ослаблялось у нея сознаніемъ, что тамъ ему лучше, спокойнѣе. Покой—вотъ мечта ея жизни, ея идеалъ. Съ юности она рисуетъ себѣ жизнь въ видѣ широкой, покойной рѣки, плавно несущей свои воды между ровными, отлогими берегами. И Надежда Васильевна молится о ниспосланіи ей продолженія той счастливой жизни, которой она полна теперь. Ей приходитъ въ голову, что около нея, рука объ руку съ ней живетъ человѣкъ, преданный, вѣрный, кладущій всю цѣль своей жизни въ ней, и она успокаивается, слезы перестаютъ течь изъ ея глазъ, она смотритъ на Нератову, вспоминаетъ институтъ, дѣтскія шалости и совсѣмъ приходитъ въ себя.

Павла Николаевна съ живымъ любопытствовъ, какъ на что-то совсѣмъ ей чуждое, новое, смотрѣла на крестьянъ. Взглядъ ея остановился на нѣсколькихъ типичныхъ старческихъ лицахъ, на ихъ зипунахъ, лаптяхъ...

— Вотъ такой бы гримъ хорошо для Сусанина,—пришло ей въ голову, но она тотчасъ же перекрестилась, чтобы отогнать постороннюю мысль.

Обѣдня приходила къ концу. Дьячокъ и его два помощника изо всѣхъ силъ старались пѣть, чтобы обратить на себя вниманіе, священникъ проходя въ боковыя двери, низко поклонился Надеждѣ Васильевнѣ.

— Пойдемъ,—шепнула Нератова Надеждѣ Васильевнѣ,—а то сейчасъ прикладываться къ кресту, толкотня пойдетъ.

Та кивнула ей головой, еще разъ взглянула на свою любимую икону, торопливо перекрестилась нѣсколько разъ и повернулась къ выходу.

Кучеръ Антипъ, при видѣ барынь, быстро сунулъ въ карманъ носогрѣйку и сдѣлалъ строгое лицо.

Дождь прошелъ; погода начинала разгуливаться, тяжелыя сѣрыя тучи быстро неслись къ небу. Коляска поднялась въ гору и понеслась длинной аллеей липъ къ усадьбѣ. Направо и налѣво за-

мелькали куртины съ фруктовыми деревьями, грядами ягодъ, малины, крыжовника; рѣка сверкала вдали. Она была сегодня сѣростальная, и отъ нея вѣяло холодомъ.

— Какъ хорошо тутъ у васъ, Ната! — воскликнула Павла Николаевна.

— Покойно,—тихо отвѣтила Надежда Васильевна, вскинувъ покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

— Милая!—сказала Нератова и обѣ подруги, движимыя однимъ и тѣмъ же порывомъ, обнялись еще разъ.

III.

Александръ Ивановичъ и Павла Николаевна остались въ столовой вдвоемъ. Спросивъ у Нератовой позволенія, Александръ Ивановичъ закурилъ сигару. Павла Николаевна маленькими глотками пила черный кофе. Она чувствовала себя хорошо и свободно въ этой комфортабельной домашней обстановкѣ. Не слышно было звонковъ, не чувствовалось біенія чужой жизни за стѣной, словомъ, всего того, что такъ надоѣло ей въ гостинницахъ. Александръ Ивановичъ произвелъ на нее симпатичное впечатлѣніе и своей наружностью, и своимъ домашнимъ, простымъ, но изящнымъ костюмомъ. Въ свою очередь, Александръ Ивановичъ съ удовольствіемъ замѣтилъ ея цвѣтъ лица, красивыя, выхоленныя руки и блескъ глазъ.

— Вы соскучитесь у насъ, Павла Николаевна, — сказалъ Александръ Ивановичъ, продолжая разговоръ, начатый еще при женѣ, которая сейчасъ же послѣ завтрака ушла по хозяйству.

— Напротивъ, чѣмъ меньше развлеченій, наѣздовъ сосѣдей— тѣмъ лучше,—отвѣчала Нератова, подымая на него глаза.—Я такъ буду довольна посидѣть и отдохнуть въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ этихъ туалетовъ, скучныхъ разговоровъ, наконецъ, наконецъ...—усмѣхнулась она,—надоѣдающихъ поклонниковъ.

— Развѣ женщинѣ можетъ надоѣсть поклоненіе? Артистка невольно вызываетъ это, и поклоненіе только дань ея таланту...

— Вы были бы правы, если бы это поклоненіе было вызвано талантомъ; ничего подобнаго нѣтъ. Всѣ эти господа, которые толпятся у васъ въ уборныхъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни видятъ въ насъ женщину, которая имъ понравилась въ красивомъ костюмѣ, при яркомъ освѣщеніи, другіе—стремятся, выражаясь напыщенно,—покупаться или погрѣться въ лучахъ нашей, это слишкомъ много сказать, славы, популярности, извѣстности, что ли... Они стремятся къ этому, чтобы имѣть потомъ возможность вскользь, въ разговорѣ, похвастать знакомствомъ или ухаживаніемъ за такой-то артисткой.

— Я понимаю, что такое отношеніе обидно для артистки,— сказалъ Александръ Ивановичъ, — но это чувство обиды можетъ быть искуплено искреннимъ увлеченіемъ той или другой стороны...

— Увлеченіемъ?! да Богъ съ нимъ, съ этимъ увлеченіемъ,— сказала Нератова съ такой внезапно вырвавшейся у нея горячностью, что Соловцовъ удивленно приподнялъ брови.

— Да, Богъ съ нимъ, съ увлеченіемъ, — повторила она.— Увлеченіе—это значитъ рядъ страданій, обмановъ, горячій пылъ страсти, а потомъ полное отрезвленіе, когда люди съ изумленіемъ и чувствомъ холода оглядываютъ другъ друга. Были у меня въ жизни, Александръ Ивановичъ, увлеченія, вы не удивляйтесь, что я такъ прямо говорю вамъ объ этомъ, вы мужъ Наты, слѣдовательно, для меня свой, близкій человѣкъ. Но какъ тяжело всегда послѣ нихъ! Это мучительное похмелье, во время котораго тянетъ опять выпить: и у меня въ жизни никогда не было близкаго человѣка, который могъ бы остановить меня. Мой покойный отецъ, извѣстный профессоръ,—вы, можетъ быть даже слушали его?

— Какъ же!—поклонился Соловцовъ.

— Мой покойный отецъ, — продолжала Павла Николаевна, играя ложечкой,—былъ ученый въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ хорошій человѣкъ, добрый, но такимъ людямъ не нужно никогда жениться. Все, что происходило у насъ въ домѣ, нисколько не интересовало его. Я помню какъ сейчасъ изумленный взглядъ, который онъ бросалъ на насъ каждый день, когда мы съ матерью выходили въ столовую къ обѣду. Казалось, его удивляло, кто эти двѣ женщины, одна старая, другая молодая, которыя приходятъ къ нему каждый день обѣдать.—Мать...—Павла Николаевна на минуту остановилась.

— Мать всегда сама увлекалась... Не надо никакихъ увлеченій. Мнѣ такъ бы хотѣлось. чтобы кто-нибудь разбудилъ во мнѣ то чувство любви, но любви настоящей, глубокой, искренней, которое я въ себѣ ношу и таю, какъ искру жизни.

— И тогда, что бы получилъ этотъ человѣкъ въ награду?— спросилъ Александръ Ивановичъ, вставая и подходя къ окну.

— Онъ?—Нератова встала.—Онъ получилъ бы меня всю, нераздѣльно на всю, всю жизнь,—произнесла она и глаза ея вдругъ потемнѣли и сдѣлались глубже и больше.

Дверь разомъ отворилась и вся взволнованная, со сбившимися волосами, вошла Надежда Васильевна.

— Саша!—съ замѣтнымъ волненіемъ закричала она,—выгони ты, ради Бога, Степаниду... Лицо Соловцова какъ-то повело.

— Степаниду?—спросилъ онъ.

— Да. Это невозможно! Какъ воскресенье, такъ никакого

порядка нѣтъ: коровы всѣ грязныя, вымя у нихъ не вымыто, двери растворены...

И Надежда Васильевна, вся блѣдная отъ волненія, произнесла цѣлую обвинительную рѣчь противъ Степаниды. Ни единымъ звукомъ не прервалъ ее Александръ Ивановичъ. Онъ внимательно глядѣлъ на нее, даже сочувственно кивалъ головой, но мысли его были далеко. Онъ думалъ о разговорѣ съ Нератовой, о ея красивой фигурѣ, и глубокомъ взглядѣ ея черныхъ глазъ, и въ то же время замѣтилъ, — какъ-то совершенно невольно, — что Надежда Васильевна осунулась и пожелтѣла за послѣднее время. Прическа у нея сбилась на сторону, а около губъ появилась ѣдкая, нехорошая складка. Онъ, который такъ горячо интересовался хозяйствомъ и всѣмъ, что происходило въ близкомъ его сердцу Богородскомъ, слушалъ ее, и ему въ первый разъ за много, много лѣтъ пришло въ голову, что всѣ эти Степаниды, коровы, гречиха,— все это такъ мелко, такъ ничтожно, что волноваться изъ-за этого, положительно, не стоитъ.

Александръ Ивановичъ все такъ же молча положилъ въ папиросницу окурокъ сигары и вышелъ. Дождь снова пошелъ. На дворѣ стояла липкая грязь, прилипавшая комьями къ ногамъ... Онъ раза два чуть не упалъ, что еще больше усилило скверное расположеніе духа. Степанида, не молодая женщина, съ грязными ногами, быстро прошла мимо него, видимо, боясь разговора. У Александра Ивановича не хватало рѣшимости уволить ее, онъ обошелъ всѣ хозяйственныя постройки и зашелъ въ контору, гдѣ приказалъ старостѣ Лаврентьичу приготовить Степанидину книжку и разсчетъ.

Дождь все сильнѣе и сильнѣе стучалъ по листьямъ сада, когда Соловцовъ возвращался домой, но онъ не обращалъ вниманія. Онъ думалъ о себѣ, о своей жизнѣ, о разговорѣ съ Нератовой, объ ея загорѣвшихся глазахъ и металлическомъ голосѣ. Когда онъ вошелъ въ переднюю, то услыхалъ звуки рояля, но стоило ему пройти въ залу, какъ все смолкло. Въ залѣ никого не было, но рояль былъ раскрытъ и около него стоялъ стулъ, чего Александръ Ивановичъ давно не видѣлъ.

Соловцовъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, потомъ опять въ залу, въ столовую... Все было тихо...

— Спитъ,—подумалъ онъ.

Черезъ часъ въ контору прибѣжалъ отъ барина Никаноръ съ приказомъ Лаврентьичу Степаниду не увольнять.

Глава третья.

I.

Жизнь въ Богородскомъ текла мирно и однообразно, и обитатели его не могли бы отмѣтить никакихъ выдающихся событій. Александръ Ивановичъ, его жена и Павла Николаевна сходились за утреннимъ чаемъ, расходились до завтрака, послѣ котораго Александръ Ивановичъ занимался въ конторѣ, Надежда Васильевна хлопотала по хозяйству, а Нератова оставалась одна пѣть вокализы. За обѣдомъ Александръ Ивановичъ сообщалъ новости, прочитанныя имъ изъ газетъ, которыя онъ просматривалъ въ конторѣ, бесѣда лилась легко и весело, иногда, впрочемъ, спорили, при чемъ Александръ Ивановичъ чаще оказывался одного мнѣнія съ Павлой Николаевной, чѣмъ съ женой. Послѣ обѣда всѣ отдыхали и сходились уже за вечернимъ чаемъ, чтобы не разставаться цѣлый вечеръ. Иногда играли въ крокетъ, но занятіе это мало доставляло удовольствія дамамъ, такъ какъ Соловцовъ, играя хорошо и двумя шарами, легко обыгрывалъ ихъ. По вечерамъ сидѣли на террасѣ, жадно вдыхая воздухъ и отмахиваясь отъ комаровъ. Надежда Васильевна больше молчала, прислушиваясь чуткой душой къ голосамъ ночи. Соловцовъ курилъ и слушалъ Нератову, которая говорила почти одна. Воспоминанія, впечатлѣнія, типы, картины— все это она передавала живо, весело и, главное, безостановочно.

Тихій гомонъ трудового дня постепенно смолкалъ въ усадьбѣ, только гдѣ-нибудь у воротъ слышалось треньканье балалайки, хохотъ и женскій визгъ.

Расходились опять часовъ въ 11—12, но никакъ не позже. Утромъ начиналась та же жизнь, нарушаемая развѣ только дождемъ или сѣрымъ небомъ; когда становилось прохладно, сидѣли въ столовой, но яркое освѣщеніе лампы, такъ прозаично горѣвшей посрединѣ комнаты, какъ-то не давало разыгрываться фантазіи и разговоры носили сухой, будничный характеръ. Сосѣди, занятые сельскими работами, забыли Соловцовыхъ и не тревожили своими посѣщеніями. Только разъ какъ-то отправились они пить чай въ лѣсъ. Но поѣздка вышла неудачной. На лужайкѣ, выбранной по указанію Лаврентьича, потому что тамъ „хвойный“ духъ, оказалась такая масса муравьевъ и комаровъ, что оставаться было, положительно, невозможно. Александръ Ивановичъ все время брюзжалъ, разсерженный еще съ утра пропажей приводнаго ремня, у Надежды Васильевны разболѣлись зубы и она только качала головой на предлагаемые ей вопросы, одна только Павла Николаевна все время хохотала, поддразнивая кучера Антипа. Вернулись домой подъ проливнымъ дождемъ и немедленно разошлись по ком-

натамъ. На другой день Нератова за завтракомъ вспомнила „пикникъ“ и пресмѣшно передавала всѣ подробности неудачной поѣздки...

— Хвойный духъ, Александръ Ивановичъ, хвойный духъ,— смѣялась она, стараясь придать голосу сипловатый оттѣнокъ голоса старосты.

Прошло нѣсколько дней. Соловцовъ уже налилъ себѣ передъ обѣдомъ рюмку водки, а Надежда Васильевна приготовилась разливать супъ, какъ человѣкъ доложилъ, что пріѣхалъ Василій Николаевичъ Глушевичъ и съ нимъ еще какой-то господинъ.

Нератова поморщилась.

— Воображаю, что за типикъ!—подумала она.

Въ дверяхъ показался толстый, отдувающійся Глушевичъ, за нимъ шелъ высокій господинъ, элегантно одѣтый, въ черномъ сюртукѣ. Лицо у вновь пріѣхавшаго было симпатично, и подстриженная по модному бородка придавала ему моложавый видъ. Глаза его бѣгали и уловить ихъ выраженіе было почти невозможно. На рукахъ его сверкали перстни.

— Позвольте вамъ представить нашего новаго знакомаго сосѣда, знаменитаго тенора Николая Николаевича Кушнера,—сказалъ Василій Николаевичъ.

Надежда Васильевна и Соловцовъ дружески привѣтствовали его.

— Давно искалъ случая быть вамъ представленнымъ,—высокимъ, съ горловымъ оттѣнкомъ, голосомъ сказалъ онъ.

Нератова, все время прятавшаяся съ момента появленія гостей Соловцовыхъ, разомъ выступила и сказала:

— Меня-то ужъ ему не представляйте,—знаетъ.

— Нератова! — воскликнулъ теноръ, даже руками себя въ грудь ударилъ.

— Что, Донъ-Хозе, не ожидали?—звонко хохотала Павла Николаевна, присѣдая по опереточному оторопѣвшему тенору.

— Голубушка, сколько лѣтъ?—взмолился онъ, хватая и цѣлуя ея руки въ розовыя ладони.

Александръ Ивановичъ отвернулся и сталъ придвигать стулья. Ему почему-то сдѣлалась непріятна эта фамильярность обращенія Кушнера съ Павлой Николаевной.

— Давно мы съ вами не видѣлись? — спрашивалъ Кушнеръ, усаживаясь и подвязывая себѣ салфетку.

— Съ того сезона, когда вы въ „Африканкѣ“ провалились.

— Ну, ужъ и провалился. А вы за то слышали меня въ „Отелло“?

— Богъ миловалъ!

— Павла Николаевна! — съ ужасомъ воскликнулъ Глушевичъ.

— Что?—живо обернулась она къ нему.

— Пожалѣйте себя, вѣдь, онъ васъ задушитъ.

— Ничего, въ „Карменъ“ рѣзалъ, а я вотъ жива осталась.

— Ну что, какъ тамъ у насъ?—спросилъ Кушнеръ.

— Гдѣ это у „насъ“?

— Да въ Италіи, Боже мой!

— Ахъ да, вы итальянецъ, это и по фамиліи слышно.

Кушнеръ какъ-то разомъ смолкъ и занялся очень усердно разрѣзываніемъ цыпленка.

— Николай Николаевичъ,—спросила Надежда Васильевна,—она всегда такая болтушка у васъ за кулисами?

— Ну, за кулисами она еще смѣлѣе будетъ,—сказалъ теноръ, сверкнувъ глазами.

Александръ Ивановичъ, между тѣмъ, не глядя на Кушнера, продолжалъ доказывать Василію Николаевичу всю несостоятельность трехпольной системы.

— Поймите, что треть вашей пахатной земли пропадаетъ даромъ,—говорилъ онъ, чертя въ то же время ножомъ квадраты на скатерти, на что тревожнымъ взглядомъ смотрѣла Надежда Васильевна.

— За то она отдыхаетъ, Александръ Ивановичъ,— возражалъ толстякъ, отирая шею платкомъ.

— Отдыхаетъ, да она будетъ у васъ отдыхать, когда засѣете ее клеверомъ, да на второй годъ оставите на осень корни его, они перегніютъ, земля превратится въ одну цѣлую непроницаемую массу, тогда сѣйте корнеплоды, выкопаете осенью картофель, она опять разрыхлилась и мягкая, какъ пухъ, готова подъ озимое...

— Нѣметчина!—проворчалъ Глушевичъ.

— Нѣтъ, не нѣметчина... а...

— Виноватъ,—перебилъ его Кушнеръ,—вы сейчасъ сказали озимое—это значитъ овесъ?!

Взрывъ хохота прервалъ его слова. Александръ Ивановичъ хохоталъ больше всѣхъ, ему какъ-то особенно пріятно было невѣжество тенора.

— А ваша жена?—спросила Нератова,—тоже хозяйствомъ занимается?

— Лукреція Викторовна? Да, она завела себѣ птичій дворъ и мы думаемъ яйца въ Петербургъ зимой въ рестораны поставлять.

— Рауль съ цыплятами! Пророкъ въ ресторанѣ, продающій яйца,—хохотала Павла Николаевна.

Обѣдъ былъ конченъ, всѣ встали и перешли на террасу.

II.

Слуга поставилъ двѣ свѣчи на рояль и безшумно удалился. Нератова открыла крышку и руки ея легко и свободно пробѣжали

по клавишамъ. Александръ Ивановичъ сѣлъ въ глубинѣ залы, „чтобъ не мѣшать своимъ куреніемъ“. Надежда Васильевна и Глушевичъ—въ другомъ углу.

Кушнеръ наклонился къ Павлѣ Николаевнѣ и шепнулъ ей что-то. Аккордъ, другой аккордъ и онъ началъ:

„Я помню вечеръ“...—пѣлъ онъ и глубокой грустью воспоминанія о невозвратномъ прошломъ повѣяло отъ его голоса. Но мелодія растетъ, расширяется и звучитъ, слышно, что не одна грусть двигаетъ пѣвцомъ. Ему больно и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо сладко вспоминать то блаженное чувство любви и страсти, которое охватило его разомъ, налетѣло на него бурей, между тѣмъ, какъ кругомъ все было тихо, покойно и безстрастно. Но покой природы былъ только кажущійся, весь міръ, все сочувствовало имъ и звѣзды ласково съ небесъ „на нихъ“ глядѣли и море, холодное море, и то плескалось у ихъ ногъ „съ ропотомъ любви“. Счастье, охватившее пѣвца въ эту минуту, такъ велико, что, кажется, нѣтъ силъ пережить его, оно граничитъ съ страданіемъ. Воздуху не хватаетъ въ груди, послѣ крика счастья, брошеннаго къ небесамъ... Пауза...

И знойнымъ томящимъ шепотомъ онъ заканчиваетъ свое признаніе воспоминаніемъ, какъ

„Все въ блаженствѣ потонуло„...

Кушнеръ кончилъ. Лицо его приняло обычное, угодливое выраженіе, искра вдохновенія потухла, художникъ исчезъ, остался свѣтскій человѣкъ.

Глаза Надежды Васильевны встрѣтились со взглядомъ Александра Ивановича. Она кротко и ласково улыбнулась ему. Глушевичъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову и точно ждалъ продолженія. Кушнеръ отошелъ въ сторону, очередь была за Нератовой.

Нѣсколько мрачныхъ тяжелыхъ аккордовъ. Словно сразу входишь въ старинный готическій замокъ. Вотъ въ басу запѣла мелодія, но оборвалась разомъ, точно взрывъ рыданій заглушилъ ее.

„Оставь меня“!.. пѣла Нератова чудный романсъ Давыдова, голосъ ея молилъ и плакалъ.

„Меня печалъ тревожитъ“... Тотъ же мрачный колоритъ аккомпанимента.

Воображеніе рисуетъ разныя картины... Въ старомъ замкѣ, въ одной изъ его башенъ живетъ запертая суровымъ рыцаремъ его жена... Она любитъ, тоскуетъ, плачетъ, хочетъ забыть милаго, но поздно, она уже вся принадлежитъ ему... А онъ, онъ несчастный?!... Далеко, далеко отъ этой мѣстности раскинулся лагерь молодаго рыцаря. Что заставило его покинуть свою родину, никто не знаетъ, говорятъ, обѣтъ, а можетъ быть, несчастная лю-

бовь. Все тихо въ этомъ лагерѣ. Темный, глубокій сводъ давно спустился надъ землей, окуталъ ее своими объятіями и смотритъ тысячами глазъ. Все спитъ. Спитъ вѣрный оруженосецъ, переживая во снѣ смѣлыя битвы и веселые пиры, спитъ прислуга, спятъ добрые кони. Одинъ молодой рыцарь не спитъ. Ему душно, онъ мечется на своемъ походномъ ложѣ, старается забыться сномъ послѣ дневного перехода... Тщетно услужливое воображеніе рисуетъ ему милыя черты. Жадно смотритъ онъ въ темноту, настороженному слуху чудятся чьи-то шаги, это, вѣрно, она идетъ къ нему провести съ нимъ эту ночь. Онъ вскакиваетъ, прислушивается— все тихо. Онъ ложится, усталость беретъ свое — онъ забывается...

— „Такъ это былъ не сонъ,— шепчутъ его уста,—ты здѣсь со мной, тебѣ удалось уйти изъ стараго замка, дай мнѣ тебя обнять дай мнѣ послушать своихъ тихихъ, ласковыхъ рѣчей, наглядѣться тебѣ въ очи, расплетать и заплетать твои косы шелковыя? Но ты молчишь? Ты улыбаешься? Уходишь? Молю тебя, останься"! Онъ просыпается... нѣтъ никого...

„Какъ бредомъ пламеннымъ, тобой исполненъ я"...

Ему становится страшно. Онъ чувствуетъ, что въ этой любви его гибель, не пережить ему этой разлуки, нѣтъ, пусть лучше мечты о ней покинутъ его, пусть потухнетъ въ крови эта страсть!..

— „И все, что чувствую, чего желать могу я?"— все въ этомъ возгласѣ: оставь меня!

Оставь меня!..

А тамъ, въ далекомъ замкѣ она рыдаетъ и ждетъ, не дождется разсвѣта...

Нератова кончила и встала.

Глушевичъ тихо плакалъ въ углу. Надежда Васильевна какъ-то растерянно улыбалась. Александръ Ивановичъ, блѣдный, разомъ всталъ, рѣзко двинулъ стуломъ и большими шагами вышелъ изъ залы. Надежда Васильевна бросилась за нимъ.

— Куда ты, Саша?—спросила она его, хватая за рукавъ.

— Надо приказать лошадей заложить, совсѣмъ забылъ, что мнѣ въ городъ надо,— сказалъ онъ рѣзко, выдергивая свою руку, причемъ лицо его поразило ее своимъ, совершенно чуждымъ ей, незнакомымъ выраженіемъ.

Надежда Васильевна вернулась назадъ въ залу. Обаяніе романса совершенно исчезло: Кушнеръ, Глушевичъ и Нератова спорили о русской и итальянской музыкѣ.

— Нѣтъ, батюшка, что вы тамъ ни твердите про свою могучую кучку, а итальянская музыка во сто разъ выше, она васъ по нервамъ бьетъ...—кричалъ Глушевичъ.

— Да, вѣдь, вы сейчасъ слушали же русскую музыку?—возражалъ Кушнеръ.

— Исполненіе дивное, исполненіе...

Надежда Васильевна обняла Павлу Николаевну. Ей хотѣлось на комъ-нибудь излить то чувство нѣжности, которое накопилось у нея за это время и отъ котораго такъ сурово отвернулся Александръ Ивановичъ.

Кушнеръ торопилъ ѣхать домой, но Надежда Васильевна уговорила гостей не ѣхать домой, а остаться ночевать у нихъ.

— Саша уѣзжаетъ,—закончила она,—и мы остаемся однѣ.

— Куда?—спросилъ Глушевичъ.

— Въ городъ, Василій Николаевичъ, въ городъ,—сказалъ вошедшій въ эту минуту Соловцовъ.—Совсѣмъ забылъ, что у меня завтра утромъ истекаетъ срокъ страховой, не дай Богъ...

— Да, это дѣло серьезное.

Лицо Александра Ивановича было спокойно, только немного блѣднѣе обыкновеннаго. Мускулы рта его нервно подергивались, что всегда служило у него признакомъ волненія. Лицо Павлы Николаевны было красно. Глаза горѣли огнемъ и смотрѣли строго.

Человѣкъ доложилъ, что тройка готова. Александръ Ивановичъ любезно пожалъ гостямъ руки, несмѣло, даже холодно простился съ Нератовой и разсѣянно поцѣловалъ жену, крестившую его. Всѣ вышли на крыльцо проводить его.

— Хорошо доѣдете, безъ дождя,—сказалъ Глушевичъ, глядя на небо, усѣянное звѣздами.

Надежда Васильевна вернулась въ домъ смущенная и не понимающая, чѣмъ она могла разсердить мужа.

III.

Не смотря на то, что луны не было, бѣлесоватая полоса дороги была видна, и Антипъ пустилъ тройку ровнымъ ходомъ. Александръ Ивановичъ откинулся въ колескѣ. Наконецъ, онъ одинъ. Никто не мѣшаетъ ему своими разспросами и участіемъ, онъ теперь можетъ думать, думать всю ночь, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ, что съ нимъ... Онъ старался думать, послѣдовательно вспоминая пріѣздъ Нератовой, разговоры съ ней. Мысли не слушались его, онѣ прыгали и заставляли его вспоминать о томъ, что надо было теперь гнать отъ себя. Гнать надо сейчасъ, не то поздно будетъ.

Звуки колокольчика подъ дугой, однозвучные, мѣрные, ровные, сливались въ одну длинную ноту. Казалось, кто-то пѣлъ что-то знакомое и очень грустное. Соловцовъ началъ прислушиваться къ этому звуку...

— „Оставь меня!..“ — пѣло въ ночномъ воздухѣ.

— Да, оставь меня, — думалось ему, — мнѣ бы хотѣлось

дать себѣ отчетъ, почему меня охватило такое волненіе во время ея пѣнія?! Просто давно не слышалъ хорошаго исполненія? А Кушнеръ, Кушнеръ поетъ тоже хорошо, отчего же онъ на меня такъ не дѣйствуетъ? Нѣтъ, нужно не думать о ней. Закопаться по уши въ дѣла, работать до полнаго отупѣнія. А какіе у нея глаза? Глубокіе, глубокіе, такъ бы все смотрѣлъ въ нихъ, какъ тянетъ смотрѣть въ черныя, темныя пропасти. А смѣхъ? „Смѣхъ ея грустный и звонкій до сихъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ“... припомнился ему стихъ Алексѣя Толстого. Нѣтъ, смѣхъ у нея не грустный, напротивъ, она полна жизни, веселья, огня....

— Нѣтъ, я не долженъ ее любить, да вздоръ, я и не люблю ее совсѣмъ, я люблю мою милую, хорошую Надю.

— Надя, Надя, милая,—вдругъ вслухъ произнесъ онъ, стараясь сказать эти слова какъ можно ласковѣе и нѣжнее. Но, увы! Противъ обыкновенія слова эти прозвучали для него какъ-то пусто, холодно....

— „Онъ получилъ бы меня всю, нераздѣльно, на всю, всю жизнь“,—вспомнилъ онъ слова Павлы Николаевны.

— Сколько въ ней страсти таится, сколько огня!—думалъ онъ... Какое мнѣ дѣло,—успокаивалъ онъ себя черезъ минуту,—пріѣхала, ну и уѣдетъ опять, другіе будутъ за ней ухаживать. Ухаживать?—Его точно что кольнуло при этомъ словѣ. — Какое они право имѣютъ, чѣмъ же я хуже ихъ? — „Я помню, какъ твои уста къ моимъ устамъ прильнули“....—запѣлъ онъ романсъ Кушнера.—Любить такую женщину, слушать ея чарующій голосъ, но не здѣсь, не въ этой деревнѣ, а гдѣ-нибудь на югѣ, гдѣ небо ближе жмется къ землѣ, гдѣ солнце не покидаетъ небосклона, точно влюблено оно въ этотъ край и не можетъ наглядѣться на него. Воображеніе нарисовало ему Нератову такой, какой онъ видѣлъ ее нѣсколько дней тому назадъ. Услышавъ его шаги въ саду, она выглянула изъ бесѣдки, поросшей дикимъ виноградомъ, и вся красивая, въ бѣломъ воздушномъ платьѣ, такъ обрисовывающемъ ея стройную фигуру, предстала предъ нимъ на темномъ фонѣ трепещущей отъ набѣжавшаго вѣтерка листвы...

Лошади спустились въ логъ. Колокольчикъ замеръ, изрѣдка позвякивая. Разомъ пахнуло свѣжестью.

Мѣрное покачиваніе экипажа начало его усыплять.

Повороты и крики обозовъ, которые приходилось перегонять, будили его и дѣйствительность перепутывалась съ снами. Ему вдругъ начинало казаться, что онъ ѣдетъ, давно ѣдетъ, страшно давно ѣдетъ, лошади устали, ему грустно, онъ усталъ, а Павла Николаевна откинулась въ уголъ коляски и хохочетъ. Хохочетъ такъ звонко, что онъ проситъ ее перестать смѣятся, ему больно, невыносимо больно отъ этого смѣха, онъ проситъ ее, она все смѣется.... Тогда онъ разомъ схватываетъ ее и... просыпается.

Колокольчикъ звонко заливается, тройка бѣжитъ крупнымъ ходомъ, воздухъ начинаетъ холодѣть. Гдѣ то далеко, далеко блеститъ красной точкой огонекъ.

„Какъ бредомъ пламеннымъ, тобой исполненъ я“... — поетъ колокольчикъ.

Онъ снова засыпаетъ, но мысли продолжаютъ работать, вертѣться и мчаться одна за другой, такъ скоро, скоро, что онъ чувствуетъ, какъ онѣ звенятъ. Онъ открываетъ глаза и видитъ что-то красное передъ собой. Онъ не можетъ понять, что это? А, это солнце сейчасъ взойдетъ... О чемъ мнѣ надо думать, думать, сейчасъ?.... Да, о Нератовой. Павла Николаевна! — вдругъ произноситъ онъ вслухъ и опять просыпается. Контуры горизонта съ каждй минутой обрисовывались все яснѣй и яснѣй... Соловцовъ стряхнулъ съ себя разомъ сонъ и снялъ шляпу, свѣжій вѣтерокъ заигралъ его волосами.

И вдругъ онъ почувствовалъ себя молодымъ, крѣпкимъ, здоровымъ, онъ ощущалъ, какъ жизнь бѣжала у него по тѣлу, и, глядя широко раскрытыми глазами на выплывшее свѣтило, онъ вдругъ разомъ почувствовалъ, что любитъ Нератову всѣми силами своего, такъ свободно дышащаго, организма. Жизнь его переламывалась пополамъ, сзади его бѣжала пыльная деревенская дорога, передъ нимъ высились городскія постройки, ярко освѣщаемыя солнцемъ.

И ему казалось, что все радуется его рѣшенію, все сочувствуетъ ему—и поля, и далекій лѣсъ, и встрѣчные обозы съ идущими рядомъ съ ними крестьянами. Коляска загремѣла по мостовой— онъ въѣхалъ въ городъ...

Надежда Васильевна въ эту же ночь долго не могла заснуть. Она ворочалась, перемѣняла и повертывала подушки, но сонъ бѣжалъ отъ нея. Ее мучило небрежное прощаніе мужа.

— Чѣмъ она могла разсердить его?

Она припоминала все, всѣ подробности минувшаго дня — тщетно, предлога къ неудовольствію она не находила. Уже занавѣски въ ея спальнѣ совершенно побѣлѣли, когда она, наконецъ уснула, успокоивъ себя, что ей это показалось, и Саша любитъ ее попрежнему.

А. Осиповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЕЛИЗАВЕТА БЛЕКУЭЛЬ, ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-ВРАЧЪ.

Полъ-столѣтія тому назадъ, ни въ Западной Европѣ, ни въ Америкѣ, не говоря уже о Россіи, не было ни одной женщины-врача, и едва ли кому приходила въ голову мысль, что эта отрасль труда можетъ съ такимъ же успѣхомъ исполняться женщинами, какъ и мужчинами.

Доказать впервые, что медицина можетъ быть вполнѣ доступна и женщинѣ, выпало на долю англичанки, миссъ Елизаветы Блекуэль. Не мало труда пришлось ей затратить, не мало перенести неудачъ, прежде чѣмъ она достигла цѣли, но, благодаря энергіи и горячей вѣрѣ въ дѣло, она преодолѣла общее предубѣжденіе и недовѣріе и первая изъ всѣхъ женщинъ получила званіе доктора медицины и право практики наравнѣ съ врачами мужчинами въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Англіи.

Въ своей автобіографіи (The pioneer work in opening the medical profession to women) миссъ Блекуэль подробно описываетъ, какихъ усилій стоилъ ей этотъ успѣхъ, несмотря на относительно благопріятныя условія ея личной жизни. Она родилась въ 1821 г. въ Англіи, въ Бристолѣ, и тамъ протекло ея первое дѣтство среди многочисленной и дружной семьи. «Огромное преимущество родиться въ большой семьѣ, состоящей изъ здоровыхъ и живыхъ дѣтей, окруженныхъ прекраснымъ вліяніемъ взрослыхъ... Одна изъ девяти сестеръ и братьевъ, связанныхъ крѣпкими узами естественной привязанности, я испытала это преимущество»,—такими словами начинаетъ она свою автобіографію. Прочная семейная связь и постоянное сочувствіе близкихъ людей поддерживали ее въ трудныя минуты неудачъ и помогали переживать ихъ, не теряя бодрости.

Въ 1832 году ея отцу пришлось эмигрировать изъ Англіи, и вся семья, состоявшая къ тому времени изъ восьмерыхъ дѣтей и семерыхъ взрослыхъ, переселилась въ Нью-Іоркъ. Въ Америкѣ въ это время началось сильное движеніе противъ рабства, и семья Блекуэлей была сразу захвачена этимъ теченіемъ. Дѣти, еще учась въ школѣ, посѣщали по вечерамъ митинги, на которыхъ обсуждались мѣры противъ рабства.

Въ Нью-Іоркѣ семья Блекуэлей прожила 6 лѣтъ и въ 1838 году перебралась въ новый, недавно передъ тѣмъ основанный городъ Огіо. Не успѣли они сколько-нибудь ознакомиться и устроиться на новомъ мѣстѣ, какъ надъ ними разразился тяжелый и неожиданный ударъ—умеръ самъ м-ръ Блекуэль, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ. Три старшія дочери, въ числѣ ихъ и Елизавета, тотчасъ же открыли школу для дѣвочекъ, а братъ получилъ небольшое мѣсто въ судѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока подростали младшія дѣти, имъ пришлось усиленно работать; въ то же время они принимали дѣятельное участіе въ поднявшейся агитаціи въ пользу женскаго образованія. Это была вообще оживленная эпоха въ американской жизни. На выборахъ Гаррисонъ, а съ нимъ и освободительная партія одержали верхъ; политическіе митинги чередовались съ собраніями по женскому вопросу, и вездѣ можно было видѣть трехъ сестеръ-учительницъ изъ Огіо. Въ 1844 году Елизаветѣ предложили мѣсто завѣдующей женской школой въ городѣ Хендерсонѣ сосѣдняго штата Кентуки. Должность эта хорошо оплачивалась, и Елизавета приняла ее, хотя ей первый разъ приходилось уѣзжать одной изъ семьи. Въ Хондерсонѣ она пробыла только годъ,—школа оказалась обставленной очень плохо, положеніе учительницы было весьма незавидно, ей не полагалось даже отдѣльной комнаты,—но не это смутило молодую дѣвушку. Ей первый разъ пришлось жить въ типичномъ рабовладѣльческомъ штатѣ, и она совершенно не въ состояніи была освоиться съ отношеніями, установленными на почвѣ рабства. Спокойно пользоваться услугами рабовъ и какъ бы пассивно одобрять этотъ ненормальный строй, ей казалось невозможнымъ, и на слѣдующій же годъ она вернулась домой. Обстоятельства ея семьи къ тому времени значительно улучшились, братъ получилъ хорошее мѣсто, у сестеръ также были выгодныя занятія, и она могла жить спокойно дома, не заботясь о заработкѣ. «Первое время,—пишетъ она,—я живо чувствовала удовольствіе семейной жизни, но скоро ощутила недостатокъ въ какой-нибудь болѣе высокой цѣли, чѣмъ изученіе нѣмецкаго языка, музыки и метафизики».

Въ это-то время у нея первый разъ возникла мысль о медицинѣ. Первымъ толчкомъ къ этому послужило, въ сущности, довольно случайное обстоятельство. Одна знакомая дама заболѣла женской болѣзнью и сильно мучилась отъ необходимости обращаться за помощью къ врачамъ-мужчинамъ. «Если бы меня лѣчила женщина-докторъ,—говорила она миссъ Блекуэль,—я бы на половину меньше страдала, чѣмъ теперь. Вы молоды, здоровы и свободны,—почему бы вамъ не попробовать заняться медициной?»

Первое зерно было заронено, но оно не сразу пустило ростокъ. Всѣ предъидущія занятія и интересы влекли ее въ другую сторону. Съ дѣтства и въ ранней молодости она чувствовала особенную склонность къ наукамъ философскимъ и общественнымъ. Она увлекалась метафизикой,

исторіей, тогда какъ къ естественнымъ наукамъ чувствовала положительное отвращеніе. Анатомію и физіологію она ненавидѣла еще со школьной скамьи. Все имѣвшее отношеніе къ строенію человѣческаго тѣла и его отправленіямъ отталкивало ее. Въ дѣтствѣ она терпѣть не могла больныхъ и своихъ болѣзней стыдилась, какъ величайшаго позора, до послѣдней крайности скрывая ихъ отъ всѣхъ окружающихъ.

Естественно, въ первую минуту мысль о медицинѣ показалась ей невозможной. «Цѣлыя недѣли,—пишетъ она,—я отгоняла ее, но она все возвращалась». Невольно ей приходили на умъ сотни женщинъ, которыя страдаютъ точно такъ же, какъ ея знакомая, не рѣшаясь обращаться за помощью къ мужчинамъ-врачамъ, и ей казалось все болѣе и болѣе необходимымъ, чтобы другія женщины пришли, наконецъ, къ нимъ на помощь. И что могло бы помѣшать этому? Чего недостаетъ женщинѣ, чтобы сдѣлаться врачемъ? Врачебная дѣятельность не требуетъ никакихъ спеціально мужскихъ качествъ. Неужели же всѣ женщины настолько ниже мужчинъ, что не въ состояніи успѣшно исполнять дѣло, за которое смѣло берутся даже заурядные мужчины? Чуть не съ дѣтства ее возмущала безправность и несамостоятельность женщинъ. Она досадовала, что всѣ, даже выдающіяся, женщины считаютъ свою жизнь неудавшеюся, если она не приводитъ къ замужеству. Создать себѣ самостоятельное, наполняющее жизнь дѣло, почти никто изъ нихъ не умѣетъ. Она не отрицала замужества, напротивъ, всегда относилась съ величайшимъ уваженіемъ къ материнству и вообще къ семьѣ, но ее оскорбляла мысль, что для женщины это—единственный выходъ, что она должна стремиться къ нему во что бы то ни стало, даже если не чувствуетъ къ этому внутренней склонности.

Въ своемъ дневникѣ она такъ описываетъ это время внутренней борьбы и колебаній: «Я тверже, чѣмъ когда-либо, рѣшила сдѣлаться врачемъ и создать такимъ образомъ непреодолимую преграду между мной и обычнымъ замужествомъ. Мнѣ необходимо что-нибудь, что наполняло бы мои мысли, какое-нибудь дѣло въ жизни, которое заполнило бы эту пустоту и предохранило мое сердце отъ тоски». Но вслѣдъ затѣмъ опять возникали сомнѣнія, не легко было сразу принять рѣшеніе, которое должно было повернуть всю жизнь. Вѣдь, взявшись за столь серьезное дѣло, надо было, во что бы то ни стало, довести его до конца, чтобы не дать новаго оружія противникамъ женской самостоятельности. Иногда она чувствовала приливы силы и страстнаго желанія добиться трудной и далекой цѣли, иногда же естественная нерѣшительность снова охватывала ее и прирожденная склонность къ другого рода занятіямъ снова брала верхъ. Нужно было, чтобы какое-нибудь новое обстоятельство склонило вѣсы въ ту или другую сторону и вывело ее изъ этого состоянія колебаніа.

Въ Нью-Іоркѣ большою славою пользовалась тогда нѣкая госпожа Рестель—акушерка, обращавшая свое искусство на незаконныя цѣли.

*

Она нѣсколько разъ попадала даже въ тюрьму за свою дѣятельность, но ея многочисленные кліенты каждый разъ добивались ея освобожденія. Эта женщина была извѣстна всюду подъ именемъ «женщины-врача». Слухъ о ней дошелъ и до штата Огіо. Когда миссъ Блекуэль узнала, за что̀ ей было присвоено почетное званіе «женщины-врача», она почувствовала сильнѣйшее негодованіе. «Я всегда относилась съ глубокимъ уваженіемъ къ материнству,—пишетъ она,—приближающему женщину до нѣкоторой степени къ божеству... Уничтоженіе этого материнства пробуждало во мнѣ негодованіе и желаніе бороться съ этимъ. Мнѣ казалось ужаснымъ, что почетное имя «женщины-врача» примѣняется исключительно къ женщинѣ, идущей по столь позорному пути». Послѣднія колебанія оставили ее. Желаніе доказать, что женщина можетъ быть настоящимъ врачемъ, приносящимъ пользу, а не вредъ человѣчеству, пересилило все. Съ этого момента ни въ дневникѣ, ни въ письмахъ не остается и слѣда сомнѣній. Рѣшеніе было принято безповоротно и теперь уже ничто не могло вернуть ее съ намѣченнаго пути. Никакія трудности не могли поколебать ее; напротивъ, онѣ только разжигали ея стремленіе, и цѣль все ярче и ярче разгоралась впереди.

Трудности и разочарованія, конечно, не замедлили явиться. Она, была, безъ сомнѣнія, подготовлена къ тому, что ея идея не встрѣтитъ общаго одобренія и помощи, но все-таки надѣялась найти нѣкоторую поддержку хоть въ людяхъ, занимавшихся тою же наукой, которая влекла и ее. Она обратилась за совѣтами и указаніями ко всѣмъ врачамъ, знакомымъ съ ея семействомъ, и получила отъ нихъ, какъ сама говоритъ, отвѣты до смѣшного похожіе другъ на друга. Всѣ они находили, что планъ ея совершенно неосуществимъ. Женщинѣ негдѣ получить медицинское образованіе. Оно требуетъ слишкомъ много времени, трудно и вообще не по силамъ женщинѣ. Наконецъ, общественное мнѣніе не допуститъ такого нарушенія установленныхъ привычекъ. Однимъ словомъ, путь обставленъ столькими затрудненіями, что эту идею нужно признать, хотя и хорошею, но совершенно неудобоисполнимою. Возраженія эти не отличались особенной убѣдительностью и не могли поколебать человѣка, принявшаго серьезное рѣшеніе. «Если идея дѣйствительно хороша,—пишетъ миссъ Блекуэль,—то долженъ быть и путь для осуществленія ея».

Миссъ Блекуэль разсказала, между прочимъ, о своемъ намѣреніи и Бичеръ Стоу. Но, должно быть, дѣйствительно людямъ того времени трудно было освоиться съ такой необычной идеей, если женщина, столь несомнѣнно чуткая и интеллигентная, какъ авторъ «Хижины Дяди Тома», отнеслась къ ея плану съ большимъ сомнѣніемъ. Она также находила его, пожалуй, и недурнымъ, но, во всякомъ случаѣ, неосуществимымъ. Общественное предубѣжденіе слишкомъ сильно, сломить его не хватитъ силъ у одного человѣка,—скорѣе оно его сломитъ.

Что же, однако, дѣлать? Если въ Америкѣ общественное мнѣніе не допустило бы женщину получить медицинское образованіе, можно было попытаться найти его въ Европѣ, въ Парижѣ, напримѣръ, наконецъ, оставалась еще возможность заниматься дома, одной, и только потомъ уже добиваться права держать экзаменъ и получить дипломъ. Мысль ѣхать учиться въ Парижъ привела въ ужасъ всѣхъ окружающихъ. Какъ это можно! Молодой дѣвушкѣ, одной, ѣхать такъ далеко и куда же?—въ Парижъ, въ этотъ современный Вавилонъ! Не надо забывать, что это происходило въ сороковыхъ годахъ, когда путешествія еще не были такъ распространены среди англичанокъ и американокъ, какъ теперь.

Послѣдній, къ кому обратилась за совѣтомъ миссъ Блекуэль, былъ д-ръ Коксъ, старинный другъ ея отца. «Гарри принесъ мнѣ вчера вечеромъ письмо отъ д-ра Кокса; рука моя дрожала, когда я его распечатывала. Оно было любезно, сообщало всѣ необходимыя указанія, но не содержало ни слова одобренія моимъ намѣреніямъ. Сегодня утромъ я отнесла его той леди, которая обѣщала помочь мнѣ въ денежномъ отношеніи. Я приготовилась сейчасъ же приняться за занятія, если она исполнитъ свое обѣщаніе. Я вся дрожала, но надѣялась. Увы! конецъ всѣмъ планамъ и обѣщаніямъ! Она предложила одолжить мнѣ 100 долларовъ, когда я разсчитывала на 3.000. Я ничѣмъ не выразила своего разочарованія, но спросила, какъ она думаетъ, поможетъ ли мнѣ кто-нибудь впослѣдствіи? Она отвѣтила, что не знаетъ, но что, по ея мнѣнію, самый лучшій планъ—поступить въ учительницы и, откладывая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ жалованья, накопить необходимую сумму».

Приходилось волей-неволей отложить на время выполненіе своего плана. Но миссъ Блекуэль была не изъ тѣхъ людей, на которыхъ неудачи дѣйствуютъ расхолаживающимъ образомъ. «Если докторской степени можно добиться путемъ сильной нравственной борьбы, то она пріобрѣтаетъ для меня только лишнюю привлекательность». Она рѣшила поступить именно такъ, какъ ей совѣтовала благожелательная леди, и взяла мѣсто учительницы музыки въ одномъ пансіонѣ Сѣверной Каролины, съ тѣмъ, чтобы прикопить себѣ хоть нѣкоторую сумму денегъ, необходимую для начала систематическихъ занятій, и въ то же время немного подготовиться по книгамъ къ предстоящему курсу. Это былъ поворотный пунктъ въ ея жизни. «Я чувствовала,—пишетъ она,—что я порываю со своей прежней жизнью, и готовлюсь поступить въ разрѣзъ со всѣми своими естественными склонностями. Но сила, могущественнѣе меня самой, казалось, увлекала меня».

Условія жизни въ Сѣверной Каролинѣ оказались довольно сносными; завѣдующій школой докторъ Диксонъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ ея планамъ и предоставилъ въ ея распоряженіе свою медицинскую библіотеку, такъ что она могла дѣйствительно приняться за подготовку къ будущимъ занятіямъ. Все свободное время, котораго у нея, впро-

чемъ, оставалось немного, она проводила за медицинскими книгами и готовилась по греческому и латинскому языку. Работы было много, а впереди предстояло еще больше, но это не смущало ея; напротивъ, самый процессъ работы, постоянная напряженная умственная дѣятельность доставляли ей удовольствіе. «Мой мозгъ,—пишетъ она матери,—такъ занятъ, какъ только возможно, и, слѣдовательно, я счастлива; человѣкъ только тогда жалокъ, когда проводитъ время праздно и глупо, не принося пользы ни себѣ, ни другимъ».

Только одно обстоятельство мѣшало ей чувствовать себя хорошо въ новомъ положеніи. Каролина, также какъ и Кентуки, принадлежала къ рабовладѣльческимъ штатамъ, и ей пришлось вторично столкнуться лицомъ къ лицу съ рабствомъ. По натурѣ, миссъ Блекуэль не могла переносить пассивно то, противъ чего возмущалось все ея нравственное существо, а между тѣмъ она ничѣмъ не могла проявить глубокаго негодованія, возбуждаемаго въ ней рабовладѣніемъ. Она попробовала открыть школу для негровъ, но оказалось, что, по законамъ штата, учить негровъ было запрещено. Волей-неволей ей пришлось оставить эту мысль, и все время, пока она жила тамъ, ее сильно мучило сознаніе, что она ничѣмъ не можетъ послужить освободительному дѣлу. Съ семьей м-ра Диксона и со всѣми окружающими у нея вскорѣ установились прекрасныя отношенія, дѣти привязались къ ней за ея постоянную веселость. Безъ ея участія не обходился ни одинъ праздникъ, устраиваемый молодежью. Всѣ знали о ея медицинскихъ планахъ и относились къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ. Домашніе даже не называли ее иначе, какъ докторъ Блекуэль. Она разсказываетъ, какъ, однажды, одинъ изъ ея товарищей учителей, смѣясь, принесъ ей жука для ея анатомическихъ занятій. «Я приняла его подарокъ,—пишетъ она,—положила насѣкомое въ коробочку, прикрѣпила булавкой и хотѣла разрѣзать его перочиннымъ ножомъ. Но отвращеніе было такъ сильно во мнѣ, что я долгое время не могла заставить себя рѣшиться на эту операцію. Зато выдержанная мною борьба принесла мнѣ большую пользу. Въ моихъ послѣдующихъ анатомическихъ занятіяхъ мнѣ уже никогда болѣе не приходилось побѣждать такого непреоборимаго отвращенія». Почти всѣ ея домашніе считали ея брезгливость, вошедшую въ поговорку, ея естетическія наклонности и инстинктивное отвращеніе къ естественнымъ наукамъ—серьезнымъ препятствіемъ къ медицинскимъ занятіямъ. Вотъ что она пишетъ по этому поводу своей матери: «Позвольте мнѣ успокоить васъ относительно моей брезгливости, моей любви къ красотѣ, моего отвращенія къ этой профессіи и т. д. Я со всѣмъ этимъ покончила. У меня нѣтъ ни тѣни колебанія. Я вполнѣ подготовлена къ серьезнымъ занятіямъ медициной».

Проживъ въ Каролинѣ два года, она рѣшила, что сбереженій ея хватитъ на первое время и что теперь ужъ пора попытаться поступить въ одну изъ медицинскихъ школъ. Въ то время Филадельфія

считалась въ Америкѣ центромъ медицинскаго образованія, и весной 1847 года миссъ Блекуэль отправилась туда изъ Чарлстона.

Въ Филадельфіи были четыре высшія медицинскія школы, и миссъ Блекуэль надѣялась, что въ одну изъ нихъ ей навѣрно удастся попасть. Устроившись въ Филадельфіи, она дѣятельно принялась хлопотать о допущеніи ея въ одну изъ этихъ школъ. Она видѣлась со всѣми почти профессорами, но добиться отъ нихъ хоть малѣйшаго содѣйствія оказалось труднѣе, чѣмъ она ожидала. Мысль, что женщина можетъ получить такое же медицинское образованіе и такія же права, какъ мужчина, казалась имъ совершенно нелѣпой. Нѣкоторые, выслушавъ ее, начинали хохотать, принимая ее, вѣроятно, за сумасшедшую, другіе возмущались и не желали отвѣчать на такія дерзкія просьбы. Большинство же старалось отдѣлаться отъ нея сочувственными фразами и неопредѣленными обѣщаніями, отъ которыхъ дѣло нисколько не подвигалось впередъ. Въ ея дневникѣ есть нѣсколько курьезныхъ описаній ея бесѣдъ съ профессорами. Между прочимъ, она описываетъ свой разговоръ съ профессоромъ Дарре. «Я изложила ему свою просьбу, и онъ цѣлыя пять минутъ сидѣлъ, не произнося ни слова. Наконецъ, я спросила его, можетъ ли онъ дать мнѣ какую-нибудь надежду. «Сударыня, предметъ нашего разговора совершенно новъ для меня, вы возбудили теченіе мыслей, надъ которыми работаетъ теперь мой мозгъ, но я не могу выразить вамъ своего мнѣнія ни за, ни противъ». — Я боюсь, что мнѣніе ваше не въ мою пользу?—«Я не говорилъ этого. Я прошу васъ, сударыня, понять, что я не выражаю мнѣнія ни въ ту, ни въ другую сторону». — Могу я говорить съ другими профессорами вашего университета?—«Я не могу взять на себя отвѣтственность, указавъ вамъ этотъ путь».—Можетъ быть, вы разрѣшите мнѣ слушать ваши лекціи, если вы ничего не имѣете противъ моего плана?—«Я не говорилъ этого. Я не высказалъ ни положительнаго, ни отрицательнаго мнѣнія и я прошу позволенія открыто заявить, что я не считаю себя вправѣ раскрыть работу моего ума въ этомъ направленіи». Я ушла разочарованная, оставивъ его умъ на свободѣ работать въ этомъ направленіи».

Докторъ Жаксонъ, профессоръ другой медицинской школы, принялъ ее нѣсколько иначе. «Я вошла къ доктору Жаксону, маленькому человѣчку съ привѣтливымъ лицомъ и сѣдыми волосами; онъ взглянулъ на меня поверхъ газеты и привѣтствовалъ словами: «Ну! что такое? Что вамъ угодно?» Я сказала, что хочу изучать медицину. Онъ расхохотался и спросилъ меня, зачѣмъ. Я изложила ему свои планы. Онъ заинтересовался, но сказалъ, что сейчасъ не можетъ дать отвѣта, что это сопряжено съ большими затрудненіями, но онъ не думаетъ, чтобы они были неустранимы. Онъ обѣщалъ дать отвѣтъ въ понедѣльникъ. Въ понедѣльникъ докторъ Жаксонъ сказалъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ для меня все, что могъ, но *всѣ* профессора возстали противъ моего намѣренія».

Такое единодушіе профессоровъ медицины въ этомъ вопросѣ объяснялось не исключительно новизной и несбыточностью этой мысли; были тутъ и другого рода причины. Нѣкоторые дѣйствительно думали, что медицина окажется не по силамъ женщинѣ и что она не въ состояніи будутъ выполнить дѣла, за которое берется. Но были и такіе, которые вполнѣ допускали, что женщина съ успѣхомъ займетъ въ медицинѣ мѣсто на ряду съ мужчиной, и именно потому-то и не хотѣли допускать ее туда. Они предусмотрительно боялись ея конкурренціи на этомъ поприщѣ, составлявшемъ до сихъ поръ монополію мужчинъ. Деканъ одной изъ наибольшихъ медицинскихъ школъ съ наивной откровенностью высказалъ ей это опасеніе. На ея просьбу о допущеніи въ число студентовъ-медиковъ, онъ отвѣтилъ: «Не можете же вы надѣяться, что мы сами снабдимъ васъ оружіемъ, которымъ вы впослѣдствіи будете разбивать намъ головы».

Конечно, не у всѣхъ, съ кѣмъ приходилось сталкиваться миссъ Блекуэль, она встрѣчала такое отношеніе. Иные искренно сочувствовали ея планамъ и отъ души желали помочь ей, но сами не могли ничего добиться. Одни совѣтовали ей ѣхать въ Парижъ, другіе предлагали надѣть мужской костюмъ и попробовать въ такомъ видѣ проникнуть въ университетъ, ревниво оберегающій свои стѣны отъ вторженія женщинъ.

«Но этотъ планъ съ переодѣваньемъ ни на минуту не привлекалъ меня,—пишетъ миссъ Блекуэль,—я предпринимала родъ крестоваго похода и должна была вести его при свѣтѣ дня... Только добившись общественной санкціи, я могла считать его удавшимся».

Ѣхать въ Парижъ ей тоже не хотѣлось, такъ какъ ея мечтой было добиться медицинскаго образованія и общественнаго признанія именно въ Америкѣ. Еслибъ это окончательно не удалось, то лишь тогда поѣхали бы она за нимъ въ Европу, и ее не остановили бы никакіе совѣты и опасенія друзей. Теперь, какъ и два года назадъ, всѣмъ ея близкимъ казалось чудовищнымъ, что молодая незамужняя женщина можетъ поѣхать одна въ Парижъ. «Самая атмосфера тамъ пропитана порокомъ,—говорили ей,—и никто не можетъ дышать ею, не заражаясь. Это немыслимо. Вы погибли, если поѣдете туда!» Докторъ Уарингтонъ, очень сочувствовавшій вообще ея планамъ, сказалъ ей, когда она заговорила о Парижѣ, что это ужасное мѣсто и лучше ей оставить всякую мысль о медицинѣ, чѣмъ отправиться туда. «Я отвѣтила доктору,—пишетъ миссъ Блекуэль,—что если бы мнѣ пришлось для достиженія своей цѣли спуститься въ адъ, то я и передъ этимъ не остановилась бы. Я не думаю, что, пробывъ нѣсколько времени съ дьяволами, я сама превращусь въ дьявола, — докторъ въ отвѣтъ только удивленно посмотрѣлъ на меня».

Пробовать изучать медицину частнымъ образомъ тоже было трудно; во-первыхъ, для этого нужны были большія средства, и скром-

ныхъ учительскихъ сбереженій, конечно, не могло хватить, а во-вторыхъ, общее несочувствіе всего медицинскаго міра одинаково помѣшало бы ей и здѣсь. Всѣ вспомогательныя средства—лабораторіи, музеи, библіотеки остались бы, все равно, закрытыми для женщины.

Между тѣмъ, лѣто проходило, приближалось начало осенняго семестра, и миссъ Блекуэль съ грустью думала, что и этотъ годъ пройдетъ въ безплодныхъ попыткахъ, безъ всякой пользы для начатаго дѣла. Изъ всѣхъ медицинскихъ школъ Филадельфіи и Нью-Іорка, куда она тоже посылала прошенія, получился категорически отрицательный отвѣтъ. Тогда миссъ Блекуэль пришла въ голову еще одна мысль. Она достала списокъ всѣхъ медицинскихъ школъ, существующихъ въ сѣверныхъ штатахъ, и въ двѣнадцать лучшихъ изъ нихъ послала прошенія о пріемѣ. Снова началось тревожное время ожиданія. Дни шли за днями, не принося желаемаго отвѣта. Наконецъ, въ концѣ октября, когда миссъ Блекуэль теряла уже послѣднюю надежду, получилось слѣдующее письмо изъ Женевы, небольшого городка въ западной части Нью-Іоркскаго штата:

Женева, 20 октября 1847 г.

Елизаветѣ Блекуэль, Филадельфія.

«Мнѣ поручено медицинскимъ факультетомъ женевскаго университета извѣстить васъ о полученіи вашего письма отъ 3-го числа текущаго мѣсяца. Совѣтъ факультета собрался вчера вечеромъ первый разъ съ начала новой сессіи и нашелъ необходимымъ передать ваше предложеніе студентамъ, у которыхъ былъ въ то время митингъ, и затѣмъ поступить вполнѣ согласно ихъ рѣшенію, не оказывая на него съ своей стороны никакого давленія. Я посылаю вамъ результатъ ихъ совѣщаній, и считаю нужнымъ съ своей стороны прибавить только, что вамъ теперь нечего смущаться и что вы можете при нѣкоторой долѣ осмотрительности не только обезоружить критику, но и достигнуть высшихъ ученыхъ степеней, нисколько не унижая этимъ медицинской профессіи.

«Желая вамъ успѣха, какой только можетъ быть достигнутъ при современномъ состояніи общества, остаюсь уважающій васъ

«Чарльсъ Ли, деканъ факультета».

Къ письму былъ приложенъ слѣдующій интересный документъ:

«На митингѣ всего медицинскаго факультета, женевскаго университета, собравшемся сегодня, 20 октября 1847 года, были единогласно приняты слѣдующія рѣшенія:

«*Рѣшено*—что однимъ изъ основныхъ принциповъ республиканскаго строя служитъ общее образованіе обоихъ половъ; что путь ко всѣмъ отраслямъ научнаго образованія долженъ быть одинаково открытъ для всѣхъ; что просьба Елизаветы Блекуэль о включеніи ея въ число студентовъ нашего университета встрѣтила наше полное одобреніе.

«Въ добавленіе къ нашему единодушному приглашенію мы ручаемся, что никогда наше поведеніе не заставитъ ея раскаяться въ намѣреніи поступить въ нашу школу.

«*Рѣшено*—копія съ этого протокола будетъ подписана предсѣдателемъ собранія и передана Елизаветѣ Блекуэль.

«Т. Ж. Страттонъ, предсѣдатель».

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела эта бумага на миссъ Блекуэль. Наконецъ-то передъ ней открылись двери, въ которыя она такъ долго и тщетно стучалась, наконецъ она нашла людей, не побоявшихся оказать помощь новому дѣлу. Теперь уже въ значительной степени отъ нея самой зависѣло, какъ сложится ея дальнѣйшая жизнь. Она понимала, что беретъ на себя отвѣтственную роль и что теперь глаза многихъ и многихъ будутъ слѣдить за ней. Такой необычный фактъ, какъ допущеніе женщины въ медицинскую школу, возбудилъ, конечно, общее вниманіе. Его обсуждали, о немъ, а слѣдовательно и о ней, писали въ газетахъ. Она чувствовала, что малѣйшій ея невѣрный шагъ, неудача въ научныхъ занятіяхъ, неумѣнье установить отношенія съ профессорами и студентами,—все будетъ отнесено на счетъ женщинъ вообще.

Ея появленіе въ маленькомъ университетскомъ городкѣ произвело громадную сенсацію.

По улицамъ за ней толпами бѣгали мальчишки, и не только они,—городскія дамы собирались на углу, посмотрѣть, какъ она будетъ выходить изъ своего дома, отправляясь въ университетъ. По городу сейчасъ же распространились всевозможныя сплетни. Говорили, что она сумасшедшая и сомнѣвающіяся скоро убѣдятся въ этомъ, такъ какъ у нея бываютъ припадки буйнаго помѣшательства. Говорили, что она преслѣдуетъ самыя низкія цѣли, а какія—это покажетъ ближайшее будущее. Однимъ словомъ, пріѣхавъ въ Женеву, миссъ Блекуэль сразу очутилась какъ бы въ осадномъ положеніи. Она не рѣшалась выходить изъ дому, чтобы не подвергнуться уличнымъ оскорбленіямъ; не могла завязать никакихъ знакомствъ, такъ какъ жены и дочери докторовъ считали знакомство съ нею позоромъ.

«Я никогда не гуляла, — пишетъ она, — и только ежедневно спѣшила въ университетъ, какъ въ единственное вѣрное убѣжище. Когда за мной захлопывались его тяжелыя двери, я чувствовала, что все недоброжелательство, окружавшее меня, осталось позади».

И дѣйствительно, въ стѣнахъ университета ея встрѣтило совершенно иное отношеніе. Студенты строго исполнили свое обѣщаніе и никогда не подали миссъ Блекуэль повода пожалѣть, что она такъ довѣрчиво вступила въ ихъ среду. Конечно, появленіе женщины въ аудиторіи не могло пройти для нихъ незамѣченнымъ. Оно должно было неминуемо произвести на нихъ то или иное дѣйствіе, и оно дѣйствительно не осталось безъ вліянія на студентовъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ бывшихъ студентовъ женевскаго университета появленіе мисъ Блекуэль:

«Я слушалъ курсъ медицинскихъ наукъ въ медицинской школѣ въ Женевѣ въ 1847—1848 году. Курсъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 150 студентовъ; это были по большей части молодые люди изъ сосѣднихъ городовъ. Они были грубы, распущены и буйны выше всякой мѣры. Не разъ сосѣдніе жители писали жалобы факультету, угрожая закрыть школу, если эти безобразія не прекратятся. Во время лекціи часто было невозможно разслышать профессора изъ-за шума.

«Черезъ нѣсколько недѣль послѣ начала занятій, деканъ появился въ аудиторіи съ письмомъ въ рукахъ. Любопытство было возбуждено до крайности, когда онъ заявилъ, что оно содержитъ самую странную просьбу, какую когда-либо приходилось выслушивать факультету. Письмо было написано однимъ докторомъ изъ Филадельфіи и заключало въ себѣ просьбу принять въ качествѣ студента—женщину, занимавшуюся у него медициной. Онъ заявлялъ, что ей было отказано многими университетами, но такъ какъ наша школа находилась въ провинціи, то онъ надѣялся, что она окажется болѣе свободной отъ предразсудковъ. Деканъ сказалъ, что факультетъ выслушалъ эту просьбу и поручилъ ему сообщить рѣшеніе студентамъ. Факультетъ рѣшилъ передать вопросъ на разсмотрѣніе студентамъ съ такимъ условіемъ, что если хоть одинъ студентъ будетъ противъ допущенія, то отвѣтъ данъ будетъ отрицательный. Изъ этого явно слѣдовало, что факультетъ не желаетъ допускать ея, но хочетъ избѣжать прямого отказа, и передавалъ вопросъ студентамъ, обставивъ его такъ, что отвѣтъ, какъ казалось, несомнѣнно долженъ былъ получиться отрицательный.

«Но студентамъ все это дѣло представилось чрезвычайно забавнымъ, и заявленіе было принято съ самыми шумными выраженіями одобренія. Вечеромъ былъ назначенъ митингъ, и всѣ студенты съ нетерпѣніемъ ожидали его. Въ защиту мнѣнія, одобрявшаго допущеніе женщины, произнесено было нѣсколько самыхъ горячихъ рѣчей, выслушанныхъ съ восторгомъ. На поставленный въ концѣ концовъ вопросъ, отвѣтило, какъ казалось, единогласное оглушительное: «Да!» Когда былъ предложенъ вопросъ въ отрицательной формѣ, послышался только одинъ голосъ, произнесшій робкое «Нѣтъ!» Послѣдовавшая за тѣмъ сцена превосходитъ всякое описаніе. Вся масса хлынула въ тотъ уголъ, откуда раздался голосъ, и робко протестовавшій членъ радъ былъ признать свою ошибку и взять назадъ свой голосъ. Факультетъ принялъ рѣшеніе студентовъ съ явнымъ неудовольствіемъ и послалъ лэди извѣщеніе, что она принята въ число студентовъ.

«Прошло недѣли двѣ, лэди-студентъ не появлялась, принятіе ея было почти забыто и студенты по прежнему продолжали буянить.

«Однажды утромъ, совершенно неожиданно, въ аудиторію вмѣстѣ съ профессоромъ вошла лэди. Ея появленіе въ этомъ Бедламѣ оказало магическое дѣйствіе на всѣхъ студентовъ. Каждый поспѣшилъ на свое

мѣсто и воцарилось полнѣйшее молчаніе. Первое время лекція шла безъ малѣйшихъ перерывовъ; каждое слово слышно было такъ отчетливо, какъ будто въ комнатѣ находился только одинъ человѣкъ. Внезапное превращеніе нашихъ студентовъ изъ распущенныхъ бездѣльниковъ въ джентльменовъ, единственно благодаря присутствію женщины, оказалось прочнымъ. Курсъ сталъ самымъ чиннымъ, какой только можно себѣ представить».

Первое время студенты были нѣсколько смущены непривычнымъ присутствіемъ женщины въ ихъ безцеремонной средѣ; оно стѣсняло ихъ. Кромѣ того, многимъ казалось все-таки слишкомъ страннымъ, чтобы женщина могла добиваться поступленія въ университетъ исключительно изъ желанія учиться; они старались открыть тутъ еще какую-нибудь постороннюю наукѣ цѣль. Ходили всевозможныя предположенія и догадки, часто самыя неправдоподобныя. Нѣкоторые высказывали, напримѣръ, мысль, что это просто мистификація, устроенная сосѣдней враждовавшей съ ними школой, чтобы посмѣяться надъ ними. Но на отношенія къ миссъ Блекуэль всѣ эти слухи не оказывали никакого вліянія. Выжидая и присматриваясь, студенты вели себя въ высшей степени сдержанно и деликатно. Никогда ни малѣйшаго замѣчанія на ея счетъ не долетало до ея слуха; ея мѣсто въ различныхъ аудиторіяхъ всегда внимательно сохранялось для нея. Только одинъ разъ, пишетъ миссъ Блекуэль, еще въ самомъ началѣ, во время лекціи на плечо ей упала какая-то записка. Она сдѣлала видъ, что не замѣтила ея, и сбросила на полъ, а шутникъ былъ сейчасъ-же остановленъ общимъ неодобрительнымъ шиканьемъ. «Я сидѣла среди этой громадной толпы молодыхъ людей,—вспоминаетъ миссъ Блекуэль,—совершенно такъ же спокойно, какъ если бы это были муміи. По временамъ мнѣ казалось, что я, можетъ быть, даже слишкомъ сдержана, но при томъ положеніи, какое занимала я, это было неизбѣжно». Проходили недѣли, никакой задней цѣли, привлекшей миссъ Блекуэль въ университетъ, не открывалось, она держала себя все также ровно и спокойно, все также усердно занималась, и мало-по-малу студенты убѣдились, что ихъ новый товарищъ такой же студентъ, какъ и они, только, можетъ быть, болѣе серьезно относящійся къ дѣлу. Въ ней перестали видѣть любопытную диковинку, а въ ея намѣреніи учиться—непонятную и забавную прихоть; постепенно и незамѣтно она побѣдила предубѣжденіе и заставила заинтересоваться собой, не какъ курьезомъ, а какъ человѣкомъ, настойчиво и прямо идущимъ къ опредѣленной цѣли. Съ нѣкоторыми изъ студентовъ, съ которыми условія занятій заставляли ее сталкиваться чаще, у нея скоро завязались самыя дружескія отношенія. «По возрасту я была старше ихъ,—пишетъ миссъ Блекуэль,—а они относились ко мнѣ, какъ къ старшей сестрѣ».

Съ профессорами дѣло обстояло нѣсколько иначе. Уже при самомъ поступленіи миссъ Блекуэль, они, какъ мы видѣли, далеко не такъ единодушно высказались въ ея пользу, какъ студенты. Имъ, повиди-

мому, было труднѣе, чѣмъ студентамъ, отрѣшиться отъ мысли, что ихъ новый слушатель—женщина, а не такой же студентъ, какъ остальные. Профессоръ анатоміи, напримѣръ, нашелъ необходимымъ не допускать миссъ Блекуэль на нѣкоторыя изъ своихъ лекцій и операцій, мотивируя это тѣмъ, что присутствіе женщины стѣснитъ и его, и студентовъ, и лишитъ его курсъ той научной полноты и свободы, которыхъ вправѣ требовать отъ него слушатели. Такое отношеніе и удивило, и огорчило миссъ Блекуэль — опять въ ней не хотѣли видѣть только человѣка, ищущаго знанія, опять ей ставили ограниченія тамъ, гдѣ, повидимому, она добилась уже полной равноправности. Она отвѣтила м-ру Уэстбери письмомъ, въ которомъ, конечно, соглашалась подчиниться его рѣшенію, если таково было желаніе и его самого, и студентовъ, но выражала большое сожалѣніе по этому поводу. Она не допускала, чтобы въ наукѣ были такія области, изученіе которыхъ могло оскорбить чью бы то ни было скромность. Ея удивляло, какъ подобныя соображенія могутъ хоть на минуту оказывать вліяніе на людей, умъ которыхъ долженъ быть очищенъ и возвышенъ постояннымъ соприкосновеніемъ съ свѣтлой областью науки. Она заканчивала письмо предложеніемъ—садиться на заднія скамейки и выражала увѣренность, что интересъ къ предмету заставитъ, конечно, профессора забыть о присутствіи студента за № 130 (ея номеръ по списку). Профессоръ прочелъ студентамъ отвѣтъ миссъ Блекуэль и сказалъ, что съ своей стороны онъ признаетъ вполнѣ справедливость ея возраженія и находитъ, что женщина, одушевленная такимъ благороднымъ стремленіемъ къ знанію, заслуживаетъ общей поддержки. Вслѣдъ затѣмъ онъ самъ отворилъ двери, и миссъ Беклуэль заняла свое мѣсто при шумныхъ привѣтствіяхъ студентовъ. Курсъ анатоміи продолжался безъ малѣйшаго ущерба въ полнотѣ, только исчезли нѣкоторыя, не относящіяся къ наукѣ шутки и замѣчанія, какими профессоръ любилъ раньше разнообразить свои лекціи. Старые студенты находили, что они никогда еще не слышали болѣе серьезнаго и строго научнаго изложенія курса.

Мало-по-малу всѣ эти неизбѣжныя при началѣ неровности исчезали, и къ концу года миссъ Блекуэль завоевала общую симпатію и уваженіе школы. И сама она горячо привязалась къ своей новой, болѣе обширной семьѣ. Въ своихъ письмахъ домой она разсказываетъ, какъ грустно ей было уѣзжать на лѣто изъ Женевы въ Филадельфію, гдѣ ей представилась возможность заниматься въ госпиталѣ. Осенью она какъ въ родной домъ стремилась назадъ къ своимъ новымъ, молодымъ и старымъ, друзьямъ.

Опять начались серьезныя и трудныя занятія, наполняя все время и поглощая всѣ силы миссъ Блекуэль. Никакія внѣшнія событія не нарушали однообразнаго, но полнаго содержанія теченія ея трудовой жизни. «Я жила въ моей комнатѣ и въ школѣ; впечатлѣнія внѣшняго міра мало доходили до меня», пишетъ она.

Между тѣмъ, приближалось окончаніе курса. Одинъ изъ братьевъ миссъ Блекуэль пріѣхалъ въ Женеву, чтобы присутствовать на ея первомъ торжествѣ. «Если вы добьетесь своего,—говорилъ ей еще въ началѣ деканъ факультета, — глаза всѣхъ сразу откроются. Не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ треть нашей школы будетъ состоять изъ женщинъ... Вы создадите цѣлое движеніе. Когда вы кончите курсъ, мы съ торжествомъ вручимъ вамъ дипломъ». И дѣйствительно, въ этомъ году день раздачи дипломовъ превратился въ настоящій праздникъ въ честь миссъ Блекуэль. И студенты, и профессора, и даже враждебные ей раньше городскіе обыватели сошлись на этотъ разъ поздравить ее. Всѣ чувствовали, что въ этотъ день заканчивается завоеваніе новой области женскаго труда, и въ лицѣ миссъ Блекуэль привѣтствовали піонера въ дѣлѣ открытія новаго пути женщинамъ. Отъ прежняго недовѣрія и недоброжелательства не осталось и слѣда, успѣхъ, какъ всегда, сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать никакія доказательства. «Я убѣдился въ этотъ день, — пишетъ братъ миссъ Блекуэль,—что наша Елизавета общая любимица и студентовъ, и профессоровъ». «Если кто-нибудь изъ всего курса имѣетъ право на дипломъ,—съ гордостью говорили студенты,—то, конечно, прежде всѣхъ наша Лиззи». Профессора, забывая свое прежнее отношеніе, радовались, что именно изъ ихъ университета выйдетъ первая женщина-врачъ.

Торжество началось утромъ процессіей окончившихъ студентовъ. Миссъ Блекуэль не принимала въ ней участія и явилась съ братомъ прямо въ церковь, гдѣ происходилъ актъ. Церковь была переполнена любопытными, и глаза всѣхъ съ интересомъ слѣдили за невысокой, тоненькой фигурой дѣвушки въ черномъ платьѣ, одиноко появившейся въ толпѣ студентовъ. Одинъ за другимъ выходили студенты за дипломами, и, наконецъ, деканъ прочелъ послѣдній дипломъ, замѣнивъ первый разъ слово «dominus» словомъ «domina». Миссъ Блекуэль вышла на трибуну, деканъ вручилъ ей дипломъ, профессора горячо поздравили ее и она уже повернулась идти назадъ, но потомъ остановилась и сказала: «Сэръ, благодарю васъ; съ Божьей помощью я поставлю цѣлью всей моей жизни принести честь вашему диплому».

Громъ аплодисментовъ покрылъ ея слова, и она, сильно сконфуженная, заняла свое мѣсто среди молодыхъ врачей. Вслѣдъ затѣмъ на каѳедрѣ появился деканъ, д-ръ Ли, и, по обычаю, длинной рѣчью привѣтствовалъ окончившихъ. Поздравивъ ихъ и пожелавъ имъ успѣха, онъ выразилъ сожалѣніе, что въ обществѣ такъ мало распространены даже самыя основныя медицинскія понятія, вслѣдствіе чего всевозможные шарлатаны такъ легко пріобрѣтаютъ довѣріе. Потомъ онъ перешелъ къ тому нововведенію, которое допустилъ въ своихъ стѣнахъ женевскій университетъ и которое неминуемо должно вызвать подражанія. Онъ сказалъ, что опытъ допущенія женщины къ занятіямъ медициной надо признать не только удавшимся, но положительно блестящимъ. Миссъ Блекуэль нетолько шла въ уровень съ остальными

студентами—она сдѣлалась главой своего курса; она изучила всѣ отрасли медицины и ни одна не оказалась ей не по силамъ; она взяла отъ школы все, что послѣдняя могла дать. Своимъ поведеніемъ она доказала, что строгій умъ и крѣпкіе нервы могутъ сочетаться съ истинно женской деликатностью, граціей и сердечной нѣжностью. Студенты нѣсколько разъ прерывали рѣчь доктора Ли бурными аплодисментами, выражая полное согласіе.

Когда актъ приходилъ уже къ концу, на каѳедрѣ неожиданно появился епископъ — глава консервативной партіи города, и, къ общему изумленію присутствующихъ, сказалъ тоже привѣтственную рѣчь миссъ Блекуэль.

При выходѣ изъ церкви миссъ Блекуэль окружила цѣлая толпа городскихъ дамъ, желавшихъ, въ свою очередь, поздравить и пожелать успѣха той, которой прежде они съ сомнѣніемъ протягивали руку. Еще два дня провела миссъ Блекуэль въ Женевѣ, и за все это время дверь ея комнаты не закрывалась, впуская и выпуская все новыхъ посѣтителей, хотѣвшихъ выразить ей свое искреннее удивленіе и сочувствіе.

Не одна Женева приняла такое близкое участіе въ успѣхѣ миссъ Блекуэль: почти всѣ американскія газеты облетѣла сенсаціонная новость, что женщина, *первая женщина во всемъ мірѣ*, получила званіе врача. Проникло это извѣстіе и въ Европу, и почти всѣ газеты съ такимъ же единодушіемъ привѣтствовали удавшуюся попытку, съ какимъ ранѣе возмущались и осмѣивали трудные первые шаги.

Получивъ докторскій дипломъ, миссъ Блекуэль не считала себя въ правѣ приняться немедленно за медицинскую практику. Ей недоставало еще практической опытности, да и теоретическая подготовка ея не могла считаться совершенно законченной. Она рѣшила посвятить еще нѣсколько лѣтъ на усовершенствованіе въ тѣхъ отрасляхъ медицины, которыя ее особенно привлекали. Докторскій дипломъ сразу отворилъ ей всѣ двери, которыя такъ тщательно запирались передъ ней два, три года назадъ. Профессора Филадельфіи радушно встрѣтили ее, и она могла безпрепятственно слушать ихъ лекціи и посѣщать больницы. Но она не долго оставалась тамъ. Ее влекло въ Европу, гдѣ занятія медициной можно было обставить несравненно лучше, чѣмъ въ Америкѣ. Въ это время одинъ ея родственникъ, пріѣзжавшій по дѣламъ въ Америку, возвращался назадъ въ Англію, и она охотно приняла его приглашеніе поѣхать вмѣстѣ на родину. Женевскіе профессора и другіе доктора, сочувствовавшіе дѣлу миссъ Блекуэль, снабдили ее массой рекомендательныхъ писемъ, и они, а, главное, докторскій дипломъ, должны были открыть ей свободный доступъ въ европейскія клиники и больницы. Теперь уже въ своихъ научныхъ занятіяхъ она не встрѣчала болѣе серьезныхъ помѣхъ. И въ Ливерпулѣ, гдѣ она остановилась сначала, и въ Лондонѣ, врачи и профессора встрѣчали ее, какъ товарища по профессіи, и охотно оказывали ей всякую помощь. Положимъ, ея появленіе вызывало еще сильное удивленіе, но удивленіе, смѣшанное

уже не съ презрѣніемъ, какъ прежде, а съ уваженіемъ. Она описываетъ, какъ почти всегда, когда она являлась въ новую клинику, студенты толпой высыпали смотрѣть на невиданную еще въ Европѣ диковинку—женщину-доктора. Но это понятное любопытство скоро проходило и нисколько не мѣшало ея занятіямъ. Она осмотрѣла всѣ главныя больницы Лондона, Ливерпуля и Бирмингама, посѣтила медицинскіе музеи и, наконецъ, рѣшила поѣхать въ Парижъ.

Всѣ ея американскіе друзья убѣждали ее непремѣнно прожить нѣкоторое время въ Парижѣ, гдѣ медицина, и особенно хирургія, была поставлена лучше, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ европейскомъ центрѣ. Въ Парижѣ миссъ Блекуэль поступила въ качествѣ ученицы въ извѣстную женскую больницу La Maternité, съ цѣлью изучить женскія болѣзни и акушерство, которымъ она до тѣхъ поръ совсѣмъ не занималась. Въ этомъ своеобразномъ заведеніи, она пробыла нѣсколько мѣсяцевъ, подчиняясь всѣмъ правиламъ его монастырскаго устава. Прекрасно поставленныя занятія искупали крайнюю суровость режима, и миссъ Блекуэль съ удовольствіемъ вспоминала потомъ тяжелые мѣсяцы своего добровольнаго заточенія. Въ это время съ миссъ Блекуэль случилось большое несчастье, измѣнившее нѣсколько ея планы на будущее. Производя операцію одной больной, страдавшей гнойнымъ воспаленіемъ глазъ, она заразилась сама, и нѣсколько недѣль ей угрожала опасность совсѣмъ лишиться зрѣнія. Энергичное лѣченье спасло ее отъ этого несчастья, но одинъ глазъ она все же потеряла. Послѣ этого ей пришлось навсегда оставить мысль о хирургіи, которую она намѣревалась раньше избрать своей спеціальностью.

Настроеніе миссъ Блекуэль было въ этотъ періодъ довольно грустное—та отрасль медицины, которая наиболѣе привлекала ее, сдѣлалась для нея недоступной, да и въ остальныхъ ей не удавалось до сихъ поръ серьезно практиковаться. Въ больницахъ, которыя она посѣщала, ее любезно принимали въ качествѣ гостьи, но ни въ одной, кромѣ больницы La Maternité въ Парижѣ, ей не удавалось устроиться болѣе прочно, какъ она ни хлопотала объ этомъ.

Первая больница, рѣшившаяся, наконецъ, допустить къ себѣ женщину, былъ госпиталь св. Варѳоломея въ Лондонѣ. Послѣ долгихъ совѣщаній, завѣдующій госпиталемъ медицинскій совѣтъ постановилъ допустить миссъ Блекуэль въ госпиталь для практическихъ занятій медициной. «Это было поистинѣ радостное извѣстіе,—пишетъ миссъ Блекуэль.—Наконецъ, передо мной открылась широкая дорога; больше на меня не будутъ смотрѣть подозрительно... Наконецъ, я могу вступить на широкое поприще практической медицины, куда я такъ страстно стремилась». Въ госпиталѣ св. Варѳоломея, какъ и вездѣ, ея присутствіе на равныхъ правахъ съ врачами и студентами произвело сначало нѣкоторый переполохъ. Одни смотрѣли на нее, какъ на чудо, одаренное совершенно неестественными дарованіями, другіе, напротивъ, презрительно пожимали плечами, встрѣчая въ палатахъ больницы эту

«эксцентричную, оригинальничающую женщину». Словомъ, общее любопытство было возбуждено въ высшей степени.

Впрочемъ, любопытство было скоро удовлетворено, и не оно мѣшало миссъ Блекуэль въ ея новыхъ занятіяхъ. Несравненно труднѣе было бороться съ принципіальнымъ нежеланіемъ допускать женщину къ врачебной дѣятельности. «Профессоръ акушерства и женскихъ и дѣтскихъ болѣзней,—пишетъ миссъ Блекуэль своей сестрѣ,—написалъ мнѣ любезное письмо, сообщая, что онъ совершенно не одобряетъ занятія медициной женщинъ и не можетъ поэтому оказать мнѣ никакой помощи». Такимъ образомъ, вся область женскихъ и дѣтскихъ болѣзней въ госпиталѣ св. Варѳоломея была совершенно закрыта для нея. Къ счастью, она занималась въ Парижѣ спеціально этой отраслью медицины и потому могла легко обойтись безъ помощи лондонскаго профессора. И не одинъ только профессоръ акушерства не хотѣлъ признавать медицинскихъ правъ миссъ Блекуэль,—остальные ея коллеги тоже смотрѣли на нее съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Общественное мнѣніе Европы не могло сразу примириться съ такимъ неслыханнымъ фактомъ. «У меня въ сущности совсѣмъ нѣтъ медицинскихъ друзей,—писала она сестрѣ,—всѣ мужчины, съ какими мнѣ приходится сталкиваться, какъ будто отдѣлены отъ меня невидимой, но неприступной стѣной. Это не всегда будетъ такъ; когда всѣ освоятся съ новизной этого факта, мужчины и женщины будутъ вѣрными друзьями въ медицинѣ, но пока это невозможно».

Какъ и слѣдовало ожидать, дѣло миссъ Блекуэль, даже тогда, когда оно было уже осуществлено, встрѣчало меньше всего сочувствія среди женщинъ. Свойственный женщинамъ консерватизмъ, привитая вѣками мелочность и узость взглядовъ, недостатокъ великодушія—сказались и въ данномъ случаѣ. Очень немногія женщины, съ которыми встрѣчалась миссъ Блекуэль, оказались способными оцѣнить, какую услугу оказала имъ миссъ Блекуэль своей энергіей и настойчивостью. Среди нихъ особенно горячо и искренно отнеслась къ ней лэди Байронъ. Дружба, завязавшаяся между нею и миссъ Блекуэль, продолжалась и послѣ того, какъ миссъ Блекуэль вернулась назадъ въ Америку. Въ своихъ разнообразныхъ начинаніяхъ миссъ Блекуэль всегда встрѣчала поддержку, а иногда и существенную помощь со стороны лэди Байронъ. Но такихъ было очень и очень немного, большинство смотрѣли на нее съ недовѣріемъ, даже съ недоброжелательствомъ. «М-ръ Пагетъ (директоръ госпиталя св. Варѳоломея),—пишетъ миссъ Блекуэль,—говорилъ мнѣ, что я встрѣчу значительно больше предубѣжденія со стороны женщинъ, чѣмъ со стороны мужчинъ. И я готова къ этому. Чѣмъ слѣпѣе предразсудокъ, тѣмъ онъ упорнѣе. Женщины удивительно цѣпко держатся своихъ привычныхъ взглядовъ. Но чувства отдѣльныхъ людей не могутъ помѣшать назрѣвшему дѣлу».

Именно такимъ назрѣвшимъ уже дѣломъ считала миссъ Блекуэль рас-

ширеніе сферы дѣятельности женщинъ. Она всю жизнь и словомъ, и примѣромъ пропагандировала женскую самостоятельность и право женщины на всѣ отрасли человѣческаго труда, но рядомъ съ этимъ она всегда была противницей такого женскаго движенія, которое ставитъ своею цѣлью борьбу съ мужчинами во имя женскихъ правъ. Она считала, что женщины должны не отвоевывать свои права, а доказывать на дѣлѣ свои общественныя дарованія и силы. Поэтому она никогда не вступала въ спеціально женскія общества, занимающіяся разрѣшеніемъ такъ называемаго женскаго вопроса. По ея мнѣнію, женщины должны были соединяться для работы на общечеловѣческую пользу и этимъ путемъ добиваться признанія того, что женщина можетъ быть общественнымъ дѣятелемъ, равноправнымъ съ мужчиною. При самомъ началѣ докторской дѣятельности миссъ Блекуэль, въ Америкѣ образовалось общество для защиты правъ женщины; учредители его настойчиво просили миссъ Блекуэль принять въ немъ участіе, но она отказалась, мотивируя это слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ матери: «У нихъ много энергіи, много чувства, но, по моему, мало ясной и строгой мысли. Въ душѣ я причислила это общество къ такимъ, которымъ можно сочувствовать, при случаѣ помочь, но въ которыя нельзя войти тѣломъ и душой. Я не могу всецѣло сочувствовать анти-мужскому движенію. Я слишкомъ много видѣла доброты, справедливаго признанія и помощи со стороны мужчинъ, чтобы смотрѣть иначе, какъ съ сожалѣніемъ на такое отношеніе женщинъ, и думаю, что свободы надо добиваться инымъ путемъ... Моя голова полна идей объ организаціяхъ, но только не объ организаціи женщинъ противъ мужчинъ».

Первые годы ея медицинской практики были поистинѣ тяжелымъ временемъ въ ея жизни. Все вокругъ было настроено недовѣрчиво и враждебно. Въ Нью-Іоркѣ, гдѣ она поселилась, вернувшись изъ Европы, передъ ней были заперты всѣ двери. *Семь лѣтъ* въ ея пріемную не заходила почти ни одна паціентка, денежныя дѣла ея были крайне плохи, а нравственное состояніе еще хуже. Почта почти ежедневно приносила ей оскорбительныя письма.

Она подала прошеніе о принятіи ея въ женское отдѣленіе городской больницы, но получила категорическій отказъ, сопровождаемый совѣтомъ открыть лучше свою собственную больницу. Вообще, товарищи врачи далеко не всегда старались поддерживать ее на этихъ первыхъ трудныхъ шагахъ. Чаще они сами не могли побѣдить своего инстинктивнаго предубѣжденія противъ новаго сотоварища. Курьезный случай разсказываетъ миссъ Блекуэль изъ первыхъ лѣтъ своей практики. «При одномъ тяжеломъ случаѣ воспаленія легкихъ у пожилой лэди, я пригласила на консультацію добродушнаго и очень уважаемаго доктора. Осмотрѣвъ паціентку, господинъ этотъ вышелъ со мной въ гостиную. Здѣсь онъ началъ въ волненіи бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, восклицая: «Въ высшей степени удивительный случай! Ничего подобнаго со мной никогда раньше не случалось. Я положительно не знаю, что дѣ-

лать!» Я слушала съ тревогой и недоумѣніемъ, такъ какъ это былъ совершенно ясный случай воспаленія легкихъ и въ не особенно сильной степени, пока, наконецъ, не догадалась, что его безпокойство относилось не къ паціенткѣ, а ко мнѣ и къ необходимости консультировать съ женщиной-врачемъ!» Это, конечно, было бы только смѣшно, еслибъ слѣдствіемъ подобнаго отношенія не являлась полная невозможность что-нибудь дѣлать. Теперь, когда самое трудное—право лѣчить, было достигнуто, тяжело было натолкнуться на новую непреодолимую преграду—нежеланье лѣчиться у женщины. Немудрено, что въ письмахъ миссъ Блекуэль этого времени попадаются такія строки: «Я рада, что я, а не кто-нибудь другой предпринялъ эту работу піонера. Я понимаю теперь, почему никто не захотѣлъ ранѣе жить этою жизнью. Тяжело жить безъ всякой поддержки, кромѣ сознанія высокой цѣли, жить окруженной всевозможными проявленіями общественной оппозиціи».

Но такія грустныя ноты только изрѣдка прорывались у миссъ Блекуэль; ея основной чертой была бодрость и энергія, и она не давала унынію надолго овладѣвать собой. Она искала и находила выходъ изъ такого ненормальнаго положенія. Ее намѣренно игнорировали, — она заставляла вспоминать о себѣ. Она печатала статьи и читала лекціи по вопросамъ медицины, обращавшія на себя вниманіе и вызывавшія одобреніе непредубѣжденныхъ слушателей. Первый опытъ въ этомъ направленіи она сдѣлала на второй же годъ по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ. Она прочла рядъ лекцій о физическомъ воспитаніи дѣвочекъ. Курсъ привлекъ постепенно многочисленную, преимущественно женскую аудиторію, и сопровождался большимъ успѣхомъ. За нимъ послѣдовали другія лекціи, упрочившія мало-по-малу за миссъ Блекуэль репутацію человѣка съ широкимъ теоретическимъ медицинскимъ образованіемъ. Удачное лѣченье ея случайныхъ паціентокъ подрывало недовѣріе къ ней, какъ къ врачу-практику.

Но самымъ смѣлымъ и крупнымъ шагомъ въ этомъ направленіи было устройство собственной больницы. Это было дѣйствительно рискованное предпріятіе, которое могло бы въ случаѣ неудачи надолго затормозить ея дѣло. Затѣвать больницу одной, какъ иронически совѣтовало ей управленіе Нью-Іоркской городской больницы, было, конечно, немыслимо; соединяться съ врачами-мужчинами она не могла, да и не желала. Ея мечтой было осуществить это серьезное дѣло исключительно женскими силами. Она ждала, когда у нея явятся помощники изъ женщинъ. Ея сестра, миссъ Эмилія Блекуэль, избрала подобно ей своею спеціальностью медицину и такъ же какъ миссъ Елизавета, только съ меньшимъ трудомъ, добилась медицинскаго образованія и докторскаго диплома въ медицинской школѣ Клевеланда. Въ 1856 году она пріѣхала въ Нью-Іоркъ, и обѣ сестры съ тѣхъ поръ никогда болѣе не разставались. Въ то же время къ нимъ присоединилась и третья женщина-врачъ, получившая докторскій дипломъ тоже въ Клевеландѣ —

миссъ Марія Закржевская. Теперь, не чувствуя себя болѣе одинокою, миссъ Блекуэль рѣшилась наконецъ приступить къ осуществленію своего смѣлаго плана. Первыя извѣстія о немъ, проникшія въ публику, вызвали цѣлую бурю негодованія. «Говорили, что никто не отдастъ дома для такой цѣли; говорили, что женщины-врачи такъ подозрительны, что должна бы вмѣшаться полиція; что тѣ свидѣтельства о смерти, которыя они выдадутъ, не будутъ считаться законными, что онѣ принадлежатъ къ тому классу людей, самое общеніе съ которыми можно считать позоромъ; что онѣ не имѣютъ права лѣчить паціентовъ, если главнымъ врачемъ не будетъ мужчина; что если произойдетъ что-нибудь, не только вся медицинская профессія, но все общество будетъ обвинять попечителей, допустившихъ такое предпріятіе; наконецъ, онѣ никогда не соберутъ достаточно денегъ на такое непопулярное учрежденіе».

Несмотря на всѣ эти угрозы и предсказанія, къ концу 1856 года была собрана необходимая для начала небольшая сумма, а въ первой половинѣ 1857 года всѣ формальности были улажены, домъ нанятъ и новая больница, подъ именемъ «Нью-Іоркской больницы для женщинъ и дѣтей», была оффиціально открыта. Никакихъ трагическихъ случаевъ, требующихъ вмѣшательства полиціи, въ ней, конечно, не происходило, но паціентовъ первое время было дѣйствительно очень и очень мало. Окупать себя она естественно не могла, и первые годы ей приходилось существовать всевозможными благотворительными сборами—базарами, лекціями, концертами и т. п. Но потребность въ женщинахъ-врачахъ среди женщинъ была по существу такъ велика, что долго такое ненормальное положеніе не могло продолжаться. Первые же случаи выздоровленія въ больницѣ миссъ Блекуэль повлекли туда все новыхъ и новыхъ паціентокъ, а черезъ семь лѣтъ отъ прежняго недовѣрія и негодованія не осталось и слѣда. Женская больница стала на ноги и завоевала себѣ прочное и почетное мѣсто среди другихъ.

Слишкомъ живая и предпріимчивая, миссъ Блекуэль не могла ограничиться этимъ однимъ дѣломъ. Ее влекло на болѣе широкую арену, она чувствовала въ себѣ силы разбудить и въ Европѣ среди женщинъ интересъ къ медицинѣ. Какъ только больница нѣсколько окрѣпла, она оставила ее на попеченіе сестры и Маріи Закржевской, а сама отправилась пропагандировать свою идею въ Англію. Теперь уже она пріѣхала туда не такъ, какъ въ первый разъ—скромной студенткой, желавшей поучиться у знаменитыхъ европейскихъ профессоровъ,—теперь ей предшествовала слава уважаемаго врача, извѣстнаго лектора, организатора первой женской больницы. Вскорѣ послѣ пріѣзда она была занесена въ списокъ врачей, которымъ разрѣшена практика въ англійскомъ королевствѣ. И въ Англіи, какъ и въ Америкѣ, она была первою проложившей женщинамъ путь къ врачебной дѣятельности. Вѣсть о первыхъ лекціяхъ, прочитанныхъ миссъ Блекуэль въ Лондонѣ, быстро разнеслась по всей Англіи; отовсюду къ

ней посыпались приглашенія повторить ихъ, и ей пришлось предпринять рядъ поѣздокъ по англійскимъ городамъ. Она была въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, Лидсѣ, Ноттингамѣ, Кембриджѣ, и др. городахъ, читая лекціи, произнося рѣчи, участвуя въ митингахъ. Это былъ настоящій походъ проповѣдницы независимаго женскаго труда. Впечатлѣніе, производимое ею, было громадно. «Матери просятъ у меня совѣтовъ,—пишетъ она лэди Байронъ послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ.—Молодыя дѣвушки горячо воспринимаютъ идею труда»... Въ самомъ Лондонѣ послѣ лекцій миссъ Блекуэль возникла мысль объ основаніи такой же женской больницы подъ завѣдываніемъ врачей-женщинъ, какъ и въ Нью-Іоркѣ. Для нея тотчасъ же было собрано нѣсколько тысячъ долларовъ и открытъ дальнѣйшій сборъ пожертвованій. Но миссъ Блекуэль не придавала особаго значенія такому непосредственному практическому результату своей пропаганды. Она помогала устройству госпиталя, но не вѣрила въ его осуществленіе, такъ какъ для него не хватало самаго главнаго,—не было еще въ Англіи собственныхъ женщинъ-врачей, а молодыя дѣвушки, начавшія заниматься медициной, не могли, по окончаніи курса, сразу взяться за такое сложное дѣло. «Я обѣщала помочь имъ въ устройствѣ госпиталя,—пишетъ она,—и я сдѣлаю это, но думаю, что это дѣло, чтобы быть прочнымъ, должно вырости практически. У меня нѣтъ вѣры въ него... Я убѣждена, что въ Англіи мы не добьемся такого быстраго и блестящаго успѣха, какъ мечтаютъ нѣкоторые мои увлекающіеся друзья».

Однако, результаты пропаганды миссъ Блекуэль, хотя, быть можетъ, и не такіе непосредственные, какъ желали ея англійскіе друзья, не замедлили сказаться. Мысль о доступности медицинскаго образованія для женщинъ привилась; англійскія женщины, не находя возможности изучить медицину у себя на родинѣ, стали добиваться докторскихъ правъ въ Америкѣ и въ Швейцаріи, гдѣ университеты охотнѣе всего открывали двери женщинамъ. Въ Америкѣ къ этому времени, т. е. къ половинѣ 60-хъ годовъ, уже очень многія медицинскія школы допускали женщинъ въ число студентовъ. Кромѣ того, въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ и Филадельфіи были основаны спеціально женскія медицинскія школы. Въ одной изъ нихъ—Нью-іоркской, миссъ Блекуэль тотчасъ же получила каѳедру гигіены.

Дѣло, начатое миссъ Блекуэль, дѣйствительно, оказалось жизненнымъ, отвѣчающимъ самымъ реальнымъ потребностямъ, иначе, конечно, никакой успѣхъ вначалѣ не могъ бы повлечь такого изумительно быстраго роста женскаго движенія въ этомъ направленіи. Точно какая-то плотина устарѣвшихъ предразсудковъ задерживала этотъ сильный потокъ; стоило одному человѣку пробить въ ней брешь, и вода хлынула въ нее широкой волной. Теперь женщинѣ, вступающей на этотъ путь, уже не приходится вести борьбу съ тѣми общими условіями, которыя отняли столько силъ у миссъ Блекуэль. Если и до сихъ поръ

путь женщины, избирающей самостоятельный и независимый трудъ, не всегда гладокъ, если и до сихъ поръ значительная часть ея силъ уходитъ не на самое дѣло, а на борьбу съ различными препятствіями, то все же положеніе ея несравненно благопріятнѣе: общественное мнѣніе—главный врагъ всякаго новаго дѣла, дало рѣшительную битву миссъ Блекуэль и потерпѣло полное пораженіе. Теперь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ бороться приходится только съ частными условіями.

Насколько эта борьба легче, показываетъ то положеніе, какое заняли женщины въ медицинѣ за тѣ сорокъ лѣтъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ начала врачебной дѣятельности миссъ Блекуэль. Не говоря уже объ Америкѣ, значительно опередившей въ этомъ отношеніи другія страны, въ Англіи, напримѣръ, имѣется въ настоящее время восемь спеціально женскихъ медицинскихъ школъ, и въ девяти университетахъ женщины допускаются на медицинскій факультетъ наравнѣ съ мужчинами. Въ одной лондонской медицинской школѣ ежегодно оканчиваютъ курсъ отъ двадцати до тридцати женщинъ. Девятнадцать лѣчебныхъ заведеній Англіи находятся теперь въ исключительномъ вѣдѣніи женщинъ. Но всѣ эти цифры блѣднѣютъ по сравненію съ тѣми поистинѣ изумительными результатами, какихъ англичанамъ удалось достигнуть въ этомъ отношеніи въ Индіи. Индійскія женщины, благодаря требованіямъ культа, не имѣющія возможности обращаться къ помощи врачей-мужчинъ, давно привлекли къ себѣ вниманіе изучавшихъ медицину англичанокъ. Теперь въ Индіи уже насчитывается 12 женскихъ госпиталей, въ которыхъ лѣчатъ исключительно женщины. Но этого мало—въ Индіи открыто *двадцать двѣ* медицинскія школы, въ которыя допускаются женщины, и въ нихъ обучается въ настоящее время 255 женщинъ. Странно просматривать списки этихъ студентокъ-медичекъ съ ихъ именами, дико звучащими для европейскаго слуха,—всѣ эти Сусимукхи-Букси, Сундари-маханатра, Кусумъ-кумари-бенарджe и т. д., или читать, что госпиталь въ Мизорѣ находится въ завѣдываніи доктора медицины миссъ Бовиндураолу.

Мысль, казавшаяся полъ-вѣка тому назадъ чуть не преступленіемъ цивилизованнымъ европейцамъ, теперь легко осуществляется въ полуварварской Индіи. Тысячи женщинъ обучаются теперь въ медицинскихъ учрежденіяхъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, тысячи другихъ завѣдуютъ больницами, занимаются частною практикою, обучаютъ другихъ. Что нѣкогда было подвигомъ, требовало, во всякомъ случаѣ, рѣкой воли, ума и характера,—стало теперь простымъ житейскимъ дѣломъ. И въ этомъ ярче и сильнѣе всего сказывается жизненность дѣла Елизаветы Блекуэль. Открытіе женскаго медицинскаго института въ Россіи явилось дальнѣйшимъ развитіемъ начатаго ею движенія, почему и русскимъ женщинамъ-врачамъ не должно быть незнакомо и чуждо имя *первой* женщины-врача.

Т. Криль.

„АНТОНЪ-ГОРЕМЫКА“.

(1847 — 1897).

Просвѣщенный восемнадцатый вѣкъ былъ временемъ наибольшаго развитія крѣпостного права въ Россіи, и хотя еще въ началѣ XVIII в. Петръ Великій возмущался, что крестьянъ продаютъ «врознь, какъ скотовъ», — наканунѣ XIX столѣтія крѣпостные продавались не только какъ скоты, но какъ неодушевленные предметы, по газетнымъ публикаціямъ, въ родѣ слѣдующей: «Продается пятнадцатилѣтній мальчикъ, также бекешь, соболиная шапка и трость». Въ первые дни царствованія и императрица Екатерина II мечтала облегчить положеніе закрѣпощеннаго народа, но крѣпостное право настолько вошло въ нравы русскаго общества, что въ наказахъ депутатамъ коммиссіи уложенія 1767 года почти всѣ сословія обнаружили притязанія на право имѣть крѣпостныхъ. Немногочисленная группа депутатовъ, съ Коробьинымъ во главѣ, поднявшая въ коммиссіи вопросъ о злоупотребленіяхъ крѣпостного права, встрѣтила рѣзкій протестъ огромнаго большинства и подверглась ожесточеннымъ личнымъ нападкамъ. Въ коммиссіи нашлись даже такіе депутаты, которые защищали продажу людей въ розницу и доказывали, что положеніе крѣпостныхъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Интересны аргументы убѣжденныхъ крѣпостниковъ XVIII вѣка. Помимо соображеній государственнаго, экономическаго и даже географическаго *) характера, защитники крѣпостничества выдвигали и личныя свойства самого крѣпостного населенія, которое по своему нравственному и умственному развитію оказывалось недостойнымъ свободы. Побѣги помѣщичьихъ людей не только въ одиночку, но цѣлыми семьями и даже деревнями, заядлые крѣпостники объясняли *пьянствомъ и лѣностью* крестьянъ. Такой просвѣщенный человѣкъ, какъ князь М. М. Щербатовъ, не смотря на публичное заявленіе, что «подвластные намъ крестьяне суть равное намъ созданіе», не задумался признать «непостоянство, облѣнчивость и худые нравы самихъ

*) Князь Щербатовъ доказывалъ, что при холодномъ климатѣ Россіи земледѣльцевъ необходимо *понуждать* къ работѣ.

крестьянъ» и заявить, что не только освобожденіе, но даже дарованіе крестьянамъ права жаловаться поведетъ къ бунтамъ и посягательствамъ на жизнь помѣщиковъ. Даже люди, составлявшіе проекты ослабленія крѣпостного права и, слѣдовательно, ратовавшіе въ пользу крестьянъ, признавали, что «нашъ крестьянинъ не размышляетъ, дѣлаетъ все машинально и *никогда* не пойметъ, что должно составить его счастіе». Оскорбительныя мнѣнія объ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ русскаго народа находили подтвержденіе и въ мнѣніяхъ западно-европейскихъ представителей философіи XVIII в. Вольтеръ клеймилъ народъ эпитетомъ «сволочь», французъ Беарде-де-Лабей, сочиненіе котораго на извѣстную тему, предложенную вольнымъ экономическимъ обществомъ, было признано лучшимъ, называетъ крестьянъ «дикарями, дѣтьми, самодвижущимися машинами, дикими звѣрями, которыхъ опасно спустить съ цѣпи», и т. д.

Мнѣнія объ умственномъ и нравственномъ убожествѣ крѣпостного населенія Россіи, распространяемыя крѣпостниками прошлаго столѣтія и даже поддерживаемыя знаменитыми иностранными философами и русскими образованными людьми, основывались, главнымъ образомъ, на глубокомъ невѣжествѣ относительно низшихъ слоевъ «подлаго» народа.

Имѣя въ виду ту благотворную роль, которую сыграла русская литература второй половины XIX вѣка въ дѣлѣ матеріальнаго и духовнаго освобожденія русскаго народа, невольно задаешься вопросомъ:— что же сдѣлала изящная литература прошлаго вѣка для того, чтобы разсѣять вѣковые предразсудки крѣпостниковъ и показать, что крѣпостное населеніе достойно свободы?

Обратившись къ ознакомленію съ крестьянскимъ вопросомъ въ русской литературѣ XVIII в., прежде всего приходится оставить въ сторонѣ большую часть литературнаго наслѣдства, завѣщаннаго вѣкомъ Екатерины II. Въ напыщенныхъ одахъ и посланіяхъ, въ ходульныхъ ложно-классическихъ трагедіяхъ и поэмахъ не могло быть мѣста простому народу. Остаются сравнительно немногочисленныя литературныя произведенія, черпавшія свое содержаніе изъ современной жизни, какъ-то: комедіи, сатиры, комическія оперы и т. п., въ которыхъ мы находимъ обличеніе крѣпостного права и изображеніе закрѣпощеннаго народа. Уже Сумароковъ, не смотря на то, что былъ ярымъ крѣпостникомъ, писалъ о помѣщикахъ, которые «сдираютъ съ крестьянъ своихъ кожи, и коихъ мануфактуры и прочіе вымыслы крестьянъ отягощаютъ и все время у нихъ на себя отъемлютъ, учиняя ихъ невинными каторжниками, кормя и поя, какъ водовозныхъ лошадей». Въ сатирическихъ журналахъ Новикова, въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ», выведенъ рядъ жестокихъ помѣщиковъ и сильными красками изображено безотрадное положеніе крѣпостного населенія. Вотъ, напримѣръ, Змѣянъ, который, «ѣздя по городу надсѣдаяся кричитъ и увѣщеваетъ, чтобъ всякой помѣщикъ, ежели хорошо услуженъ быть хочетъ, былъ тираномъ своимъ

служителямъ; чтобъ не прощалъ ни малѣйшей слабости; чтобъ они и взора его боялись; чтобъ они были голодны, наги и босы, и чтобъ одна жестокость содержала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послушаніи». «Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую оброкъ. Никогда съ ними не только-что не говоритъ ни слова, но и не удостаиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка: они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора... Бѣдные крестьяне любить его какъ отца не смѣютъ, но почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва, едва имѣютъ дневное пропитаніе, за тѣмъ, что на силу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: это не мое, но Божіе и господское». Въ статьѣ: «Отрывокъ изъ путешествія» мы читаемъ: «Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною во образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба—возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломою хижины, изъ тонкаго заборняка, дворы, огороженные плетнями, небольшія одонья хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И, слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію, всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами были тому виною».

Не только въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ эпоху расцвѣта русскихъ сатирическихъ листковъ, литература рѣзко обличала крѣпостное право. Въ концѣ царствованія Екатерины II, въ эпоху великой французской революціи, сатирическіе журналы Крылова обличали жестокость помѣщиковъ и рисовали нищету крестьянъ. Къ тому же времени относится и наиболѣе рѣзкое и полное изображеніе крѣпостного права въ извѣстной книгѣ Радищева: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790 г.).

Изящная литература не отставала отъ публицистики въ изображеніи крѣпостного права. Въ «Недорослѣ» Фонвизина Простакова плачется, что ничего не можетъ содрать съ своихъ крестьянъ; въ комедіяхъ императрицы Екатерины II упоминается о жестокомъ обращеніи съ крѣпостными; оперетка Княжнина, «Несчастье отъ кареты», заключаетъ въ себѣ рѣзкій протестъ противъ крѣпостного права. «Боже мой,—го-

воритъ тамъ одинъ молодой крестьянинъ,—какъ мы несчастливы! Намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли».

Обличеніе крѣпостного права въ литературѣ прошлаго столѣтія не привело почти ни къ какимъ практическимъ результатамъ въ дѣлѣ улучшенія быта простого народа. Литература была не въ силахъ ввести въ общее сознаніе мысль о безотрадномъ положеніи крѣпостного населенія. Не только дворянскіе депутаты въ коммиссіи уложенія рисовали положеніе крѣпостныхъ розовыми красками, не только сама Екатерина II въ письмѣ къ Вольтеру писала: «Наши подати такъ умѣренны, что въ Россіи нѣтъ крестьянина, который бы не ѣлъ курицы, когда захочетъ, и что съ нѣкотораго времени онъ предпочитаетъ индѣекъ курамъ». Даже такой знатокъ русской народной жизни, какъ Болтинъ, писалъ, что большинство крестьянъ «живутъ въ довольствѣ и покоѣ и не признаютъ состоянія своего несноснымъ».

Наряду съ произведеніями, обличавшими крѣпостное право, появлялись и апологіи крѣпостничества, идеализировавшія положеніе крѣпостныхъ. Такую идеализацію находимъ, напримѣръ, въ пастушеской драмѣ В. Майкова: «Деревенскій праздникъ», гдѣ хоръ крестьянъ прославляетъ блаженство своей жизни, и въ опереткѣ: «Матросскія шутки», гдѣ крѣпостные изображены счастливыми, богатыми и вольными *).

Въ вопросѣ о злоупотребленіяхъ крѣпостного права литература прошлаго вѣка не пришла къ соглашенію и не могла сыграть сколько-нибудь замѣтной роли въ исторіи крестьянскаго вопроса. Что касается изображенія самого народа, то въ этомъ отношеніи литературѣ XVIII в. не только нельзя приписать никакихъ почти заслугъ, но можно даже упрекнуть ее въ распространеніи и утвержденіи въ читающей публикѣ ложныхъ представленій объ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ русскаго народа. Уже по одному тому, что народъ выводился въ пародіяхъ и опереткахъ, можно судить, что ни о серьезномъ изученіи народа, ни о пробужденіи къ нему симпатій, изящная литература прошлаго вѣка вовсе не думала. Выводимое на сцену простонародіе возбуждало гораздо больше смѣха, чѣмъ участія, не говоря уже объ уваженіи. Такъ, напримѣръ, въ знаменитой герои-комической

*) «Мы веселы, вольны...
Не знаемъ мы бѣдъ.
Помѣщикъ не давитъ
Работою насъ,
Оброки съ насъ правитъ
Не всякій онъ разъ.
Мы любимъ сердечно
Его, какъ отца,
Плѣнилъ себѣ вѣчно
Онъ наши сердца».

поэмѣ упомянутаго В. Майкова, «Елисей», русскій народъ выведенъ на всеобщее посмѣяніе. Содержаніемъ поэмы являются скабрезныя похожденія ямщика Елисея, а однимъ изъ вставныхъ эпизодовъ является описаніе безобразной драки между двумя сосѣдними деревнями изъ-за спорнаго сѣнокоса. Чтобы составить представленіе, какъ изображался русскій народъ въ комическихъ операхъ прошлаго вѣка, достаточно познакомиться съ знаменитой въ свое время опереткой Аблесимова: «Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ», которая вызвала въ Москвѣ и Петербургѣ бурю восторговъ со стороны зрителей и рядъ подражаній со стороны писателей. Даже басни прошлаго вѣка не щадили ума и нравственности русскаго мужика. У Сумарокова въ баснѣ «Деревенскій праздникъ» разсказывается, какъ пьяные поселяне прогнали камнями своего трезваго сосѣда, хотя онъ «разны на гудкѣ имъ пѣсенки гудилъ». У Майкова въ баснѣ «Воръ» говорится: «Мужикъ былъ плутъ, укралъ у палача ременный кнутъ», и даже «въ церквахъ онъ кралъ иконы». Въ басняхъ Хемницера мужикъ сѣдлаетъ корову, крестьяне ропщутъ, что въ праздники дождливая погода мѣшаетъ имъ гулять, и не могутъ сообразить, что дождь нуженъ для полей, страдавшихъ отъ засухи, и т. д.

Какъ бы реакціей указанному сознательному и безсознательному глумленію надъ народомъ, съ легкой руки Карамзина, явились сентиментальныя повѣсти, наполненныя дѣланными восторгами передъ добродѣтелями живущихъ въ простотѣ и невинности поселянъ и поселянокъ. Но, отдавшись приторной идеализаціи народа, Карамзинъ и его послѣдователи также не отрѣшились отъ старыхъ предразсудковъ крѣпостной Россіи. Авторъ «Бѣдной Лизы» считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что «и крестьянки любить умѣютъ». Говоря объ отцѣ своей героини, что онъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь, Карамзинъ не прочь былъ объяснить обычную бѣдность русскаго крестьянина его лѣностью и пьянствомъ.

Начало XIX вѣка, казалось, обѣщало принести закрѣпощенному народу ту свободу, въ которой ему упорно отказывалъ философскій вѣкъ. На престолѣ былъ воспитанникъ республиканца Лагарпа, другъ свободы и врагъ крѣпостного права; раздача крѣпостныхъ крестьянъ вельможамъ прекратилась; публикаціи о продажѣ людей были запрещены; помѣщикамъ было дозволено освобождать своихъ крестьянъ, крѣпостное право въ Прибалтійскомъ краѣ было уничтожено; вольное экономическое общество премировало и печатало сочиненія и статьи, гдѣ доказывалось преимущество вольнаго труда надъ крѣпостнымъ; на русскій языкъ былъ переведенъ классическій трудъ Адама Смита, въ которомъ говорилось: «опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ доказываетъ очевидно, что свободный трудъ обходится дешевле невольничьяго труда»; по порученію императора, составлялись проекты освобожденія крестьянъ; въ

народѣ циркулировали слухи о скорой свободѣ и т. д., и т. д. Русскій народъ, спасшій Россію отъ нашествія «дванадесати языкъ» и освободившій Европу отъ деспотизма Наполеона, имѣлъ полное право считать и себя достойнымъ свободы. Въ Россіи ожидали, что императоръ Александръ I изъ Парижа провозгласитъ освобожденіе крестьянъ. Этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Противъ освобожденія высказались образованнѣйшіе люди того времени и, къ стыду русской литературы, даже нѣкоторые изъ ея представителей. Державинъ возставалъ противъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, считая опаснымъ толковать «непросвѣщенному народу» о вольности, которую онъ понимаетъ, какъ свободу бродяжничать, лѣниться, не ставить рекрутовъ и не платить никакихъ податей. Помѣщиковъ авторъ «Фелицы» считалъ «наилучшими блюстителями или полиціймейстерами, за благочиніемъ и устройствомъ поселянъ», которые изображались въ стихотвореніяхъ пѣвца Екатерины счастливыми, радостными, веселыми и богатыми.

Авторъ «Бѣдной Лизы» въ 1803 г. писалъ въ «Вѣстникѣ Европы», что русскіе крестьяне «лѣнивы отъ природы, отъ навыка, отъ незнанія выгодъ трудолюбія», а вовсе не вслѣдствіе существованія крѣпостного права. Позднѣе, въ запискѣ «О древней и новой Россіи», Карамзинъ еще откровеннѣе высказался противъ эмансипаціи, заявивъ, что освобожденные крестьяне, лишенные помѣщичьяго надзора, начнутъ пьянствовать, ссориться, заводить тяжбы и т. д. Литературный противникъ Карамзина и будущій министръ народнаго просвѣщенія, Шишковъ, сходился съ вождемъ ненавистнаго ему движенія въ вопросѣ о необходимости крѣпостного права и даже лишалъ русскій народъ всякой надежды на свободу, считая для него грамотность величайшимъ зломъ. Лопухинъ, сотрудникъ Новикова въ его просвѣтительной дѣятельности и авторъ интересныхъ «записокъ», гдѣ въ числѣ причинъ французской революціи выставляются «презрѣніе къ человѣчеству и угнетеніе народа»,—въ докладѣ Александру I считалъ «ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго». Знаменитый своею гуманностью попечитель московскаго университета Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ считалъ положеніе русскихъ крестьянъ завиднымъ и т. д. Защитники крѣпостного права были настолько многочисленны и вліятельны, что, не смотря на сочувствіе самого императора идеѣ освобожденія, въ печати трудно было обличать крѣпостное право и проповѣдывать необходимость и своевременность его уничтоженія. Александръ I выразилъ сочувствіе книгѣ Пнина «Опытъ о просвѣщеніи», гдѣ, вопреки философамъ XVIII вѣка, доказывалось, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать ихъ образованію; а цензура запретила второе изданіе этого сочиненія. Императору понравилось стихотвореніе Пушкина: «Деревня», гдѣ между прочимъ говорится:

«Здѣсь барство дикое безъ чувства, безъ закона
Присвоило себѣ насильственной довой

И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, потворствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя.
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя и т. д.

Но цензура не позволила напечатать сполна стихотвореніе, за которое поэтъ получилъ царскую благодарность. Принявъ во вниманіе строгость тогдашней цензуры и крѣпостническія убѣжденія даже руководителей литературнаго движенія въ началѣ XIX в., трудно ожидать, чтобы русская литература при Александрѣ I могла оказать на русское общество гуманизирующее вліяніе въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ.

Тогдашняя журналистика, пользуясь либеральнымъ настроеніемъ высшихъ сферъ и подъ вліяніемъ задачъ, предлагавшихся вольнымъ экономическимъ обществомъ, занималась все же крестьянскимъ вопросомъ. Въ печати промелькнули статьи о продажѣ рекрутъ, о торговлѣ неграми, о болѣе выгодномъ положеніи свободныхъ крестьянъ, о преимуществѣ вольнонаемнаго труда; была даже перепечатана одна глава изъ «Путешествія» Радищева. Но статьи подобнаго рода составляли исключеніе; большинство же статей по крестьянскому вопросу отличалось консервативнымъ направленіемъ. Въ нихъ доказывалось, что «положеніе крѣпостныхъ въ Россіи гораздо лучше, чѣмъ положеніе свободныхъ крестьянъ на Западѣ, гдѣ мужики всѣ вольны, какъ птицы небесныя; но зато такъ же, какъ сіи, безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ голода и холода». Находились софисты, которые доказывали, что крѣпостной трудъ выгоднѣе вольнаго, что положеніе барщинныхъ крестьянъ лучше оброчныхъ и т. д. Болѣе крайніе крѣпостническіе взгляды не проникали въ литературу только потому, что крѣпостникамъ памятенъ былъ примѣръ барона Унгернъ-Штернберга, книга котораго, доказывавшая не только необходимость, но даже разумность крѣпостного права, вызвала негодованіе императора Александра и подверглась сожженію. А что такія крайнія мнѣнія были достояніемъ даже образованнѣйшихъ и честнѣйшихъ по тому времени людей, можно видѣть изъ примѣра знаменитаго англомана Мордвинова, который защищалъ даже продажу людей въ одиночку и безъ земли.

Изящная литература первой четверти XIX вѣка еще менѣе, чѣмъ журналистика, трактовала о крѣпостномъ правѣ и русскомъ народѣ. Правда, въ самомъ началѣ вѣка появился рядъ сентиментальныхъ повѣстей, вызванныхъ подражаніемъ «Бѣдной Лизѣ» и описывавшихъ какихъ-то чувствительныхъ поселянъ и поселянокъ. Насколько содержаніе этихъ повѣстей было чуждо русской дѣйствительности, можно судить уже потому, что главными героинями этихъ «истинно-россійскихъ» повѣстей являются не только «бѣдныя Маши» и «прекрасныя

Татьяны», живущія у подошвы Воробьевыхъ горъ, но даже «обольщенныя Генріетты» и «несчастныя Маргариты».

Въ произведеніяхъ, болѣе близкихъ къ дѣйствительности, иногда, впрочемъ, затрагивалось крѣпостное право и очень чувствительнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, въ романахъ Нарѣжнаго и комедіяхъ князя Шаховского среди выводимыхъ ими помѣщиковъ встрѣчаются прототипы самыхъ отвратительныхъ персонажей изъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя и изъ «Записокъ охотника» Тургенева. Но протестующее значеніе этихъ отрицательныхъ типовъ сами писатели принуждены были смягчить, выводя наряду съ безчеловѣчными господами и добродѣтельныхъ помѣщиковъ.

Перейдя ко второй четверти столѣтія, мы имѣемъ большее право искать въ русской литературѣ изображенія народа, потому что въ это время наша словесность вступаетъ на путь самостоятельнаго развитія и, обратившись къ реальному воспроизведенію русской дѣйствительности, дѣлается вполнѣ національной. Общественныя условія въ это время также довольно благопріятны, если не для обличенія крѣпостного права, то, по крайней мѣрѣ, для изображенія народа. Слово *народность* выставляется однимъ изъ девизовъ правительственной политики и объявляется однимъ изъ критеріевъ литературной критики. Возникаетъ цѣлое литературно-общественное движеніе, которое въ своемъ отрицаніи западно-европейской цивилизаціи доходитъ до преклоненія передъ необразованными массами русскаго народа.

Какъ же воспользовалась русская литература этими благопріятными условіями и какую лепту внесла она въ великое дѣло освобожденія крестьянъ? Не будемъ разсматривать всѣхъ писателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и ограничимся только великими именами. Пушкинъ, который въ 1819 году мечталъ дожить до того времени, когда увидитъ «народъ неугнетенный и рабство, падшее по манію царя», въ своихъ геніальныхъ произведеніяхъ удѣлилъ мало мѣста закрѣпощенному народу и обрисовалъ его не особенно симпатичными чертами. Троеруковъ въ повѣсти «Дубровскій» держалъ въ своемъ помѣстьѣ цѣлый гаремъ изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, «съ крестьянами и дворовыми обходился строго и своенравно; *не смотря на то, они были ему преданы*». «Исторія села Горохина» вышла не только пародіей на «Исторію» Карамзина, но и сатирой на русскій народъ. «Тришка за грубость битъ... Сенька за пьянство битъ». Таковы отмѣтки помѣщика о характерѣ и поведеніи крѣпостныхъ. Въ храмовой праздникъ все село, начиная со старосты, пьянствуетъ; послѣ похоронъ пьянство продолжается цѣлые дни; горохинскія женщины некрасивы и даже нецѣломудренны; грамотные крестьяне составляютъ фальшивые паспорта, старосты обкрадываютъ господъ и разоряютъ крестьянъ и т. д. «Исторія Пугачевскаго бунта» мало удѣляетъ вниманія участію крѣпостного населенія въ кровавой расправѣ съ помѣщиками и ограничивается глухими упоминаніями о томъ, что «чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала». Въ «Капитан-

ской дочкѣ» выводятся крестьяне-бунтовщики, но при этомъ они совершенно обезличиваются. Караульный мужикъ «съ глупымъ недоумѣніемъ» глядитъ на Гринева, ударившаго его по уху. Послѣ прихода войскъ мужики явились съ повинною къ барину и всѣ поголовно «пошли на барщину, *какъ ни въ чемъ не бывало*».

Правда, Пушкинъ создалъ симпатичные типы крѣпостного дядьки и крѣпостной няни, но этихъ образовъ было слишкомъ мало, чтобы читатель призналъ народъ, изображенный въ произведеніяхъ великаго поэта, достойнымъ свободы.

Гоголь, создавшій безсмертные типы русскихъ помѣщиковъ, почти не заглянулъ въ душу простого народа и не показалъ въ немъ почти ни одной симпатичной черты. Въ его главномъ произведеніи крѣпостные фигурируютъ, какъ «мертвыя души», надѣленныя смѣхотворными прозвищами вродѣ: «Неуважай-Корыто», «Доѣзжай-не доѣдешь» и т. п. Живыя души встрѣчаются мимоходомъ и ни въ какомъ случаѣ симпатій читателя не вызываютъ. При въѣздѣ Чичикова въ гостинницу «два русскіе мужика, *стоявшіе у дверей кабака*», задаются глубокомысленнымъ вопросомъ, доѣдетъ ли колесо брички до Москвы. Проѣзжая сквозь деревни, Чичиковъ видѣлъ мужиковъ, которые «*по обыкновенію, зѣвали*, сидя на лавкахъ передъ воротами». Мужикъ, отпущенный на работу, по заявленію Гоголя, неизбѣжно «шелъ *пьянствовать*». У Манилова ключница—*воровка*, слуги нечистоплотны и *пьяны*, «вся дворня *спитъ* немилосерднымъ образомъ и *повѣсничаетъ* все остальное время». Пронесется мимо блестящій экипажъ и, по свидѣтельству Гоголя, «долго мужики стоятъ, *зѣвая съ открытыми ртами*, не надѣвая шапокъ».

Изъ указанныхъ здѣсь бѣглыхъ штриховъ получается картина почти поголовнаго пьянства и всеобщей лѣни, и слова Плюшкина: «мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ»—не только не опровергаются Гоголемъ, но находятъ еще подтвержденіе въ его геніальномъ произведеніи. Пьяный и лѣнивый народъ не достоинъ свободы,—такой выводъ напрашивался самъ собой при чтеніи «Мертвыхъ душъ».

Даже басни Крылова, находившія самый обширный кругъ читателей и заучивавшіяся въ школахъ, распространяли ложныя представленія о народѣ. Знаменитый баснописецъ, обличавшій крѣпостное право въ своихъ журналахъ и указавшій въ баснѣ «Листы и корни» на важное значеніе крестьянскаго сословія («Мы тѣ, которые, здѣсь роясь въ темнотѣ, питаемъ васъ»), въ большей части остальныхъ басенъ выставляетъ «мужика» и «крестьянина» олицетвореніями самыхъ предосудительныхъ пороковъ. Крестьяне и мужики не только глупы, не только пьянствуютъ («Два сосѣда»), но и обнаруживаютъ черную неблагодарность, грубую жадность («Крестьянинъ и работникъ»), безсердечное отношеніе къ своимъ ближнимъ и т. д. Конечно, Крыловъ не имѣлъ въ виду оскорблять русскій народъ, но что его басни не сыграли гуманизирующей роли въ отношеніи къ простому народу, объ этомъ едва ли можно спорить.

Оставляя въ сторонѣ изображеніе народа въ сочиненіяхъ второстепенныхъ писателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, нельзя пройти молчаніемъ Даля, котораго Бѣлинскій объявилъ первымъ русскимъ писателемъ послѣ Гоголя. Разсказы Даля изъ народной жизни считались въ то время лучшими произведеніями этого рода, но главный интересъ ихъ ограничивался простонароднымъ языкомъ и изображеніемъ простонароднаго быта. Что же касается болѣе глубокаго знанія народа, то оно совершенно отсутствуетъ въ разсказахъ Даля. Если разсказы такого писателя могли пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ нравиться не только заурядnымъ читателямъ, но и такимъ тонкимъ цѣнителямъ литературныхъ произведеній, какъ Бѣлинскій, то происходило это вслѣдствіе назрѣвшей необходимости поближе познакомиться съ тѣмъ народомъ, который, съ одной стороны, провозглашался хранителемъ исконныхъ русскихъ доблестей, а съ другой—третировался, какъ скопище грубыхъ дикарей, съ которыхъ опасно снять узду и которымъ опасно даже дать грамотность. Гуманныя чувства, возбуждаемыя страданіями закрѣпощеннаго народа, неизбѣжно сталкивались съ этими дикими воззрѣніями заядлыхъ крѣпостниковъ, и русское образованное общество съ недоумѣніемъ и страхомъ стояло передъ страшнымъ сфинксомъ, какимъ ему представлялась крѣпостная Русь.

Приступить къ рѣшенію загадки этого сфинкса суждено было молодымъ писателямъ. Въ концѣ 1846 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась повѣсть Д. В. Григоровича «Деревня», а въ «Современникѣ» съ 1847 г. стали печататься знаменитые разсказы Тургенева изъ «Записокъ охотника». Эти произведенія, не смотря на рѣзкое различіе своихъ литературныхъ достоинствъ, положили начало новому періоду въ исторіи русской литературы, тому періоду, когда, по фигуральному выраженію одного публициста, мужикъ занялъ почетное мѣсто въ салонахъ русской беллетристики.

Почти одновременное появленіе въ печати первыхъ повѣстей Григоровича изъ народной жизни и первыхъ разсказовъ Тургенева изъ «Записокъ Охотника» невольно вызываетъ сравненіе этихъ первыхъ опытовъ народнической литературы. О сравненіи повѣстей Григоровича и разсказовъ Тургенева съ точки зрѣнія чисто-литературныхъ достоинствъ не можетъ быть и рѣчи. Уже одинъ тотъ фактъ, что «Записками охотника» и въ настоящее время зачитываются на всѣхъ языкахъ, а «Деревня» и «Антонъ-Горемыка» рѣдко перечитываются даже и въ Россіи, свидѣтельствуетъ о неизмѣримомъ превосходствѣ разсказовъ Тургенева. Но пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, русская читающая публика посмотрѣла на произведенія молодыхъ писателей иначе и отдала предпочтеніе повѣстямъ Григоровича передъ несравненно болѣе талантливыми «Записками охотника». «Деревня» и «Антонъ-Горемыка», написанные менѣе талантливо, били прямо по нервамъ. Русская публика оцѣнила «Записки охотника» въ должной степени нѣсколько позже, когда эти разсказы вышли от-

дѣльнымъ изданіемъ въ 1852 г. и, соединенные въ одной книгѣ, представили, говоря словами И. Аксакова, «стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь» противъ крѣпостного права. У Григоровича, особенно въ «Деревнѣ», крѣпостной народъ въ общемъ гораздо менѣе симпатиченъ, чѣмъ у Тургенева, но зато изображеніе крѣпостного права у него вышло несравненно сильнѣе и рѣзче. Страданія закрѣпощеннаго народа, особенно въ «Антонѣ-Горемыкѣ», изображены такъ сильно и рѣзко, какъ это только было возможно при тогдашней драконовской цензурѣ. Этой рѣзкости протеста противъ крѣпостного права повѣсти Григоровича и обязаны тѣмъ, что при своемъ появленіи произвели несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ изящные разсказы Тургенева. «Записки охотника» обратили вниманіе читатающей публики и литературной критики «необыкновеннымъ мастерствомъ изображать картины русской природы» и той любовью и участіемъ, съ которыми авторъ изобразилъ народъ и заставилъ полюбить его. Эстетическія достоинства разсказовъ Тургенева дѣйствовали на читателей такъ сильно, что заслоняли даже внутренній смыслъ содержанія. Боткинъ напримѣръ, по собственному его признанію, наслаждался «Записками охотника», какъ изящными работами Челлини и персиками Виченцы.

Совершенно иныя чувства возбудилъ «Антонъ-Горемыка», напечатанный въ ноябрьской книжкѣ «Современника» за 1847 годъ. «Повѣсть Григоровича измучила меня: читая ее, я все думалъ, что присутствую при экзекуціи. Страшно!.. Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину». Таковы признанія Бѣлинскаго въ письмѣ къ В. Боткину. Въ страстныхъ натурахъ, подобныхъ Бѣлинскому, страданія Антона-Горемыки возбуждали чувства злобы и негодованія на тотъ строй, который доводилъ до преступленія лучшихъ представителей народа. Въ людяхъ болѣе пассивныхъ впечатлѣніе, возбужденное чтеніемъ повѣсти Григоровича, разрѣшалось слезами жалости къ закрѣпощеннымъ массамъ. По свидѣтельству Достоевскаго, даже петербургскіе помѣщики рыдали, читая «Антона-Горемыку», и нѣкоторые изъ нихъ покинули столицу, чтобы въ деревнѣ озаботиться облегченіемъ участи своихъ крестьянъ. Сколько бы ни глумились впослѣдствіи надъ этими слезами, онѣ не прошли безслѣдно въ исторіи русской жизни и русской литературы.

Салтыковъ, вспоминая о впечатлѣніи, произведенномъ «Антономъ-Горемыкой» въ сороковыхъ годахъ, говоритъ: «Это былъ первый благодатный весенній дождь, первыя хорошія человѣчныя слезы, и съ легкой руки Григоровича мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ». Еще характернѣе говоритъ Левъ Толстой въ письмѣ, присланномъ Григоровичу въ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его литературной

дѣятельности: «Помню умиленіе и восторгъ, произведенные на меня, шестнадцатилѣтняго мальчика, не смѣвшаго вѣрить себѣ, «Антономъ-Горемыкой», бывшимъ для меня радостнымъ открытіемъ того, что русскаго мужика, нашего кормильца и хочется сказать—учителя, можно и должно описывать не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ, не только съ любовью, но съ уваженіемъ, и даже съ трепетомъ».

Говоря о впечатлѣніи, произведенномъ «Антономъ-Горемыкой» на читателей пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, нельзя обойти молчаніемъ, что повѣсть Григоровича появилась въ печати и перепечатывается до настоящаго времени въ значительно смягченномъ видѣ. «Она кончалась у меня,—говоритъ самъ Григоровичъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ»,—тѣмъ, что крестьяне, доведенные до крайности злоупотребленіями управляющаго, зажигаютъ его домъ и бросаютъ его въ огонь. А Никитенко (цензоръ), не сказавъ никому ни слова, сочинилъ конецъ, въ которомъ управляющій остается неприкосновеннымъ, а вооружившіеся крестьяне, передъ тѣмъ, чтобы быть отправленными на поселеніе, каются въ своихъ дѣйствіяхъ и просятъ у міра прощенія».

Какъ это ни странно покажется читателю, но цензура въ данномъ случаѣ, вопреки своимъ намѣреніямъ, не только не ослабила впечатлѣнія, произведеннаго повѣстью, а наоборотъ, усилила его, и усилила въ смыслѣ, благопріятномъ для крѣпостного народа. Что крестьяне, выводимые изъ терпѣнія злоупотребленіями помѣщиковъ и управляющихъ, убивали и сожигали ихъ, это ни для кого не было тайной въ сороковыхъ годахъ. Подобныя преступленія не только свидѣтельствовали о невыносимомъ положеніи крѣпостныхъ, рѣшавшихся на такія страшныя преступленія, но и служили доводами противъ дарованія крестьянамъ свободы. «Антонъ-Горемыка» въ первоначальномъ видѣ далъ бы въ руки крѣпостникамъ лишній аргументъ для подтвержденія ихъ мысли о томъ, какъ опасно давать такимъ безчеловѣчнымъ людямъ свободу. Сентиментальный конецъ, придѣланный къ повѣсти цензоромъ, только усилилъ чувство жалости къ несчастному Антону и безспорно увеличилъ количество слезъ, вызванныхъ его горемычной судьбой.

Приведенные выше отзывы знаменитѣйшихъ русскихъ писателей вполнѣ опредѣляютъ историческое значеніе «Антона-Горемыки». Съ легкой руки Григоровича и Тургенева изображеніе народа широкимъ потокомъ вошло въ русскую литературу и вызвало даже жалобы на то, что салоны русской беллетристики пропитались запахомъ деревни и крестьянскаго пота. Нѣтъ надобности доказывать, что русскій народъ очень многимъ обязанъ нашей народнической литературѣ, которая заставила образованное общество видѣть въ мужикѣ человѣка, а не дикаго звѣря, и въ значительной степени содѣйствовала тому, что русскій мужикъ «изъ салоновъ беллетристики» попалъ въ залы окружныхъ судовъ и земскихъ собраній. Но нельзя не отмѣтить, что въ то время,

какъ литературное движеніе, порожденное разсказами Григоровича и Тургенева, дѣлалось все шире и шире, сами родоначальники этого движенія, особенно «Антонъ-Горемыка», стали подвергаться забвенію и умаленію своихъ достоинствъ. Литературные критики самыхъ противоположныхъ направленій объявили, что не только повѣсти Григоровича, но даже высоко-художественныя «Записки охотника» страдаютъ невѣрнымъ изображеніемъ народа, тенденціозностью. «Произведенія г.г. Тургенева и Григоровича,—писалъ Аполлонъ Григорьевъ въ 1852 г.,—не чужды неправильнаго отношенія къ дѣйствительности... Въ ихъ пріемахъ при изображеніи народнаго быта (не говоря уже о языкѣ, которымъ тотъ и другой владѣютъ далеко несвободно) много еще искусственнаго и *ложнаго*». «Давнымъ-давно,—писалъ Чернышевскій въ 1861 году,—критика стала замѣчать, что въ повѣстяхъ и очеркахъ изъ народнаго быта и характеры, и обычаи, и понятія сильно идеализируются... Писали о народѣ точно такъ, какъ написалъ Гоголь объ Акакіи Акакіевичѣ. Ни одного слова жестокаго или порицающаго. Всѣ недостатки прячутся, затушевываются, замазываются. Налегается только на то, что онъ несчастенъ, несчастенъ, несчастенъ... Читайте повѣсти изъ народнаго быта г. Григоровича и г. Тургенева со всѣми ихъ подражателями—все это насквозь пропитано запахомъ «шинели» Акакія Акакіевича. Прекрасно и благородно, въ особенности благородно до чрезвычайности. Только какая же польза отъ этого народу?»

Въ шестидесятыхъ годахъ было еще рано цѣнить произведенія Григоровича и Тургенева съ исторической точки зрѣнія, и попытка, сдѣланная въ этомъ отношеніи Анненковымъ, оказалась преждевременной. «Записки охотника», благодаря своимъ художественнымъ достоинствамъ, читались и переводились на иностранные языки даже въ то время, когда эстетическая критика была объявлена удѣломъ сентиментальныхъ барышенъ. Что же касается «Антона-Горемыки», то его почти совершенно забыли и не хотѣли перечитывать даже тѣ, которые когда-то проливали надъ нимъ слезы. Въ 1864 году Аполлонъ Григорьевъ серьезно сомнѣвался въ томъ, чтобы у почитателей Григоровича хватило рѣшимости вторично прочесть не только «Рыбаковъ» и «Переселенцевъ», но даже сравнительно болѣе краткую, но все-таки ужасно длинную *«элегію объ утраченной пѣгой кобылѣ»*, то-есть, знаменитаго «Антона-Горемыку».

Черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, какъ былъ написанъ этотъ рѣзкій отзывъ, знаменитый разсказъ несомнѣнно нашелъ обширный кругъ читателей, благодаря тому, что сочиненія Григоровича были изданы въ приложеніяхъ къ «Нивѣ». Но перечитывается ли «Антонъ-Горемыка» во второй и третій разъ, въ этомъ можно сомнѣваться съ такимъ же правомъ, какъ и въ шестидесятыхъ годахъ. Одно не подвергается въ настоящее время никакому сомнѣнію, это—важное историческое значеніе «Антона-Горемыки». Появленіе въ печати пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ «элегіи объ утраченной пѣгой кобылѣ» признается важнымъ фактомъ и

въ исторіи русской литературы (Скабичевскій, Венгеровъ), и въ исторіи русской этнографіи (Пыпинъ), и въ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи (Семевскій). Особенной заслугой «Антона-Горемыки» выставляется та роль, которую онъ сыгралъ въ величайшемъ изъ событій русской исторіи XIX вѣка—паденіи крѣпостного права въ Россіи. Извѣстно, какое громадное значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса приписывается «Запискамъ охотника» Тургенева: утверждаютъ даже, что Императоръ Александръ II, прочитавъ эту книгу, рѣшилъ уничтожить крѣпостное право въ Россіи. «Антону-Горемыкѣ» въ этомъ великомъ дѣлѣ не только отводится почетное сосѣдство, но иногда дается даже первенство передъ знаменитыми разсказами Тургенева. «Историческое значеніе «Антона-Горемыки», — говоритъ г. Венгеровъ, — вообще, не меньше, чѣмъ «Записокъ охотника». Если возводить 19 е февраля къ его литературному генезису, то слезы, пролитыя надъ «Антономъ-Горемыкой», занимаютъ въ немъ такое же почетное мѣсто, какъ чувство глубокаго уваженія къ народу, которое читателя «Записокъ охотника» приводило къ убѣжденію, что народъ достоинъ свободы». Н. К. Михайловскій въ 1879 г., говоря о поднесеніи Тургеневу оксфордскимъ университетомъ диплома на званіе доктора правъ за услуги, оказанныя «Записками охотника» освобожденію крестьянъ, высказался еще рѣшительнѣе: «По незнанію Россіи университетъ впалъ въ маленькую ошибку, ибо оказанный имъ русскому художнику почетъ по всѣмъ правамъ принадлежитъ не И. С. Тургеневу, а Д. В. Григоровичу, первыя произведенія котораго изъ крестьянской жизни, по своему общественному значенію, *далеко затмеваютъ* «Записки охотника».

Можно спорить о томъ, Григоровичъ или Тургеневъ, «Антонъ-Горемыка» или «Записки охотника» сыграли наибольшую роль въ крестьянскомъ вопросѣ, но нельзя сомнѣваться, что скромная повѣсть Д. В. Григоровича переживетъ вѣка въ благодарной памяти потомства и навсегда останется связанной съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права.

С. Ашевскій.

ИЗЪ Р. КИПЛИНГА.

Пѣсня мертвыхъ.

1.

Слушайте пѣсню о мертвыхъ, спящихъ на сѣверѣ бѣломъ,
Взоръ ихъ недвижный прикованъ къ грознымъ полярнымъ предѣламъ;
Пѣснь о погибшихъ на югѣ, тамъ погребенныхъ навѣки,
Гдѣ отъ палящаго зноя сохнутъ глубокія рѣки;
Пѣсню о жертвахъ востока, спящихъ въ безлюдьѣ саванны,
Тамъ, гдѣ бизоны блуждаютъ, слышится крикъ обезьяны;
Пѣсню о западѣ грозномъ, пѣсню о всѣхъ погребенныхъ
Тамъ, гдѣ снѣга увѣнчали склоны холмовъ обнаженныхъ.
Слушайте пѣснь о геройхъ, чуждыхъ сомнѣньямъ и страху.
Пѣснь о безвѣстныхъ геройхъ! Миръ выковѣчный ихъ праху!

2.

„Мы мечтателями были
И ушли изъ городовъ,
Повинуясь тайной силѣ —
Въ нѣдра дѣвственныхъ лѣсовъ.

—

Намъ шептала, насъ манила,
Безудержная, какъ страсть,
Неземная чья-то сила
И невѣдомая власть.

—

Не страшила насъ преграда;
Въ страстныхъ поискахъ путей,
Словно лань бѣжитъ изъ стада,
Шли мы съ вѣрою дѣтей.

—

Всѣ мученія на свѣтѣ
Претерпѣвъ передъ концомъ,
Мы, довѣрчиво, какъ дѣти,
Здѣсь уснули вѣчнымъ сномъ,

—

И разсѣяны въ безводной
Дикой чащѣ, по холмамъ —
Наши кости путеводной
Служатъ вѣхою сынамъ.

—

Нашей кровью и слезами
Окропили мы зерно,
И грядущимъ вслѣдъ за нами —
Плодъ желанный дастъ оно.

—

Пусть идутъ: цѣной мученій,
Мы, не знавшіе побѣдъ,
Для грядущихъ поколѣній
Проложили вѣрный слѣдъ.

—

Пусть идутъ: въ великомъ дѣлѣ
Мы костями здѣсь легли —
Чтобъ они къ завѣтной цѣли,
Къ жатвѣ зрѣющей — пришли.“

О. Чумина.

Примѣчаніе. Киплингъ извѣстенъ русскимъ читателямъ только какъ беллетристъ, какъ авторъ изящныхъ разсказовъ изъ жизни Индіи и нѣсколькихъ хорошихъ романовъ. Но онъ—и поэтъ. Настоящее стихотвореніе заимствовано изъ томика его стиховъ, изд. Таухница. Нужно, впрочемъ, признать, что поэтъ онъ не выдающійся. Его поэзія почти сплошь проникнута гордымъ сознаніемъ британскаго могущества и славы, которыя онъ и воспѣваетъ на всѣ лады. Переведенное, по нашей просьбѣ, г-жею Чуминой стихотвореніе, «Пѣсня мертвыхъ», едва ли не лучшее во всемъ сборникѣ. *Ред.*

ЗЛОЙ ДУХЪ.

Романъ Іонаса Ли.

(Переводъ съ норвежскаго В. Фирсова.).

(*Продолженіе* *).

XI.

Во дворѣ старика Эноксена все глядѣло празднично. Домъ заново окрашенъ въ ярко желтый цвѣтъ съ бѣлыми наличниками и бѣлыми же ставнями. Подлѣ дома новый навѣсъ для почтовыхъ повозокъ. Внутренняя лѣстница, соединявшая первый этажъ со вторымъ, поражала изяществомъ и, по новѣйшей модѣ, была не съ перилами, а съ мѣдными столбиками, съ протянутымъ между ними толстымъ пунцовымъ шнуркомъ. Въ буфетѣ даже поставили мраморную стойку, а въ столовой сдѣлали заново дубовую облицовку стѣнъ, въ гостиныхъ разставили новую мебель...

Все это обновленіе совершилось по случаю перехода общественнаго собранія изъ прежняго помѣщенія, въ домѣ вдовы Михельсонъ, въ новую гостинницу Эноксена.

Эноксенъ не остановился передъ затратами. Не пожалѣлъ онъ денегъ на большія зеркальныя стекла въ окнахъ и поставилъ еще въ простѣнкахъ какіе-то особенно удобные и особенно изящные ломберные столики. Въ большой залѣ, издавна прозванной въ городѣ «*моленной*», потому что тамъ собирались прежде на сходки диссиденты, висѣли три люстры, и все выглядѣло совсѣмъ какъ въ бальныхъ залахъ. Еще осенью директоръ устраивалъ въ этой залѣ сходку для подачи петиціи о проведеніи желѣзной дороги. Тогда же было рѣшено и перемѣщеніе клуба. Впослѣдствіи зала была увеличена прорѣзанною широкою аркой въ сосѣднюю комнату. А за аркой былъ подъемный полъ для сцены или концертныхъ подмостковъ... Словомъ, все было предусмотрѣно для успѣшной конкурренціи новой гостинницы съ заведеніемъ какой-то госпожи Михельсонъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

— Такое великолѣпіе—даже жутко!—увѣрялъ Бергъ. — Боишься сѣсть и ходить страшно... Такъ и кажется, что вотъ замараешь, сомнешь, либо поцарапаешь какую-нибудь прелесть!

И онъ съ притворной робостью усаживался на краюшекъ самаго дальняго стула и бралъ свой стаканъ въ руки, точно боясь даже поставить его на новый столъ.

— А какъ же мы будемъ играть?—прибавилъ онъ озабоченно.— Широкіе орѣховые края этихъ столиковъ такъ чудно отполированы, что при сдачѣ ни одна карта не удержится на столѣ. Только и будемъ дѣлать, что подбирать карты съ пола. Зато какъ звучно новое названіе гостинницы: «Залъ Эноксена»! Даже вчужѣ лестно слышать...

Вошелъ Тезенъ. Онъ вошелъ, не снимая шапки, и остановился въ дверяхъ, потомъ, не раздѣваясь, въ своемъ пальто, нерѣшительно направился къ двумъ, занятымъ уже, карточнымъ столикамъ и опять остановился, изподлобья оглядываясь по сторонамъ.

— Ну, ну, нечего вздыхать по старому пепелищу у мадамъ Михельсонъ!—замѣтилъ Бергъ.— Снимай-ка пальто да садись играть. Мы вѣдь перешли черезъ Рубиконъ!

— Здѣсь какой-то спертый воздухъ!—проговорилъ Тезенъ.—Жарко, точно угаръ!—Нѣтъ, знаете ли, я пойду немного прогуляться... Когда придетъ директоръ, скажите, что я приду позже...

Онъ застегнулъ пальто и вышелъ.

Въ передней ему встрѣтился засѣдатель Воге.

— Развѣ директоръ?..—началъ тотъ осторожно.

— Директоръ еще не приходилъ!—успокоилъ его Тезенъ.—Я пройдусь немного... Можетъ быть, и вы?..

Онъ лукаво подмигнулъ засѣдателю.

— Пусть меня повѣсятъ, если слабыя сердца не увлекутъ ихъ къ вдовствующей мадамъ Михельсонъ!—проворчалъ Бергъ.—Тамъ Тезенъ съ наслажденіемъ выпьетъ хоть первый изъ своихъ «послѣднихъ» стакановъ тодди... То-то, старая любовь даетъ себя знать.

Онъ вздохнулъ и прибавилъ, помолчавъ:

— А хорошо намъ всѣмъ было тамъ, на старомъ мѣстѣ!

Вскорѣ послышался шумъ въ передней. Пріѣхалъ самъ директоръ.

— А? что?! Развѣ не прекрасная обстановка?—заговорилъ онъ, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности. Съ осени онъ бывалъ у Эноксена почти ежедневно, и все было сдѣлано по его указаніямъ...

— Какая прелесть эти новыя шведскія печи! — прибавилъ онъ, не получивъ возраженія:—какъ тепло, уютно...

— Да, почти такъ же хорошо, какъ у госпожи Михельсонъ!—проворчалъ Бергъ и, точно испугавшись такой смѣлости, склонился надъ своимъ стаканомъ тодди.

— Не знаю ужъ, чего еще больше и требовать!—проговорилъ директоръ вызывающимъ тономъ.

— Разумѣется... Только мы похожи на пчелъ, переселенныхъ въ новый улей!—остался Бергъ при своемъ.—Многіе, можетъ быть, вздыхаютъ по насиженному мѣсту и оставшемся въ старомъ ульѣ медѣ...

Директоръ не удостоилъ это замѣчаніе отвѣта и пошелъ навстрѣчу входившему аптекарю.

— Я такъ и зналъ, что придете!—сказалъ онъ привѣтливо.—Только что думалъ о васъ, соображая, съ кѣмъ бы сыграть партію въ вистъ. Съ нами, конечно, Тезенъ...

— Онъ уже заходилъ! — переглянувшись съ другими, доложилъ Бергъ.—Но, не заставъ здѣсь господина директора, онъ ушелъ съ засѣдателемъ Воге... Онъ съ засѣдателемъ надежнѣйшіе столпы клуба... Имъ просто захотѣлось прогуляться...

Появилось нѣсколько молчаливыхъ шкиперовъ. Они раскланялись со всѣми присутствующими, и тотчасъ же сѣли за карты.

— А вотъ и адвокатъ Гордеръ, и консулъ Мульвадъ!—не скрывая своего торжества, привѣтствовалъ новыхъ посѣтителей директоръ.—Вы надежные товарищи, господа. Какъ это вы такъ рано вырвались изъ своей конторы, консулъ? Ну, какъ вамъ нравится? Развѣ не отлично?.. Для перваго вечера даже очень удовлетворительно... три столика уже заняты, а мы сейчасъ займемъ четвертый.

Онъ держалъ себя радушнымъ хозяиномъ, стараясь всякому сказать любезность.

— Нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго въ морѣ? — обратился онъ къ начальнику лоцмановъ. — Какъ ледъ? Чортъ знаетъ, что за морозы въ этомъ году! Замерзло до самыхъ маяковъ, и такъ рано, до Рождества...

Доставъ изъ кармана сигару, онъ скусилъ кончикъ, закурилъ и развалистой поступью направился къ своему столику. Онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа и благосклонно поглядывалъ на посѣтителей. Но партіи онъ не начиналъ.

— Пересчитываетъ своихъ овецъ!—шепотомъ замѣтилъ Бергъ сосѣду.

Вотъ появился, наконецъ, и Тезенъ. Такъ какъ партія еще не составилась, директоръ принялъ его, какъ своего обычнаго партнера, но отнесся къ нему нѣсколько холодно.

— Да, что ни говорите, господа, а здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ лучше! — говорилъ директоръ, снимая карты. — Притомъ мы, съ своей стороны, приняли соотвѣтственныя мѣры и напитки здѣсь несравненно доброкачественнѣе, чѣмъ тамъ... въ гостиницѣ. Не понимаю, что за охота ходить туда отравляться! — прибавилъ онъ, искоса глянувъ на Тезена.

Тотъ лѣниво поднялъ тяжелыя вѣки и усмѣхнулся. Онъ понялъ намекъ; но его заинтересовало, какимъ это чортомъ директоръ уже пронюхалъ, что онъ побывалъ у мадамъ Михельсонъ, и, не отходя отъ буфета, выпилъ одинъ «*единственный стаканчикъ тодди?*»

— Да-а, да-а! — протянулъ онъ, отпивъ изъ только что поданнаго стакана. — Этотъ коньякъ не безъ достоинствъ... т. е. очень, очень похожъ на коньякъ...

Директоръ промолчалъ. Другіе старались не разсмѣяться.

— А вѣдь зала, повидимому, совсѣмъ готова! — замѣтилъ отъ газетнаго столика Гордеръ. — Пожалуй, можно будетъ устроить въ ней рождественскій балъ?

— Еще бы... все въ порядкѣ!—отозвался директоръ.—Вотъ только подъемный полъ за аркой еще не совсѣмъ готовъ. Пока музыка расположится безъ эстрады.

— Говорятъ, арка вышла не совсѣмъ удачная?—вмѣшался Тезенъ.

— Пустяки! Что окажется не такъ, исправимъ! — уклончиво отвѣтилъ директоръ.

— Мнѣ говорила племянница Іонстона...

— Барышня Борнеманъ изъ Ордангорда? — освѣдомился заинтересованный Гордеръ.

— Да, она. Я провожалъ ее и госпожу Рэнебергъ, когда онѣ осматривали новую клубную залу... Онѣ объ того мнѣнія, что изъ-за арки музыки совсѣмъ не будетъ слышно. Зала слишкомъ узка и длинна. Съ подмостковъ будетъ слышно еще хуже... А вѣдь эти дамы очень свѣдущи въ такихъ дѣлахъ...

— Еще бы! — согласился Гордеръ. — Онѣ, можно сказать, выросли среди баловъ и концертовъ. Недостатки бальной залы должны броситься имъ въ глаза съ перваго взгляда.

— Да, это убѣдительно! Значитъ, барышня Борнеманъ намѣрена быть на нашемъ рождественскомъ балѣ, если такъ интересуется помѣщеніемъ?

— А развѣ вы не знаете? Она прогоститъ у Іонстона до января.

— Отлично! Это придастъ нѣкоторый блескъ нашему первому балу въ залѣ Эноксена!—добродушно порадовался Гордеръ.

— Иначе говоря, вы себя сами и прочихъ горожанъ цѣните ни во что?—ѣдко вмѣшался директоръ.—Какое низкопоклонство! Это напоминаетъ мнѣ тѣ времена, когда весь городъ лежалъ у ногъ этихъ господъ и существовалъ только подвозомъ матеріаловъ для ихъ заводовъ... Мы точно забываемъ, что съ лихвой расквитались съ ними за всѣ ихъ благодѣянія! Причемъ же это поклоненіе Іонстону? Это только разбогатѣвшій бѣднякъ, и я... я самъ, лично помогалъ ему снова вскарабкаться...

— Что и говорить! Господинъ директоръ былъ ему великой опорой!—подобострастно вставилъ инспекторъ путей сообщенія.

— Однако, и самъ онъ не давалъ промаховъ! — съ возростающимъ озлобленіемъ продолжалъ директоръ.—Въ торговлѣ и въ своихъ спекуляціяхъ онъ былъ очень... очень ловокъ!

— А главное—достойнѣйшій, честнѣйшій человѣкъ!—замѣтилъ, покачивая сѣдой головой, консулъ Мульвадъ.—Его слово законъ!

— Никогда не суется въ чужія дѣла... Держитъ себя съ достоинствомъ и безупречно!—добавилъ Тезенъ.

Директоръ побагровѣлъ.

— Не суется?—вскричалъ онъ. — Да, онъ не изъ тѣхъ, которые выходятъ изъ дому безъ дождевого зонтика... Потому онъ и счастливъ въ дѣлахъ. Вспомните, какъ своевременно застраховалъ онъ свой пароходъ «Конкордію»... въ клубѣ, за ломбернымъ столомъ?!. Вамъ, Тезенъ, это должно быть памятно, потому что вамъ же пришлось выплатить ему эти двадцать семь тысячъ наличными... Развѣ это не удивительное счастіе?.. Онъ съ легкимъ сердцемъ присягнулъ, что, страхуя свое судно, ничего не зналъ о его гибели... А, вѣдь, телеграмма о крушеніи судна уже лежала тогда на его столѣ...

— Я не знаю, что вы хотите этимъ сказать,—сухо замѣтилъ Тезенъ,—но позволю себѣ напомнить, что дѣло было въ самомъ безупречномъ порядкѣ.

— А я что же говорю? У него дѣла всегда въ безупречнѣйшемъ порядкѣ, но такія удачи бываютъ только именно въ его дѣлахъ. Всякій другой, сойдя съ парохода и безпокоясь за другое судно, прежде всего побѣжалъ бы домой справиться, не получено ли какихъ извѣстій... Но Іонстонъ идетъ себѣ преспокойно въ клубъ и даже позже, когда телеграфный разсыльный предупредилъ его, что снесъ къ нему двѣ телеграммы—помните, консулъ Мульвадъ?—онъ остался въ увѣренности, что это были телеграммы о его ржаныхъ фрахтахъ... изъ Одессы. Оттого-то ему и легко было присягнуть, что онъ «ничего не зналъ»... Есть люди счастливые во всемъ! Ужъ такъ они отъ природы устроены.

Въ комнатѣ водворилась мертвая тишина.

— А на его счастье и телеграфная станція помѣщалась въ гостинницѣ... въ той же самой гостиницѣ, какъ и клубъ!—продолжалъ директоръ крикливымъ и задорнымъ голосомъ.—Телеграфисты попиваютъ себѣ тодди и запаздываютъ съ отсылкой телеграммъ, а счастливые люди тѣмъ временемъ заключаютъ страховые договоры... На этомъ, Тезенъ, ваше общество поплатилось двадцатью семью тысячами! Іонстону слѣдовало пригласить выѣхавшихъ заправилъ на званый обѣдъ въ честь этихъ благодѣтельныхъ телеграфистовъ!

Присутствующіе переглядывались въ недоумѣніи. Всѣ начинали уже замѣчать охлажденіе... почти враждебность Андерса Братта къ Іонстону... Но все-таки... Неужели же онъ хотѣлъ сказать...

— Да, по истинѣ, это была странная афера!—замѣтилъ, наконецъ, Гаррестадъ.

Помѣщикъ Бергъ вспылилъ.

— Это американское страховое общество,—сказалъ онъ громко,—и не забывайте, что американцы не формальничаютъ, а знаютъ, кому вѣрить. Если бы на мѣстѣ Іонстона былъ господинъ Гаррестадъ, будь

я проклятъ, если бы ему повѣрили, хотя бы онъ присягалъ на евангеліи и на коранѣ!

— Ваши остроты очень неостры,—началъ было хорохориться оскорбившійся Гаррестадъ, но вдругъ умолкъ...

Изъ передней доносились голоса директора городского училища и Іонстона...

Андерсъ Браттъ немножко смутился, но сейчасъ же задорно поднялъ голову, и даже вызывающе посмотрѣлъ въ сторону передней.

Запоздавшіе члены клуба вошли, оканчивая оживленную бесѣду.

— Добрый вечеръ! — проговорилъ Іонстонъ и оглядѣлся по сторонамъ. — А вотъ и ты, Браттъ! Ну, не знаю, что сказать объ этомъ новомъ помѣщеніи. Очень мило, но выглядитъ, точно еще нигдѣ не успѣла просохнуть краска. Во всякомъ случаѣ, лѣтъ черезъ десять, черезъ пятнадцать, когда мы успѣемъ обжиться здѣсь и войдутъ въ силу новыя привычки, здѣсь будетъ почти такъ же хорошо, какъ и у мадамъ Михельсонъ. Ну, что жъ? Развѣ мнѣ не приберегли мѣстечка за твоимъ столикомъ?

Разсѣянный Іонстонъ все еще не замѣчалъ измѣнившихся къ нему отношеній директора...

Тезенъ вздохнулъ и сдѣлалъ большой глотокъ изъ своего стакана. Многіе съ трудомъ удерживались отъ улыбки.

Директоръ обвелъ взглядомъ присутствующихъ, и его соколиный глазъ метнулъ молнію въ сторону инспектора Финкенгагена, который подобострастно юлилъ около Іонстона и взялъ отъ него шапку и трость отнести ихъ на угловой столикъ. Потомъ онъ такъ же грозно взглянулъ на помѣщика Берга, вполголоса, но съ видимымъ негодованіемъ, говорившаго что-то своему сосѣду, и, наконецъ, снова обратился къ Іонстону.

— А мы только-что говорили о тебѣ, Іонстонъ! — сказалъ онъ неестественно спокойно. — Вспоминали объ удивительной страховкѣ уже погибшей «Конкордіи»...

Онъ откинулся на спинку стула и продолжалъ съ замѣтнымъ напряженіемъ, нервно поигрывая пальцами протянутой на столѣ руки:

— При этомъ я высказалъ свое мнѣніе о твоей ссобенной способности ловить фортуну... Все бы сорвалось, еслибъ ты усомнился въ томъ, что телеграммы были изъ Одессы... Но ты, небось, не усомнился...

— Да, на мое счастье, не усомнился!

— Вотъ, вотъ то-то и оно! Объ этомъ мы и говоримъ... Ты бы остался все въ томъ же блаженномъ невѣдѣніи, если бы телеграмма лежала невскрытой въ твоемъ карманѣ. По истинѣ, тебя можно назвать баловнемъ судьбы!

Іонстонъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на директора.

— До нѣкоторой степени ты правъ!—сказалъ онъ, подумавъ.—Все сложилось тогда такъ изумительно счастливо...

— Помните, Тезенъ,—продолжалъ директоръ, точно ожесточаясь,— какой онъ вошелъ тогда озабоченный? На морѣ опять была буря; цѣлую недѣлю передъ тѣмъ были бури... Но характеръ у людей неодинаковъ! Я бы въ такомъ положеніи непремѣнно подумалъ, что съ моимъ судномъ случилась бѣда. А онъ...

— Въ этихъ случаяхъ никому нѣтъ дѣла до того, кто о чемъ думаетъ!—не безъ рѣзкости перебилъ адвокатъ Гордеръ.—Вопросъ сводится къ тому, имѣетъ ли страхователь свѣдѣнія о своемъ суднѣ, или нѣтъ.

— Да, да, конечно!—согласился директоръ съ двусмысленной усмѣшкой.—Таковъ законъ, и въ этомъ-то именно и была удача! Меня бы, по крайней мѣрѣ, моя мнительность повлекла домой узнать, не получено ли какихъ-нибудь извѣстій о суднѣ; а Іонстона, наоборотъ, счастье потянуло прямо въ клубъ къ агенту Тезену, причемъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его душѣ не было!..

— Однако... ты это что же наконецъ?! Разумѣется, у меня не было сомнѣній!—проговорилъ Іонстонъ отрывисто, и долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы оторваться отъ какой-то нехорошей мысли, зароненной въ его душу намеками директора.

Присутствующіе поняли, что дѣло зашло слишкомъ далеко, и перевели разговоръ на другое. Игра продолжалась.

Однако всѣ были слишкомъ возбуждены и никогда карточные переговоры не велись такими рѣзкими, отрывистыми фразами, какъ въ этотъ вечеръ.

Благожелательный инспекторъ путей сообщенія пересталъ даже улыбаться и уперся кончикомъ языка въ дупло начинавшаго ныть больного зуба... Ему казалось, что въ воздухѣ пахло пороховымъ дымомъ.

Вскорѣ онъ потрогалъ рукой щеку, какъ бы указывая на уважительную причину своего ранняго ухода, тщательно обмоталъ шею шарфомъ, и собрался домой...

Около двѣнадцати часовъ ночи члены клуба стали расходиться и каждый побрелъ въ свою сторону.

Поднималась мятель; но, выйдя на улицу, Іонстонъ почувствовалъ такое душевное облегченіе, что даже и не замѣтилъ непогоды. Только теперь, въ одиночествѣ, въ потьмахъ, онъ могъ обсудить все на свободѣ. За игрой онъ былъ чрезвычайно разсѣянъ и не могъ, никакъ не могъ сосредоточиться ни на игрѣ, ни на мутившихъ его душу догадкахъ. Но теперь... теперь...

Итакъ, люди думаютъ, что онъ поступилъ тогда крайне опрометчиво, если не... недобросовѣстно!.. Но какъ же это?

Онъ пріѣхалъ тогда съ парохода по льду и велѣлъ везти себя прямо въ клубъ... Онъ помнитъ все это такъ ясно, точно сидитъ еще въ саняхъ... Какъ и теперь, слѣва бѣлѣла обледенѣлая гора; у пристани

горѣлъ одинокій фонарь... Впереди ѣхалъ пароходный экспедиторъ... На улицѣ экспедитора еще кто-то остановилъ и спросилъ о почтѣ. Ничего не значитъ, что все это мелочи! Теперь надо припомнить все до самыхъ мельчайшихъ подробностей, какъ на допросѣ! Итакъ, экспедитора остановилъ прохожій; при этомъ онъ тоже принужденъ былъ остановиться, потому что на узкой дорогѣ нельзя было объѣхать переднія сани... Вотъ, въ это-то время онъ и задалъ себѣ вопросъ, не попытаться ли, не смотря на позднее время, отыскать страхового агента въ клубѣ. Тезенъ, вѣдь, всегда проводитъ вечера въ клубѣ...

Онъ видѣлъ свѣтъ въ окнахъ гостинницы Михельсонъ, и это навело его на мысль о Тезенѣ... Да, онъ это прекрасно помнитъ, именно было такъ!.. Тутъ и сомнѣваться нечего. Ни разу ему не пришло въ голову, что дома могутъ быть извѣстія о «Конкордіи». Когда приставалъ пароходъ, онъ еще опасался какихъ-нибудь дурныхъ извѣстій; но ничего такого ему не было доставлено на пароходъ, хотя конторщикъ выѣхалъ ему на встрѣчу... Вотъ онъ и успокоился за прошлое, продолжая только тревожиться изъ-за вновь поднимавшейся бури... Такъ, такъ... это самое главное!.. Съ этого и надо было начинать! Ну, слава Богу! Что правильно, то правильно...

Онъ съ облегченіемъ перевелъ духъ. Однако, вслѣдъ затѣмъ опять омрачился...

Но дѣло въ томъ, что Браттъ сказалъ: «я бы непремѣнно поспѣшилъ домой»... При этомъ его кольнула какая-то худая мысль... Но какъ же это было?..

Онъ напрягъ всѣ свои мыслительныя способности, но никакъ не могъ уловить чего-то страшнаго, вертѣвшагося у него на умѣ, но не дававшагося ему, какъ смутное воспоминаніе.

— Все это вздоръ!—проворчалъ онъ.—Просто желудокъ у меня не въ порядкѣ... А можетъ быть, отъ того, что я забылъ надѣть галоши... легкая простуда...

Усиліемъ воли онъ принудилъ себя думать о другомъ.

— Этотъ Абрагамъ еще! Съ чего это вздумалъ написать, что пріѣдетъ сюда на лѣто только въ томъ случаѣ, если получитъ премію въ салонѣ?.. А то, говоритъ, отправлюсь въ Италію и въ Испанію... А можетъ быть, и правъ?!.. Надо же изучать великихъ мастеровъ...

— Нѣтъ!—вскричалъ онъ вдругъ, нервно останавливаясь.—Не успокоюсь, пока не продумаю этого, самаго, вотъ *этого*, до конца! Нечего увертываться...

— Ну, такъ вотъ, еслибъ я поѣхалъ не въ клубъ, а домой? Обдумаемъ хорошенько, насколько отъ этого измѣнилось бы дѣло... Была ли бы телеграмма уже получена?

Квитанція была, вѣдь, при дѣлѣ... Въ этой квитанціи значилось, что телеграмма принята въ моей квартирѣ:—когда это было?—да, кажется, въ десять часовъ и сорокъ пять, или пятьдесятъ минутъ. До-

говоръ же съ Тезеномъ былъ помѣченъ: одиннадцать часовъ и двадцать... Это я хорошо помню!.. Въ которомъ же часу я могъ бы заѣхать домой, еслибъ не поѣхалъ прямо въ клубъ?..

Это надо будетъ изслѣдовать точно...

Ахъ, этотъ Браттъ! Онъ говоритъ все, что взбредетъ ему въ голову, даже не помышляя о томъ, что у другихъ людей тоже есть нервы...

Дойдя до дому, онъ отперъ дверь карманнымъ ключомъ, зажегъ въ передней свѣчу и тихонько побрелъ въ спальню.

XII.

Немалую сенсацію произвело въ городѣ извѣстіе, что начальникъ восточной желѣзной дороги и нѣсколько инженеровъ ѣдутъ осматривать мѣстность, по которой предполагалось построить боковую вѣтвь желѣзной дороги къ городу. На встрѣчу инженерамъ выѣхали на ближайшую почтовую станцію представители городского управленія, депутатъ округа и всѣ сторонники задуманной дороги. Тутъ былъ и Іонстонъ, предполагавшій въ тотъ же день ѣхать дальше, въ свое имѣніе. Не было еще только запоздавшаго директора Братта.

Іонстонъ, какъ лично знакомый начальнику дороги, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во время встрѣчи и устроеннаго затѣмъ на станціи завтрака.

Вотъ раздался громкій стукъ колесъ и къ станціи подкатилъ, наконецъ, въ большомъ экипажѣ, на парѣ лошадей, запоздавшій директоръ.

— Позвольте представить вамъ самаго могущественнаго у насъ дѣятеля, директора Андерса Братта! — сказалъ Іонстонъ, подводя директора къ начальнику дороги.—По имени вы его уже конечно, знаете... А вотъ онъ и самъ. Это вѣдь, какъ вамъ извѣстно, главный двигатель и иниціаторъ желѣзнодорожнаго вопроса. Если вамъ нужны какія нибудь свѣдѣнія и толковыя разъясненія, обращайтесь прямо къ нему; если вамъ нуженъ безкорыстный совѣтъ, опять-таки къ нему... Но если вы не послушаетесь его совѣтовъ, вы сейчасъ же замѣтите, насколько это неудобно, и насколько онъ этого не любитъ...

Директоръ, улыбаясь, прослушалъ рѣчь Іонстона и добавилъ серьезно:

— Во всякомъ случаѣ, я Андерсъ Браттъ, и буду радъ, если могу вамъ на что-нибудь пригодиться.

— Очень пріятно познакомиться!—отвѣтилъ начальникъ дороги. — Нечего и говорить, господинъ директоръ, что я высоко цѣню вашу поддержку проекту и не премину воспользоваться вашей опытностью...

Завтракъ шелъ очень оживленно.

— А знаете-ли, господинъ директоръ?—говорилъ начальникъ.—Мы просто въ восторгѣ отъ вашего проекта! Все такъ разумно, такъ цѣле-

сообразно, что потребуются только самыя ничтожныя измѣненія ради техническихъ облегченій постройки. Другіе заваливаютъ насъ самыми неисполнимыми и несообразными предложеніями...

— Я зналъ, что этого вамъ поднесутъ съ добрый куль! — улыбаясь отвѣтилъ директоръ. — Каждый мужикъ добивается, чтобы желѣзную, дорогу провели прямо къ его дверямъ... Но все это надо отмести, какъ соръ... Линія должна пройти прямо, какъ по линейкѣ, отъ пролива, черезъ городъ, и вплоть до вашей дороги вдоль рѣки.

Онъ продолжалъ говорить толково и самоувѣренно, нисколько не сомнѣваясь, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всемъ остальномъ, ему будетъ предоставлено управленіе рулемъ. Онъ принималъ, какъ должное, любезность начальника инженеровъ, и вполнѣ сознавалъ, что тому необходимы его содѣйствіе, его вліяніе на согражданъ, опытность и готовые разсчеты...

Андерсъ Браттъ нѣсколько опасался, что къ нему отнесутся, какъ къ одному изъ безчисленныхъ мелкихъ прожектеровъ и просителей. Но начальникъ оказался умнымъ человѣкомъ и, сразу отличивъ его, отнесся къ нему прямодушно, не показывая и вида, что можетъ обойтись безъ него, и безъ обиняковъ просилъ его содѣйствія. И это не смотря на цѣлую скирду всякихъ петицій и проектовъ, представленныхъ разными другими лицами.

Директоръ чувствовалъ себя признаннымъ и былъ въ отличномъ расположеніи духа. Андерсъ Браттъ былъ иниціаторомъ всего дѣла, и этой чести никто у него не оспаривалъ! По крайней мѣрѣ, хоть въ этомъ-то люди были справедливы!

Скромный завтракъ на станціи превратился для него въ цѣлое пиршество. Теперь существовали на свѣтѣ только онъ и сидѣвшій рядомъ съ нимъ начальникъ дороги... Остальные не считались!

— Мнѣ очень посчастливилось!—говорилъ между тѣмъ начальникъ инженеровъ, подливая себѣ и директору старой мадеры. — Для меня оказалось настоящимъ счастіемъ мое знакомство съ Іонстономъ, который сразу указалъ мнѣ, къ кому я могу обращаться за содѣйствіемъ и кому можно довѣриться. А это вѣдь самое главное! Самъ Іонстонъ, это такой умный, высокообразованный человѣкъ. И какой джентльменъ!.. чуждый всякому лицепріятію, надежный, какъ чистое золото!..

Онъ кивалъ головой и говорилъ съ настоящимъ благоговѣніемъ.

— Да, ихъ родъ извѣстенъ во всей Норвегіи! — продолжалъ онъ убѣжденно. — Больше всего ихъ выдѣляетъ удивительно человѣколюбивый образъ мыслей и рѣдкое безпристрастіе. Это то и придаетъ такой особенный блескъ ихъ уму... Въ ихъ роду они всѣ такіе! И мнѣ очень пріятно было слышать, что вы всецѣло пользуетесь его дружбой! Это лучшая рекомендація...

Директоръ падалъ съ облаковъ. Онъ поднесъ свою рюмку къ губамъ, но такъ и застылъ въ этомъ положеніи, — до того его огорошили не-

ожиданныя любезности начальника. Но въ слѣдующую минуту онъ уже опомнился, медленно осушилъ рюмку и еще медленнѣе проговорилъ самымъ оффиціальнымъ тономъ:

— Благодарю за честь...

Его губы слегка вздрагивали.

— Вамъ точно не понравилось вино? — участливо освѣдомился начальникъ.

— Нѣтъ, я просто не люблю пить вино до обѣда...

Послѣ завтрака Андерсъ Браттъ стоялъ у окна и, стиснувъ зубы, смотрѣлъ, какъ начальникъ дороги провожалъ Іонстона. Тотъ уже сидѣлъ въ своей простенькой телѣжкѣ съ возжами въ рукахъ, совсѣмъ готовый ѣхать въ свои лѣса; начальникъ инженеровъ стоялъ у телѣжки, опершись ногой о подножку, и дружелюбно разговаривалъ съ нимъ... Разговоръ затянулся и продолжался уже очень долго...

«Что же это такое?—озлобленно раздумывалъ директоръ.—Начальникъ, вѣрно, опять освѣдомляется, кому можно вѣрить въ округѣ, и кто этого недостоинъ?.. А Іонстонъ, по обыкновенію, всему этому непричастенъ... только *случайно* и, будто не сознавая этого, оказывается вершителемъ судебъ всего предпріятія! Даже я, Андерсъ Браттъ, только потому и обласканъ начальникомъ, что Іонстонъ меня рекомендовалъ Іонстонъ призналъ меня заслуживающимъ довѣрія».

Онъ усмѣхнулся злой, саркастической усмѣшкой, но сейчасъ же опять насупился. Нѣтъ, онъ не желалъ такой чести! И онъ содрогнулся всѣмъ своимъ могучимъ тѣломъ въ порывѣ мрачнаго негодованія.

«Этотъ, этотъ рохля въ своей телѣгѣ... будетъ управлять всѣмъ округомъ, какъ своимъ конемъ?!. Этотъ старый банкротъ! Вотъ до чего довело насъ нелѣпое поклоненіе старому роду!..»

— Удивительно разсѣянный господинъ вашъ другъ Іонстонъ!—проговорилъ начальникъ, подходя къ директору, когда телѣжка уже укатила. — Представьте себѣ, забылъ въ городѣ свой дождевой плащъ, а вѣдь ему ѣхать далеко! Я долженъ былъ принудить его взять хоть мой кожанъ.

— Надо вамъ сказать, что разсѣянность не всегда ему во вредъ!— сказалъ директоръ принужденно улыбаясь.—Благодаря своей разсѣянности, онъ снова всталъ на ноги... Представьте себѣ, онъ однажды *забылъ* заѣхать домой посмотрѣть свои телеграммы и поѣхалъ страховать находившееся въ плаваніи судно, а когда онъ вернулся домой, изъ телеграммы оказалось, что это судно уже потонуло!.. Тѣмъ не менѣе, онъ могъ потомъ спокойно присягать, что ничего не зналъ о гибели судна, потому что *забылъ* вѣдь заѣхать это узнать. Онъ очень удачливъ, этотъ Іонстонъ...

Начальникъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на директора и, встрѣтивъ его странный, смѣющійся взглядъ еще съ большимъ недоумѣніемъ оглянулся на другихъ.

— Во всякомъ случаѣ, Іонстонъ честный человѣкъ,—сказалъ онъ сухо и отвернулся отъ него.

— Безусловно *самый, самый* честный человѣкъ въ нашемъ округѣ!—съ удареніемъ произнесъ тутъ же стоявшій Гордеръ.

Среди остальныхъ горожанъ, порядкомъ подогрѣтыхъ обильнымъ завтракомъ, и уже разъ раздраженныхъ странными разсужденіями директора объ Іонстонѣ, послышался ропотъ. Всѣ находили его выходку крайне несправедливой и неприличной.

— Къ шуткамъ директора надо привыкнуть,—замѣтилъ засѣдатель, стараясь повернуть дѣло въ шутку.

— Сдѣлайте одолженіе, принимайте хоть за шутку! — сказалъ директоръ насмѣшливо.—Но фактъ отрицать вы не можете!

XIII.

Стояла ужасная жара. Клаусъ уже дважды выкупался, разъ въ морѣ и во второй разъ у лѣсопильнаго завода подъ водоспускомъ. Лѣто было такое знойное, что можно было позавидовать костюмамъ индѣйцевъ. Молодого человѣка мучила жажда. Но ему и въ голову не приходило отважиться на путешествіе по жарѣ куда бы то ни было, гдѣ можно было бы утолить жажду.

Онъ лежалъ на травѣ ничкомъ, забившись въ тѣнь сложенныхъ у завода досокъ и подсчитывалъ свѣдѣнія о напиленныхъ плахахъ.

Въ воздухѣ стоялъ удушливый запахъ гари. Все прибрежье было окутано тонкой пеленой дыма. Не даромъ въ городѣ распространился слухъ о большихъ лѣсныхъ пожарахъ гдѣ-то тамъ, выше, по рѣкѣ...

Клаусъ поморщился, громко чихнулъ и всталъ на ноги.

— А дымъ все усиливается!—крикнулъ онъ, подходя къ окну, у котораго сидѣла его мать.—По склону горъ дымъ просто клубится...

— Да... и эта зловѣшая, подавляющая тишь!—отозвалась она и тотчасъ же вышла на крыльцо.—Какъ душно... даже жутко становится!—продолжала она.—Въ эту засуху... лѣсной пожаръ... Вѣдь это бѣда!—Но посмотрите туда... Развѣ это не?.. Въ самомъ дѣлѣ, это вѣдь Іонстонъ идетъ по аллеѣ!

Это въ самомъ дѣлѣ былъ Іонстонъ.

Онъ остановился у крыльца съ видомъ совсѣмъ измученнаго человѣка и сталъ вытирать лицо платкомъ, который держалъ въ рукахъ.

— Иди, распорядись скорѣе принести воды и сиропу, или лимонаду!—шепнула госпожа Браттъ сыну.—Вина вѣдь онъ не станетъ пить...

Пока Іонстонъ тяжело поднимался по лѣстницѣ на веранду, госпожа Браттъ печально смотрѣла на него и тихонько покачивала головой. «Совсѣмъ опускается бѣдный старикъ!—думала она.—Постарѣлъ и осунулся за эти нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что и узнать трудно. Видно, опять заскучалъ по непріѣхавшемъ на лѣто сынѣ»...

— Здравствуйте, сударыня!—заговорилъ Іонстонъ, поднявшись на веранду и отдуваясь.—Да, сегодня, можно сказать, жара!.. И какая духота!

— Садитесь, Іонстонъ. Посидите со мной, пока мужъ вернется съ завода.

— Значитъ, Браттъ на заводѣ? А я хотѣлъ попросить его распорядиться о моихъ срочныхъ платежахъ, пока я буду объѣзжать свои лѣса... Надо же позаботиться о своемъ имѣніи!

— Надѣюсь, ваши лѣса застрахованы, Іонстонъ? Видите, какая сушь...

Онъ вздрогнулъ и весь выпрямился.

— Не тревожьтесь, горятъ только верхніе лѣса, въ горахъ!—вмѣшался вернувшійся Клаусъ.— Но если у васъ не застраховано, поспѣшите. Не бѣда, что преміи теперь высоки... Время очень опасное!

Іонстонъ раздражительно махнулъ рукой.

— По мнѣ, пусть хоть все сгоритъ!—проронилъ онъ какъ-то болѣзненно, и все его лицо сдѣлалось какимъ-то страдальческимъ.

«Старикъ Іонстонъ просто не въ духѣ!» подумалъ Клаусъ, и пошелъ къ заводу позвать отца.

Между тѣмъ Іонстонъ опустился на стулъ и довольно долго оставался безмолвенъ. Онъ даже не прикоснулся къ поставленному передъ нимъ стакану съ лимонадомъ.

— Странный міръ, въ которомъ мы живемъ, сударыня!—проговорилъ онъ вдругъ, и тяжело вздохнулъ.

— Дорогой Іонстонъ, вы, можетъ быть, слишкомъ утомили себя въ этотъ зной!—обезпокоилась госпожа Браттъ.—Зачѣмъ вы ходите на припекѣ пѣшкомъ? Вамъ бы слѣдовало поберечь себя...

— Пожалуйста, не тревожьтесь. Это не отъ жары...

Онъ не договорилъ, и опять смолкъ, поникнувъ головой.

— Не хотите ли сигару, Іонстонъ?—предложила хозяйка.

— Нѣтъ, благодарю васъ... Пожалуйста, не безпокойтесь...

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и заговорилъ какъ-то неестественно спокойно.

— Я, вотъ, читалъ какъ-то разъ о квакерахъ... Представьте себѣ, они считаютъ грѣхомъ присягать и наотрѣзъ отказываются приносить какія-либо клятвы! Это, знаете ли, не глупо.

— Это и мнѣ приходило въ голову!—тотчасъ же оживилась разговорчивая хозяйка.—Присяга! Это такое устарѣлое, варварское насиліе... Можно ли такъ грубо привязывать человѣка за душу! И сколько въ этомъ искушенія...

— Да-а!—протянулъ онъ.—Если вникнуть... въ положеніе людей присягнувшихъ... и... и потомъ жалѣющихъ объ этомъ... конечно, въ томъ случаѣ, когда человѣкъ вѣрующій и сознаетъ себя связаннымъ своей клятвой навѣки... Каково должно быть его душевное страданіе! Это вѣдь нравственная пытка... цѣлый адъ въ душѣ!

Онъ залпомъ выпилъ стаканъ, дрожащей рукой налилъ второй и тоже выпилъ... Онъ уже не въ силахъ былъ скрывать свое волненіе.

— Да, чтобы взять на свою совѣсть такую отвѣтственность... на вѣчныя времена,—продолжалъ онъ глухо;—чтобы быть увѣреннымъ, что присягаешь вѣрно, надо вѣдь предварительно вывернуть всю душу наизнанку и осмотрѣть въ ней всякую складочку; да и тогда можетъ оказаться, что не все сообразилъ!.. А тутъ, подъ угрозой цѣлой вѣчности... этого страшнаго вопроса о будущей жизни, человѣка спрашиваютъ: можешь ли ты присягнуть, что не зналъ?.. можешь ли присягнуть, что не могъ знать?.. На первый взглядъ это кажется такъ просто, и отвѣтъ такъ ясенъ... Но потомъ? Потомъ, если вдругъ поднимутся въ душѣ сомнѣнія? Можетъ ли кто изслѣдовать все дно морское, сударыня? А вѣдь еще труднѣе и страшнѣе бываетъ всмотрѣться въ свою душу! Чѣмъ больше размышляешь, чѣмъ больше всматриваешься, тѣмъ мучительнѣе становятся сомнѣнія... Въ концѣ-концовъ человѣку становится не по силамъ влачить испорченную жизнь, а сомнѣнія продолжаютъ грызть и все подтачиваютъ, и подтачиваютъ...

— Дорогой Іонстонъ, вы, конечно, правы... Очень можетъ быть, что вы правы, но...

— Я увѣренъ,—продолжалъ онъ, не слушая ея,—что многіе, очень многіе несчастные... Я увѣренъ, что гораздо болѣе людей, чѣмъ вообще предполагаютъ, погибли и продолжаютъ погибать отъ такихъ терзаній.

— Однако, какъ же вашъ ясный умъ не подсказываетъ вамъ, Іонстонъ, что такихъ неимовѣрныхъ терзаній не должно быть. Человѣкъ не можетъ быть совершененъ, и есть предѣлы даже для совѣсти... Всего предусмотрѣть невозможно...

— Невозможно? А почемъ мы знаемъ, насколько важны бываютъ послѣдствія самаго ничтожнаго изъ нашихъ поступковъ... простого шага, движенія... одной какой-нибудь не вполнѣ ясной мысли? Когда я вырѣзаю себѣ палку въ лѣсу, я, можетъ быть, гублю дерево, которое послужило бы столбомъ въ какомъ-нибудь будущемъ храмѣ...

— Это такъ, конечно... Вотъ хоть бы въ исторіи! Великія династіи и цѣлыя государства, которымъ суждено было впослѣдствіи облагодѣтельствовать все человѣчество, возникали зачастую среди убійствъ и всякихъ ужасовъ.

Онъ врядъ ли ее слышалъ, и снова заговорилъ, какъ бы продолжая какія-то скрытыя, недосказанныя размышленія:

— Клясться спасеніемъ своей души! Да вѣдь это безбожно... Нынче люди стали слишкомъ гуманны, чтобы вѣрить въ рогатаго чорта и въ кипящую смолу... Человѣку просто предоставляется терзаться своей совѣстью, и адъ заключается въ послѣдствіяхъ его собственныхъ поступковъ... Но я не вижу преимущества!

— Какъ вы мрачно сегодня настроены, Іонстонъ! Признайтесь, вамъ нездоровится?

— Нѣтъ, мнѣ просто рѣдко представляется случай говорить по душѣ... Ходишь, ходишь и думаешь про себя одинъ, и все это накапливается... Вы не можете себѣ представить, какъ освѣжаетъ иногда возможность поговорить обо всемъ откровенно... У васъ столько человѣколюбія, сударыня!

— Мнѣ кажется, васъ ободрилъ бы пріѣздъ Абрагама!—сказала она мягко.—Онъ не далъ бы вамъ времени сосредоточиваться на печальныхъ размышленіяхъ.

— Пріѣздъ Абрагама? Ко мнѣ, теперь?

Лицо его передернулось, точно отъ сильной боли.

— Нѣтъ, нѣтъ!—продолжалъ онъ торопливо.—Пусть живетъ своей собственной, молодой, беззаботной жизнью, нечего ему омрачать своей молодости въ тѣни такой развалины, какъ я!

Съ минуту онъ молчалъ, потомъ вдругъ поднялся.

— Ну, я пойду, сударыня!—сказалъ онъ.—Замучилъ васъ своими разговорами?.. Съ Браттомъ успѣю еще повидаться въ городѣ... Прощайте!

Андерсъ Браттъ расхаживалъ по дворамъ завода и пожевывалъ висѣвшую у него изо рта травинку, когда пришелъ Клаусъ звать его въ комнаты.

— Вотъ какъ, Іонстонъ тамъ?—отвѣтилъ онъ.—Ну, такъ скажи ему, что я позабочусь о всѣхъ его дѣлахъ въ банкѣ, но теперь пусть извинитъ меня: я долженъ отправить цѣлый грузъ досокъ и придти мнѣ наверхъ некогда...

Клаусъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на отца, стараясь припомнить, о какомъ «грузѣ досокъ» тотъ могъ говорить.

— Однимъ словомъ, скажи, что некогда!—нетерпѣливо крикнулъ отецъ, явно желая отвязаться отъ сына.

Тотъ ушелъ.

— Посидитъ и уберется!—думалъ директоръ, не чувствовавшій ни малѣйшаго желанія видѣть теперь Іонстона. — Какже, такъ я и побѣжалъ къ нему!

Онъ ускорилъ шагъ, продолжая пробираться между штапелями. Въ сторонѣ шипѣла и свистѣла четверная круглая пила. Въ самомъ зданіи завода грохотали большія продольныя пилы.

— Вотъ оно къ чему теперь клонитъ!—продолжалъ раздумывать директоръ. — Іонстонъ забираетъ такую силу, что скоро опять самые большіе лѣса округа будутъ въ его рукахъ, и мой заводъ будетъ считать за особенную честь пилить его бревна! И все это надѣлала мною же задуманная желѣзная дорога, которая проводится черезъ его имѣніе...

Отъ засухи въ рѣкѣ было мало воды; вся она глядѣла какой-то вялой, сонливой. Вода была такъ тепла, что только изъ большого люка, гдѣ виднѣлось главное колесо, вѣяло немножко свѣжестью. Директоръ

остановился у люка и сталъ смотрѣть на падавшую воду. Отъ времени до времени въ водѣ появлялись куски обугленнаго дерева и, промелькнувъ надъ водосливнымъ брусомъ, исчезали въ водоворотѣ... Это были молчаливые вѣстники лѣсныхъ пожаровъ. Можетъ быть, горѣло уже гораздо ближе, въ самомъ округѣ...

При появленіи каждаго такого обугленнаго куска директоръ вздрагивалъ и все глубже и глубже о чемъ-то задумывался.

На дорогѣ послышался громкій стукъ колесъ и показалась телѣжка. Но вокругъ нея поднималось такое густое облако пыли, что директоръ не могъ разглядѣть, кто это ѣдетъ.

Но, вотъ, телѣжка остановилась.

— Инспекторъ Финкенгагенъ! Давно ли сталъ пускать лошадь вскачь? Да еще по такой жарѣ...

Появленіе опрометью прискакавшаго инспектора, казалось, вполнѣ соотвѣтствовало тайнымъ мыслямъ, шевелившимся у директора на душѣ... Онъ даже слегка поблѣднѣлъ. Очевидно, случилось или зачиналось что-нибудь особенное...

Вмигъ онъ уже былъ подлѣ инспектора, который не успѣлъ еще сойти съ тѣлежки.

— Ну, что, Финкенгагенъ? Горитъ?

Гнѣдой меринъ инспектора тяжело водилъ взмыленными боками и ронялъ изо рта тоненькія полоски пѣны.

— Сильно горитъ... возлѣ Террисванды!—отвѣтилъ инспекторъ.— Прошу извиненія, господинъ директоръ, что не вылѣзаю изъ тележки, но...

— А, чортъ! Есть ли теперь время извиняться.

— Такъ позвольте здѣсь же доложить вкратцѣ... Необходимо ваше мнѣніе, т. е. ваше указаніе, куда направить людей, чтобы ограничить бѣдствіе... Вы одни знаете лѣса въ округѣ. Мы уже дали знать ленсману, чтобъ собирали мужиковъ; придется телеграфировать также о присылкѣ войскъ... Не правда ли, господинъ директоръ?

Инспекторъ досталъ изъ кармана большой пестрый платокъ и сталъ вытирать катившійся съ лица потъ.

— Горитъ на Террисвандѣ?—задумчиво проговорилъ директоръ.— По обѣимъ сторонамъ? Гм!.. Разумѣется, и въ долинѣ Ліадаль... пересохшія болота?

— Да вплоть до кряжа. Вы вѣдь знаете, что сейчасъ же за кряжемъ начинаются Іонстоновскіе лѣса.

— Какъ, огонь дошелъ до самаго кряжа?—возбужденно переспросилъ директоръ.

Въ лицѣ его появилось какое-то загадочное, хищное выраженіе.

— Да, въ такую сушь!..—прибавилъ онъ медленно,—но не договорилъ и сталъ задумчиво чертить палкой по песку.

Вдругъ онъ точно опомнился и принялъ спокойный видъ.

— Ну, ну, теряться однако нечего!—сказалъ онъ своимъ обычнымъ

дѣловымъ тономъ;—нуженъ вѣдь какой-нибудь особенный огонь, чтобы перескочить черезъ каменный кряжъ въ іонстоновскіе лѣса... Это невѣроятно!

Онъ искоса посмотрѣлъ на инспектора и продолжалъ торопливѣе:

— Важнѣе всего уберечь большіе нагорные лѣса позади Ліадаля. Туда и направляйте людей... всѣхъ, какихъ вамъ дадутъ.

— Но говорятъ, что огонь можетъ очень легко перебраться въ лѣса Іонстона черезъ...

— Вздоръ! Говорю вамъ, что іонстоновскіе лѣса ограждены каменнымъ кряжемъ, а камень вѣдь не горитъ..

— Я хотѣлъ только сказать, что, по мнѣнію лѣсниковъ, опасность заключается...

— Вы хотѣли моего совѣта?—рѣзко перебилъ директоръ.—Ну, такъ вотъ мой совѣтъ: оставьте лѣса Іонстона подъ охраною скалъ и направьте всѣ силы въ ліадальскую долину! Дѣлайте съ этимъ совѣтомъ что хотите! Вы вѣдь знаете, что я въ молодости провелъ нѣсколько лѣтъ въ этихъ лѣсахъ. Могу похвастаться, что знаю тамъ каждый пень... А впрочемъ, дѣлайте, какъ сами знаете...

— Господи, кто же сомнѣвается въ вашей опытности, господинъ директоръ? Потому-то я и пріѣхалъ къ вамъ прежде, чѣмъ обратиться къ властямъ... Только я хотѣлъ обратить ваше вниманіе на...

— Говорю вамъ, защищайте ліадальскіе лѣса,—вотъ и все! Тамъ главная опасность! И совѣтую вамъ не терять времени. Не жалѣйте кнута... скачите, не останавливаясь! Лупите его, лупите!

Онъ крикнулъ это съ такимъ ожесточеніемъ, что робкій инспекторъ совсѣмъ струсилъ и, машинально повинуясь, дважды огрѣлъ лошадь кнутомъ. Телѣжка снова исчезла въ пыли.

Директоръ провожалъ телѣжку насмѣшливымъ, злорадным взглядомъ.

— Гм! Конечно, нужно было посовѣтовать совсѣмъ другое, какъ, очевидно, и ожидалъ инспекторъ... Они бы, разумѣется, поставили всѣхъ людей у кряжа... чтобы оберегать лѣса «*ихъ Іонстона*», ихъ любимца... А я, конечно, долженъ былъ поддержать ихъ, ратуя за интересы «*друга*»! Но это, господа, дудки!.. Телеграфируйте о присылкѣ войскъ и рабочихъ... сдѣлайте одолженіе!

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, принялъ болѣе встревоженный видъ и быстрыми шагами направился къ дому.

— Ужасный лѣсной пожаръ, Гетта!—крикнулъ онъ еще издали.— Въ опасности огромные нагорные лѣса!.. Іонстонъ счастливъ, какъ всегда; его лѣса оказываются за каменнымъ кряжемъ. По одну сторону все горитъ и гибнетъ, какъ въ аду, а по другую, конечно, тишина, и спокойствіе, и птицы распѣваютъ...

Онъ не совладалъ съ собой, и послѣднія слова вырвались у него съ какимъ-то злобнымъ смѣхомъ.

Послѣ обѣда, прежде чѣмъ отправиться въ банкъ, онъ опять забѣжалъ къ женѣ.

— Я ужасно боюсь за ліадальскіе лѣса, которые стоютъ милліоны!— сказалъ онъ очень озабоченно.

Въ городѣ на всѣ распросы встрѣчныхъ знакомыхъ онъ отвѣчалъ торопливо:

— Ліадальскіе лѣса, ліадальскіе лѣса въ опасности! Это вѣдь на сотни тысячъ, если не на милліоны...

А самъ въ это время думалъ:

«Ишь, вѣдь, какъ бѣгаютъ, и носятся, и суетятся, точно перепуганныя куры. И все попусту, изъ пустого любопытства... только отъ работы другъ друга отрываютъ!»

Въ банкѣ директоръ пересталъ отвѣчать на разспросы и сталъ гнать отъ себя всѣхъ, кто приходилъ говорить о пожарѣ. Не было развѣ дѣла въ банкѣ, что ли? Кассиръ даже получилъ строгое внушеніе сѣсть на свое мѣсто и не запускать дѣлъ ради пустой болтовни.

— Кажется, сегодня не праздникъ, господа!—замѣтилъ директоръ служащимъ. — Тамъ бѣдствіе... разореніе... а вы точно радуетесь! Прошу каждаго заняться своимъ дѣломъ... Мы не женщины!

Въ конторѣ всѣ притихли.

— Кстати, пора намъ заняться пересмотромъ старыхъ документовъ Берглунда,—предложилъ директоръ въ совѣтѣ.—Уже два года валяется дѣло. Принесите документы, господинъ секретарь.

Начался пересмотръ разныхъ старыхъ дѣлъ и въ этотъ удушливый лѣтній вечеръ въ банкѣ закипѣла работа, точно передъ годовой провѣркой.

Былъ уже поздній вечеръ, когда директоръ распустилъ совѣтъ, но самъ остался работать въ директорскомъ кабинетѣ и долго еще не отрывался отъ банковскихъ дѣлъ. Сыну онъ велѣлъ прислать за собой каріолку не ранѣе десяти часовъ. Онъ хотѣлъ привести въ извѣстность всѣ потери, какія могутъ оказаться для банка послѣдствіемъ лѣсныхъ пожаровъ. Отъ времени до времени ему докладывались извѣстія о пожарѣ.

Наконецъ его подсчеты стали приближаться къ концу, и онъ занялся подведеніемъ итоговъ.

— Пріѣхалъ капитанъ Гельгезенъ и ночью же отправился въ горящій лѣсъ, чтобы принять начальство надъ всѣми работами!—доложили ему.

— Вотъ какъ!..

Директоръ хотѣлъ продолжать свою работу, но незамѣтно погрузился въ мрачное раздумье.

Спохватившись, онъ поднялся съ мѣста, поправилъ занавѣсь и, точно стряхнувъ съ себя докучливыя мысли, снова взялся за работу.

— Итакъ, я отмѣтилъ...

Онъ отыскалъ послѣднюю отмѣченную цыфру и обмакнулъ перо въ чернила, но снова задумался, и рука его точно застыла съ перомъ надъ строкой.

— Фу! Чортъ знаетъ, что со мной дѣлается!—проворчалъ онъ вдругъ.—Надо же кончить, а то я просижу этакъ до утра.

Онъ снова обмакнулъ перо.

— Это густо поросшее лѣсомъ ущелье въ каменномъ кряжѣ!.. Что, если Гельгезенъ знаетъ о немъ?..

Опять рука его застыла надъ бумагой и чернила высыхали на перѣ. Онъ поднялъ руку, не выпуская пера, и подперъ ею голову и тупо смотрѣлъ прямо передъ собою на раскиданныя по столу бумаги, и уже не думалъ о работѣ.

Тамъ, въ горномъ кряжѣ, было одно ущелье... Посрединѣ, въ торфяныхъ берегахъ, протекалъ пересыхавшій лѣтомъ ручей... Теперь торфъ долженъ быть сухъ, какъ порохъ! Немножко дальше начинался густой еловый лѣсъ, переполненный сухостойникомъ. И все это какъ мостомъ, соединяло горѣвшій лѣсъ съ лѣсами Іонстона.

О, директоръ хорошо помнилъ это опасное ущелье и тотчасъ же подумалъ о немъ, когда инспекторъ сообщилъ, что горитъ по берегамъ Террисвандыъ..

О! это ущелье!

Въ молодости онъ не разъ принималъ бревна именно тамъ, возлѣ этого самаго ущелья. Тогда онъ работалъ еще для своего отца... Они были еще очень небогаты, и дѣла были не велики: десять, пятнадцать дюжинъ бревенъ, больше никогда и не приходилось принимать. Зато было довольно времени для отдыха. Появлялась закуска и часто устраивалась цѣлая маленькая пирушка почти всегда возлѣ того ручья, въ ущеліи... между Террисвандскимъ лѣсомъ и владѣніями Рэнебергскаго завода.

Какое это красивое ущелье! Теперь оно должно быть сухо, безъ единой капли воды...

Онъ ясно видѣлъ передъ собой всю мѣстность, съ ея еловой чащей и грудами валежника между черемуховыми и черничными порослями. Ему казалось, что подъ листвой черемухъ, тамъ, гдѣ былъ самый толстый слой торфа, что-то трещало и ползло. Это огонь пробирался въ лѣса Іонстона!..

Никто не знаетъ объ этомъ ущеліи, да никто и не думаетъ о тѣхъ мѣстахъ. Все вниманіе обращено на Ліадальскіе лѣса, куда посланы всѣ рабочіе, хотя Ліадальскіе лѣса и безъ того ограждены рѣдкимъ березнякомъ и лугомъ...

Вотъ уже огонь прокрался къ еловой чащѣ, впереди которой, точно на аванпостахъ, стоятъ отдѣльныя елки, по одной, по двѣ, небольшими кучками... Дальше еловый лѣсъ идетъ плотной стѣной и постепенно переходитъ въ Іонстоновскій лѣсъ, по другую сторону кряжа... Огонь уже

пробрался подъ землей, пластомъ пересохшаго у ручья торфа... тихонько, какъ змѣя... Дымъ и пламя появятся только тогда, когда запылаетъ еловая чаща, когда нельзя уже будетъ спасти лѣсовъ Іонстона... Да и тогда не сразу замѣтятъ бѣду, потому что всѣ теперь на другой сторонѣ и, за густымъ дымомъ пожара, ничего не видно...

Теперь кончено. Все, что у Іонстона есть, все будетъ пожрано огнемъ...

Ему ясно представилось, какъ огонь усиливается, превращается въ цѣлое море дыма и пламени, охватываетъ весь лѣсъ; какъ огненными столбами, среди густого дыма, краснѣютъ огромныя сосны великолѣпнаго строевого лѣса Іонстона... Клубы темносѣраго дыма испещрены искрами, огненными змѣйками. Трескъ и шипѣніе... Валятся старыя деревья, и съ ними валится... падаетъ въ окончательную нищету и самъ Іонстонъ... со всей своей силой популярнаго человѣка... со всѣмъ своимъ родовымъ могуществомъ... Нѣтъ, ужъ ему теперь не встать! Пусть-ка Абрагамъ начинаетъ сначала и сдѣлается родоначальникомъ новой династіи!..

«Да, это будетъ огонь!»—бормочетъ директоръ, по прежнему глядя прямо передъ собой.—«Зайцы и лисицы изжарятся живьемъ и форель сварится въ лѣсныхъ ручьяхъ!»

Ему мерещится, что огонь уже несется дальше... Невозможно его остановить... Загораются новые лѣса... Исчезаютъ въ пламени цѣлыя деревни... Погибаютъ помѣстья Малькольмовъ и Рэнеберговъ...

Онъ сидитъ съ широко выкатившимися глазами и съ полуоткрытымъ ртомъ, вокругъ котораго осталась еще складка отъ злорадной усмѣшки. Онъ мысленно слѣдитъ за опустошеніями пожара...

— Только жаль, что такъ ужасно тихо!—бормочетъ онъ, какъ безумный.—Немножко вѣтра, и было бы еще грандіознѣе!..

Выраженіе его лица измѣнилось: онъ нахмурился. Въ его взглядѣ появилось выраженіе хищнаго животнаго, которое насытилось кровью своей жертвы, и отходитъ, пресыщенное, брезгливое. Но воображеніе помимо его воли продолжало работать. Онъ опять увлекся.

«Небойсь, какъ разгорится какъ слѣдуетъ, будетъ и вѣтеръ... Всегда поднимается цѣлая буря надъ большимъ пожаромъ... Пойдетъ такая тяга, что только держись... по всей долинѣ, отъ самыхъ горъ до устья рѣки! Да, это не то, что затопленная печка! Это пожарище! Будетъ горѣть эта старая родовая слава Іонстоновъ, Малькольмовъ и Рэнеберговъ!... Пожалуй, это почище перваго банкротства, и я—не я, если Іонстонъ не придетъ ко мнѣ съ протянутой рукой. Только у него и останется, что возможность обратиться ко мнѣ!»

— Хе, хе, хе!—засмѣялся онъ глухимъ, неестественнымъ. смѣхомъ и самъ испугался этого смѣха.

Съ него потъ лилъ ручьями.

А что, если капитанъ Гельгезенъ знаетъ мѣстность?—«Вздоръ, ровно

ничего не знаетъ, и ночью помчится туда, куда его пошлютъ... *руководитъ*! Положимъ, завтра сообразитъ, что не тамъ тушилъ гдѣ горѣло... да уже будетъ поздно!»

Онъ презрительно усмѣхнулся.

И на него... на этого капитана... ляжетъ вся отвѣтственность за умѣлыя распоряженія!..

Вдругъ онъ выпрямился.

— Отвѣтственность!... Да!...

Онъ уронилъ руку на столъ, кулакъ его сжался и на лбу выступили надувшіяся, какъ веревки, вены.

«Я кажется рехнулся!—прошепталъ онъ.—Окончательно съ ума сошелъ! Развѣ не я самъ навелъ ихъ на ложный слѣдъ, настойчиво совѣтовалъ, почти приказалъ... Вѣдь это же все равно, какъ если бы я собственными руками поджегъ лѣса Іонстона... Отвратительное, низкое преступленіе! На меня, на меня одного ляжетъ вся отвѣтственность! Но, можетъ быть, еще не поздно? Что если распорядиться сейчасъ-же...»

Онъ задумался. Лицо его приняло какое-то странное, двойственное выраженіе. Птичій глазъ сверкалъ лихорадочнымъ блескомъ.

Вдругъ онъ вскочилъ съ кресла, схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ кабинета.

— Уѣхалъ капитанъ Гельгезенъ?— закричалъ онъ.—Нѣтъ еще? Ну, слава Богу... И ты, Клаусъ, здѣсь! Поѣзжай же сейчасъ—гони во всю прыть—и привези сюда Гордера. А разсыльный здѣсь? Пусть скачетъ на лошади и догонитъ инспектора путей сообщенія... Вернуть его!

Черезъ пять минутъ Гордеръ уже вбѣжалъ въ кабинетъ.

— Я обдумалъ дѣло: оказывается, мы страшно ошиблись!—заговорилъ директоръ.—Надо все перемѣнить... Въ каменномъ кряжѣ есть сухое ущелье... По немъ огонь пройдетъ къ Іонстону. Не теряя ни минуты, надо вырубить тамъ лѣсъ и перекопать... Пошлите туда людей на лошадяхъ, а Финкенгагенъ пусть сообщитъ въ магистратъ. Я сейчасъ же и самъ поѣду распоряжаться въ лѣсъ и разошлю гонцовъ во всѣ стороны... Капитанъ можетъ догнать меня тамъ, въ ущельи. А ты, Клаусъ, бѣги къ Іонстону... Не напугай его, но толкомъ объясни, въ чемъ дѣло, и скажи отъ меня, что все, что только во власти человѣческой, будетъ сдѣлано.

— Я просто на-просто скажу ему, что ты самъ взялся за дѣло, и что, стало быть ему безпокоиться нечего!—объявилъ Клаусъ и выбѣжалъ изъ банка.

XIV.

Въ городъ назначили новаго полиціймейстера. Онъ успѣлъ уже сдѣлать оффиціальный визитъ директору Братту, и теперь директоръ самъ пріѣхалъ къ нему съ визитомъ.

Его провели въ кабинетъ.

— Надѣюсь, господинъ директоръ, что вы простите меня за этотъ пріемъ въ кабинетѣ!—вѣжливо извинялся полиціймейстеръ.—Въ другихъ комнатахъ стоятъ еще нераспакованные ящики съ мебелью. Моя семья прибудетъ надняхъ, и тогда уже приступимъ къ устройству квартиры... Мой предшественникъ такъ торопился уѣхать, что я долженъ былъ опередить семью. Прошу покорно! На этомъ креслѣ вамъ будетъ удобнѣе. Не позволите-ли предложить вамъ довольно сносную сигару?..

— Благодарю васъ! Итакъ, вашъ предмѣстникъ торопился отряхнуть прахъ этого города отъ своихъ ногъ? Неудивительно! Онъ самъ создалъ себѣ здѣсь положеніе, въ которомъ не было ничего пріятнаго Это хорошій юристъ, но порядочный буквоѣдъ. Можете себѣ представить, насколько онъ былъ умѣстенъ среди моряковъ и торговцевъ нашего бойкаго городка! Онъ постоянно попадалъ впросакъ, и ссорился со всѣми.

— Однако, это очень хорошій и спокойный человѣкъ!—возразилъ полиціймейстеръ примирительно.

— Да, конечно. Но онъ ухитрялся всегда попадать подъ колеса гой самой колесницы, которою долженъ былъ править. Въ концѣ концовъ онъ былъ не на шутку раздавленъ...

— Не веселый примѣръ для его преемника!—усмѣхнулся чиновникъ.— Остаюсь, однако, того мнѣнія, что, если бы горожане съумѣли ужиться съ нимъ, они получили бы въ немъ крупную и полезную силу на пользу своего города.

— Гм... не знаю! Онъ былъ болѣзненно упрямъ... Сразу подорвалъ свою популярность на довольно пустомъ вопросѣ... Можетъ быть вы уже замѣтили, какъ прекрасно наше городское освѣщеніе? Такъ вотъ извольте видѣть, онъ началъ съ того, что потребовалъ отъ городского совѣта два фонаря—писалъ и говорилъ именно *два*—для одного изъ ничтожнѣйшихъ переулковъ, причемъ, употребилъ въ дѣло весь свой авторитетъ полиціймейстера и градоначальника. Ни о чемъ другомъ онъ не хотѣлъ знать, все время воевалъ изъ за своихъ двухъ фонарей и, такъ сказать, удавился на одномъ изъ нихъ. Во всемъ остальномъ мы были точно и безъ полиціймейстера, и порядокъ оберегался эти года самими гражданами.

— Надѣюсь, теперь граждане будутъ избавлены отъ такой отвѣтственности!—проговорилъ полиціймейстеръ не безъ внушительности.

— Какая, чиновничья заносчивость!—подумалъ директоръ, и усмѣхнулся.

— Надѣюсь также, что господинъ директоръ и прочіе вліятельные представители города поддержатъ меня?!—поправился чиновникъ.

— На меня пока можете разсчитывать!—отвѣтилъ директоръ снисходительно.—А многіе ли одного со мною мнѣнія, увидите сами...

— Не могу сказать, насколько я вамъ благодаренъ за это обѣщаніе!—поблагодарилъ полиціймейстеръ оффиціальнѣе, чѣмъ это, по мнѣнію директора, было нужно.

Директоръ искоса посмотрѣлъ на своего новаго знакомаго. Полиціймейстеръ былъ такого же могучаго тѣлосложенія, какъ и онъ самъ. Судя по осанкѣ и самоувѣренности движеній, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые однимъ своимъ видомъ, еще издали на тротуарѣ, требуютъ себѣ дорогу.

— Однако это, кажется, довольно спѣсивый парень, и не изъ робкихъ!—подумалъ Андерсъ Браттъ.

— Довольно лестно потрудиться въ такомъ быстро развивающемся городѣ!—говорилъ между тѣмъ чиновникъ —Число туристовъ въ этихъ мѣстахъ съ каждымъ годомъ увеличивается... Одинъ отель госпожи Михельсонъ даетъ уже понятіе о количествѣ путешественниковъ. Превосходная гостинница! Такое красивое, по истинѣ барское, помѣщеніе; комнаты просторныя, съ высокими потолками; видъ изъ оконъ на море; обстановка со всѣми новѣйшими усовершенствованіями... А какая обширная зала для сходокъ и концертовъ!

— Гм... да, конечно... Впрочемъ, у насъ цѣлыхъ двѣ такія гостиницы! Эноксенъ храбро конкуррируетъ съ старымъ отелемъ. Его гостинница даже предпочитается мѣстными жителями.

— Неужели? А на мой взглядъ тутъ и сравненія быть не можетъ... Одно зданіе госпожи Михельсонъ,.. Впрочемъ... гм!—онъ какъ-то надменно вздернулъ верхнюю губу,—я не могу еще, конечно, высказываться вполнѣ опредѣленно. Прежде, чѣмъ взяться за приведеніе города въ порядокъ, я долженъ буду вполнѣ ознакомиться съ обстоятельствами...

— Приведеніе города въ порядокъ!—Директоръ даже привскочилъ на своемъ стулѣ... Такой независимости, такой смѣлости отъ новаго чиновника онъ никакъ не ждалъ.

— Говорятъ, здѣсь царятъ очень дружныя общественныя отношенія между старожилами города?—снова заговорилъ полиціймейстеръ.—Есть премилыя семейства, знакомство съ которыми и для меня, и для моей семьи будетъ истиннымъ удовольствіемъ. Одни Іонстоны уже цѣлая находка. Я и прежде слышалъ объ этомъ Іонстонѣ, какъ объ удивительно симпатичномъ и достойномъ человѣкѣ... Вчера я сдѣлалъ ему визитъ и, признаюсь, былъ положительно очарованъ.

— Да, у него есть что-то привлекательное, онъ сразу плѣняетъ людей!—проговорилъ директоръ.

— Не правда ли? Такой ровный, утонченно вѣжливый, развитой, и притомъ ни тѣни заносчивости... Впрочемъ, и то сказать, это представитель одного изъ достойнѣйшихъ родовъ Норвегіи.

Директоръ улыбнулся.

— А все-таки и его жизнь текла не очень ровно!—сказалъ онъ, не переставая усмѣхаться.—При всей своей неосторожности, онъ раза два бывалъ на краю гибели, и мнѣ,—выраженіе лица директора приняло оттѣнокъ шутливой скромности,—именно мнѣ приходилось выручать его. Въ послѣдній разъ онъ чуть не лишился всѣхъ своихъ очень цѣнныхъ лѣсовъ. Это было не далѣе, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, во время большого лѣсного пажара. Я совершенно случайно припомнилъ—я смолоду очень хорошо знакомъ со всѣми лѣсами нашего округа,—что есть ущелье, черезъ которое огонь можетъ передаться въ лѣса Іонстона. Вотъ, намъ и удалось вò-время собрать людей и остановить огонь. Но это было не безъ труда... и въ самую послѣднюю минуту, увѣряю васъ! Еще немножко, и всѣ бы Малькольмы, всѣ Іонстоны, всѣ Рэнеберги были бы разорены окончательно. Имѣнія ихъ вѣдь всѣ въ одной кучѣ...

Полиціймейстеръ замѣтилъ, что у директора погасла сигара и съ величайшей предупредительностью зажегъ ему спичку. Но въ его взглядѣ, которымъ онъ въ это время пытливо и быстро какъ бы пронизывалъ гостя, было что-то совсѣмъ полицейское. А затѣмъ онъ опять смотрѣлъ по прежнему, все такъ же гордо, но благожелательно.

— Да, Іонстонъ то же говорилъ объ этомъ, и говорилъ о васъ съ большимъ жаромъ!—сказалъ онъ медленно.

Директоръ какъ-то очень ужъ внезапно всталъ и собрался уходить.

— Итакъ, прошу васъ принять мое посѣщеніе не только какъ отвѣтный визитъ, но и какъ знакъ моего желанія быть здѣсь во всемъ къ вашимъ услугамъ!—сказалъ онъ съ несвойственной ему предупредительностью.—Вамъ придется устраиваться, потребуются столяры, плотники... Имѣйте въ виду, что на моемъ заводѣ всякихъ рабочихъ сколько угодно, я всегда могу прислать, кого нужно.

— Очень благодаренъ, господинъ директоръ. Чрезвычайно вамъ обязанъ...

Директоръ вышелъ на улицу съ особенной торопливость.

— Этотъ новый полиціймейстеръ тоже, какъ видно, хочетъ поцарствовать... Птица высокаго полета, и занесется, Богъ знаетъ, куда, если только мы допустимъ. А впрочемъ, человѣкъ съ мозгами!.. Съ чего только эта спесь?.. Собирается подобрать себѣ отдѣльный кругъ знакомыхъ... Гм!.. И разумѣется, первымъ дѣломъ—Іонстонъ!

Онъ досадливо ударилъ палкой по тумбѣ и на губахъ у него появилась не то горькая, не то пренебрежительная, усмѣшка.

— И съ чего это онъ вздумалъ вмѣшиваться въ это дѣло съ мадамъ Михельсонъ? Намеки вѣдь были ясны... Впутывается въ такія, совсѣмъ частныя, дѣла, точно старый горожанинъ, и все это съ первыхъ же дней! Такая безтактность доставитъ ему очень, и очень непріятныя минуты—это можно ему предсказать теперь же! Да и полезно будетъ во-время положить этому предѣлъ!

Онъ задумался.

— Однако всѣ эти его намеки, нащупыванья?.. Не лучше ли попытаться избѣгнуть лишнихъ недоразумѣній?.. По правдѣ сказать, моя вражда къ вдовѣ Михельсонъ въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ смысла и ни къ чему путному не приведетъ. У Эноксена положительно не выходитъ ничего приличнаго. Какъ ни бьемся, а все пахнетъ почтовой станціей, какимъ-то мелкимъ трактиромъ...

Постепенно онъ замедлилъ шаги и вдругъ направился въ сторону гостинницы госпожи Михельсонъ. Давно уже онъ не бывалъ въ этой мѣстности! Перестроенная и совершенно заново отдѣланная, гостинница дѣйствительно показалась ему очень представительной, по крайней мѣрѣ, снаружи... Подъѣздъ съ большой дубовой дверью и мѣдными рѣшеточками у зеркальныхъ стеколъ былъ положительно недуренъ. А этотъ новый дворъ съ навѣсомъ для дилижансовъ! Гм!

У подъѣзда стоялъ великолѣпный дилижансъ, въ лакированномъ кузовѣ котораго директоръ отразился, какъ въ зеркалѣ. Со двора вели пару хорошихъ лошадей, такъ какъ время уже было готовиться къ отходу дилижанса...

— Въ сущности, досадно вѣдь, что всѣ эти удобства пропадаютъ для насъ даромъ! Съ чего же мы будемъ держать нашъ клубъ во второстепенной гостинницѣ, когда могли бы пользоваться несравненно лучшимъ помѣщеніемъ? Положительно не стоитъ упорствовать!

Госпожа Михельсонъ отдавала какія-то распоряженія въ кухнѣ, когда ея племянница вбѣжала съ ужасной вѣстью: въ чистой гостиной госпожи Михельсонъ ея дожидался самъ господинъ директоръ Браттъ!

Вдова, и безъ того отнюдь не отличавшаяся блѣдностью, покраснѣла еще больше.

— Директоръ? Здѣсь, у меня? Боже праведный... Да что же это значитъ?

— Хочетъ поговорить съ тобой, тетя!

— Со мной? Какія же это такія несчастія угрожаютъ намъ опять!.. Нѣтъ, ни за что не выйду къ нему—никто не принудитъ меня рѣшиться на это! Развѣ не онъ отнялъ у меня и клубъ, и телеграфную станцію, и сходки, и общественные балы? Развѣ не онъ вредилъ мнѣ, насколько это только было въ его власти, и угнеталъ, и порочилъ меня, несчастную, беззащитную, вдову, и словомъ, и дѣломъ... Не выйду, не выйду я къ

этому злому человѣку, хотя бы для этого пришлось цѣлый день простоять здѣсь на мѣстѣ! Поди, скажи ему это... такъ прямо и скажи!

Пятнадцатилѣтняя племянница растерянно остановилась въ дверяхъ.

— Да, да! Именно такъ и скажи!—добавила госпожа Михельсонъ.— Въ концѣ-концовъ онъ, кажется, выживетъ меня изъ моего собственнаго отеля... Впрочемъ, нѣтъ, этого ужъ не будетъ!..

Съ рѣшимостью женщины, доведенной до полнаго отчаянія, она оправила прическу, скинула фартукъ и направилась по корридору въ свою собственную квартиру. Она вооружилась всѣмъ достоинствомъ, личнымъ и своего отеля, чтобы дать отпоръ этому ужасному человѣку, но, тѣмъ не менѣе, вошла въ гостиную дрожащая и блѣдная.

— Мнѣ сказали, что со мной желалъ поговорить господинъ директоръ?—сказала она.—Смѣю ли спросить, какой новой бѣды это будетъ началомъ? Прошу покорно господина директора садиться!

Ея голосъ такъ дрожалъ, что ему стало даже жаль ея.

— Надѣюсь, вы повеселѣете послѣ этого объясненія! Мы вѣдь оба здѣшніе уроженцы и знакомы не со вчерашняго дня!—сказалъ онъ.

— Да, видитъ Богъ, господинъ директоръ, что вы на вѣки останетесь памятны и мнѣ, и моему отелю! Въ тѣ безсонныя ночи, когда я валялась въ слезахъ и молила Господа Бога...

— Позвольте вамъ сказать, что, не смотря ни на что, я никогда не переставалъ уважать васъ за энергію, умѣнье и добросовѣстность, съ какими вы ведете свое дѣло.

— Отъ васъ ли слышу?.. это что-то новое!—отвѣтила она ѣдко, но не могла удержаться отъ улыбки и въ ея успокоенномъ взглядѣ появились какъ будто искорки.

Директоръ ласково положилъ свою жилистую руку на ручку ея кресла.

— Неужели вы допускаете, что я когда-либо имѣлъ какія-нибудь личныя чувства противъ васъ?—сказалъ онъ.

Она смутилась. Какъ же такъ?.. Ей казалось, что именно личной вражды и было не мало... Но изъ его словъ выходило, точно этого и допускать не слѣдовало...

— Вы такъ умны и разсудительны,—продолжалъ между тѣмъ директоръ,—что я буду говорить съ вами напрямки, какъ съ мужчиной. Не правда ли, мадамъ Михельсонъ, съ вами можно такъ говорить? Такъ вотъ, вы, можетъ быть, знаете, что я посвятилъ всѣ свои силы, все свое вліяніе и значеніе въ городѣ осуществленію моей завѣтной мечты о проведеніи въ нашъ городъ желѣзной дороги. Ради этого дѣла я готовъ былъ пожертвовать даже самимъ собой и всѣмъ, что только могло потребоваться. Притомъ, если вы меня знаете, вамъ должно быть извѣстно, конечно, что чувства для меня не имѣютъ ровно никакого значенія, и во всякомъ случаѣ, уже не останавливаютъ меня на полпути.

Онъ нѣсколько разъ кивнулъ головой и похлопалъ рукой по ручкѣ ея кресла.

— Да, желѣзная дорога, особенно въ послѣдніе годы, была для меня—все!—продолжалъ онъ, помолчавъ.—Ясно, что, пока дилижансы были помѣхой осуществленію моей идеи, я не могъ относиться къ нимъ иначе, какъ враждебно, а такъ какъ вашъ отель связалъ свою судьбу съ этими дилижансами, то и вы оказались въ числѣ моихъ противниковъ... Вотъ я и пошелъ противъ васъ. Понимаете? Да, что ни говорите, а съ вашей стороны поддерживать дилижансы было ошибкой, мадамъ Михельсонъ!

— Могу утѣшиться хоть тѣмъ, что такой человѣкъ, какъ Іонстонъ, былъ тоже за дилижансы!—возразила вдова не безъ ехидства.

— Іонстонъ, какъ всѣ мы хорошо знаемъ, въ общественныхъ дѣлахъ совершенное дитя!—внушительно замѣтилъ директоръ.—Притомъ онъ попадаетъ иногда подъ несовсѣмъ хорошее вліяніе... Ну-съ, такъ вотъ, не смотря на серьезную помѣху, какую создалъ мнѣ вопросъ о дилижансахъ, въ концѣ-концовъ, мнѣ удалось настолько сплотить наши силы, что теперь постройка желѣзной дороги почти обезпечена. Какъ вы знаете, изысканія уже окончены. Теперь, когда борьба миновала, вы сами, конечно, понимаете, мнѣ нѣтъ никакой причины враждовать съ вами, и я могу позволить себѣ относиться къ вамъ, госпожа Михельсонъ, и къ вашему прекрасному отелю, какъ и/ прежде, въ добрыя старыя времена. Не думаю, чтобы я ошибался, утверждая, что такая разсудительная дама, какъ вы, согласится, что я поступалъ вполнѣ послѣдовательно. Я совершенно понимаю, что вы были озлоблены противъ меня, и что всякій на вашемъ мѣстѣ почувствовалъ бы то же самое. Но теперь, вѣдь, враждѣ уже не остается больше пищи.

Онъ помолчалъ и улыбнулся.

— Вы будете богаты, госпожа Михельсонъ, очень богаты!—продолжалъ онъ.—Съ проведеніемъ желѣзной дороги ваши дѣла, вѣдь, еще поднимутся. А если вамъ понадобятся капиталы на расширеніе дѣла, банкъ къ вашимъ услугамъ—за это вамъ ручаюсь я... Итакъ остается намъ вернуться на старую, хорошую тропинку: я говорю о клубѣ. Мы всячески пытались утвердиться въ гостинницѣ Эноксена, но все это не тотъ сортъ! Пусть она остается запасной гостинницей на случай переполненія города пріѣзжими и для менѣе зажиточныхъ путешественниковъ; но общественное собраніе должно помѣщаться именно и только у васъ. Мой сынъ тоже жалуется на залу Эноксена и находитъ ее неподходящей для музыкальнаго кружка... Придется вамъ принять обратно и музыкальный кружокъ. Не правда ли? Молодые люди, вѣдь, еще требовательнѣе насъ въ дѣлахъ удовольствій.

— Во всякомъ случаѣ, господинъ Клаусъ не былъ ко мнѣ такъ жестокъ, какъ вы!—замѣтила она тонко.—Отъ времени до времени онъ удостоивалъ отель своимъ посѣщеніемъ...

— Гм! Гм!..

Директоръ всталъ.

— Ну, такъ вотъ, я протягиваю вамъ руку, мадамъ Михельсонъ!—сказалъ онъ мягко.

Вдова боролась съ подступавшими къ ея горлу слезами. Она была чрезвычайно взволнована.

— Господинъ директоръ былъ надо мной, какъ Божій бичъ!—сказала она наконецъ.—Если бы не было этихъ благословенныхъ туристовъ, которые меня выручали, я пошла бы съ сумой... Но, ужъ Господь съ вами! Видно, такова ужъ была наша судьба; что ни дѣлается, все къ лучшему.

— Попробовали бы вы пойти противъ директора, когда онъ самъ протягиваетъ вамъ руку примиренія!—оправдывалась она потомъ передъ своими знакомыми.—Прямо скажу, какъ пожалъ онъ мнѣ руку, почувствовала я, точно всѣ мои несчастія и заботы растаяли, какъ снѣгъ, и отъ всѣхъ моихъ мученій не осталось и слѣда!..

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Ея исторія, современное положеніе и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ нѣмецкихъ ученыхъ.

(Продолженіе) *).

Цѣлыхъ два столѣтія простояла нѣмецкая гимназія въ описанномъ выше видѣ. За этотъ долгій срокъ оба создавшія ее общественныя теченія—и богословское, и гуманистическое—успѣли почти заглохнуть. Ужасы религіозныхъ войнъ въ достаточной мѣрѣ открыли глаза европейскому обществу на то, куда ведетъ слѣпая вѣра въ принципы Лютерова и Канизіева катехизиса. Звѣзда правителей въ духѣ Габсбурговъ, соглашавшихся лучше царствовать въ пустынѣ, чѣмъ въ странѣ, населенной еретиками, навсегда закатилась: ихъ мѣсто среди германскаго міра заняли Гогенцоллерны, охотно позволявшіе всякому изъ своихъ подданныхъ спасать душу, какъ велитъ совѣсть. «Богословскому бѣшенству» XVI-го вѣка, которое такъ долго отравляло существованіе наукѣ, былъ, наконецъ, положенъ предѣлъ: послѣ тридцатилѣтней войны германскіе государи одинъ за другимъ объявляютъ слишкомъ рьянымъ теологамъ, что не намѣрены больше терпѣть у себя «дѣлателей еретиковъ». Вмѣсто догматическихъ споровъ и сваръ, общество предлагаетъ служителямъ различныхъ религій заняться лучше толкованіемъ основныхъ нравственныхъ истинъ христіанства. Но и сама освобожденная отъ богословскаго ига наука къ концу XVII-го вѣка успѣла уже измѣниться до неузнаваемости. Въ XVI-мъ вѣкѣ быть ученымъ, значило быть начетчикомъ въ древней литературѣ. Послѣ трудовъ Коперника и Кеплера, Галилея и Декарта, Гарвея и Гюйгенса, Бэкона и Гоббса этого стало недостаточно, и даже находились люди, которые полагали, что безъ древнихъ авторовъ ученому можно совсѣмъ обойтись. Когда Декартъ на склонѣ лѣтъ вступилъ въ составъ международнаго учено-литературнаго кружка, собраннаго Христиною шведскою, то онъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что королева вздумала учиться по-гречески, и открыто ей это высказалъ. «Я удивляюсь, что ваше величество находитъ удовольствіе въ такихъ пустячкахъ. Когда

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

я былъ мальчикомъ, то мнѣ въ школѣ забивали этимъ голову; но, ставъ взрослымъ человѣкомъ, я, къ счастью, успѣлъ совершено забыть всю эту премудрость. Для образованнаго человѣка нисколько не обязательнѣе понимать по-латыни и по-гречески, чѣмъ по-швейцарски или по нижне-бретонски». «Вотъ моя библіотека», говорилъ онъ, указывая на человѣческій скелетъ.

Крѣпче держался авторитетъ древнихъ писателей въ области изящной литературы; но и здѣсь, къ концу XVII-го вѣка, критика рѣзко начала заявлять свои права. Походъ противъ безусловнаго культа античной поэзіи открытъ былъ Франціей, шедшей тогда во главѣ европейскаго умственнаго движенія. При дворѣ «короля-солнца» раздались первые голоса въ защиту равноправности новыхъ поэтовъ съ древними. «Съ ранней юности, — такъ пишетъ Шарль Перро въ своемъ революціонномъ сочиненіи «Parallèle des anciens et des modernes»,—насъ воспитываютъ въ предразсудкѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего совершеннѣе, нежели творенія древнихъ авторовъ. Чему же удивляться, если они, наконецъ, стали при этомъ предметомъ какого-то почти религіознаго культа, и если самыя незначительныя вещи, разъ онѣ принадлежатъ древности, ставятся выше превосходнѣйшихъ твореній новыхъ авторовъ». «Безчисленная толпа комментаторовъ съ кадиломъ въ рукахъ изливается въ умиленныхъ похвалахъ достоинствамъ классиковъ. Къ темнымъ мѣстамъ, которыхъ они не умѣютъ объяснить, эти толкователи авторовъ относятся какъ къ изреченіямъ оракула. Они мучительно изворачиваютъ на всѣ лады свой умъ, чтобы отыскать тамъ какой-нибудь смыслъ; а ту простую мысль, что и древнимъ авторамъ иногда приходилось неудачно выразиться, они отгоняютъ отъ себя, какъ дьявольское навожденіе. Больше того: что у новыхъ писателей они не обинуясь называютъ глупостью и нескладицей, то у древнихъ авторовъ восхваляется ими, какъ особенно смѣлые и красивые обороты рѣчи; что у однихъ они называютъ низменнымъ и пошлымъ, то у другихъ цѣнится ими, какъ неподкрашенная природа». Свое собственное отношеніе къ древнему искусству Перро въ другомъ мѣстѣ опредѣлилъ такъ:

La belle Antiquité fut toujours vénérable,
Mais je ne crus jamais qu'elle fust adorable.
Je voy les Anciens, sans plier les genoux,
Ils sont grands, il est vray, mais hommes comme nous.
Et l'on peut comparer, sans craindre d'estre injuste,
Le Siècle de Louis au beau siècle d'Auguste *).

*) Прекрасная древность была всегда почтена, но я никогда не думалъ, чтобы ее стоило обожать. Я смотрю на древнихъ безъ всякаго преклоненія, пусть они велики—спору нѣтъ, но они такіе же люди, какъ и мы грѣшные. И, не опасаясь упрека въ несправедливости, можно смѣло сравнивать вѣкъ Людовика съ прекраснымъ вѣкомъ Августа.

Такая смѣлость вызвала, правда, цѣлую бурю въ литературныхъ кругахъ Франціи, Англіи и Германіи, и въ поднявшемся спорѣ перевѣсъ остался скорѣе на сторонѣ цѣнителей античной поэзіи. Но зато этой бурей окончательно сметена была съ лица земли старо-гуманистическая утопія, по которой новая литература должна была являться непосредственнымъ продолженіемъ греко-римской. Надгробное слово всей гуманистической поэзіи сказано было извѣстнымъ Жаномъ Леклеркомъ, однимъ изъ законодателей современнаго ему литературнаго міра. «Новые поэты, — говоритъ онъ въ своемъ органѣ, амстердамской «Bibliothèque universelle», — которые дарили насъ греческими и латинскими стихами, такъ же похожи на древнихъ, какъ обезьяны на людей: они перенимаютъ ихъ недостатки, но не въ состояніи перенять ихъ достоинствъ. Попадись эти стихи на глаза древнимъ поэтамъ, тѣ нашли бы ихъ смѣшными и не могли бы понять, какъ оказываются люди, которые тратятъ на такія вещи свое время».

И тѣмъ не менѣе, несмотря на коренной переворотъ въ религіозныхъ, научныхъ и литературныхъ взглядахъ общества, установленная богословами и гуманистами латинская школа въ Германіи вплоть до половины XVIII-го вѣка остается вѣрна завѣту своихъ творцовъ: Grammatica in scholis facit miracula, catechismus in ecclesia *). Она, правда, нѣсколько раздвинула свои рамки. Въ XVII-мъ столѣтіи никто уже больше не раздѣляетъ изумленія одного изъ педагоговъ предъидущаго вѣка передъ тѣмъ обстоятельствомъ, «что находятся родители, которые очень заботятся при воспитаніи о родномъ языкѣ и заставляютъ дѣтей учиться по-нѣмецки раньше, чѣмъ по-латыни и по-гречески, какъ будто родному языку всякій не выучивается съ годами самъ собой!» Никто не вѣритъ больше и его утвержденію, будто бы опытъ давно засвидѣтельствовалъ, что при такомъ превратномъ порядкѣ дѣти становятся менѣе способны къ изученію древнихъ языковъ. Послѣ трудовъ Ратке и Амоса Коменскаго, родному языку отведено было, наконецъ, хотя маленькое мѣсто въ средней школѣ. Вмѣстѣ съ нимъ утвердилась тамъ и незнакомая прежней гимназіи элементарная математика. Но оба эти предмета стоятъ совершенно на заднемъ планѣ, и центръ тяжести преподаванія неизмѣнно продолжаетъ лежать на догматическихъ умствованіяхъ катехизиса и на тонкостяхъ латинской стилистики. Школа, какъ въ эпоху Штурма, прежде всего блюдетъ въ своихъ воспитанникахъ чистоту вѣры и чистоту латинскаго языка.

Чѣмъ же объясняется такая неподвижность школы въ быстро прогрессировавшемъ обществѣ? Чтобы понять это, надо нѣсколько расширить горизонтъ нашихъ наблюденій и бросить взглядъ на мѣсто, занятое старой гимназіей въ новомъ общественномъ строѣ, который получила Германія послѣ тридцатилѣтней войны. Мы увидимъ тогда,

*) Грамматика творитъ чудеса въ школѣ, катехизисъ—въ церкви.

что эта внѣшняя неизмѣнность гимназіи тѣснѣйшимъ образомъ была связана съ глубокимъ измѣненіемъ ея роли въ общественной жизни.

Съ исхода среднихъ вѣковъ до конца XVII-го столѣтія соціальный строй Германіи успѣлъ испытать рядъ коренныхъ преобразованій. Въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка во главѣ общественнаго движенія Германіи шли города: и гуманизмъ, и реформація были созданы прежде всего тогдашней буржуазіей. Но нѣмецкая буржуазія не смогла упрочить за собой это быстро пріобрѣтенное преобладаніе. Происшедшій въ XVI-мъ вѣкѣ переворотъ въ условіяхъ всемірной торговли нанесъ рядъ тяжкихъ ударовъ экономическому благосостоянію нѣмецкихъ городовъ, а тридцатилѣтняя война добила ихъ окончательно. Такимъ образомъ, въ послѣдовавшіе за войной полтора столѣтія города отходятъ совершенно на задній планъ, а господствующимъ общественнымъ классомъ является дворянство. Правда, Вестфальскій миръ, запечатлѣвшій переходъ отъ стараго феодальнаго государственнаго строя къ новой монархіи, лишилъ массу мелкаго дворянства цѣлаго ряда прежнихъ его привилегій. Но, превратившись теперь въ придворное и служилое сословіе и захвативъ въ свои руки всѣ высшія мѣста въ быстро развивавшемся военномъ и гражданскомъ управленіи, нѣмецкая знать съ избыткомъ вознаградила себя на этомъ пути за потерю прежней независимости.

На мѣстѣ обѣднѣлаго и захудалаго рыцарства конца XV-го столѣтія мы находимъ передъ собой въ концѣ XVII-го вѣка богатое помѣщичье сословіе, которое ведетъ при помощи крѣпостного труда крупную земельную культуру и дѣлитъ съ своими монархами непомѣрно возросшую въ силѣ государственную власть. Съ нимъ однимъ и считаются теперь правители: что касается крестьянъ и горожанъ, то они окончательно сведены на степень безправной и безгласной массы, которой полагается только повиноваться безъ разсужденій.

Этотъ новый общественный классъ создаетъ для своихъ потребностей и новую систему образованія. XVI вѣкъ, по наслѣдству отъ среднихъ вѣковъ, признавалъ только одинъ типъ образованности, ученаго человѣка. Дѣти царственныхъ особъ, искавшіе образованія, воспитывались совершенно по той же программѣ, какъ и дѣти простыхъ горожанъ: они одинаково полагали свою гордость въ знаніи двухъ древнихъ языковъ и въ умѣньи писать безукоризненные латинскіе стихи. Тогдашняя гимназія была всесословна: Штурмъ съ гордостью приводитъ длинный перечень serenissimorum et illustrissimorum—князей, графовъ и барономъ, сидѣвшихъ на учебной скамьѣ въ его Страсбургской школѣ. Въ XVII вѣкѣ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: мы имѣемъ передъ собой два рѣзко обособленныхъ типа образованія—аристократическій и плебейскій. Новымъ аристократическимъ идеаломъ является уже не ученый человѣкъ, а *совершенный придворный*. Идеалъ этотъ выработанъ былъ впервые во Франціи, но скоро вошелъ въ плоть и кровь всего нѣмец-

каго дворянства. Согласно ему, молодой нѣмецъ изъ хорошей фамиліи, желавшій впослѣдствіи вступить въ ряды военнаго или гражданскаго управленія, долженъ былъ прежде всего въ совершенствѣ овладѣть французскимъ языкомъ, какъ языкомъ всей новой образованности. На второмъ мѣстѣ стоялъ итальянскій языкъ, имѣвшій большое значеніе при императорскомъ дворѣ; знаніе латинскаго языка признавалось необязательнымъ, но желательнымъ. Кромѣ языковъ, будущій слуга своего монарха долженъ былъ изучить и науки. Прежде всего ему полагалось знать географію и исторію, но, конечно, не древнюю, а новую, съ прибавленіемъ генеалогіи и геральдики. Затѣмъ, отъ него требовалось знакомство съ основами юриспруденціи и науки о государствѣ, съ моралью и естественнымъ правомъ, съ политикой и съ исторіей имперіи. Наконецъ, онъ долженъ былъ имѣть понятіе и о математическихъ дисциплинахъ съ ихъ главнѣйшими примѣненіями въ архитектурѣ и фортификаціи, равно какъ и о новой физикѣ и механикѣ съ ихъ любопытными опытами и открытіями. Наряду съ языками и науками тщательно изучались также благородныя искусства — верховая ѣзда, фехтованіе, танцы, игра въ мячъ, рисованіе, живопись и музыка. Вѣнцомъ всего образованія служила conduite, т. е. посвященіе въ таинства того, какъ благовоспитанному человѣку надо держать себя въ обществѣ, какъ надобно говорить комплименты и вести споръ, какъ надо дѣлать визиты и одѣваться. Юноша, удачно справившійся со всей этой мудростью, могъ съ гордостью именоваться galanthomme и съ большой надеждой на успѣхъ пробовать своего счастья при дворѣ государя. Само собой разумѣется, что такого образованія нельзя было вынести изъ старой гуманистической школы, и потому нѣмецкое дворянство рѣшительно отъ нея отвертывается: оно смѣется надъ ея воспитанниками, какъ надъ школьными крысами и старомодными педантами. Благородныя дѣти получаютъ теперь воспитаніе дома, у своихъ «информаторовъ» и «гофмейстеровъ», или въ заведенныхъ для дворянства особыхъ благородныхъ школахъ, такъ называемыхъ «кавалерскихъ академіяхъ». Латинская же школа всецѣло остается достояніемъ плебеевъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что третье сословіе въ Германіи оставалось чуждо новому умственному движенію и чтобы въ концѣ XVII столѣтія оно все еще продолжало удовлетворяться старымъ идеаломъ образованія и старою школою. Въ концѣ концовъ его дѣти постоянно являлись истинными двигателями тѣхъ наукъ, блестками которыхъ украшало себя дворянство, и безъ преподавателей изъ плебеевъ немыслимы были сами «кавалерскія академіи». И въ области педагогики оно же выставило еще въ эпоху тридцатилѣтней войны такихъ крупныхъ мыслителей, какъ Вольфангъ Ратке и Янъ Амосъ Коменскій, которые подвергли всю старую систему школьнаго обученія самой жестокой критикѣ какъ со стороны программъ, такъ и со стороны методовъ. А послѣдовавшее за ними поколѣніе устами извѣстнаго Томазія, перваго

профессора, начавшаго читать лекціи по-нѣмецки, даетъ уже такую оцѣнку вліянія латинской школы на умственное развитіе питомцевъ. «Я убѣжденъ,—писалъ Томазій,—что если взять первую попавшуюся неглупую женщину, не получившую почти никакого образованія и не знающую по-латыни, то ее гораздо скорѣе можно обучить наукамъ, чѣмъ столь же способнаго мужчину, промучившагося всю юность надъ латынью: ибо при обычномъ способѣ преподаванія въ юношескія головы вмѣстѣ съ латынью набивается ужасная чепуха, которая тамъ крѣпко засѣдаетъ и составляетъ потомъ серьезное препятствіе къ усвоенію дѣльныхъ и полезныхъ вещей». Въ началѣ XVIII столѣтія новая школа педагоговъ, группировавшаяся въ Галле кругомъ извѣстнаго піетиста Франке, выработала даже совершенно особый, невиданный прежде типъ образовательнаго учрежденія—реальную гимназію, подготовлявшую дѣтей простыхъ горожанъ непосредственно къ профессіональной дѣятельности.

Но всѣ эти требованія и попытки реформъ разбивались объ одно препятствіе. Для ихъ осуществленія необходимъ былъ большой контингентъ образованныхъ преподавателей, а для того, чтобы могли явиться такіе преподаватели, необходимы были серьезныя денежныя затраты; денегъ же на школы для неблагородныхъ дѣтей никто давать не хотѣлъ. Города XVII вѣка сами были полуразорены, и притомъ во главѣ ихъ стоялъ обыкновенно далеко не самый прогрессивный элементъ; государственные же доходы поглощались дворомъ и арміей. Жалобами на нищету школъ полонъ весь XVII вѣкъ. Всѣ школьные реформаторы въ одинъ голосъ твердятъ, что пока не улучшено будетъ матеріальное положеніе учителей, нѣтъ возможности ничего сдѣлать для школы. Мудрено ли, картинно говоритъ одинъ изъ нихъ, что въ наше время рѣшительно никто изъ способныхъ и дѣльныхъ людей не идетъ работать въ школѣ, когда отъ преподавателей требуютъ ослиной работы, а кормъ отпускаютъ, какъ чижикамъ! Но жалобы эти оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, латинская школа неизмѣнно пребывала въ забросѣ со стороны государства и успѣла, наконецъ, сдѣлаться чистымъ явленіемъ переживанія. «Въ началѣ XVIII вѣка,—говоритъ Паульсенъ,— латинская школа учила тому же и такъ же, какъ и въ началѣ XVI. Разница заключалась лишь въ томъ, что въ XVI вѣкѣ все общество вѣрило въ великое значеніе латинскаго краснорѣчія, а въ XVIII никто въ него больше не вѣрилъ, ниже сама школа. Трудно найти другое время, когда школьная работа исполнялась бы учителями и учениками съ такой неохотой и ропотомъ».

Такимъ образомъ, когда третье сословіе въ Германіи снова начинаетъ играть роль крупной общественной силы и поднимаетъ вопросъ о болѣе справедливомъ и цѣлесообразномъ устройствѣ государства, а въ связи съ этимъ и о цѣлесообразной организаціи общественнаго воспитанія, то въ защиту старой школы не раздается ни одного го-

лоса. Всѣ мыслящіе педагоги и государственные люди середины XVIII столѣтія согласны въ томъ, что въ школьномъ мірѣ необходимо произвести не реформу, а революцію, и что старое школьное зданіе должно быть снесено до основанія. Вопросъ шелъ лишь о томъ, чѣмъ его замѣнить, и здѣсь обозначились два раздѣльныхъ, но сначала отнюдь не враждебныхъ теченія—ново-гуманистическое и реалистическое.

Ново-гуманизмъ является созданіемъ университетскихъ круговъ XVIII вѣка. Нѣмецкіе университеты долгое время дѣлили участь гимназіи. Въ эпоху реформаціи они тоже попали подъ тяжкое иго богословской догматики и античной реторики. Чѣмъ былъ старый классицизмъ въ университетѣ, читатель можетъ видѣть хотя бы по такому примѣру. Въ 1560 году профессоръ ростовскаго университета Посселій, ученикъ Меланхтона, объявляетъ для студентовъ курсъ трагедій Софокла. Въ программѣ курса онъ по обычаю того времени восхваляетъ достоинства избраннаго имъ автора. «Послѣ книгъ св. Писанія нѣтъ болѣе назидательнаго чтенія, нежели драмы Софокла. Каждая трагедія Софокла содержитъ нѣсколько превосходныхъ общихъ мыслей (locos communes) и множество великолѣпныхъ сентенцій и правилъ жизненной мудрости; всѣ такія положенія всѣхъ трагедій я съ Божьей помощью возведу къ десяти заповѣдямъ, какъ къ ихъ первоисточнику. Въ Аяксѣ примѣръ наказанія за гордость и за презрѣніе божеской помощи можетъ быть возведенъ къ первой заповѣди, а примѣръ умѣренности въ счастьѣ и мести, который дается Улиссомъ, къ пятой. Кара Клитемнестры и Эгиста за попраніе святости брака, кара кровосмѣшенія въ Эдипѣ, ужасная гибель Геркулеса въ Трахинянкахъ, явившаяся слѣдствіемъ его разнузданной страстности, могутъ быть возведены къ шестой заповѣди. Въ Антигонѣ, которая превосходитъ всѣ другія трагедіи множествомъ важныхъ сентенцій, мы имѣемъ дѣло съ вопросомъ, рѣшеніе котораго стоитъ въ связи съ первой и четвертой заповѣдью: слѣдуетъ ли повиноваться болѣе Богу, нежели властямъ предержащимъ». Разобравъ такимъ же путемъ обоихъ Эдиповъ и Филоктета, Посселій продолжаетъ: «Но при разборѣ трагедій я буду обращать вниманіе и на особенно красивыя мѣста, показывая, что слушатели могутъ пріобрѣсти отъ чтенія Софокла для своего стиля. Ибо изъ трехъ великихъ трагиковъ краснорѣчіе Софокла всегда ставилось на первомъ мѣстѣ всѣми знатоками дѣла». Совершенно подобная атмосфера умственной связанности царила въ тѣ времена и на богословскомъ, и на юридическомъ факультетахъ. Однако, если гимназія такъ и застыла на два вѣка надъ катехизисомъ и Цицерономъ, то университетъ, по крайней мѣрѣ, въ протестантской части Германіи, сравнительно рано началъ борьбу за освобожденіе свое отъ путъ гуманистически-богословской схоластики. Правда, эманципація эта шла очень медленно, и за долгое время своей отсталости университеты совсѣмъ было успѣли потерять прежнее свое мѣсто въ умственной жизни Германіи: въ XVII вѣкѣ, въ эпоху господства

французско-аристократическаго идеала воспитанія, придворные философы, вродѣ Лейбница, смотрятъ на нихъ, какъ на окончательно отжившія свой вѣкъ учрежденія. Лишь къ концу XVII вѣка университетамъ удалось, наконецъ, сломить старый принципъ подчиненія науки авторитетамъ и провозгласить не только своимъ правомъ, но первымъ условіемъ своей жизни libertatem philosophandi. Зато, послѣ этой великой побѣды они не только снова входятъ въ колею умственнаго прогресса, но скоро становятся во главѣ его. Въ Галле, къ Томазію и Вольфу, которые произвели революцію въ преподаваніи права и философіи и широко открыли двери университета передъ новымъ принципомъ «раціонализма», такъ же стекается нѣмецкое юношество, какъ нѣкогда въ Виттенбергъ къ Меланхтону. А въ слѣдующемъ поколѣніи Гёттингенъ бросаетъ уже гордый вызовъ французско-аристократической образованности и начинаетъ борьбу за полное освобожденіе нѣмецкой умственной культуры отъ чужеземнаго вліянія.

На почвѣ этой борьбы за національную самобытность нѣмецкой науки, философіи и искусства и развился въ нѣмецкихъ университетахъ XVIII вѣка такъ называемый ново-гуманизмъ. Общность имени и внѣшнихъ формъ нисколько не мѣшаетъ этому новому умственному теченію являться полнѣйшимъ отрицаніемъ того, что называлось гуманистическою образованностью въ XVI вѣкѣ. Старые гуманисты изучали классиковъ, преимущественно латинскихъ, въ цѣляхъ подражанія; новые гуманисты изучаютъ классиковъ, преимущественно греческихъ, какъ разъ для того, чтобы показать всю прелесть оригинальнаго творчества и все ничтожество подражательности. Ихъ идоломъ является отнюдь не Цицеронъ, но Гомеръ, и его простоту и безъискусственность они противополагаютъ манерности французскихъ лже-классиковъ и ихъ нѣмецкихъ послѣдователей. «Этотъ новый культъ Гомера, — говоритъ Паульсенъ,—сопровождаетъ и знаменуетъ великую революцію въ эстетическихъ взглядахъ нѣмецкаго общества, революцію, направленную противъ старо-гуманистическаго пониманія поэзіи и искусства. До той поры Гомеромъ восхищались съ условной, «піитической» точки зрѣнія и въ эпоху господства французскаго классицизма далеко не безгранично. Эпоха просвѣщенія находила, что великій старецъ выводитъ черезчуръ уже грубыхъ героевъ: даже Бодмеръ считаетъ нужнымъ оправдывать простотою древнихъ нравовъ такія вещи, что у Гомера королевичи пасутъ скотъ и царь Агамемнонъ самъ одѣвается. Но мало-помалу до сознанія образованныхъ европейцевъ стало доходить, что есть еще другая поэзія, кромѣ той, какая преподается въ школахъ профессорами піитики, и что эта другая поэзія и есть единственно истинная. Различіе между народной, непосредственно вдохновенной поэзіей съ одной стороны и искусственной, съ другой, было, наконецъ, строго установлено, и Гомеръ признанъ совершеннѣйшимъ образчикомъ первой. Въ это же время раздается страстная рѣчь Руссо въ защиту природы и

въ обвиненіе культуры. Такимъ образомъ возникло то настроеніе, при которомъ все естественное и народное, все органически создавшееся и безсознательно выросшее отожествлялось съ совершенствомъ, а все искусственное, все сдѣланное по правиламъ, все условное и придворное—съ отвратительнымъ ничтожествомъ. Какое страстное чувство вызывала въ новомъ поколѣніи эта проповѣдь Евангелія природы, объ этомъ довольно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ имена: Вертеръ и Оссіанъ».

Не трудно представить, какъ новый гуманизмъ съ первыхъ же шаговъ долженъ былъ отнестись къ старой латинской школѣ. Для эстетически развитыхъ профессоровъ филологіи вся прежняя система средняго образованія являлась возмутительнымъ остаткомъ вѣкового невѣжества и они не замедлили объявить ей безпощадную войну. Самъ патріархъ новаго движенія, знаменитый геттингенскій профессоръ Геснеръ, первый возсталъ на нее со всей силой своего авторитета.

«Общій недостатокъ всей нашей постановки школьнаго дѣла,—писалъ Геснеръ въ своемъ проектѣ улучшенія школьной организаціи, заключается въ томъ, что въ школахъ 1) обращаютъ вниманіе лишь на тѣхъ, кто собирается или предназначается быть ученымъ по профессіи, и въ виду этого 2) отъ всѣхъ молодыхъ людей безъ различія требуютъ полнаго совершенства въ латинскомъ языкѣ, и къ тому же 3) его изученіе ведутъ по большей части такимъ превратнымъ путемъ, что на этихъ урокахъ большая часть юношества получаетъ непреодолимое отвращеніе не только къ латинскому языку, но и вообще къ ученію и развращается, какъ со стороны разсудка, такъ и со стороны воли. 4) Напротивъ того, такія познанія, которыя совершенно необходимы или, по крайней мѣрѣ, очень полезны въ обыкновенной жизни, находятся въ совершенномъ забросѣ; и такимъ образомъ прошедшіе школу люди не выносятъ изъ нея почти ничего, что могло бы имъ быть пригодно въ ихъ жизненной дѣятельности, а вмѣсто того принимаютъ тамъ такой складъ, который дѣлаетъ ихъ неспособными къ практикѣ и тягостью для окружающихъ». Каждый изъ насъ, продолжаетъ онъ, самъ, конечно, можетъ насчитывать множество людей, которые послѣ долголѣтняго обученія являютъ собой разительные образчики ни къ чему непригодности и даже неразумія и глупости, и нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе вообще развитые люди считаютъ слова латинистъ, педантъ и школьная крыса почти синонимами. Да иначе это и быть не можетъ, ибо принятый способъ преподаванія латинскаго языка неизбѣжно наноситъ великій ущербъ уму и дѣлаетъ его неспособнымъ къ ясному и здравому сужденію о вещахъ. Лучшія же головы, оказывающіяся въ состояніи не поддаться такому растлѣвающему вліянію, выносятъ изъ школы неугасимую и непримиримую ненависть если не ко всѣмъ книгамъ, то, по крайней мѣрѣ, къ латинскимъ, языкомъ которыхъ ихъ всего больше мучили. Еще въ школьномъ возрастѣ они занимаются этими книгами съ великимъ отягощеніемъ, а разъ они оставили школьную скамью позади себя, они швыряютъ грамматику и Ци-

церона въ первый попавшійся уголъ и всячески остерегаются, чтобы тѣ снова не попали имъ на глаза. А отчего это происходитъ? Оттого, что дѣтей заставляютъ учить грамматику съ ея отвлеченностями, не для дѣтей вовсе писанными: «ибо вся наша природа такъ устроена Создателемъ, что наше познаніе начинается и возникаетъ не съ общихъ и отвлеченныхъ формулъ, а съ наблюденія единичныхъ непосредственно доступныхъ чувству явленій». «Разсказываютъ, что одинъ великій государь (Фридрихъ-Вильгельмъ I прусскій) клятвенно обязалъ воспитателей своего сына не учить наслѣдника престола по-латыни. И я говорю: если нельзя овладѣть латинскимъ языкомъ иначе, какъ зазубривая съ самаго начала школьныхъ занятій склоненія, спряженія и столбцы вокабулъ, то хорошо было-бы клятвенно обязать всѣхъ родителей, чтобы они не учили своихъ дѣтей по-латыни».

Итакъ, прежде всего государству нужны разнаго рода школы: для занятія торговлей и промышленностью, для военной службы и многихъ отраслей администраціи латинскій языкъ нисколько не нуженъ, а образованіе нужно. Однако, продолжаетъ Геснеръ, латинскій языкъ совершенно необходимъ для тѣхъ, кто готовится къ ученымъ профессіямъ. Ни богослову, ни юристу, ни медику, ни историку или философу безъ него не обойтись: чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно пойти въ любую библіотеку и посчитать, сколько ученыхъ книгъ, писанныхъ по-латыни, приходится на одну, писанную по-нѣмецки или по-французски. Бѣды въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ, ибо занятіе латинскимъ языкомъ при правильной постановкѣ дѣла можетъ быть не только не вредно, но даже и полезно для умственнаго развитія. Для этого прежде всего не надо начинать его слишкомъ рано: даже въ школѣ, назначенной для подготовленія воспитанниковъ къ университету, Геснеръ совѣтуетъ первыя шесть лѣтъ вести учениковъ по реальной программѣ и только послѣдніе четыре года заниматься древними языками. Затѣмъ, не надо начинать языка съ грамматики: и при изученіи латыни гораздо правильнѣе идти на первыхъ порахъ тѣмъ-же практическимъ путемъ, какимъ изучаются новые языки, а когда ученики достаточно освоятся съ нею, то слѣдуетъ сейчасъ же приступать къ работѣ надъ авторами. Толковому чтенію классиковъ съ хорошимъ реальнымъ комментаріемъ Геснеръ придаетъ великое развивающее значеніе. Освобожденное отъ рабства грамматикѣ и реторикѣ оно превращается въ собесѣдованіе съ величайшими и благороднѣйшими мыслителями міра, и не можетъ не производить такого же возвышающаго дѣйствія на душу и на умъ, какъ долговременное пребываніе въ высоко-культурномъ обществѣ. Но ограничиваться однимъ знакомствомъ съ древними авторами въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ все же немыслимо. Въ нихъ должно быть отведено широкое мѣсто и новымъ физико-математическимъ наукамъ. Privat se altero oculo, qui negligit mathesin: «навѣкъ кривымъ останется тотъ, кто будетъ знать одни языки и не будетъ знать математики».

Педагогическіе взгляды Геснера, обстоятельно разработанные двумя знаменитыми его учениками, Эрнести и Гейне, нашли себѣ благодарную почву въ нѣмецкомъ обществѣ, и со второй половины XVIII вѣка многіе изъ школьныхъ «патроновъ», которыми являлись въ большинствѣ случаевъ городскія думы и князья, усиленно стали привлекать къ себѣ на службу молодыхъ филологовъ геснеровской школы. Цѣлый рядъ гимназій былъ, такимъ образомъ, реформированъ на новыхъ началахъ, причемъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ пополнялся самоотверженностью молодыхъ преподавателей, видѣвшихъ въ пропагандѣ новой педагогики одно изъ лучшихъ средствъ послужить отечеству.

Но наряду съ ново-гуманизмомъ въ XVIII вѣкѣ усиленно заявляетъ о себѣ и другое болѣе старое и болѣе глубокое теченіе европейской мысли—педагогическій реализмъ. Надобно замѣтить, что терминъ этотъ имѣлъ въ прежнее время не совсѣмъ то значеніе, какъ теперь. Реализмъ первоначально противопоставлялся только гуманистическому «вербализму». Реалисты требовали, чтобы губившее школу изученіе словъ—по ихъ взгляду простыхъ знаковъ для понятій—было замѣнено изученіемъ самыхъ понятій. Получивъ первыя основы въ трудахъ Бэкона, Монтэня и Декарта, реалистическая педагогика была затѣмъ разработана въ Германіи Ратке, Амосомъ Коменскимъ, Лейбницемъ и Франке, и въ концѣ XVIII вѣка открыла рѣшительный походъ противъ всего стараго школьнаго строя, обѣщая вмѣстѣ съ реформою школы произвести коренное обновленіе общества.

Главные ея тогдашніе представители въ Германіи, Базедовъ и Траппъ, воздавали должную дань уваженія педагогическимъ работамъ Геснера, Эрнести и Гейне, но находили, что новогуманисты останавливаются на полдорогѣ. Новогуманизмъ дѣлалъ изъ древней литературы помочи для молодой нѣмецкой культуры. Реалисты, съ своей стороны, полагали, что она достаточно уже возмужала и вполнѣ можетъ стоять на своихъ ногахъ. Притомъ же, не отрицая крупныхъ достоинствъ древнихъ писателей, реалисты сильно заподозривали ихъ педагогическую пригодность. «Конечно,—говорилъ Траппъ,—чтеніе древнихъ авторовъ можно рекомендовать и въ школѣ, ибо оно способно внушать любовь къ свободѣ и ненависть къ деспотизму. Можно согласиться и съ тѣмъ, что съ чисто художественной точки зрѣнія древніе авторы стоятъ гораздо выше. Но зато какая же масса ложныхъ представленій вселяется классиками въ головы юношества! И какъ далеки отъ человѣческаго идеала эти герои греческой поэзіи, постоянно порабощенные суевѣрнымъ почитаніемъ своихъ грубыхъ божествъ! Насколько же полезнѣе для развитія здраваго смысла занятіе такими новыми писателями, какъ Геллертъ, Энгель, Лессингъ, Гёте, Монтэнь, Ларошфуко, Шекспиръ, Попъ, Ричардсонъ». Но если обо всемъ этомъ, по мнѣнію Базедова и Траппа, еще можно было спорить, то совершенно безспорнымъ казалось имъ одно положеніе: польза отъ чтенія древнихъ авторовъ въ подлинникѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ вознаградить за

тотъ вредъ, который школа неизбѣжно наноситъ умственному развитію своихъ питомцевъ, отдавая большую часть учебнаго времени изученію языковъ. «Въ самомъ дѣлѣ, что такое языкъ?—спрашивалъ Траппъ и вмѣстѣ со всей эпохой просвѣщенія отвѣчалъ:—это собраніе знаковъ для идей. Но для каждой идеи человѣку совершенно достаточно имѣть въ головѣ одинъ знакъ. Сто знаковъ для той же идеи не образуютъ ста идей. Если я выучу Отче Нашъ на ста языкахъ, я отъ этого не буду лучше его понимать. Такимъ образомъ, отъ знанія многихъ языковъ идей у человѣка не станетъ больше и онѣ не сдѣлаются правильнѣе. Напротивъ, изученіе языковъ неизбѣжно этому повредитъ, отнявъ у человѣка то время, которое могло бы пойти на обогащеніе ума идеями. Итакъ, изученіе чужихъ языковъ должно быть признано только необходимымъ зломъ, необходимымъ въ той мѣрѣ, въ какой безъ него невозможно ни матеріальное, ни умственное общеніе между націями». А разъ это зло, то, конечно, его желательно свести до наименьшаго предѣла. Особенно пагубно дѣйствуетъ занятіе языками именно въ школѣ въ началѣ ученья. Для тѣхъ, кто не имѣетъ къ нимъ особаго дарованія, т. е. для громаднаго большинства чужіе языки являются самымъ сухимъ и отталкивающимъ предметомъ. Юность жаждетъ знанія, но она хочетъ познавать дѣйствительность, и когда ей вмѣсто того предлагаютъ заниматься лишь словесными символами, то она быстро получаетъ отвращеніе къ книгѣ. Цѣль школы—воспитывать въ людяхъ мудрость и добродѣтель; а можетъ ли филологія сдѣлать кого-нибудь мудрымъ и добродѣтельнымъ?

И Базедовъ, и Траппъ признавали, однако, вмѣстѣ съ Геснеромъ, что по условіямъ времени школа, готовившая людей къ ученымъ профессіямъ, никакъ не могла совсѣмъ обойтись безъ латинскаго языка. Но они предлагали свести его на знаніе обиходной ученой латыни въ такомъ размѣрѣ, чтобы ученики могли впослѣдствіи безъ труда читать нужные имъ въ университетѣ спеціальные трактаты. Что касается классиковъ, то они рѣшительно настаивали на чтеніи ихъ въ переводахъ. Обиходную латынь ученики должны были изучать, какъ то совѣтовалъ и Геснеръ, путемъ практики. Обычный же грамматическій способъ преподаванія древнихъ языковъ внушалъ этимъ новаторамъ несказанный ужасъ. «У религіи и у науки,—говорили они,—нѣтъ худшихъ враговъ, нежели катехизисъ и грамматика. Грамматика съ своей безсмысленной зубрежкой убиваетъ въ юношествѣ любовь къ наукамъ, къ литературѣ и къ философіи; катехизисъ съ своей догматической нетерпимостью—любовь къ Богу и религіозность. Изъ любви къ человѣчеству ихъ тиранніи надо, наконецъ, положить предѣлъ». «Загляните въ наши школы,—патетически восклицалъ Базедовъ.—Пыль не сметалась тамъ вѣками. Старъ и младъ, кому только приходится ею дышать, становится скорбенъ главою. Мозгъ покрывается тамъ твердой корою, чрезъ которую трудно проникнуть идеямъ истины и добра. А въ груди чувство довольства жизнью погибаетъ злою чахоткою уже въ весеннюю

пору человѣческаго существованія. О, сколько послушныхъ мальчиковъ и примѣрныхъ юношей должны твердить подъ градомъ ударовъ на ежедневно проклинаемыхъ урокахъ, то слова кого-нибудь изъ посланниковъ Божіихъ, то изреченія какого-нибудь изъ земныхъ мудрецовъ для того, чтобы никогда не дойти до ихъ пониманія или, по крайней мѣрѣ, чтобы никогда не почувствовать къ нимъ почтенія, разъ школа останется за спиной. Школьные своды ежедневно оглашаются крикомъ истязуемыхъ человѣческихъ существъ, съ которыхъ требуютъ больше разума и памяти, чѣмъ имъ дано Богомъ, или, можетъ быть, даже какого-нибудь будущаго Ньютона, забывшаго флексіи непонятнаго ему слова. Сжальтесь же, наконецъ, друзья юношества!» Свое собственное учебное заведеніе, куда прекращенъ былъ доступъ катехизису и грамматикѣ, Базедовъ окрестилъ характернымъ именемъ «Филантропинъ».

Въ нашу задачу не можетъ входить разборъ положительной программы этихъ педагоговъ-реалистовъ. Мнѣ довольно будетъ только указать, что въ пониманіи конечныхъ цѣлей школы они почти не расходились съ Геснеромъ и его ближайшими послѣдователями. И реалисты, и старшее поколѣніе новогуманистовъ одинаково стояли на утилитарной почвѣ эпохи просвѣщенія. «Общеполезность» какого-нибудь предмета прподаванія являлась для нихъ лучшей рекомендаціей для принятія его въ школьную программу. Споръ между этими двумя партіями шелъ только о степени педагогической и общественной полезности древнихъ языковъ, причемъ первые новогуманисты вовсе не склонны были впадать въ преувеличенія. Они охотно признавали, что древніе языки нужны вовсе не для всѣхъ и что одними древними языками никакая школа въ XVIII столѣтіи обойтись больше не можетъ. Какъ далекъ былъ уже Геснеръ отъ неумѣреннаго культа древности, мы можемъ судить по такому факту, который сообщается Михаэлисомъ. Разъ, одинъ пріятель задалъ Геснеру вопросъ, какъ онъ относится къ древнимъ и къ новымъ поэтамъ, ставитъ ли онъ лучшихъ изъ новыхъ поэтовъ выше или ниже лучшихъ изъ древнихъ? Геснеръ, немного подумавъ, отвѣчалъ, что если только возможно сравнивать такія несравнимыя вещи, то онъ, пожалуй, согласенъ поставить лучшихъ изъ новыхъ поэтовъ, напримѣръ, Галлера, выше классиковъ.

Такъ стояло дѣло въ Германіи третьей четверти XVIII столѣтія. Для самыхъ проницательныхъ наблюдателей не было тогда никакого сомнѣнія, что школьныя реформы, которыхъ общество такъ настойчиво требовало у правительствъ, неизбѣжно поведутъ къ усиленію національнаго и реальнаго элементовъ въ системѣ средняго образованія за счетъ древнихъ языковъ. Но конецъ вѣка принесъ съ собой совершенно неожиданный поворотъ въ этой области.

Реакція противъ узкаго утилитаризма и сухого раціонализма эпохи просвѣщенія, слившись съ упомянутымъ мною выше энтузіазмомъ нѣмецкаго общества къ греческому народному творчеству, дала на исходѣ XVIII столѣтія жизнь совершенно новому идеалу воспитанія, не вполнѣ

удачнымъ воплощеніемъ котораго и явилась классическая гимназія XIX вѣка. Анализъ элементовъ этого новаго идеала сдѣланъ Паульсеномъ такъ сжато, что я вижу себя вынужденнымъ привести относящіяся сюда страницы цѣликомъ.

«Начиная съ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка новый умственный міръ мало-по-малу раскрывается передъ Германіей; эпоха просвѣщенія, достигнувъ зенита при Фридрихѣ II и Іосифѣ II, клонится къ закату; вѣкъ Гёте загорается на горизонтѣ.

«Коренное различіе въ міросозерцаніи обѣихъ эпохъ можетъ быть обозначено кратко словами: механическое и органическое. Просвѣщеніе мыслитъ раціоналистически и механически; оно заимствуетъ свои категоріи у математической физики; Галилей, Гоббсъ, Декартъ, Спиноза открываютъ то умственное движеніе, которое при Локкѣ, Лейбницѣ и Вольфѣ становится просвѣтительнымъ. Для эпохи просвѣщенія міръ представляется дѣломъ все расчисляющаго архитектора; Богъ, великій міровой механикъ, сначала набросалъ планъ дѣйствительности, а затѣмъ своей всемогущей волей вызвалъ ее къ бытію. Такимъ же раціоналистически-механическимъ путемъ, какъ міръ природы, объясняется для этой эпохи и міръ исторіи: языкъ, религія, право, государство—все это, по ея мнѣнію, плодъ разума и разсчета. Къ разумному выбору цѣлей и средствъ возводитъ она самыя изящныя искусства, и какова ея теорія, такова и практика: во множествѣ университетовъ и академій, правительствомъ поставленныя профессора преподаютъ поэзію, архитектуру, живопись и т. д., устанавливая правила искусства, указывая матеріалы и средства ихъ разработки и набивая руку учениковъ на художественныхъ пріемахъ.

«Слѣдующая эпоха характеризуется тѣмъ, что она рѣшительно отвергаетъ такое механическое пониманіе во всѣхъ областяхъ жизни. Гердеръ и Гете, романтика и спекулятивная философія сходятся между собою въ основномъ воззрѣніи, что категорія намѣреннаго дѣйствія отдаленно не можетъ покрыть собой всей широты и дѣйствительности Ни Бога или творческую природу, ни созидающій духъ человѣка никоимъ образомъ нельзя мыслить въ образѣ разсчитывающаго, набрасывающаго планы и исполняющаго ихъ механика. Органическое зарожденіе и ростъ, развитіе изнутри — вотъ категорія, подъ которую подводится и человѣческій историческій міръ, и великій міръ Божій. То же самое прилагается и къ искусству: истинныя произведенія искусства не дѣлаются, но порождаются зачавшимъ ихъ геніемъ; что выдумано и ремесленнымъ путемъ изготовлено, то никогда и не поднимается надъ сферой ремесла.

«Предѣлы моей задачи не позволяютъ мнѣ излагать происхожденіе и распространеніе этого новаго міросозерцанія; я напомню только о Винкельманѣ, который открылъ современникамъ глаза на греческое искусство, гдѣ не было мѣста правиламъ академической эстетики, гдѣ художественныя произведенія родились отъ духа греческаго народа; о

Лессингѣ, который противопоставилъ французскому классицизму геніальность Шекспира; о Кантѣ, который разрушилъ до основанія естественную теологію съ ея раціоналистически-механической телеологіей; о Гердерѣ, который изгналъ цѣлевое объясненіе изъ исторіи и механическую теорію вдохновенія изъ теологіи и училъ, что въ религіи и въ поэзіи всѣхъ народовъ надо признавать и почитать откровеніе вѣчнаго и божественнаго Всеединаго; о Гёте, который страстнымъ натискомъ пробилъ дорогу новой поэзіи и своей личностью показалъ, что поэтическій геній и красота, наравнѣ съ обаятельностью и юностью, даруются человѣку богами и не могутъ быть добыты путемъ прилежной работы и разсудочныхъ усилій.

«Этой перемѣнѣ въ теоретическомъ и эстетическомъ отношеніи къ дѣйствительности соотвѣтствуетъ и перемѣна въ практической оцѣнкѣ вещей. Просвѣщеніе мѣрило стоимость вещей по ихъ полезности; оно спрашивало, способствуютъ ли онѣ благосостоянію и счастію, и въ какой степени? Такъ разсматривало оно государство и право, науку и искусство, философію и религію. Конечно, при условіи добросовѣстнаго и вдумчиваго отношенія къ дѣлу такого рода изысканія имѣютъ свою важность; но при этомъ часто случается, что за вопросомъ о полезномъ забывается вопросъ о цѣнномъ въ самомъ себѣ, и даже, что вещи, имѣющія цѣну только какъ средство, заслоняютъ собой тѣ вещи, которыя сами служатъ конечной цѣлью. Припомнимъ приговоръ просвѣщенія надъ поэзіей и игрой: отъ нихъ нѣтъ пользы, значитъ — такъ склоненъ былъ умозаключать XVIII-й вѣкъ — онѣ вообще ничего не стоятъ. А Г. Франке охотно изгналъ бы совсѣмъ игры изъ своихъ учебныхъ заведеній: онъ видѣлъ въ нихъ только потерю времени и легкомысліе. И Локкъ склоненъ такъ же относиться къ поэзіи и къ музыкѣ: по моему мнѣнію, говоритъ онъ въ «Мысляхъ о воспитаніи», родители, замѣтивъ въ ребенкѣ склонность къ поэзіи, не только не должны ее поощрять, но, напротивъ, искоренять; ибо она внушитъ ему отвращеніе къ дѣловой жизни и заведетъ его въ разные кружки, гдѣ онъ можетъ не только сильно истратиться, но даже разориться. Рѣдокъ тотъ случай, чтобы на Парнасѣ открывались золотыя и серебряныя руды. А музыку Локкъ совѣтуетъ ставить на послѣднемъ мѣстѣ среди всѣхъ умѣній, украшающихъ молодого человѣка: почти неслыханное дѣло, говоритъ онъ, чтобы въ свѣтскомъ обществѣ кого-нибудь хвалили за то, что онъ хорошій музыкантъ.

«Новая эпоха испытываетъ величайшее презрѣніе къ этой филистерской мудрости. Высшимъ въ жизни является для нея не полезное, а въ самомъ себѣ цѣнное. Не въ прозѣ и въ работѣ лежитъ цѣнность жизни—это только средства для цѣли,—а въ свободной игрѣ, которою мы наполняемъ свой досугъ. Работа, такъ говоритъ новая мудрость вмѣстѣ съ грекомъ Аристотелемъ, существуетъ ради досуга; свободный полетъ духовныхъ силъ въ философіи, въ искусствѣ, въ поэзіи, въ ре-

лигіи—вотъ высшее, вотъ самодовлѣющее содержаніе жизни. Пользой этого нельзя мѣрить, пользы здѣсь нѣтъ; ибо по самой своей сущности высшее уже не можетъ быть полезнымъ. Иначе, въ парадоксальной формулировкѣ, это выражалось такъ: «Высшее благо и единственно полезная вещь въ жизни есть образованіе». Такъ писалъ Фр. Шлегель въ Атенеѣ.

«Образованіе», это новое слово, которое въ концѣ XVIII столѣтія у всѣхъ на устахъ, является обозначеніемъ новаго жизненнаго идеала, утверждающаго въ эту эпоху свое владычество. Жизненные идеалы закончившейся эпохи—христіанскій, отвращавшійся отъ міра идеалъ піетистовъ и придворно-культурный идеалъ galant-homme'a—оба ставили для жизни внѣшнюю ей цѣль: одинъ—небо и загробное царство, другой—служеніе культурѣ и счастію рода человѣческаго. Оба и кончили вмѣстѣ свой вѣкъ. Руссо первый созналъ это и первый съумѣлъ со свойственнымъ ему страстнымъ краснорѣчіемъ дать выраженіе новому идеалу, по которомъ такъ тосковало современное ему человѣчество: на этомъ и основано было его невѣроятное вліяніе. Піетизмъ отвращался отъ міра и боялся природы; Руссо проповѣдуетъ вѣру въ природу, и прежде всего въ человѣческую природу: онъ слышать не хочетъ о какомъ-то первородномъ грѣхѣ и связанной съ нимъ порчѣ воли у человѣка. Но, съ другой стороны, такъ называемый galant-homme внушаетъ ему только ужасъ и отвращеніе; не въ Парижѣ, метрополіи культуры и образованности, человѣчность и человѣческое счастье, мудрость и добродѣтель могутъ считаться у себя дома; ихъ скорѣе встрѣтишь среди пастуховъ и мужиковъ; тамъ есть, по крайней мѣрѣ, правда и природа, безъ которыхъ человѣкъ ничего не стоитъ. Гдѣ царитъ внѣшность и условность, тамъ царятъ ложь и порокъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитанію данъ былъ новый идеалъ: согласное законамъ природы развитіе прирожденныхъ свойствъ. Помогать природѣ, отстранять пагубное для нея и доставлять полезное ей — вотъ границы воспитательной дѣятельности. Никто не имѣетъ права обрабатывать юное человѣческое существо по предвзятому плану, по условному шаблону, будь онъ выставленъ требованіями религіознаго правовѣрія, или придворной свѣтскости, или того и другого вмѣстѣ. Будьте людьми и не бойтесь дѣлать изъ вашихъ дѣтей людей, просто людей! Обработка по шаблоннымъ образцамъ, въ предвзятыхъ цѣляхъ, не можетъ не губить въ самомъ корнѣ человѣческую природу. Образованіе, т. е. принятіе существомъ законченнаго, совершеннаго склада, можетъ являться въ человѣкѣ, какъ и во всѣхъ организмахъ, только плодомъ свободнаго внутренняго развитія: внѣшнее механическое вмѣшательство въ этотъ процессъ неизбѣжно влечетъ за собой неполноту и уродливость.

«Однимъ изъ первыхъ мыслителей, введшихъ въ сознаніе нѣмецкаго народа идеи Руссо былъ Кантъ. У Руссо выучился Кантъ, по собственному своему свидѣтельству, тому, какъ надо мѣрить цѣнность всего людского: не то, что́ человѣкъ знаетъ, не то, что́ онъ можетъ,

не то, что онъ даетъ, хотя бы для блага рода человѣческаго, но то, что онъ есть, составляетъ его истинную цѣнность. Мы не въ правѣ мѣрить достоинство человѣка по его цѣнности, какъ средства для извѣстныхъ цѣлей—государственныхъ, общественныхъ или церковныхъ; мы должны разсматривать его самаго, какъ конечную цѣль, и отсюда брать критерій его оцѣнки. Кантъ ограничился въ развитіи этихъ положеній областью морали въ узкомъ смыслѣ; добрая воля, училъ онъ, есть единственная вещь, имѣющая абсолютную цѣнность. Гердеръ, Гёте, Шиллеръ повели дѣло дальше и распространили эти выводы на всего человѣка: полное развитіе духовной природы человѣка — вотъ «абсолютно цѣнное». «Прекрасная душа», соединяющая естественность и простоту съ высокимъ и свободнымъ образованіемъ ума и сердца, должна являться конечною цѣлью всѣхъ стремленій. Таковъ былъ новый образовательный идеалъ, въ блестящей поэтической одеждѣ представшій глазамъ нѣмецкаго общества на исходѣ XVIII-го столѣтія.

«Но сходство его съ греческимъ взглядомъ на вещи само собой бросается въ глаза. Καλοκἀγαθία — этимъ словомъ обозначалъ грекъ высшую цѣль воспитанія и въ то же время высшее благо. Свободный человѣкъ, не средство для какой бы то ни было цѣли, не рабъ труда, не впрягшійся въ ярмо профессіи или должности, не связанный формулами разныхъ вѣроисповѣданій, не подчинившійся игу школы, не скованный придворнымъ этикетомъ и общественными условностями; человѣкъ, который какъ свободное *я* противопоставляетъ себя міру и слагаетъ свою жизнь по присущему его душѣ идеалу совершенства—вотъ истинный человѣкъ. И такими истинными людьми являются намъ великія личности изъ греческаго міра, государственные дѣятели вродѣ Перикла, поэты вродѣ Софокла, философы вродѣ Платона, въ которыхъ высокое образованіе соединялось съ полной безъискусственностью, цѣльностью и естественностью. Отсюда понятно, какъ при подобныхъ условіяхъ понятіе о воспитаніи человѣка къ человѣчности, о «гуманитарномъ» воспитаніи, и понятіе о воспитаніи по греческому образцу могли являться новому поколѣнію тожественными».

Такимъ образомъ, знакомство съ греческой древностью, которымъ Германія обязана была школѣ Геснера, получило въ эпоху Руссо и Канта совершенно неожиданное общественное значеніе. «Bilde dich griechisch»,—воспитай въ себѣ грека,—дѣлается въ концѣ XVIII вѣка лозунгомъ наиболѣе передовой партіи въ Германіи. Чѣмъ являлась тогда греческая древность для нѣмца, стремившагося къ философскому образованію, можно ясно видѣть на примѣрѣ Вильгельма фонъ-Гумбольдта—человѣка, которому впослѣдствіи было суждено съиграть крупную роль въ исторіи нѣмецкой школы.

Гумбольдтъ происходилъ изъ аристократической семьи и съ дѣтства предназначался къ государственной дѣятельности. Получивъ превосходное домашнее образованіе, онъ поступилъ потомъ въ гёттингенскій

университетъ, гдѣ занимался государственными науками, и въ то же время усердно посѣщалъ и лекціи и домъ знаменитаго филолога Гейне. По окончаніи курса Гумбольдтъ, по обычаю всѣхъ знатныхъ молодыхъ людей того времени, долженъ былъ бы совершить путешествіе по Европѣ, чтобы ознакомиться съ дѣйствительной жизнью и съ обществомъ. Но вмѣсто того онъ предпочелъ уѣхать въ одинъ изъ тихихъ уголковъ Германіи, гдѣ и провелъ цѣлыхъ десять лѣтъ, упорно работая надъ изученіемъ древней Греціи.

Объясненіе такой видимой странности Гумбольдтъ самъ даетъ въ своей перепискѣ съ друзьями. Онъ нисколько не отказался отъ мысли сдѣлаться впослѣдствіи общественнымъ дѣятелемъ и согласно общему взгляду считалъ необходимымъ для этого пріобрѣсти знаніе людской природы. Но этого знанія онъ не надѣялся получить отъ знакомства съ Парижемъ и Лондономъ; единственной страной, населенной настоящими людьми, представлялась ему древняя Грецiя. «Грѣческій народъ,—говорилъ онъ на языкѣ философіи XVIII вѣка,—представляетъ собою образцовое воплощеніе идеи человѣчества». «Позвольте мнѣ,—пишетъ Гумбольдтъ въ 1792 г. Вольфу,—затронуть только нѣкоторыя изъ сторонъ, которыми греки превосходятъ всѣ другіе народы, чтобы показать, почему тщательное изученіе ихъ національности можетъ служить однимъ изъ прекраснѣйшихъ предметовъ занятія. Я причисляю сюда прежде всего богатство ихъ культуры разнообразными формами, съ чѣмъ связано такое развитіе характера, какое желательно и возможно во всѣхъ людяхъ безъ различія, независимо отъ ихъ индивидуальныхъ особенностей и внѣшнихъ обстоятельствъ. Человѣкъ, котораго представляютъ намъ греческіе писатели, состоитъ изъ простыхъ, крупныхъ и со многихъ точекъ зрѣнія прекрасныхъ чертъ. Особенно спасительнымъ является изученіе такихъ характеровъ, какъ греческій, въ теперешній вѣкъ, когда, благодаря обстоятельствамъ, наше вниманіе обращается гораздо болѣе на вещи, чѣмъ на людей, болѣе на массы, чѣмъ на индивидуумовъ, болѣе на внѣшнюю цѣнность и полезность, чѣмъ на внутреннее содержаніе, и гдѣ сложность культуры лишила ее прежней простоты. А грекъ соединялъ простоту и естественность съ высочайшей культурой».

Итакъ, познаніе греческой культуры нельзя и сравнивать съ тѣмъ поверхностнымъ знаніемъ людей, какое дается чтеніемъ книгъ и газетъ, обществомъ и путешествіями: оно ведетъ къ глубокому познанію *человѣка*, ибо въ грекѣ реализовалась совершенная идея человѣчности. А разъ это такъ, то нельзя не согласиться, что для самопознанія и самообразованія нѣтъ болѣе могучаго орудія, нежели возможно полное знакомство съ эллинскимъ духомъ. «Стремленіе къ такому знакомству (ибо намъ нечего и надѣяться постичь грековъ вполнѣ) можно назвать необходимымъ для каждаго человѣка, какъ человѣка—и нетолько для дѣйствующаго въ жизни, но и для работающаго надъ идеями, для

историка въ самомъ широкомъ смыслѣ, для философа, для художника и, наконецъ, для всякаго самаго простого смертнаго».

Такъ понималъ смыслъ занятій античною древностью Гумбольдтъ, такъ понимало его и все младшее поколѣніе новогуманистовъ. Не отжившая свой вѣкъ теологія, а классическая филологія является для нихъ истинною «наукою наукъ»—наукой о томъ, что есть для человѣка самаго святого и высокаго въ жизни. Фр. Авг. Вольфъ и его воспитанники являлись не простыми профессорами филологіи: они сознавали себя жрецами новаго культа человѣка, и какъ всѣ служители религіи, считали себя свыше указанными руководителями общественнаго воспитанія.

Но чтобы положить этотъ «догматъ классической древности» краеугольнымъ камнемъ средней школы, младшему поколѣнію новогуманистовъ надобно было еще отвѣтить на тотъ обвинительный актъ, который былъ составленъ противъ школьныхъ занятій древними языками представителями педагогическаго реализма. Задачу эту взялъ на себя Фр. Авг. Вольфъ. Опираясь на данныя, добытыя къ тому времени языкознаніемъ, приложившимъ понятіе органическаго развитія и къ жизни языка, Вольфъ безъ труда показалъ, насколько произвольны были теоретическія посылки реалистовъ, разсматривавшихъ языкъ, какъ собраніе выдуманныхъ людьми знаковъ, и основалъ новую, совершенно неизвѣстную старому гуманизму, теорію, по которой языкъ можетъ служить достойной цѣлью изученія самъ по себѣ, независимо отъ всякихъ прикладныхъ соображеній, ибо высшей наградой за подобную работу является сопровождающее ее «развитіе формальнаго мышленія».

Я не стану подробнѣе останавливаться здѣсь на тѣхъ аргументахъ, которыми Вольфъ и его школа стремились обосновать педагогическую состоятельность своего идеала образованія. Аргументы эти слишкомъ хорошо извѣстны читателямъ изъ сочиненій современныхъ поборниковъ классической системы, которые до сихъ поръ всецѣло живутъ наслѣдствомъ новогуманизма *). Для насъ важнѣе немедленно же перейти къ другой, менѣе извѣстной сторонѣ дѣла. Намъ надо теперь внимательно посмотрѣть на то, при какихъ условіяхъ мечты новогуманистовъ стали нѣмецкой педагогической дѣйствительностью, и въ какомъ отношеніи эта дѣйствительность оказалась къ соотвѣтствовавшему ей идеалу. Исторія воплощенія ультра-индивидуалистическаго идеала Руссо, Гёте и Гумбольдта въ прусской казенной классической гимназіи представляетъ собой одну изъ самыхъ любопытныхъ метаморфозъ во всей школьной исторіи. Знакомству съ ней и будетъ посвященъ ближайшій изъ моихъ очерковъ.

Н. Сперанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Сжатое, свободное отъ всякаго полемическаго задора изложеніе этихъ аргументовъ можно найти въ брошюрѣ Бреаля «Древніе языки въ среднемъ образованіи». М. 1892.

Эволюція рабства у различныхъ человѣческихъ расъ.

(*Продолженіе* *).

Шарля Летурно.

Переводъ съ французскаго Э. Пименовой.

Глава XII.

Арійскія расы. — Лингвистическая теорія. — Доарійскія расы Европы.—Рабство у аборигеновъ Индіи и Афганистана.—Классъ рабовъ у кафировъ.—Рабство и монархическій режимъ.—Рабство у аріевъ веды.—Стихъ Ведъ, касающійся рабства.—Платныя ремесла.—Трудъ женщинъ.—Рабство въ Индіи.—Многочисленныя мѣста въ законахъ Ману, относящіяся къ рабству.—Ремесленный трудъ судръ.—Паріи и ихъ рабское положеніе.—Паріи рабы.—Четырнадцать родовъ рабства.—Покровительственные законы.—Символическія церемоніи при отпущеніи на волю.—Классъ платныхъ рабочихъ.—Буддизмъ и касты.—Рабство въ Персіи.—Рабство въ монархической Персіи.—Гаремъ Александра.—Придворные рабы по Фирдуси.—Классы, несущіе повинности въ современной Персіи.—Рабы вельможъ.—Общее раболѣпство.—Мелкая промышленность.—Ремесленники, несущіе повинности.—Причина появленія крѣпостного состоянія въ большихъ монархіяхъ.

Великая теорія, касающаяся роли арійскихъ расъ въ заселеніи азіато-европейскаго континента, настолько извѣстна, что, вѣроятно, достаточно напомнить ее въ нѣсколькихъ словахъ. Эту теорію выдвинула на первый планъ лингвистика, а этнографія и антропологія подтвердили ее въ значительной степени. При теперешнемъ состояніи нашихъ познаній мы можемъ считать достовѣрнымъ, что въ доисторическую эпоху, время которой даже приблизительно не можетъ быть опредѣлено, потокъ эмигрантовъ бѣлой расы, идущій изъ центральной Азіи, распространился по всей Европѣ. Эти иммигранты были арійцы, лингвистическая семья народовъ, имѣющихъ общее происхожденіе. Кельты, латины, греки, германцы, славяне составляли ядра этихъ пришельцевъ. Арійцы же, оставшіеся въ Азіи, афганцы, индусы, армяне, къ которымъ надо причислить также мидянъ и иранцевъ или персовъ, также, вѣроятно, произошли изъ одной и той же семьи, несмотря на нѣкоторыя лингвистическія различія.

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

Въ ту эпоху, когда совершилось это великое передвиженіе народовъ, Европа была мало населена и въ ней обитали только первобытныя племена, плохо вооруженныя и дикія, въ особенности въ сѣверной ея части. На югѣ и западѣ первобытныхъ обитателей было больше. Сѣверные обитатели принадлежали къ финской расѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ монгольской; южные же и западные обитатели принадлежали къ великой берберской расѣ, о которой мы говорили выше.

Къ сожалѣнію, у насъ мало свѣдѣній о первобытномъ состояніи рабства у аборигеновъ Индіи, да и тѣ, которыя есть, весьма недостаточны и отрывочны. Врядъ ли, напримѣръ, аборы, образовывавшіе республиканскіе кланы, даже коммунистическаго характера, дѣйствительно имѣли рабовъ; во всякомъ случаѣ, эти рабы не были настоящими рабами, потому что самые молодые изъ нихъ жили совмѣстно съ свободными юношами въ длинныхъ общихъ жилищахъ (morang). Быть можетъ, они должны были исполнять роль слугъ, но объ этомъ ничего неизвѣстно. У бодосовъ (Bodos), дималовъ (Dhimals) и лепшей (Lepchos) существовало полное равенство и никакого различія классовъ не было. Были ли у нихъ рабы—неизвѣстно, но у другихъ аборигеновъ они навѣрное были, такъ какъ у нихъ существуетъ вѣрованіе, что душа (двойникъ) побѣжденнаго врага становится рабомъ побѣдителя на томъ свѣтѣ. Гаросы (Garos) были завзятыми рабовладѣльцами, потому что рабы составляли у нихъ $^2/_5$ всего населенія. По всей вѣроятности, рабы гаросовъ составляли давно уже порабощенный классъ, такъ какъ ихъ даже употребляли для войны и съ ними хорошо обращались. Значеніе человѣка опредѣлялось у гаросовъ количествомъ рабовъ, которыхъ онъ имѣлъ, и вожди отправлялись обыкновенно на войну въ сопровожденіи охраны, состоящей изъ шестидесяти преданныхъ рабовъ. У гондовъ (Gonds) и кандовъ (Kandhs) рабство освящалось и поддерживалось религіей. Рабовъ покупали, въ особенности для принесенія въ жертву богинѣ «Тари». У лакка коловъ (Lakka Kols) рабство встрѣчается уже въ болѣе смягченной формѣ, въ формѣ крѣпостнаго состоянія. У нихъ есть феодальные властители, землевладѣльцы, заставляющіе своихъ наслѣдственныхъ крѣпостныхъ обработывать землю и платить оброкъ. Всѣ эти разсѣянные факты даютъ возможность все-таки вывести заключеніе, что у аборигеновъ Индіи условія рабства, хотя и были очень разнообразны, но, тѣмъ не менѣе, мало отклонялись отъ знакомыхъ намъ типовъ. Свѣдѣнія относительно кафировъ Афганистана также весьма скудны, но кафиры представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, потому, что между ихъ нравами и вѣрованіями и нравами и вѣрованіями ведійскихъ арійцевъ существуетъ много аналогій. Кафиры настоящіе рабовладѣльцы и ихъ богатство, главнымъ образомъ, заключается въ стадахъ и рабахъ. Богатый кафиръ долженъ былъ обладать 800 козъ, 300 быковъ и, по крайней мѣрѣ, 8-ю семействами рабовъ. Классъ рабовъ пополнялся войной на

счетъ афганцевъ. Плѣнниковъ, жизнь которыхъ была пощажена, обращали въ рабство, но затѣмъ многихъ изъ нихъ приносили въ жертву богамъ.

Всѣ эти дикія племена или варвары, населявшіе Индію и Афганистанъ, не представляютъ особенно выдающагося интереса съ точки зрѣнія рабства и только подтверждаютъ то, что намъ уже извѣстно относительно общей эволюціи рабства. Существованіе его очень сомнительно въ такихъ группахъ, которыя не вышли еще изъ первобытнаго состоянія и гдѣ преобладаютъ республиканскіе кланы и общины. Но воинственныя монархическія племена имѣютъ рабовъ въ большомъ количествѣ; наконецъ, у такихъ народовъ, которые достигли феодальной организаціи, крѣпостное состояніе замѣнило рабство. У кафировъ же, представляющихъ соціологическое сходство съ ведійскими арійцами, классъ рабовъ пополнялся войной.

Поэзія Ведъ имѣетъ настолько мало соціологическій характеръ, что изъ нея можно заимствовать только отрывочныя свѣдѣнія объ условіяхъ рабства у арійцевъ. A priori слѣдуетъ допустить, что рабство существовало у арійцевъ. Ведійскіе арійцы жили, повидимому, подъ властью маленькихъ феодальныхъ королей, а такой режимъ, особенно въ самомъ началѣ, обыкновенно совмѣщаетъ и рабство, и крѣпостное состояніе. Въ нѣкоторыхъ стихахъ Веды упоминается о людяхъ, приносимыхъ въ даръ. Эти люди, которые дарились вмѣстѣ со скотомъ, конечно, не могли быть ничѣмъ инымъ какъ военноплѣнными, рабами, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что у ведійскихъ арійцевъ не было порабощенной касты. Браминскіе судры не существовали до завоеванія Индіи; они образовались изъ черни побѣжденныхъ, порабощенныхъ послѣ побѣды. Ручной трудъ на этомъ основаніи выполнялся у ведійскихъ арійцевъ или рабами, или крѣпостными, но, во всякомъ случаѣ, существованіе у нихъ рабства и крѣпостного состоянія болѣе или менѣе доказано текстами Веды. Возможно, впрочемъ, что существовали и свободные ремесленники въ виду такого развитаго соціальнаго состоянія. Во всѣхъ рабовладѣльческихъ и крѣпостныхъ странахъ отпущенные на волю рабы и освобожденные крѣпостные естественнымъ образомъ превращаются въ платныхъ ремесленниковъ. У ведійскихъ арійцевъ не могло быть недостатка въ работѣ, такъ какъ промышленность была довольно развита. Одинъ изъ стиховъ Веды говоритъ о спеціализаціи ремеслъ. «Я рабочій,—говорится въ этомъ стихѣ,—мой отецъ—врачъ, моя мать—мельничиха. Наша дѣятельность различна, но всѣ мы желаемъ получить зерно, какъ коровы—ячмень». Повидимому этотъ текстъ довольно ясно указываетъ на существованіе платныхъ ремеслъ, а также на родъ работы, которая всегда налагалась на женщинъ во всѣхъ варварскихъ и земледѣльческихъ обществахъ; эта работа заключалась въ измельчаніи зерна, размалываніи его между двумя каменьями или при помощи ручной мельницы. Но это была не единственная обязан-

ность, налагавшаяся на женщинъ; онѣ должны были также прясть шерсть и ленъ и исполнять домашнія работы.

Если рабство существовало уже у ведійскихъ арійцевъ, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ оно должно было существовать въ браминской Индіи. Греки однако не замѣтили его тамъ, быть можетъ, потому, что оно носило домашній характеръ и также мало бросалось въ глаза, какъ въ Индо-Китаѣ и Китаѣ. Мегасѳенъ увѣряетъ даже, что ни одинъ индусъ не имѣетъ рабовъ, а Страбонъ говоритъ, что законы Индіи запрещаютъ рабство, и это же самое подтверждаетъ Діодоръ. Но эти писатели сами себѣ противорѣчатъ. Такъ, Страбонъ говоритъ о рабо-лѣпствѣ, съ которымъ въ Индіи относятся не только къ королямъ, но и ко всѣмъ вельможамъ. Затѣмъ онъ прибавляетъ, что королю услуживаютъ женщины, купленныя у ихъ родителей. Въ другомъ мѣстѣ этотъ же самый писатель говоритъ о классѣ ремесленниковъ, мелкихъ купцовъ, всѣхъ тѣхъ, кто живетъ своимъ трудомъ. Члены этого класса, по его словамъ, уплачиваютъ налогъ (скорѣе: оброкъ), другіе же выполняютъ обязательную работу. Это классъ, очевидно, аналогичный классу браминскихъ судръ, классу порабощенному, которому, по словамъ Ману, верховный владыка вмѣнилъ въ единственную обязанность служить высшимъ классамъ. Существованіе этого класса устранило необходимость рабства и обусловило малочисленность класса рабовъ. Но законы Ману все-таки указываютъ на то, что рабы были въ Индіи, такъ какъ въ нихъ говорится объ уплатѣ займа рабами; затѣмъ о существованіи семи родовъ рабства: военноплѣнный, слуга, крѣпостной, рожденный отъ женщины рабыни въ домѣ господина, купленный или дареный рабъ, наслѣдственный рабъ, рабъ по приговору, вслѣдствіе того, что не уплатилъ штрафа. Въ этомъ перечисленіи указаны всѣ источники рабства, встрѣчаемые нами болѣе или менѣе у всѣхъ народовъ. Законы Ману лишь вскользь касаются класса рабовъ, такъ какъ классъ этотъ не имѣлъ ни численности, ни значенія, потому что весь соціально необходимый трудъ выполнялся очень многочисленною кастою судръ, этихъ прирожденныхъ рабовъ браминовъ, которые не могли быть даже отпущены на волю, такъ какъ рабство имъ было присуще. Законы Ману, предписывая судрамъ самое безусловное подчиненіе, ставили ихъ въ чрезвычайно униженное положеніе. Но хотя общій строй индусскаго общества въ настоящее время и не таковъ, какъ былъ во времена Ману, тѣмъ не менѣе, принципъ остался тотъ же, кастовый духъ все еще очень живъ, но только касты раздробились на подъ-касты и на многочисленныя корпораціи. Въ концѣ прошлаго вѣка аббатъ Дюбуа утверждалъ, что большинство механическихъ профессій и почти весь ручной трудъ лежалъ на обязанности судръ, которые, однако, раздѣлились на множество корпорацій, на томъ основаніи, что индусъ не могъ одновременно заниматься двумя профессіями. Но тотъ же самый наблюдатель говоритъ, что, несмотря на кастовый

режимъ, со слугами индусами обращались хорошо и что высокомѣріе европейцевъ возбуждало въ этомъ отношеніи негодованіе индусскихъ слугъ. По словамъ аббата Дюбуа, судры, въ свою очередь, учредили іерархію и только такъ называемые паріи продолжали занимать прежнее униженное положеніе, напоминающее то, которое законы Ману предписываютъ всѣмъ судрамъ.

Паріи представляютъ настоящій классъ рабовъ въ Индіи. Вездѣ они подчинены другимъ кастамъ и подвергаются жестокому обращенію. Имъ запрещено проходить черезъ улицу, гдѣ живутъ брамины; еслибъ они имѣли дерзость сдѣлать это, то брамины не стали бы ихъ бить сами, чтобы не осквернить себя, но имѣли бы право поручить другимъ убить ихъ. Парія, осмѣлившійся войти въ домъ брамина, могъ быть убитъ тутъ же на мѣстѣ и такіе случаи бывали въ индусскихъ княжествахъ. Однако, отвращеніе къ паріямъ уменьшается постепенно по направленію къ сѣверной части полуострова, гдѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, имъ уже дозволяется приближаться, входить въ хлѣвъ, гдѣ находятся коровы, и даже ставить ногу, но только одну, на порогъ жилища господина.

Но паріямъ запрещено воздѣлывать землю за свой собственный счетъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ округовъ. Смотря по округу, паріи либо состоятъ на заработной платы, либо они крѣпостные. Въ сѣверной Индіи они нанимаются къ другимъ племенамъ и выполняютъ за весьма скромное вознагражденіе самыя тяжелыя работы. Ихъ господа могутъ ихъ бить сколько вздумается. Но тѣ немногіе паріи, которымъ дозволяется воздѣлывать землю для себя, еще болѣе несчастны по причинѣ своей безпечности и лѣни. На Малабарскомъ берегу паріи—крѣпостные, прикрѣпленные къ землѣ отъ отца къ сыну. Землевладѣлецъ можетъ продать ихъ вмѣстѣ съ землей и вообще можетъ ими распоряжаться, какъ вздумаетъ. Въ Малабарскомъ округѣ, менѣе подвергавшемся нашествіямъ, нежели сѣверная Индія, старинные обычаи сохранились лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и весьма возможно, что нынѣшнее положеніе паріевъ представляетъ изображеніе того, чѣмъ было положеніе судръ на всемъ полуостровѣ послѣ арійскаго завоеванія.

Но существуютъ также паріи, въ полномъ смыслѣ этого слова рабы; это тѣ, которые продали себя, своихъ женъ и дѣтей судрамъ-земледѣльцамъ. Такіе паріи всегда исполняютъ самыя тяжелыя работы и всегда съ ними обращаются очень сурово. Нѣкоторые являются чѣмъ-то въ родѣ общественныхъ рабовъ и въ деревняхъ на ихъ обязанности лежитъ уборка нечистотъ. Впрочемъ, инстинктъ рабства такъ укоренился въ душѣ паріевъ, что они смотрятъ на свою судьбу, какъ на нѣчто совершенно естественное; они никогда не жалуются, не ропщутъ, ихъ порабощеніе полное. Въ то же время и характеръ ихъ понизился до уровня ихъ положенія; они потеряли всякое нравственное

чувство, никакой порокъ не кажется имъ достойнымъ осужденія, никакая мерзость ихъ не отталкиваетъ и они готовы оспаривать у собакъ, шакаловъ и воронъ полусгнившее мясо мертвыхъ животныхъ и даже высушиваютъ куски этого мяса и сохраняютъ его въ своихъ хижинахъ.

Въ Индіи вообще не имѣли понятія о землѣ, какъ о мѣновой цѣнности, которая могла переходить изъ рукъ въ руки, какъ движимое имущество. Въ Малабарѣ и вообще въ странѣ тамиловъ, гдѣ арійцы встрѣтили расу, совершенно непохожую на ихъ собственную, главнымъ землевладѣльцемъ былъ обыкновенно раджа; вассалы взимали налоги и платили ему подати животными, рабами, тканями и т. д. Но зато эти вассалы сильно притѣсняли земледѣльческое населеніе, вслѣдствіе чего много земельныхъ участковъ оставались безъ всякой культуры. Благодаря устойчивости этой политической организаціи, бывшей результатомъ завоеванія, можно, по примѣру малабарскихъ паріевъ, судить о томъ положеніи, въ которое были поставлены туземцы Индіи послѣ побѣдоноснаго нашествія арійскихъ народностей. Если бы греки могли проникнуть въ эту область Малабара, то ужъ, конечно, они не стали бы утверждать такъ смѣло, что Индія не знала рабства. На самомъ же дѣлѣ въ древней Индіи только брамины не могли быть обращены въ рабство, но ваисіи и даже кшатріи въ случаѣ нужды становились рабами. Кромѣ законовъ Ману, въ индусскомъ законодательствѣ находится много статей, опредѣляющихъ положеніе раба, и нѣкоторыя изъ этихъ статей имѣютъ даже покровительственный характеръ и устанавливаютъ также условія отпущенія раба на волю.

Кромѣ рабовъ, въ Индіи существуютъ полурабы, скорѣе, служители, нежели рабы, напримѣръ, тѣ, которые служатъ добровольно, полагаясь относительно вознагражденія на великодушіе своего господина, или же тотъ, кто служитъ господину, потому что женился на рабынѣ, принадлежавшей его дому, или тотъ, который получаетъ за свою службу лишь то, что доставляетъ одна корова или маленькое поле. Но эти неполные рабы могутъ по желанію перестать быть рабами; имъ нужно только отказаться отъ вознагражденія или отъ жены.

Рядомъ съ этими рабами существуетъ еще классъ состоящихъ на заработной платѣ. Индусскіе законодатели старались очень тщательно опредѣлить права и обязанности рабочаго, получающаго плату. Индусское законодательство, устанавливающее условія положенія рабовъ, крѣпостныхъ, слугъ и рабочихъ, получающихъ плату, указываетъ во всякомъ случаѣ, что индусское общество очень далеко ушло отъ первобытнаго варварства, и ремесленникъ, кто бы онъ ни былъ и какъ ни была низменна его каста или подъ-каста, все-таки разсматривается какъ человѣческое существо, которому законъ старается оказать покровительство. По всей вѣроятности смягченіе положенія раба вызвано было тѣмъ, что рядомъ съ рабствомъ и крѣпостнымъ состояніемъ существовалъ и

платный трудъ. Религія или, вѣрнѣе, религіозная эволюція, также съ своей стороны, могла отчасти способствовать смягченію условій рабства. Браманизмъ, вѣроятно, не желая этого и стоя лишь на религіозной точкѣ зрѣнія, на точкѣ зрѣнія переселенія душъ «послѣ смерти», способствовалъ все-таки распространенію такого ученія, которое логическимъ образомъ приводитъ къ основному равенству людей, такъ какъ, согласно догмату, каждый можетъ взобраться или спуститься по лѣстницѣ созданій. Въ теоріи буддизмъ оказался еще радикальнѣе, такъ какъ, съ религіозной точки зрѣнія, онъ разрушилъ даже кастовыя цѣпи, не допуская, впрочемъ, вступленія въ монашескія ордена рабовъ и даже должниковъ и воиновъ. Но все же однажды насажденныя въ умѣ идеи религіознаго равенства не могли не отразиться все-таки такъ или иначе въ дѣйствительной жизни.

Въ древней Персіи, относительно которой мы имѣемъ еще меньше свѣдѣній, нежели объ Индіи, по всей вѣроятности, организація труда и рабства была почти такая же, какъ и въ Индіи, по крайней мѣрѣ, такъ, вѣроятно, было въ монархической Персіи; другая же намъ неизвѣстна. Необыкновенный почетъ, которымъ пользовалось земледѣліе въ древней Персіи, не допускаетъ предположенія, чтобы полевыя работы были удѣломъ рабовъ. Рабы были только помощниками, слугами и, вѣроятно, какъ и въ современной Персіи, они были немногочисленны; рабство было домашнимъ и ограничивалось домами вельможъ. Касты или первобытные классы маздеитовъ (парсовъ) не указываютъ на существованіе рабовъ; существовало только три свободныхъ класса, учрежденные самимъ Зороастромъ: жрецы, воины и земледѣльцы. Зороастръ самъ былъ первымъ жрецомъ, первымъ воиномъ, первымъ земледѣльцемъ. Позднѣе, во времена легендарнаго короля Джемшида, къ этимъ тремъ первичнымъ классамъ присоединили классъ ремесленниковъ и такой порядокъ послѣдовательности соотвѣтствуетъ въ достаточной степени порядку соціологической эволюціи.

Когда великая монархія, такъ называемая восточная, водворилась въ Персіи и Мидіи, то число рабовъ сдѣлалось очень значительнымъ и таковъ обыкновенно всегда бываетъ результатъ завоеванія варваровъ. У мидянъ королевскіе дворцы, дома вельможъ, были переполнены евнухами и рабами; были также земледѣльческіе рабы и ихъ положеніе было наслѣдственнымъ. Позднѣе у парѳянъ число рабовъ сдѣлалось громаднымъ и въ каждой семьѣ были собственные рабы. Въ арміи, сражавшейся съ Антоніемъ, на 50.000 всадниковъ насчитывалось не болѣе 400 свободныхъ людей; конечно, это были офицеры.

Побѣдоносная, монархическая и торжествующая Персія переполнилась рабами; были рабы-пастухи въ степяхъ и горахъ, рабы-земледѣльцы въ поляхъ, рабы въ области промышленности и торговли, царскіе рабы, рабы, принадлежавшіе жрецамъ, и т. д. Царь-царей имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлыя полчища рабовъ. Въ Дамаскѣ Парме-

ніонъ нашелъ въ свитѣ Дарія 329 музыкантовъ, 46 плетельщиковъ вѣнковъ, 277 поваровъ и 29 помощниковъ, 13 пирожниковъ, 17 человѣкъ, обязанныхъ приготовлять напитки, 70 фильтровальщиковъ вина и 40 парфюмеровъ. Жены Артабада и Ментора имѣли рабынь, которыя назывались «climacides», потому что служили своимъ госпожамъ подножками, когда тѣ взбирались на колесницы.

Дарій и Ксерксъ, для которыхъ всѣ одинаково были рабами, обращались съ побѣжденными, какъ со скотомъ, находящимся въ полномъ ихъ распоряженіи. Осажденные вавилоняне, чтобы имѣть возможность дольше сопротивляться Дарію, умертвили своихъ женъ, желая, чтобы запасовъ хватило на дольше. Побѣдивъ, персидскій монархъ посадилъ на колъ три тысячи человѣкъ для примѣра и затѣмъ просто-на-просто приказалъ сосѣднимъ націямъ доставить вавилонянамъ женщинъ для замѣны умершихъ. Число этихъ женщинъ, отправленныхъ въ Вавилонъ по приказу, простиралось до 50.000. Впрочемъ, персидскіе монархи имѣли привычку и со своими подданными обращаться какъ со скотомъ. Такъ, Ксерксъ, пройдя Геллеспоитъ, велѣлъ своей арміи дефилировать передъ собою и она шла, погоняемая кнутомъ. Точно также и въ Ѳермопилахъ начальники погоняли кнутомъ своихъ воиновъ, чтобы они шли на спартанцевъ.

Александръ, побѣдитель персовъ, соблазненный дурнымъ примѣромъ, съ поспѣшностью усвоилъ себѣ всѣ привычки царя царей. Онъ окружилъ себя замѣчательно красивыми наложницами, число которыхъ, по словамъ Діодора, равнялось числу дней въ году. Каждый вечеръ это стадо женщинъ собиралось вокругъ царской постели и побѣдитель выбиралъ одну изъ нихъ. Конечно, хроникеры и историки греческаго античнаго міра могли преувеличить, украсить или исказить дѣйствительность, но, тѣмъ не менѣе, сущность все-таки остается и вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ организаціи или, вѣрнѣе, соціальной дезорганизаціи великихъ варварскихъ монархій древности. Въ этихъ безмѣрно деспотическихъ монархіяхъ рабство принимаетъ гиперболическіе размѣры съ точки зрѣнія нравственности. Но въ Персіи, быть можетъ, рабство существовало только при дворѣ и почти исключительно было въ употребленіи только у вельможъ. Такая гипотеза вполнѣ подтверждается нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя можно заимствовать изъ поэмы Фирдуси. Въ самомъ дѣлѣ, «Книга царей» говоритъ только о придворныхъ рабахъ и обращеніи съ ними.

Въ этихъ обширныхъ имперіяхъ промышленная и матеріальная цивилизація достигла уже большого развитія, но эта цивилизація плохо мирилась съ суровыми условіями первобытнаго рабства и для великой соціальной работы, въ особенности для земледѣлія, крѣпостное состояніе представляетъ гораздо большія удобства. Въ этомъ отношеніи современная Персія можетъ просвѣтить насъ насчетъ древней Персіи. Со времени Дарія и Ксеркса Персію постигло много превратностей, цари

ея перестали быть «великими царями», она была завоевана, магометанство замѣнило религію Зороастра, а между тѣмъ въ главныхъ чертахъ политическая и соціальная организація измѣнилась меньше, чѣмъ можно было ожидать. Теперешній шахъ пользуется такою же безграничною властью, какъ и Камбизъ, раболѣпство развито очень сильно, но рабовъ мало. Деревни составляютъ собственность вельможъ, которымъ уплачиваютъ оброкъ, частью натурой, частью деньгами, не въ ущербъ обязательному труду. Нѣкоторыя высокопоставленныя лица владѣютъ при такихъ условіяхъ сотнями деревень. Земледѣліе не составляетъ уже священнаго занятія, но оно все-таки довольно развито. Остроумная система ирригаціи, очень древняго происхожденія, доставляетъ полямъ воду съ горъ, и распредѣленіемъ воды завѣдуютъ особые чиновники, называемые «mirab» или «emir-ab» (князь воды). Каждое частное лицо платитъ и получаетъ такое количество воды, какое нужно для его участка, и мошенническія продѣлки съ водой караются очень строго. Способъ удобренія земли весьма напоминаетъ тотъ, который существовалъ въ древнемъ Перу и въ Китаѣ. Собственно рабовъ въ Персіи немного и они находятся преимущественно во дворцахъ высокопоставленныхъ лицъ. Вотъ почему до недавняго времени, когда Персія усвоила себѣ военныя привычки Европы, персы не забирали въ плѣнъ, потому что плѣнные имъ ни на что не были нужны, и они предпочитали обезглавливать на мѣстѣ своихъ плѣнныхъ, собирая коллекцію головъ и получая за каждую въ награду червонецъ. Въ странѣ, въ которой все населеніе находится на рабскомъ положеніи, настоящіе рабы не нужны. Персія осталась азіатскою монархіей по преимуществу и въ ней вся нація до сихъ поръ еще составляетъ собственность монарха. Верховный владыка приказываетъ, что ему вздумается, и каждый почитаетъ за честь быть его рабомъ и исполнять его прихоти. Приближенные шаха, сановники и богачи, разумѣется, подражаютъ шаху, насколько это въ ихъ средствахъ.

Рядомъ съ крѣпостными земледѣльцами и рабами въ Персіи есть свободный классъ ремесленниковъ, состоящихъ на заработной платѣ. Въ Персіи преобладаетъ такой же режимъ мелкой промышленности, какъ и въ Китаѣ, и ремесленники образуютъ такія же корпораціи, во главѣ которыхъ находится лицо, назначенное шахомъ. Но даже будучи свободными, персидскіе ремесленники все-таки находятся на службѣ шаха и повинны исполнять обязательныя работы, что вполнѣ естественно, такъ какъ монархъ въ принципѣ не только владѣетъ государствомъ, но и людьми и всѣмъ остальнымъ. Однако; такой деспотизмъ, возведенный на степень верховнаго и всеобщаго права, явился причиною нѣкотораго смягченія и практическаго ограниченія рабства. Въ самомъ дѣлѣ, въ главныхъ монархическихъ государствахъ древности, тамъ, гдѣ деспотизмъ распустился пышнымъ цвѣтомъ, замѣчается, къ удивленію, ограниченіе собственно рабства и возникновеніе его смяг-

ченной формы крѣпостного состоянія; въ то же время начинаетъ образовываться классъ ремесленниковъ, состоящихъ на заработной платѣ. Но не слѣдуетъ искать причины такой эволюціи въ гуманитарныхъ чувствахъ, которыхъ не было въ древнихъ обществахъ; перемѣна вызвана частью разсчетомъ, частью же силою вещей. Въ обществахъ дикарей ручной трудъ, несмотря на свою необходимость, играетъ все-таки лишь ограниченную роль; его можно цѣликомъ возложить на рабовъ, на которыхъ имѣешь всѣ права. Но въ обществахъ съ болѣе сложною организаціей, тамъ, гдѣ промышленность и искусство достигли значительнаго прогресса, нельзя обойтись безъ раздѣленія соціальнаго труда. Разумѣется, сильные и монархъ не стали бы стѣсняться эксплуатировать и попирать порабощенную массу, принадлежащую, по ихъ мнѣнію, къ низшей породѣ людей, но такихъ привилегированныхъ лицъ все-таки немного и они безсильны лично угнетать милліоны человѣческихъ существъ и волей-неволей область ихъ прихотей ограничивается. Конечно, они сохраняютъ рабство, какъ учрежденіе, но ограничиваютъ его стѣнами своихъ дворцовъ; главный же соціально-необходимый трудъ, безъ котораго не могли бы существовать ни привилегированные, ни угнетаемые, налагается на крѣпостныхъ, т. е. на такихъ рабовъ, цѣнь которыхъ стала длиннѣе.

Трудъ раба требуетъ постояннаго надзора и управленія, все равно, какъ работа домашнихъ животныхъ, и въ такой обширной имперіи, какъ древняя Персія, понадобилась бы цѣлая армія надсмотрщиковъ. Зачѣмъ же это? Разумѣется, пріятно имѣть въ своемъ распоряженіи и попирать ногами низшихъ беззащитныхъ, которыми можно распоряжаться по произволу, но это удовольствіе привилегированные могутъ и такъ доставить себѣ, сохранивъ только болѣе или менѣе ограниченное число домашнихъ рабовъ. Для обработки земли обширной имперіи нужны милліоны рабочихъ рукъ и выгоднѣе предоставлять этимъ рабочимъ нѣкоторую свободу, чѣмъ надзирать за ними постоянно и содержать ихъ. Главное, это—имѣть возможность отнять у нихъ наибольшую часть продуктовъ ихъ труда, и вотъ почему рабы превращаются въ крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ и обложенныхъ оброкомъ, что не мѣшаетъ, однако, налагать на нихъ также и обязательныя работы, если вздумается, и вообще подчинять ихъ своимъ капризамъ.

Кромѣ землепашества, существуетъ еще промышленный трудъ, въ которомъ рабы рѣдко бываютъ очень искусны, такъ какъ самыя условія ихъ положенія мѣшаютъ имъ совершенствоваться въ искусствѣ или ремеслѣ. Большинство же ремесленниковъ и художниковъ доставляется все болѣе и болѣе увеличивающимся классомъ освобожденныхъ крѣпостныхъ и отпущенныхъ на волю рабовъ. Эти свободные ремесленники хотя и должны часто покорятся прихоти высшихъ классовъ, тѣмъ не менѣе, все же пользуются довольно большою независимостью, хотя

за это они бываютъ предоставлены совершенно на произволъ судьбы, не имѣя другихъ рессурсовъ, кромѣ продуктовъ своего труда, и представляя въ сущности временныхъ рабовъ; имъ платятъ и ихъ содержатъ какъ разъ столько времени, сколько они бываютъ нужны, а затѣмъ они могутъ выпутываться сами какъ знаютъ. Рабы стоили бы, конечно, дороже и причиняли бы больше хлопотъ. Такого рода соображенія объясняютъ соціальные факты, кажущіеся противорѣчивыми на первый взглядъ: распространеніе крѣпостничества въ большихъ деспотическихъ имперіяхъ и, наоборотъ, значительное распространеніе рабства въ маленькихъ республикахъ древней Греціи, гдѣ свободные граждане не соглашались вести зависимую жизнь сельскихъ крѣпостныхъ.

Глава XIII.

Рабство въ Греціи.—Его происхожденіе.—Порабощеніе женщинъ и дѣтей.—Различныя причины рабства.—Торговля рабами.—Условія рабства въ Греціи.—Абсолютная власть господина надъ рабами въ Греціи Гомера.—Различныя занятія рабовъ.—Мягкость обращенія съ рабами въ Аѳинахъ.—Регламентація положенія рабовъ.—Рабъ передъ правосудіемъ. — Наказаніе рабовъ. — Промышленное рабство въ Сициліи.—Отпущеніе на волю.—Аристотель и рабство.—Мнѣніе Платона.—Крѣпостное состояніе. — Домашній рабъ и крѣпостной. — Ремесленники. — Греческій индустріализмъ.—Работа женщинъ.—Идеалъ хозяйки по Ксенофонту.—Эволюція рабства и ея послѣдствія.—Постепенный переходъ отъ домашняго рабства къ промышленному и задѣльной платѣ.—Соціальныя и политическія послѣдствія.

Дойдя въ нашемъ изслѣдованіи эволюціи рабства до древней Греціи, мы не могли не почувствовать облегченія. Въ этой избранной странѣ человѣкъ гораздо чаще обнаруживалъ гуманныя стороны своего характера, такъ что, переходя отъ другихъ расъ къ греческой расѣ, мы, дѣйствительно, какъ бы дѣлаемъ огромный шагъ впередъ и внезапно поднимаемся по лѣстницѣ прогресса. Но, тѣмъ не менѣе, въ самомъ началѣ своей эволюціи, всѣ даже самыя высшія расы должны были находиться на уровнѣ самыхъ низшихъ, и это такъ же неизбѣжно, какъ то, что взрослый человѣкъ непремѣнно долженъ былъ пройти черезъ періодъ дѣтства. Кромѣ того, какого бы высокаго уровня ни достигла какая-нибудь раса, все-таки ея нравственный прогрессъ идетъ неровными шагами; въ одномъ отношеніи онъ быстро подвигается впередъ, въ другомъ отстаетъ, и знаменитое изреченіе Паскаля «l'ange et la bête» скорѣе всего можетъ быть примѣнимо къ высшимъ расамъ. Притомъ же у всѣхъ народовъ, какъ и у отдѣльныхъ индивидовъ, умственное развитіе можетъ опередить значительнымъ образомъ нравственное, однако блескомъ своей цивилизаціи народы всегда бываютъ обязаны только своему интеллектуальному развитію. Это относится и къ Греціи, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается рабства. Въ самомъ дѣлѣ мы находимъ во многихъ древнихъ

греческихъ городахъ, достигшихъ высокой степени развитія, самыя варварскія условія рабства, и очень часто великіе философы древности оправдывали въ теоріи практическое примѣненіе рабства. Вся организація греческихъ городовъ основывалась на рабствѣ и даже въ Аѳинахъ, въ самыя демократическія эпохи, господствовали рабство и олигархія. Граждане всѣхъ классовъ представляли лишь незначительное меньшинство, которое собственно и управляло всею остальною массой населенія, лишенной всякихъ политическихъ правъ. Эта масса, находившаяся подъ опекой, состояла изъ рабочихъ и чужестранцевъ, которымъ разрѣшено было жительство въ Аѳинахъ, и эти два класса, порабощенные въ различной степени, выполняли всю соціально-необходимую работу. Однако, самая значительная часть этой соціальной задачи все-таки выпадала на долю рабовъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и численность рабскаго населенія въ Греціи достигала на первый взглядъ совершенно невѣроятной цифры. Въ Хіосѣ, напримѣръ, по вычисленію Ѳукидида, было 210.000 рабовъ. Въ Спартѣ насчитывали сначала всего лишь 4.000 равноправныхъ гражданъ, образовавшихъ собственно народъ, имѣющій политическія права. Если прибавить сюда еще женщинъ и дѣтей, то общее число свободнаго населенія, различнаго возраста и пола, должно было равняться, приблизительно, 30.000. Это населеніе управляло и эксплуатировало трудъ 220.000 илотовъ. Все населеніе Аттики состояло въ 309 г. до нашей эры изъ 21.000 гражданъ, 400.000 рабовъ и 10.000 «метековъ» (métèques), представлявшихъ переходную степень отъ рабовъ къ свободнымъ людямъ. Въ самомъ бѣдномъ домѣ непремѣнно были рабы, а богатые имѣли ихъ сотни. По Платону, въ порядочномъ домѣ должно было находиться не менѣе пятидесяти рабовъ. У Аристотеля было 13 рабовъ взрослыхъ и дѣтей, но весьма часто число это было больше. У Филоменида было 300 рабовъ, у Гиппоника—600, у Никіаса—1.000, но у Никіаса рабы работали въ рудникахъ и большею частью такое количество рабовъ всегда совпадало съ какими-нибудь промышленными предпріятіями.

Происхожденіе такого многочисленнаго рабскаго населенія въ Греціи зависѣло отъ различныхъ причинъ, но и тутъ, какъ и вездѣ, дѣйствовала главнымъ образомъ, повидимому, одна общая причина—война. Геродотъ, впрочемъ, говоритъ объ отдаленной эпохѣ, когда въ Греціи, повидимому, не было рабовъ и молодые люди обоего пола сами отправлялись за водой. По словамъ Аѳинея, рабство было неизвѣстно въ Греціи, и въ первобытныя времена молодые услуживали старымъ. Это относится, вѣроятно, къ доисторическимъ преданіямъ, къ существованію въ первобытной Элладѣ общинныхъ клановъ. Въ Греціи до временъ Гомера война была постоянною поставщицей рабовъ, въ особенности рабовъ женскаго пола. Геров Иліады — безъ сомнѣнія, очень свирѣпые воины; они убиваютъ безъ милосердія людей и поджигаютъ города. Если имъ и случается щадить жизнь побѣжденныхъ, то лишь для того,

чтобы приносить ихъ въ жертву богамъ. Но дѣтямъ и женщинамъ часто оставляли жизнь и первыхъ воспитывали для рабства; женщины же, какъ менѣе опасныя, вслѣдствіе своей слабости, становились служанками, а также наложницами при случаѣ. Если у рабыни рождался сынъ отъ ея господина, то онъ становился свободнымъ; но мать его оставалась рабыней и передавалась по наслѣдству, какъ и прочее имущество.

Греки весьма долго не дѣлали большого различія между войною и разбойничествомъ. Ѳукидидъ, напримѣръ, говоритъ, что «въ древности морское разбойничество не заключало въ себѣ ничего унизительнаго и даже наоборотъ, можно было до нѣкоторой степени прославиться, занимаясь имъ». Похищать чужестранцевъ, въ особенности женщинъ и дѣтей, было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и эта привычка сохранялась въ Греціи въ теченіе перваго періода ея исторіи. Послѣ взятія Тира и избіенія всѣхъ его защитниковъ, Александръ приказалъ перевѣшать всѣхъ мужчинъ, но продалъ съ публичнаго торга женщинъ и дѣтей.

Однако войны и морское разбойничество не были единственными источниками, поставлявшими рабовъ. Въ Греціи очень долго допускалась продажа дѣтей родителями и, кромѣ того, каждый свободный человѣкъ, если онъ былъ бѣденъ, могъ самъ продать себя. До реформы Солона неоплатный должникъ также становился рабомъ, и много людей продавалось за долги кредиторами и превращались въ рабовъ. Съ своей стороны, и суды приговаривали къ рабству многихъ, такъ какъ въ уголовной области нѣкоторые проступки карались лишеніемъ свободы. Религія также способствовала пополненію рабскаго населенія, такъ какъ случалось, что многіе индивиды добровольно становились рабами съ цѣлью искупленія какой-нибудь вины. Примѣръ такого искупленія данъ былъ Аполлономъ. Но самымъ страннымъ рабствомъ является рабство больныхъ, доведенныхъ до отчаянія и дѣлающихся рабами врача въ награду за то, что онъ ихъ вылѣчилъ.

Но всѣ рабы составляли лишь небольшой контингентъ рабскаго населенія; двумя самыми главными источниками рабства служили все-таки естественное приращеніе населенія, затѣмъ война и морское разбойничество. Плѣнники, проданные съ публичнаго торга, люди, уведенные пиратами, отводились на рынки въ города, гдѣ граждане имѣли полную возможность добывать себѣ рабовъ сколько угодно. Въ результатѣ получилась обширная торговля рабами, центрами которой служили нѣкоторые города. Въ Делосѣ, напримѣръ, ежедневно продавались міріады рабовъ. Въ Аѳинахъ тоже былъ устроенъ рынокъ рабовъ на открытомъ воздухѣ. Купцы услужливо выставляли живой товаръ и покупатели осматривали его самымъ тщательнымъ образомъ, отыскивая какіе-нибудь недостатки. Раба осматривали и ощупывали со всѣхъ сторонъ, изслѣдовали его ноги, руки, зубы, заставляли его ходить, бѣгать

и т. д.—однимъ словомъ, при покупкѣ раба соблюдались совершенно такія же предосторожности, какія соблюдаются у насъ при покупкѣ лошади.

Въ Аттикѣ рабы чужеземнаго, но все-таки греческаго происхожденія были немногочисленны, такъ какъ военноплѣнные обмѣнивались или за нихъ уплачивался выкупъ. На этотъ счетъ даже существовали договоры между отдѣльными городами. Рабами становились, главнымъ образомъ, обитатели странъ, считавшихся варварскими. Положимъ, пираты старались всегда взять въ плѣнъ свободныхъ людей, но это было лишь въ надеждѣ получить хорошій выкупъ. Похищеніе дѣтей не составляло однако рѣдкости, въ особенности въ городахъ. По какому-то противорѣчію въ Аѳинахъ, законъ преслѣдовалъ похитителей рабовъ, но покровительствовалъ продавцамъ рабовъ или продавцамъ «тѣла», какъ называли рабовъ, подлежащихъ продажѣ. Негоціанты добывали свой товаръ въ различныхъ странахъ, во Ѳракіи, въ греческихъ колоніяхъ, въ Египтѣ, гдѣ грекамъ продавали юридическихъ рабовъ и чернокожихъ.

Изъ поэмъ гомеровой эпохи мы можемъ заключить, что рабъ находился въ полной власти своего господина, также какъ и военноплѣнный. По приказанію своего отца Улисса, Телемакъ вѣшаетъ преспокойно рабынь, совершившихъ непростительное преступленіе, заключавшееся въ томъ, что онѣ отдались своимъ женихамъ безъ разрѣшенія владѣльца.

У Гомера рабы исполняютъ самыя разнообразныя обязанности; рабыни же преимущественно занимались домашними работами; онѣ ткали подъ наблюденіемъ своей госпожи, мололи зерно ручными мельницами или же отправлялись за водой къ общественнымъ фонтанамъ. Гость также всегда отдавался въ руки рабынь, которыя отводили его въ баню, натирали душистыми маслами и т. д.

Но въ Греціи гомеровой эпохи рабы были немногочисленны; тогда еще предпочитали убивать побѣжденнаго, а не обращать его въ рабство. Только вожди, князья, имѣли рабовъ, и часто эти рабы составляли часть военной добычи и только иногда они добывались посредствомъ покупки у финикійскихъ купцовъ. Господинъ имѣлъ всѣ права надъ своимъ рабомъ, но обыкновенно онъ обращался съ нимъ скорѣе мягко, нежели сурово, что объясняется тѣмъ, что большинство рабовъ были военноплѣнные, иногда даже высокаго происхожденія, за котораго можно было получить выкупъ. Не разъ бывало, что сыновья королей похищались и продавались какъ рабы финикійскими пиратами. Даже среди рабынь встрѣчались принцессы.

Съ прогрессомъ общей цивилизаціи соціальная организація очень усложнилась и между рабами и господами образовалась глубокая пропасть. Рабы сдѣлались многочисленнѣе и перестали быть исключительно только доказательствомъ и принадлежностью высшаго ранга и богат-

ства. Намъ лучше всего извѣстны условія рабства въ Аѳинахъ, и, въ общемъ, благодаря господствующимъ нравамъ, условія эти были сравнительно не очень тяжелыя, что даже вызываетъ удивленіе Ксенофонта. Впрочемъ, греческіе рабы происходили, большею частью, изъ цивилизованныхъ расъ и даже часто были греческой расы. И эта общность происхожденія могла, конечно, заставить аѳинянъ кротко обращаться со своими рабами. Но гуманность аѳинянъ въ обращеніи съ рабами все-таки зависѣла, главнымъ образомъ, отъ господствующихъ нравовъ. Съ точки зрѣнія закона, рабъ все-таки представлялъ полную собственность своего господина, но такъ какъ эта собственность была живой, то къ ней относились съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Законъ хотя и оказывалъ нѣкоторое покровительство рабу, но все-таки былъ очень суровъ, и доброе отношеніе къ рабу вовсе не было обязательствомъ. Александръ Македонскій, во время своего похода въ долину Евфрата, могъ забавляться тѣмъ, что зажигалъ раба, предварительно облитаго нефтью, и Страбонъ и Плутархъ разсказываютъ объ этой выходкѣ великаго завоевателя безъ всякой тѣни негодованія.

Положеніе греческаго раба передъ закономъ было далеко незавидньмъ; каждый свободный гражданинъ могъ его ударить, заплативъ лишь самый ничтожный штрафъ. Богатые сицилійскіе граждане, владѣвшіе цѣлыми толпами рабовъ, отмѣчали ихъ какъ скотъ, изнуряли работой и почти не кормили. Палка и плеть часто прогуливались по тѣлу раба и всякій рабъ, позволившій себѣ приласкать ребенка свободнаго гражданина, подвергался пятидесяти ударамъ. Въ уголовномъ процессѣ истецъ могъ подвергнуть своихъ рабовъ пыткѣ, чтобы получить отъ нихъ показаніе, которое имѣло законную силу. Съ своей стороны и обвинитель могъ тоже самое потребовать, но только онъ долженъ былъ предварительно подвергнуть оцѣнкѣ эти «предметы», т. е. рабовъ, и уплатить за нихъ владѣльцу на случай, если они умрутъ или будутъ искалѣчены во время пытки.

Дерзкіе и непослушные рабы отправлялись на работы въ рудники или на мельницы. Владѣльцы имѣли въ своемъ распоряженіи множество принудительныхъ мѣръ и могли подвергать своихъ рабовъ самымъ жестокимъ наказаніямъ. Сицилійскіе рабовладѣльцы, ослѣпленные страстью роскоши, разрѣшали своимъ рабамъ заниматься разбоями, но присвоивали себѣ выгоды, извлекаемыя ими изъ этого промысла. Это повело вначалѣ къ образованію цѣлыхъ шаекъ убійцъ и грабителей, но впослѣдствіи изъ нихъ же образовались цѣлыя арміи бунтовщиковъ.

Изъ рабынь извлекали выгоду, заставляя ихъ торговать собой. Греческая нравственность не находила ничего предосудительнаго въ проституціи, и даже самъ добродѣтельный Солонъ покупалъ дѣвушекъ и основывалъ публичные дома, впрочемъ, съ нравственными цѣлями— чтобы отвлечь юношей отъ эксцессовъ еще худшаго рода.

Впрочемъ, законъ все-таки смягчалъ нѣсколько положеніе раба, признавая за нимъ право требовать, чтобы его продали, если владѣлецъ жестоко обращался съ нимъ. Въ такихъ случаяхъ законъ назначалъ рабу даже оффиціальнаго защитника. Кромѣ того, владѣлецъ не имѣлъ права предавать смерти своего раба безъ суда. Если съ нимъ черезчуръ жестоко обращались, то рабъ могъ искать убѣжища въ храмахъ, алтаряхъ, священныхъ лѣсахъ и пріютахъ. Одно только прикосновеніе къ какому-нибудь священному предмету, напримѣръ, къ лавровому вѣнку Аполлона, могло уже служить рабу защитой отъ яростнаго гнѣва господина.

Кромѣ рабовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, были и другіе. Города имѣли общественныхъ рабовъ, при храмахъ находились также священные рабы. Изъ этихъ рабовъ одни исполняли должность слугъ внутри храмовъ, другіе же—скорѣе были крѣпостными, обязанными уплачивать извѣстный оброкъ и выполнять извѣстную работу. Такіе рабы обрабатывали землю, принадлежащую храмамъ, и платили аренду.

Въ древней Греціи зачастую цѣлый побѣжденный народъ посвящался богамъ и становился ихъ рабомъ, и въ особенности часто побѣдители приносили такой даръ любимому изъ греческихъ боговъ, Аполлону Дельфійскому. Позднѣе довольствовались уже лишь пожертвованіемъ десятиннаго сбора со своихъ владѣній, оставляя людей. Но иногда цѣлые города, подъ вліяніемъ какихъ-либо затрудненій, съ которыми имъ нужно было бороться, или, въ порывѣ благочестія, посвящали тому или другому божеству десятую часть своихъ гражданъ. Но такъ какъ боги не могли утилизировать такую массу рабовъ ни въ своихъ храмахъ, ни въ своихъ владѣніяхъ, то рабовъ отправляли въ другія мѣста въ качествѣ колонистовъ, подлежащихъ извѣстному оброку. Такимъ образомъ была основана колонія въ Азіи, обитатели которой обязаны были поставлять дельфійцамъ, посѣщавшимъ ихъ край, соль, масло, уксусъ, жилища и т. д.

Въ нѣкоторыхъ храмахъ, и въ особенности въ храмахъ Венеры, рабыни занимались проституціей и отдавали казнѣ этихъ храмовъ часть своихъ доходовъ. Эти религіозныя проститутки въ древней Греціи, въ сущности, представляютъ то же самое, что и баядерки въ индійскихъ пагодахъ. Такое прибыльное ремесло преимущественно процвѣтало въ большихъ городахъ подъ прикрытіемъ религіи. Въ особенности Коринѳъ и Эриксъ прославились этимъ. Одинъ только храмъ Венеры въ Коринѳѣ владѣлъ болѣе чѣмъ тысячью куртизанокъ, принесенныхъ въ даръ богинѣ въ порывѣ благочестія жертвователями обоего пола. Эти куртизанки привлекали въ городъ толпу мужчинъ, что было для города очень выгодно. Въ особенности владѣльцы кораблей разорялись на подобныя «благочестивыя удовольствія», вслѣдствіе чего даже возникла поговорка: «Не всякому дано побывать въ Коринѳѣ».

Обычай подносить въ даръ храму своего города болѣе или менѣе

значительное количество куртизанокъ въ случаѣ успѣха какого-нибудь предпріятія или дѣла, былъ очень распространенъ. Такъ, Ксенофонтъ въ Эфесахъ, отправляясь на олимпійскія игры, обѣщалъ Венерѣ, что доставитъ ей цѣлую армію молодыхъ дѣвушекъ, если выйдетъ побѣдителемъ. Свой обѣтъ онъ исполнилъ вполнѣ добросовѣстно, и Пиндаръ воспѣлъ въ одной изъ одъ его достойный поступокъ. Въ Коринѳѣ священныя куртизанки пользовались величайшимъ почетомъ, и въ важныхъ случаяхъ имъ поручалось передавать желанія города богинѣ, которой онѣ такъ добросовѣстно служили.

Храмъ Эрикса въ Сициліи соперничалъ съ храмомъ Коринѳа въ этомъ отношеніи. Его основателемъ считался даже какой-то миѳическій сынъ Венеры, что указываетъ на его древнее происхожденіе. Эти нравы, хотя и запечатлѣнные большею религіозностью и торжественностью, весьма напоминаютъ все-таки современные нравы Японіи, такъ изумляющіе и скандализующіе наше общественное мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, по тому контрасту, который они представляютъ, они указываютъ все-таки, до какой степени введеніе христіанства видоизмѣнило нашу нравственность, въ особенности относительно такъ называемой «плотской нравственности».

Во всѣхъ греческихъ городахъ были общественные рабы, которые должны были исполнять общественныя работы и служить судьямъ. Въ Аѳинахъ было множество такихъ рабовъ; такъ называемые скиѳскіе стрѣлки принадлежали къ числу ихъ. Въ мирное время они исполняли обязанности жандармовъ, полицейскихъ агентовъ, а также писцовъ, счетчиковъ, глашатаевъ, сторожей, тюремщиковъ и т. п. Они же были и палачами, и рабочими, изготовлявшими монеты. Многіе изъ этихъ рабовъ вели довольно независимое существованіе, имѣли свое хозяйство, имущество, которымъ они могли располагать, и въ общемъ ихъ соціальное положеніе равнялось положенію чужестранцевъ, получившихъ право жительства, «метековъ», такъ какъ, выполнивъ свои обязанности, они были почти свободны.

Ксенофонтъ, обнаруживавшій любовь къ нововведеніямъ, предлагалъ Аѳинамъ ввести промышленное рабство, купить рабовъ и спекулировать ихъ трудомъ, либо отдавая ихъ въ наемъ частнымъ лицамъ, либо употребляя ихъ на работы въ рудникахъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Ксенофонтъ совѣтовалъ городу дѣлать въ большихъ размѣрахъ лишь то, что дѣлали ежедневно, но въ малыхъ размѣрахъ, частныя лица. Въ Аѳинахъ, какъ мы увидимъ дальше, промышленное рабство существовало уже въ довольно большихъ размѣрахъ даже во времена Ксенофонта.

Въ Греціи отпущеніе на волю раба представляло довольно частое явленіе и обусловливалось различными причинами, также какъ и совершалось различными способами. Во-первыхъ, рабъ могъ самъ выкупиться на волю, конечно, съ согласія господина и, разумѣется, онъ долженъ

былъ накопить для этого достаточную сумму, т. е. быть въ теченіе многихъ лѣтъ покорнымъ, трудолюбивымъ и бережливымъ; воля такимъ образомъ являлась вознагражденіемъ за хорошее поведеніе. Часто отпущеніе на волю совершалось посредствомъ фиктивной продажи раба какому-нибудь божеству, а именно Аполлону; иногда же воля была безвозмезднымъ даромъ, но чаще всего рабъ уплачивалъ за свою свободу чистыми деньгами. Но освобожденіе раба могло быть произведено и самимъ государствомъ. Такъ, въ Аѳинахъ былъ изданъ декретъ, обѣщавшій свободу каждому рабу, который разоблачилъ бы какой-нибудь коммерческій обманъ, но въ особенности военная служба давала рабу возможность получить свободу. Въ принципѣ рабъ избавлялся отъ военной службы, его считали какъ бы недостойнымъ этого, но по необходимости часто приходилось пополнять рабами ряды войска и поэтому рабовъ, поступавшихъ туда, отпускали на волю. Въ Спартѣ было такъ много такихъ освобожденныхъ рабовъ, что они образовали даже спеціальный классъ (Neodamèdes). Когда населеніе Спарты сильно уменьшилось подъ вліяніемъ войнъ и многія семьи должны были угаснуть, то разрѣшены были свободные браки илотовъ съ дочерьми или вдовами гражданъ, и илоты, вступившіе въ такой бракъ, объявлены были свободными. Извѣстно, что въ Лакедемонѣ первое мѣсто всегда удѣлялось интересамъ государства, и даже въ томъ, что касалось половой нравственности.

Въ Греціи освобожденный рабъ не могъ все-таки занимать мѣсто среди гражданъ. Переставъ быть рабомъ, онъ поступалъ подъ двойную опеку—государства и своего бывшаго господина; такой рабъ становится «метекомъ» и долженъ былъ платить налоги и подлежать всѣмъ повинностямъ, налагаемымъ на этотъ классъ населенія. Его соціальное положеніе все таки было еще очень низкое и получить званіе гражданина онъ могъ лишь тогда, когда это присуждалъ ему законъ, вотированный собраніемъ изъ 6.000 гражданъ. Въ качествѣ метека бывшій рабъ долженъ былъ имѣть патрона и такимъ патрономъ, конечно, являлся его бывшій господинъ. Освобожденный рабъ продолжалъ заниматься тѣмъ же самымъ искусствомъ, какимъ онъ занимался у своего господина, и увеличивалъ собою число свободныхъ ремесленниковъ и такимъ образомъ многіе изъ отпущенныхъ на волю попадали въ классъ рабочихъ за задѣльную плату, пролетаріевъ, не имѣвшихъ другихъ рессурсовъ, кромѣ собственныхъ рукъ.

Такое подчиненное положеніе, нѣчто среднее между рабствомъ и свободой, создаваемое освобожденному рабу какъ закономъ, такъ и нравами, вполнѣ отвѣчало идеѣ о нравственномъ паденіи, которое непремѣнно было сопряжено съ положеніемъ раба. Такое мнѣніе, существовавшее въ Греціи, оправдывало и извиняло въ глазахъ грековъ суровость и несправедливость въ обращеніи съ рабами. Рѣшительно повсюду въ античномъ мірѣ рабство признавалось соціально необходимымъ. У граж-

данъ, у свободныхъ людей было не мало другого дѣла и они не могли предаваться механическимъ занятіямъ. У народовъ, стоящихъ на низкой ступени умственнаго развитія, слабыхъ угнетаютъ, не разсуждая и не придумывая для этого никакихъ оправданій. Но у расъ, болѣе развитыхъ умственно и у которыхъ уже образовалось до нѣкоторой степени нравственное чувство, общественная совѣсть нуждается въ успокоеніи, что и достигается при помощи болѣе или менѣе лукавыхъ разсужденій, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка. Если нравственность не находится на высотѣ ума, то обыкновенно умъ становится ея послушнымъ слугой и самъ отыскиваетъ доводы для оправданія инстинктовъ и побужденій низкаго свойства. Это явленіе наблюдается какъ у народовъ, такъ и у отдѣльныхъ индивидовъ, и въ томъ, что касается рабства, великій Аристотель является лучшимъ подтвержденіемъ этого правила, такъ какъ онъ олицетворялъ собою защитника дурного дѣла.

Желанія Аристотеля заключались именно въ томъ, чтобы механическая работа, по крайней мѣрѣ въ большей своей части, предоставлена была населенію, исключенному изъ политической жизни, причемъ онъ дѣлалъ весьма небольшое различіе между ремесленникомъ и рабомъ. По мнѣнію древнихъ грековъ, всякій ручной трудъ унижаетъ достоинство ума и, только имѣя много свободнаго времени, граждане могутъ выполнять свои гражданскія обязанности. По Аристотелю, прирожденнымъ рабомъ даже выгодно оставаться рабами. Онъ говоритъ, что между господиномъ и рабомъ не можетъ существовать дружба совершенно такъ же, какъ и не можетъ существовать между человѣкомъ и лошадью или быкомъ! «Ничего не можетъ быть общаго между этими существами,—восклицаетъ онъ,—рабъ—это одушевленный инструментъ, а инструментъ—неодушевленный рабъ». Далѣе онъ говоритъ, что законы нужны только для равныхъ по своему рожденію и своимъ способностямъ людей, и отсюда можно заключить, что рабъ стоялъ ниже законовъ, тогда какъ человѣкъ, занимавшій болѣе высокое положеніе, находился надъ ними.

Платонъ однако не знаетъ, какого мнѣнія держаться относительно рабства. «Причины, приводимыя въ пользу рабства,—говоритъ онъ,—хороши въ одномъ отношеніи и дурны въ другомъ; онѣ указываютъ одновременно на пользу и опасность рабства». Въ своей идеальной республикѣ Платонъ отводитъ мѣсто каждому сообразно его личнымъ достоинствамъ, а никакъ не рожденію. Но республика Платона—это утопія и его вліяніе на нравы грековъ было ничтожно, такъ что въ отношеніи рабства Греція ни въ чемъ не уступаетъ другимъ государствамъ древности.

У всѣхъ народовъ и расъ рабство обыкновенно смягчалось и измѣняло форму по мѣрѣ прогресса цивилизаціи, и это превращеніе всегда совершалось въ одномъ и томъ же направленіи: личность раба все менѣе и менѣе подвергалась притѣсненіямъ, но зато все болѣе и болѣе

эксплуатировался его трудъ и отъ него отнимались въ значительной степени плоды его трудовъ. Такимъ образомъ рабъ превращался постепенно въ крѣпостного. Въ особенности сельскій рабъ раньше другихъ воспользовался такимъ превращеніемъ, и между нимъ и домашнимъ рабомъ образовалась значительная разница. Домашній рабъ, находясь постоянно на глазахъ своего господина, долженъ былъ испытывать какъ неудобства, такъ и выгоды такого сосѣдства, и, смотря по расположенію духа своего господина, онъ то терпѣлъ дурное обращеніе, то съ нимъ обращались мягко и добродушно, но, во всякомъ случаѣ, онъ долго находился въ самой тѣсной зависимости отъ своего господина и гораздо позднѣе освободился отъ первобытнаго рабства, чѣмъ сельскій рабъ.

Въ Греціи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, рабство предшествовало крѣпостному состоянію. Это послѣднее возникаетъ часто тогда, когда побѣдители обращаютъ въ рабство сразу цѣлый народъ. У Гомера мы не находимъ даже слѣдовъ этого состоянія и въ Греціи мы не встрѣчаемъ такихъ примѣровъ до ѳессалійскихъ и дорійскихъ завоеваній. Дорійскіе завоеватели Крита превратили древнихъ обитателей его въ крѣпостныхъ и раздѣлили ихъ на двѣ категоріи: на «кларатовъ» или «афаніотовъ», обрабатывавшихъ землю частныхъ владѣльцевъ, и «мноитовъ», прикрѣпленныхъ къ государственной землѣ. Обыкновенно ни тѣмъ, ни другимъ, не дозволялось носить оружіе и даже имъ были воспрещены военныя или гимнастическія упражненія, такъ какъ эти упражненія могли ихъ сдѣлать опасными. Эти рабы были побѣжденные, обращенные въ рабство, и побѣдители желали, чтобы они оставались въ этомъ положеніи. Не даромъ въ одной критской пѣсенкѣ поется: «Моимъ копьемъ я пашу землю, собираю жатву, снимаю виноградъ!» Спартанцы именно при помощи такого удобнаго способа собирали жатву и виноградъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что такая организація крѣпостничества составляла въ древней Греціи исключеніе. Въ Аттикѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ во время первоначальнаго историческаго періода, не было завоеваній, не было и крѣпостного состоянія. Во всѣхъ обществахъ однако существуетъ такой трудъ, который считается низкимъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, необходимъ и кто-нибудь да долженъ же выполнять его. Въ Аѳинахъ этотъ трудъ составлялъ удѣлъ многочисленныхъ рабовъ, большею частью иностраннаго происхожденія. Во время реформы Солона этотъ трудъ выпалъ въ значительной степени на долю свободныхъ пролетаріевъ (thêtes), не имѣвшихъ земли и поэтому нанимавшихся за задѣльную плату. До реформы Солона многіе изъ этихъ пролетаріевъ были несостоятельными должниками, которые вынуждены были уплачивать долгъ своимъ трудомъ. Послѣ реформы они образовали свободный классъ, но низшаго разряда. Доступъ къ общественнымъ должностямъ былъ имъ закрытъ, но они имѣли право голоса въ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ обсуждались общественныя

дѣла и выбирались судьи. Какъ и спартанскіе илоты, они зачислялись въ ряды пѣхоты и флота. Это и былъ пролетаріатъ первобытныхъ Аѳинъ.

Во всѣхъ обществахъ классы, болѣе или менѣе свободные въ политическомъ отношеніи и могущіе располагать своею личностью, но лишенные всякаго имущества или же не имѣющіе достаточныхъ средствъ къ существованію, поневолѣ становятся рабочими, получающими задѣльную плату, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ рессурсовъ, кромѣ ихъ собственныхъ рукъ. Въ Спартѣ свободные граждане игнорировали ручной трудъ; они готовили себя только къ войнѣ. За нихъ работали другіе. «Періеки» (périeques), представлявшіе въ Спартѣ побѣжденное и порабощенное дорійскими завоевателями ахейское населеніе, хотя и зачислялись въ ряды спартанскаго войска, но они были только слугами и на судахъ были гребцами. Въ концѣ концовъ они занялись ремеслами, сдѣлались каретниками, слесарями, башмачниками, портными, ювелирами, художниками, комерсантами и т. д. Въ Спартѣ, какъ и въ Египтѣ, всякая промышленная профессія была наслѣдственной, по крайней мѣрѣ такъ было относительно поваровъ и флейтистовъ. Всѣ эти «періеки» въ Спартѣ и образовали настоящій очагъ платнаго труда. Метеки въ Аттикѣ приближаются къ періекамъ, но, повидимому, они были по преимуществу торговцами и лавочниками. Эти чужестранцы, получившіе право жительства, но лишенные гражданскихъ правъ, составляли въ Аѳинахъ, въ лучшія времена республики, очень многочисленный классъ, приблизительно въ 45.000 человѣкъ. Однимъ словомъ, въ Аѳинахъ не было недостатка въ промышленномъ классѣ, извлекавшемъ средства къ жизни изъ какого-нибудь ремесла или мелкой торговли. Но въ Греціи всякій ручной трудъ считался болѣе или менѣе унизительнымъ, въ особенности за предѣлами Аѳинъ.

Однако это презрѣніе къ труду явилось сравнительно недавно, такъ какъ у Гомера о немъ нѣтъ и помина, быть можетъ, потому, что въ ту эпоху рабство еще не имѣло большого распространенія. Положимъ, греческій политеизмъ, не колеблясь, помѣстилъ среди боговъ кузнеца Вулкана, но надо сказать, что искусство ковать желѣзо во многихъ странахъ въ началѣ пользовалось большимъ почетомъ, да и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центральной Африки кузнецы образуютъ аристократическую касту.

По мѣрѣ политической эволюціи, нравы измѣнялись. Геродотъ говоритъ уже о презрѣніи къ труду и склоненъ былъ бы приписывать это чувство египетскому вліянію, еслибъ оно не существовало также и во Ѳракіи, у скиѳовъ, персовъ, лидійцевъ и у всѣхъ варваровъ. Онъ замѣчаетъ также, что въ Спартѣ это презрѣніе болѣе развито и Геродота тамъ называютъ «поэтомъ илотовъ», на томъ основаніи, что онъ воспѣвалъ земледѣліе и восхвалялъ работниковъ.

Аристотель открыто одобряетъ то, что свободному рабочему отказывается въ званіи гражданина. По его мнѣнію, гражданиномъ могъ

быть лишь тотъ, кто не имѣлъ нужды работать, чтобы жить. Платонъ въ своей «Республикѣ» считаетъ ручной трудъ не только унизительнымъ, но даже предосудительнымъ. Онъ говоритъ, что природа не создала ни башмачниковъ, ни кузнецовъ, и поэтому такія занятія унижаютъ человѣка, превращающагося въ презрѣннаго наемника, лишающагося политическихъ правъ. Что же касается торговцевъ, привыкшихъ лгать и обманывать, то ихъ будутъ терпѣть лишь какъ необходимое зло.

Однако Солонъ возсталъ противъ этого предразсудка, такъ укоренившагося въ Греціи, и издалъ законы противъ праздности и бродяжничества. Наиболѣе искусный рабочій во всякой профессіи получалъ даровой обѣдъ и ему отводилось почетное мѣсто на общественныхъ собраніяхъ. Солонъ говорилъ, что сынъ не обязанъ кормить своего отца, если отецъ не обучитъ его никакому ремеслу. Но и Солону не удалось измѣнить общественное мнѣніе, такъ что промышленныя профессіи попрежнему остались удѣломъ рабовъ или полурабовъ.

Большинство свободныхъ рабочихъ занималось своимъ ремесломъ у себя дома, когда это было возможно, и такіе рабочіе существовали на счетъ своего дневного заработка. Однако, бѣднѣйшіе изъ нихъ бывали вынуждены наниматься рядомъ съ рабами на рынкахъ и притомъ за такую же низкую цѣну, какъ и они. Такъ какъ полевыя работы совершались обыкновенно рабами, проживающими на этой землѣ, то рабы, отдававшіеся внаймы своими господами на рынкахъ, рядомъ со свободными рабочими, предлагавшими свой трудъ за такую же плату, предназначались преимущественно для промышленныхъ работъ. Рабы почти совсѣмъ вытѣснили свободнаго человѣка изъ области сельскаго труда и также составляли ему опасную конкурренцію въ области промышленнаго труда. Фабриканты и коммерсанты въ Аѳинахъ считали удобнѣе для себя и притомъ гораздо экономнѣе, пріобрѣтать въ свою собственность «живыя орудія» труда.

Самая обширная эксплуатація рабскаго труда совершалась въ копяхъ. При первобытныхъ способахъ разработки и доставки руды, работа эта была сопряжена съ большими опасностями; это былъ очень тяжелый трудъ и смертность среди такихъ рабочихъ была громадна. Однако, какъ это ни невѣроятно, но и въ наши времена еще существуетъ въ Европѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ рудникахъ такая же варварская эксплуатація труда. Корреспондентъ римской газеты «Tribuna», описалъ недавно работу дѣтей въ сѣрныхъ копяхъ въ Сициліи и сообщилъ по этому поводу разныя возмутительныя подробности. Рабочіе эти—мальчики отъ 8 до 15—18 лѣтъ; они выносятъ на своихъ плечахъ руду, добытую въ глубинѣ рудника. Эти несчастные, которыхъ въ Сициліи называютъ «carusi», находятся на жалованьи у «рісціонегі», т. е. у тѣхъ, кто добываетъ руду. «Пиччіонери» наняли малютокъ у ихъ родителей за извѣстное вознагражденіе, отъ 100 до 150 фр въ годъ, которые притомъ уплачиваются мукой и пшеницей. Чтобы

освободиться, «carusi» долженъ былъ бы внести эту сумму, но заработать и скопить ее онъ не можетъ, такъ какъ получаетъ всего 50 сантимовъ въ сутки, да и то ему уплачиваютъ ихъ мукой дурного качества. Такимъ образомъ, бѣдняжка осужденъ быть рабомъ долгіе годы и одинаково выноситъ дурное обращеніе какъ отъ своего отца, такъ и своего арендатора. Корреспондентъ рисуетъ самыми мрачными красками жизнь «carusi». Они работаютъ изъ подъ палки, какъ и другіе рабы, и рабочій день ихъ продолжается двѣнадцать часовъ. Они спятъ прямо на землѣ, въ пещерахъ, питаются лукомъ и хлѣбомъ. Корреспондентъ слышалъ, какъ стонали несчастныя малютки, изнемогая подъ тяжестью ноши. Едва удерживаясь на ногахъ, они тащили ее, боясь остановиться, чтобы передохнуть, такъ какъ пиччіонери всегда готовъ былъ возбудить ихъ рвеніе палочными ударами. «Ужасно было видѣть эти процессіи дѣтей, поднимавшихся съ тяжелою ношей за плечами, по узкимъ галлереямъ, съ высѣченными въ нихъ рѣдкими, мокрыми и скользкими ступенями. Глядя на нихъ, согнувшихся и дрожащихъ на своихъ слабыхъ ногахъ, мы испытали такое чувство жалости, что сами готовы были заплакать!»—восклицаетъ корреспондентъ. Прибавлять къ этому разсказу нечего, но мы можемъ судить изъ этого, каково должно было быть положеніе рабочихъ въ рудникахъ въ древней Греціи, Египтѣ и Карѳагенѣ. Этотъ возмутительный примѣръ изъ современной жизни заставляетъ оживать передъ нашими глазами картины той жестокости, съ которою богачи и спекуляторы древности обращались со своими рабами. Въ общемъ мы можемъ найти въ Аѳинахъ, хотя еще не достигшими полнаго развитія, всѣ элементы нашего современнаго индустріализма: страсть къ легкой наживѣ, къ спекуляціямъ и капиталистовъ, помышляющихъ только о прибыли и съ этою цѣлью эксплуатирующихъ рабскій трудъ. Въ Аѳинахъ существовали даже промышленныя и торговыя общества и компаніи на акціяхъ. Результатомъ этого естественно должно было быть образованіе денежной аристократіи, презирающей механическій трудъ, содѣйствовавшій ея обогащенію; на этотъ трудъ смотрѣли, какъ на нѣчто унижающее и сердце, и умъ одновременно. Аристотель явился настоящимъ выразителемъ этого ходячаго мнѣнія въ Аѳинахъ.

Наемные рабочіе, хотя они и были свободными, не могли бороться съ конкурренціей рабскаго труда, и чтобы не умереть съ голоду, соглашались работать на тѣхъ же условіяхъ и даже были счастливы, если имъ удавалось найти мѣстечко рядомъ съ рабами, въ какой-нибудь мастерской. Конечно, нравственный уровень ихъ только понижался отъ этого. Другіе же жили какъ паразиты или занимались какими-нибудь постыдными ремеслами. Эти различныя причины содѣйствовали образованію презрѣнной и невѣжественной черни. Аристофанъ въ своей реалистической комедіи очень яркими чертами описываетъ бѣдствія аѳинскаго наемника. Извѣстно уже, къ какимъ результатамъ привели

такія соціальныя условія. Греція обезлюдѣла; сосредоточеніе богатства въ рукахъ незначительнаго числа лицъ вызвало недостатокъ въ людяхъ—«олигатропію», какъ выражается Аристотель, и любовь къ своей общинѣ, нѣкогда столь горячая, замѣнилась свирѣпымъ эгоизмомъ. Аристофанъ говоритъ о фабрикантахъ оружія, щитовъ и т. п., которые желали войны только для того, чтобы сбыть свой товаръ. Такой нравственный упадокъ всегда влечетъ за собою трусость и низость, и потому, когда Греціи понадобилось защищать себя отъ Рима, — у нея уже не хватило на это ни силъ, ни желанія. Богатый классъ даже предпочиталъ чужестранную власть демагогіи, а бѣдный классъ ничего не терялъ отъ перемѣны.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о положеніи женщинъ въ Греціи. Насколько можно заключить изъ легендъ, поэмъ, преданій и исторіи, положеніе свободныхъ женщинъ не было тяжелымъ. Мы узнаемъ отъ Ксенофонта, что о воспитаніи сердца и ума женщины не особенно заботились, но, тѣмъ не менѣе, съ нею хорошо обращались. Идеаломъ была хорошая хозяйка, и всякая замужняя женщина стремилась къ этому идеалу. Ксенофонтъ сравниваетъ такую хозяйку съ пчелой. Но хотя женщина и не терпѣла никакихъ притѣсненій и мужчина сравнительно хорошо обращался съ нею, тѣмъ не менѣе, она всегда оставалась его слугой и ему даже въ голову не приходило сдѣлать изъ нея свою подругу въ полномъ смыслѣ этого слова.

Въ Греціи можно прослѣдить полную эволюцію рабства и это очень поучительное зрѣлище, урокъ, данный соціологіей. Самая первобытная фаза, когда существовали равноправные кланы, ускользаетъ отъ нашего непосредственнаго наблюденія, но существованіе ея подтверждается многими преданіями и переживаніями. Въ Греціи гомеровой эпохи уже есть рабство, но оно мало развито и составляетъ лишь принадлежность знатности и богатства. Но тогда величіе знатныхъ далеко еще не было такимъ внушительнымъ и многіе изъ нихъ не считали для себя унизительнымъ работать. Рабское населеніе состояло преимущественно изъ женщинъ, плѣнницъ и въ эту эпоху съ рабами обращались хорошо, и хотя господинъ имѣлъ всѣ права надъ своимъ рабомъ, но онъ не злоупотреблялъ ими. Это зависѣло отъ различныхъ причинъ, прежде всего отъ того, что рабъ не подвергался промышленной эксплуатаціи, и отъ того, что въ большинствѣ случаевъ, онъ былъ военноплѣннымъ, и такъ какъ войны имѣли преимущественно внутренній характеръ, то рабы были, большею частью, греческой расы и порою даже высокаго происхожденія. Съ развитіемъ военнаго и промышленнаго прогресса картина мѣняется. Благодаря отдаленнымъ войнамъ и морскому разбойничеству, въ Греціи появляется масса рабовъ иностраннаго происхожденія и эти рабы становятся предметомъ торговли. Чтобы извлечь пользу изъ рабовъ, на нихъ взваливаютъ весь ручной трудъ, и они скоро превращаются въ простыя орудія, дѣлаясь

предметомъ промышленной и торговой спекуляціи. Чѣмъ болѣе развивается индустріализмъ, тѣмъ онъ становится суровѣе. Рабъ совершенно перестаетъ быть человѣкомъ, онъ—«вещь», которая интересуетъ своего владѣльца лишь по стольку, по скольку онъ можетъ извлечь изъ нея выгоду для себя.

Рядомъ съ такими безусловными рабами въ Греціи образуется классъ «полу-рабовъ» (илоты, періеки); они представляютъ цѣлый народъ, порабощенный завоеваніемъ. Такіе полу-рабы существуютъ въ Спартѣ, Ѳессаліи, Критѣ, но въ остальной Греціи крѣпостное состояніе замѣнено было задѣльнымъ трудомъ, представляющимъ ничто иное, какъ смягченную, замаскированную форму рабства. Всѣ обездоленные, хотя бы они и не были рабами, оказываются de facto порабощенными. Зажиточные и богатые граждане одинаково презираютъ всю эту ремесленную толпу, и философы не дѣлаютъ большого различія между наемнымъ рабочимъ и рабомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ тѣ, такъ и другіе, придавленные и разбитые механическимъ трудомъ, униженные и презираемые, въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи стояли очень низко. Паденіе это способствовало у нихъ развитію разныхъ пороковъ, что только усиливало всеобще презрѣніе къ нимъ, такъ какъ эти пороки считали присущими ихъ природѣ, между тѣмъ какъ они были лишь естественнымъ результатомъ созданнаго имъ положенія въ обществѣ. Но эти презрѣнные рабы составляли все-таки главную массу населенія и ихъ нравственное паденіе должно было необходимымъ образомъ отразиться на свободномъ меньшинствѣ. Свободные бѣдняки, работающіе за задѣльную плату, жили почти такъ же, какъ рабы, и также презирались богатыми классами. Но дѣти богачей, выростая среди рабовъ, которые о нихъ заботились и служили имъ, по примѣру своихъ родителей, также презирали рабовъ и также дурно обращались съ ними, но отъ нихъ они пріобрѣтали разные пороки, присущіе рабству; такимъ образомъ, нравственное вырожденіе шло съ двухъ сторонъ. Однако, свободные ремесленники, хотя и занимали мѣсто на ряду съ рабами и заимствовали отъ нихъ ихъ недостатки, все-таки не могли не чувствовать по временамъ глубокаго возмущенія противъ своихъ притѣснителей, и такъ какъ они все-таки имѣли извѣстныя политическія права, то и пользовались ими часто противъ привилегированныхъ классовъ. То, что греки называли съ презрѣніемъ и страхомъ демагогіей, сдѣлалось силой, которая внушала такой ужасъ богатымъ, что они даже предпочли ей чужеземную власть. Съ этого времени нравственное разложеніе государства составляетъ уже свершившійся фактъ, и завоевателю стоитъ только явиться, чтобы взять то, что само дается въ руки. Однако, этотъ урокъ, данный исторіей, и въ особенности соціологіей, никому до сихъ поръ еще не послужилъ на пользу.

Глава XIV.

Рабство въ Римѣ. — Общія причины. — Положеніе раба въ римскомъ обществѣ. — Жертвоприношенія рабовъ. — Законныя права господина.—Казуистика рабства. — Проституція рабынь.—Общественные рабы и ихъ преимущества.—Рабы домашніе, промышленные и сельскіе.—Наказаніе рабовъ.—Плагіатъ.—Постепенное смягченіе законовъ и его причины —Нравственность раба.—Возмущенія рабовъ.—Закоренѣлое раболѣпство. — Культъ власти. — Торговля рабами.—Отпущенники.—Крупныя состоянія.—Пролетаріатъ.—Кліенты.—Эволюція и деморализація этого класса.—Женщины въ Римѣ.—Величіе и паденіе.—Ложное величіе Рима.—Нравственный регрессъ.

Общность происхожденія латинской и греческой расы заставляетъ уже заранѣе предполагать, что введеніе рабства обусловливалось одинаковыми причинами, какъ въ той, такъ и въ другой расѣ. Это подтверждается и разслѣдованіемъ. Впрочемъ, мы имѣли уже случай убѣдиться, что причины рабства болѣе или менѣе одинаковы у всѣхъ расъ, хотя разсматриваемыя отдѣльно, онѣ оказываются болѣе дѣятельными въ однихъ случаяхъ и менѣе въ другихъ. Вездѣ самою важною причиною рабства является война, но одни народы воюютъ съ большимъ успѣхомъ, другіе съ меньшимъ, и поэтому одни покупаютъ рабовъ, другіе же имѣютъ ихъ въ избыткѣ, обращая въ рабовъ всѣхъ своихъ военноплѣнныхъ. Римъ же былъ въ высшей степени воинственнымъ государствомъ и притомъ еще побѣдоноснымъ. Это было хищное государство, величественный и безнравственный примѣръ котораго могъ совратить всѣ націи, наслѣдовавшія ему, и привить имъ ненасытную страсть къ завоеваніямъ и грабежамъ. Очень естественно, что въ Римѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, война служила главнымъ источникомъ рабства.

Съ самаго своего возникновенія Римъ въ самомъ дѣлѣ былъ для своихъ сосѣдей настоящею волчицей, служившей ему эмблемой; ручной трудъ, за исключеніемъ только одного, находился въ полномъ презрѣніи у римлянъ. Ромулъ, какъ гласитъ преданіе, допускалъ для свободныхъ людей только двѣ профессіи: войну и земледѣліе; всѣ же остальныя занятія и ремесла считались унизительными и годными лишь для рабовъ. Главный упрекъ, который, по Титу Ливію, Брутъ дѣлалъ тарквинянамъ заключался въ томъ, что они превратили воиновъ въ каменщиковъ и ремесленниковъ. Мененій, считавшійся самымъ мудрымъ изъ сенаторовъ, говорилъ своимъ коллегамъ: «Намъ нужны солдаты, а не ремесленники и наемники; за насъ будутъ работать побѣжденные». Такимъ образомъ, военноплѣнный оказывался полною собственностью побѣдителя, захотѣвшаго даровать ему жизнь. Поэтому-то въ глазахъ римлянина попасться въ плѣнъ было большимъ униженіемъ для человѣка. Иногда даже сенатъ отказывался выкупать римскихъ гражданъ, попавшихъ въ плѣнъ къ непріятелю, а выкупленныхъ родственниками отправляли куда-нибудь за предѣлы Италіи. Даже если непріятель

добровольно возвращалъ плѣнныхъ, то эти послѣдніе занимали уже въ рядахъ арміи болѣе низкое положеніе, чѣмъ прежде, и могли реабилитировать себя лишь на войнѣ.

Такія воззрѣнія первобытныхъ римлянъ, считавшихъ плѣнъ позоромъ и предпочитавшихъ смерть, должны были естественнымъ образомъ породить суровое отношеніе къ плѣннымъ и жестокость по отношенію къ побѣжденнымъ. Убивать плѣнныхъ послѣ сраженія составляло даже своего рода развлеченіе, и иногда римскіе солдаты забавлялись тѣмъ, что заставляли плѣнныхъ перерѣзывать другъ другу горло. Послѣ пораженія самнитовъ 4.000 плѣнныхъ были приведены на Марсово Поле и заперты въ Villa publica, гдѣ ихъ зарѣзали римскіе солдаты, нарочно посланные туда для этого. Но когда мало-по-малу владѣнія римлянъ расширились вслѣдствіе побѣдъ, — понадобились рабочія руки для обработки обширныхъ земель, и тогда прекратились массовыя избіенія плѣнныхъ; ихъ начали обращать въ рабство, и военноплѣнные сдѣлались очень важною частью военной добычи. Послѣ разоренія Карѳагена и Коринѳа рабское населеніе Рима возросло въ огромной степени. Съ той поры военныя экспедиціи приняли характеръ набѣговъ съ цѣлью захвата людей. Павелъ Эмилій вывелъ изъ Эпира 150.000 плѣнныхъ, которые сдѣлались рабами. Марій взялъ въ плѣнъ 90.000 тевтоновъ и 60.000 кимвровъ. Плутархъ приписываетъ Цезарю огромную въ его глазахъ заслугу и славу обращенія въ рабство милліона людей.

Кромѣ войны, поставщикомъ рабовъ было морское разбойничество, не заключавшее въ себѣ ничего предосудительнаго во мнѣніи древнихъ, лишь бы только оно не причиняло ущерба согражданамъ. Цѣлыя флотиліи пиратовъ сновали по Средиземному морю и въ широкихъ размѣрахъ занимались торговлей бѣлыми рабами, такъ какъ на рынкахъ на происхожденіе этого живого товара не обращали большого вниманія. Вообще, никто и нигдѣ не былъ гарантированъ отъ нападенія и, попавъ въ руки пиратовъ, тотчасъ же отвозился ими въ торговые центры. Торговля рабами была вполнѣ законна и очень прибыльна. Даже строгій Катонъ, безъ всякаго стѣсненія, занимался этимъ промысломъ; онъ покупалъ молодыхъ рабовъ, воспитывалъ ихъ и затѣмъ продавалъ ихъ съ большимъ барышомъ. Кромѣ того, эта торговля живымъ товаромъ доставляла выгоды и казнѣ, такъ какъ товаръ этотъ былъ обложенъ ввозной и вывозной пошлиной, а также торговымъ налогомъ.

Война доставляла рабовъ, но только рабовъ иностраннаго происхожденія. Но въ Римѣ граждане могли сдѣлаться рабами вслѣдствіе разныхъ причинъ и, главнымъ образомъ, за долги. Впрочемъ, это было лишь временное рабство, пока не покрывался долгъ. Другимъ источникомъ рабства являлась продажа дѣтей родителями и женъ мужьями, что дозволялось закономъ, такъ какъ подъ понятіемъ «семья» подразумѣвались жена, дѣти и рабы, и законъ не дѣлалъ между ними осо-

бенныхъ различій. Но ко всѣмъ этимъ причинамъ надо прибавить самую главную, это—естественный приростъ рабскаго населенія. Рабство, каково бы ни было его первоначальное происхожденіе, всегда клало неизгладимое пятно на человѣка и на все его потомство. Такимъ образомъ, рабское населеніе могло увеличиваться, благодаря своей собственной плодовитости, но въ Римѣ, какъ и въ Греціи, господинъ могъ, по желанію, увеличивать или уменьшать приростъ своихъ рабовъ, поступая съ ними въ этомъ отношеніи совершенно такъ, какъ съ домашними животными. Вообще въ римскомъ обществѣ положеніе раба было въ высшей степени низкимъ и рабъ приравнивался къ домашнему скоту. Въ доисторическія эпохи судьба римскаго раба, вѣроятно, была очень похожа на судьбу раба въ современной центральной Африкѣ. Символическія переживанія указываютъ, что въ отдаленной древности происходили въ Римѣ человѣческія жертвоприношенія. Въ теченіе очень долгаго времени въ Тибръ ежегодно, въ маѣ мѣсяцѣ, бросали, въ присутствіи жрецовъ, весталокъ, преторовъ и др., деревяныя изображенія людей. Человѣческія жертвоприношенія постепенно замѣнились приношеніями животныхъ и плодовъ.

Законы и нравы римлянъ ясно указываютъ, что когда дѣло шло о рабѣ, то гуманныя чувства и справедливость совершенно исчезали. Рабъ считался вещью, которою господинъ могъ распоряжаться какъ ему угодно. Во всѣхъ рабовладѣльческихъ странахъ женщины-рабы становились наложницами своего господина; такъ было въ Греціи гомеровой эпохи, такъ было и въ первобытномъ Римѣ, такъ какъ Коммодъ, напримѣръ, держалъ у себя 300 наложницъ, выбранныхъ молодыхъ рабынь. Браки между рабами были простымъ сожительствомъ и лишь во времена императоровъ стали воздерживаться отъ разлученія мужа съ женою. Все, что пріобрѣталъ рабъ, составляло собственность господина, и вообще рабъ не существовалъ для закона и поэтому не имѣлъ ровно никакихъ правъ.

Въ первобытномъ Римѣ больного раба отвозили и покидали въ храмѣ Эскулапа, на одномъ островѣ на Тибрѣ. Такимъ образомъ господинъ, отдавая раба подъ покровительство божества, слагалъ съ себя всякія попеченія о немъ, и больше о немъ не заботился. Катонъ проповѣдывалъ необходимость избавляться отъ состарѣвшагося или больного раба, какъ отъ всякой вещи, пришедшей въ негодность и не могущей болѣе приносить пользу своему владѣльцу. Даже Плутархъ, вообще не отличающійся большою чувствительностью, все-таки находитъ предосудительной такую точку зрѣнія, проповѣдуемую Катономъ. Но такая жестокость не составляла исключенія, и въ дѣйствительности до императора Адріана власть господина надъ рабомъ была абсолютной.

Публичные дома въ Римѣ пополняли свой персоналъ, покупая просто-на-просто рабынь на рынкѣ и затѣмъ уже торгуя ихъ тѣломъ. Эти

несчастныя выставлялись на рынкѣ на большихъ вращающихся столахъ, называемыхъ «cotasta», почти совершенно обнаженными, чтобы покупатели могли оцѣнить достоинство пріобрѣтаемаго товара.

Римскіе законы воспрещали рабамъ военную службу, такъ какъ эта служба считалась самою важною обязанностью каждаго римскаго гражданина; притомъ, вѣдь было бы небезопасно обучать военному ремеслу слишкомъ многочисленное рабское населеніе. Но римскую армію всегда сопровождали рабы въ качествѣ слугъ и ремесленниковъ и даже простые солдаты часто имѣли своихъ рабовъ, которые носили за ними ихъ имущество и разбивали ихъ палатки.

Рабское населеніе Рима раздѣлялось, впрочемъ, на двѣ большія категоріи: частныхъ и общественныхъ рабовъ. Эти послѣдніе составляли собственность или городовъ, или государства, и исполняли разныя общественныя и городскія работы. Но положеніе ихъ все-таки представляло нѣкоторыя преимущества; имъ отводился небольшой кусокъ общественной земли для устройства жилища, и они получали плату и содержаніе. Частные рабы, т. е. принадлежащіе частнымъ лицамъ раздѣлялись: на слугъ или домашнихъ рабовъ, промышленныхъ и сельскихъ рабовъ. Земледѣліе требовало массы рабочихъ рукъ и цѣлыя толпы рабовъ воздѣлывали обширныя владѣнія римлянъ. Положеніе этихъ рабовъ было очень тяжело и они больше другихъ терпѣли лишенія и подвергались дурному обращенію.

Большіе дома въ Римѣ были переполнены рабами всякаго рода, исполнявшими самыя разнообразныя обязанности. У входа находился рабъ, замѣняющій сторожевого пса, также посаженный на цѣпь. Затѣмъ цѣлая толпа рабовъ составляла домашній штатъ каждаго римскаго патриція. Тутъ были и ученые рабы, исполняющіе должность библіотекарей, переписчиковъ, поэтовъ, переводчиковъ, философовъ, риторовъ, наставниковъ дѣтей и т. п. Конечно, рабы, съ такими спеціальными знаніями, встрѣчались не такъ часто среди военноплѣнныхъ, пополнявшихъ ряды рабскаго населенія, и поэтому многіе капиталисты заранѣе воспитывали для себя такихъ рабовъ; они покупали двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей и отдавали ихъ въ ученіе. Насколько это было возможно, все, что было нужно господину, одежда, утварь и т. п.,—все это дѣлалось его рабами, среди которыхъ были всевозможные ремесленники и даже художники.

Съ теченіемъ времени, однако, законы смягчились по отношенію къ рабу. Право жизни и смерти было отнято у господина лишь въ царствованіе императора Адріана; до этого же времени рабъ могъ быть безнаказанно умерщвленъ своимъ господиномъ, подвергаться истязаніямъ, пыткѣ и т. п. Законъ былъ особенно строгъ къ рабу при Августѣ, напримѣръ, постановлено было, что, въ случаѣ убійства господина, всѣ рабы, живущіе подъ его кровлей, безъ различія пола и возраста, подлежатъ смерти. Тацитъ говоритъ, что на основаніи

этого постановленія были однажды умерщвлены сразу 400 рабовъ. Рабъ, которому господинъ вздумалъ бы дать пощечину, обязанъ былъ подставить ему другую щеку и при этомъ даже надуть ее. Рабъ разсматривался какъ неприкосновенная собственность, и плагіатъ, т. е. укрывательство, похищеніе раба или покупка безъ вѣдома его господина,—считался преступленіемъ, которое иногда наказывалось даже смертью.

Участь раба нѣсколько смягчилась во времена императоровъ. Уже при Неронѣ назначенъ былъ судья для пріема жалобъ рабовъ, терпѣвшихъ жестокое обращеніе. Законъ Петронія отнялъ у господина право отдавать своего раба на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ. Каракалла воспретилъ продажу дѣтей. Діоклетіанъ воспретилъ свободному человѣку продаваться въ рабство и кредитору—продавать своего несостоятельнаго должника. Это постепенное смягченіе жестокихъ законовъ зависѣло въ особенности отъ того, что войны стали рѣже, сношенія между различными народами, входящими въ составъ римской имперіи, увеличились; а отчасти отъ развитія нравственной философіи, давшей начало стоицизму и нѣкоторымъ гуманитарнымъ воззрѣніямъ, которыя впослѣдствіи были введены во всеобщее употребленіе христіанствомъ.

Однако ужасное положеніе, въ которомъ находился рабъ, какъ во времена республиканскаго Рима, такъ и во времена имперіи, не могло не отразиться пагубнымъ образомъ на его нравственной физіономіи. Дѣйствительно, огромное большинство рабскаго населенія стояло очень низко въ нравственномъ отношеніи и служило разсадникомъ всевозможныхъ пороковъ. Но что любопытнѣе всего и какъ бы служитъ доказательствомъ тѣсной связи, существующей между развитіемъ нравственнаго чувства и общими условіями существованія, это то, что какъ бы ни были невыносимы условія рабства, тѣмъ не менѣе, у рабовъ никогда не возникала мысль о возможности уничтожить это учрежденіе совсѣмъ. Въ возстаніяхъ рабовъ въ Римѣ не было недостатка и нѣкоторыя изъ этихъ возмущеній отличались даже особенно грознымъ характеромъ, но цѣль бунтовщиковъ заключалась все-таки не единственно только въ томъ, чтобы завоевать свободу, а въ томъ, чтобы самимъ сдѣлаться господами и, въ свою очередь, угнетать другихъ. Ни Аѳеніонъ, руководитель сицилійскаго возстанія, явившагося результатомъ безграничной жестокости и алчности сицилійскихъ рабовладѣльцевъ, ни Евноюсъ, глава перваго возстанія рабовъ, и не помышляли объ уничтоженіи рабства. Они прежде всего стремились захватить власть въ свои руки и въ теченіе своего кратковременнаго владычества были такими же тиранами, какъ и тѣ, которыхъ они свергли. Объясненіемъ этого обстоятельства можетъ служить то, что, по понятіямъ древнихъ, рабство составляло основу всѣхъ обществъ; всегда были рабы и всегда будутъ! Никому даже и въ голову не приходило о возможности уничтоженія рабства; зло это переносили съ изумительною покорностью

судьбѣ, и если рабы пробовали иногда сорвать съ себя цѣпи, то лишь для того, чтобы наложить ихъ на другихъ. Они сами устали страдать, но въ душѣ у нихъ было нисколько не больше гуманности, чѣмъ у ихъ господъ, да, впрочемъ, большинство рабовъ обыкновенно и не помышляли о возмущеніи и старались сдѣлать свое существованіе болѣе или менѣе сноснымъ при помощи хитрости, лукавства, обмана, низости и т. п. Во время своей борьбы съ Суллой, Марій, нуждаясь въ солдатахъ, попробовалъ было возмутить рабовъ, обѣщая имъ свободу, и только трое пожелали получить ее. Рабство непремѣнно должно въ концѣ концовъ погубить нравственное чувство человѣка, не обладающаго исключительно твердою волей и характеромъ и, какъ это наблюдается у домашнихъ животныхъ, такъ и у раба въ концѣ концовъ исчезаетъ стремленіе къ свободѣ. Замѣчательно также, что чувство самоотверженія и преданности достигало иногда у рабовъ очень высокаго развитія и притомъ оно обнаруживалось у нихъ не только по отношенію къ добрымъ человѣколюбивымъ господамъ, но и къ такимъ, которые отличались жестокостью и въ глазахъ которыхъ рабъ былъ не лучше скота. Всѣ эти странные и необыкновенные доказательства преданности и самоотверженія въ сущности составляютъ однако ничто иное, какъ результатъ чувства, порожденнаго рабствомъ—«религіи власти», культа и глубокаго благоговѣнія, которымъ былъ проникнутъ рабъ, подавленный могуществомъ своего господина. Такое преклоненіе передъ тѣми, кто олицетворяетъ самую деспотическую власть, не составляетъ рѣдкости, и какъ исторія, такъ и соціологія изобилуютъ примѣрами подобнаго рода, и именно это чувство составляетъ одно изъ великихъ препятствій, съ которымъ приходится имѣть дѣло освободителямъ всѣхъ временъ и народовъ. Люди мало-по-малу пріучаются почитать тѣхъ, кто ихъ притѣсняетъ, совершенно такъ, какъ собаки, лижущія руку своего хозяина, стегающаго ихъ кнутомъ и привязывающаго ихъ на цѣпь. Человѣкъ вообще чрезвычайно легко поддается воспитанію и, быть можетъ, его легче выдрессировать для рабства, нежели для свободы.

Въ Римѣ торговля рабами совершалась какъ и, въ Греціи, въ очень широкихъ размѣрахъ и рынки всегда были переполнены рабами. Однако въ Римѣ этотъ родъ торговли имѣлъ гораздо большее значеніе, такъ какъ, благодаря постояннымъ побѣдамъ, Римъ наводнялся цѣлыми толпами рабовъ. Огромное количество ихъ имѣло своимъ спеціальнымъ послѣдствіемъ образованіе многочисленнаго класса «вольноотпущенниковъ», оказавшаго самое роковое вліяніе на судьбы римскаго народа. Во всѣхъ рабовладѣльческихъ обществахъ существовали отпущенные на волю рабы, но нигдѣ они не были такъ многочисленны, какъ въ Римѣ и нигдѣ они не съиграли такой важной и пагубной роли.

Занимая передъ лицомъ закона и общественнаго мнѣнія все-таки очень низкое положеніе, отпущенники, тѣмъ не менѣе, часто пользовались громаднымъ вліяніемъ и властью. Императоры весьма часто по-

ручали управленіе своими дѣлами своимъ любимцамъ, отпущенникамъ, и съ теченіемъ времени, объединяя все болѣе и болѣе государственныя дѣла со своими собственными, императоры стали назначать отпущенниковъ на важныя административныя должности. Эти отпущенники въ нравственномъ отношеніи стояли нисколько не выше рабовъ, такъ какъ рабство уже успѣло наложить на нихъ свое клеймо. Тѣ отпущенники, имена которыхъ сдѣлались достояніемъ исторіи, въ особенности любимцы императоровъ, были образцами низости, порочности, трусости и свирѣпости. Такихъ, конечно, было не мало и постепенно свободные классы наполнялись такого рода презрѣнными индивидами. Римляне, повидимому, и сами поняли опасность такого внѣдренія въ общество элементовъ, испорченныхъ долговременнымъ рабствомъ, и ограничили закономъ число освобождаемыхъ рабовъ, но пресѣчь зло было нельзя, и нѣтъ сомнѣнія, что отпущенники съиграли роль сильно дѣйствующаго фермента, ускорившаго нравственное разложеніе римскаго общества. Римъ злоупотреблялъ рабствомъ и былъ наказанъ тѣмъ, чѣмъ грѣшилъ. Великія соціальныя несправедливости часто влекутъ за собою такое возмездіе.

Еще болѣе важнымъ послѣдствіемъ рабства въ Римѣ явилось постепенное уничтоженіе мелкой собственности и образованіе громадныхъ состояній. Съ давнихъ поръ война служила римлянамъ средствомъ къ обогащенію. Начинали войну съ тѣмъ, чтобы завоевать и ограбить. Военная добыча распредѣлялась сообразно рангу и состоянію, и по возвращеніи съ войны, богатые становились еще богаче, а бѣдные дѣлались еще бѣднѣе, такъ какъ во время ихъ отсутствія земля у нихъ оставалась необработанной. Такимъ образомъ, они бывали вынуждены закладывать эту землю богатымъ и выплачивать имъ громадные проценты. Разъ сдѣланный долгъ все возрасталъ, выпутаться изъ него не было никакой возможности, попавшій въ тиски землевладѣлецъ спускался все ниже и ниже и, въ концѣ концовъ, сдѣлавшись несостоятельнымъ должникомъ, попадалъ въ рабство. Но даже, сохранивъ свою свободу, такой разорившійся мелкій собственникъ вынужденъ былъ превратиться въ поденщика или колониста и мало-по-малу возникла новая форма рабства и народился многочисленный пролетаріатъ какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ.

Разсматривая классы въ Римѣ, находившіеся въ большемъ или меньшемъ порабощеніи, нельзя, конечно, пройти молчаніемъ обширный классъ кліентовъ. Кліентъ—это полу-слуга, прикрѣпленный не къ землѣ, подобно колонисту или сельскому крѣпостному, но къ лицу и къ семьѣ. Классъ кліентовъ также подвергся эволюціи, какъ и рабство. Прежде онъ основывался на принципѣ, что болѣе сильный долженъ покровительствовать болѣе слабому, который взамѣнъ выказывалъ большую преданность своему покровителю, но не долженъ былъ унижаться передъ нимъ. Мало-по-малу однако это измѣнилось и роль и характеръ

кліента сильно понизились во времена имперіи. Кліенты стали чѣмъ-то вродѣ слугъ; имъ нужно было унижаться передъ своими покровителями, льстить и угождать имъ, пресмыкаться передъ ними ради собственной выгоды и покорно выносить всѣ оскорбительныя выходки богачей и т. п. Понятно, что классъ клієнтовъ, стоявшій такъ низко въ нравственномъ отношеніи, не могъ не способствовать, въ свою очередь, деморализаціи общества и служилъ несомнѣннымъ признакомъ паденія характеровъ и нравовъ и все возрастающей тиранніи денегъ.

Въ Римѣ, какъ и въ Греціи, раса все-таки достигла слишкомъ большого прогресса, чтобы оставлять женщину въ положеніи рабы, на которую налагаютъ всѣ самыя трудныя работы. Въ высшихъ классахъ въ Римѣ заботились даже о воспитаніи женщинъ, объ ихъ умственномъ развитіи, о литературномъ образованіи и т. д. Извѣстно однако, что женщины сыграли далеко не послѣднюю роль въ дѣлѣ нравственнаго разложенія Рима. Строгая добродѣтельная матрона первыхъ временъ республики превратилась во времена имперіи въ женщину легкаго поведенія, распущенную и циничную до послѣдней степени. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, женщины были увлечены только всеобщимъ порокомъ, которому онѣ не могли противостоять и, не будучи въ состояніи поднять нравственный уровень народа, онѣ повиновались данному толчку, и, быстро спустившись по наклонной плоскости, въ свою очередь, содѣйствовали скорѣйшему разложенію общества.

Величіе древняго Рима воспѣвали и воспѣваютъ на всѣ лады и на всѣхъ языкахъ. Пробуя оспаривать его, непремѣнно наталкиваешься на предразсудокъ, который принялъ характеръ исторической истины. Каждому изъ насъ съ дѣтства уже внушается понятіе о величіи Рима и насъ научаютъ восхищаться великими дѣяніями Рима, съумѣвшаго подчинить себѣ почти всѣ народы бѣлой расы, существовавшія въ его время. Самъ по себѣ фактъ этотъ не подлежитъ оспариванію, но онъ только доказываетъ опытнымъ путемъ, что, соединяя настойчивость съ хитростью и наглостью, народъ можетъ подчинить себѣ много другихъ народовъ. Но была ли полезна такая побѣда въ соціальномъ отношеніи, имѣло ли торжество Рима какое-нибудь нравственное значеніе? Мы знаемъ, что оно тяжелымъ бременемъ давило на міръ и что роковыя послѣдствія этого ощущительны даже теперь.

Безъ сомнѣнія, до сихъ поръ еще исторія продолжаетъ оправдывать убійства и грабежи, лишь бы это производилось въ широкихъ размѣрахъ. Но новое нравственное ученіе начинаетъ зарождаться въ цивилизованномъ мірѣ и мы уже можемъ предвидѣть наступленіе такой эпохи, когда великіе убійцы исторіи перестанутъ считаться великими людьми. Съ этой же новой точки зрѣнія весь древній Римъ представляетъ ничто иное, какъ торжествующее преступленіе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПАСТОРЪ ГЁРЕ И ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

I.

Слишкомъ обострившаяся борьба интересовъ на Западѣ вызываетъ естественную реакцію, въ видѣ попытокъ занять среднее, примирительное положеніе, подать руки враждующимъ сторонамъ, эклектически собрать воедино «хорошія стороны» каждаго явленія. Эти посредническія теченія имѣютъ въ своей основѣ несомнѣнные идеальные мотивы, любовь къ человѣчеству, вѣру въ возможность напряженіемъ воли и мысли отыскать новые, мирные пути культурнаго развитія тамъ, гдѣ столкновеніе антагонистичныхъ интересовъ фатально ведетъ къ другой развязкѣ. Но также несомнѣнна роль матеріальныхъ факторовъ въ созданіи такихъ половинчатыхъ общественныхъ теченій. Только теоретически можно раздѣлить даже вполнѣ развитое капиталистическое общество на рѣзко опредѣленные классы. На практикѣ же приходится считаться съ массой переходныхъ ступеней, съ геологическими наслоеніями предшествующихъ фазисовъ общественнаго развитія, съ продуктами разложенія отживающихъ сословій, съ неслившимися еще въ одно органическое цѣлое элементами новообразованій. Вся эта пестрая смѣсь общественныхъ группъ ищетъ въ атмосферѣ западной жизни, глубоко проникнутой дѣйственностью, своего политическаго проявленія. Поэтому-то, на ряду съ крупными политическими партіями, выставляющими рѣзко опредѣленныя программы, въ родѣ консерваторовъ, національ-либераловъ, прогрессистовъ, соціалъ-демократовъ (или другихъ подобныхъ партій), на Западѣ приходится считаться еще съ различными, болѣе мелкими, въ родѣ антисемитовъ и др., программы которыхъ гораздо туманнѣе, спутаннѣе и требуютъ къ себѣ болѣе осторожнаго, аналитическаго отношенія, чтобы отдѣлить плевелы отъ пшеницы, шуйцу отъ десницы.

Одной изъ такихъ партій въ Германіи является новая евангелическо-соціальная. Она созидается еще на нашихъ глазахъ и далеко не можетъ считаться вполнѣ уже опредѣлившеюся. Въ ея программѣ еще слишкомъ много случайныхъ элементовъ, привнесенныхъ сюда тѣми особенными обстоятельствами, при которыхъ она слагалась. Многое явилось прямымъ результатомъ вліянія организаторовъ новой партіи, индивидуальныхъ и профессіональныхъ качествъ ея руководителей. Но сущ-

ность ея программы, также какъ и одновременно возникшей въ Австріи партіи «соціалъ-политиковъ», съумѣвшихъ уже зарекомендовать себя довольно значительными успѣхами на вѣнскихъ выборахъ, выражается въ отмѣченномъ нами стремленіи сгладить рѣзкіе классовые антагонизмы, смягчить классовую борьбу, внести «этическій элементъ» въ споръ враждующихъ силъ. Не менѣе ясно выдѣляется въ этихъ попыткахъ схватиться голыми руками за безпощадное колесо исторіи—и представительство интересовъ тѣхъ слоевъ населенія, которые еще не могли найти для себя опредѣленное мѣсто въ рядахъ старыхъ общественныхъ организацій.

Во главѣ евангелическо-соціальной партіи стали, главнымъ образомъ, лютеранскіе пасторы, а самыми выдающимися изъ нихъ являются Науманъ и Павелъ Гёре, по поводу двухъ сочиненій котораго мы и повели рѣчь. Первое появилось лѣтъ пять тому назадъ и вызвало значительную сенсацію въ Германіи, ввело молодого автора-теолога въ кругъ соціальной политики, какъ выразился одинъ изъ его критиковъ, Генрихъ Браунъ. Въ русской литературѣ, насколько намъ извѣстно, оно прошло незамѣченнымъ и только въ прибалтійской нѣмецкой прессѣ (между прочимъ, въ «Libauer Zeitung») были рефераты о немъ. Книга Павла Гёре называлась: «Три мѣсяца жизни фабричнаго рабочаго» *), и въ ней авторъ подѣлился съ читателями результатами своего «хожденія въ народъ», который онъ могъ наблюдать въ самой его интимной жизни, явившись на фабрику въ качествѣ простого рабочаго. Вскорѣ затѣмъ вышло второе сочиненіе энергичнаго пастора, успѣвшаго уже зарекомендовать себя недюжиннымъ политическимъ дѣятелемъ, ревностнымъ помощникомъ пастора Наумана, являющагося признаннымъ вождемъ евангелическо-соціальной партіи. Новое сочиненіе Гёре **) посвящено исторіи того движенія, представителемъ котораго онъ является, и выясняетъ цѣли и взгляды партіи. Познакомивъ читателей съ этими двумя интересными явленіями нѣмецкой литературы, мы надѣемся выяснить и значеніе новыхъ жизненныхъ теченій, привлекающихъ теперь вниманіе политиковъ и экономистовъ Запада.

II.

Гёре, молодой теологъ, устрашенный опасностью, грозящей современному обществу, его политическимъ и религіознымъ традиціямъ, отъ нашествія новыхъ идей, рѣшилъ ближе познакомиться съ источникомъ зла, лично изучить его, чтобы тѣмъ легче было съ нимъ бороться. На-

*) «Drei Monate Fabrikarbeiter und Handwerkbursche». Eine praktische Studie von Paul Göhre, Kandidaten der Theologie, General-sekräter des evangelisch-socialen Kongresses in Berlin. Leipzig. 1891.

**) Paul Göhre. «Die evangelisch-soziale Bewegung, ihre Geschichte und ihre Ziele». Leipzig. 1896.

дѣвъ потертый сюртукъ, старые штаны, изношенные сапоги, онъ окунулся въ самую глубь рабочаго міра, «въ подземный міръ», какъ онъ любитъ выражаться. «Въ Хемницѣ,—разсказываетъ Гёре,—средоточіи широко развитой крупной саксонской промышленности, я прожилъ неузнанный почти три мѣсяца, какъ простой фабричный, безъ всякаго общенія съ людьми моего круга; на большой машинной фабрикѣ я работалъ наравнѣ со всѣми одиннадцать часовъ въ день, ѣлъ и пилъ съ ними, проводилъ у нихъ вечера, наслаждался общимъ отдыхомъ въ воскресенье». Результатами этого общенія, видѣннымъ, слышаннымъ и тѣмъ, что стало для него ясно, онъ и дѣлится въ своей живо и интересно написанной книгѣ.

Займись наблюденіемъ фабричной жизни какой-нибудь молодой экономистъ, посѣтившій Хемницкій округъ съ его машинной и текстильной промышленностью, съ его гигантскими фабриками и домашними рабочими (которыхъ надо отличать отъ нашихъ кустарей), онъ бы, навѣрно, собралъ болѣе богатый и цѣнный матеріалъ насчетъ рабочаго времени и заработной платы, цѣнъ на жизненные припасы и квартиры, насчетъ тѣхъ или иныхъ пріемовъ добыванія прибавочной стоимости. Но, въ концѣ-концовъ, мы имѣли бы лишь новыя доказательства для старыхъ, вполнѣ знакомыхъ и достаточно уже подтвержденныхъ правилъ. Для «кандидата теологіи» всѣ эти «вопросы желудка и заработка»—побочное дѣло. То, что его наиболѣе интересуетъ, что онъ съ любовью описываетъ, къ чему относится то съ отчаяніемъ человѣка опредѣленныхъ традицій, то съ объективизмомъ ученаго наблюдателя,—это великій хозяйственный, духовный и моральный переворотъ, вызываемый непрестаннымъ развитіемъ крупной промышленности, это—глубокія перемѣны въ жизненномъ строѣ и психикѣ рабочихъ, образованіе новыхъ жизненныхъ привычекъ, взаимныхъ отношеній, измѣненіе всѣхъ унаслѣдованныхъ традицій. Многое въ картинѣ, нарисованной Гёре, смутно и не выяснено, но многое зато представлено съ изумительной точностью, и почти все поучительно, заслуживаетъ полнаго вниманія.

На фабрикѣ, куда попалъ Гёре, работало до 500 человѣкъ. Изъ нихъ ему пришлось ближе познакомиться съ 150—200 работниками, занимавшимися въ одномъ съ нимъ отдѣленіи. Своихъ сотоварищей самъ Гёре относитъ къ «сравнительно болѣе благопріятно обставленнымъ, живущимъ болѣе зажиточно, чѣмъ большая часть саксонскихъ рабочихъ». И несмотря на это, средняя заработная плата не превышала 80 марокъ въ мѣсяцъ. Очень многіе и этого не зарабатывали. «Я самъ, какъ новичекъ, получалъ только 20 пфениговъ за часъ, обычная плата для начинающихъ... Это давало мнѣ возможность ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и субботъ, когда работали часомъ меньше, зарабатывать 2 марки 13 пфен., въ указанные же дни по 1 маркѣ 93 пфен., во всю же недѣлю 12 м. 78 пф. Изъ этой суммы почти всегда приходилось отсчитывать 2 марки въ больничную кассу, штрафы за опозданіе и пр., такъ

что очень рѣдко мнѣ приходилось больше 11 марокъ». Гёре думаетъ, что при такихъ заработкахъ этихъ наилучше оплачиваемыхъ рабочихъ нельзя еще говорить о нуждѣ. Но «годовой доходъ въ среднемъ отъ 800 до 900 марокъ, при современныхъ высокихъ цѣнахъ на квартиры и необходимые жизненные припасы, еле-еле даетъ возможность прожить безъ тяжелой нужды рабочему, не обремененному слишкомъ большимъ семействомъ. Значительно хуже положеніе тѣхъ, кто, подобно мнѣ, зарабатывалъ въ годъ отъ 600 до 700 марокъ или кому приходилось считаться съ такими несчастіями, какъ болѣзни, смерть какого-нибудь члена семьи, кто долженъ былъ надолго прерывать работу изъ-за призыва резервовъ или ландвера, или, наконецъ, кому приходилось перемѣнять мѣсто служенія и, слѣдовательно, тратить большую часть даже высокаго заработка... Вообще, надо признать, что, при данномъ среднемъ годовомъ доходѣ, рабочая семья могла существовать, только ведя самый скромный образъ жизни или, вѣрнѣе, ограничивая всѣ свои потребности».

Нормальный рабочій день длился на фабрикѣ одиннадцать часовъ. Перерывы для отдыха были сведены къ минимуму. Перерывовъ для ѣды было два: отъ 12 ч. до часу для обѣда, и послѣ 8 час. утра—двадцать минутъ для завтрака. Больше работа не прерывалась. «Завтракъ совершался безъ всякихъ церемоній; о перемѣнѣ одежды, конечно, и думать нечего было. Кратковременность перерыва не давала возможности даже хорошенько смыть грязь съ рукъ. Поэтому, мы довольствовались тѣмъ, что на-скоро обтирали руки о передникъ, машинный ремень или обо что попало». У кого была семья, живущая не очень далеко отъ фабрики, отправлялся обѣдать домой; и въ этотъ единственный свободный часъ начиналась настоящая охота въ погонѣ за пищей. Другіе оставались на фабрикѣ, изо-дня въ день довольствуясь холоднымъ или кое-какъ согрѣтымъ блѣдомъ, не имѣя возможности сколько-нибудь удобно расположиться для отдыха. «Рабочіе очень хорошо чувствовали всю тяжесть такого порядка. Когда я однажды вернулся на фабрику незадолго до начала послѣобѣденной работы и, по обычаю, привѣтствовалъ ихъ—«да будетъ благословенъ вашъ обѣдъ!»,—одинъ изъ нихъ отклонилъ мое привѣтствіе: «здѣсь не было обѣда или, по крайней мѣрѣ, благословеннаго обѣда». Если погода была хорошая или очень жаркій день и люди слишкомъ распарились отъ жары, тогда выходили на открытый дворъ, покончивъ съ бутербродомъ, отыскивали какое-нибудь укромное, тѣнистое мѣстечко и ложились на доскахъ или голой землѣ, чтобъ хоть на нѣсколько минутъ забыться тяжелымъ сномъ. Только изрѣдка кто-нибудь прерывалъ угрюмое молчаніе уставшихъ, и жесткое слово или горькая насмѣшка надъ «славной жизнью работника» срывалось съ его устъ». Часть рабочихъ обѣдала въ самыхъ дешевыхъ окрестныхъ кабачкахъ. У кого карманы были совершенно пусты, а голодъ донималъ сильно, тотъ отправлялся въ «народную

кухню» и тамъ, въ толкотнѣ и суматохѣ, доѣдалъ остатки стоявшихъ на столѣ блюдъ.

На фабрикѣ царила абсолютная власть дирекціи, умѣряемая только боязнью вызвать нежелательное столкновеніе. Такъ, рабочіе обязаны были безъ противорѣчій трудиться въ сверхъурочные часы, когда только дирекція находила это нужнымъ, притомъ за обычную часовую и поштучную плату. Фабричныя правила гласили: «всякій рабочій обязанъ за условленную плату работать также и послѣ окончанія обычныхъ работъ»; «уклоненія отъ обычнаго рабочаго времени объявляются простымъ аншлагомъ», и не нуждаются въ предварительныхъ переговорахъ съ рабочими. Точно также и всякія другія измѣненія въ порядкѣ работъ, условія котораго предъявляются поступающимъ на фабрику для безукоснительнаго исполненія, объявляются посредствомъ фабричныхъ аншлаговъ и такимъ образомъ получаютъ немедленно законную силу. Наложеніе штрафовъ зависитъ тоже безусловно отъ дирекціи. Гёре говоритъ, что при этомъ имѣетъ мѣсто, въ большинствѣ случаевъ, справедливое и практичное разслѣдованіе обстоятельствъ дѣла. Но приводимыя имъ данныя плохо согласуются съ его мнѣніемъ. «Чаще всего штрафъ примѣняется за опозданіе къ работамъ. Какъ только часы били 6 часовъ утра и часъ дня, дворникъ, контролировавшій входъ и выходъ, запиралъ ворота, иногда прямо передъ носомъ спѣшившаго на фабрику. Такимъ образомъ, всегда человѣкъ десять или двадцать оставались у воротъ. Но опозданія въ одну или двѣ минуты были часто неизбѣжны, при отдаленности квартиръ отъ фабрики. При опозданіяхъ болѣе, чѣмъ на десять минутъ, налагался очень высокій штрафъ въ 50 пф., т. е. больше, чѣмъ плата за часъ работы, а для меня это равнялось вычету за 2 и $2^1/_2$ часа. Такой же штрафъ былъ за болтовню или самовольный переходъ на другое мѣсто... Какъ-то директоръ захватилъ насъ за очень оживленной бесѣдой, и всѣ мы поплатились 50 пф. Я долженъ прибавить, что нашелъ поведеніе директора въ этомъ случаѣ не вполнѣ корректнымъ, такъ какъ штрафъ былъ, между прочимъ, наложенъ на рабочихъ, служившихъ на фабрикѣ больше двѣнадцати лѣтъ и ни разу еще не подвергавшихся никакимъ взысканіямъ... Одно обстоятельство вызывало особенную горечь среди рабочихъ, и, по моему, вполнѣ справедливо, именно способъ распоряженія собранными путемъ штрафовъ суммами. Въ фабричныхъ правилахъ насчетъ этого было сказано: «дирекція оставляетъ за собою полную свободу въ распоряженіи штрафными деньгами, если только фабрика не требуетъ ихъ въ вознагражденіе за причиненные убытки». Никто изъ рабочихъ не зналъ, куда эти деньги дѣвались. Утверждали, что награды, выданныя къ Рождеству десятку служащихъ и вызвавшія среди нихъ такую большую радость, были взяты изъ штрафныхъ суммъ; такимъ путемъ фабричная дирекція, безъ самомалѣйшей жертвы съ своей стороны, насчетъ оштрафованныхъ рабочихъ создала себѣ популярность и вызвала любовь среди нѣкоторой части своихъ подчиненныхъ».

Однажды дирекціи пришло въ голову украсить свой абсолютны образъ правленія небольшими конституціонными бирюльками. Но этотъ опытъ осчастливить фабричный людъ былъ настолько двусмысленъ, что потерпѣлъ крушеніе въ виду сопротивленія самихъ рабочихъ. Какъ-то при входѣ на фабрику рабочіе прочли вывѣшенный аншлагъ о томъ, что дирекція желаетъ устроить особый комитетъ изъ выборныхъ отъ всѣхъ рабочихъ; цѣль этого комитета дать возможность дирекціи узнать мнѣніе рабочихъ при различныхъ измѣненіяхъ фабричнаго регламента, порядка работъ и пр.; каждый рабочій долженъ до пятницы вечеромъ указать на разсчетномъ листкѣ, кого именно онъ находитъ нужнымъ выбрать въ комитетъ; дирекція оставляетъ за собою право не утвердить выбора тѣхъ, кто, по ея мнѣнію, недостоенъ быть представителемъ. «Это объявленіе,—разсказываетъ Гёре,—было въ тотъ день по нѣскольку разъ перечитываемо рабочими... Я видѣлъ, какъ многіе изъ товарищей про себя внимательно штудировали его, и то задумчиво, то равнодушно проходили къ своему мѣсту работы. Нѣкоторые отпускали шуточки, переходившія иногда въ ѣдкую сатиру надъ нововведеніемъ. Немногіе ворчали. Одинъ юноша немедленно же открыто высказался противъ новой мѣры... Черезъ нѣсколько дней всѣ были согласны насчетъ того, что дѣло, по крайней мѣрѣ, неудачно начато, и очень возможно, что это подвохъ со стороны дирекціи по отношенію къ рабочимъ. Доказательствомъ тому служитъ уже самый способъ выборовъ. Прибѣгли къ открытой баллотироиаѣ, чтобъ вывѣдать образъ мыслей каждаго рабочаго. Выбери тотъ энергичныхъ, хорошо понимающихъ положеніе дѣлъ, такихъ, которые будутъ честно и открыто отстаивать его интересы, тогда ясно будетъ, что и онъ самъ, и выборные—соціалъ-демократы. Выбери онъ трусливыхъ и негодныхъ людей, тогда все учрежденіе лишается всякаго смысла. Эти взгляды и остались руководящими. Слѣдствіемъ же явилось, если только я хорошо наблюдалъ и собралъ точныя свѣдѣнія, то, что больше половины рабочихъ вовсе не внесли никакихъ именъ въ свои разсчетные листки и воздержались совершенно отъ выборовъ. Тогда появился новый аншлагъ, объявлявшій состоявшіеся выборы недѣйствительными, въ виду слишкомъ недостаточнаго числа избирателей, назначавшій новый срокъ для выборовъ и требовавшій, чтобъ *всѣ* рабочіе приняли въ нихъ участіе. Это подѣйствовало и огромное большинство высказалось. Но въ продолженіе тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, которые я послѣ этого происшествія еще провелъ на фабрикѣ, мнѣ не пришлось замѣтить ни малѣйшаго признака жизни новаго учреждевія. И сколько я ни разспрашивалъ своихъ коллегъ насчетъ его, никто не могъ сообщить мнѣ какихъ-либо свѣдѣній».

Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, на молодого теолога глубокое впечатлѣніе произвела солидарность, съ какою постоянно дѣйствовали рабочіе. Онъ справедливо отмѣчаетъ вліяніе, которое въ этомъ отношеніи оказываетъ современный процессъ производства съ его

общностью работъ, общностью положенія и интересовъ. Это вліяніе дѣйствуетъ ежедневно и ежечасно и подготовляетъ почву для внѣшнихъ воздѣйствій, дѣлаетъ воспріимчивыми къ идейной работѣ. «Процессъ производства,—говоритъ Гёре,—покоился у насъ на принципѣ раздѣленія труда между всѣми, принимавшими участіе въ выдѣлываніи одного и того же продукта. Отъ мастера и монтёра (сборщика машинъ) до носильщика и упаковщика каждый отдѣльный рабочій трудился надъ однимъ предметомъ, надъ однимъ сложнымъ цѣлымъ, надъ искуснымъ сочетаніемъ различныхъ частей въ одну машину. Это вызывало живое сознаніе взаимной связи, общей отвѣтственности всѣхъ, потому что всякая отдѣльная категорія рабочихъ была необходима для общаго процесса труда, всякая зависѣла въ своей работѣ отъ быстраго, аккуратнаго и разумнаго исполненія другихъ работъ. Всякій хорошо понималъ, какъ это важно для слесаря, чтобъ сверлильщикъ точно сверлилъ по плану, какъ много труда надо потратить, чтобъ сдѣлать пригодной вещь, испорченную неловкимъ мастеромъ; и болѣе всего боялись справедливыхъ упрековъ и жалобъ товарищей, привлекавшихъ къ отвѣтственности передъ своимъ судомъ провинившагося». Далѣе Гёре рисуетъ яркую, но нѣсколько одностороннюю картину оживленія общаго труда, въ которомъ сотни различныхъ спеціальныхъ рабочихъ сообща созидаютъ одинъ продуктъ, образуя новую, оригинальную, великолѣпную общину, какой не вѣдали древніе вѣка и которая представляетъ хозяйственное новообразованіе, происходящее на нашихъ глазахъ.

Здѣсь теологъ нѣсколько увлекается новизной открывшейся передъ нимъ картины и не замѣчаетъ темныхъ ея сторонъ, принудительной спеціализаціи, роли капитала, группирующаго людей согласно *своимъ* потребностямъ, вообще особенностей специфически капиталистическаго примѣненія крупнаго производства. Еслибъ ему пришлось нѣсколько лѣтъ подрядъ работать надъ изготовленіемъ одной какой-нибудь части машины, онъ пришелъ бы къ другимъ мыслямъ насчетъ этой «великолѣпной общины». Говоря о работѣ слесарей, сверлильщиковъ и др., онъ уже и самъ это замѣчаетъ. «Никогда этимъ рабочимъ не приходится приготовить чего-либо законченнаго, годнаго для потребленія; никогда имъ не приходится начинать работу надъ чѣмъ-либо цѣльнымъ или что-нибудь окончательно отдѣлывать. Всегда это только печальная частичка цѣлаго... Особенно жалкой казалась мнѣ всегда работа двухъ сверлильщиковъ, уже пожилыхъ людей, которые ежедневно, съ шести часовъ утра до шести часовъ вечера, только и дѣлали, что досверливали болѣе чисто и аккуратно грубыя отверстія, сдѣланныя машинами. Какая возможна здѣсь удовлетворенность своей работой, радость при удачномъ исполненіи ея?.. Маляры у насъ вѣчно были заняты окраской машинъ въ одну и ту же зеленую краску, кузнецы выдѣлываніемъ все одинаковыхъ и довольно несложныхъ частей и т. д... Здѣсь приходилось исполнять работы, о которыхъ можно съ полнымъ

правомъ сказать, что онѣ лишены всякихъ воспитательныхъ моментовъ, какъ обязательныхъ для работы въ евангельскомъ пониманіи этого слова, работы, при которой человѣкъ, какъ бы онъ ни хотѣлъ, не имѣетъ никакой возможности показать рачительность, прилежаніе, заботливость, примѣнить то, чему онъ научился, что считаетъ хорошимъ. Въ такой работѣ, напротивъ, трудящійся безвольно, безсмысленно, безсильно просверливаетъ одинаковыя полоски стали все въ одномъ томъ же мѣстѣ, однимъ и тѣмъ же движеніемъ руки, съ всегда равной быстротой, и это день за днемъ, по одиннадцати часовъ. При такихъ условіяхъ работа для живого, пылкаго человѣка является не служеніемъ Богу, а адскимъ мученіемъ».

Несомнѣнно, что эта характеристика, несмотря на специфическій тонъ, свойственный профессіи автора, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ та, которая приведена выше. Только на этотъ разъ авторъ не видитъ, что наряду съ мрачными сторонами обрисованнаго имъ порядка, есть и болѣе свѣтлая, непосредственно прилегающая къ эволюціи этого порядка. Упрощеніе рабочихъ функцій, переходъ ремесленной виртуозности отъ человѣка къ машинѣ даетъ возможность все легче мѣнять родъ занятій, вызываетъ немыслимую раньше подвижность среди рабочихъ. Но въ данный моментъ этимъ опять-таки пользуется наиболѣе капиталъ, который можетъ, смотря по коньюктурѣ условій на рынкѣ, стягивать на фабрики огромныя массы рабочихъ или, напротивъ, сокращать до minimum'а занятое рабочее населеніе, потому что ему не для чего дорожить опытными спеціалистами своего дѣла, сегодняшній пасторъ можетъ съ такимъ же удобствомъ завтра стать за механическимъ ткацкимъ станкомъ, какъ и крестьянская дѣвушка, еще вчера служившая у него, и оба они будутъ производить товаръ, неизмѣримо превосходящій качествомъ продуктъ труда самаго искуснаго ручного ткача. Гёре самъ приводитъ очень характерные примѣры, показывающіе, какъ самыя разнообразныя профессіи соединяются теперь въ одномъ лицѣ и какъ часто современному рабочему на крупной фабрикѣ приходится работать совсѣмъ не по той спеціальности, которую онъ изучилъ. «Одинъ упаковщикъ, съ большою любовью разсказывавшій обыкновенно о своемъ домѣ, женѣ, взрослыхъ и полувзрослыхъ дѣтяхъ, простой и очень честный человѣкъ, употреблялъ утро воскреснаго отдыха на выстругиваніе платяныхъ вѣшалокъ, а послѣ обѣда и вечеромъ отправлялся, въ качествѣ танцмейстера, въ недалеко отстоявшую деревню. Одинъ бывшій портной въ свободныя минуты занимался старымъ своимъ ремесломъ, чтобъ заработать карманныя деньги, такъ какъ, по его словамъ, весь свой фабричный заработокъ, 27 марокъ въ двѣ недѣли, онъ до послѣдней копѣйки отдавалъ женѣ и двумъ дѣтямъ. Другой, учившійся въ дѣтствѣ у цирюльника, но убѣжавшій отъ него, по вечерамъ обходилъ всѣхъ знакомыхъ и товарищей по фабрикѣ и брилъ ихъ. Очень многіе играли на танцовальныхъ вечерахъ. Одинъ сверлильщикъ въ

воскресенье, послѣ обѣда, становился вспомогательнымъ кучеромъ на конно-желѣзной дорогѣ, выпускавшей въ это время усиленное количество вагоновъ. Одинъ изъ слесарей каждый вечеръ и воскресенье служилъ кельнеромъ въ посѣщаемомъ рабочими кабачкѣ». Вообще, очень многіе занимались наряду съ фабричной работой еще какимъ-нибудь побочнымъ промысломъ.

Для характеристики экономическихъ взглядовъ Гёре и того направленія, представителемъ котораго онъ служитъ, небезъинтересны его размышленія объ общемъ ходѣ дѣлъ на фабрикѣ. Онъ выражаетъ сожалѣніе, что рабочіе стоятъ вдали отъ самаго веденія дѣла, не принимаютъ участія въ треволненіяхъ, связанныхъ съ ролью предпринимателя, выносящаго на своихъ плечахъ всю отвѣтственность, весь рискъ, связанный съ борьбою на рынкѣ, что рабочіе не могутъ прочувствовать всѣ заботы фабриканта, ищущаго эквивалента изъ продуктовъ. По его мнѣнію, именно это-то и образуетъ и укрѣпляетъ человѣческую волю, характеръ, способности и дѣлаетъ человѣка цѣльнымъ существомъ. Не говоря уже про странность такихъ воззрѣній для человѣка, желающаго внести въ современную борьбу интересовъ, принимающую именно на рынкѣ наиболѣе ожесточенный характеръ,—«этическій», христіанскій элементъ,—нельзя не считать этихъ воззрѣній Гёре результатомъ недостаточно яснаго пониманія настоящаго значенія экономическихъ отношеній. Всѣ тѣ свойства, которыя, по его мнѣнію, необходимы для предпринимателя, все болѣе и болѣе подчиняются фатальному вліянію рынка, законовъ конкурренціи. Этихъ законовъ никто сознательно не предписываетъ, но они необходимо являются послѣдствіемъ тысячи многоразличныхъ экономическихъ явленій, между собою перекрещивающихся, также какъ изъ облаковъ, поднимающихся надъ лѣсами, образуются грозовыя тучи. Стеченіе товаровъ на рынкахъ образуетъ кризисы и періоды оживленія, закономѣрность которыхъ капиталистъ ощутитъ, какъ только онъ не захочетъ считаться съ ними, элементарной силѣ которыхъ онъ долженъ подчиняться. Зависимость отъ этихъ рыночныхъ законовъ далеко не вызываетъ тѣхъ благодѣтельныхъ явленій, о которыхъ говоритъ Гёре, и чаще оказываетъ противоположное вліяніе. Съ другой стороны, есть много иныхъ путей для выработки характера, для укрѣпленія воли и развитія человѣческихъ способностей.

Познакомивъ съ внутренними распорядками на фабрикѣ, Гёре ведетъ насъ въ семью рабочаго, знакомитъ съ духовной, религіозной и политической стороной его жизни.

Хемнитцкихъ рабочихъ нашъ пасторъ рисуетъ, какъ людей съ развитымъ самосознаніемъ въ отношеніяхъ къ внѣшнему міру и безобидно-добродушныхъ между собою. Они не позволяютъ наступать себѣ на ногу и съ гордой сдержанностью встрѣчаютъ подходы льстецовъ и сплетниковъ; съ этой стороны они недоступны для сближенія. Но всякія добродушныя шутки и шалости, которыми нѣкоторые сокращаютъ томительно

долгіе рабочіе часы, находятъ среди нихъ отзывчивый пріемъ. Они свободны отъ всякаго фарисейства; юноши свободно отдаются веселью, и всѣ смотрятъ сквозь пальцы на увлеченія воскресными и праздничными удовольствіями послѣ недѣли упорнаго труда. Эти удовольствія, конечно, имѣютъ свой особый характеръ, соотвѣтствующій всей жизненной обстановкѣ даннаго класса, но они не хуже и не лучше удовольствій другихъ слоевъ населенія. Напротивъ, привычное безпутство встрѣчаетъ въ ихъ средѣ самое рѣзкое порицаніе. Они стараются удѣлить пару грошей изъ своего скуднаго заработка для образовательныхъ и общественныхъ цѣлей. Встрѣчаются, безъ сомнѣнія, проявленія зависти, какъ и слѣдуетъ ожидать при условіяхъ, дѣлающихъ одного рабочаго конкуррентомъ другого, заставляющихъ одного вытѣснять другого. Но надъ всѣмъ этимъ преобладаетъ чувство солидарности, общности интересовъ, особенно когда приходится стать въ опредѣленныя отношенія къ внѣшнему міру, во время выборовъ и пр. Это чувство общности даже сильнѣе тѣхъ связей, которыя родились изъ племенныхъ и расовыхъ отношеній. Часто въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ сказывается трогательное, братское участіе одного къ другому: неудачная работа незамѣтно устраняется, испорченная вещь исправляется; когда наступаетъ «затишье» въ дѣлахъ, стараются какъ-нибудь обойтись безъ сокращенія штата рабочихъ. «Когда я поступилъ на фабрику,— говоритъ Гёре,—сейчасъ же ясно стало, что я не могу такъ же успѣшно и усиленно работать, какъ мои сотоварищи. Немедленно на меня обратили вниманіе и, вмѣсто того, чтобы эксплуатировать застѣнчиваго товарища и заставить его работать вмѣсто себя, его постоянно ставили на самое легкое мѣсто и даже совершенно отстраняли его иногда, чтобъ лучше и скорѣе исполнить его работу. Такое же товарищеское участіе, такую же дружескую снисходительность проявляли ко мнѣ и большинство слесарей и машинныхъ рабочихъ».

Гёре останавливается также на крупныхъ перемѣнахъ въ семейныхъ отношеніяхъ и въ способахъ веденія домашняго хозяйства. «Въ широкихъ кругахъ нашего промышленнаго населенія большихъ городовъ совершенно исчезаетъ традиціонная форма семьи. Старая семья, покоившаяся на кровномъ родствѣ родителей и дѣтей, состоявшая исключительно изъ родственниковъ, къ которымъ въ высшихъ слояхъ присоединяются еще до нѣкоторой степени, болѣе или менѣе прочно, отдѣльные слуги, уступила въ значительной мѣрѣ мѣсто среди рабочихъ новой формѣ хозяйства, болѣе широкой, основанной на чисто хозяйственныхъ потребностяхъ общей жизни, общаго жилища, заключающей, какъ родныхъ, такъ и чужихъ. Здѣсь явственно родственныя наклонности отступаютъ передъ хозяйственными нуждами. Мать превращается въ управляющую хозяйствомъ, получающую опредѣленную сумму отъ своего мужа, дѣтей и постороннихъ лицъ и зато обязанную заботиться о наймѣ квартиры, питаніи, бѣльѣ и проч., тогда какъ

о платьѣ каждый заботится самъ. И вина такой перемѣны лежитъ не на «соціалъ-демократахъ» и ихъ агитаціи, а въ тѣхъ условіяхъ, которыя являются плодомъ всѣхъ нашихъ экономическихъ отношеній, они дѣлаютъ невозможнымъ для рабочей семьи сообща садиться за завтракъ и обѣдъ; они принуждаютъ ихъ занимать самыя тѣсныя квартиры въ громадныхъ домахъ, притомъ принимать къ себѣ совершенно чужихъ жильцовъ, часто смѣняющихъ другъ друга, посвящать ихъ въ самыя сокровенныя интимности семейной жизни, обыкновенно раздѣляемыя только съ очень близкими родственниками. Пусть только подумаютъ, какъ тѣсно расположены одна квартира возлѣ другой, безъ всякихъ основательныхъ разгораживаній, съ тонкими стѣнами, черезъ которыя слышно всякое сколько-нибудь внятно произнесенное слово! Каждыя три—четыре квартиры въ одномъ этажѣ выходятъ въ общій корридоръ, которымъ всѣ пользуются вмѣстѣ, общія умывальни, водопроводъ, клозеты и т. д. Все это ведетъ къ такой общности повседневной жизни, такой обнаженности семейной жизни, что невольно пугаешься, когда внимательно всмотришься, потому что это съ необходимостью ведетъ къ смерти отдѣльной семьи. При такихъ условіяхъ невозможно, чтобъ дѣти различныхъ семей не стали жить, какъ родные братья и сестры, причемъ корридоръ является мѣстомъ общаго пребыванія, общихъ игръ и болтовни; чтобы юноши и дѣвушки этихъ семей не приходили къ самому интимному сближенію, отцы къ самому близкому обмѣну мыслей, чтобы общее пользованіе кухней, напр., не вызывало также посредствомъ взаимнаго одолженія различныхъ принадлежностей хозяйства нѣкоторыхъ коммунистическихъ чертъ въ скудномъ хозяйствѣ такихъ семей». Къ этому присоединяется еще все въ большемъ размѣрѣ публичность общественной жизни, кабачковъ и собраній, и грозитъ совершенно уничтожить христіанскую семью, которую Гёре считаетъ основой правильнаго общежитія, совершенно измѣнить брачныя и любовныя отношенія въ пролетаріатѣ.

Не менѣе серьезны, по мнѣнію Гёре, и измѣненія, происходящія на нашихъ глазахъ въ строѣ міровыхъ и общественныхъ воззрѣній. Новыя воззрѣнія постепенно овладѣваютъ всѣми рабочими крупной промышленности, даже тѣми, кто является въ промышленные центры изъ самыхъ глухихъ закоулковъ страны. «Подъ давленіемъ новаго, все измѣняющаго строя фабричной жизни, молодое поколѣніе рабочихъ крупной промышленности освобождается отъ всѣхъ традиціонныхъ, устойчивыхъ формъ жизни, выросшихъ на почвѣ прежней общественной группировки... Подвижность новой общественной жизни оказываетъ громадное вліяніе на духовную и религіозную сторону характера большинства рабочихъ. Она не даетъ возможности сохранить и укрѣпить тѣ воспитательные элементы, которые были восприняты въ школѣ, скорѣе стираетъ большинство ихъ, вызываетъ сомнѣніе въ основательности того, что сохранилось, потребность и стремленіе къ лучшему, болѣе

широкому образованію, которое свободно отъ противорѣчій и выдерживаетъ натискъ современной критики. Эта новая наука импонируетъ имъ, доставляетъ имъ одновременно и успокоеніе, и противовѣсъ пустотѣ и скукѣ отношеній, неинтересной фабричной работѣ, и они охотно приносятъ ей въ жертву свою старую, никогда не любимую, никогда не становившуюся живымъ дѣломъ школьную учебу. Такимъ-то образомъ для большинства наиболѣе одаренныхъ, пылкихъ, мыслящихъ наступаетъ кризисъ, вызванный чаще всего не посторонними вліяніями, но прямо давленіемъ обстоятельствъ, изъ собственныхъ размышленій и воспріятій противорѣчій и пробѣловъ въ жизни, изъ наблюденій надъ окружающими людьми и вещами». Гёре видитъ этотъ процессъ только среди рабочихъ, проведшихъ дѣтство въ большихъ центрахъ, но не менѣе интензивно происходитъ онъ и среди провинціаловъ, явившихся съ традиціонными взглядами въ совершенно чуждую для нихъ сферу фабрики, въ совершенно новую общественную группу.

Не безъ вліянія также остается и демократическая агитація, которая приспособляется легко и очень искусно къ обстановкѣ и которую пасторъ Гёре, хотя не могъ уловить, но чувствовалъ во все время своего пребыванія на фабрикѣ. Она не имѣетъ опредѣленныхъ формъ и всецѣло предоставляется свободной, нерегулярной, случайной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, ихъ способностямъ и тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать. «Именно это,—говоритъ Гёре,—составляетъ мясо, а все остальное только скелетъ того чудовища, которое называется соціалъ-демократической пропагандой. Это было важнѣе, значительнѣе, болѣе роковымъ, чѣмъ планомѣрная, централизованная дѣятельность, которая давала силу, мысль, всю духовную пищу и все новыя побужденія, но которая сама находила здѣсь жизнь и выразительность. Не было никакого особеннаго контроля, не было установлено никакихъ прочныхъ связей съ опредѣленнымъ мѣстомъ, временемъ, указаніями свыше, никакихъ дорого-стоющихъ организацій или внѣшнихъ торжественныхъ проявленій. Все зависѣло отъ личности тѣхъ тысячъ приверженцевъ, которыхъ партія насчитывала въ этой мѣстности, отъ ихъ воодушевленія, вѣрности принципамъ, силы убѣжденія. Въ рукахъ агитирующаго были всѣ способы и пути для свободнаго дѣйствія: не только длинныя теоретическія изложенія, бесѣды за бутылкой пива, въ увеселительныхъ кружкахъ, какъ, напр., музыкальныхъ клубахъ, но и разговоры во время работы, общихъ прогулокъ въ хорошіе воскресные дни, во время пріема гостей изъ сосѣднихъ семей, игры въ карты, словомъ, вездѣ, гдѣ собиралось два—три человѣка... Часто самъ агитирующій ясно не понималъ значенія своихъ рѣчей, и именно тогда онѣ дѣйствовали наиболѣе сильно, потому что являлись непосредственнымъ выраженіемъ глубокихъ чувствъ, затаенныхъ думъ, царившихъ въ душѣ, религіознымъ пафосомъ, жизненной силой, въ которой находила выраженіе сама личность говорившаго,

лучшія стороны его «я». Эта неосязаемая, но могучая творческая сила концентрировалась въ политическихъ ферейнахъ». «Кто имѣлъ что-нибудь на душѣ, старикъ или юноша, безразлично, высказывался открыто, часто въ самой невозможной формѣ, въ фразахъ, ни одна изъ которыхъ не была правильно построена, въ рѣчахъ, представлявшихъ ужасную смѣсь знанія и невѣжества... Но между ними попадалось, однако, не мало и опытныхъ, искусныхъ ораторовъ, умѣвшихъ проницательно и практически относиться къ дѣлу. Молча, полный удивленія и стыда, прислушивался я къ рѣчамъ этихъ простыхъ ткачей, слесарей, ремесленниковъ, съ которыми, по моему мнѣнію, только немногіе изъ среднихъ образованныхъ людей могли помѣряться въ краснорѣчіи и увѣренности мышленія... Такіе вечера были для этихъ людей не простымъ развлеченіемъ, а тяжелой работой, всегда часами усерднаго ученія, глубокаго размышленія, освѣженія и одобренія въ лишенной всякихъ интересовъ, однообразной фабричной жизни.

Вся эта дѣятельность вызываетъ распространеніе въ рядахъ фабричнаго населенія матеріалистической философіи. Противъ послѣдняго Гёре и призываетъ бороться, надѣясь на помощь всего духовенства. Словами, въ которыхъ онъ опредѣляетъ желательную, по его мнѣнію, роль духовенства, онъ переходитъ отъ чисто-описательной части своей работы къ политической. Въ сочиненіи «Три мѣсяца жизни фабричнаго рабочаго» Гёре, главнымъ образомъ, останавливался на своихъ наблюденіяхъ, надъ результатами своей экспедиціи. Эти результаты полны глубокаго интереса, что было признано даже такими органами, какъ піэтистскій «Kreuzzeitung», который такъ отозвался о книгѣ Гёре: «Мы увѣрены, что сочиненіе пастора Гёре откроетъ для многихъ совершенно невѣдомую область. И то обстоятельство, что такую книгу пришлось писать, представляется намъ болѣе важнымъ, чѣмъ все ея содержаніе. Подумать только, что въ нѣмецкой имперіи находится слой населенія, настолько отличный въ своей жизни, поступкахъ, мысляхъ и чувствахъ отъ всѣхъ другихъ слоевъ, что надо предпринять цѣлую трудную экспедицію, какъ въ центральную Африку, чтобъ узнать его болѣе или менѣе обстоятельно и точно! Такое же взаимное отчужденіе и непониманіе другъ друга въ различныхъ классахъ царило въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, и это-то было причиной страшной неожиданности, какою явилась вспыхнувшая революція». Но разъ такіе люди, какъ Гёре, Науманъ и другіе лучшіе представители нѣмецкаго духовенства и бюргерской интеллигенціи, увидѣли опасность, угрожающую современной, дорогой для нихъ культурѣ, пропасть, въ которой могутъ погибнуть всѣ священныя для нихъ традиціи,—они естественно рѣшились помочь дорогому для нихъ дѣлу, вернуть христіанскимъ идеямъ прежнее вліяніе и замѣнить ими новое матеріалистическое міровоззрѣніе. Уже въ первой своей книгѣ Гёре говоритъ: «Для работы предстоящей церкви путь указанъ... Политическія цѣли, соціальныя фантазіи и чаянія однихъ

должны такъ же мало смущать ее, какъ стремленія другихъ во что бы то ни стало сохранить всѣ современныя формы и порядки». Церковь не заинтересована непремѣнно въ той или другой общественной формѣ, феодальной, манчестерской или какой другой. Она находится на землѣ не ради этихъ формъ, а ради людей. И каковы бы ни были общественныя отношенія, служители церкви всегда будутъ свободно и независимо проповѣдовать Евангеліе всѣмъ, кто захочетъ ихъ слушать...

Но на этой идеалистической почвѣ трудно было удержаться тѣмъ, кто хотѣлъ вмѣшаться въ самый разгаръ политической борьбы. Вмѣсто нѣсколько туманной задачи ограничиваться проповѣдью при *всякихъ* соціальныхъ порядкахъ, евангелическіе пасторы и примкнувшая къ нимъ бюргерская интеллигенція захотѣли прочнѣе утвердить опредѣленный, симпатичный строй, и такимъ образомъ, мало-по-малу съ филантропическо-соціальной почвы они стали переходить на практически-политическую. Исторіи этого-то перехода къ образованію евангелическо-соціальной партіи, а также обрисовкѣ ея программы и посвящена вторая книга Гёре.

III.

Цѣль новаго сочиненія молодого пастора нѣмецкій публицистъ Генрихъ Браунъ *) видитъ въ томъ же, къ чему стремился Гёре и раньше: и здѣсь онъ хочетъ точнѣе выяснить себѣ свою роль въ отношеніи къ современнымъ движеніямъ, найти опредѣленную точку зрѣнія, чтобъ судить правильно о значеніи рабочей партіи, о ея практической программѣ. Въ первомъ сочиненіи Гёре избралъ путь нѣсколько наивнаго, лишеннаго всякихъ предубѣжденій, прямого наблюденія внутренней жизни рабочей массы, изученія психологіи нѣмецкаго промышленнаго пролетаріата. Теперь же онъ хлопочетъ о созданіи своей собственной партіи, настолько могущественной, чтобъ побѣдить соціалъ-демократическую, уничтожить несимпатичныя автору стороны ея программы и вызвать новую группировку общественныхъ силъ. Эта проникающая обѣ книги политическая тенденція отзывается не только въ программной части, но и въ историческомъ изложеніи; недостаточное же знакомство съ научной политической экономіей еще усугубляетъ его ошибки. Однако, несмотря на это, новая книга имѣетъ несомнѣнный научный интересъ. Главнымъ недостаткомъ ея является (въ исторической части) чисто прагматическое изложеніе смѣны событій. Гёре не даетъ глубокаго анализа идейнаго развитія и практическихъ проявленій христіанско-соціальнаго движенія въ Германіи и другихъ странахъ и поэтому онъ не изъ историческаго хода событій выводитъ свою общую точку зрѣнія, а, напротивъ, навязываетъ ее самимъ событіямъ.

*) «Archiv für soziale gesetzgebung und Statistik», IX B. III—IV Heft. 1896.

Первымъ, кто положилъ начало историческаго развитія евангелическо-соціальнаго движенія, Гёре считаетъ Вихерна. Въ 1848 «сумасшедшій» годъ, когда всѣ ростки общественной жизни Германіи, какъ прогрессивные, такъ и регрессивные, пышно расцвѣли, Вихернъ впервые высказалъ на церковномъ собраніи въ Виттенбергѣ евангелическо-соціальную мысль, потребовавъ «основательной помощи во всѣхъ настоятельныхъ хозяйственныхъ нуждахъ «маленькихъ людей» (kleine Leute) и на этомъ базисѣ проникновенія всѣхъ соціальныхъ отношеній нравственными силами евангелическаго христіанства». Вихернъ старался осуществить свою мысль, создавъ «внутреннюю миссію», поставившую себѣ цѣлью устройство различныхъ учрежденій для помощи нуждающимся. Но все, чего онъ достигъ, было, по мнѣнію Гёре, только филантропическія предпріятія: помощь единичнымъ людямъ, не мѣры, могущія облегчить или устранить массовую нужду громаднаго большинства.

Шагъ впередъ сдѣланъ былъ Ф. А. Губеромъ, стремленія котораго учредить союзныя организаціи представляютъ первую евангелическо-соціальную программу дѣятельности. Но практическому успѣху этой дѣятельности помѣшало то обстоятельство, что Губеръ не придалъ своимъ реформаторскимъ идеямъ политическаго характера и основывалъ ихъ на консервативно-патріархальномъ строѣ воззрѣній. Однако, его исторической заслугой слѣдуетъ признать общественную постановку вопроса, замѣну благотворительныхъ тенденцій стремленіемъ къ общественнымъ реформамъ.

Болѣе значительное вліяніе имѣла, по мнѣнію Гёре, дѣятельность Рудольфа Тодта, который своей книгой «Радикальный нѣмецкій соціализмъ и христіанское общество»—окончательно проложилъ дорогу для евангелическо-соціальнаго движенія въ Германіи. Главными его заслугами авторъ признаетъ оцѣнку роли и значенія соціалъ-демократіи, обоснованіе мысли, что въ основу реформаторской дѣятельности евангелическо-соціальнаго движенія долженъ лечь Новый Завѣтъ, превращеніе этого движенія въ политическое, опредѣленіе роли евангелической церкви и ея пастырей въ общественной дѣятельности и, наконецъ, учрежденіе въ 1877 г. вмѣстѣ съ двумя выдающимися консервативно-соціальными политико-экономами, Адольфомъ Вагнеромъ и Рудольфомъ Мейеромъ, центральнаго союза для общественныхъ реформъ (Centralverein für Socialreform) на религіозной и конституціонно-монархической почвѣ. Гёре подвергаетъ дѣятельность Тодта основательной критикѣ и указываетъ на коренной ея недостатокъ, противорѣчіе, которое, по его мнѣнію, глубоко проникло дальнѣйшую исторію всего движенія и принесло ему много вреда, а именно—противорѣчіе между пролетаріатскими и консервативными тенденціями движенія. Цѣль, которую поставилъ Тодтъ, заключалась въ созданіи послѣдовательной рабочей реформаторской партіи съ преобладающимъ пролетаріатскимъ характеромъ, а про-

грамма его превращала эту цѣль въ свою ротивоположность, стремясь влить новое движеніе въ фарватеръ общаго консервативнаго теченія.

Еще опредѣленнѣе проявляется указанное внутреннее противорѣчіе въ дальнѣйшей исторіи евангелическаго движенія, самымъ выдающимся представителемъ котораго отъ 1878 года и до послѣднихъ почти дней является придворный проповѣдникъ Адольфъ Штеккеръ. Этотъ періодъ Гёре, подвергающій политику Штеккера серьезной критикѣ, но къ личности прежняго вождя высказывающій глубокое удивленіе, дѣлитъ на три отдѣла. Къ первому относится 1878 годъ, когда Штеккеръ основалъ «христіанско-соціальную рабочую партію» и выставилъ отъ ея имени выработанную имъ вмѣстѣ съ Вагнеромъ программу. Послѣдняя въ двухъ пунктахъ идетъ дальше программы Тодта: во-1-хъ въ томъ, что она избѣгаетъ исключительно обоснованія своихъ положеній на нравственно-религіозномъ и соціальномъ содержаніи Библіи, и во 2-хъ, въ томъ, что она остается твердо на почвѣ интересовъ «маленькихъ людей», представляетъ дѣйствительную рабочую программу. Но вмѣстѣ съ изданіемъ закона 1878 г. противъ соціалистовъ, т. е. когда не прошло еще года съ начала дѣятельности, партія эта перестала существовать. Гере выставляетъ этотъ періодъ существованія самостоятельной христіанской *рабочей* партіи, какъ доказательство того, что, слѣдовательно, такой характеръ евангелическаго движенія возможенъ, что основаніе для его развитія есть въ зародышѣ и что, поэтому, достаточно только усиленныхъ заботъ, чтобъ это зерно дало богатые плоды.

Во второмъ періодѣ, продолжавшемся съ 1878 г. до 1884 года христіанско-соціальная рабочая партія превращается въ мелкобуржуазную консервативную партію. На мѣсто рабочихъ становятся ремесленники, купцы, низшіе чиновники и иногда—члены высшихъ сословій. Настоящую программу этой партіи составляетъ антисемитизмъ, и въ 1882 г. партія совершенно переходитъ въ консервативный лагерь. Это было время наибольшаго торжества и успѣха Адольфа Штеккера. Духовнымъ окомъ онъ уже видѣлъ у своихъ ногъ весь Берлинъ и говорилъ о «своемъ народѣ». Какъ только на городскихъ столбахъ появлялась красная афишка: «Сегодня въ 8 ч. вечера придворный проповѣдникъ и депутатъ Адольфъ Штеккеръ будетъ говорить на тему: «порабощеніе нѣмцевъ евреями» или «о соціальномъ вопросѣ и идеяхъ Гогенцоллерновъ»—любители сильныхъ ощущеній толпами стекались слушать его. Тогда онъ еще не успѣлъ перессориться съ сильными міра сего. Бисмаркъ, ни въ грошъ не ставившій соціальныхъ и религіозныхъ цѣлей проповѣдника, думалъ, что ему удастся воспользоваться моднымъ антисемитомъ, чтобъ дискредитировать либераловъ. Императора Вильгельма, когда-то увлекавшагося его краснорѣчіемъ, Штеккеръ не оттолкнулъ еще своими интригами и попытками вмѣшаться въ закулисныя придворныя исторіи. Въ средѣ самого лютеранскаго духовенства еще не появилась группа молодыхъ и энергичныхъ пасторовъ, съумѣвшихъ

лучше понять потребности новаго времени, болѣе образованныхъ и болѣе благородныхъ. И, наконецъ, онъ находился еще въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со своими консервативными товарищами, которые еще не успѣли разглядѣть двуличность его поведенія, особенно рѣзко проявившуюся, когда стало развиваться движеніе, руководимое молодыми пасторами, Науманномъ, Гёре и др.

Третій періодъ въ жизни христіанско-соціальной партіи характеризуется тѣмъ, по славамъ Гёре, что за это время, отъ 1884 до 1896 года, она и Штеккеръ становятся совершенно консервативны, но консервативная партія, вслѣдствіе этого присоединенія новыхъ силъ, никоимъ образомъ не дѣлается болѣе склонной сочувственно относиться къ соціальнымъ требованіямъ. Это, въ связи съ вышеуказанной двойственностью въ поведеніи Штеккера, вызываетъ расколъ среди союзниковъ и возстановленіе на франкфуртскомъ конгрессѣ въ февралѣ 1896 г. самостоятельность христіанско-соціальной партіи. Послѣ того, какъ Штеккеръ, человѣкъ очень мстительный и злопамятный, человѣкъ, ничѣмъ не брезгающій для достиженія своихъ цѣлей (чего не видятъ Гёре и его товарищи), былъ такъ жестоко оскорбленъ своими недавними друзьями-консерваторами, многіе ожидали, что онъ на этомъ конгрессѣ постарается сблизиться съ лѣвымъ крыломъ евангелическаго движенія, группирующимся вокругъ франкфуртскаго пастора Науманна, и оба направленія лютеранскихъ соціалъ-политиковъ, старое и молодое, сольются въ одно. Но франкфуртскій съѣздъ далъ на эти ожиданія отрицательный отвѣтъ. Старые пасторы и отставные чиновники, собравшіеся подъ знаменемъ Штеккера, нашли, что молодые заходятъ слишкомъ далеко: Штеккеръ такъ далеко не идетъ... Ни политическими учрежденіями, выработанными Пруссіей, ни существующими экономическими привилегіями онъ не пожертвуетъ. Своихъ прежнихъ друзей-консерваторовъ Штеккеръ обвиняетъ въ измѣнѣ: прежде они готовы были протянуть руку пролетаріату, теперь же они отъ него отворачиваются и идутъ на встрѣчу плутократіи. Однако, евангелическая молодежь, на взглядъ бывшаго придворнаго проповѣдника, слишкомъ сближается съ демократіей. Позднѣе Штеккеръ высказался еще болѣе рѣзко противъ молодыхъ пасторовъ. Въ воззваніи, опубликованномъ въ «Kreuzzeitung» и подписанномъ, кромѣ Штеккера, проф. Натазіуса и проповѣдника Вебера, полсотней болѣе или менѣе неизвѣстныхъ деревенскихъ священниковъ,—молодымъ теологамъ и ихъ свѣтскимъ союзникамъ уже приписывается грубая фальсификація христіанскихъ истинъ. Евангелическая церковь должна стремиться быть центромъ и солью общественной жизни въ Германіи, а это достижимо только при сохраненіи и укрѣпленіи церковной іерархіи. «Молодые» стоятъ на пути къ образованію секты вольнодумцевъ и энтузіастовъ, «боритесь съ ними!»—призывало воззваніе.

На одномъ народномъ собраніи въ то же самое время Штеккеръ высказался еще грубѣе. «Опасное время,—говорилъ онъ,—переживае-

мое Германіей, заставляетъ готовиться къ предстоящимъ внутри битвамъ. «Молодые» думаютъ, что когда наступитъ борьба, они будутъ вожаками. Наивное самомнѣніе!» Онъ, Штеккеръ, до сихъ поръ думалъ, что не молодымъ прапорщикамъ, а старымъ генераламъ по праву принадлежитъ руководительство. Позднѣе Штеккеръ, по поводу того, что Гёре сложилъ съ себя званіе городского священника во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, сказалъ, что его этотъ поступокъ не поразилъ: «кто хочетъ плечо о плечо идти съ пролетаріатомъ, тотъ не можетъ остаться пасторомъ». Онъ, Штеккеръ, и Гёре хотятъ не одного и того же. Къ Гёре, какъ и ко всѣмъ молодымъ, вполнѣ примѣнимы слова императора (сказанныя именно по поводу дѣятельности Штеккера), что политизирующіе священники—безсмыслица. Если пасторъ всецѣло борется за интересы одного сословія, то онъ бросаетъ вызовъ другимъ. «Мы же старые христіанскіе соціалъ-демократы, стремились къ примиренію и согласованію требованій массъ съ нуждами государства и церкви».

Въ виду такихъ заявленій главаря христіанско-соціальной партіи, должно признать справедливымъ мнѣніе Гёре, что съ возстановленіемъ самостоятельности партіи ничего въ сущности не измѣнилось: вмѣсто того, чтобъ представлять собою консервативную группу внутри нѣмецко-консервативной партіи, Штеккеръ и его друзья образуютъ теперь консервативную группу внѣ ея. И въ этомъ-то реакціонномъ характерѣ, который Штеккеръ придалъ партіи, Гёре видитъ ея главную ошибку.

Переходя къ дѣятельности евангелическихъ рабочихъ союзовъ и евангелическо-соціальнаго конгресса, который представляетъ нейтральный пунктъ, гдѣ сходятся всѣ разнообразные оттѣнки евангелическо-соціальнаго движенія, Гёре и тутъ отмѣчаетъ коренное противорѣчіе между пролетаріатскими и консервативными воззрѣніями, которое мѣшаетъ всякому цѣлостному и энергичному воздѣйствію на общество. Евангелическіе ферейны начали свое существованіе въ 1882 г. и теперь насчитываютъ около 80 тысячъ членовъ. До 1888 г. эти союзы были простымъ придаткомъ консервативной и, частью, національ-либеральной партіи, и члены ихъ почти на четверть состояли изъ пасторовъ, старшихъ учителей, чиновниковъ и болѣе крупныхъ работодателей. Мало-по-малу изъ конфессіональныхъ и воспитательныхъ кружковъ они превратились въ евангелическо-соціальные союзы и въ однихъ мѣстахъ (Вестфаліи, Пфальцѣ, Саксоніи и др.) примкнули къ консервативнымъ принципамъ Штеккера, въ другихъ же (въ средне-рейнскихъ провинціяхъ: Вюртембергѣ, Баденѣ) носили явственно-пролетаріатскій характеръ. И въ этихъ союзахъ, подъ различнымъ вліяніемъ Вебера и Науманна, рѣзко проявилась рознь между «стариками» и «молодыми», причемъ остались безрезультатны попытки къ примиренію, сказавшіяся въ компромиссной программѣ 1893 года. И эта рознь будетъ, по мнѣнію Гёре, фатальна для евангелическихъ союзовъ, пока ее не съумѣютъ рѣшительно преодолѣть.

Въ евангелическо-соціальномъ конгрессѣ Гёре видитъ то же самое основное противорѣчіе, которое такъ плохо вліяетъ на христіанско-соціальную партію и евангелическіе рабочіе союзы. Все болѣе и болѣе сталкиваются въ немъ два теченія: общественно-этическое, которое стремится на почвѣ церковной общины распространить примиряющее враждующіе классы евангельское міровоззрѣніе, и соціально-политическое, которое хочетъ организовать всѣхъ согласно мыслящихъ и принимающихъ евангелическо-соціальные принципы для политической борьбы за общественныя реформы. Одни хотятъ образовать стоящіе внѣ борьбы партій союзы, другіе—политическую партію, представляющую прежде всего интересы «маленькихъ людей».

Кромѣ этой, указываемой Гёре розни, евангелическо-соціальный конгрессъ далеко еще не достигъ прочнаго идейнаго единства.

Составъ конгрессовъ, вербуется изъ пасторовъ, составляющихъ добрую половину всѣхъ членовъ, профессоровъ, чиновниковъ, купцовъ, судей, а въ послѣдніе годы также много и интеллигентныхъ женщинъ. Недуховныя лица видятъ въ евангелическо-соціальномъ направленіи форму общественной дѣятельности, направленной къ поднятію массы народа. Однихъ привлекаетъ примѣръ католиковъ, показавшихъ, что церковь, какъ въ области благотворительности, такъ и въ болѣе широкой сферѣ соціальной политики все еще очень могущественный факторъ. Другіе видятъ въ священникѣ интеллигентнаго дѣятеля въ рабочихъ кварталахъ и особенно въ деревнѣ и радуются, что пасторъ не хочетъ больше «ѣсть съ богатыми и проповѣдывать бѣднымъ». Указанное Гёре противорѣчіе общественно-этическихъ и соціально-политическихъ тенденцій проявилось также въ рефератахъ послѣдняго конгресса. Такъ, проф. Соденъ не отрицаетъ, что ближайшая задача священника—чисто духовная дѣятельность и что участіе въ обсужденіи экономическихъ вопросовъ требуетъ спеціальныхъ знаній, которыхъ не можетъ быть у дилеттанта. Политическая борьба также имѣетъ свои неудобства, создавая священнику противниковъ среди собственныхъ прихожанъ. Если, такимъ образомъ, пастору никогда нельзя забывать объ обязанностяхъ, связанныхъ съ его служеніемъ, то, съ другой стороны, онъ еще меньше можетъ забыть, что идеальное содержаніе христіанства тѣсно связано съ служеніемъ бѣднымъ и страждущимъ. Адольфъ Вагнеръ видитъ громадное значеніе евангелическо-соціальнаго движенія въ примиреніи враждующихъ классовъ. «Мы не гоняемся за утопіями,—говорилъ онъ,—тѣмъ не менѣе, и мы не можемъ скрыть отъ себя, что намъ и нашимъ дѣтямъ придется разбираться съ сложными вопросами общественнаго устройства, требующими участія всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ націи. Почему же священнику стоять въ сторонѣ? Какъ ему молиться и учить молиться «не введи насъ въ искушеніе», если въ жизни искушеніе создается на каждомъ шагу съ одной стороны бѣдностью, съ другой—излишествомъ? Не касаться ему проблемъ бѣдности и богат-

ства—значитъ не понимать окружающаго, не имѣть ключа къ душамъ людей, ихъ волненіямъ и заботамъ». Пасторъ Науманнъ, въ которомъ большинство конгресса видитъ своего вождя, говорилъ: «надо перевести великое движеніе массъ изъ міра мечты въ міръ дѣйствительности... Наша вѣра слишкомъ далеко отдаляется отъ міра сего. Мы имѣемъ дѣло съ людьми, а не съ ангелами, и если протестантизмъ не даетъ доказательства, что его христіанство не останавливается передъ жертвами, что мы дѣйствительно видимъ въ человѣкѣ брата, и въ страждущемъ—страждущаго брата, мы никогда не пріобрѣтемъ симпатіи въ массахъ. Милліоны, отворачивающіеся отъ церкви, отворачиваются въ то же время отъ отечества... Вникнемъ въ причины, убивающія въ пролетаріи любовь съ отечеству и религіозныя чувства, тогда легче будетъ найти базисъ, на которомъ возможна плодотворная работа... Протестантскій священникъ, не вникающій въ нужды народа, останется ему чуждымъ навсегда и окажется такимъ же дурнымъ гражданиномъ, какъ служителемъ церкви».

Пусть извинятъ насъ читатели за слишкомъ длинныя выписки изъ рѣчей ораторовъ штутгартовскаго конгресса, но они являются хорошей иллюстраціей къ тезисамъ Гёре. Однако, онъ только вѣрно уловилъ самый фактъ существующаго противорѣчія; данныя же имъ объясненія и выводы далеко недостаточно обоснованы. Основная мысль Гёре, что евангелическо-соціальное движеніе призвано быть носителемъ идей новой крупной общественно-политической партіи, но не можетъ исполнить этого призванія, въ виду коренного противорѣчія до сихъ поръ присущихъ ему пролетаріатскихъ и консервативныхъ чертъ, эта мысль никоимъ образомъ не подтверждается исторіей движенія. Гёре не представилъ, по мнѣнію Брауна, никакихъ теоретическихъ доказательствъ того положенія, что евангелическо-соціальныя идеи могутъ, кромѣ своего религіознаго и нравственнаго значенія, еще послужить фундаментомъ для политической партіи и что эта партія можетъ явиться именно представительницей пролетаріата или «маленькихъ людей». Что прежде всего соединяетъ всѣхъ, примыкающихъ къ евангелическому движенію, это—христіанство. Какъ различны ни были бы религіозныя воззрѣнія каждаго отдѣльнаго сочлена, но общей связью всѣхъ служитъ Евангеліе. Конечно, и отсюда открывается дорога къ согласнымъ общественнымъ воззрѣніямъ. Какъ можетъ религіозно настроенный человѣкъ оставаться равнодушнымъ по отношенію къ нравственнымъ и матеріальнымъ нуждамъ общества, не чувствовать живѣйшаго побужденія вступиться для активной помощи! Но какъ бы страстно ни было нравственно-религіозное чувство, оно не можетъ замѣнить познанія, указывающаго путь политическаго дѣйствія. Поэтому-то общность религіозно-общественныхъ воззрѣній и не мѣшаетъ самой разнообразной партійной группировкѣ, и члены евангелическо-соціальнаго конгресса—этого вѣрнѣйшаго отраженія евангелическо-соціальнаго движенія—и со-

стоятъ изъ представителей всѣхъ политическихъ оттѣнковъ. «Евангелическо-соціальный» обозначаетъ, на самомъ дѣлѣ, только извѣстную религіозно нравственную атмосферу, а вовсе не опредѣленную линію практическаго воздѣйствія. И то, что является результатомъ теоретическихъ размышленій, подтверждается вполнѣ и исторіей евангелическаго движенія до послѣднихъ дней: оно еще ни разу не явилось въ видѣ самостоятельной политической партіи (о десятимѣсячномъ существованіи штеккеровской «рабочей партіи» было сказано выше), а всегда было только ферментомъ то одной, то другой, но преимущественно консервативной партіи.

Какова будетъ новая попытка самостоятельно организоваться на евангелическихъ началахъ, покажетъ будущее. Пока мы имѣемъ дѣло только съ начатками, съ чаяніями, надеждами на будущее. Переходя къ программной части своей книги, Гёре выставляетъ слѣдующія соображенія. Если евангелическо-соціальное движеніе хочетъ освободиться изъ своего фатальнаго положенія, оно прежде всего должно самымъ серьезнымъ образомъ считаться съ противорѣчіемъ своихъ двухъ направленій, общественно-этическаго и соціально-политическаго. Одно должно взять на себя чисто церковную, другое—чисто политическую работу, и оба должны дѣйствовать совершенно отдѣльно другъ отъ друга. Изъ политическаго евангелическо-соціальнаго направленія должна организоваться христіанская реформаторская партія всѣхъ «маленькихъ людей»,—партія, которая будетъ представлять интересы всѣхъ незаслуженно страдающихъ лучше, могущественнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ соціалъ-демократія. Изъ церковнаго же евангелическо-соціальнаго направленія должна образоваться свободная и ясно сознающая свои цѣли организація всѣхъ евангелическо-соціальныхъ стремленій въ болѣе тѣсномъ и собственномъ смыслѣ этого слова, евангелическо-соціальный конгрессъ будущаго, дѣйствующій на церковной почвѣ въ общественно-этическомъ и общественно-примирительномъ духѣ. Нужно выставить партію широкихъ реформъ противъ обѣихъ большихъ современныхъ партій, противъ группы буржуазныхъ партій и соціалъ-демократіи, потому что ни тѣ, ни другая не могутъ спасти общество. Новая партія должна поставить себѣ задачей осуществить и воплотить все нравственное и религіозное содержаніе евангелія въ хозяйственной и соціально-политической жизни народа, пріобщить всѣхъ людей ко всѣмъ благамъ культуры. Члены христіанско-соціальной партіи, евангелическихъ рабочихъ союзовъ, евангелическо-соціальнаго конгресса, недовольные изъ всѣхъ другихъ партій, интеллигенція, промышленные и сельско-хозяйственные рабочіе, мелкіе ремесленники, низшіе чиновники,—всѣ должны присоединиться и присоединятся къ этой партіи.

Пасторъ Науманнъ не ограничивается такими общими разсужденіями и пытается точнѣе обозначить задачи вновь образуемой партіи. Въ серединѣ 1896 г. онъ прочелъ въ Іеннѣ рядъ публичныхъ лекцій, при-

влекшій массу слушателей. Науманнъ высказывалъ увѣренность, что въ недалекомъ будущемъ можно будетъ основать политическую партію, девизомъ которой будетъ — коренная реформа народнаго хозяйства, соотвѣтственно естественнымъ законамъ развитія техники, экономическихъ и этическихъ условій. Отъ крайнихъ элементовъ Науманна отдѣляетъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію человѣчества. Не отрицая вліянія экономическихъ факторовъ, онъ рядомъ съ ними ставитъ и вѣчные нравственные законы, выраженные въ христіанствѣ и моральныхъ ученіяхъ. Всеобщее равенство въ его глазахъ также утопія. Различіе между трудомъ поденщика и, напр., трудомъ редактора газеты останется не только въ нынѣшнемъ, но и во всякомъ другомъ обществѣ. Также глубоко различіе между Науманномъ и крайними въ вопросахъ политическихъ. Какъ политики, молодые «евангелисты» стоятъ за національность и умѣренно-демократическое, но монархическое правленіе. Нисколько не защищая индивидуализма въ народномъ хозяйствѣ, Науманнъ однако сомнѣвается, чтобъ законы аграрнаго и промышленнаго развитія были тожественны. Его идеалъ—земля крестьянамъ; но весьма возможно, что мелкое крестьянское землевладѣніе и съ точки зрѣнія раціональной культуры имѣетъ преимущество передъ крупнымъ землевладѣніемъ. Въ воззрѣніяхъ на организацію рабочаго класса лекторъ вполнѣ сходится съ Брентано и его учениками, требующими полной свободы для профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Науманнъ однако расходится съ ними во взглядахъ на будущность ремесла и кустарныхъ промысловъ: онъ не считаетъ научнымъ содѣйствовать ихъ исчезновенію и даже надѣется придать имъ устойчивость товарищеской организаціей, созданіемъ сѣти производительныхъ и другихъ обществъ взаимнаго труда и взаимопомощи.

Генрихъ Браунъ подвергаетъ программныя мечтанія Гёре суровой критикѣ. *Желанія*, къ которымъ, въ концѣ концовъ сводится вся его программа, имѣютъ очень мало практическаго значенія, творческой силы, если они не являются результатомъ необходимаго историческаго развитія. Но именно послѣднее-то и забываетъ доказать Гёре, увлекшись мечтательнымъ, заглушающимъ всякія критическія размышленія энтузіазмомъ. Вѣдь невозможно же считать за доказательство такую фразеологію: «какъ соціалъ-демократія относится къ экономическому и политическому манчестерству, такъ молодое евангелическо-соціальное движеніе относится къ соціалъ-демократіи. Оно уничтожитъ ее, какъ та манчестерство» или «соціалъ-демократія демократична и республиканская, евангелическо-соціальное движеніе—монархично и преданно престолу, та—интернаціональна, это—національно, та—стремится къ соціальной революціи, это—къ общественнымъ реформамъ; та—матеріалистична и атеистична, это—христіанское». Гёре слишкомъ облегчаетъ себѣ задачу, чтобы убѣдить своихъ читателей, что пришло уже время для образованія новой партіи и именно такой, какая ему желательна,

онъ долженъ былъ указать, какія историческія явленія привели его къ этой мысли. Но онъ даже не пытается сдѣлать это, и получается такое впечатлѣніе, что основаніе новой партіи, главнымъ образомъ, зависитъ отъ наличности доброй воли нѣсколькихъ энтузіастовъ.

Несмотря на эти замѣчанія, взглядъ Брауна на возможность возникновенія новой партіи не такъ рѣшительно скептиченъ, какъ мнѣніе Шиппеля, статьей котораго о Гёре мы пользовались вначалѣ. Браунъ думаетъ, что такая партія въ той или иной формѣ можетъ народиться, и вліяніе ея, хотя и не такое, какъ мечтаетъ Гёре, но все же можетъ быть полезнымъ. Но онъ не можетъ объ этомъ пока ничего знать и потому не пускается по этому поводу ни въ какія спекуляціи. Однако, если принять во вниманіе намѣченныя Науманномъ практическія задачи и ту разношерстность современнаго общества, о которой мы упоминали въ предисловіи къ этому реферату, тогда шансы молодыхъ пасторовъ окажутся, пожалуй, болѣе благопріятными. Науманнъ поступилъ, какъ опытный политикъ, а не какъ энтузіастъ. Онъ выставилъ, какъ основные пункты программы, такія общественныя реформы и интересы тѣхъ общественныхъ слоевъ, которыми до сихъ поръ пренебрегали его противники, и желательная для него новая партія можетъ корениться не только въ мечтахъ отдѣльныхъ лицъ, но и въ ходѣ возможнаго историческаго развитія. Успѣхъ дѣятельности этой партіи будетъ обусловленъ тѣмъ, какъ ея организаторы поведутъ дѣло и въ какомъ направленіи разовьется уже начавшаяся эволюція взглядовъ ихъ противниковъ. Напирая на интересы крестьянъ и ремесленниковъ, Науманнъ нащупалъ больныя мѣста современнаго общественнаго организма. Конечно, предлагаемыя имъ мѣры, общій строй его воззрѣній не выдерживаютъ строгой научной критики. Но упорство въ догмахъ со стороны его противниковъ, пренебреженіе интересами всѣхъ, кто не принадлежитъ къ промышленному пролетаріату, можетъ доставить молодому евангелическому движенію ту именно историческую почву, въ которой оно нуждается.

М. Рафаиловъ.

ШКОЛЯРЫ.

(СЦЕНЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ).

I.

Еще рано, на дворѣ темь, ни зги не видно, а школьный сторожъ, Мосей, уже всталъ, приволокъ со двора старновки и затопилъ печь. Веселый трескъ огня наполнилъ и оживилъ полутемную, холодную школу, и сѣдые клубы морознаго пара, ворвавшіеся въ дверь, проникли во всѣ щели перегородки, за которою жила «учителька», забрались подъ одѣяло и разбудили крѣпко спавшую молодую дѣвушку. Она открыла заспанные глаза, недовольно посмотрѣла вокругъ и, съежившись, опять укрылась одѣяломъ, чтобы «доспать». Но не тутъ-то было: неугомонный Мосей началъ ставить самоваръ и окончательно прогналъ сонъ. Онъ всегда дѣлалъ это шумно и со многими приключеніями: во-первыхъ, вытрясъ самоваръ и уронилъ крышку, которая съ грохотомъ покатилась подъ печку; потомъ принесъ обледенѣлое ведро съ водой и налилъ самоваръ, по обыкновенію забывъ завернуть кранъ,—холодная вода съ журчаньемъ потекла по полу, подъ парты, за перегородку...

— О, будь ты неладно!—ворчалъ Мосей, и съ тряпкой принялся елозить по полу.

— Ахъ, ты, Господи!—вздыхала «учителька», ежась подъ одѣяломъ и затыкая уши, чтобы не слышать этой возни.

А Мосей снялъ уже съ себя огромный чоботъ и изо всей силы раздуваетъ самоваръ. Искры сыплются, раскаленные угли трещатъ, огонь гудитъ въ трубѣ, пожирая связки соломы, и блѣдно-голубой зимній разсвѣтъ начинаетъ заглядывать въ замерзшія окна.

— Александра Митревна! Вставайте!—кричитъ Мосей, стуча кулаками въ перегородку.

Александра Дмитріевна молчитъ.

— Вставайтежъ, бо ужъ время! Сейчасъ хлопцы будутъ собираться!

«А вотъ не встану!» думаетъ учительница и съ головой укутывается одѣяломъ.

Перегородка трещитъ и шатается подъ усердными ударами Мосея.

— Да ну бо, вставайте же! И самоваръ уже утекъ! Слышите?

— Да слышу, слышу, слышу!—сердито откликается, наконецъ, Александра Дмитріевна.—Ну, что это такое, Господи ты Боже мой? Ну что, что?

— Какъ что? Вставать надо, вотъ что!

— Извергъ ты, Мосей! Еще темно, рано...

— Гдѣ же рано, когда свѣтъ во всѣ окна, и хлопцы уже бѣгутъ...

Дѣйствительно, въ сѣняхъ послышались голоса, смѣхъ и топотъ многихъ ногъ. Надо вставать.

Ученики, между тѣмъ, собирались. Дверь безпрестанно отворялась и затворялась; ребята въ полушубкахъ, въ шапкахъ, съ подвязанными ушами, съ холщевыми сумками черезъ плечо, въ которыхъ вмѣстѣ съ ломтями хлѣба болтались буквари, толкаясь, переругиваясь, стуча ногами, разсаживались по мѣстамъ. Одни, болѣе аккуратные, обивали у порога снѣгъ съ сапоговъ; другіе, усѣвшись, вынимали изъ сумокъ ломти хлѣба и закусывали; нѣкоторые, побойчѣе, забирались на парты и, отыскавъ щелку, заглядывали за перегородку, что дѣлаетъ «учителька»? Александра Дмитріевна отъ этихъ любопытныхъ взоровъ уже всякія мѣры принимала: завѣшивалась платками, заклеивала бумагой дырки, и все-таки малыши не унимались и находили способы наблюдать за «учителькой».

— Сенька, не толкайся!.. Я учителькѣ скажу... Что она дѣлаетъ?.. Умывается... А теперь чай пьетъ... Не замай, говорю!.. Ой, ногу отдавили... Пусти... Здравствуйте, Александра Митревна!

Послышался смѣхъ, кого-то толкнули, кто-то съ шумомъ упалъ съ парты.

— Тише, тише вы!—крикнула учительница, стуча въ перегородку.

Шумъ затихъ; ученики занимали свои мѣста, доставали книжки, грифельныя доски и раскладывали ихъ по партамъ. Дежурный, Иванъ Черныхъ, первый ученикъ старшей группы, стеръ съ доски и приготовилъ мѣлки. Всѣхъ учениковъ въ школѣ было около 70 человѣкъ; младшая группа, самая многочисленная—такъ называемые «звуковики»—занимала одну половину школы; на другой сторонѣ сидѣли среднее отдѣленіе и старшая группа, изъ которой 8 человѣкъ готовились къ весеннему выпускному экзамену. Это былъ самый серьезный и солидный элементъ школы; они держали себя особнякомъ, шалили умѣренно, наблюдали за порядкомъ и къ звуковикамъ относились свысока.

Самому старшему изъ нихъ, Ѳедору Будякову, уже 16 лѣтъ. Это высокій, стройный мальчикъ съ черными кудрявыми волосами и красивымъ спокойнымъ лицомъ. Онъ одѣтъ въ новый полушубокъ, подпоясанный зеленымъ шерстянымъ кушакомъ; на ногахъ у него хорошіе сапоги, обильно смазанные дегтемъ. Держится онъ съ большимъ достоинствомъ и разыгрываетъ изъ себя совсѣмъ взрослаго парня.

Товарищи зовутъ его «женихомъ», потому что Будяковъ посѣщаетъ уже посидѣлки и ходитъ «на улицу», т. е. участвуетъ въ дѣвичьихъ хороводахъ. Но Будяковъ къ насмѣшкамъ товарищей равнодушенъ и на задиранія ихъ не отвѣчаетъ. Онъ никогда не ругается, не дерется, когда къ нему пристаютъ и дразнятъ его; онъ всегда ровенъ, спокоенъ и молчаливъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго высокомѣрія. Отецъ его самый богатый мужикъ въ селѣ и занимается скупкой скота; Ѳедоръ, какъ только получитъ «льготу», т. е. свидѣтельство объ окончаніи курса въ школѣ, тоже будетъ гонять гурты, возить откормленный скотъ въ Москву и наживать деньги. Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ думаютъ, но что думаетъ самъ Ѳедоръ—неизвѣстно. Онъ всегда молчитъ, и никто не знаетъ, о чемъ онъ думаетъ. Даже когда его ругаютъ «шибаенкомъ» и кричатъ ему вслѣдъ: «что, шкуроѣды, много, небось, съ тятькой денегъ-то награбастали!» онъ и тогда молчитъ и смотритъ вокругъ себя непроницаемымъ взглядомъ. Сама Александра Дмитріевна часто смущается передъ этимъ взглядомъ и никакъ не можетъ понять Будякова и его мыслей. Ѳедоръ же всегда смотритъ такъ, какъ будто понимаетъ ея мысли о немъ, и это еще болѣе ее смущаетъ. Въ школѣ его не любили, задушевныхъ пріятелей у него не было, и только одинъ Макаръ Черлянцевъ почему-то льнулъ къ нему и на занятіяхъ садился всегда рядомъ съ нимъ.

Макаръ Черлянцевъ былъ некрасивый золотушный парень лѣтъ 15, съ красными гноящимися глазами безъ рѣсницъ, съ землистымъ, отечнымъ отъ плохого питанія лицомъ, съ желтыми жидкими волосами, торчавшими во всѣ стороны на его большой четырехугольной головѣ. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій сермяжный зипунъ съ заплатами и прорѣхами, изъ которыхъ выглядывала такая же дырявая синяя рубаха; на ногахъ у него были стоптанные лапти и онучи, перевитыя веревкой. Мать его была бобылка, жила гдѣ-то на околицѣ, въ развалившейся избенкѣ, и зимой ходила «въ кусочки», а лѣтомъ нанималась на поденщину и тѣмъ кое-какъ существовала. Нерѣдко и Макару приходилось надѣвать суму, поэтому онъ посѣщалъ школу неаккуратно и учился уже шестой годъ. Вообще изъ-за школы ему пришлось вынести много непріятностей,— и одежды не было, и мать его часто била за то, что онъ вмѣсто того, чтобы побираться, сидитъ зря въ училищѣ,—но, несмотря на всѣ эти препятствія, Макаръ продолжалъ упорно учиться и съ грѣхомъ пополамъ дотянулъ-таки до «льготы». Его тянуло въ школу, и онъ часто убѣгалъ туда изъ дому потихоньку отъ матери. Ему нравилась школьная обстановка, нравилось многолюдство, товарищество; онъ любилъ этотъ веселый гамъ ребячьихъ голосовъ, веселую возню, веселыя игры въ перемѣну, и хотя самъ не принималъ въ нихъ участія, потому что былъ застѣнчивъ, но всегда съ удовольствіемъ наблюдалъ за играющими, стоя гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и тихо улыбаясь. Въ эти минуты онъ на время забывалъ всю свою горькую долю, голодное житье, го-

лодную бѣдность, унизительное нищенство подъ окошками и, глядя на другихъ, мысленно представлялъ себя такимъ же, какъ и всѣ... Но больше всего онъ любилъ Ѳедора Будякова и учительницу; по его мнѣнію, это были самые лучшіе люди на свѣтѣ, и за нихъ онъ пошелъ бы въ огонь и въ воду. Но чувства, которыя онъ питалъ къ этимъ лицамъ, были различны. Учительницу онъ просто любилъ за то, что она была къ нему ласкова, часто оставляла его въ школѣ послѣ занятій, кормила обѣдомъ и поила чаемъ, дарила ему книжки, а однажды даже сшила рубаху; Ѳедора же Будякова онъ не столько любилъ, сколько обожалъ. Все въ Будяковѣ казалось ему необыкновеннымъ и привлекательнымъ, и его красота, и серьезность, и хорошая одежда, но главное то, что Будяковъ такой красивый, богатый, умный, снисходитъ къ нему, не гнушается «водиться» съ нищимъ, въ школѣ садится рядомъ съ нимъ, по улицѣ ходитъ вмѣстѣ и никогда, ни разу, не посмѣялся надъ нимъ и не назвалъ его «побирашкой», какъ другіе ребята... Вотъ этого Макаръ никакъ не могъ понять и за это преклонялся передъ сыномъ шибая.

По сосѣдству съ Черлянцевымъ и Будяковымъ сидѣлъ Иванъ Черныхъ—«первый ученикъ»—худенькій мальчикъ, съ бѣлымъ веснусчатымъ лицомъ, свѣтлыми волосами и свѣтлыми дѣтскими глазами. Ему было уже 12 лѣтъ, но онъ казался совсѣмъ ребенкомъ. Говорилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, часто улыбался и при этомъ немножко кривилъ губы, любилъ читать и разсказывать о прочитанномъ, вообще любилъ поговорить и пофилософствовать. Онъ вѣчно что-нибудь разсказывалъ или спрашивалъ, и часто Александра Дмитріевна, гуляя по вечерамъ, слышала знакомый тоненькій голосокъ, доносившійся изъ группы ребятишекъ, собравшихся на завалинкѣ. Это ужъ навѣрное Иванъ Черныхъ повѣствовалъ о чемъ-нибудь—либо о звѣздахъ, на которыя онъ очень любилъ заглядываться, либо о какой-нибудь занятной книжкѣ, которую дала почитать «учителька», либо просто о разныхъ домашнихъ дѣлахъ и событіяхъ, имѣющихъ особенный интересъ.

На слѣдующей партѣ сидѣли двоюродные братья—Сикидины, Григорій и Михаилъ. Они оба были изъ огромной крестьянской семьи, еще не знавшей раздѣла и сохранившей патріархальные нравы и обычаи. Все у Сикидиныхъ было свое, — хлѣбъ, скотина, холсты, овчины; ребята были сытые, здоровые, одежда на нихъ грубая, но крѣпкая, и на завтракъ въ школу они всегда приносили съ собой огромные ломти сала, или лепешки съ творогомъ, или пшенныхъ блиновъ съ яйцами. Особеннымъ уваженіемъ пользовался Григорій Сикидинъ, хотя онъ и былъ моложе брата. Низенькій, приземистый, съ черными, какъ смоль, густыми волосами, остриженными на подобіе шапки, съ смуглымъ румянымъ лицомъ, густо усѣяннымъ крупными коричневыми веснушками, Григорій отличался необычайной подвижностью и вертлявостью. Онъ не могъ спокойно посидѣть на мѣстѣ, постоянно ерзалъ по скамьѣ, ко

всему прислушивался, во все вмѣшивался, все подмѣчалъ, всѣхъ задиралъ и не мало хлопотъ доставлялъ учительницѣ своимъ неугомоннымъ характеромъ. Маленькіе, живые, каріе глазки его такъ и бѣгали по сторонамъ; вздернутый носикъ вѣчно былъ на сторожѣ, какъ у звѣрка; выраженіе лица было плутоватое, задорное и смышленое. Во всѣхъ школьныхъ дѣлахъ, играхъ и проказахъ онъ былъ первымъ затѣйникомъ и заправилой. Завязывалась ли какая-нибудь драка или устраивались кулачки, Гришка, глядь, ужъ тутъ, впереди всѣхъ, и шумитъ, и суетится, разставляетъ «стѣнки», опредѣляетъ условія, судитъ, рядитъ...

Михаилъ Сикидинъ ничѣмъ не походилъ на своего брата. Это былъ высокій, неповоротливый, здоровенный малый съ лѣнивыми движеніями и равнодушнымъ взглядомъ большихъ голубыхъ глазъ. Все онъ дѣлалъ какъ будто нехотя, учился плохо, читалъ съ запинками и даже подняться со скамьи ему, повидимому, было страшно трудно, такъ неохотно и съ такимъ отвращеніемъ на лицѣ онъ это дѣлалъ. Когда его вызывали къ доскѣ дѣлать задачи, на него просто противно было смотрѣть. Лицо его принимало тупое, животное выраженіе, глаза смотрѣли сонно, мѣлокъ валился изъ рукъ и весь онъ какъ-то опускался и осѣдалъ на земь, точно мѣшокъ. Но такимъ онъ былъ только въ школѣ; выйдя на улицу, Михаилъ совершенно преображался. Уже на крыльцѣ онъ пріободрялся, плотно затягивалъ кушакъ и, нахлобучивъ шапку, изо всѣхъ силъ, чуть не бѣгомъ, спѣшилъ домой. Дома, наскоро поѣвши, онъ сейчасъ же снова одѣвался и бѣжалъ на дворъ осмотрѣть лошадей, коровъ, словомъ «по хозяйству». Къ школѣ и къ ученью Михайло относился равнодушно и давно бы бросилъ это дѣло, если бы не «льгота».

Рядомъ съ Гришкой сидитъ его закадычный другъ и пріятель, Митька Журавлевъ, по прозванію «Кочетъ», т. е. пѣтухъ. И дѣйствительно, Митька очень похожъ на пѣтуха съ своимъ торчащимъ постоянно кверху рыжимъ хохолкомъ, востренькимъ носикомъ и круглыми желтыми глазами. Онъ тоже очень живой, веселый мальчикъ, плясунъ, пѣсенникъ и мастеръ играть на жилейкахъ. Въ семьѣ у него живутъ очень бѣдно, часто хлѣба не бываетъ и самъ онъ одѣтъ въ какія-то лохмотья, но веселая улыбка до ушей не сходитъ у него съ лица и до всякихъ шалостей онъ большой охотникъ. Съ звуковиками онъ постоянно воюетъ и они его терпѣть не могутъ; учительница уже нѣсколько разъ наказывала его за то, что онъ обижаетъ маленькихъ, но Кочету неймется. Учится онъ хорошо, бойко, но урывками, въ промежуткахъ между пѣснями и шалостями. Когда онъ играетъ на жилейкахъ, его собираются слушать даже взрослые, и тогда Митька на седьмомъ небѣ. Онъ и играетъ, и приплясываетъ, и весь ходитъ ходуномъ. «Ай да Кочетъ! Вотъ такъ Кочетъ!» говорятъ слушатели, а Митькѣ этого и надо, это ему нравится. Онъ любитъ обращать на себя вниманіе, любитъ, чтобы его хвалили, на него глядѣли и не прочь прихвастнуть.

Былъ у Митьки и еще одинъ талантъ—онъ отлично читалъ вслухъ

и умѣлъ подражать разнымъ голосамъ. Особенно хорошо у него выходили Крыловскія басни, и въ школѣ наступалъ настоящій праздникъ, когда Александра Дмитріевна заставляла Кочета сказать какую-нибудь басню. Уморительныя ужимки Мартышки, примѣряющей очки, умильную ласковость лисы, простодушную глупость медвѣдя—все это Кочетъ передавалъ въ совершенствѣ, и школа дрожала отъ дружнаго дѣтскаго хохота. Гришка даже визжалъ отъ восторга и больше обыкновеннаго вертѣлся и елозилъ по скамьѣ; звуковики и тѣ навостряли уши, влѣзали на парты, чтобы лучше слышать и видѣть, и старались поближе протиснуться къ Митькѣ.

Наконецъ, на третьей партѣ сидятъ двѣ дѣвочки — Таня Шаблыкина и Лиза Родіонова. Таня — высокая, смуглая, съ широкими черными, сросшимися надъ переносицей, бровями, которыя придаютъ ея лицу трагическое, не дѣтское выраженіе; Лиза — бѣлокурая, золотушная, плаксивая. Обѣ дѣвочки, затерянныя среди шумной толпы мальчиковъ, держатся особнякомъ и робко жмутся другъ къ другу. Мальчики относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, всячески обижаютъ ихъ, иногда колотятъ; особенно Гришка Сикидинъ. Но Таня въ обиду не дается и за подругу стоитъ горой. Когда къ ней очень начинали приставать, она вся ощетинивалась, черныя брови ея сдвигались еще болѣе, глаза разгорались, бѣлые зубы оскаливались и обидчики отходили отъ нея прочь. «У-у! волчиха!» говорили они. Но по большей части она отмалчивалась и ко всякимъ насмѣшкамъ относилась съ презрѣніемъ. Вообще, она была молчалива и скрытна, училась старательно, имѣла красивый почеркъ и любила читать божественныя книжки.

Лиза была дочь кабатчика и мальчишки дразнили ее «шкаликомъ», чаще же всего «Цаплей» за ея длинный, красный носъ и длинныя, тощія ноги, торчавшія изъ подъ коротенькаго платья. На эти обидныя клички она только сопѣла, а иногда принималась хныкать. Вялая, медлительная, флегматичная, она училась слабо, но зато ей давалась ариѳметика и она дѣлала задачи быстрѣе и лучше «перваго ученика». Александра Дмитріевна называла ее «математикомъ» и всегда заставляла провѣрять задачи, невѣрно сдѣланныя другими. Цапля выходила, предварительно тянула въ себя носомъ и твердо, красиво, безъ единой ошибки, дѣлала задачу. Мальчикамъ это было очень обидно, и они, уязвленные въ своемъ мужскомъ самолюбіи, никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что какая-то «паршивая» дѣвчонка, «баба», да еще «Цапля», знаетъ ариѳметику лучше ихъ. Между ними и Лизой шло вѣчное соревнованіе, и Гришка Сикидинъ изо всѣхъ силъ выбивался, чтобы поймать когда-нибудь цаплю въ ошибкѣ. Когда она дѣлала задачи на доскѣ, онъ вертѣлся, шмыгалъ изъ стороны въ сторону, дѣлалъ вслухъ разныя замѣчанія язвительнаго свойства и, наконецъ, не выдерживалъ, вскакивалъ и поднималъ руку въ знакъ того, что желаетъ что-то объяснить.

*

— Александра Митревна, она невѣрно сощела!

— Не сощела, а сочла.

— Ну, сочла, а только невѣрно!

— Въ чемъ же невѣрно? Иди, поправь.

Гришка бросался къ доскѣ и начиналъ, захлебываясь отъ радостнаго волненія, объяснять ошибку Лизы. Но въ концѣ концовъ онъ спутывался, сбивался и, посрамленный, возвращался на свое мѣсто; оказывалось, что ошибка-то была не у Лизы, а у него... Лиза только молча взглядывала на него своими красными глазами и потянувъ носомъ, продолжала дѣлать задачу, которую и рѣшала блистательно. А обиженный Гришка съ завистью смотрѣлъ на дѣвочку и мысленно давалъ себѣ слово непремѣнно отколотить ее «ужотка», когда кончится ученье, и «волчихи» не будетъ... Таню онъ таки побаивался, потому что она была выше его ростомъ, сильнѣе и не разъ трепала его «за виски».

II.

На школьныхъ часахъ пробило 8, сейчасъ выйдетъ учительница. Всѣ разсѣлись по мѣстамъ, только Кочетъ тихонько пролѣзъ подъ столомъ и что-то малюетъ на доскѣ мѣломъ. Дѣвочки о чемъ-то между собою шушукаются, и Гриша Сикидинъ давно уже поглядываетъ на нихъ, придумывая, чѣмъ бы ихъ донять.

— Нынче Александра Митревна сочиненія будетъ читать!—наконецъ, говоритъ онъ —Посмотримъ, чего Цапля написала.

Цапля заморгала и устремила безмолвный взглядъ на подругу. Таня сейчасъ же выступила на подмогу.

— Ты молчи, чубастый, самъ-то небось хорошо написалъ!

— Я-то написалъ, а ты чего лѣзешь? Я съ тобой не разговариваю, волчиха зубатая!

— А не разговариваешь, такъ и молчи! Больно ты нужонъ!

— Будя тебѣ! — лѣниво говоритъ Михайло Сикидинъ. — Связался съ бабами...

И, развернувъ передъ собой истрепанную книжку, онъ начинаетъ глубокомысленно водить по строкамъ корявымъ пальцемъ и читаетъ нараспѣвъ: «и... было... у него... двѣнадцать... сыновей»...

Тѣмъ временемъ Кочетъ кончилъ свою мазню на доскѣ и объявляетъ: «Ребята, глядите, Цапля!»

На доскѣ нарисовано какое-то странное существо съ длиннымъ носомъ, отъ котораго книзу тянутся длинныя нити; двѣ черточки, оканчивающіяся пятью коротенькими черточками, изображаютъ растопыренныя руки; въ такомъ же родѣ и ноги. Каррикатура очень не затѣйливая, но школяры приходятъ въ неописанный восторгъ. Звуковики взбираются на парты; Гришка визжитъ и подскакиваетъ; дружный смѣхъ оглашаетъ школу.

— Цапля! Цапля!—слышатся крики со всѣхъ сторонъ.

— Это она, братцы, задачу дѣлаетъ! Ишь, руки-то растопырила!..

— Гляди, гляди, эка носище-то! Чистая Цапля!

Шумъ, хохотъ, возня... Бѣдная Цапля начинаетъ всхлипывать и сморкаться; Таня, при видѣ слезъ обиженной подруги, перетягивается черезъ парту и дергаетъ Гришку за чубъ. Иванъ Черныхъ своимъ тоненькимъ голоскомъ тщетно силится водворить порядокъ. Вдругъ дверь отворяется и входитъ учительница. Кочетъ моментально стираетъ съ доски изображеніе Цапли, шмыгаетъ подъ столъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сидитъ на своемъ мѣстѣ, скорчивъ самую умильную рожицу изъ крыловскаго репертуара. Звуковики, стуча сапогами, перелѣзаютъ черезъ головы товарищей и занимаютъ свои мѣста, потомъ всѣ встаютъ и кричатъ:

— Здравствуйте, Александра Митревна!

— Что это за шумъ у васъ? Родіонова, ты опять плачешь? Сикидинъ, какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь, ты въ старшемъ отдѣленіи, а шалишь, какъ маленькій.

— Это не я, Александра Митревна! — смиренно заявляетъ Сикидинъ.—Я не балуюсь, а меня Танька сейчасъ за виски дернула!

— Таня, что же это ты дѣлаешь?

Таня молчитъ вся красная, съ насупленными бровями.

— Нехорошо. Развѣ тебѣ хочется быть наказанной?

Таня встаетъ.

— А онъ чего дразнится? — мрачно говоритъ она, уставивъ свои сверкающіе глаза на черный затылокъ Гришки.—Онъ не дразнись...

Водворяется тишина. Иванъ Черныхъ прочитываетъ молитву, потомъ всѣ хоромъ поютъ «Достойно». Порядокъ этотъ завелъ въ школѣ дьяконъ, большой любитель и знатокъ пѣнія, и ребятишки очень любятъ пѣть. Особенно выдѣляется чистый и свѣжій дискантъ Кочета, старательно выводящаго каждую ноту; Михайло Сикидинъ гудитъ, какъ шмель, стараясь пѣть басомъ, но вретъ немилосердно; Макаръ Черлянцевъ поетъ съ чувствомъ, закрывъ глаза и вытянувъ шею.

Кончили пѣть. Учительница заняла свое мѣсто и положила передъ собою тоненькую пачку тетрадокъ.

— Сочиненія...—шепнулъ Гришка, настороживъ свой носикъ.

— Александра Митревна, а я нынче какую пти-и-ицу видѣлъ!— раздался вдругъ среди тишины пѣвучій голосокъ перваго ученика.

Гришка сдержанно фыркнулъ и толкнулъ Кочета ногой. У многихъ на лицахъ появилась насмѣшливая улыбка, — эка что, съ птицей выскочилъ!..

— Самъ то ты птица!—проговорилъ Гришка.

— Какую птицу?—спросила учительница.

— Махонькая, вотъ эдаконькая! Да пры-ыгаетъ, да сѣ-ѣрая, да клюе-етъ!

Всѣ вдругъ заинтересовываются, и Гришка первый:

— Да ты ее гдѣ видѣлъ-то?—озабоченно спрашиваетъ онъ.

— У насъ на дворѣ. Носикъ во-остренькій!

— Такъ это овсянка!—слышатся замѣчанія.

— Снигирь!

— Ври! У снигиря шея красная!

— Перепелка!

— Зимой-то? Эка что сказалъ!

— Во-ло-бе ей!—пищитъ кто-то изъ звуковиковъ.

Опять шумъ и смѣхъ; учительница стучитъ линейкой по столу, и порядокъ возстановляется. Рѣшили, что птица, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ, овсянка, и приступили къ занятіямъ. Александра Дмитріевна задала работу звуковикамъ и среднему отдѣленію, а сама перешла къ старшимъ. Таня вдругъ вся вспыхнула, — у учительницы въ рукахъ была ея тетрадка, а Гришка исподтишка толкнулъ ее подъ столомъ ногой и прошепталъ: «вотъ она-те сейчасъ задасъ!»

«Милые мои родители, тятенька и маменька (имя рекъ!) — начала читать учительница. — Извѣщаю я васъ при этой оказіи, что живу я, слава Богу, теперича въ Воронежѣ, при мѣстѣ, жалованья получаю 5 рублей въ мѣсяцъ, харчи готовые, а обувка-одежа своя! Хозяева добрые, не обижаютъ, и работы не дюже много! А вамъ посылаю отъ себя въ гостинецъ 12 цѣлковыхъ и прошу я васъ купить корову, безъ коровы-то и вовсе плохо, а сама я живу ничего, въ добромъ здоровьи, чего и вамъ желаю отъ всего сердца. Остаюсь извѣстная вамъ дочь ваша, Татьяна Шаблыкина».

Форма письма для сочиненія была выбрана не случайно; Александра Дмитріевна, чтобы пріучить дѣтей къ самостоятельнымъ письменнымъ работамъ, часто задавала имъ описать какое-нибудь деревенское происшествіе, свадьбу, пожаръ и т. д., но большинство почему-то всегда писало эти сочиненія въ видѣ писемъ, адресованныхъ на ея имя. Поэтому въ этотъ разъ она заставила дѣтей вообразить себя тѣмъ, чѣмъ они желали бы быть, и описать свое новое житье въ письмахъ къ роднымъ.

— Хорошо, Таня! — сказала учительница, возвращая тетрадку. — Складно написала, и ошибокъ нѣтъ, только зачѣмъ же «теперича?» Такъ писать нельзя.

— «Теперича»!—фыркнулъ неугомонный Гришка.—Э-эхъ ты! «Теперь» надо, а не «теперича»!

— Подожди, подожди!—остановила его учительница. — Сейчасъ и до тебя доберусь!

Гришка притихъ и сдѣлалъ видъ, что онъ совсѣмъ ничего, сидитъ смирнехонько...

— Ну, а ты, Лиза, совсѣмъ плохо написала! — продолжала Александра Дмитріевна, обращаясь къ Цаплѣ.—Что ни слово, то ошибка,

и придумать ничего не съумѣла! Впрочемъ, правду написала... «Милые мои родители!.. Учусь я плохо, больно трудно учиться. Молитвы больно трудно, и священную исторію, и писать трудно. А задачи ничего, а батюшка все ругается и говоритъ: ты лѣнтяйка. А я не лѣнтяйка, а больно трудно. Больше ничего. Кланяюсь вамъ дочь ваша Лизавета Родіонова». На боку приписка: «а мальчишки здѣсь всѣ злющіе, а лучше всѣхъ Таня Шаблыкина».

— Ишь ты, кляуза!—проворчалъ Гришка, косясь на Цаплю, такъ искренно и наивно излившую свои горести въ письмѣ къ родителямъ.— Погоди, шкаликъ, я тебѣ дамъ...

— Григорій!—позвала его учительница.

Гришка вскочилъ, обдергивая на себѣ рубашку.

«Любезный мой тятенька, Абрамъ Трифонычъ, и любезная маменька, Прасковья Гавриловна! Шлю я вамъ нижайшій поклонъ и прошу родительскаго благословленія, навѣки нерушимаго. Поступилъ я на службу, на залезную дорогу, а только хочу уйтить, потому начальство строгое и больно безпокойно, взыски каждый день, и по васъ я шибко скучился. Возьмите меня опять къ себѣ, въ деревнѣ у насъ лучше всего, опять я буду съ дѣдушкой лапти плесть, а съ Мишкой буду ѣздить въ ночное. По гробъ любящій сынъ вашъ, Григорій».

На широкомъ лицѣ Михайла засіяла улыбка,—конецъ Гришкина «сочиненія» ему очень понравился. Еще бы плохо въ ночное ѣздить!.. Онъ даже крякнулъ отъ удовольствія.

— Вотъ ты смѣялся надъ Таней,—сказала учительница,—а самъ пишешь «залезная» вмѣсто «желѣзная», и потомъ «уйтить», «скучился»... Развѣ такъ пишутъ?

— Это я, Александра Митревна, нечаянно!—скороговоркой оправдывался Гришка.—А я умѣю! Право слово, умѣю!

— Ну, пойди, на доскѣ напиши, какъ надо.

Гришка юркнулъ къ доскѣ и, написавъ: «железная», «уйти», остановился. Онъ не умѣлъ написать «соскучился», и ожесточенно зачесалъ въ затылкѣ.

— Не такъ, не такъ,—послышались голоса.—Ять нужно! Александра Митревна, я знаю! Меня спросите, Александра Митревна!

— Тише, тише, по порядку!

Поднимается нѣсколько рукъ. Учительница вызываетъ Макара Черлянцева, и онъ весь красный отъ удовольствія и гордости выводитъ «со-ску-чился», «уйдти»... Сконфуженный Гришка возвращается на мѣсто.

— Что, съѣлъ?—шепнула ему Таня.

Гришка молча показалъ ей кулакъ.

— Черлянцевъ!—продолжала учительница и начала читать: «Любезнѣйшей моей маменькѣ отъ любящаго сына, Макара Петровича, письмо. Житіе мое хорошее, живу я въ монастырѣ и, слава Богу, доволенъ. Ѣда хорошая, всего вволю, и въ кельѣ у меня хорошо. Ежечасно молю Бога о вашемъ здравіи и прошу я васъ ко мнѣ пріѣхать.

Каждый день бываю у заутрени, у обѣдни и у вечерни, а пришедши изъ церкви, читаю Божественное Евангеліе. Очень у насъ хорошо, а объ васъ я часто думаю, кабы и вамъ было такъ же хорошо, какъ и мнѣ. Кланяйтесь отъ меня всѣмъ сосѣдямъ, и учительницѣ нашей, Александрѣ Дмитріевнѣ, нижайшій поклонъ отъ меня, и Ѳедору Гавриловичу Будякову поклонъ, и пишите о себѣ, какъ вы живете. А затѣмъ прощайте. Любящій сынъ Вашъ, Макаръ Петровичъ Черлянцевъ».

— Хорошо! — сказала учительница, отдавая Макару тетрадку. — Только что же это ты вдругъ отъ насъ въ монастырь захотѣлъ уйдти?

— Монахъ! монахъ! — съ сдержаннымъ смѣхомъ шептали на скамьяхъ, когда Макаръ садился на свое мѣсто. Но Макару это все равно; онъ на седьмомъ небѣ; учительница его похвалила, и счастливый онъ бережно держитъ въ рукахъ свою тетрадку, на которой краснымъ карандашемъ сдѣлана отмѣтка: «хорошо». Макаръ не можетъ наглядѣться на эту отмѣтку и все время держитъ тетрадку такъ, чтобы ему было ее видно.

Между тѣмъ на партахъ старшаго отдѣленія оживленіе все увеличивалось. Всѣ были возбуждены, заинтересованы и съ нетерпѣніемъ ожидали чтенія слѣдующихъ сочиненій.

— Будяковъ!

Тотъ всталъ величественно, красиво встряхнулъ кудрявой головой и устремилъ на учительницу свои непроницаемые глаза.

— Что же это ты такое написалъ, Будяковъ? — «Итакъ, всѣ вы, страждущіе и неимущіе, и оплакивающіе свою долю, не завидуйте тѣмъ, кого вы называете счастливцами, ибо счастливцевъ нѣтъ на свѣтѣ. Всякій изъ человѣковъ есть жертва бѣдствія, которое ходитъ по людямъ, потрясая слабыхъ, поражая виновныхъ, угрожая мужественнымъ»...

— Что это такое?—съ недоумѣніемъ спросила учительница.—И откуда ты это взялъ?

— Я изъ книги списалъ,—неохотно отвѣчалъ Будяковъ.

— Изъ какой книги?

Будяковъ молчалъ.

— И почему непремѣнно ты выписалъ это? Понравилось тебѣ, что ли?— допытывалась учительница.

Будяковъ продолжалъ упорно молчать. Учительница пожала плечами.

— Не понимаю ничего! На вотъ твою тетрадку и напиши мнѣ въ слѣдующій разъ, что я задавала. А это не сочиненіе! Эдакъ и звуковики напишутъ изъ книги-то! Можетъ быть, ты пошутить захотѣлъ? Такъ это очень жаль. Въ школѣ не шутятъ, а учатся, и ты не маленькій,—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончишь курсъ! Нехорошо, Будяковъ, очень нехорошо!

Будяковъ взялъ свою тетрадку и, не сказавъ ни слова, сѣлъ. — «Вотъ такъ, братцы, написа-алъ!» пронесся смѣшливый шопотъ по скамьямъ. Но Будяковъ даже и не оглянулся. Ни слова учительницы, ни насмѣшки товарищей не произвели на него, повидимому, никакого впечатлѣнія.

Поднялся Михаилъ Сикидинъ. Учительница развернула написанную сквернѣйшимъ почеркомъ, грязную, засаленную тетрадку, всю въ кляксахъ и масляныхъ пятнахъ, съ отпечатками пальцевъ на поляхъ.

— Михаилъ, когда же ты будешь держать свои тетрадки почище? Смотри, что у тебя тутъ—въ руки противно взять.

— Я стараюсь, Александра Митревна!—прогудѣлъ Михаилъ.

— Стараешься, а отчего же она такая грязная? Смотри, а здѣсь и листовъ нѣтъ,—вырваны, скомканы...

— Это телóкъ изжевалъ...

Послышался смѣхъ.—«Онъ, должно, прочитать захотѣлъ!» сказалъ Кочетъ.—«Нѣтъ, братцы, онъ думалъ, это онучка!»—«Смотри, Мишка, кабы онъ тебѣ ужотка голову не отжевалъ!..»

Михаилъ смущенно ковырялъ пальцемъ столъ.

— Тише, тише!—крикнула учительница.—Ну, Михаилъ, и ошибокъ у тебя пропасть. Еще больше, чѣмъ у Родіоновой. А вѣдь, если бы не ошибки, хорошо было бы. Складно написалъ,—я даже и не ожидала отъ тебя... «Письмо дѣдушкѣ, батѣ и матушкѣ отъ крестьянина N—ской волости, села Козихина, Михаила Сикидина. Построилъ я себѣ ноньче домъ, хорошій, съ тесовой крышей, крыльцо, сараи и погребица есть, 1.000 руб. стоитъ. Еще купилъ лошадь и корову, овецъ, пару свиненковъ буду кормить. Лошадь хорошая, безъ запалу, цыганъ давалъ сотенную, да я не отдалъ. Самому хороша. А корова рыжая, Плотицынскаго завода, три ведра молока даетъ въ день. Дѣдушка, я тебя хочу къ себѣ взять, ты живи со мной, я тебя люблю. А вы, батя съ матушкой, живите съ Сенькой (старшій братъ Михаила), онъ парень смирный и васъ не обидитъ. Все бы мое житье было ничего, да вотъ старшій сынъ у меня бунтуетъ,—хочу, говоритъ, дѣлиться. А я дѣлиться не хочу. Вотъ и все».

Сочиненіе Михаила привело всѣхъ въ восхищеніе.—«Ребята, у него ужъ и сынъ!»—«Дѣлиться, слышь, хочетъ!»—«Мишка, а ты его за виски!»—«А корова-то у него ры-ыжая!»—«Ты намъ покажи, Мишка, домъ-то!..» Михайло чувствовалъ себя героемъ и самодовольно улыбался во весь ротъ; въ эту минуту ему казалось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ владѣлецъ дома съ тесовой крышей, рыжей коровы, лошади и двухъ свиненковъ...

Когда взрывъ веселости, вызванной чтеніемъ Михайлова письма, улегся, Александра Дмитріевна вызвала Митьку Журавлева. Кочетъ весело вскочилъ. «Милый тятенька, и милая маменька, и милые братцы и сестрицы! Будьте здоровы, и желаю вамъ всякаго благополучія! А я какъ выросту большой, такъ пойду на линію. Заработаю много деньжищъ и сейчасъ куплю тройку лошадей. А еще суконную поддевку и смазные сапоги и всѣмъ по хорошему гостинцу. Тебѣ, тятенька, куплю хорошую шубу, а то старая-то совсѣмъ изорвалась. А учителькѣ куплю фунтъ самыхъ хорошихъ жамокъ. А самъ поступлю въ пѣвчіе и буду на клиросѣ пѣть. Нашъ дьяконъ, Иванъ Герасимычъ, говоритъ, у тебя

хорошій голосъ. Вотъ я и буду пѣвчимъ. Сквозь волнистые туманы пробирается луна. На печальныя поляны льетъ печальный свѣтъ она... Только версты полосатыя попадаются однѣ. Скучно, звучный колокольчикъ утомительно гремитъ...»

— За жамки спасибо, а только зачѣмъ же это вдругъ: «сквозь волнистые туманы»? — улыбаясь, спросила учительница. — Ужъ это совсѣмъ ни къ чему.

— Это онъ отъ радости, Александра Митревна,—выскочилъ Гришка.— Пѣвчій!

Всѣ смѣются. Даже по лицу Ѳедора Будякова скользитъ легкая усмѣшка.

Остается послѣднее сочиненіе — Ивана Черныхъ. Первый ученикъ встаетъ и, застѣнчиво улыбаясь, смотритъ на учительницу.

«Родимый мой тятенька и родимая моя маменька!.. Вотъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ у насъ будетъ послѣдній экзаменъ. И тогда ужъ конецъ ученью. А я хочу еще учиться, потому что очень люблю наше училище и люблю учиться. У насъ въ училищѣ хорошо, весело, ученики хорошіе, и я ихъ всѣхъ очень люблю. И люблю учительницу, Александру Дмитріевну,— она страсть добрая и всегда разсказываетъ занятныя намъ разныя исторіи. И батюшку люблю, и страсть не хочется мнѣ изъ училища уходить! И слезно я васъ прошу, оставьте еще годикъ походить въ училище. А я за васъ вѣчно буду молить Бога. Покорный сынъ вашъ, Иванъ Черныхъ, ученикъ старшаго отдѣленія Козихинскаго земскаго училища, 2 декабря, 189... года».

— Молодецъ «первый ученикъ»!—воскликнулъ Гришка.—Ишь какъ ловко написалъ... И число, и годъ! Александра Митревна, ему пятерка?

Всѣ, исключая Будякова, стоящаго выше подобныхъ мелочей, тянутся къ робко улыбающемуся Ивану и заглядываютъ ему въ тетрадку. «Пятерка, пятерка», несется шепотъ. Всѣ рады, никто не завидуетъ; такъ и надо, чтобы была пятерка, потому что Иванъ—первый ученикъ!..

Учительница объявила перерывъ на полчаса. Началась возня, шумъ, гамъ... Пришелъ батюшка, высокій худощавый мужчина лѣтъ 30, съ длинными русыми волосами, которыя онъ по привычкѣ постоянно откидываетъ за уши. Открытое лицо его, съ маленькими смѣющимися глазками и румяными щеками, свидѣтельствуетъ о веселомъ и безхитростномъ нравѣ.

Батюшка строго грозится на школяровъ и, когда шумъ нѣсколько затихаетъ, говоритъ:

— Ну-ка, сочинители! Сочинять-то вы умѣете, а вотъ погляжу, какъ вы по Священной Исторіи. Михаилъ Сикидинъ! Разсказывай мнѣ о прекрасномъ Іосифѣ!

Михайло встаетъ и начинаетъ: «у Іакова... было... двѣнадцать сыновей...»

В. І. Дмитріева.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Продолженіе* *).

XXXVIII.

Кирѣевскій очень трезво цѣнилъ русскую литературу, даже отрицалъ ея существованіе и приводилъ этотъ печальный фактъ въ связь съ другимъ: «у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія жизни народа». Что же есть?—«Надежда и мысль о великомъ назначеніи нашего отечества».

Но это назначеніе неразрывно связано съ европейской цивилизаціей и безъ нея немыслимо и неосуществимо.

Критикъ пользуется западной мыслью о періодической смѣнѣ европейскихъ народовъ, какъ представителей просвѣщенія человѣческаго, и доходитъ до убѣжденія, что такая роль рано или поздно выпадетъ русскимъ. Западъ подготовилъ нашу образованность, онъ—ея колыбель, и когда европейскіе народы закончатъ кругъ своего умственнаго развитія, начнетъ Россія.

Авторъ договаривается до идеи, напоминающей извѣстную намъ похоронную пѣсню Надеждина,—но только напоминающей. У Кирѣевскаго пока на первомъ планѣ не патріотическое идолопоклонство, а философія исторіи съ сильнымъ вмѣшательствомъ національнаго чувства.

Каждый изъ европейскихъ народовъ, по мнѣнію Кирѣевскаго, «совершилъ свое назначеніе», т. е. закончилъ самобытное развитіе и изжилъ «отдѣльную жизнь». Всѣ *частныя* государства поглощены *цѣлой* Европой.

Но въ этомъ *цѣломъ* нѣтъ *стройнаго, органическаго тѣла*, нѣтъ *средоточія* и потому, что нѣтъ *господствующаго* народа политически и умственно. А между тѣмъ это *господство*—законъ исторіи: «всегда одно государство было, такъ сказать, *столицею* другихъ, было *сердцемъ*, изъ котораго выходитъ и куда возвращается вся кровь, всѣ жизненныя силы просвѣщенныхъ народовъ».

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

И автору, разумѣется, не трудно различныя историческія эпохи свести къ преобладанію различныхъ народовъ. Въ настоящее время на вершинѣ европейскаго просвѣщенія Англія и Германія. Но ихъ власть недолговѣчна, ихъ внутренняя жизнь закончила кругъ живого развитія и совершенствованія, и вся Европа цѣпенѣетъ и превращается въ болото, «гдѣ цвѣтутъ однѣ незабудки, да изрѣдка блеститъ холодный блуждающій огонекъ» [108]).

Выраженія очень смѣлыя, но, снова повторяемъ, это отнюдь не приговоръ надъ европейской культурой. Напротивъ, она должна быть безусловно и сознательно усвоена Россіей ради историческаго будущаго. Кирѣевскій неистощимъ па критику русской самобытности, независимой отъ европейскаго просвѣщенія.

Грибоѣдовская комедія даетъ ему благодарный мотивъ въ этомъ направленіи. Онъ недоволенъ Чацкимъ за его слишкомъ рѣзкія нападки на русскую подражательность. Она смѣшна, но не сама по себѣ, а по своей неловкости и непослѣдовательности. Подражать слѣдуетъ *вполнѣ*, вовсе не опасаясь за цѣлость русскаго національнаго характера.

«Наша религія, наши историческія воспоминанія, наше географическое положеніе, вся совокупность нашего быта столь отличны отъ остальной Европы, что намъ физически невозможно сдѣлаться ни французами, ни англичанами, ни нѣмцами».

Вѣра Кирѣевскаго въ устойчивость русской стихіи безгранична и онъ готовъ даже помириться съ уродствомъ отечественнаго чужебѣсія, лишь бы дать бо́льшій просторъ европеизму на русской почвѣ.

«До сихъ поръ,—говоритъ онъ,—національность наша была національность необразованная, грубая, китайски неподвижная. Просвѣтить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развитія можетъ только вліяніе чужеземное. И какъ до сихъ поръ все просвѣщеніе наше заимствовано извнѣ, такъ только извнѣ можемъ мы заимствовать его и теперь, и до тѣхъ поръ, покуда поровняемся съ остальною Европою. Тамъ, гдѣ *обще-европейское* совпадется съ нашею *особенностью,* тамъ родится просвѣщеніе истинно-русское, образованно-національное, твердое, живое, глубокое и богатое благодѣтельными послѣдствіями. Вотъ отчего наша любовь къ иностранному можетъ иногда казаться смѣшною, но никогда не должна возбуждать негодованія; ибо болѣе или менѣе, посредственно или непосредственно, она всегда ведетъ за собою просвѣщеніе и успѣхъ, и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ не столько вредна, сколько полезна» [109]).

---

[108]) *Сочин.* I, 45.

[109]) *Іb.* I, 109.

Авторъ самъ подалъ примѣръ желательнаго для него совпаденія *общеевропейскаго* съ *національнымъ*, и не онъ одинъ, а всѣ русскіе шеллингіанцы. Идея поперемѣннаго культурнаго главенства народовъ—открытіе германской философіи, и очень нехитрое: оно должно было устранить галломанскій періодъ и провозгласить диктатуру германизма. Шеллингъ указывалъ на признаки этой диктатуры: общеевропейское увлеченіе германской философіей. У русскихъ публицистовъ не было своихъ Шеллинговъ, не было вообще самостоятельныхъ философскихъ и научныхъ системъ, но зато много *вѣры* и *надежды*. Кирѣевскій откровенно указалъ именно на эти опоры русскаго національнаго самосознанія.

Указаніе по существу мало убѣдительное: все достовѣрное и реальное принадлежало будущему, насколько вопросъ касался Россіи. Но вѣра оказалась великой и вполнѣ дѣйствительной силой. Она вызвала *дѣла*, была оправдана вполнѣ сознательной работой своихъ исповѣдниковъ.

У молодежи тридцатыхъ годовъ двѣ идеи—о всемірномъ предназначеніи Россіи и о личномъ просвѣтительномъ призваніи ея юныхъ сыновъ—слились въ одинъ символъ и сообщили ихъ литературной дѣятельности своеобразный идеалистическій характеръ оставшійся въ исторіи русскаго просвѣщенія неотъемлемымъ достояніемъ философской эпохи. Несомнѣнно, разъ первенствующую роль играла *вѣра*, т. е. чувство, идея легко переходила въ экстазъ и утрачивала разумную сдержанность и даже логичность.

Кирѣевскій съ теченіемъ времени додумался до открытаго и безпримѣснаго славянофильства. Задатки заключались еще въ раннихъ произведеніяхъ: стòило только мысль о болотномъ оцѣпенѣніи Европы оттѣнить контрастомъ русской жизненности и свѣжести. Это уже было сдѣлано Надеждинымъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, дѣлалось и неучеными публицистами, изъ породы Глинки, авторами съ вѣщими сердцами.

Очень эффектное, напримѣръ, сопоставленіе тлетворнаго европеизма съ неистощимыми богатствами русской натуры, выходило въ статьяхъ Свиньина, дѣятельнаго сотрудника *Сына Отечества*, и издателя *Отечественныхъ Записокъ* съ 1820 года.

Свиньинъ недоволенъ былъ *скромностью* русскихъ «къ достоинству своему», и вознамѣрился познакомить ихъ съ національными героями. Журналъ неустанно прославлялъ русскихъ самоучекъ и поэтовъ. Одновременно печатались и цѣнные матеріалы для русской исторіи, но собственно не ради науки, а во имя все той же славы и «народной гордости»: «добрые ремесленники и смышленые мужички» въ глазахъ издателя стояли выше всякаго просвѣщенія, особенно европейскаго.

Не миновали такой «любви къ отечеству» и просвѣщенные шеллингіанцы.

«Западъ гибнетъ», провозгласилъ Одоевскій въ тѣхъ же *Русскихъ ночахъ*, гдѣ Шеллинга именовалъ Колумбомъ XIX-го вѣка. На западѣ все одряхлѣло и все опровергнуто: вѣра, наука, искусство. Дѣло цивилизаціи долженъ взять народъ «юный, свѣжій, непричастный преступленіямъ стараго міра», и, конечно, это русскій народъ. «Девятнадцатый вѣкъ принадлежитъ Россіи!»... [110]).

Опять *вѣра* и *надежда*, по существу тѣ самыя настроенія, какія нашихъ авторовъ въ области эстетики приводили къ тайнамъ символизма. Культурные идеалы переживаютъ у нихъ такое же превращеніе, и послѣ справедливой просвѣщенной оцѣнки европейскаго прогресса перерождаются въ романтическое народничество, философъ исторіи становится пророкомъ-ясновидцемъ.

Кирѣевскій испыталъ жестокое разочарованіе въ литературной дѣятельности. Его страстно-любимое дѣтище, журналъ *Европеецъ* на третьемъ нумерѣ былъ запрещенъ за статью самого издателя *Девятнадцатый вѣкъ*. Подверглась оффиціальному порицанію и статья о *Горѣ отъ ума*. Усмотрѣна была *политика*, выраженія Кирѣевскаго *просвѣщеніе*, *дѣятельность разума* гр. Бенкендорфомъ переведены какъ *свобода* и *революція*, открыты и *конституціонныя* вожделѣнія мирнаго шеллингіанца.

Журналъ погибъ и Кирѣевскій замолчалъ, подавленный и разочарованный. Благонамѣреннѣйшіе современные люди—въ родѣ Никитенко, Погодина, возмущались карой и не видѣли въ статьѣ ничего преступнаго. Правда, Погодинъ не одобрялъ статьи за ея европейскія сочувствія. Онъ былъ убѣжденъ, что «Россія особливый міръ», и что «всей Европы надежда должна быть на Россію», а Кирѣевскій вздумалъ мѣрить ее на европейскій аршинъ! [111]).

Но и Погодину не могли придти въ голову проникновенія Бенкендорфа, а Никитенко воскликнулъ: «Тьфу! Да что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжко, и стыдно, и грустно!»

Максимовичъ, близко стоявшій къ Кирѣевскому, свидѣтельствуетъ объ его глубокомъ огорченіи: столь горячо лелѣянныя надежды на литературную дѣятельность рушились и вмѣстѣ съ ними въ корнѣ подорвано страстное желаніе—служить родинѣ.

Кирѣевскій замолчалъ на долго, на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Явилось нѣсколько небольшихъ статеекъ безъ имени, и за это время міросозерцаніе безвременно подшибленнаго журналиста круто мѣнялось и выразилось, наконецъ, въ знаменитомъ письмѣ къ гр. Комаровскому, въ началѣ 1852 года. Оно носитъ названіе: *О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи*, напечатано въ московскомъ сборникѣ Ивана Аксакова.

---

[110]) *Сочин.* I, 314.

[111]) *Сочиненія Кирѣевскаго.* I, стр. 80, ср. Барсуковъ, IV, 8—9.

Другія времена и другія пѣсни! У Кирѣевскаго совсѣмъ испарился *европеецъ* и остался славянофилъ чистѣйшей крови. Письмо относится къ позднѣйшей эпохѣ и намъ не представляется необходимости разбирать его подробно. Достаточно въ общихъ чертахъ указать на перемѣну въ авторскихъ взглядахъ.

Теперь и рѣчи нѣтъ о европейскомъ просвѣщеніи, какъ неизбѣжной основѣ русскаго. Западъ и Россія противоставляются другъ другу, какъ два совершенно различныхъ культурныхъ міра, и все сопоставленіе идетъ къ вящей славѣ Россіи.

Европа заимствовала религію и цивилизацію у Рима, односторонне-разсудочнаго, холодно-логическаго, не знавшаго полноты и цѣльности умозрѣнія, всесторонняго развитія нравственной жизни. Въ результатѣ—на западѣ вся культура и бытъ сложились разудочно, искусственно, безъ всепроникающей внутренней связи и гармоніи, безъ разумнаго и духовнаго единства: государство изъ насилій завоеванія, законодательство изъ логическихъ разсужденій юрисконсультовъ и собраній и внѣшнихъ воздѣйствій на массу.

Россія получила религію и образованность отъ Византіи и къ ней перешла глубокая, нравственно-свободная мудрость древнихъ отцовъ церкви, ищущая внутренней цѣльности разума, а не внѣшней связи логическихъ понятій. Восточный созерцатель это—безмятежность внутренней цѣльности духа, глубина самосознанія, западный схоластикъ—безпокойный діалектикъ, «всегда суетливый, когда не театральный».

Раньше нѣкоторыя мысли Кирѣевскаго о спасительной силѣ европеизма и о варварствѣ русской старины и самобытности напоминали *Философическія письма* Чаадаева, теперь все наоборотъ.

Авторъ въ прошломъ русской исторіи открываетъ блестящія картины цивилизаціи, затмевающія европейское просвѣщеніе: богатѣйшія библіотеки у нѣкоторыхъ русскихъ князей XII и XIII вѣковъ, изумительная образованность монаховъ и тѣхъ же князей: они занимались такими «глубокомысленными писаніями» отцовъ церкви, какія «даже въ настоящее время едва ли каждому нѣмецкому профессору любомудрія придутся по силамъ мудрости».

Въ столь же идеальномъ свѣтѣ рисуется автору и древнерусская семья и вообще вся нравственная личность и даже внѣшнее поведеніе русскаго человѣка. Увлеченіе доходитъ до идеализаціи, совершенно неожиданной послѣ извѣстныхъ намъ юношескихъ заявленій Кирѣевскаго о необходимости *общее мнѣніе* возвышать до уровня ума *людей просвѣщенныхъ*.

Теперь выхваляется именно личное самоотреченіе русскаго характера. Русскій человѣкъ никогда не стремился «выставить свою самородную особенность», у него единственное желаніе «быть правильнымъ выраженіемъ основного духа общества».

Отсюда недалеко до прославленія вообще пассивныхъ добродѣтелей, даже страданія и примиренія съ какими бы то ни было внѣшними условіями общественной жизни.

И Кирѣевскій, дѣйствительно, прибавляетъ такую параллель:

«Западный человѣкъ искалъ развитіемъ внѣшнихъ средствъ облегчить тяжесть внутреннихъ недостатковъ. Русскій человѣкъ стремился внутреннимъ возвышеніемъ надъ внѣшними потребностями избѣгнуть тяжести внѣшнихъ нуждъ». И русскій человѣкъ, по мнѣнію Кирѣевскаго, даже не понялъ бы, въ старину, политической экономіи; такъ идеально было его міросозерцаніе!

Не смотря на неуклюжесть и туманность выраженій, смыслъ ясенъ: у русскаго человѣка, подъ покровомъ «внутренняго возвышенія», изумительная приспособляемость къ обстоятельствамъ и неистощимое терпѣніе.

И вотъ къ этимъ-то основамъ просвѣщенія Кирѣевскій призывалъ своихъ читателей! Онъ, конечно, не мечталъ о возстановленіи старины во всей ея неприкосновенности, но, въ то же время, «въ прежней жизни отечества», «въ самобытныхъ началахъ» указывалъ единственный источникъ науки. Какъ собственно указанныя выше начала могутъ развить науку и зачѣмъ вообще ее развивать, если еще писанія XV вѣка превосходили мудростью современныхъ философовъ и если древній русскій человѣкъ достигалъ идеала «внутренней цѣльности самосознанія», «внутренней справедливости» въ законахъ, «единодушной совокупности» въ сословныхъ отношеніяхъ и «твердости семейныхъ и общественныхъ связей? [112])»

Что-нибудь изъ двухъ: или русскій человѣкъ не такое ужъ совершенство, какъ онъ рисуется автору, или никакая новая образованность не имѣетъ ни цѣли, ни смысла. Эта дилемма до конца не исчезнетъ изъ славянофильской философіи, и именно она будетъ внутреннимъ разъѣдающимъ недугомъ всей системы, какъ бы искренни и благородны ни были ея защитники.

Но въ тридцатыхъ годахъ дилеммы еще не существовало, по крайней мѣрѣ, для молодыхъ шеллингіанцевъ. Всѣ они приблизительно въ духѣ Кирѣевскаго рѣшали вопросъ объ отношеніи европейскаго просвѣщенія къ русскому и, твердо стоя на почвѣ національности, часто даже впадая въ патріотическій лиризмъ, они не забывали своихъ учителей и ни на минуту не сомнѣвались въ великой силѣ западной цивилизаціи и въ ея благодѣяніяхъ русской литературѣ и русскому народу.

Эта идея нашла полное осуществленіе въ критикѣ и въ ученолитературной дѣятельности молодежи. Философія и народность

---

[112]) *Сочиненія*, II, стр. 229 etc.

уживались рядомъ и пролагали пути истинно идейному и національному искусству.

XXXIX.

Мы видѣли, журналъ Павлова ставилъ въ неразрывную связь изслѣдованіе народнаго творчества и проникновеніе въ литературу реализма. Молодые дѣятели съ точностью принялись выполнять эту вполнѣ логическую программу.

Братъ Кирѣевскаго, Петръ Васильевичъ, первый изъ современныхъ поклонниковъ русской старины, началъ собирать народныя пѣсни, внесъ въ это дѣло необыкновенное чутье народнаго духа, величайшее усердіе и представилъ, такимъ образомъ, наглядныя иллюстраціи для художественной критики новаго направленія.

Достойнымъ соревнователемъ Кирѣевскаго явился Максимовичъ, авторъ извѣстной намъ статьи о *Полтавѣ*.

Максимовичъ, спеціалистъ по ботаникѣ, но слушатель Павлова и Давыдова, рано пристрастился къ философіи и словесности, философіи давалъ полный просторъ въ своихъ ботаническихъ разсужденіяхъ, а словесность разрабатывалъ въ журналахъ. Малороссъ по происхожденію, онъ естественно современныя національныя увлеченія перенесъ на малорусскую поэзію и издалъ три сборника украинскихъ пѣсенъ.

Первый сборникъ вышелъ въ 1827 году и предисловіе къ нему одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ образцовъ критики двадцатыхъ годовъ въ ея основныхъ принципахъ. Тонъ статьи показываетъ, что принципы эти еще новость, и тѣмъ важнѣе было одновременное появленіе и теоріи, и примѣровъ, превосходно поясняющихъ теорію.

«Наступило, кажется, то время,—писалъ издатель пѣсенъ,—когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе: да создастся поэзія истинно-русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныхъ, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась».

Максимовичъ лично обладалъ поэтическимъ талантомъ и художественнымъ чувствомъ. Его сборникъ имѣлъ не только научное значеніе, онъ настоящій художественный памятникъ, одинаково цѣнный и для поэта, и для историка. Пушкинъ и Гоголь восторженно привѣтствовали трудъ Максимовича, и этотъ фактъ краснорѣчивѣе всѣхъ статей засвидѣтельствовалъ вѣрность направленія,

принятаго молодыми критиками. Для старыхъ шеллингіанцевъ такое единеніе оказалось недостижимой задачей, здѣсь же мы заранѣе ждемъ возможно тщательной и разумной оцѣнки современныхъ поэтическихъ талантовъ, въ томъ числѣ Пушкина.

Максимовичъ уже доказалъ это; его товарищи и раньше, и позже его статьи шли тѣмъ же путемъ, искренне стремясь философскій идеализмъ сблизить съ дѣйствительностью, преклоненіе предъ европейской культурой съ основами русской національности. Если цѣль оказалась не вполнѣ достигнутой, причина отнюдь не въ недостаткѣ доброй воли и еще менѣе — въ ошибочномъ пониманіи задачи.

Въ кружкѣ Раича съ самаго начала не умирала мысль о журналѣ. Членовъ кружка связывала совмѣстная служба при Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Всѣ упомянутые нами писатели братья Кирѣевскіе, кн. Одоевскій, Веневитиновъ—«архивные юноши». Столь тѣсныя отношенія естественно внушали мысль объ общей литературной работѣ.

Вопросъ обсуждался долго и внимательно. Участіе принимали и Полевой, будущій издатель *Телеграфа*, и кн. Вяземскій, главнѣйшій его сотрудникъ въ началѣ изданія. Въ проектахъ, конечно, не оказалось недостатка, но въ обществѣ немедленно выяснилось два теченія, въ высшей степени для насъ любопытныхъ.

Соображенія Полевого на счетъ журнала не встрѣтили одобренія «архивныхъ юношей», философовъ и аристократовъ. Къ Полевому, очевидно, примкнулъ и кн. Вяземскій. Оба остались при особомъ мнѣніи, а другой проектъ былъ представленъ Веневитиновымъ въ формѣ статьи *Нѣсколько мыслей въ планъ журнала.*

Это было моментомъ разъединенія среди русскихъ критиковъ. Оно основывалось не на рѣзкой разницѣ общественныхъ и литературныхъ взглядовъ: всѣ одинаково признавали романтизмъ, философію, вообще германское вліяніе. Были, конечно, степени въ *увлеченіяхъ*, но принципы для всѣхъ оставались признанными и прочными.

Вопросъ заключался въ практическомъ приложеніи этихъ принциповъ.

Здѣсь «архивные юноши» оказывались будто людьми другой планеты сравнительно съ Полевымъ, типичнымъ журнальнымъ бойцомъ, и даже сравнительно съ кн. Вяземскимъ.

Мы знаемъ, какія цѣли, по мнѣнію Полевого долженъ былъ преслѣдовать русскій публицистъ: это неограниченная популяризація фактовъ и идей, неустанная забота о новизнѣ и занимательности матеріала, въ общемъ самоотверженное служеніе публикѣ,

---

[113]) *Нѣсколько мыслей въ планъ журнала.*

хотя и вполнѣ культурное и просвѣтительное. А разъ публика занимаетъ такое мѣсто въ предпріятіи журналиста, онъ естественно превращается въ ловца сочувствій, т. е. въ литературнаго борца, въ полемизатора съ соперниками и противниками. Гдѣ же собственно предѣлъ борьбѣ и до какой температуры долженъ достигать полемическій азартъ—вопросы несущественные и зависятъ исключительно отъ обстоятельствъ. Заранѣе можно предположить, предѣлы будутъ очень широки и температура высока, разъ журналистъ во что бы то ни стало добивается общественнаго интереса къ своему дѣлу.

Приблизительно такихъ же мыслей держался и кн. Вяземскій. Болѣе тридцати лѣтъ спустя онъ сочинилъ *Литературную Исповѣдь* и вполнѣ откровенно опредѣлялъ духъ своей былой журнальной дѣятельности:

Когда я молодъ былъ и кровь кипѣла въ жилахъ,
Я тотъ же кипятокъ любилъ искать въ чернилахъ.
Журнальныхъ схватокъ пылъ, тревогъ журнальныхъ шумъ
Какъ хмелемъ подстрекалъ заносчивый мой умъ.
Въ журнальный циркъ не разъ, задорный литераторъ
На драку выходилъ, какъ древній гладіаторъ.

Онъ былъ «бойцомъ кулачнымъ», и это не преувеличено.

Именно кн. Вяземскій первый поднялъ полемику изъ-за романтизма по поводу *Бахчисарайскаго фонтана*, безпощадно преслѣдуя «классиковъ», т. е. *Вѣстникъ Европы*, не скупился на эпиграммы, а впослѣдствіи и на очень сильныя личныя выходки противъ ненавистныхъ литераторовъ. Впослѣдствіи среди враговъ Бѣлинскаго мы встрѣтимъ кн. Вяземскаго во всемъ пылу гнѣва и страсти, и не одного Бѣлинскаго, а вообще

«Какихъ-то—не въ домекъ—сороковыхъ годовъ».

Вообще другъ Пушкина не отставалъ отъ великаго поэта въ неутомимой энергіи бросить стрѣлу по адресу литературнаго противника, и на этотъ счетъ даже припоминалъ старинныхъ бояръ, своихъ предковъ, страшныхъ охотниковъ до кулачныхъ свалокъ.

Естественно, Вяземскій одинъ изъ первыхъ поддержалъ Полевого.

Но другая партія совершенно иначе понимала свой аристократизмъ и съ негодованіемъ отвернулась бы отъ картины «боярина-богатыря», съ такимъ вкусомъ нарисованной въ *Исповѣди* Вяземскаго. Ея идеалъ проникнутъ спокойно-философскимъ созерцаніемъ и невозмутимо-культурной терпимостью, идеалъ высшаго изящнаго просвѣщенія, глубокой идейности и чисто-рыцарственнаго служенія одной истинѣ съ твердымъ разсчетомъ стяжать друзей и читателей во имя только этой истины.

Мы знакомы съ лирически-мечтательной, отчасти мистической личностью кн. Одоевскаго. Веневитиновъ не такъ былъ склоненъ

*

къ тайнамъ и символамъ; напротивъ, онъ стремился къ ясности и полной опредѣленности мысли. Но вся натура располагала его къ тому же жанру мирнаго аристократически-свободнаго философствованія, какимъ жилъ и Одоевскій. Недаромъ, его первое юношеское увлеченіе Гёте и первая страсть—поэзія—въ высшей степени вдумчивая, полная философскихъ отголосковъ, но прекраснодушная и по существу идиллическая.

Въ посланіи къ одному изъ друзей Веневитиновъ говорилъ:

Оставь, о, другъ мой, ропотъ твой,
Смири преступныя волненья:
Не ищетъ вчужѣ утѣшенья
Душа богатая собой.
Не вѣрь, чтобъ люди разгоняли
Сердецъ возвышенныхъ печали.

Печали молодого поэта, конечно, не безнадежныя мечтанія праздnаго ума и эпикурействующаго сердца, столь часто украшающія банальность мысли и мелкоту чувства не соотвѣтствующими звуками и красками. У Веневитинова рано и быстро развиваются задатки настоящаго мыслителя. У него стихотворчество только одно изъ самыхъ незначительныхъ проявленій изумительно богатой духовной жизни и онъ самъ произнесетъ безжалостный приговоръ надъ притязательными «сынами Аполлона»:

«Многочисленность стихотворцевъ», по мнѣнію Веневитинова, «во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія». Истинный поэтъ непремѣнно философъ, *глубокій мыслитель*, «вѣнецъ просвѣщенія». Онъ творецъ не подъ вліяніемъ «перваго чувства»: оно «только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ», и мысли снова надо обратиться въ чувство, чтобы явиться поэзіей. Иначе — она выродится въ простой механизмъ, станетъ «орудіемъ безсилія». Человѣкъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ и, естественно, избѣгаетъ точнаго языка разсудка, т. е. прозы, освобождаетъ себя — подъ предлогомъ чувства—отъ обязанности мыслить и, поддаваясь безотчетному наслажденію, отвлекается отъ высокой цѣли совершенствованія.

Это—прекрасная характеристика чистыхъ художниковъ риѳмъ и сладкихъ звуковъ. Именно такъ долженъ былъ говорить поэтъ-философъ, такъ думали и его сверстники. «Поэту необходимы знанія», твердилъ Одоевскій, «поэту необходимы убѣжденія, потому что для читателей вовсе не безразлично, какъ поэтъ относится къ тѣмъ или другимъ явленіямъ міра физическаго и нравственнаго» [114]).

---

[114]) *Русскія ночи. Соч.* I, 172.

Всѣ эти идеи, конечно, не представляютъ ничего неожиданнаго: всѣ онѣ свободно могли возникнуть на почвѣ шеллингіанской идеализаціи поэта. Ничего нѣтъ поразительнаго и въ разсужденіи Одоевскаго о «поэтическомъ магизмѣ», т. е. о способности поэтовъ предвосхищать историческія изысканія ученыхъ и *проницать* тайны прошлаго независимо отъ разработки источниковъ [115]).

Достигнуть подобнаго успѣха, конечно, не могутъ простые стихотворцы съ безотчетными чувствами и мимолетными настроеніями, и мы поймемъ, почему молодые шеллингіанцы поспѣшатъ объявить Пушкина *поэтомъ-философомъ*. Это означало—выдѣлить его изъ сонма всѣхъ современныхъ сладкопѣвцевъ и ремесленниковъ [116]).

Веневитиновъ до конца своей краткой жизни останется настоящимъ подвижникомъ мысли и, скончавшись двадцати двухъ лѣтъ, оставитъ русской критикѣ почетное и богатое наслѣдство.

Но этимъ вопросъ не рѣшался. Смыслъ всякаго богатства заключается не въ количествѣ, а *въ оборотѣ*, въ практической широкой производительности богатства. Выполнялось ли это условіе дѣятельностью Веневитинова и его друзей?

Всѣ они съ глубокой убѣжденностью работали надъ личнымъ умственнымъ развитіемъ, всѣ горѣли истинно-гражданскимъ желаніемъ—сдѣлать участниками своихъ сокровищъ и русское общество, даже народъ. Насколько же удалось имъ осуществить свою столь трудную и высокую задачу?

Въ сущности, отвѣтъ въ общихъ чертахъ мы предвосхитили даже отрывочной характеристикой даровитѣйшихъ русскихъ философовъ. Факты только полнѣе объяснятъ намъ уже извѣстное и окончательно установятъ значеніе философской молодежи въ исторіи нашего общественнаго просвѣщенія. Мы отъ начала до конца пребудемъ въ области необыкновенно развитой мысли, искренняго энтузіазма, и въ то же время насъ неотступно будутъ преслѣдовать «сердецъ возвышенныхъ печали».

XL.

Планъ, представленный Веневитиновымъ, ясно опредѣлялъ литературное направленіе будущаго журнала. Авторъ совершенно покончивалъ съ французскимъ вліяніемъ въ обществѣ *любомудрія*, т. е. германской философіи,—это былъ вопросъ рѣшенный. Но устранить французскія правила не значитъ отдаться полному произволу, а именно это, по мнѣнію Веневитинова, и произошло въ русской литературѣ.

---

[115]) *Ib.*, стр. 387.

[116]) Кирѣевскій. Въ ст. *Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина.*

Послѣ освобожденія отъ классицизма явилась всеобщая страсть къ стихотворству и совершенное пренебреженіе къ умственной работѣ, къ систематической подготовкѣ основы для новой литературы.

Такую подготовку можетъ создать только философія, какъ наука. Она вызоветъ самостоятельную дѣятельность русской мысли и упрочитъ ея *самобытное* развитіе. Философія разовьетъ въ русскомъ обществѣ и народѣ *самопознаніе*, т. е. способность отдавать себѣ отчетъ въ своемъ прошломъ и въ «своемъ предназначеніи»,—и въ результатѣ русскіе люди направятъ свои нравственныя усилія къ цѣлямъ дѣйствительно-національнымъ, исторически и разумно-необходимымъ.

Ясно, начала философіи должны стать доступными русской публикѣ, и въ этомъ заключается цѣль журнала.

Тожественныя идеи исповѣдывалъ и Одоевскій. Параллельно съ нападками Веневитинова на безотчетное стихотворство, онъ въ *Вѣстникѣ Европы* нападалъ на пустоту, безсмыслiе и невѣжество такъ называемаго просвѣщеннаго русскаго общества, большого свѣта. Очевидно, апостолы *любомудрія* совершенно ясно поняли, гдѣ таятся жесточайшіе враги серьезной умственной работы и идейной литературы.

Результатомъ всѣхъ этихъ разсужденій и явился альманахъ *Мнемозина*.

Цѣль журнала заключалась въ борьбѣ съ французской легковѣсной философіей, съ заграничными бездѣлками. Издатели хотѣли обратить вниманіе русскаго общества на истинную философію, «распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи».

Такъ объясняли издатели свое предпріятіе уже въ то время, когда оно отживало свои дни, — но программа дѣйствительно выполнялась неуклонно. Правда, выполнять пришлось очень недолго: вышло всего четыре книги и все изданіе продолжалось годъ съ небольшимъ.

Успѣха оно не имѣло: у *Мнемозины* оказалось всего 157 подписчиковъ, какъ разъ изъ того самаго большого свѣта, какой громилъ кн. Одоевскій. Объ общественномъ вліяніи не могло быть и рѣчи. И между тѣмъ, его слѣдовало бы желать по всѣмъ даннымъ.

Издатели заручились сотрудничествомъ первостепенныхъ литературныхъ силъ: Пушкинъ, Грибоѣдовъ стояли во главѣ поэзіи, кн. Вяземскій и молодой другъ Пушкина—Кюхельбекеръ должны были украсить критическій отдѣлъ, Павловъ и Одоевскій завѣдывали философіей.

Что могъ проповѣдывать альманахъ по части философіи мы

знаемъ: важнѣйшимъ произведеніемъ здѣсь были статьи кн. Одоевскаго—*Афоризмы изъ различныхъ писателей, по части современнаго германскаго любомудрія.* Любопытнѣе критика; здѣсь пальма первенства принадлежитъ статьѣ Кюхельбекера *О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе.*

Еще до изданія *Мнемозины* Кюхельбекеръ пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ критика, и кн. Одоевскій счелъ необходимымъ заручиться его сотрудничествомъ.

Товарищъ Пушкина по лицею, сынъ нѣмецкой семьи, Кюхельбекеръ еще въ школѣ числился страстнымъ поклонникомъ литературы, преимущественно германской и романтической. Ему не требовалось философскихъ изысканій, чтобы вознегодовать на классицизмъ и своими художественными сочувствіями совпасть съ шеллингіанцами.

Кюхельбекеръ дѣйствительно и не причастенъ любомудрію. Онъ принадлежитъ къ чистымъ романтикамъ, романтикамъ по инстинктивнымъ влеченіямъ и поэтическому складу натуры, какимъ былъ и современный ему критикъ и романистъ Бестужевъ-Марлинскій. Мы упоминали объ этой нефилософской породѣ молодежи двадцатыхъ годовъ; она, независимо отъ философіи и даже дѣятельнѣе самихъ философовъ, защищала новое искусство и являлась будто переходнымъ звеномъ отъ критиковъ къ художникамъ, отъ отвлеченной мысли къ творчеству, отъ теоріи къ практикѣ.

Немедленно по выходѣ изъ лицея Кюхельбекеръ напалъ на французскій классицизмъ во имя «германическаго духа», по его мнѣнію, «ближайшаго къ нашему національному духу», и развѣнчивалъ русскихъ классиковъ, ссылаясь, между прочимъ, на критику Мерзлякова о Херасковѣ.

Двѣ статьи такого содержанія были напечатаны въ 1817 году, въ петербургской французской газетѣ *Conservateur impartial*, издававшейся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ [117]).

Съ тѣхъ поръ взгляды Кюхельбекера на «германическій духъ» измѣнились. Его статья въ *Мнемозинѣ* основана на самобытныхъ принципахъ. Съ ними вполнѣ былъ согласенъ Пушкинъ и это обстоятельство, вѣроятно, и вызвало приглашеніе Кюхельбекера въ *Мнемозину*.

Перемѣна въ воззрѣніяхъ Кюхельбекера такъ же, вѣроятно, произошла подъ вліяніемъ Пушкина. Теперь онъ ратовалъ противъ «наносныхъ нѣмецкихъ цѣпей» и вообще противъ всякихъ иноземныхъ, и могъ вполнѣ заслужить наименованіе *перваго славянофила*, какое дали ему впослѣдствіи [118]).

---

[117]) Ср. Колюпановъ. II, 24.

[118]) *Русск. Стар.* 1875, XIII, 337. *В. К. Кюхельбекеръ.* Сообщ. Ю. Косова и М. Кюхельбекера.

Кюхельбекеръ, какъ поэтъ, впадаетъ въ еще болѣе восторженный лиризмъ, чѣмъ произошло впослѣдствіи съ Кирѣевскимъ.

«Да создастся,—восклицаетъ онъ,—для славы Россіи поэзія истинно-русская, да будетъ святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первою державою во вселенной! Вѣра праотцевъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшіе, чистѣйшіе, важнѣйшіе источники для нашей словесности».

Великія надежды авторъ возлагаетъ на Пушкина, какъ представителя новой національной литературы. Кюхельбекеръ очень проницательно раскрываетъ *ненародное* содержаніе поэзіи Жуковскаго, разъясняетъ психологію литературнаго *подражателя*, всегда лишеннаго силы, свободы и вдохновенія, «необходимыхъ трехъ условій всякой поэзіи». Выводъ точный и ясный: «всего лучше имѣть поэзію народную» [119]).

Одновременно Кюхельбекеръ напечаталъ въ *Мнемозинѣ* пылкое стихотвореніе—*Проклятіе*. «Гнусному оскорбителю» поэта сулились всевозможныя кары, а поэтъ превозносился какъ исключительное, божественное явленіе на землѣ...

Альманаху нельзя было отказать ни въ критической талантливости, ни въ литературности, ни еще менѣе—въ серьезности содержанія. Но всѣ эти достоинства оказались втунѣ.

Нѣкоторые тонкіе цѣнители и отзывчивые юноши съ любовью читали статьи сборника и особенно сочиненія Одоевскаго: объ этомъ свидѣтельствуетъ Бѣлинскій, но для большой публики такая умственная пища была слишкомъ тонкой, а философія въ формѣ афоризмовъ—прямо утомительной.

Мнемозина явилась слишкомъ аристократичной и ученой для своихъ современниковъ—и не только читателей, но и для журналистовъ. Мы впослѣдствіи познакомимся съ пріемами журнальной полемики въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ: исторія *Московскаго Телеграфа* дастъ намъ изобильный матеріалъ, а такія фигуры, какъ Булгаринъ и Сенковскій, освободятъ насъ отъ всякихъ разъясненій. Кн. Одоевскому и его сотрудникамъ уже пришлось бороться съ подобными героями, и легко представить, борьба оказалась не по силамъ.

Полевой и кн. Вяземскій—люди другого типа: они превосходно справлялись съ журнальной тлѣй и Булгаринымъ, въ жуткія минуты приходилось прибѣгать къ другимъ своимъ талантамъ—*не литературнымъ*. *Мнемозинѣ* пришлось сложить оружіе, и не столько потому, что для нея страшенъ былъ Булгаринъ, сколько по несоотвѣтствію ея тона и содержанія вкусамъ и умственному уровню

[119]) *Мнемозина*. М. 1824, часть II.

публики. Та же исторія произойдетъ и съ *Московскимъ Вѣстникомъ*, дѣтищемъ той же передовой философской и литературной молодежи.

Бѣлинскій очень мѣтко объяснилъ его кончину и его слова цѣликомъ можно примѣнить къ *Мнемозинѣ* и вообще ко всѣмъ литературнымъ предпріятіямъ благородныхъ любомудровъ.

«*Московскій Вѣстникъ*,—говоритъ Бѣлинскій,—имѣлъ большія достоинства, много ума, много таланта, много пылкости, но мало, чрезвычайно мало смѣтливости и догадливости и потому самъ былъ причиною своей преждевременной кончины. Въ эпоху жизни, въ эпоху борьбы и столкновенія мыслей и мнѣній, онъ вздумалъ наблюдать духъ какой-то умѣренности и отчужденія отъ рѣзкости въ сужденіяхъ».

Одоевскій, приблизительно, въ томъ же смыслѣ объяснялъ неудачу и своего альманаха. Онъ несравненно рѣзче, чѣмъ Бѣлинскій, изображаетъ «жизнь» и «борьбу». Это понятно, Бѣлинскій самъ *жилъ* и лично *боролся*, на него явленія той и другой области не могли производить эстетически-удручающаго впечатлѣнія. А кн. Одоевскій именно какъ эстетикъ судитъ о бурной сценѣ дѣйствительности.

«Я и мои товарищи,—пишетъ онъ,—были въ совершенномъ заблужденіи. Мы воображали себя на тонкихъ философскихъ диспутахъ портика или академіи, или по крайней мѣрѣ въ гостиной; въ самомъ же дѣлѣ мы были въ райкѣ: вокругъ пахнетъ саломъ и дегтемъ, говорятъ о цѣнахъ на севрюгу, бранятся, поглаживаютъ нечистую бороду и засучиваютъ рукава; а мы выдумываемъ вѣжливыя насмѣшки, остроумные намеки, діалектическія тонкости, ищемъ въ Гомерѣ или Виргиліи самую жестокую эпиграмму противъ враговъ нашихъ, боимся расшевелить ихъ деликатность».

Пораженіе неизбѣжное, и оно имѣло для кн. Одоевскаго тѣ же послѣдствія, какія гибель *Европейца* для Кирѣевскаго. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Одоевскій молчалъ и занялся службой.

Такова судьба даровитѣйшихъ шеллингіанцевъ. Они дурно справляются съ превратностями литературнаго поприща и еще неудачнѣе ведутъ себя какъ просвѣтители публики. Они не понимаютъ и не знаютъ своихъ читателей. Они слишкомъ аристократичны, не по убѣжденіямъ и еще менѣе сословнымъ предразсудкамъ, а по пріемамъ дѣятельности. Они—господа, говорящіе толпѣ умныя рѣчи съ балкона и способные придти въ ужасъ при одной мысли спуститься на улицу и сойтись лицомъ къ лицу съ своими слушателями.

Естественно, слушатели остаются совершенно равнодушными и къ рѣчамъ, и къ самимъ ораторамъ. Судьба жестокая, несправедливая, но законная и неотразимая!

Послѣ *Мнемозины* дѣятельность товарищей и единомышленниковъ Одоевскаго не прекратилась немедленно. Они нашли пріютъ въ другихъ журналахъ, хотя ихъ скоро поразилъ страшный ударъ: смерть вырвала изъ ихъ среды едва ли не самую блестящую надежду русской философской критики двадцатыхъ годовъ.

XLI.

Веневитиновъ, кромѣ *Плана*, успѣлъ написать еще нѣсколько статей—незначительныхъ по размѣрамъ, но въ высшей степени содержательныхъ. Отголоски ихъ будутъ встрѣчаться намъ вплоть до самаго зрѣлаго періода критики Бѣлинскаго.

Мы знаемъ негодованіе Веневитинова на поэтическій произволъ новой литературы, на понятіе о романтизмѣ, какъ о полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было руководящихъ идей для поэтическаго творчества.

Это понятіе составилось вполнѣ естественно: романтизмъ устранялъ классическую школу, т.-е. системы, формулы, правила, очевидно, онъ самъ—полная неограниченная свобода, капризная игра фантазіи и всевозможныя прихоти поэтической личности. Подтвержденіе этой теоріи не трудно было найти и въ западномъ романтизмѣ: бурные германскіе геніи могли служить безукоризненными образцами *натиска* въ какомъ угодно *нелогическомъ* направленіи. Страстная протестующая поэзія Байрона не противорѣчила тому же представленію. Надеждинъ имѣлъ основаніе напасть на *лжеромантизмъ*, на разнузданность нарочито своевольнаго воображенія и преднамѣренныя оскорбленія здравому смыслу и осмысленной красотѣ.

Надеждинъ могъ бы сослаться даже на теорію, не только на практику современныхъ романтиковъ, напримѣръ, на произведеніе Ореста Сомова *О романтической поэзіи*. Здѣсь романтизмъ опредѣлялся какъ «прихоть своенравной поэзіи, которая отметаетъ все обыкновенное, требуя новаго и небывалаго».

Но московскій профессоръ не представлялъ ясно цѣли своихъ нападеній, а главное, не имѣлъ для собственнаго обихода точнаго представленія о романтизмѣ и могъ громить однимъ ударомъ и уродливыя упражненія бездарныхъ фантазеровъ, и Пушкина вмѣстѣ съ Байрономъ.

А между тѣмъ настоятельно было освободить новую литературу отъ упрековъ въ безпринципности, указать и на новомъ пути принципы, по достоинству отнюдь не уступающіе старымъ правиламъ.

Эту цѣль и имѣлъ въ виду Веневитиновъ.

Защищая необходимость научнаго философскаго просвѣщенія, онъ требовалъ отъ литературы «болѣе думать, нежели производить».

Молодой критикъ отвергалъ самодовлѣющее искусство, и общественное значеніе поэта опредѣлилъ въ такихъ выраженіяхъ, какія Бѣлинскій повторилъ только въ послѣдніе годы своей дѣятельности.

«Для общества, — писалъ Веневитиновъ, — безполезенъ поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ и, слѣдовательно, уклоняется отъ цѣли всеобщаго совершенствованія».

Полемизируя съ Полевымъ изъ-за *Евгенія Онѣгина*, Веневитиновъ настаивалъ на «исторической точкѣ зрѣнія въ искусствѣ», и на «одной основной мысли» критическихъ воззрѣній. Исторія научитъ насъ, что романтическая поэзія вовсе не заключается только «въ неопредѣленномъ состояніи сердца», и что «поэты не летаютъ безъ цѣли и какъ будто единственно на зло піитикамъ». Въ самой поэзіи имѣются свои постоянныя правила, каковыя имъ должна открыть философія и исторія.

И на этомъ основаніи Веневитиновъ требовалъ отъ поэтовъ «философіи времени», т.-е. умственнаго развитія, стоящаго на уровнѣ эпохи, отъ критиковъ—руководящихъ идей, отъ профессоровъ, вродѣ Мерзлякова, — признанія «постепенности существеннаго развитія искусства».

Насъ часто поражаетъ *буквальное* совпаденіе идей Веневитинова и Бѣлинскаго, и уже этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, по какому пути направилась бы критика молодого автора.

Напримѣръ, въ статьѣ объ *Евгеніи Онѣгинѣ* Веневитиновъ признаетъ единственно разумный способъ цѣнить явленія словесности—«степенью философіи времени, а въ частяхъ по отношенію мыслей каждаго писателя къ современнымъ понятіямъ о философіи». И съ этой точки зрѣнія, прибавляетъ Веневитиновъ, и «Аристотель не потеряетъ правъ своихъ на глубокомысліе».

Бѣлинскій въ 1842 году писалъ:

«Искусство подчинено какъ и все живое и абсолютное процессу историческаго развитія... Искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о нуждахъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія.

Веневитиновъ въ разгаръ ожесточеннѣйшихъ нападокъ *Вѣстника Европы* на *Руслана и Людмилу*, на основаніи этой поэмы предсказывалъ *національное* значеніе пушкинской поэзіи и народность опредѣлилъ такъ, какъ ее впослѣдствіи объяснялъ Гоголь и вмѣстѣ съ нимъ Бѣлинскій въ статьяхъ о Пушкинѣ.

«Народность отражается не въ картинахъ, принадлежащихъ какой-либо особенной странѣ, но въ самыхъ чувствахъ поэта, на-

питаннаго духомъ одного народа и живущаго, такъ сказать, въ развитіи, успѣхахъ и отдѣльности его характера».

Правда, понятіе *духа народа* весьма неопредѣленно, и мы увидимъ, самого Веневитинова оно не навело на вѣрное представленіе о пушкинскомъ романѣ. Пришлось другому критику того же направленія, исправить недоразумѣніе. Мы видѣли, нѣчто подобное произошло и съ Надеждинымъ, четыре года спустя опредѣлявшимъ народность словами Веневитинова. Ему также мелькомъ брошенная фраза о народности не помѣшала уничтожить *Евгенія Онѣгина*. Но, помимо частной ошибки, Веневитиновъ совершенно иначе понялъ самый талантъ Пушкина и его будущее развитіе, чѣмъ ученый сотрудникъ *Вѣстника Европы*.

Именно о статьѣ по поводу первой главы *Евгенія Онѣгина* Пушкинъ отозвался, что только ее одну прочелъ съ любовью и вниманіемъ: «все остальное или брань, или переслащенная дичь».

Поэтъ простеръ свое вниманіе дальше благосклонныхъ заявленій. Онъ читалъ у Веневитинова *Бориса Годунова*. Когда потомъ сцена Пимена съ Григоріемъ была напечатана въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, Веневитиновъ привѣтствовалъ ее статьей, написанной для *Journal de St.-Pétersbourg—Analyse d'une scène détachée de la tragédie de M. Pouchkin*. Статья появилась въ печати только въ полномъ собраніи сочиненій Веневитинова, но содержаніе ея не могло остаться тайной и мы указывали на странный поворотъ во мнѣніяхъ Надеждина о Пушкинѣ именно при появленіи *Бориса Годунова*. Мы не въ состояніи установить фактической связи между критикой Веневитинова и покаяніемъ профессора, но не должны упускать изъ виду и хронологическаго отношенія фактовъ.

Веневитиновъ въ трагедіи видѣлъ освобожденіе Пушкина отъ байроническихъ вліяній, рѣшался даже признать «поэтическое воспитаніе» поэта «законченнымъ». «Независимость его таланта—вѣрная порука его зрѣлости и его муза, являвшаяся только въ очаровательномъ образѣ грацій, принимаетъ двойной характеръ Мельпомены и Кліо».

Несомнѣнно, дальнѣйшее освобожденіе Пушкина и русской литературы отъ западнаго романтизма, ея переходъ къ національному реальному искусству также встрѣтилъ бы сочувствіе критика.

Но смерть прервала всѣ надежды, и идеи Веневитинова,—исторической, философской и общественной критики—должны были ждать полнаго своего воплощенія въ лицѣ Бѣлинскаго. А пока, непосредственно послѣ кончины Веневитинова раздались вопли Нікодима Надоумки...

Смерть Веневитинова глубоко поразила не только его ближайшихъ друзей. Едва ли не перваго *критика* оплакивали *поэты*.

Дельвигъ и Пушкинъ видѣли въ немъ чуткаго, художественно-одареннаго цѣнителя искуства.

Самъ поэтъ и въ то же время мыслитель, Веневитиновъ стремился слить въ идеальной гармоніи творчество и идею. Любопытно его доказательства философскаго содержанія гомеровскихъ поэмъ. Оно заключается въ ясномъ и простомъ отраженіи природы. Слѣдовательно, всякое правдивое и реальное творчество въ то же время глубоко-идейно, стоитъ на уровнѣ философскаго мышленія. Веневитиновъ не успѣлъ обѣлить всѣхъ выводовъ изъ своихъ общихъ положеній, не могъ даже выяснить съ должной полнотой и самыя положенія, но, несомнѣнно, въ его умѣ бродили начала плодотворнѣйшей художественно-идейной критики.

Это чувствовалось даже тѣми, кто врядъ ли могъ понимать всю точность философски-развитой натуры Веневитинова. Погодинъ, не находившій въ самомъ себѣ искреннихъ созвучій съ современнымъ философскимъ движеніемъ, фигура московскаго склада и славянофильской окраски, много лѣтъ спустя послѣ смерти молодого критика трогательно вспоминалъ объ его нравственной красотѣ.

«Дмитрій Веневитиновъ былъ любимцемъ, сокровищемъ всего нашего кружка. Всѣ мы любили его горячо. Точно такъ предшествовавшее поколѣніе, поколѣніе Жуковскаго, относилось къ Андрею Тургеневу, а слѣдующее, забредшее на другую дорогу, къ Николаю Станкевичу. Въ Карамзинскомъ кружкѣ это мѣсто занималъ Петровъ. И всѣ четыре поколѣнія лишились безвременно своихъ представителей, какъ будто принося искупительныя жертвы. Двадцать пять лѣтъ собирались мы остальные въ этотъ роковой день 15 марта въ Симоновъ монастырь, служили панихиду, и потомъ обѣдали вмѣстѣ, оставляя одинъ приборъ для отбывшаго друга» [120]).

Веневитиновъ очень скоро былъ оцѣненъ и въ литературѣ. Это понятно. Послѣ него оставалось не мало его единомышленниковъ, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ принципахъ новой критики. Веневитинова оцѣнили именно въ томъ смыслѣ, какъ онъ этого самъ желалъ бы. Въ немъ признали поэта-фолософа, писателя, обѣщавшаго съ великимъ блескомъ оправдать единодушные разсчеты молодежи на просвѣтительную службу отечеству.

Критикъ, давшій такую характеристику таланту и уму Веневитинова, нѣкоторое время оставался дѣйствующимъ лицомъ на литературной сценѣ, и въ отзывѣ о покойномъ поэтѣ излагалъ точную программу своей собственной критической дѣятельности.

Въ *Обозрѣніи русской словесности за 1829 годъ* Кирѣевскій

---

[120]) Барсуковъ, II, 92—3.

указывалъ на Веневитинова, какъ на самаго даровитаго поэта—послѣдователя германской мысли и литературы. Онъ «созданъ былъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его поэзіи и, можетъ быть, создателемъ его философіи».

Это назначеніе видно изъ поэзіи Веневитинова. Предъ нами *философъ, проникнутый откровеніемъ своего вѣка*, поэтъ глубокій и самобытный, такъ какъ у него чувство освѣщено мыслью и каждая мысль согрѣта сердцемъ, «мечта не украшается искусствомъ, но сама собою родится прекрасная». Такое творчество, ничто иное, какъ свободное развитіе собственной души поэта, не ума разукрашенное пренамѣренно и навязанное извнѣ. Это «созвучіе и сердца», отсюда содержательность и глубина веневитиновскихъ стиховъ: философія ему еще болѣе сродна, чѣмъ поэзія.

Видѣть въ подобныхъ качествахъ идеальное достоинство поэта, значитъ сознательно и безповоротно въ основу литературной критики полагать свободное вдохновеніе поэта и нравственное богатство его личности. Очевидно, теоріи сами собой становятся непримѣнимыми, и идейность обусловливаетъ цѣнность творчества.

Этими понятіями и руководился Кирѣевскій въ своей, къ великому ущербу русской критики, непродолжительной критической дѣятельности.

XLII.

Первая статья Кирѣевскаго, за подписью цифръ 9. 11, напечатана въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Журналъ явился отчасти взамѣнъ погибшей *Мнемозины*, по крайней мѣрѣ, въ составъ сотрудниковъ и новаго журнала входили представители философской молодежи, Веневитиновъ, Кирѣевскій. Пушкинъ и здѣсь стоялъ на первомъ планѣ среди поэтовъ, даже больше, горячо интересовался вообще судьбой журнала.

Вѣстникъ возникъ въ результатѣ союза Погодина и Пушкина. Въ этомъ заключалась его новая отличительная черта отъ прежняго органа передовой литературы, хотя оба журнала были дѣтищами одного и того же кружка. Но во главѣ *Мнемозины* сталъ философъ и мечтатель, Одоевскій; редакторомъ *Вѣстника* былъ выбранъ Погодинъ, а Пушкинъ смотрѣлъ на журналъ, какъ на свой личный органъ, долженствующій притомъ одолѣть *Телеграфъ* Полевого.

Эти факты въ высшей степени важны и могли бы быть богаты послѣдствіями, если бы у сотрудниковъ Погодина оказалось больше энергіи и практическихъ талантовъ.

Погодинъ не имѣлъ никакихъ нравственныхъ касательствъ къ философіи. Именовать ее галиматьей, подобно Каченовскому, онъ,

конечно, не имѣлъ духу при повальномъ увлеченіи «сока умной молодежи», германскимъ любомудріемъ, но это любомудріе совершенно не входило въ его самобытную душу. Сочувствіе равнодушію къ высокимъ матеріямъ онъ могъ усмотрѣть и въ краснорѣчивомъ замѣчаніи Пушкина: «за вами смотрѣть надо».

Замѣчаніе высказано по поводу намѣренія Погодина «опломить» альманахъ *Сѣверные цвѣты* «чѣмъ-нибудь капитальнымъ». Великій поэтъ не считалъ такихъ подвиговъ доблестными и въ журнальномъ дѣлѣ цѣлесообразными. Можно думать даже, Пушкинъ успѣхи поэзіи, особенно близкой его сердцу, ставилъ внѣ зависимости отъ философіи, смотрѣлъ на вопросъ совершенно практически. Если у поэта нѣтъ *дарованія*, не помогутъ ни философія, ни гражданственность [121]).

Пушкинъ, конечно, имѣлъ всѣ основанія рѣшать въ такомъ простѣйшемъ смыслѣ въ высшей степени сложный вопросъ. Его самого дѣйствительно одинъ талантъ провелъ между всевозможными подводными камнями современной словесности, въ открытое море свободнаго творчества.

Поэтъ, руководясь внушеніями своей исключительной природы, отдалъ только мимолетную дань романтизму и даже байронизму, соблазнительнѣйшему изъ всѣхъ искушеній, и съумѣлъ оцѣнить по достоинству и властителей своего юношескаго вдохновенія, и твердо стать на своемъ собственномъ пути.

Но совершенно иная судьба могла быть у другихъ, слабѣйшихъ, не столько по *таланту*, сколько по *личности*, по неспособности даже и большими силами пользоваться по *своей* программѣ, независимо отъ мнѣній большинства и даже вопреки имъ.

Пушкинъ считалъ своимъ *правомъ* идти наперекоръ вкусамъ публики, отчасти имъ же самимъ воспитаннымъ. И дѣйствительно шелъ, даже заранѣе предвидя непониманіе и вражду, могъ искренно удивляться сочувствію нѣкоторыхъ избранныхъ *Борису Годунову* и самоотверженно смѣяться надъ *Кавказскимъ плѣнникомъ*, популярнѣйшимъ произведеніемъ его музы среди читателей.

Многіе ли способны на такую роль?

И вотъ здѣсь же развитіе философіи и гражданственности являлось незамѣнимымъ подспорьемъ для поэта, сколько-нибудь переросшаго умственный и художественный уровень поклонниковъ классицизма и обожателей романтической школы въ духѣ Жуковскаго.

Пушкинъ на примѣрѣ Веневитинова могъ оцѣнить эту истину, и не одного только Веневитинова.

---

[122]) Критическія замѣтки. По поводу VII главы *Евг. Онѣгина*. *Сочин.* VII, 130.

Другой критикъ вызвалъ у поэта еще болѣе сочувственный отзывъ, и какъ разъ за статью, встрѣтившую залпъ насмѣшекъ въ современной журналистикѣ. Очевидно, философія могла быть соперницей поэзіи и именно такимъ представлялось ея назначеніе любомудрамъ шеллингіанскаго толка.

Первая статья Кирѣевскаго *Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина* еще рѣшительнѣе разсужденій Веневитинова знаменовала этотъ союзъ: недаромъ нѣсколько позже авторъ съ такой настойчивостью подчеркивалъ у самого Веневитинова органическую связь идеи и чувства.

Это первая статья, посвященная оцѣнкѣ вообще таланта Пушкина. Только въ 1828 году и отъ писателя молодой философской школы поэтъ дождался вдумчиваго и дѣйствительно литературнаго суда надъ своими произведеніями.

Авторъ дѣлитъ на три періода дѣятельность Пушкина, повторяя отчасти мысль Веневитинова, именно считая *Бориса Годунова* однимъ изъ знаменій *поэзіи русско-пушкинской*, т. е. безусловно самостоятельной, національной.

Но только *однимъ* изъ знаменій. Здѣсь существенное преимущество идеи Кирѣевскаго надъ критикой Веневитинова.

Кирѣевскій съ самаго начала убѣжденъ въ глубокой оригинальности пушкинскаго таланта, не исчезающей даже предъ могучимъ вліяніемъ Байрона, и не обнаруживающей своей силы развѣ только въ первый періодъ—*итальянско французскій*.

Критикъ понимаетъ достоинства *Руслана и Людмилы*, чисто поэтическія, художественныя. Пушкинъ пока—исключительно поэтъ, «передающій чисто и вѣрно внушенія своей фантазіи».

Во второмъ байроническомъ періодѣ онъ является *поэтомъ-философомъ*. Во главѣ произведеній этого направленія стоитъ *Кавказскій плѣнникъ*. Изъ всѣхъ поэмъ, по мнѣнію Кирѣевскаго, она менѣе всего удовлетворяетъ требованіямъ искусства, но «богаче всѣхъ силою и глубокостью чувства».

Поэтъ становится мыслителемъ и, слѣдовательно,—болѣе оригинальнымъ, чѣмъ просто поэтъ-художникъ. Онъ въ самой поэзіи стремится выразить «сомнѣнія своего разума», т. е. процессъ своей мысли, а это естественно сообщаетъ предметамъ «общія краски особеннаго воззрѣнія». Въ результатѣ—близость поэзіи къ дѣйствительности: Кавказскій плѣнникъ и Онѣгинъ—люди нашего времени съ ихъ пустотою и прозою.

Сходныхъ чертъ съ произведеніями Байрона можно найти не мало, но сходство обусловлено вовсе не механической случайной подражательностью русскаго поэта, а именно особыми достоинствами лиры Байрона, какъ «голоса своего вѣка». Эта жгучая *современность* байронической поэзіи и захватила Пушкина.

Ясно,—при такихъ условіяхъ подчиненія русскій поэтъ могъ сохранить особенности своего таланта, свое природное направленіе. И все это дѣйствительно сохранилось.

Веневитиновъ былъ не согласенъ съ критиками, обвинявшими Пушкина почти въ плагіатахъ,—но онъ не развилъ своей мысли, не показалъ пушкинской стихіи даже въ байроническихъ отголоскахъ, и можно думать онъ представлялъ ее весьма неясно — до *Бориса Годунова*.

По крайней мѣрѣ, *Евгеній Онѣгинъ* — въ первой главѣ — лишенъ, по мнѣнію Веневитинова *народности*. Критикъ даже возражалъ Полевому въ этомъ смыслѣ, нарочито опровергая статью *Телеграфа* о пушкинскомъ романѣ. Полевой, рѣшительно не признававшій серьезнаго значенія за новымъ произведеніемъ Пушкина, видѣлъ много «своего», «родного» въ легкомысленномъ *capriccio*. Веневитиновъ отвѣчалъ, что не слѣдуетъ «приписывать Пушкину лишнее» и не видѣлъ въ романѣ ничего народнаго, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и ресторацій.

Кирѣевскій понялъ *національность* самого характера Онѣгина. Правда, предъ Кирѣевскимъ было *пять* главъ романа, Веневитиновъ говорилъ только объ *одной*, но московское чайльдъ-гарольдство вполнѣ выяснялось съ самаго начала. На этомъ настаивалъ и самъ авторъ, отвергая сходство своего героя съ другимъ байроновскимъ лицомъ — Донъ-Жуаномъ. На этотъ счетъ г[illegible]лось опровергать Марлинскаго, критика — не философа, но [illegible]ъ не менѣе предубѣжденнаго противъ безусловной оригиальности Пушкина. Кирѣевскій поставилъ вопросъ на настоящую почву, и въ *психологіи* пушкинскаго творчества, въ его манерѣ изображать дѣйствительность—указалъ свидѣтельство независимаго національнаго дарованія.

Борисъ Годуновъ вызываетъ у Кирѣевскаго восторгъ — вѣрностью исторіи и народному складу характеровъ. Критикъ ждетъ отъ трагедіи «чего-то *великаго*» и считаетъ Пушкина «рожденнымъ для драматическаго рода».

Для насъ важна послѣдовательность, усмотрѣнная критикомъ въ постепенномъ ростѣ самобытности и народности пушкинскаго таланта. *Бориса Годунова* признавалъ и Надеждинъ, — но для него трагедія явилась сюрпризомъ и должна была произвести катастрофу во взглядахъ критика. Даже Веневитиновъ не умѣлъ провести связующей нити чрезъ всѣ произведенія Пушкина. Кирѣевскій имѣлъ въ виду именно эту задачу. Въ первой статьѣ она не выполнена съ необходимыми поясненіями и частными примѣрами, но важно, что авторъ созналъ ее и не упускалъ изъ виду и въ дальнѣйшихъ своихъ статьяхъ. Это было зарожденіемъ критики психологической и исторической. Въ идеѣ она не новость:

ея требовалъ Веневитиновъ. Но осуществлять практически пришлось Кирѣевскому.

Въ слѣдующей статьѣ *Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ*—критикъ попытался представить общую историческую картину русской литературы.

XLIII.

Кирѣевскій во главѣ новѣйшаго умственнаго развитія ставитъ современную господствующую философію. Онъ не называетъ имени Шеллинга, но вполнѣ точно опредѣляетъ основы его системы и искусно приводитъ ихъ въ связь съ научнымъ и нравственнымъ направленіемъ XIX-го вѣка.

Оно можетъ быть выражено двумя словами—*уваженіе къ дѣйствительности*. Это уваженіе политиковъ заставило обратиться къ исторіи и въ ней искать уроковъ для настоящаго и будущаго. Поэзія также приблизилась къ фактамъ и къ жизни, философія сосредочила свои силы на изученіи развитія природы и человѣка.

Кирѣевскій считаетъ это стремленіе высшей ступенью европейскаго просвѣщенія. Философія Шеллинга утвердила гармоническое міровоззрѣніе, объемлющее духъ и бытіе, идеи и дѣйствительность. Авторъ довольно искусственно—въ цѣляхъ стройности своего представленія—изображаетъ раннія ступени умственнаго прогресса. Они характеризуются французскимъ и нѣмецкимъ вліяніемъ. Одно пренебрегало «лучшей стороной нашего бытія—стороной идеальной и мечтательной», другое — полная противоположность: «идеальность, чистота и глубокость чувства», стремленіе къ темному, равнодушіе ко всему обыкновенному, ко всему, «что не *душа*, что не *любовь*».

Одно вліяніе было воспринято Карамзинымъ, другое—Жуковскимъ.

Можно многое возразить противъ этихъ разсужденій. Прежде всего автору, очевидно, новѣйшая германская философія представляется результатомъ примиренія французскаго и стараго германскаго міросозерцанія. А между тѣмъ, ни самъ авторъ, ни кто другой не могъ бы открыть отраженій французскаго матеріализма XVIII-го вѣка въ шеллингіанствѣ, и мы видѣли, Шеллингъ дошелъ до признанія права дѣйствительности какъ разъ подъ вліяніемъ научныхъ фактовъ и историческихъ событій, не имѣвшихъ ничего общаго съ дореволюціоннымъ просвѣщеніемъ. Это признаніе явилось въ полномъ смыслѣ симптомомъ *новаго* столѣтія, пореволюціонной эпохи. И сбивчивость мысли Кирѣевскаго тѣмъ любопытнѣе, что онъ указываетъ на исключительно-высокое положеніе исторіи среди современныхъ наукъ: «направленіе истори-

ческое обнимаетъ *все*». А этотъ фактъ менѣе всего можно привязать къ тому направленію, какое авторъ называетъ «французско-карамзинскимъ». Потомъ, неизвѣстно, какимъ образомъ Карамзина можно пріурочивать къ «жизни дѣйствительной»: напротивъ, болѣе фантастической «словесности» съ притязаніями на «идеальность, чистоту и глубокость чувствъ» — наша литература не знаетъ. Очевидно, авторъ не позаботился ни для читателей, ни даже для себя самого разъяснить свою философію исторіи русской литературы. Но существеннымъ фактомъ остается признаніе исторической и культурной неудовлетворительности карамзинской и романтической школы. Отсюда логически вытекалъ принципъ національнаго реализма.

Именно на основаніи этого принципа *Полтава* признается лучшей поэмой Пушкина: она—*историческая* въ истинномъ смыслѣ слова; она посвящена не *мечтательности*, а *существенности*, т. е. не порывамъ воображенія, а дѣйствительности. Критикъ находитъ и нѣкоторые недостатки, т. е. противорѣчія *истинѣ*—положительной, жизненной правдѣ, напримѣръ, романическая чувствительность Мазепы, когда онъ узнаетъ хуторъ Кочубея. «Эта сцена изъ Корнеля, вплетенная въ трагедію Шекспира».

Уже такое сравненіе показываетъ, чего критикъ искалъ у Пушкина и какъ высоко ставилъ его талантъ. По его мнѣнію, словесность русская еще не доросла до направленія Пушкина, и поэма не могла имѣть видимаго вліянія на литературу.

Это совершенно вѣрный взглядъ, подтвержденный исторіей. Естественно, Пушкинъ привѣтствовалъ статью Кирѣевскаго, назвалъ ее «краснорѣчивой и полной мыслей». Но ему пришлось считаться съ злополучнѣйшимъ выраженіемъ, въ недобрую минуту слетѣвшимъ съ пера критика.

Фраза сдѣлала настоящую карьеру и долгое время не сходила со страницъ журналовъ, не согласныхъ со взглядами Кирѣевскаго или вообще считавшихъ лишними всякіе взгляды, особенно философскіе.

Характеризуя одного изъ подражателей-поэтовъ, барона Дельвига, Кирѣевскій пустился въ фигуральныя словоизвитія и нарисовалъ такую картину:

«Его муза была въ Греціи; она воспиталась подъ теплымъ небомъ Аттики; она наслушалась тамъ простыхъ и полныхъ, естественныхъ, свѣтлыхъ и правильныхъ звуковъ лиры греческой; но ея нѣжная краса не вынесла бы холода мрачнаго Сѣвера, если бы поэтъ не прикрылъ ее нашею народною одеждою; если бы на ея классическія формы не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унынія: и не къ лицу ли гречанкѣ нашъ сѣверный нарядъ?»

Эта «душегрѣйка» съ восторгомъ была встрѣчена современною

печатью, и журналы немедленно воспользовались дешевой потѣхой. Но не одобрили душегрѣйки и такіе читатели, какъ Жуковскій и Пушкинъ. Совершенно основательно можно было опасаться за судьбу самыхъ здравыхъ критическихъ идей среди большой публики изъ-за подобной игры стиля.

Но мы уже могли не разъ замѣтить даже по краткимъ образцамъ, что критики-философы далеко не отличались мастерствомъ формы. Одоевскій, повидимому, безпрестанно ощущалъ сердечную тоску по выспренности и загадочности философическаго діалекта; Веневитиновъ, стремившійся къ идеальной ясности, не достигъ ея въ своихъ статьяхъ, а Кирѣевскій вдавался въ аллегорію и лирическія фигуры сомнительнаго достоинства. Мы вспомнимъ всѣ эти изъяны философской критики, когда сопоставимъ съ ней произведенія менѣе ретивыхъ любомудровъ и болѣе искусныхъ публицистовъ,—вродѣ Полевого. Пробѣлы произведутъ на насъ тѣмъ болѣе прискорбное впечатлѣніе, что бойкой публицистикѣ недоставало, въ свою очередь, многихъ положительныхъ качествъ философской критики, и только совмѣстная и единодушная работа представителей одного въ сущности критическаго направленія, но разныхъ типовъ, могла бы спасти русскую критику отъ безплодныхъ метаній въ разныя стороны и утвердить ее на прочномъ пути послѣдовательнаго развитія.

Эти метанія очень энергично осуждены тѣмъ же Кирѣевскимъ, въ его послѣдней большой статьѣ о современной литературѣ—*Обозрѣніе русской словесности за 1831 годъ.*

Кирѣевскій сѣтуетъ на отсутствіе опредѣленныхъ идей въ русской критикѣ: это еще было горемъ Веневитинова. И нашъ авторъ указываетъ тотъ же источникъ смуты: у русскихъ критиковъ нѣтъ самобытности вкуса, всѣ они поддаются тѣмъ или другимъ иноземнымъ внушеніямъ. Они не успѣли воспитаться на образцахъ отечественныхъ, и появленіе талантливыхъ произведеній застаетъ ихъ врасплохъ.

Замѣчаніе въ высшей степени умѣстное!

Привычка XVIII вѣка сравнивать русскихъ писателей непремѣнно съ иностранными классиками и именовать ихъ «россійскій Вольтеръ», «нашъ Лафонтенъ» и даже «россійская Сафо» долго не вывѣтривалось ни подъ какими новыми вліяніями. Мѣста французскихъ классиковъ заняли англійскіе и нѣмецкіе, и мы увидимъ, что на языкѣ Полевого означало: «гуморъ Шекспировъ», «исполинскія остроты Гюго», «многостороннія творенія Гёте»... Ни болѣе, ни менѣе, какъ рѣшительные приговоры Пушкину и Гоголю.

А между тѣмъ Полевой считалъ себя и былъ въ дѣйствительности однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и независимыхъ критиковъ своего времени.

Великаго труда стоило русскимъ людямъ дойти до самой, повидимому, простой мысли: разъ русскіе—особая національность, имѣютъ свою исторію и создали свои нравы и свое міросозерцаніе, естественно среди нихъ появиться и особымъ писателямъ, не похожимъ ни на Гёте, ни на Гюго и сильнымъ своими силами и красивымъ своими чертами.

Первая половина этого разсужденія была легко усвоена подъ многообразными воздѣйствіями фактовъ и идей, но вторая давалась крайне медленно. И нетолько критикамъ, имѣвшимъ личные и литературные счеты, напримѣръ, съ Пушкинымъ, но даже друзьямъ поэта и далеко не послѣднимъ величинамъ въ художественной литературѣ и въ критикѣ.

Будто оправдывалась старая истина, что русскіе особенно неохотно признаютъ отечественные таланты и въ культурномъ отношеніи такъ мало развиты и такъ мало терпимы и вдумчивы, что скорѣе согласятся не понять и осудить, чѣмъ радушно и любовно приглядѣться къ новому лицу и привѣтствовать его истинныя достоинства. Во всякомъ случаѣ, Кирѣевскому удалось напасть на самый болѣзненный недугъ русской критики и пояснить свой діагнозъ чрезвычайно удачнымъ примѣромъ.

Появился *Борисъ Годуновъ*, и посмотрите, что произошло среди русскихъ Аристарховъ!

«Иной критикъ, помня Лагарпа, хвалитъ особенно тѣ сцены, которыя болѣе напоминаютъ трагедію французскую, и порицаетъ тѣ, которымъ не видитъ примѣра у французскихъ классиковъ. Другой, въ честь Шлегеля, требуетъ отъ Пушкина сходства съ Шекспиромъ, и упрекаетъ за все, чѣмъ поэтъ нашъ отличается отъ англійскаго трагика, и восхищается только тѣмъ, что находитъ между обоими общаго... И эта привычка смотрѣть на русскую литературу сквозь чужіе очки иностранныхъ системъ до того ослѣпила нашихъ критиковъ, что они въ трагедіи Пушкина нетолько не замѣтили, въ чемъ состоятъ ея главныя красоты и недостатки, но даже не поняли, въ чемъ состоитъ ея содержаніе».

Кирѣевскій приглашалъ читателей взглянуть на трагедію «глазами не предубѣжденными системою», «отказаться отъ многихъ школьныхъ и ученыхъ предразсудковъ», вообще судить Пушкина, какъ поэта независимаго, оригинальнаго, не обязаннаго непремѣнно находиться въ вѣрноподданствѣ у теорій и у образцовъ.

Это разсужденіе ничто иное, какъ признаніе *свободы художника*, какъ о ней заявилъ Грибоѣдовъ, и повтореніе истины, высказанной Пушкинымъ по поводу грибоѣдовской комедіи: «Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ».

Пушкинъ написалъ эти слова одновременно съ заявленіемъ

Грибоѣдова, т. е. лѣтъ на шесть раньше Кирѣевскаго. Такъ медленно *идеи* критики совпадали съ *инстинктами* художниковъ! Но совпаденіе все-таки происходило, и именно у молодыхъ шеллингіанцевъ, ярко подчеркивая всю жизненность и глубину ихъ литературно-философскихъ стремленій.

Кромѣ того, и *смѣлость* стремленій. Кирѣевскій, сравнивъ разъ поэму Пушкина съ шекспировскими, теперь дѣлаетъ еще болѣе отважный шагъ: рѣшается *Бориса Годунова* сопоставить съ *Прометеемъ* Эсхила. Это классическое общеобожаемое произведеніе также не трагедія, а *стихотвореніе*, въ «ней еще менѣе *ощутительной* связи между сценами», и въ ней также «развивается воплощеніе мысли».

Выводъ давно намъ извѣстный: «въ Годуновѣ Пушкинъ выше своей публики», какъ онъ былъ выше и въ *Полтавѣ*. Не стояли въ уровень съ нимъ и отечественные Лагарпы и Шлегели. При такихъ условіяхъ настоятельной и по истинѣ спасительной являлась дѣятельность критиковъ, умѣвшихъ отрѣшаться и отъ классическихъ, и романтическихъ предразсудковъ, смотрѣть глазами безъ очковъ и судить русскихъ поэтовъ безъ справокъ съ какими бы то ни было авторитетами.

Но будто злой рокъ тяготѣлъ надъ молодыми критиками-философами. Одинъ за другимъ они быстро сходили со сцены и оставаясь въ цвѣтѣ силъ, очищали поприще «сорокамъ низовскимъ», по выраженію Пушкина. Вмѣстѣ съ *Мнемозиной* ушелъ въ святилище отрѣшенной мысли Одоевскій, съ *Европейцемъ* замолчалъ Кирѣевскій, почти одновременно постигла безвременная кончина и *Московскій Вѣстникъ*. Нива русской критики окончательно поросла бы плевелами, если бы нѣкоторое, правда, непродолжительное время не оставался на стражѣ литературы и литературной публицистики журналъ Полевого «Московскій Телеграфъ».

Ив. Ивановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ МОРО.

На закатѣ.

1.

Кто злыхъ ошибокъ не избѣгъ?
Жалѣть о нихъ? Но жизнь уходитъ,
И все, что̀ въ сердцѣ смутно бродитъ—
Все успокоится навѣкъ.

—

Мирись-же съ тѣмъ, что отзвучали
Иныя струны навсегда;
Безъ злобы вспомни, безъ печали
Невозвратимые года̀.

—

Живи минутой настоящей,
За все судьбу благодари,
За тьму ночей за лучъ зари,
Сіяющій надъ темной чащей...

—

Обиды горькія забудь,
Внимая кроткому прощенью;
Не омрачай недолгій путь
Вражды и ненависти тѣнью.

—

Ты видишь, буйный вихрь утихъ,
Сіяетъ небо въ дымкѣ алой,
Покой и миръ—въ душѣ усталой,
Закатъ безоблаченъ и тихъ.

—

Навѣки бури отшумѣли,
Смирилась зыбь мятежныхъ волнъ,
Онъ миновалъ земныя мели —
Твой утлый челнъ.

2.

Посреди нестройныхъ пѣсенъ
И крикливыхъ голосовъ,
Несмолкаемъ и чудесенъ.
Слышу я все тотъ же зовъ.

—

— Въ испытаньяхъ и кручинѣ
Сохрани священный жаръ;
Пусть иные изъ святыни
Въ мірѣ создали базаръ;

—

Пусть кумиры ихъ изъ злата,
Пусть сіяютъ алтари,
Изукрашены богато —
Пустота у нихъ внутри!

—

Торжество ихъ скоротечно.
Блескъ наружный — мишура;
Вѣрь, незыблемо и вѣчно
Царство правды и добра! —

О. Чюмина.

UNIV. OF CALIFORNIA

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Братская Помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ». — Богатство сборника фактическимъ матеріаломъ.—«Въ борьбѣ съ дьяволомъ», г. Короленко.—«Еще изъ міра отверженныхъ», г. Мельшина.—«Русскій марксизмъ и его будущее», г. Кандидата философіи.

«Братская Помощь»—такъ озаглавили издатели сборникъ статей, въ пользу пострадавшихъ въ Турціи армянъ,—и горькое чувство начинаетъ шевелиться въ душѣ читателя, по мѣрѣ того, какъ на страницахъ этой книги предъ нимъ развертывается ужасающая картина бѣдствій, обрушившихся на тихій, трудолюбивый, родственный намъ по вѣрѣ народъ.

Какіе мы братья?!...

Братское чувство диктовало извѣстной части нашей печати тѣ инсинуаціи, клеветы и заподозриванія, которыми она отвѣчала на доносившіеся до нея вопли избиваемыхъ? Братское чувство руководило нами, когда открытый для сбора пожертвованій армянскій комитетъ взывалъ о помощи, и страна въ 130 милліоновъ отвѣчала жалкими грошами, цифру которыхъ лучше не приводить? Есть уничтожающее чувство стыда, которое не позволяетъ говорить, когда надо дѣйствовать.

«Я надѣюсь, что каждый англичанинъ сочтетъ своимъ долгомъ внимательно ознакомиться съ документами, представляющими въ истинномъ свѣтѣ современное положеніе армянскаго вопроса»,—говорилъ Гладстонъ на митингѣ 1895 года. Эти слова съ такимъ же правомъ могутъ быть обращены и къ русскому читателю, который едва ли больше англичанъ знаетъ самый вопросъ. Иначе трудно было бы объяснить, почему съ такой легкостью проникаютъ въ публику нововременскіе взгляды на армянъ, встрѣчая если не полное довѣріе, то и не вызывая противодѣйствія. Иначе трудно повѣрить, чтобы русскіе люди, о «любвеобиліи» и «всечеловѣчности» которыхъ намъ не устаетъ твердить *вся* русская литература, оставались нечувствительны къ массовымъ избіеніямъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей на нашей границѣ,—избіеніямъ, параллель которымъ надо искать въ походахъ Чингиса и Тамерлана.

Можетъ быть, съ иными изъ нашихъ читателей произойдетъ такой же переворотъ, какъ съ скептикомъ-англофобомъ г. Гольмстремомъ. «Теперь,—писалъ онъ въ «С.-Пет. Вѣд.» въ 1897 г., — ознакомившись съ положеніемъ армянъ въ Турціи, *я всему вѣрю*, хотя, видитъ Богъ, я былъ бы радъ не вѣрить, хотя отъ этой вѣры мнѣ больно, мнѣ горько и позорно, хотя, желая оправдать свои прежніе взгляды, я вчитывался въ каждую строчку, напрягалъ всѣ силы своихъ критическихъ способностей, чтобы отыскать англійскую интригу, армянскую недобросовѣстность, чтобы почувствовать фальшь, преувеличеніе, передержку. Мои усилія оказались тщетными: строчки книги («Положеніе армянъ въ Турціи»), чистыя, какъ кристаллъ, проходили рядъ за рядомъ

передъ моими глазами, западали мнѣ въ душу, леденили, давили сердце». Уяснивъ свою ошибку, г. Гольмстремъ честно сознается въ ней и рекомендуетъ всякому убѣдиться, что «истребленіе армянъ направлено исключительно противъ Россіи». Дѣлаетъ честь, конечно, г. Гольмстрему такое сознаніе въ своей неправотѣ, но въ высокой степени характерна самая ошибка, ея предвзятость. Не ознакомившись съ вопросомъ, онъ уже напередъ предположилъ, что массовое избіеніе армянъ, котораго онъ и ранѣе не могъ отрицать, это—интрига «англичанки», и затѣмъ обычные упреки—не по адресу Турціи, не въ защиту избиваемыхъ, а—противъ проблематической виновницы.

Любвеобиліе и всечеловѣчность — смутныя, крайне растяжимыя и весьма неопредѣленныя качества, почему мы ихъ оставимъ въ покоѣ. Намъ не достаетъ прежде всего знаній, фактическихъ, грубыхъ данныхъ, чѣмъ и пользуются люди, меньше всего преслѣдующіе выясненіе истины и больше всего заинтересованные въ личныхъ цѣляхъ. На послѣднемъ мы настаиваемъ, потому что нельзя понять, когда на краткія, но вѣскія сообщенія телеграфа намъ отвѣчаютъ: «Это пустяки... Къ тому же, вѣдь, это—интриги коварнаго Альбіона!» И тутъ же начинаются инсинуаціи по адресу Англіи и издѣвательства надъ армянами. Армяне своей эксплуатаціей обездолили чудный Кавказскій край; разбойничество, столь распространенное тамъ и мѣшающее правильному теченію жизни, процвѣтаетъ благодаря армянамъ, которые съумѣли проникнуть въ ряды администраціи и овладѣли ею («Москов. Вѣд.» 1896 г., № 354). Только нашимъ невѣжествомъ и нежеланіемъ знать можно объяснить наше легковѣріе и нечувствительность, чѣмъ и пользуются «человѣколюбивые» дѣятели извѣстнаго сорта. И они въ своемъ правѣ дѣлать это, но отвѣтственность за это ихъ «право» и стыдъ за послѣдствія его падаетъ всецѣло на насъ, на наше поразительное равнодушіе, свидѣтельствующее объ оскудѣніи всякаго,—не говоримъ «общественнаго»,—чувства къ чужому страданію, чужой бѣдѣ.

Въ нашемъ журналѣ (см. «М. Б.» *), 1896 г., янв. «Крит. замѣтки») говорилось уже, каковы тѣ «пустяки», которымъ подвергается армянскій народъ. Съ тѣхъ поръ накопилось еще больше матеріала, засвидѣтельствованнаго документально,—какъ принято выражаться въ судахъ,—о тѣхъ невѣроятныхъ событіяхъ, которыя совершаются открыто, въ присутствіи, если можно такъ выразиться, всей Европы. «Братская Помощь» собрала эти животрепещущія свидѣтельства, эти листы донесеній пословъ и корреспонденціи, залитыя кровью. Если событія въ Сассунѣ, гдѣ-то въ горахъ далекой Арменіи, для многихъ звучащей какъ дикія мѣстности центральной Африки,—нуждались въ разслѣдованіяхъ, требовали спеціальныхъ корреспондентовъ, то августовскія событія въ Константинополѣ 1896 г. по своей близости и наглядности не требовали никакихъ ни доказательствъ, ни подтвержденій. Напротивъ, эта наглядность совершавшагося, демонстративность только усиливалась присутствіемъ Европы, безстрастно взиравшей, какъ на улицахъ Константинополя шла «охота на людей на законномъ основаніи». Читая описаніе этого событія, не знаешь, чему больше удивляться—палачамъ и ихъ усердію, или свидѣтелямъ и ихъ равнодушію. «Мимо, по набережной,—пишетъ случайная свидѣтельница, г-жа О. Кайданова, — ѣхали кареты, открытые экипажи, въ которыхъ, судя по одеждѣ, сидѣли видныя лица города; прохаживалась полиція—небольшіе отряды, человѣкъ по 10; жизнь шла своимъ порядкомъ,—никто какъ бы не хотѣлъ обращать вниманія на происходившіе у всѣхъ на глазахъ убійство и грабежъ. И что особенно производило странное впечатлѣніе, такъ это то, что тутъ же, въ виду этого повальнаго истребленія людей, стояли вдоль берега и дальше въ проливѣ

*) Кромѣ того, въ отдѣлѣ «Заграницей» неоднократно приводились разныя сообщенія о положеніи армянъ въ Турціи и о турецкой администраціей. *Ред.*

громадныя суда—представители всѣхъ европейскихъ державъ. Вся эта рѣзня не производила бы, кажется, такого вдвойнѣ ужаснаго впечатлѣнія гдѣ-нибудь въ глуши, въ какомъ-нибудь захолустномъ турецкомъ городишкѣ, но не здѣсь, въ столицѣ, въ присутствіи всѣхъ властей, мѣстныхъ и иностранныхъ. Это не была стычка, война, подавленіе возстанія, а просто какое-то отвратительное, повальное, массовое убійство, *охота на человѣка»* (стр. 79, II отд. «Бр. Пом.»). Можно сказать, что конецъ XIX в. остался вѣренъ одному изъ своихъ принциповъ—не бояться гласности: Варѳоломеевская *ночь* въ концѣ XVI в. совершилась все же ночью. Константинопольскія убійства длились 3 *дня*, именно—*дня*, а не ночи, потому что турецкія власти, распоряжавшіяся убійствами, ночью спали.

Въ превосходномъ описаніи этой рѣзни у Бреара, приведенномъ въ «Бр. Помощи», которое,—мы надѣемся,—сочтетъ долгомъ прочесть каждый русскій, есть разсказъ очевидца, дополняющій слова г-жи Кайдановой. Мы приводимъ его цѣликомъ, какъ картину, единственную въ исторіи XIX в. Правда, этому вѣку довелось-таки видать виды и прежде, но тамъ шла *борьба*, проявлялось вызванное ею ожесточеніе,—здѣсь не было борьбы, шло *избиваніе*. Въ высшей степени важно понять, наконецъ, русскому читателю, что въ армянскомъ вопросѣ, съ начала его и до нашихъ дней, не было и нѣтъ борьбы, а систематическое истребленіе, самымъ примитивнымъ образомъ, слабаго сильнымъ.

Вотъ это описаніе—разсказъ *турка*, одного бея, лично знакомаго Бреара.

«Въ среду, утромъ, 26 августа, также какъ и всегда, я сѣлъ въ Скутари, гдѣ я живу, въ лодку, и около половины перваго высадился у большого моста. Я отправился въ Галату на набережную къ одному христіанину, у котораго своя контора въ Алексіади-Ханъ (Ханъ—большое зданіе, съ однимъ выходомъ на улицу). Высаживаясь, я услыхалъ ружейные выстрѣлы со стороны Перы, и мнѣ сказали, что въ Оттоманскомъ банкѣ бунтуютъ. Я былъ передъ галатскимъ полицейскимъ постомъ. Солдаты впускали туда толпы плохо одѣтыхъ людей, которые уже съ недѣлю,—какъ я это замѣтилъ въ предъидущіе дни,—усаживались съ утра по краямъ тротуаровъ у входа на мостъ. Скоро эти люди вышли изъ полиціи съ палками и принялись нападать на армянскихъ хамаловъ (носильщиковъ). Они останавливали хамала, опрокидывали его ношу, укладывали его однимъ ударомъ дубины по затылку, хамалъ вскрикивалъ «хи», и они доканчивали его. Тѣхъ, кто хотѣлъ бѣжать, не пропускали солдаты. А кто говорилъ: «я турокъ», тѣхъ осматривали, и если онъ оказывался не мусульманиномъ, его изувѣчивали, а потомъ убивали. Но били только армянъ. Съ ними были шпіоны, которые ихъ показывали. Съ каждаго убитаго доносчики стаскивали сандаліи; имъ, вѣроятно, должны были заплатить съ пары, потому что они брали съ собой и такія, за которыя никто бы не далъ и одного *пара* (одинъ сантимъ).

«Когда я подошелъ къ группѣ, убивавшей одного старика, одинъ изъ полицейскихъ сказалъ мнѣ: «уходи прочь, тебѣ здѣсь нечего дѣлать», и немного толкнулъ меня. Я пошелъ по набережной въ Алексіади-Ханъ. Я подошелъ къ нему какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ запирали ворота. Внутри было человѣкъ сорокъ, все христіане, кромѣ одного турка изъ Андика и меня, все европейцы или греки, кромѣ шести армянъ. Они заперли ворота и подкатили къ нимъ тюки и мѣшки. Мы услышали, какъ стучатся въ Миллетъ-Ханъ, который находился по другой сторонѣ улицы, и поднялись на террасу. Мы увидѣли, какъ толпа ворвалась въ Миллетъ-Ханъ, выломивъ двери; а снаружи солдаты оберегали ходъ. Изнутри были слышны удары и крики. Одинъ армянинъ, взойдя на террасу, показалъ намъ знаками, что тамъ рубятъ головы. Онъ что-то кричалъ, но мы ничего не могли слышать отъ ружейныхъ залповъ: солдаты на набережной стрѣляли въ деревянный домъ, что около Ліонскаго кредита.

*

«Мы должны были удалиться съ террасы, потому что стрѣляли также и въ насъ. Толпа же, покончивъ съ Миллетъ-Ханомъ, стала стучаться въ наши ворота, а товарищи мои не хотѣли отворять. Это было полное безуміе, потому что у нашего хана были окна въ нижнемъ этажѣ, и уже убійцы срывали съ нихъ рѣшетки желѣзными поперечинами. Поэтому я распорядился убрать тюкъ и закричалъ по турецки: «сейчасъ отопру, я турокъ, бей изъ Х...». Мнѣ отвѣчали по албански: «отворяй братъ», и прежде всего я увидѣлъ въ открытую дверь двухъ албанцевъ, двухъ тюфекчи султана (*тюфекчи* — почетный караулъ султана, состоящій исключительно изъ албанцевъ). Я зналъ ихъ обоихъ. Они меня сейчасъ же узнали и, чтобы остановить напиравшую сзади толпу, поцѣловались со мной. Потомъ спросили, есть ли у насъ армяне. Я отвѣчалъ, что далъ всѣмъ этимъ христіанамъ мое *беза* (честное слово, клятва защиты между албанцами). Тогда они раздвинули толпу убійцъ и дали намъ выйти. Но какъ только мы миновали убійцъ, намъ загородили дорогу полиція и солдаты. Они хотѣли вернуть насъ въ ханъ, чтобы тамъ убить насъ. Я кликнулъ албанцевъ, которые съ сердцемъ сказали: «Господинъ (падишахъ) велѣлъ убивать только армянъ, а это — албанцы». Но одинъ изъ шпіоновъ указалъ на армянъ, и уже убійцы схватили ихъ, но албанцы выхватили револьверы и съ яростью закричали: «У нихъ *беза* бея, и вы не убьете ихъ!» Потомъ они проводили насъ и армянъ до Перы, и армяне убѣжали».

Этотъ эпически простой разсказъ такъ краснорѣчивъ, что всякое добавленіе только испортило бы его.

Все было заготовлено заблаговременно,—заключаетъ свой отчетъ Брераръ,—убійцы, дубины, шпіоны и телѣжки. Все двинулось, все остановилось какъ по командѣ. Всѣ повиновались паролю: «Падишахъ дозволилъ убивать армянъ». На *шесть*, на *семь* тысячъ жертвъ (это минимальная цифра) выдалось едва тридцать—сорокъ случайныхъ убійствъ, гдѣ ошибка стоила жизни греку или другому европейцу, которые съ виду слишкомъ походили на армянъ.

Если подобныя сцены совершались на виду всей Европы, при безстрастномъ присутствіи «грозныхъ» броненосцевъ, что же происходило въ глуши, вдали отъ этихъ, хотя и спокойныхъ, но все же свидѣтелей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ приведенная въ «Братской Помощи» *оффиціальная* справка изъ «Желтой книги», представляющей отчетъ французской миссіи парламенту. Эту книгу вѣрнѣе бы назвать кровавой, а не желтой. Приводимъ итоги, цифры которыхъ способны пронять даже нововременскія сердца,—ибо, навѣрное, и у нововременцевъ есть что-нибудь въ родѣ сердца. По крайней мѣрѣ, корреспондентъ «Новаго Времени», описавъ константинопольскую рѣзню и послѣдовавшую затѣмъ расправу съ младо-турками, замѣчаетъ: «Европейцы въ Константинополѣ теперь *не ѣдятъ рыбы* (курсивъ корреспондента). И мнѣ босфорская рыба противна: она слишкомъ жирна».

Итакъ, эти итоги *французской* миссіи,—напираемъ на источникъ, потому что будь это *англійской* миссіи, франко-русскія сердца могли бы ихъ заподозрить въ нарочитомъ преувеличеніи,—свидѣтельствуютъ, что за время съ 1895 г. по 1896 г. включительно убито «населенія», т. е. не разбираючи ни пола, ни возраста, ни лица, въ Сассунѣ до 40.000, въ Требизондѣ до 500, въ Діарбекирѣ до 30.000, въ Сивасѣ до 1.000, въ Орфѣ до 10.000, въ вилайетѣ Уль-Азисъ болѣе 3.000, въ Ванскомъ до 30.000, а всего больше 115.000. Прибавивъ сюда жертвъ константинопольской рѣзни, получимъ свыше 120.000 въ два года. Мы не вписываемъ цѣлаго ряда другихъ цифръ, молчаливо свидѣтельствующихъ о десяткахъ тысячъ сожженныхъ домовъ, о невѣроятныхъ насиліяхъ надъ женщинами и дѣтьми, о сотняхъ тысячъ сиротъ и насильственныхъ обращеніяхъ въ мусульманство. Къ чему? Неужели и этихъ 120.000 убитыхъ—и какъ убитыхъ!—недостаточно? Не можемъ допустить, чтобы всѣмъ,

какъ г-ну Гольмстрему, были необходимы протокольныя описанія турецкихъ гекатомбъ, и лишь тогда они могутъ почувствовать весь «позоръ» этого событія и всю неприглядность своего къ нему отношенія.

Наши патріоты удивляются и негодуютъ, что армяне, «тѣмъ не менѣе», сопротивляются, гдѣ могутъ, тысячами бѣгутъ въ Россію и Персію и, когда ихъ настигаетъ погоня, даютъ формальныя сраженія, причемъ разбиваютъ турецкіе регулярные отряды, на что турецкіе дипломаты указываютъ съ особымъ злорадствомъ: «Вотъ, смотрите, какіе это покорные райя!» Но что же дѣлать армянамъ? Неужели ждать, чтобы армянскій вопросъ исчезъ, къ великому ликованью европейскаго концерта, вмѣстѣ съ послѣднимъ армяниномъ, котораго убьютъ, какъ убивали вышеописанныхъ хамаловъ: «Опрокидывали его ударомъ дубины по затылку, хамалъ вскрикивалъ «хи» и его доканчивали»? Такое рѣшеніе армянскаго вопроса, дѣйствительно, до крайности просто. Въ свое время Тамерланъ такъ и разрѣшалъ всѣ «вопросы», попадавшіеся ему на пути, но, вѣдь, тогда и не было еще европейскаго концерта. Правда, не было и корреспондентовъ-гастрономовъ, которые отказываются ѣсть босфорскую рыбу, потому что «она слишкомъ жирна».

Такимъ сопоставленіемъ мы, конечно, не желаемъ сказать, что европейскій концертъ уравновѣшивается подобными корреспондентами. Было бы слишкомъ много чести для нихъ. Но, право, пусть каждый читатель, положа руку на сердце, искренно и про себя, подумаетъ,—читая въ свое время сообщенія телеграфа объ этихъ ужасахъ, не находилъ ли онъ нѣкотораго утѣшенія въ заявленіяхъ упомянутой прессы, что это—только армяне, которые «эксплуатируютъ Кавказскій край, являются тайными попустителями разбойничества» и т. п.?..

Въ жизни почти каждому приходится переживать минуты, подчасъ дни и годы, великаго упадка духа. Обыкновенно, они наступаютъ послѣ великаго потрясенія, потери надежды или мечты, которою жилъ человѣкъ, вдохновлялся, въ которой видѣлъ руководящій свѣтъ, маячившій впереди, увлекательный и возбуждающій. Наступаютъ тогда тяжкіе дни, дни равнодушнаго житія, безъ цѣли и желаній, безъ смысла и борьбы. Мертвое настроеніе, какъ зараза, передается и окружающимъ, жизнь какъ бы останавливается, въ лучшемъ случаѣ идетъ по инерціи. Всплываетъ въ душѣ все дурное, что обыкновенно таится въ отдаленнѣйшемъ, сокровеннѣйшемъ уголкѣ, куда и самъ никогда не заглядываешь,—и властно воцаряется на опустѣвшемъ мѣстѣ погибшей мечты. Сколько непоправимыхъ ошибокъ, даже преступленій совершается тогда, просто потому, что сила нравственнаго противленія злу на время ослабла, притупилась и стала нечувствительной къ раздраженію.

Бываютъ времена, когда подобное настроеніе нравственной тупости, нечувствительности и равнодушія овладѣваетъ цѣлыми обществами и націями, незамѣтно, но неудержимо распространяется на весь міръ. То, что вызывало прежде бурю негодованія и дѣятельнаго участія, проходитъ безслѣдно, почти не вызывая волненія въ глубинѣ общества, захваченнаго этой полосой мертваго штиля. Stumm liegt die Welt, wie das Grab. Только тамъ, на задворкахъ культуры копошатся отверженцы общества, проявляя особую дѣятельность, такъ какъ сдерживающая ихъ прежде сила общественности, гуманности и справедливости ослабѣла и замерла на время.

Но только на время. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что за періодами общественнаго упадка наступаетъ время особаго оживленія, когда однимъ взмахомъ общество стряхиваетъ съ себя, какъ кошмаръ, всѣ эти внезапно всплывшіе вопросы,—армянскіе, критскіе, кубанскіе. Острота этихъ вопросовъ лучше всего говоритъ о ихъ недолговѣчности, а неумирающая въ человѣчествѣ потребность справедливости указываетъ на единственно возможное ихъ разрѣшеніе, что бы

ни говорили десятки европейскихъ концертовъ и сотни добровольцевъ-корреспондентовъ, свершающихъ сыскъ во вкусѣ прессы задняго двора.

Мы не сомнѣваемся, поэтому, что не далекъ конецъ страданіямъ армянскаго народа, и «братская помощь», можетъ быть, ближе, чѣмъ мы думаемъ. Хочется вѣрить, что это такъ, что не придется исторіи конца XIX в. заносить въ свои кровавые счеты еще новыхъ 120.000 жертвъ.

Несомнѣнно также, что и настоящій сборникъ, на ряду съ книгами «Положеніе армянъ въ Турціи», Макъ-Коля «Султанъ и Державы», статьями Диллона и геніальными рѣчами Гладстона, этими образцами мужественнаго краснорѣчія и безграничнаго презрѣнія къ насилію,—съиграетъ свою роль въ дѣлѣ спасенія армянъ. Составленный разнообразно и крайне интересно, сборникъ и самъ по себѣ заслуживаетъ полнаго вниманія. Кромѣ массы свѣдѣній по армянскому вопросу, изъ исторіи Арменіи, ея литературы, о современномъ бытѣ армянъ, ихъ положеніи въ Турціи и Россіи, въ сборникѣ помѣщены превосходныя статьи, принадлежащія лучшимъ научнымъ и литературнымъ силамъ. Стоитъ указать имена проф. П. Милюкова («Университетскій курсъ Грановскаго»), В. Д. Спасовича («Страсти Господни въ Оберъ-Аммергау»), проф. И. Тарханова («О воображаемомъ банкротствѣ науки»), проф. М. Ковалевскаго («Изъ исторіи крестьянскихъ движеній на Западѣ»), К. А. Тимирязева («Фотографія и чувство природы»), Н. И Стороженко («Геніальный горемыка»), чтобы ясно представить научный и публицистическій характеръ сборника. Въ отдѣлѣ беллетристики масса стихотвореній, разсказы г.г. Мамина, Баранцевича и прелестный очеркъ г. Короленко «Въ борьбѣ съ дьяволомъ», эскизъ изъ дорожнаго альбома.

Мы такъ мало избалованы г. Короленко и въ нашей беллетристикѣ такъ рѣдко встрѣчаются вещи, въ которыхъ форма и содержаніе слиты въ удивительной гармоніи, что пройти мимо этого очерка просто нѣтъ возможности, не подѣлившись съ читателями вынесеннымъ впечатлѣніемъ. И, кромѣ того, невольно хочется отдохнуть отъ ужасовъ армянскаго вопроса и всего, что его окружаетъ, на этихъ страницахъ, проникнутыхъ чарующимъ юморомъ и глубокой общественной мыслью.

Авторъ разсказываетъ о двухъ своихъ встрѣчахъ съ извѣстной арміей спасенія генерала Бутса. Первая встрѣча произошла въ Гельсингфорсѣ, на одномъ изъ острововъ, служащемъ мѣстомъ развлеченія и отдыха для рабочаго населенія финляндской столицы.

«Когда, въ глубинѣ Хегхольме, мы проходили темнѣющей аллеей, изъ группы женщинъ, пріютившейся въ сторонѣ, въ тѣнистомъ углу, отдѣлилась вдругъ молодая дѣвушка и пошла прямо на насъ. На ней было темное платье и широкополая шляпа страннаго и некрасиваго покроя. Поверхъ широкихъ полей виднѣлась лента, на которой мы едва могли разглядѣть какую-то надпись. Концы ленты были подвязаны подъ подбородкомъ, и изъ этой неизящной рамки, съ улыбкой какой-то спокойной застѣнчивости, глядѣло на насъ миловидное молодое лицо. Внезапная аттака насъ нѣсколько озадачила, тѣмъ болѣе, что остальныя женщины пытливо слѣдили и за нею, и за нами.

«Дѣвушка рѣшительно преградила намъ дорогу и протянула листокъ, нѣчто въ родѣ газеты, на которомъ мы разглядѣли какіе-то рисунки.

«— Tïo ore...—сказала она ласково.

«Мы поняли, что надо отдать мелкую монету, и разстались, обмѣнявшись дружелюбными улыбками. Дѣвушка присоединилась къ подругамъ, и у нихъ опять пошла прерванная нами бесѣда, послышался даже легкій смѣхъ, можетъ быть, надъ нашей неловкостью и невольнымъ смущеньемъ. А у насъ въ рукахъ остался листокъ на шведскомъ языкѣ, съ которымъ мы не знали что дѣлать».

Оказалось, воззваніе арміи спасенія, призывъ къ «борьбѣ съ дьяволомъ»,

изображеннымъ въ видѣ «довольно мизернаго» бѣсенка. Наблюдая въ томъ же Гельсингфорсѣ дальнѣйшую борьбу съ дьяволомъ на одномъ народномъ гуляньи, авторъ приходитъ къ довольно скептическимъ выводамъ насчетъ дѣятельности храброй арміи, ея пріемовъ и въ особенности орудій, въ видѣ этихъ жалкихъ листочковъ, предлагающихъ за «tio-oге» «мостикъ спасенія среди соблазновъ міра сего». Авторы арміи, усердные офицеры генерала Бутса, не обладаютъ равнымъ этому усердію талантомъ. «Религіозное одушевленіе выражается, за рѣдкими исключеніями, очень плохими стихами, сарказмъ отмѣченъ плоскостью уличной прессы, и на всей прессѣ спасенія лежитъ отпечатокъ, оскорбляющій сколько-нибудь развитое чувство... Между тѣмъ, дьяволу, при всѣхъ его недостаткахъ, нельзя, кажется, отказать въ нѣкоторой талантливости натуры, критическомъ чутьѣ и остроуміи. А если такъ,—думалъ я,—то, пожалуй, эти листочки доставляютъ насмѣшливому врагу не мало веселыхъ минутъ... И мнѣ казалось, что въ самомъ шумѣ разноголосой и грѣшной толпы, заглушающей робкія приглашенія служительницъ арміи, я слышу искренній хохотъ, и въ раздражающемъ свѣтѣ луны и электричества мелькаетъ умная мефистофелевская улыбка».

Слѣдующія встрѣчи съ арміей генерала Бутса укрѣпляютъ автора въ мысли, что средства храброй арміи недостаточно сильны въ борьбѣ съ дьяволомъ. Въ особенности указываетъ на это и окончательный поворотъ, какой приняло дѣло Бутса, перешедшаго отъ проповѣди личнаго самоусовершенствованія къ содѣйствію общественнаго учрежденія. Мѣсто не позволяетъ намъ привести прелестную сценку встрѣчи съ отрядомъ арміи въ Лондонѣ, остановимся только на мастерски набросанной общей картинѣ борьбы, которую вела армія въ Англіи.

«Devil, devil!.. Вотъ, думалось, гдѣ увижу я настоящую борьбу съ этимъ господиномъ,—въ Лондонѣ, главной штабъ-квартирѣ знаменитаго генерала Бутса... Есть въ общественной жизни явленія, самая пошлость которыхъ идетъ имъ въ пользу, обезпечивая въ извѣстной мѣрѣ широкое распространеніе. Спасеніе—и казарменное устройство, религіозное одушевленіе—награждаемое производствомъ въ военные чины, духовная проповѣдь—и военныя нашивки, «день спасенія»—и маршировка повзводно навстрѣчу его зарѣ, бубны, литавры, пискливые рожки, назойливо кричащая реклама—привлеченные на служеніе душевному перерожденію заблудшихъ. Трудно придумать болѣе пошлыя сопоставленія, а между тѣмъ организація спасенія ген. Бутса прогремѣла по всему міру, отголоски сраженій, даваемыхъ арміей дьяволу, пронеслись изъ конца въ конецъ старой Европы и перебросились за океанъ; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отчеты ген. Бутса рисовали картину такого быстраго роста его авторитарной организаціи, чуждой и даже враждебной всему англійскому строю, что, пожалуй, могло показаться, будто старый конституціонализмъ подмывается въ корнѣ этимъ необыкновеннымъ движеніемъ, наростающимъ снизу. Оставляя въ сторонѣ парламентскіе акты, парламентскіе нравы и пріемы, Вильямъ Бутсъ, бывшій портной, «самовольно именующій себя не принадлежащимъ ему званіемъ», сформировалъ взводы, роты, батальоны, полки и двинулъ ихъ на дьявола, на завоеваніе спасенія внѣ установившихся общественныхъ формъ. И одно время могло, пожалуй, показаться, что дьяволъ принялъ вызовъ и вступаетъ въ реальную борьбу. Всюду, гдѣ раздавалась визгливая музыка «спасенныхъ»,—въ толпѣ просыпалась вражда и раздраженіе на солдатъ и офицеровъ, вооруженныхъ только раздирательной музыкой и молитвенниками, на беззащитныхъ женщинъ и дѣвушекъ сыпались камни, организовалась настоящая армія дьявола, взявшая своей эмблемой скелетъ (Skeleton-army), а для противодѣйствія ей и въ помощь полиціи молодые люди различныхъ положеній въ обществѣ организовали рыцарскій спортъ особаго рода, состоявшій въ защитѣ (боксомъ) сальваціонистскихъ женщинъ отъ грубой толпы... Уже одинъ уличный безпорядокъ,

вызываемый всѣми этими столкновеніями, подалъ бы въ другомъ мѣстѣ десятки поводовъ для воспрещенія этой странной формы человѣческаго спасенія. Были, конечно, стремленія въ этомъ родѣ и въ Англіи, но старая англо-саксонская традиція осталась непоколебимой. Англичане расчленили вопросъ и поставили его въ такой формѣ: генералъ Бутсъ, какъ всякій англичанинъ, имѣетъ право держаться своихъ взглядовъ на спасеніе и открыто ихъ проповѣдывать, хотя бы и подъ звуки плохой музыки. Далѣе: безпорядокъ истекаетъ изъ того, что Skeleton-army ему въ этомъ препятствуетъ; полиція обязана защищать сальваціонистовъ. Если дѣло Бутса есть дѣло Божіе, напрасно было бы бороться съ нимъ посредствомъ парламентскихъ актовъ; если же «генералъ», какъ мы убѣждены, во многомъ сильно ошибается,—не станемъ окружать его ошибокъ ореоломъ гонимой вѣры.

«И вотъ проходятъ года... Генералъ Бутсъ даетъ сраженія дьяволу, генералъ Бутсъ выигрываетъ у дьявола битвы... Однако, пока волна катится все дальше, въ центрѣ замѣчается новое явленіе. На окраинахъ шумъ и движеніе, въ центрѣ странное спокойствіе. Первый, повидимому, теряетъ энергію devil. Постепенно интересъ къ битвамъ слабѣетъ, знамя скелета не привлекаетъ дьявольскихъ бойцовъ, проповѣди проходятъ спокойнѣе и скучнѣе, позиціи занимаются почти безъ боя. Рядомъ съ этимъ возникаетъ новый вопросъ: что дѣлать съ плѣнными? Они взяты у дьявола, дьяволъ изгнанъ изъ ихъ душъ... Это хорошо. Но что же далѣе? Комплектовать ими армію? — Это можно было прежде. Теперь армія и безъ того слишкомъ велика, особенно въ виду ослабленія борьбы... Оставлять ихъ въ прежней обстановкѣ? Но тогда дьяволъ овладѣетъ ими вторично... И вотъ, пока волна докатывается до Финляндіи, гдѣ мы видѣли ея тихіе, скромные всплески, генералъ Бутсъ въ Англіи сворачиваетъ на новую дорогу... Онъ пишетъ книги, изслѣдуетъ трущобы, изучаетъ наростаніе пролетаріата и берется за *созданіе учрежденій*».

А что же devil, изъ-за котораго весь шумъ?

«...Мнѣ опять, какъ въ Гельсингфорсѣ, чудится, что гдѣ-то тамъ, въ вышинѣ, подлецъ-devil держится за бока и хохочетъ надъ бѣдною горстью своихъ побѣдителей, вѣрящихъ въ него, «какъ въ волка или медвѣдя»...

«— А мнѣ кажется, что онъ скорѣе плачетъ вмѣстѣ съ ними (борцами противъ него),—замѣтилъ въ тотъ же вечеръ одинъ изъ лондонскихъ знакомыхъ, съ которымъ я подѣлился впечатлѣніями этого дня.—Подумайте только: въ честь devil'я даются сраженія, съ нимъ спорятъ, воюютъ, противъ него и за него организуютъ цѣлыя арміи... А съ тѣхъ поръ, какъ даже генералъ Бутсъ повернулъ фронтъ, бѣднаго devil'я, пожалуй, и совсѣмъ забудутъ... Вообще же, въ этой борьбѣ храбраго генерала Бутса съ devil'емъ главная побѣда не досталась ни тому, ни другому. Ее взяла себѣ, какъ это часто бываетъ, третья держава, не участвовавшая вовсе въ войнѣ.

«— А именно?

«— А именно: общество, которое, благодаря своей терпимости, пріобрѣло въ лицѣ арміи генерала Бутса очень широкую и полезную филантропическую организацію...

«Еще одно подтвержденіе старой истины,—заканчиваетъ г. Короленко:—плевелы отдѣляются при жатвѣ, а то, что есть добраго среди самыхъ заблужденій, приноситъ плоды на почвѣ терпимости и свободы»...

Только не легко достигаются эти терпимость и свобода.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ Арменіи, окровавленной, изуродованной, разоренной, отъ Константинополя, на улицахъ котораго возможны правильно съорганизованныя, «на основаніи закона, истекающаго изъ повелѣнія падишаха», массовыя убійства, и до Лондона, гдѣ каждый имѣетъ право исповѣдывать свои убѣжденія и полиція обязана его защищать отъ выходокъ толпы,—согласитесь, гро-

мадное разстояніе. Это два полюса—тиранніи, не знающей ограниченій, и разумной свободы, не признающей насильственныхъ ограниченій, изувѣрства и терпимости, насилія и права, звѣрской жестокости, безсознательной и дикой, и человѣчности, самовластья, все разрушающаго, и общественной организаціи, даже изъ нелѣпаго и смѣшного созидающей новыя учрежденія,—можно ли между этими двумя полюсами перекинуть «мостикъ спасенія?»

Мы думаемъ, можно, и Англія, въ чемъ бы ее ни обвиняли наши патріоты извѣстнаго лагеря, показала это, явившись пока единственной страной, которая взяла на себя дѣятельную помощь страдальцамъ-армянамъ. Мысль объ этой дѣятельной, а не только сочувственно-человѣколюбивой помощи, впервые была высказана въ статьѣ Диллона,—*первой* статьѣ, которая раскрыла глаза изумленной Европѣ.

«Существуетъ премилый разсказъ,—такъ начинается эта прекрасная статья, убѣдившая даже недовѣрчиваго г. Гольмстрема,—о маленькой дѣвочкѣ, которая, боясь оставаться спать въ темной комнатѣ, просила мать не уносить свѣчи, пока она не заснетъ.—«Чего ты боишься, милая?»—спросила строгая родительница.—«Темноты»,—отвѣчалъ ребенокъ.—«Но вспомни, дорогая моя, что Богъ здѣсь въ комнатѣ съ тобою, а Богъ есть свѣтъ». Молчаніе, послѣдовавшее за этой догматической сентенціей, повидимому, показывало, что желаемое впечатлѣніе произведено, но вдругъ молчаніе было нарушено нѣжнымъ голоскомъ:—«Въ такомъ случаѣ, мама, возьми Бога и оставь свѣчу». Совершенно таковы чувства армянъ къ тѣмъ, кто ихъ жалѣетъ на словахъ, предоставляя на дѣлѣ ихъ собственной участи. «Мы можемъ обойтись безъ вашего сочувствія и вашихъ соболѣзнованій, если вы намъ гарантируете безопасность жизни и имущества».

Пусть же «братская помощь» оправдается на дѣлѣ, и то сочувствіе, которое, мы не сомнѣваемся, таится къ несчастнымъ армянамъ въ душѣ нашихъ читателей, выразится не только на словахъ и въ платоническихъ пожеланіяхъ.

Годъ тому назадъ намъ приходилось уже отмѣтить одно изъ наиболѣе выдающихся за послѣднее время произведеній, именно «Въ мірѣ отверженныхъ» г. Мельшина. Теперь на страницахъ «Русскаго Богатства» снова начали появляться очерки того же автора—«Еще изъ міра отворженныхъ», которые по глубокому интересу, повидимому, превзойдутъ предъидущіе.

Помимо захватывающаго содержанія, есть въ этихъ очеркахъ свѣжесть таланта, которая такъ подкупающе дѣйствуетъ на современнаго читателя, привыкшаго въ огромномъ большинствѣ случаевъ къ шаблону. Въ очеркахъ г. Мельшина сцены и типы изъ далекаго и такого чуждаго намъ міра привлекаютъ оригинальностью обрисовки характеровъ, и безъ того незаурядныхъ, новизною освѣщенія, въ которой не чувствуется заранѣе составленныхъ взглядовъ на этотъ міръ, готовой мѣрки, съ которой бы авторъ подходилъ къ своимъ персонажамъ. Г. Мельшинъ похожъ на умнаго и всѣмъ интересующагося путешественника добраго стараго времени, который больше всего занятъ сообщеніемъ видѣннаго и слышаннаго и лишь изрѣдка не можетъ удержаться, чтобы не излить изумленія и горя, охватывающаго его при видѣ особо чудовищнаго типа, сцены или событія.

А между тѣмъ, г. Мельшинъ несомнѣнно поэтически настроенный бытописатель, и это сказывается въ поэтическомъ колоритѣ, который лежитъ на всемъ «Мірѣ отверженныхъ», какъ онъ вырисовывается подъ перомъ талантливаго разсказчика. Въ тѣсной и душной камерѣ, гдѣ томится его скорбная душа среди озлобленныхъ и изуродованныхъ жизнью преступниковъ, его не покидаетъ воспоминаніе прошлаго, въ которомъ онъ ищетъ разгадки причинъ, приведшихъ сюда эту толпу почти чудовищъ, и сквозь призму этихъ воспоминаній настоящее

выступаетъ какъ трагическая неизбѣжность. Его жалкіе герои получаютъ тотъ идеальный оттѣнокъ, который, при всемъ реализмѣ описаній, возводитъ ихъ изъ конкретнаго въ общее явленіе, полное глубокаго общественнаго значенія. Въ сырыхъ и мрачныхъ штольняхъ, куда онъ спускается вмѣстѣ съ этими отверженцами, онъ слышитъ глухіе голоса—отголоски ранѣе здѣсь погибшихъ, видитъ ихъ туманные колеблющіеся образы, чувствуетъ связующую съ ними общую цѣпь страданій, и эти неоплаканныя тѣни тревожатъ, волнуютъ читателя, заставляя его чувствовать какую-то неясную вину передъ ними, что-то въ родѣ раскаянія, смутнаго, но тѣмъ болѣе удручающаго.

Мягкій колоритъ лежитъ на всемъ, даже прямолинейная, сухая, жесткая и грубая фигура властелина этого проклятаго Богомъ и забытаго людьми уголка, штабсъ-капитана Лучезарова, теряетъ свою угловатость и выступаетъ человѣчной, что лишь усиливаетъ ея ужасъ и внушаемое ею отвращеніе. Мягкость вообще отличительная черта г. Мельшина. Онъ не умѣетъ проклинать, ему чуждъ потрясающій паѳосъ отчаянія, онъ слишкомъ много любитъ, чтобы ненавидѣть съ той силой страсти, которая сокрушаетъ все, даже справедливость. Но отъ этого его картина шире, глубже, понятнѣе, его нельзя упрекнуть въ преувеличеніяхъ, которыя дали бы право возмущенному чувству читателя бросить упрекъ автору—«это не правда!» И міръ отверженныхъ встаетъ передъ нашей совѣстью живымъ укоромъ, подъ тяжестью котораго остается склонить голову съ признаніемъ—«это правда!»

Въ появившихся, въ сентябрьской книгѣ «Русскаго Богатства», новыхъ сценахъ, на ряду съ нашими прежними знакомцами, выступаетъ нѣсколько новыхъ фигуръ, тѣмъ болѣе для насъ любопытныхъ, что на этотъ разъ рѣчь идетъ объ интеллигентныхъ «преступникахъ». Къ сожалѣнію, и г. Мельшинъ не избѣгъ участи большинства нашихъ беллетристовъ, которымъ настолько же удаются типы простыхъ людей, герои народной толпы, насколько неясны выходятъ у нихъ типы изъ интеллигенціи. Не будемъ вдаваться въ объясненіе этого общаго недостатка и, чтобы не быть голословными, остановимся на трагической исторіи, которую разсказываетъ новый товарищъ несчастья.

Уже въ описаніи внѣшности новыхъ лицъ видится расплывчатость, которой нѣтъ, напр., въ характеристикѣ, приведенной тутъ же, артельнаго старосты Юхорева. «Я съ жадностью всматривался въ лица, отыскивая въ нихъ интеллигентныя и симпатичныя черты... Одинъ былъ совсѣмъ еще юноша, блондинъ, другой, значительно старше, брюнетъ. Блондинъ показался мнѣ коренастымъ и широкоплечимъ; у него было безусое, моложаво-розовое лицо съ большими, полными, добрыми глазами; онъ былъ взволнованъ и крайне смущенъ первыми шелайскими впечатлѣніями... Его товарищъ, высокій, худощавый мужчина съ шелковистой черною бородою, напротивъ, скорѣе былъ раздраженъ; темные глаза его сердито глядѣли изъ-подъ густыхъ, почти сросшихся бровей; онъ и на меня тоже смотрѣлъ съ недовѣріемъ и ни разу не улыбнулся...» Та же блѣдность остается и въ разсказѣ исторіи Штейнгарта, старшаго изъ новичковъ. Исторія, безспорно, полна трагизма и типична сама по себѣ, но, какъ увидятъ и сами читатели, въ ней недостаетъ художественной яркости, она не захватываетъ, хотя и очень трогательна.

Ночью между новыми знакомцами завязывается разговоръ, происходитъ понятное сближеніе между людьми, столь близкими по судьбѣ, убѣжденіямъ и положенію. Штейнгартъ—еврей, и съ этого начинается его разсказъ. Намѣренно или нѣтъ, но эту особенность авторъ какъ бы кладетъ въ основу самой исторіи, что въ значительной степени лишаетъ ее общности, характерности, такъ какъ это лишь внѣшняя, привходящая черта, а не вытекающая изъ сущности того положенія, которое должно бы чувствоваться въ основѣ разсказа.

«Повѣрите ли,—начинаетъ Штейнгартъ,—какія теперь подлыя вещи творятся

у насъ на Руси! Образованные интеллигентные, повидимому, люди не стѣсняются громко и открыто произносить слово «жидъ» и высказывать презрѣніе и ненависть къ жидамъ. Тѣмъ больнѣе все это видѣть и слышать человѣку, который, будучи, какъ я, самъ по происхожденію евреемъ, ничѣмъ другимъ, въ сущности, не связанъ съ роднымъ племенемъ и превосходно знаетъ всѣ его недостатки и пороки. О, слишкомъ, даже слишкомъ хорошо знаю я ихъ! Но когда со всѣхъ сторонъ летятъ въ этотъ несчастный народъ плевки и каменья, можно ли спрашивать, что я долженъ чувствовать и кого долженъ любить? Да, именно этотъ проклятый еврейскій вопросъ былъ проклятіемъ и моей личной жизни».

Еще будучи студентомъ, герой разсказа сближается съ русской дѣвушкой, und das war die eigentliche Katastrophe, какъ выражается Гейне. «Обо всемъ мы тогда переговорили, обо всемъ передумали, кромѣ одного: что я былъ еврей, а она—православная... А жизнь, между тѣмъ, не медлила и разрѣшила вопросъ по своему. Когда меня въ одно прекрасное утро арестовали, Елена не только не была допущена ко мнѣ на свиданіе, какъ незаконная жена, но даже арестована и выслана на родину. Переписки намъ также не дозволяли». Спустя два года, проведенныхъ въ заключеніи до суда, не получая никакихъ извѣстій съ воли, онъ узнаетъ, что Елена жива и такъ же относится къ нему, какъ и до ареста. Изъ телеграммы, полученной имъ въ домѣ предварительнаго заключенія, куда его перевели послѣ осужденія на каторгу, онъ узнаетъ, что и она идетъ въ ссылку и ждетъ встрѣчи съ нимъ въ пути. Здѣсь мы выпускаемъ вводный эпизодъ, интересный самъ по себѣ, но случайный, какъ разсвирѣпѣвшій арестантъ чуть было не убилъ Елену наручнями кандаловъ. Свиданіе, наконецъ, состоялось послѣ почти трехлѣтней разлуки. Оно составляетъ центральную сцену разсказа, и мы приводимъ ее дословно.

«Какъ сквозь туманъ помню прощанье съ товарищами предшествующей партіи, стоявшими у воротъ тюрьмы и въ этотъ поздній часъ только-что собиравшимися выступить въ дальнѣйшій путь. Почти каждый изъ нихъ, улыбаясь, пожималъ мнѣ руку и поздравлялъ съ тѣмъ, что сейчасъ я увижусь, наконецъ, съ Еленой. А я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и лишь машинально отвѣчалъ на всѣ предлагаемые вопросы. Рѣшительно не припомню, какъ это случилось, что я очутился во дворѣ тюрьмы, когда остальная партія оставалась еще за воротами. Я взбѣжалъ на указанное мнѣ кѣмъ-то тюремное крыльцо, спотыкаясь и путаясь въ гремящихъ кандалахъ, и тутъ же въ дверяхъ столкнулся съ блѣдной, худенькой дѣвушкой, принявшей меня въ объятія... Когда я очнулся, мы сидѣли уже въ маленькой каморкѣ, въ которой жила Елена, и бесѣдовали. Разсказывать ли, впрочемъ, о томъ, что эта первая бесѣда послѣ двухъ слишкомъ лѣтъ разлуки скорѣе походила на бредъ больныхъ или на смущенный лепетъ дѣтей, чѣмъ на разговоръ взрослыхъ. Я долго стѣснялся снять свою арестантскую шапку и показать Еленѣ бритую голову, но она сама ее обнажила и поцѣловала... Затѣмъ, какъ у Некрасова въ «Русскихъ женщинахъ»—помните?—она стала неожиданно на колѣни и приложила къ губамъ также и желѣзныя кольца моихъ цѣпей... Я такъ былъ пораженъ и такъ пристыженъ этимъ наивнымъ выраженіемъ любви и преданности, что долгое время не поднималъ ее съ полу и молчалъ»

Расхолаживающее впечатлѣніе, испытываемое при описаніи этой сцены, непріятно останавливаетъ читателя,—и вовсе не потому, чтобы подобная сцена была сочиненіемъ. Она вполнѣ возможна, и, вѣроятно, не одинъ разъ угрюмыя стѣны сибирскихъ этаповъ были свидѣтелями такихъ восторженно-трогательныхъ выраженій любви и преданности русскихъ женщинъ. Но и у Некрасова, при всемъ его огромномъ талантѣ, эта сцена не принадлежитъ къ числу лучшихъ въ его «Русскихъ женщинахъ». Слишкомъ ужъ отдаетъ она мелодрамой, которую реалистически воспитанный вкусъ русскаго читателя просто не выноситъ. У Не-

красова, впрочемъ, читатель постепенно къ ней подготовляется, первы его съ самаго начала поэмы возбуждены, и все болѣе растетъ возбужденное настроеніе, по мѣрѣ приближенія къ концу, такъ что и заключительная сцена входитъ въ это настроеніе, какъ разрѣшающій аккордъ. Иное совсѣмъ въ приведенномъ разсказѣ, въ общемъ вяло написанномъ, больше возбуждающемъ умъ, чѣмъ чувство, почему и самая сцена,—помимо повторенія хорошо знакомаго мотива,—представляется почти неумѣстной, дѣланной, сочиненной—что-называется.

Съ большимъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія очерковъ г. Мельшина. Частные недостатки ни мало не уменьшаютъ общаго значенія, этого, безспорно, замѣчательнѣйшаго произведенія, а художественность изложенія съ избыткомъ окупаетъ нѣкоторые недочеты, тѣмъ болѣе, что иные изъ нихъ, въ виду щекотливости самой темы, и не слѣдуетъ возлагать на автора.

Въ началѣ истекающаго года мы говорили о ростѣ нашей періодической печати и отмѣтили, какъ знаменіе времени, преимущественное возростаніе числа газетъ, въ особенности въ столицѣ. Говорили и радовались, видя въ этомъ фактѣ ростъ нашей общественности. Къ сожалѣнію, эта радость была преждевременна. Не прошло и года, какъ отъ большинства вновь народившихся органовъ и слѣда не осталось.

«Плохая имъ досталась доля,
Немногіе вернулись съ поля».

Да и эти уцѣлѣвшіе возбуждаютъ странное чувство. Въ особенности удивляетъ насъ одна, которая, можно сказать, не успѣла возникнуть, какъ съ такой стремительностью, и по случаю, и безъ случая, подчеркиваетъ свою ультраблагонамѣренность, что можно бы и въ самомъ дѣлѣ испугаться. Къ счастью, времена не тѣ.

Мы имѣемъ въ виду «Міровые Отголоски». Не будемъ касаться ихъ войны съ «Новымъ Временемъ», въ которой архаическій г. Трубниковъ пустилъ въ оборотъ весь приснопамятный арсеналъ добраго стараго времени, когда шумѣлъ Булгаринъ и нападалъ даже на цензуру (см. «Дневникъ» Никитенки). Намъ приходится вступиться за себя. По поводу второй статьи г. Крживицкаго «Распространеніе идей» упомянутая газета разразилась цѣлымъ фельетономъ, въ которомъ нѣкій г. Cand. philos. выступаетъ на защиту потрясенныхъ основъ.

«Русскій марксизмъ и его будущее»—ни больше, ни меньше, такъ озаглавилъ г. Кандидатъ философіи свою весьма далекую философіи вылазку противъ нашего сотрудника. Его побудилъ къ этому тотъ страхъ, который нагнали русскіе марксисты на народниковъ, и сожалѣніе къ послѣднимъ. Движимый такими добрыми чувствами, авторъ прежде всего двумя-тремя словами «комментируетъ» статью г. Крживицкаго. Послѣдній, напр., коснулся вскользь «запоздалыхъ странъ»,—г. Кандидатъ философіи глубокомысленно поясняетъ: «разумѣй Россію». Нашъ сотрудникъ, разбирая вліяніе новыхъ идей въ отсталыхъ странахъ, указываетъ ихъ вліяніе на тѣ силы, которыя прежде другихъ способны проникнуться ими. Его комментаторъ усматриваетъ въ этомъ намекъ чуть ли не на блаженной памяти пресловутый «интернаціальный союзъ». Видимо, архаическая редакція подбираетъ и такихъ же допотопныхъ сотрудниковъ, которые, проспавъ тридцать лѣтъ и три года, думаютъ, что за это время ничто не измѣнилось и все обстоитъ такъ же, какъ и въ тѣ времена, когда эти грозныя словечки въ лоскъ укладывали противниковъ.

Что можно возражать такимъ старцамъ, очевидно, впавшимъ въ младенчество? Остается лишь отмахнуться, какъ отъ назойливой мухи:

«Краснаго лѣта отрава, муха несносная, что ты
Жужжишь»...

Но есть въ разсужденіяхъ г. Кандидата философіи нѣчто, заслуживающее вниманія само по себѣ, на чемъ, пожалуй, не мѣшаетъ остановиться. Желая ободрить упавшихъ духомъ идеалистовъ,—не можемъ ихъ поздравить съ такими союзниками,—авторъ заявляетъ, что имъ нечего вѣшать головы, ибо «будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя», т. е. и отъ торжествующихъ нынѣ «марксистовъ» ничего не останется. Уже и теперь, — торжественно возглашаетъ онъ,—число ихъ на Западѣ не растетъ и въ самомъ ихъ лагерѣ раздаются громкіе голоса противъ нѣкоторыхъ основоположеній доктрины. Въ этомъ его убѣждаетъ французъ Ренаръ, редакторъ журнала «La Revue Socialiste», по мнѣнію котораго «марксизмъ такъ же, какъ и натурализмъ, пересталъ отвѣчать новымъ потребностямъ,—онъ отстаетъ, онъ принадлежитъ къ закончившейся эпохѣ и ему предстоитъ или придти въ окончательный упадокъ, или трансформироваться».

«Я полагаю, — заканчиваетъ г. Кандидатъ философіи свою статью, — что всего вышесказаннаго совершенно достаточно, чтобы признать существованіе чрезмѣрнаго оптимизма въ средѣ русскихъ марксистовъ, глубоко вѣрующихъ въ каждую букву своего матеріалистическаго катехизиса. Марксизмъ появился у насъ въ то время, когда на родинѣ его теряется вѣра въ его непогрѣшимость. Марксисты совѣтуютъ своимъ противникамъ почаще «обращать свои взоры на Западъ». Мы совѣтуемъ то же самое, такъ какъ лишь такимъ путемъ можно убѣдиться въ декаденсѣ... не идеализма, а именно марксизма, т. е. его матеріалистическихъ основъ. Русскіе марксисты будутъ имѣть у насъ вліяніе, они имѣютъ его уже теперь, но вытѣснить идеалистическія теченія въ средѣ русской интеллигенціи и даже пріобрѣсть господствующую роль имъ не удастся, какъ это имъ не удалось и въ другихъ странахъ. Унынie и робость, охватившія въ послѣднее время всѣ немарксистскіе элементы нашей прогрессивной молодежи, пройдутъ очень быстро и тогда разсѣется то странное заблужденіе, будто всякій не-марксистъ уже тѣмъ самымъ декадентъ, «инвалидъ» или ерундистъ. Говоря все это, мы отнюдь не желаемъ всецѣло становиться на сторону народниковъ; наоборотъ, мы признаемъ справедливымъ многое, сказанное марксистами по ихъ адресу. Народники—пройденная ступень нашей идейной жизни. Это несомнѣнно! Но мы убѣждены также, что и марксизмъ, *въ строгомъ смыслѣ этого слова* (курсивъ автора), принадлежитъ скорѣе прошлому, чѣмъ будущему. Всюду чувствуется теперь пробужденіе новоидеалистическихъ стремленій и оппозиція узкому и сухому матеріализму. Съ этой-то стороны и грозитъ марксизму серьезная опасность».

И пусть грозитъ, замѣтимъ отъ себя, такъ какъ меньше всего мы заинтересованы успѣхами «сухого и узкаго матеріализма», понимаемаго г. кандидатомъ философіи въ чисто ходячемъ смыслѣ. Нашимъ читателямъ хорошо извѣстно, хотя бы изъ статей нашего уважаемаго сотрудника проф. Челпанова, наше отношеніе къ матеріализму, какъ философской доктринѣ. Потерпѣвъ крушеніе даже въ той области, гдѣ эта доктрина особенно была сильна, въ естествознаніи, и сохраняя тамъ значеніе, какъ методъ изслѣдованія, матеріализмъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ г. Кандидатъ философіи, меньше всего привлекателенъ въ соціологіи. Этого никакъ не могутъ усвоить до сихъ поръ противники экономическаго матеріализма, постоянно сваливая въ одну кучу матеріализмъ въ грубо-житейскомъ смыслѣ, матеріализмъ обще-философскій и экономическій матеріализмъ, какъ соціологическую доктрину. Даже философы ex officio, какъ, напр., г. Влад. Соловьевъ, повинны въ этомъ смѣшеніи. Они не могутъ допустить, что значительная часть послѣдователей экономическаго матеріализма въ исторіи—нисколько не являются послѣдователями обще-философскаго матеріализма.

Установивъ это разграниченіе, на которомъ мы постоянно настаивали въ

цѣляхъ выясненія вопроса, мы можемъ вполнѣ беззаботно взирать на грядущее наступленіе «новоидеалистическихъ стремленій» и даже по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовать имъ на русской почвѣ. Точно также ни мало не смутятъ никого изъ послѣдователей этой доктрины новыя теченія въ ней, наблюдаемыя на Западѣ. Это прямо вытекаетъ изъ основного ея положенія, что измѣненія экономическихъ отношеній, а не наоборотъ, ведутъ къ измѣненію идеалогіи даннаго общества. Указавъ общій законъ общественной динамики, доктрина отнюдь не можетъ указать, что именно такъ или этакъ выразятся всѣ послѣдующія измѣненія въ сознаніи общества. Въ противность всѣмъ прочимъ ученіямъ, именно эта доктрина отрицаетъ всякія предсказанія, почему, между прочимъ, послѣдователи ея относятся съ нѣкотораго рода снисходительной насмѣшкой къ утопіямъ, къ идеальнымъ программамъ будущаго строя и т. п., очень пріятнымъ, но въ основѣ лишеннымъ почвы мечтамъ. Въ сущности, это и составляетъ наиболѣе цѣнную сторону доктрины экономическаго матеріализма—ея относительность, отсутствіе абсолютныхъ пороговъ, ихъ же не прейдеши. Она открываетъ безконечныя перспективы, отрицая постоянство, незыблемость производственныхъ отношеній, лежащихъ въ основѣ общественнаго строя, отказываясь признать что-либо разъ и навсегда даннымъ, упрочившимся, неизмѣннымъ.

Что же касается отмѣчаемаго г. Кандидатомъ философіи различія въ пониманіи тѣхъ или иныхъ сторонъ доктрины ея различными послѣдователями, то этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о ея жизненности. Доктрина до тѣхъ поръ и жива, пока въ ней идетъ работа надъ выясненіемъ различныхъ ея положеній. Разъ она превращается въ догматъ, въ букву—она умираетъ естественной смертью, чему много примѣровъ въ исторіи развитія человѣческаго духа. Пока еще ничего подобнаго не замѣчается въ развитіи ученія экономическаго матеріализма, которое и на Западѣ, и у насъ имѣетъ много послѣдователей, далеко не пришедшихъ къ соглашенію относительно многихъ ея сторонъ.

Совѣтъ г. Кандидата философіи почаще «обращать свои взоры на Западъ»—очень хорошъ, и въ благодарность мы ему тоже посовѣтуемъ—не прибѣгать къ неудобнымъ пріемамъ полемики, предоставивъ ихъ тѣмъ, кто лучшихъ пріемовъ не знаетъ и, чувствуя свое безсиліе въ области мысли, взываетъ къ городовому, этому ultimum refugium обывательской философіи.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Организація земской юридической помощи крестьянамъ. Въ настоящее время нѣсколькими земствами поднятъ вопросъ объ организаціи юридической помощи крестьянамъ. Какъ видно изъ докладной записки прис. повѣреннаго Лаврова, помѣщенной въ «Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (и изложенной въ сокращенномъ видѣ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ»), дѣло объ учрежденіи при земскихъ управахъ юридическихъ консультацій, не смотря на свою новизну, двинулось впередъ довольно значительно. Такъ, лохвицкое земское собраніе очередной сессіи 1896 года приняло проектъ управы объ учрежденіи при земской управѣ, въ видѣ опыта, на одинъ годъ, юридической консультаціи для подачи населенію совѣтовъ и исполненія несложныхъ порученій, на что ассигновало

800 рублей. Такой же проектъ принятъ клинскимъ земствомъ. Вятская губернская земская управа подняла въ 1896 году вопросъ объ учрежденіи въ каждомъ уѣздѣ должности земскаго юриста, который бы давалъ совѣты земскимъ плательщикамъ и былъ ихъ представителемъ на судѣ. Черниговская губернская управа разослала уѣзднымъ земствамъ проектъ объ устройствѣ судебной защиты крестьянскаго населенія въ дѣлахъ о поземельной собственности. Тамбовская земская управа думаетъ объ учрежденіи консультаціоннаго бюро для безплатной подачи крестьянскому населенію совѣтовъ по судебнымъ и административнымъ дѣламъ.

Авторъ записки справедливо замѣчаетъ, что существующая всегда и у образованныхъ классовъ потребность въ дешевой или безплатной юридической помощи, въ крестьянской средѣ сказывается съ особенной силой, какъ прямое слѣдствіе совокупности трехъ причинъ: общей малограмотности и юридическаго невѣжества крестьянъ, неопредѣленности и неясности нѣкоторыхъ законоположеній, относящихся до крестьянства, и, наконецъ, сложности и особенностей судоустройства и гражданскаго процесса.

Въ особенности безпомощными являются крестьяне при осуществленіи и охранѣ своихъ правъ.

Дѣло въ томъ, что современный гражданскій процессъ построенъ на принципѣ состязательности сторонъ, въ силу котораго процессуальное отношеніе возникаетъ, движется, измѣняется и охраняется лишь по требованію сторонъ: истца и отвѣтчика.

Вслѣдствіе сложности гражданскаго процесса, крестьяне, по своему незнанію, будутъ постоянно нарушать правила и формальности и проигрывать дѣла. Личное хожденіе по дѣламъ г. Лавровъ признаетъ, однако, для земскаго адвоката неосуществимымъ въ настоящее время, хотя такую форму юридической помощи крестьянамъ онъ считаетъ идеальною.

«Такая задача,—говоритъ онъ,—чрезвычайно велика и силамъ одного лица недоступна. Кромѣ того, по правиламъ профессіональной этики, адвокатъ, принявъ дѣло одной стороны, не въ правѣ затѣмъ переходить на сторону противника и даже давать послѣднему какіе-либо совѣты по тому же дѣлу, по которому онъ уже консультировалъ. Слѣдовательно, земскій адвокатъ необходимо долженъ отказывать въ веденіи дѣла лицу, позднѣе къ нему обратившемуся, что, несомнѣнно, повлечетъ со стороны несвѣдущихъ въ адвокатской этикѣ клієнтовъ къ порицаніямъ и заподозриванію его дѣятельности».

Практическія предложенія г-на Лаврова, обращаемыя имъ къ екатеринославскому уѣздному земству, заключаются въ слѣдующемъ: 1) при земской управѣ учреждается юридическая консультація для безплатной или дешевой юридической помощи земскимъ плательщикамъ изъ крестьянскаго населенія всѣхъ разрядовъ; 2) главная задача консультаціи сводится къ подачѣ населенію устныхъ или письменныхъ юридическихъ совѣтовъ; 3) на юридическую консультацію возлагается также составленіе, по просьбѣ обращающихся въ нее лицъ, прошеній, заявленій и разнаго рода другихъ бумагъ; 4) юридическая консультація принимаетъ на себя наведеніе въ правительственныхъ учрежденіяхъ справокъ и исполненіе другихъ несложныхъ порученій клієнтовъ; 5) плата за совѣты, письменную работу и порученія должна быть установленна самая минимальная или однообразная, или соотвѣтственно роду дѣлъ по опредѣленной таксѣ; 6) въ юрисконсульты должно быть приглашено лицо съ спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ—изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ или ихъ помощниковъ при екатеринославскомъ окружномъ судѣ.

Летучія библіотеки въ Ростовѣ-на-Дону. «Биржевыя Вѣд.» разсказываютъ о возникновеніи среди ростовскихъ чернорабочихъ «летучихъ библіотекъ».

Починъ къ этому дѣлу исходилъ изъ среды самихъ же чернорабочихъ. Одинъ изъ чернорабочихъ, по фамиліи Харинъ, изувѣченный на работѣ и лишившійся вслѣдствіе этого возможности продолжать обычную свою работу, задумалъ было заняться книжной торговлей. Съ этою цѣлью «онъ накупилъ на толкучемъ рынкѣ рубля на три всевозможныхъ подержаныхъ книгъ, которыя, по его мнѣнію, могли представлять интересъ для простолюдина, и отправился въ многолюдныя рабочія мѣста искать счастья».

Торговля однако успѣха не имѣла.

«Не смотря на дешевизну книгъ, предлагавшихся отъ 5-ти до 30-ти копѣекъ за экземпляръ, охотниковъ пріобрѣсти ихъ въ собственность не нашлось.—«Куда мы будемъ ихъ хоронить,—все равно на цыгарки потребятъ,—говорилъ простой людъ.—Вотъ если бы ты намъ почиталъ самъ что-нибудь... Мы, такъ и быть ужъ, сложились бы и на твой паекъ».

Затѣмъ компанія рабочихъ въ 20 человѣкъ сложилась по копѣйкѣ въ пользу Харина, а тотъ обязался за это прочитать вслухъ выбранное по общему согласію сказаніе «О храбромъ прапорщикѣ Портупеѣ».

На другой день, когда Харинъ снова появился на берегу со своей корзиной за плечами, почти всѣ вчерашніе абоненты опять пригласили его читать. На этотъ разъ Харинъ заработалъ что-то около 30 коп.—число слушателей прибавилось, а черезъ недѣлю онъ былъ уже извѣстенъ чуть-ли не всѣмъ береговымъ рабочимъ подъ прозвищемъ «Миколки-книжника».

Популярность его быстро начала расти, и, какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ же у него явился подражатель и конкуррентъ. Послѣдній началъ съ того, что спустилъ плату за прочтеніе, чѣмъ вскорѣ же переманилъ къ себѣ добрую половину абонентовъ Харина. Послѣдній невольно тоже долженъ былъ понизить плату, но вскорѣ затѣмъ ввелъ къ себѣ въ компанію объявившагося вдругъ конкуррента.

«Теперь плата за чтеніе опять установилась прежняя, и предпріимчивое «товарищество», дѣла котораго, къ слову сказать, повидимому, идутъ очень недурно, серьезно уже подумываетъ на будущую весну пустить въ обращеніе такую же походную библіотеку и на выгонѣ, гдѣ обыкновенно собираются тысячи пришлаго люда».

Не менѣе любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя той же газетой, о тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявляются къ книгѣ въ средѣ чернорабочихъ, какъ это выяснила практика «летучихъ» библіотекъ Харина.

«Прежде всего въ ходу продолжаютъ быть по-старому лубочныя издѣлія Никольскаго рынка, въ родѣ «Прапорщиковъ Портупеевъ», «Заднѣпровской вѣдьмы» и, въ особенности, пресловутой «Битвы съ кабардинцами». Затѣмъ успѣхомъ пользуются жизнеописанія различныхъ святыхъ, оканчивающихъ мученичествомъ. Изъ числа имѣвшихся у Харина и его компаніона извѣстныхъ писателей успѣхъ выпалъ на долю только одного Гоголя (читались «Вечера на хуторѣ близъ Диканки»), но зато, что это былъ за успѣхъ!.. Достаточно сказать, что разсказы его однимъ и тѣмъ же слушателямъ читались по 3—4 раза, и несмотря на частое повтореніе, каждый разъ вызывали неудержимые раскаты смѣха среди рабочихъ».

Въ зависимости отъ спроса находится и книжный составъ библіотеки Харина и его товарища.

«Всего книгъ у Харина, считая и мелкія изданія, въ настоящее время имѣется до 70 названій, но въ корзинѣ къ вечеру изъ нихъ остается только половина, другая же часть расходится по рукамъ абонентовъ. При выдачѣ книги на-прочетъ не взимается никакого залога, но стоимость ея, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ пропажи, обезпечивается круговой другъ за друга порукой со стороны рабочихъ».

Порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній. До 1871 года народныя чтенія регулировались закономъ 1863 года, по которому право разрѣшать народныя чтенія, равно какъ и публичныя лекціи, было предоставлено попечителямъ учебныхъ округовъ по соглашенію съ начальниками губерній. Такъ какъ разрѣшеніе чтеній, по этому закону, было обставлено очень сложными формальностями, то народныя аудиторіи встрѣчались чрезвычайно рѣдко. Первый толчокъ къ болѣе широкой постановкѣ публичныхъ народныхъ чтеній данъ былъ самимъ правительствомъ.

Устройство народныхъ чтеній признавалось въ правящихъ сферахъ однимъ изъ главныхъ орудій для борьбы съ пьянствомъ и для поднятія нравственнаго уровня населенія. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ всеподданѣйшій докладъ генералъ-адъютанта Трепова и послѣдствіемъ его было устройство особой коммиссіи для обсужденія этого доклада. Кромѣ того, въ 1871 г. начались народныя чтенія въ Педагогическомъ музеѣ, организованныя коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ В. П. Каховскаго. Этотъ первый опытъ организаціи народныхъ чтеній увѣнчался такимъ блестящимъ успѣхомъ, что въ 1872 г. была основана постоянная коммиссія для устройства народныхъ чтеній въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Въ 1876 году были Высочайше утверждены правила для устройства народныхъ чтеній, но не во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи, какъ этого слѣдовало ожидать по смыслу распоряженія 1871 г., а только въ губернскихъ городахъ.

Несмотря на то, что эти правила обставляли разрѣшеніе народныхъ чтеній очень сложными формальностями (требовалось каждый разъ соглашеніе попечителя округа съ губернаторомъ), русское общество сравнительно широко воспользовалось предоставленною ему возможностью, и въ настоящее время очень мало губернскихъ городовъ, гдѣ бы не устраивалось народныхъ чтеній. Къ сожалѣнію, совсѣмъ не такъ стоитъ дѣло народныхъ чтеній въ уѣздныхъ городахъ, деревняхъ и селахъ. Начать съ того, что порядокъ разрѣшенія сельскихъ народныхъ аудиторій въ одной губерніи не имѣетъ ничего общаго съ практикою, установившеюся въ другой губерніи, часто смежной съ первою.

Въ уѣздныхъ городахъ шести губерній харьковскаго учебнаго округа чтенія, по Высочайшему повелѣнію 1889 г., разрѣшаются попечителемъ учебнаго округа по соглашенію съ губернаторомъ; въ Тамбовской губерніи устройство чтеній регулируется уставомъ особаго общества, утвержденнаго 11 іюля 1893 г., въ шести губерніяхъ петербургскаго учебнаго округа право устраивать народныя чтенія предоставлено постоянной коммиссіи, по соглашенію съ губернаторомъ и архіереемъ. Наилучшій порядокъ при устройствѣ народныхъ чтеній имѣетъ мѣсто въ предѣлахъ виленскаго учебнаго округа.

Инструкція учителямъ народныхъ училищъ виленскаго учебнаго округа, утвержденная министерствомъ народнаго просвѣщенія, прямо возлагаетъ на законоучителей и учителей обязанность вести такія чтенія не только для учащихся, но и для народа (§ 48). На этомъ основаніи устроены народныя чтенія при многихъ сельскихъ училищахъ Минской, Виленской, Витебской и Могилевской губерній. Съ особеннымъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ директоръ народныхъ училищъ сначала Виленской, а затѣмъ Могилевской губерніи, г. Поповъ. Изъ его сообщенія отъ 30 ноября 1892 года видно, что въ одной Могилевской губерніи ему, при энергичномъ содѣйствіи учителей, удалось учредить народныя чтенія при 177 начальныхъ училищахъ, причемъ эти чтенія посѣтило около 225 тысячъ взрослыхъ и немного менѣе дѣтей.

Упрощенный порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній, установленный въ Сѣверо-Западномъ краѣ, могъ бы безъ всякого вреда для населенія быть распространенъ и на внутреннія губерніи Россіи. Между тѣмъ, на дѣлѣ это оказывается не такъ. До 1893 г. народныя чтенія совсѣмъ не разрѣшались въ

деревняхъ и селахъ внутренней Россіи, хотя училищные совѣты и земскія собранія, начиная съ половины 70-хъ годовъ, постоянно выдвигаютъ цѣлый рядъ ходатайствъ о томъ, чтобы правила 1876 г. были распространены не только на города, но и на села. Насколько сложенъ настоящій порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній, доказываетъ слѣдующій разсчетъ.

Допустимъ, что прошеніе о разрѣшеніи чтеній поступило къ министру народнаго просвѣщенія. Обыкновенно онъ спрашиваетъ заключенія директора и инспектора, послѣднему необходимо пріискать наблюдателя, а такъ какъ инспекторъ, проживая въ городѣ, рѣдко знаетъ мѣстныхъ жителей, то онъ обыкновенно сносится сначала съ училищнымъ совѣтомъ и затѣмъ съ избраннымъ наблюдающимъ лицомъ. Но вотъ всѣ необходимыя свѣдѣнія собраны, онъ письменно даетъ заключеніе директору, послѣдній пишетъ попечителю, попечитель представляетъ дѣло министру народнаго просвѣщенія. Отсюда вся переписка идетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, который требуетъ заключенія губернатора, губернаторъ сносится съ жандармскимъ управленіемъ и исправникомъ, послѣдній собираетъ свѣдѣнія чрезъ станового, а становой чрезъ урядника. Когда становой напишетъ исправнику, исправникъ губернатору, а послѣдній, дождавшись отзыва жандармскаго управленія, представитъ все дѣло своему министру, мы будемъ только на половинѣ пути, потому что министръ еще долженъ снестись съ г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода, послѣдній съ епархіальнымъ архіереемъ, преосвященный можетъ направить дѣло или чрезъ епархіальный училищный совѣтъ, и тогда сей послѣдній снесется съ уѣзднымъ отдѣленіемъ училищнаго совѣта и такъ до мѣстнаго причта включительно, или же чрезъ консисторію, которая тоже чрезъ благочиннаго пошлетъ запросъ мѣстному причту. Когда затѣмъ эти отзывы въ порядкѣ подчиненности дойдутъ до оберъ-прокурора, а послѣдній сообщитъ свое заключеніе министру, настанетъ время разрѣшить или не разрѣшить чтенія. Въ этомъ перечнѣ инстанцій нѣкоторыя пропущены, и если принять въ разсчетъ ихъ всѣ, то окажется, что дѣло о разрѣшеніи народныхъ чтеній въ какой-либо мѣстности, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, будетъ состоять изъ 30 бумагъ, надъ которыми работало не менѣе 15 различныхъ учрежденій. Оказывается, что для прочтенія одобренной тремя цензурами книжки въ какой-нибудь деревушкѣ въ 10 дворовъ, необходимо привести въ движеніе весь сложный административный механизмъ внутренняго управленія вплоть до двухъ министровъ и оберъ-прокурора включительно.

Но кромѣ канцелярскаго труда, казалось бы, достаточнаго для проведенія реформы даже большей государственной важности, очень значительное при нашихъ разстояніяхъ время идетъ на почтовыя сношенія. Представимъ себѣ, что жители г. Петропавловска, Приморской области, возбуждаютъ ходатайство объ открытіи народныхъ чтеній и посылаютъ прошеніе г. министру народнаго просвѣщенія. Дѣло объ этомъ четыре раза посылается въ Петербургъ и четыре раза возвращается обратно, совершая каждый разъ путешествіе въ $13^1/_2$ тысячъ верстъ и дѣлая 108.000 верстъ. На земномъ шарѣ не съ чѣмъ сравнить эту огромную цифру. Даже длина экватора втрое меньше данной величины. Мы имѣемъ одну изъ цифръ, съ которыми привыкли оперировать только астрономы.

Въ настоящее время московское общество грамотности обратилось къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ измѣненіи порядка разрѣшенія народныхъ чтеній. Сущность этого ходатайства заключается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ:

Имѣя въ виду: 1) что существующій въ центральной Россіи порядокъ разрѣшенія чтеній требуетъ несоразмѣрно сложной переписки, продолжающейся иногда по нѣсколько лѣтъ, а отъ учредителей—массы энергіи, идущей не на

организацію чтеній, а на хлопоты объ ихъ разрѣшеніи; 2) что большая часть переписки является совершенно излишнею, потому что дѣло рѣшается на основаніи отзывовъ и заключеній мѣстныхъ низшихъ инстанцій, такъ какъ имъ однимъ извѣстны и учредители, и лекторъ, и всѣ мѣстныя условія; 3) что тѣ же самыя народныя чтенія въ петербургскомъ учебномъ округѣ, безъ всякаго ущерба въ смыслѣ контроля за ними и съ большою выгодой для самаго дѣла, разрѣшаются гораздо скорѣе и легче; 4) что всѣ другія, часто болѣе важныя народообразовательныя учрежденія, какъ, напримѣръ, вечернія школы для взрослыхъ, народныя библіотеки и читальни, общедоступные спектакли и т. п. разрѣшаются мѣстнымъ начальствомъ; 5) что при разрѣшеніи чтеній не представлялось бы никакой надобности для г. начальника губерніи входить въ сношенія съ другими вѣдомствами, напримѣръ, учебнымъ и духовнымъ, потому что чтенія обыкновенно ведутся по книгамъ, уже одобреннымъ высшими духовными и учебными правительственными учрежденіями, а по вопросу объ удостовѣреніи политической и нравственной благонадежности устроителей чтеній самымъ компетентнымъ лицомъ является начальникъ губерніи — московское общество грамотности ходатайствуетъ о томъ, чтобы народныя чтенія въ городахъ и селеніяхъ, по просьбамъ частныхъ лицъ, частныхъ обществъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, обществъ и попечительствъ трезвости и т. п. по книжкамъ, одобреннымъ для этой цѣли, разрѣшались властью начальника губерніи, причемъ наблюденіе за чтеніями могло бы быть возлагаемо, напримѣръ, на мѣстныхъ священниковъ, преподавателей, членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, попечителей школъ и т. п., по усмотрѣнію губернаторовъ.

Деревенскія ворожеи. Въ провинціальныхъ газетахъ зачастую попадаются извѣстія о продѣлкахъ разныхъ «пророчихъ», ворожей и пр., эксплуатирующихъ народное невѣжество и легковѣріе. Такъ, «Сам. Газ.» разсказываетъ любопытныя подробности объ одной ворожеѣ въ селѣ «Новый Кувакъ», Бугульминскаго уѣзда. Ворожея эта распространила о себѣ молву среди мѣстнаго населенія чувашъ, что имѣетъ духъ пророчества, который получила при откровеніи свыше, а потому безъ особеннаго затрудненія можетъ предугадывать будущее людей, предотвращать несчастія, изгонять болѣзни, устранять супружескія несогласія и открывать пропажи. Она пріобрѣла любовь и уваженіе окружающихъ, къ ея знаніямъ относились почти всѣ съ полнымъ довѣріемъ. Публика, разумѣется, не забывала платиться: и натурой, и деньгами, смотря по обстоятельствамъ и важности дѣла. Районъ своей дѣятельности ворожея не ограничивала только своей д. Кузьминовкой, Чернилинской волости, а переходила изъ одной въ другую, по надобности, гдѣ больше предвидѣлось жатвы. Такъ прошло три года. Въ нашемъ селѣ въ концѣ іюня распространился слухъ, что и къ намъ «грядетъ пророчица» и находится она въ дер. Исаклѣ, въ 8 верстахъ разстоянія отъ Новаго Кувака.

Мѣстные священники встревожились и порѣшили во что бы то ни стало истребить зло въ самомъ корнѣ.

Часовъ въ 11 ночи оба священника отправились преслѣдовать пророчицу и убѣдить народъ не довѣрять ея предсказаніямъ. Прибыли они въ деревню Исаклу, когда всѣ уже спали; съ большимъ трудомъ удалось имъ разыскать, наконецъ, и самое мѣстопребываніе пророчицы. Свое посѣщеніе они мотивировали экстренною надобностью и просили не смущаться ихъ появленіемъ. Чтобы замаскировать цѣль своего прихода, одинъ священникъ предложилъ «пророчицѣ» поворожить ему, такъ какъ жена его находится въ неизлѣчимой болѣзни. Видя его смиренный тонъ, ворожея согласилась. Разыскала она свой талисманъ — серебряную монету 25-ти-копѣечнаго достоинства, повѣшенную на

ниточкѣ — и принялась его лизать, прищелкивая языкомъ и цѣлуя. Потомъ стала молиться передъ иконою, передъ которою и былъ положенъ талисманъ. Молилась она долго и, придя въ экстазъ, начала «пророчествовать». «Представились мнѣ,—говорила священникамъ ворожея,—двѣ дороги: одна бѣлая, другая черная. По бѣлой дорогѣ шли мои доброжелатели, говорившіе мнѣ объ осторожности, а по черной—ѣхали мои враги (двое), подъ видомъ коихъ и разумѣю васъ, батюшки, а потому отказываюсь отвѣчать вамъ о здоровьѣ супруги вашей». Понявъ, что ворожея догадалась о цѣли ихъ прибытія, священники спросили ее, откуда она получила свое пророчество и зачѣмъ эксплуатируетъ народъ, пользуясь его невѣжествомъ. Она сказала, что ей 3 года тому назадъ было такое видѣніе: «Въ ночное время явился ко мнѣ Господь Саваоѳъ, въ сопровожденіи необыкновенной красоты дѣвы, имѣвшей въ своихъ рукахъ золотую тросточку. Черезъ ея посредство я и получила повелѣніе идти въ народъ заблудшій и учить правому пути. Съ тѣхъ поръ я, несмотря на преслѣдованіе людей, занимаюсь тѣмъ, что заповѣдано мнѣ». Священники, при помощи полицейскихъ, арестовали ее и отправили въ ближайшее волостное правленіе для водворенія на мѣсто жительства и взяли съ нея обѣщаніе не обманывать легковѣрныхъ людей разсказами о «видѣніяхъ».

«Пророчица»—еще далеко не старая женщина, замужняя. Мужъ ея разъѣзжаетъ вмѣстѣ съ нею по деревнямъ.

Въ селѣ Боровицѣ, Чигиринскаго уѣзда, какъ разсказываетъ кіевская газета «Жизнь и Искусство», открылись продѣлки цыганки Анны Буденковой.

Буденкова имѣетъ свое «шатро» и пару хорошихъ лошадей. Разъѣзжая по селамъ, она занимается лѣченіемъ больныхъ, ворожбой и колдовствомъ Орудіемъ ея наглаго мошенничества служитъ чортъ, съ которымъ она состоитъ въ тѣсной дружбѣ, и роль котораго въ нужныхъ случаяхъ съ успѣхомъ выполняетъ ея мужъ, Иванъ Буденко. Въ Боровицѣ Буденки появились въ самую страдную пору. Онъ въ шатрѣ точилъ серпы, сталилъ топоры и ковалъ «пидиски», она шныряла по селу и искала «пацієнтовъ», при чемъ поиски направлялись туда, гдѣ чуялась пожива. Подходящей пацієнткой представилась крестьянка Ефимія Шмиголь: она жила въ домѣ одна (мужъ на заработкахъ), хворала часто и имѣла деньги, полученныя за проданную корову. Мужъ Ефиміи, уходя на заработки, разрѣшилъ ей истратить на лѣченіе не болѣе 3 р. Буденкова, такимъ образомъ, явилась сюда очень кстати. Лѣченіе началось немедленно. Буденкова, какъ оказалось потомъ, давала Ефиміи настой гречневой соломы и зондировала и подготовляла почву для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій.

Узнавъ, что пацієнтка ея огорчена также холодностью своего мужа, цыганка предложила ей помочь и этому горю.

Начались шептанія, обливанія, заклинанія. Между тѣмъ, убранство дома и имущество Ефиміи постепенно стало уменьшаться: рушники (полотенца), висѣвшіе по стѣнамъ и на иконахъ, полотно, какое было въ «скрынѣ», рубашки, сподницы—все перешло въ руки цыганки. Она съумѣла ее такъ «обворожить», что та потеряла всякую способность сопротивляться. Тогда цыганка, видя предъ собой «овечку», принялась за осуществленіе главной своей цѣли и сообщила довѣрчивой пацієнткѣ, что она знается съ чертями, знаетъ отъ нихъ, гдѣ въ землѣ находятся клады, и можетъ при ихъ помощи эти клады забирать. Уже многихъ она надѣлила кладами, и если хочетъ Ефимія, то и ее надѣлитъ, потому что кладъ находится въ ея же огородѣ, только нужно спросить чорта, гдѣ именно кладъ находится и что нужно сдѣлать для того, чтобы снять съ клада заклятье, которое на немъ лежитъ. Чтобы увѣрить Ефимію въ справедливости своего разсказа, цыганка ведетъ ее ночью на огородъ, гдѣ она будетъ вызывать чорта и переговариваться съ нимъ. Ефимія дрожитъ всѣмъ тѣломъ и идетъ. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій и наставленій Буденкова открываетъ переговоры.

— Скажи, хозяинъ (такъ она называетъ чорта), гдѣ кладъ, що въ цимъ огороди, и какъ его взять?

— На томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ—ленъ, какъ бы изъ-подъ земли раздается таинственный голосъ.—Тутъ. Дай сто рублей залога—и копай.

Ефимія, по ея словамъ, не знаетъ, какъ возвратилась въ домъ, но здѣсь цыганка ей разсказала, что чортъ долженъ оставить на огородѣ примѣту, и приказала ей пойти утромъ въ ленъ и поискать. Ефимія пошла и нашла старый, почернѣвшій серебряный рубль. Рубль этотъ окончательно убѣдилъ крестьянку. Она отправляется къ матери въ сосѣднее село и разсказываетъ ей о случившемся, прося дать денегъ на залогъ. Та не вѣритъ и желаетъ сама слышать чорта. Цыганка и съ ней продѣлала ту же комедію на огородѣ. Тогда старушка возвращается домой, выгоняетъ на ярмарку 5 штукъ мелкаго скота, продаетъ ихъ за 103 р. и несетъ деньги цыганкѣ, которая, взявъ деньги, не позволила ей однако копать кладъ безъ ея разрѣшенія. Черезъ нѣсколько дней оказалось, что чортъ, неудовлетворенный залогомъ, ставитъ еще новое условіе: чтобы Ефимія достала огарокъ изъ Кіево-Печерской лавры, потому что кладъ копать можно только при свѣтѣ этого огарка.

И на другой день цыгане всей семьей провожали Ефимію къ пароходной пристани Бужинъ; ее заботливо усадили на пароходъ, при чемъ цыганка безпрестанно твердила одно и то же—чтобы огарковъ было побольше и изъ всѣхъ пещеръ, и чтобы Ефимія никому дорогой не проговорилась. Ефимія оказалась очень способной таить секреты и на пятый день привезла полный платокъ огарковъ. Но къ ея возвращенію цыганъ и слѣдъ простылъ. Тогда она съ плачемъ заявила мѣстному полицейскому уряднику, что ее цыганка «околдовала» и обобрала. Дознаніе производится. Выясняется, что Буденкова обобрала и другихъ крестьянъ-мужиковъ, но они изъ стыда скрываютъ это.

Гибель одного изъ участниковъ геологической экскурсіи. «Терскія Вѣдомости» передаютъ слѣдующія подробности о гибели австрійскаго геолога, члена международнаго конгресса, Э. А. Штебера, одного изъ геологовъ, принимавшихъ участіе въ экскурсіи на Араратъ. Партія геологовъ, предпринявшая экскурсію на Араратъ, отправилась изъ Эривани 18-го сентября и въ тотъ же день поднялась на Сардаръ-Булахъ.

Геологи не имѣли намѣренія взойти на вершину Большого Арарата, но на привалѣ Э. А. Штеберъ убѣдилъ нѣкоторыхъ предпринять восхожденіе. Было уже около 3-хъ час. дня, когда Штеберъ съ Освальдомъ и Эбелингомъ, въ сопровожденіи трехъ пластуновъ и проводника-курда, тронулись къ снѣговой полосѣ Большого Арарата, подъ которою въ скалахъ есть удобныя для ночлега мѣста. Во время ночевки спутники Штебера просили его не уходить слишкомъ далеко впередъ, какъ это онъ обыкновенно дѣлалъ, такъ какъ онъ былъ единственнымъ лицомъ, чрезъ посредство котораго они, не зная русскаго языка, могли обращаться съ разспросами къ проводникамъ. Съ разсвѣтомъ 19-го сентября всѣ они тронулись къ вершинѣ, но Штеберъ вскорѣ отдѣлился, быстро ушелъ впередъ, скрылся и спутники больше его не видѣли.

Въ то же время, на разсвѣтѣ 19-го сентября, съ мѣста стоянки отправилась на вершину Б. Арарата вторая партія геологовъ изъ 5 человѣкъ: проф. Шмидтъ, Рива, Ридъ, Рюстъ и Абельянцъ, въ сопровожденіи 10 пластуновъ. Еще не доходя снѣговой полосы, одинъ изъ этихъ геологовъ замѣтилъ движущуюся по снѣгу точку недалеко отъ вершины Арарата; въ бинокль онъ узналъ въ этой точкѣ Штебера, который спускался по снѣжному полю внизъ правѣе того гребня, по которому онъ поднялся, и вскорѣ исчезъ изъ виду за утесомъ.

Никто изъ геологовъ вершины не достигъ. Въ снѣговой полосѣ стоялъ морозъ ниже 10°, одинъ отморозилъ себѣ пятку, другой—два пальца на рукѣ.

Экскурсія началась безъ опытнаго, авторитетнаго руководителя и кончилась безпорядочно; туристы возвращались на мѣсто стоянки въ разное время, по два, по три и даже по одному человѣку. Въ виду этого, въ первое время отсутствію Штебера никто не придавалъ особаго значенія; думали вотъ-вотъ подойдетъ и онъ. Но прошла ночь, настало утро, а Штебера все не было. Поднялась тревога, дали знать въ Эривань.

Немедленно на поиски Штебера были отправлены двѣ партіи пластуновъ при офицерахъ, изъ которыхъ одна должна была воспользоваться указаніями одного изъ спутниковъ Штебера, а другая—указаніями геолога, видѣвшаго его въ бинокль. Но не успѣли эти иностранцы присоединиться къ пластунамъ, какъ они уже нашли Штебера; тутъ проявилась необычная смѣтливость пластуновъ, которые по двумъ—тремъ указаніямъ сразу ориентировались въ едва доступной мѣстности. Судя по слѣду на снѣгу, Штеберъ катился внизъ саженъ сто и найденъ лежащимъ на спинѣ во весь ростъ съ раскнутыми руками; обѣ ноги, изъ которыхъ одна была переломлена около щиколотки, уперлась въ скалу, задержавшую дальнѣйшее паденіе; въ лицѣ его не было выраженія какихъ-либо страданій. Судя по такому положенію, можно думать, что Штеберъ не замерзъ, лишенный возможности двигаться, а умеръ раньше, чѣмъ остановился, отъ сотрясенія мозга или разрыва сердца. Такое предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что въ сумкѣ у него оказались нетронутыми съѣстные припасы и фляжка съ коньякомъ была не отпита, если бы онъ былъ живъ и замерзалъ въ сознаніи, то, по всей вѣроятности, онъ пытался бы отогрѣться коньякомъ и трупъ его былъ бы въ иномъ положеніи.

Еще къ миссіонерскому съѣзду въ Казани. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщено письмо въ редакцію Л. Н. Толстого, по поводу вопроса о разбиравшемся на съѣздѣ миссіонеровъ ходатайствѣ объ отбираніи дѣтей у сектантовъ. Письмо слѣдующаго содержанія:

«Въ концѣ апрѣля нынѣшняго года, ко мнѣ пріѣхали самарскіе молокане съ просьбою помочь ихъ горю: у нихъ въ трехъ семьяхъ Бузулукскаго уѣзда, Алексѣевской волости, въ деревняхъ Землянкѣ и Антоновкѣ отобрали отъ родителей 5-хъ дѣтей, возрастомъ отъ 11 до 2 лѣтъ.

«Дѣти отобраны у нихъ на основаніи 39 ст. уст. о пред. и прес. пр. Молокане эти подавали прошенія во всѣ инстанціи; я тоже сдѣлалъ, что съумѣлъ, но всѣ наши ходатайства остались безуспѣшными. И вотъ, въ половинѣ сентября эти люди опять пріѣхали ко мнѣ, умоляя какъ-нибудь помочь имъ выручить своихъ дѣтей.

«Въ это самое время въ газетахъ шла оживленная полемика о томъ, дѣйствительно ли было предложено на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы можно было отбирать дѣтей у раскольниковъ и сектантовъ: однѣ газеты доказывали, что такое предложеніе было сдѣлано и съ негодованіемъ осуждали его, другія горячо оправдывали членовъ съѣзда, отрицая возможность такого предложенія.

«Изъ этой полемики русское общество, да и иностранцы, интересующіеся вопросомъ отношенія русскаго правительства къ сектантамъ, должны понять, что хотя мы и не можемъ похвастаться полной вѣротерпимостью, все-таки такія мѣры, какъ отнятіе дѣтей у родителей немыслимы въ русскомъ обществѣ, въ которомъ одно предположеніе возможности ходатайства о такой мѣрѣ вызвало всеобщее негодованіе, какъ либеральныхъ, такъ и самыхъ консервативныхъ и православныхъ органовъ печати. А между тѣмъ, дѣти и не однихъ этихъ молоканъ, а какъ мнѣ извѣстно, многихъ и многихъ сектантовъ и раскольниковъ отбираются отъ нихъ. И дѣлается это по закону, на основаніи 39 ст.,—такъ что членамъ съѣзда совсѣмъ не о чемъ ходатайствовать. Воз-

мущаться же, что люди ходатайствуютъ о томъ, что уже существуетъ и практикуется, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно».

На съѣздѣ, какъ видно изъ напечатанныхъ извѣстій о немъ, шелъ вопросъ о томъ, чтобы законъ, примѣняемый къ «особо вреднымъ сектамъ», расширить по отношенію ко всѣмъ раскольникамъ, т. е. отъ православія уклонившимся. Что отбираютъ и дѣтей, и конфискуютъ имущество у приверженцевъ сектъ, «особо вредныхъ», это давно извѣстно, также какъ и статья закона 39-я. И если было высказано удивленіе въ печати, то лишь въ виду необъятныхъ размѣровъ, въ которыхъ пришлось бы примѣнять этотъ законъ, въ случаѣ осуществленія желаній съѣзда. Точно также и миссіонеры, конечно, знали упомянутый законъ, хотя бы уже потому, что знаніе русскихъ законовъ *обязательно* для всѣхъ русскихъ гражданъ, а тѣмъ болѣе для тѣхъ изъ нихъ, коихъ этотъ законъ непосредственно интересуетъ, какъ лицъ, требующихъ его примѣненія, или какъ въ случаѣ, приводимомъ Л. Н. Толстымъ, примѣняющихъ его на дѣлѣ.

Забытая годовщина. Подъ такимъ заглавіемъ проф. А. Веселовскій, 17-го октября, помѣстилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующую небольшую замѣтку, съ цѣлью напомнить читателямъ объ одномъ памятномъ въ исторіи русскаго театра событіи.

«Сегодня русскому театру минуло *двѣсти двадцать пять лѣтъ*. Онъ слишкомъ привыкъ къ другому лѣтосчисленію и любитъ вести свою исторію съ энергической попытки Волкова вырыть его изъ-подъ пепла, возродить и поставить на достойное мѣсто въ жизни народа. Но давно пора возстановить права на старшинство другой, еще болѣе достопамятной даты, безъ малаго на столѣтіе предшествующей появленію «ярославцевъ» въ Петербургѣ,—даты *перваго* свѣтскаго спектакля на Руси, основанія *перваго* нашего театра,—того событія, которое мы должны были бы чествовать сегодня. Потомки, избалованные если не внутреннимъ, такъ внѣшнимъ благополучіемъ и процвѣтаніемъ разнообразныхъ театральныхъ учрежденій, покрывающихъ теперь нашу страну, неохотно оглядываются на то далекое, наивное время, когда сколочены были на-удачу театральные подмостки, сшиты съ грѣхомъ пополамъ костюмы, нѣмцу-маляру въ Слободѣ заказаны «перспективныя рамы» (декораціи), на льду Москвы-рѣки въ рыночный день куплены лавки для партера, а у нѣмца-пастора взята на-прокатъ первая пьеса,—и этими нехитрыми средствами сооружена первая русская сцена—прародительница залитыхъ электрическимъ свѣтомъ «образцовыхъ» сценъ нашего времени. Изслѣдованія, установившія подлинную исторію раннихъ лѣтъ русскаго театра (въ особенности, труды Тихонравова), недостаточно извѣстны большинству, и, по его понятіямъ, изъ тумана временъ, въ которомъ теряется родословная русской сцены, въ вѣкъ париковъ и робороновъ внезапно вырѣзываются очертанія постояннаго и правильнаго театра.

«Эту напраслину пора отбросить, и въ такіе дни, какъ сегодняшній скромный юбилей, научиться вспоминать о младенчествѣ русскаго театральнаго дѣла. И вѣдь есть о чемъ вспомнить! Оригинальна группа пестуновъ и ревнителей его,—нетерпѣливый, измученный любопытствомъ царь, его неожиданные сподвижники, первые антрепренеры наши, лютеранскій пасторъ и нѣмецъ-полковникъ, посольство за актерами, отправленное въ Германію, первая театральная школа, словно изъ земли выросшая и гдѣ же?—при нѣмецкомъ пасторатѣ, суета и хлопоты приготовленій, цѣлый годъ, проведенный въ сборахъ и разучиваніи, задоръ и выдержка, одолѣвающіе всѣ помѣхи, ропотъ, косые взгляды, протесты, жалобы, и, наконецъ, знаменательный день 17-го октября 1672 года! Изъ кремля направляется въ Преображенское ко дворцу, гдѣ сооружена сцена, блестящій поѣздъ всадниковъ и повозокъ; открытіе спектаклей получаетъ значеніе вызова, демонстраціи, пира на весь міръ. Зала разукрашена цвѣтными сукнами, пере-

полнена зрителями; домороценный оркестръ грянулъ, раздвинулась занона, послышались начальныя слова первой пьесы, «Артаксерксова дѣйства», показалась на сценѣ красивая Эсѳирь (наряженный въ женскій уборъ юноша—Блументростъ), а вокругъ нея вчерашніе приказные и подъяческія дѣти, сегодня же первые русскіе актеры. Спектакль длинный, тягучій, неумѣлый; преданіе увѣряетъ, что онъ длился цѣлыхъ десять часовъ, но они пролетаютъ незамѣтно, восхищенію царя нѣтъ предѣловъ, новая забава затмила все, чѣмъ, бывало, развлекалъ онъ себя, и на цѣлыхъ четыре года, до самой его смерти, судьба театра обезпечена. Пусть на немъ пока владычествуютъ чужія, пришлыя, англійскія, нѣмецкія, польскія пьесы, приспособленныя къ русскимъ условіямъ, но съ каждымъ шагомъ впередъ на сцену проникаетъ жизнь съ ея печалями и радостями, героизмомъ и шутовствомъ, на ней слышатся патетическіе монологи Юдиѳи, готовящейся къ своему подвигу ради блага народа, горделивыя рѣчи непобѣдимаго Тамерлана, потѣшныя перебранки и остроты въ солдатскомъ лагерѣ. Комизмъ вскорѣ цѣлой волной влился въ репертуаръ, и старой чопорности, видѣвшей въ смѣхѣ дьявольскую потѣху, нанесенъ рѣзкій ударъ. Со сцены слышится временами пѣніе; пляски стали разнообразить игру. Еще мелькаютъ библейскіе, назидательные сюжеты, но уже свѣтскій театръ народился и никогда болѣе не сгинетъ, сколько бы невзгодъ ни встрѣчалъ онъ на своемъ пути. Онъ какъ-то замираетъ порой, совсѣмъ стихаетъ, чтобы снова возродиться; отъ Алексѣя до Петра Великаго жизнь его какъ будто остановилась, пульсъ совсѣмъ не бьется, но его согрѣли, поддержали, и шире прежняго развился онъ. Послѣ Петра снова застой, но не гибель, а только летаргія; пробужденіе, навсегда нарушившее это тяжелое оцѣпенѣніе,—славное дѣло Волкова.

«Внушительная, болѣе чѣмъ двухсотлѣтняя эволюція соединяетъ наивныя «дѣйства» временъ Алексѣя Михайловича и пастора Грегори съ репертуаромъ нашихъ дней, и первыхъ актеровъ учениковъ, которые неохотно путешествовали ежедневно изъ города въ Нѣмецкую Слободу и жалобно докладывали царю, что «учася, платьишкомъ ободрались и сапожишками обносились, пить-ѣсть нечего, и что помираютъ они голодной смертію», съ обезпеченными сценическими грандами конца нашего вѣка. Исторія театра и драмы значительно удлиняется, если отправною точкой признать первый спектакль Алексѣя. Въ этомъ старшинствѣ, однако, и много почета, и много обязательствъ. Если можешь ссылаться на такихъ отдаленныхъ предковъ и предъявлять лѣтопись въ цѣлыхъ двѣсти двадцать пять лѣтъ существованія, будь готовъ къ отвѣту, когда спросятъ, все ли сдѣлано было въ такой долгій срокъ для развитія искусства, для подъема драмы, для блага и просвѣщенія народа; сталъ ли, наконецъ, театръ хоть теперь достояніемъ всей народной массы, или все еще служитъ утѣхой «господъ»? Мы всѣ знаемъ, что отвѣтъ этотъ не удовлетворитъ строгимъ требованіямъ, что послѣднюю часть его можно произнести только съ смущеніемъ и запинкой. Пожелаемъ же, чтобы такіе поводы къ провѣркѣ и анализу, какъ сегодняшній скромный юбилей, заставляющій оглянуться и призадуматься, не проходили даромъ и помогли театру сдѣлаться, наконецъ, тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть,—и народной усладой, и народной школой».

Къ біографіи Н. А. Добролюбова.

(Біографическая замѣтка).

Успѣхи и поведеніе Н. А. Добролюбова за время обученія его въ нижегородской духовной семинаріи, т. е. съ 1848 по 1853 г., представляютъ извѣстный интересъ для характеристики знаменитаго критика, особенно въ виду скудныхъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ жизни Добролюбова.

Ниже мы сообщаемъ данныя о томъ, чему и какъ обучался и, выражаясь школьнымъ языкомъ, каковъ по поведенію былъ Н. А. Добролюбовъ въ бытность свою въ нижегородской духовной семинаріи. Данныя эти, насколько намъ извѣстно, еще нигдѣ не были опубликованы въ печати, если не считать краткой замѣтки объ ученическомъ свидѣтельствѣ Добролюбова, выданномъ ему при выходѣ изъ семинаріи въ 1853 г.,—замѣтки, помѣщенной г. Кудринскимъ на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» въ прошломъ году.

Небогатый матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, составляетъ, однако, *все*, что имѣется о Н. А. Добролюбовѣ въ архивѣ нижегородской духовной семинаріи за время обученія въ ней будущаго критика. Не смотря на свою скудость и оффиціальную сухость, матеріалъ этотъ позволяетъ, однако, до нѣкоторой степени заглянуть въ отроческое и юношеское школьное настроеніе Н. А. и знакомитъ съ его учебными семинарскими занятіями.

Съ отличнымъ успѣхомъ окончивъ въ 1848 г. курсъ въ нижегородскомъ духовномъ училищѣ, Н. А. былъ предназначенъ училищнымъ начальствомъ для поступленія въ нижегородскую духовную семинарію. Въ училищныхъ спискахъ 1848 г. въ числѣ учениковъ, удостоенныхъ перевода въ низшее отдѣленіе семинаріи, подъ № 6-мъ (а не 4-мъ, какъ значится въ біографіи Н. А. Добролюбова, составленной А. М. Скабичевскимъ; стр. 8) въ первомъ разрядѣ поставленъ и Н. Добролюбовъ (всѣхъ учениковъ въ первомъ разрядѣ было 20, а всего въ высшемъ отдѣленіи 72). По всѣмъ училищнымъ предметамъ успѣхи его аттестуются высшимъ тогдашнимъ балломъ — единицей, именно: по катехизису, священной исторіи, латинскому и греческому языкамъ, географіи и ариѳметикѣ. Между 2—7 сентября 1848 г. въ семинаріи были произведены повѣрочные для учениковъ училищъ пріемные экзамены, на которые явилось свыше 150 чел., и Добролюбовъ былъ принятъ въ семинарію во 2 й или, по нынѣшнему, въ параллельный классъ словесности подъ № 3-мъ (всего-же въ этотъ классъ принято было 77 челов.).

Въ семинаріи Н. А. Добролюбовъ, какъ извѣстно, полнаго курса не кончилъ, а вышелъ изъ нея послѣ годичныхъ испытаній въ первомъ богословскомъ классѣ (въ іюлѣ 1853 г.), такъ что, слѣдовательно, всего въ семинаріи Добролюбовъ обучался только пять полныхъ учебныхъ лѣтъ. Мнѣніе нѣкоторыхъ, будто Н. А. Добролюбовъ въ 1853 г. былъ отправленъ въ петербургскую духовную академію *самимъ* семинарскимъ начальствомъ, по вызову, архивными данными также не подтверждается.

Въ семинаріи Добролюбовъ все время обучался съ выдающимся успѣхомъ. Успѣхи его поднимались съ каждымъ годомъ, такъ сказать, crescendo. Семинарскій курсъ въ то время раздѣлялся на три двухъ-годичныхъ класса: на классъ словесности, на классъ философіи и на классъ богословія. По истеченіи перваго же учебнаго года, т. е. при переходѣ изъ низшаго въ высшее отдѣленіе класса словесности, Добролюбовъ на годичныхъ экзаменахъ (въ іюлѣ 1849 г.) получилъ по всѣмъ предметамъ своего класса (по риторикѣ, по православному исповѣданію, по гражданской исторіи, по греческому и латинскому языкамъ) высшій баллъ (1), и по всѣмъ этимъ предметамъ значится въ разрядномъ спискѣ подъ № 3-мъ. Между прочимъ, для письменнаго сочиненія ученикамъ низшаго класса словесности на экзаменѣ была дана тема: «полезно ли чтеніе книгъ?» Въ числѣ лучшихъ, по разсмотрѣніи, признано и сочиненіе Добролюбова—третьимъ по достоинству.

Въ спискахъ, изготовленныхъ къ такъ называемымъ «внутреннимъ» испытаніямъ въ декабрѣ 1849 г. (въ прежнее время въ семинаріи экзамены производились два раза въ годъ — предъ рождествомъ «внутреннія» и въ концѣ года «публичные», или годичные), т. е. за первую половину учебнаго года въ высшемъ отдѣленіи класса словесности, Добролюбовъ занимаетъ по классу

нітики и по священному писанію третье мѣсто. Успѣхи его по этимъ предметамъ значатся «весьма» и «очень хорошими», по гражданской исторіи—«весьма хорошими», по греческому и латинскому языку—«очень хорошими». На внутреннихъ испытаніяхъ Добролюбовъ имѣетъ высшій баллъ (1). Ученики высшаго отдѣленія класса словесности на этихъ испытаніяхъ писали еще одно сочиненіе *на латинскомъ* языкѣ на тему: «возжелѣвъ премудрости, соблюди заповѣди (Сир. 1, 26)», и одно на русскомъ языкѣ на тему: «Господь даетъ премудрость и отъ лица Его познаніе и разумъ (Притч. 2, 4)». «По разсмотрѣніи сихъ сочиненій,—говорится въ журналѣ семинарскаго правленія о внутреннихъ испытаніяхъ 1849 г.,—лучшимъ предъ прочими оказалось», въ числѣ другихъ, опять и сочиненіе Н. Добролюбова: на латинскомъ языкѣ—третье по достоинству, на русскомъ языкѣ—шестое. При переходѣ изъ класса словесности въ среднее отдѣленіе семинаріи (въ іюлѣ 1850 г.) Добролюбовъ занимаетъ, по прежнему, одно изъ первыхъ мѣстъ въ классѣ, а по нѣкоторымъ предметамъ даже первое (по математикѣ и по катехизису съ изъясненіемъ богослуженія).

Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи (въ философскомъ классѣ) Добролюбовъ видимо сталъ выдѣляться предъ прочими, даже лучшими своими товарищами, мало-по-малу превосходя всѣхъ ихъ въ успѣхахъ по большинству предметовъ своего класса. Такъ, предъ рождественскими испытаніями 1850 г. Добролюбовъ занимаетъ уже первое мѣсто въ разрядномъ спискѣ по слѣдующимъ предметамъ: по классу логики и чтенія латинскихъ писателей (успѣхи Добролюбова по этимъ предметамъ наставники аттестуютъ «отлично-хорошими» и «весьма хорошими»), по классу свящ. писанія и чтенія греческихъ писателей (успѣхи—«весьма» и «очень хорошіе»), по библейской исторіи (успѣхи «отлично хорошіе»), по физикѣ (успѣхи «весьма хорошіе»), по естественной исторіи (успѣхи «отличные»). На внутреннихъ испытаніяхъ Добролюбовъ получилъ по всѣмъ предметамъ высшій баллъ, кромѣ библейской исторіи (по которой баллъ 2=4). Въ общемъ разрядномъ спискѣ Добролюбовъ занялъ однако почему-то только четвертое мѣсто (о сочиненіяхъ свѣдѣній не имѣется). Съ успѣхомъ Добролюбовъ и закончилъ первый учебный годъ въ философскомъ отдѣленіи. По логикѣ и психологіи, по церковной и библейской исторіи, по естественной исторіи, по латинскому языку и по физикѣ—вездѣ онъ занимаетъ у наставниковъ первое мѣсто. По классамъ же св. писанія и чтенія греческихъ писателей, также и по русской гражданской исторіи, при успѣхахъ «весьма хорошихъ», Добролюбовъ занимаетъ въ разрядномъ спискѣ пока второе и третье мѣсто.

Только въ старшемъ отдѣленіи философіи Добролюбовъ превзошелъ по успѣхамъ всѣхъ своихъ товарищей, которымъ ранѣе уступалъ иногда, и съ этихъ поръ въ общемъ разрядномъ спискѣ онъ былъ всегда первымъ ученикомъ. Къ концу этого года наставники аттестовали успѣхи Добролюбова по всѣмъ предметамъ, кромѣ церковно-библейской исторіи и греческаго языка, «отличными», и въ своихъ спискахъ поставили его первымъ. Въ экзаменаціонныхъ вѣдомостяхъ этого года въ графѣ противъ Добролюбова значится, между прочимъ, что по св. писанію, герменевтикѣ и греческому языку отвѣчалъ «хорошо, только отрывисто». Въ общемъ разрядномъ спискѣ, составленномъ послѣ экзаменовъ, Добролюбовъ занялъ теперь первое мѣсто въ своемъ классѣ, при чемъ противъ него помѣчено, что «отлично успѣлъ по всѣмъ предметамъ».

Также блистательно закончилъ Добролюбовъ и послѣдній годъ своего семинарскаго обученія—въ первомъ классѣ богословскаго отдѣленія. Видимо, Добролюбовъ считался теперь лучшимъ воспитанникомъ своего класса. Въ разрядномъ спискѣ, составленномъ послѣ внутреннихъ испытаній въ декабрѣ 1852 г., противъ Добролюбова, перваго по списку, рукою ректора семинаріи, архимандрита Ѳеофила, опять помѣчено — и при томъ на этотъ разъ противъ него

одного,—что «отлично отвѣчалъ по всѣмъ предметамъ», тогда какъ противъ другихъ это дѣлается съ оговоркой (или: «по св. писанію», или «по богословію»). И въ концѣ 1853 учебнаго года Добролюбовъ вездѣ въ спискахъ наставниковъ, кромѣ сельскаго хозяйства и медицины, поставленъ на первомъ мѣстѣ. Успѣхи его таковы: по св. писанію и по чтенію греческихъ и латинскихъ отцовъ церкви—весьма хорошіе, по классу богословскихъ наукъ, церковной исторіи и церковной археологіи—отлично-хорошіе, по сельскому хозяйству и по медицинѣ—весьма и очень хорошіе. Въ общемъ разрядномъ спискѣ послѣ экзаменовъ Добролюбовъ и на этотъ разъ занялъ первое мѣсто въ классѣ, съ обычной противъ него отмѣткой ректора семинаріи, что «отлично отвѣчалъ по всѣмъ предметамъ».

Этимъ и исчерпываются архивныя данныя собственно о семинарскомъ обученіи Добролюбова.

Способности Добролюбова, его прилежаніе и вниманіе въ теченіе всего семинарскаго курса и у всѣхъ наставниковъ обычно аттестуется также съ самой лучшей стороны, примѣрно: «способностей отлично-хорошихъ», или «очень хорошихъ», прилежанія—«постоянно-ревностнаго», или «примѣрнаго», «неутомимо-ревностнаго», вниманія «постояннаго» и т. д.

Собственно о поведеніи Добролюбова-ученика, равно какъ и о его настроеніи въ тискахъ суровыхъ семинарскихъ требованій даетъ нѣкоторое понятіе аттестація со стороны семинарской инспекціи, весьма одобрительная во всѣхъ отношеніяхъ. Въ высшей степени любопытно, что по этой аттестаціи будущій критикъ еще на школьной скамьѣ является уже человѣкомъ до щепетильности корректнымъ, такъ сказать, идеальнымъ исполнителемъ долга и строго исполнительнымъ труженикомъ, какимъ явился и впослѣдствіи Добролюбовъ въ редакціи «Современника».

Въ первый же годъ пребыванія Добролюбова въ семинаріи, въ 1849 году, въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ о поведеніи учениковъ, составляемой инспекторомъ семинаріи «обще съ помощниками», онъ аттестуется всегда въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ. Такъ, въ январѣ 1849 г. о Добролюбовѣ въ вѣдомости говорится, что онъ «отличается вѣжливостью и усердіемъ къ занятіямъ», въ февралѣ: «отличается тихостію, скромностью и послушаніемъ», въ мартѣ, маѣ и іюнѣ: «тихъ, скроменъ и послушенъ», въ апрѣлѣ: «отличается благонравіемъ и усердіемъ къ занятіямъ», въ сентябрѣ «тихъ и послушенъ», въ октябрѣ: «поведенія примѣрно-благонравнаго» и т. д., и т. п. А вотъ аттестація Добролюбова за болѣе поздній періодъ—въ философскомъ классѣ. Въ январѣ и февралѣ 1851 г. въ вѣдомости противъ Добролюбова значится: «весьма усерденъ къ богослуженію (черта—теперь почти постоянно указываемая въ Добролюбовѣ) и велъ себя примѣрно-хорошо», въ мартѣ: «отличается добрымъ и честнымъ поведеніемъ и усердіемъ къ церкви», въ апрѣлѣ: «отличается весьма хорошимъ поведеніемъ, скромностью, вѣжливостью и послушаніемъ», въ маѣ: «поведенія весьма хорошаго и отличается усердіемъ къ занятіямъ», въ іюнѣ: «при отлично-хорошемъ поведеніи отличается благонравіемъ и послушаніемъ», въ ноябрѣ: «отличается неутомимостью въ занятіяхъ», въ декабрѣ: «отличается ревностію къ классическимъ (т. е. къ класснымъ) занятіямъ и усердіемъ къ богослуженію». И т. д., и т. д.

Приведенныя нами данныя о Добролюбовѣ-семинаристѣ рисуютъ такимъ образомъ предъ нами серьезнаго, аккуратнаго и уважаемаго семинарскимъ начальствомъ юношу, примѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣжливый, тихій, скромный, послушный, примѣрно-благонравный, честный, религіозный, неутомимо и постоянно-ревностный къ занятіямъ юноша — вотъ какимъ все время аттестуетъ Добролюбова его семинарское начальство. И это, не надо забывать, въ *духовно-учебномъ* заведеніи. Скромность во мнѣніи о себѣ и трудолюбіе

составляли, какъ извѣстно, отличительную черту и во всей послѣдующей жизни знаменитаго критика и публициста. **Тихоновъ.**

За границей.

Ньюкэстльская община. Въ окрестностяхъ Ньюкэстля, въ Клоуденъ-Хиллѣ, среди прекрасно обработанныхъ полей пріютилась сельскохозяйственная община, чрезвычайно любопытная какъ по своей организаціи, такъ и по своему происхожденію.

Четыре года тому назадъ, въ Ньюкэстль пріѣхалъ изъ Лондона дамскій портной, чехъ Капръ, въ поискахъ за работой. Происходя изъ очень бѣдной семьи рабочихъ, Капръ много натерпѣлся лишеній и горя въ дѣтствѣ и юности. Отецъ не могъ дать ему никакого образованія, но въ мальчикѣ рано проснулась жажда знанія, и всѣ свободныя минуты онъ проводилъ за книжкой. Будучи еще очень молодымъ, Капръ принималъ участіе въ рабочемъ движеніи, за что подвергся преслѣдованію и въ теченіе долгаго времени перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто и перебывалъ въ разныхъ странахъ. Во время своей скитальческой жизни Капръ успѣлъ изучить пять языковъ и, заинтересовавшись соціальными вопросами, принялся изучать ихъ со свойственною ему энергіей. Глубокій идеалистъ въ душѣ, Капръ никогда не помышлялъ ни о какихъ насильственныхъ переворотахъ, хотя и мечталъ о пересозданіи общества; больше всего онъ придавалъ значеніе идеямъ, живому слову и примѣру. Онъ хотѣлъ дѣйствовать убѣжденіемъ, указать людямъ путь къ истинѣ, разъяснить имъ ихъ собственные интересы. Преслѣдуя свою идею, Капръ, по пріѣздѣ въ Ньюкэстль найдя поденную работу у одного портного, тотчасъ же постарался сойтись съ своими товарищами рабочими, а также студентами и организовалъ клубъ, гдѣ по вечерамъ, покончивъ дневную работу, обучалъ своихъ товарищей французскому языку, читалъ и переводилъ имъ разныя книги и вообще дѣлился съ ними всѣми своими познаніями. Скоро Капръ пріобрѣлъ большую популярность въ Ньюкэстлѣ, не смотря на то, что нигдѣ никогда не выступалъ въ качествѣ оратора, хотя и посѣщалъ всегда аккуратно всѣ воскресные митинги и собранія рабочихъ. Его всегда видѣли слушающимъ внимательно, что говорили другіе, и записывающимъ что-то въ свою книжечку.

Весною 1895 года Капръ отправился въ Зундерляндъ, гдѣ устроена была выставка, организованная кооперативными обществами. Но еще больше выставки его интересовала организація этихъ обществъ; онъ началъ изучать ихъ статуты и познакомился съ ихъ организаторами. Однако, ни одна изъ этихъ системъ не удовлетворила его, тѣмъ не менѣе посѣщеніе Зундерлянда все-таки не прошло безслѣдно для Капра.

На конгрессѣ кооперативныхъ обществъ Капръ свелъ знакомство съ Вильямомъ Кеемъ, въ своемъ родѣ замѣчательнымъ человѣкомъ. Трудно представить двухъ людей, занимающихъ болѣе противоположное положеніе въ обществѣ, въ то же время болѣе сходныхъ по своему характеру и воззрѣніямъ. Кей родился и выросъ среди богатства и роскоши и съ молодыхъ лѣтъ, занявшись дѣлами, еще удвоилъ свое состояніе. Онъ былъ поставщикомъ военнаго министерства и вездѣ, какъ въ военномъ вѣдомствѣ, такъ и въ адмиралтействѣ, пользовался почетомъ и былъ, такъ сказать, «persona grata». Ему много разъ предлагали парламентскую кандидатуру, но онъ всегда отказывался, увлеченный какъ и Капръ изученіемъ соціальныхъ вопросовъ и предпочитавшій ораторамъ Вестминстерскаго дворца ораторовъ народныхъ митинговъ. Какъ и Капръ, Кей никогда не вступалъ ни въ какую полемику и не занимался воинствующей пропагандой, но

щедрость и великодушіе его вошли въ пословицу, и во времена кризисовъ, когда какой-нибудь рабочій синдикатъ нуждался въ помощи и поддержкѣ, онъ находилъ ее у Кея. Естественно, что Кей и Капръ должны были сойтись, какъ только познакомились. Капръ изложилъ Кею свои идеи: «Еслибъ я имѣлъ средства,—сказалъ онъ,—я бы на дѣлѣ доказалъ достоинства такой системы общаго труда, въ которой не было бы ни руководителей, ни спеціальной организаціи. Повѣрьте, еслибъ земля обрабатывалась подобнымъ образомъ,—никто бы не страдалъ отъ голода!»

Заинтересованный взглядами молодого портного, старый капиталистъ нѣсколько разъ затѣвалъ съ нимъ разговоръ на эту тему и, наконецъ, сказалъ ему: «Словами намъ трудно убѣдить другъ друга. Надо сдѣлать опытъ. Выберите себѣ товарищей, отыщите мнѣ ферму, не очень дорогую, я ее куплю и отдамъ вамъ; вы же вернете мнѣ деньги, безъ всякихъ процентовъ, когда будете въ состояніи».

Договоръ былъ заключенъ. Вернувшись въ Ньюкэстль, Капръ купилъ въ разсрочку велосипедъ и все свободное время употребилъ на разслѣдованіе окрестностей. Отнесясь совершенно серьезно къ предложенію Кея, Капръ уже заранѣе заботился о томъ, чтобы имѣть возможность поскорѣе покрыть долгъ, и старался найти такую ферму, пріобрѣтеніе которой стоило бы дешево. Послѣ двухмѣсячнаго рысканія по всѣмъ направленіямъ, Капръ наконецъ нашелъ желаемое и тотчасъ же увѣдомилъ объ этомъ Кея.

Въ 1895 году Капръ устроился уже въ новомъ помѣщеніи. Колонія состояла тогда изъ двухъ человѣкъ, согласившихся послѣдовать за Капромъ, со своими женами и шестью дѣтьми. Ни Капръ, ни его товарищи не были знакомы основательно съ сельскимъ хозяйствомъ, но не боялись труда и разсчитывали, что знанія легко пріобрѣтаются при сильномъ желаніи. Вступая въ колонію, они вмѣстѣ съ Капромъ подписали слѣдующій документъ, которымъ они обязывались: «1) содѣйствовать общими силами образованію общаго и нераздѣльнаго капитала для учрежденія сельскохозяйственной и промышленной колоніи; 2) учредить систему взаимнаго обезпеченія отъ всякаго рода несчастныхъ случайностей, послѣдствій болѣзни, увѣчья и старости; 3) заботиться о нравственномъ и интеллектуальномъ усовершенствованіи всѣхъ членовъ колоніи и воспитаніи ихъ дѣтей». Въ заключеніе каждый изъ членовъ давалъ обѣщаніе посвятить всѣ свои силы интенсивной культурѣ земли, о которой, впрочемъ, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ понятія.

Начало было трудное. Капръ употреблялъ нечеловѣческія усилія, чтобы поскорѣе освободить свою колонію отъ всякихъ долговыхъ обязательствъ и съ этою цѣлью рѣшилъ не оставлять своего прежняго ремесла. Онъ вставалъ съ восходомъ солнца, работалъ два часа въ полѣ, вмѣстѣ съ товарищами, затѣмъ садился на велосипедъ и отправлялся къ своему хозяину, въ Нью-Кэстль. Отработавъ въ мастерской положенные восемь часовъ и наскоро закусивъ кускомъ хлѣба съ холоднымъ мясомъ, Капръ снова садился на велосипедъ и ѣхалъ домой, на ферму, гдѣ тотчасъ же опять принимался за работу. Такимъ образомъ, въ теченіе полугода онъ работалъ ежедневно не менѣе 19 часовъ въ сутки; товарищи, которыхъ онъ побуждалъ своимъ примѣромъ, не отставали отъ него.

Маленькая колонія не замедлила возбудить вниманіе сосѣдей. Нельзя сказать, чтобы къ ней относились сочувственно. Капръ и его товарищи сначала возбудили подозрѣнія тѣмъ, что они работали по ночамъ при лунномъ свѣтѣ, къ подозрѣніямъ присоединилось неудовольствіе, когда сосѣди увидали, что эти странные колонисты не соблюдаютъ даже воскреснаго дня и продолжаютъ работать. Съ ними никто не сближался и всѣ ихъ избѣгали, но ни Капръ, ни его товарищи не обращали на это вниманія. Они были вознаграждены тѣмъ, что работа ихъ подвигалась очень успѣшно и уже начала приносить плоды. Устроен-

ныя ими теплицы для розъ оказались чрезвычайно удачными и доставили настолько хорошій доходъ фермѣ, что явилась возможность купить корову, сначала одну, потомъ другую и, наконецъ, пару лошадей. Капръ бросилъ свою работу у портного и окончательно посвятилъ себя фермѣ, изучая вмѣстѣ со своими товарищами сельскохозяйственныя книги въ свободное время. Вскорѣ сосѣди увидѣли съ удивленіемъ, что колонисты выстроили небольшую мельницу и печь для хлѣбовъ, затѣмъ они принялись разводить домашнюю птицу и продавать яйца и другіе продукты. Какъ ни присматривались сосѣди къ колонистамъ, ничего дурного замѣтить не могли; жили тѣ скромно и занимались своимъ дѣломъ. Вдругъ въ одинъ прекрасный день колонія увеличилась; еще четверо товарищей, изъ нихъ двое семейныхъ, явились съ просьбою принять ихъ въ общину. За ними послѣдовали другіе и вскорѣ помѣщеніе сдѣлалось тѣсно, такъ что пришлось принанять еще нѣсколько коттэджей.

Въ настоящее время колонія Капра состоитъ изъ 27 колонистовъ, не считая женщинъ и дѣтей. Кромѣ фермы, составляющей ядро колоніи, община нанимаетъ еще четыре коттэджа и поставляетъ на всѣ окрестные рынки и кооперативныя общества всякаго рода весеннія новинки, зелень, огурцы, помидоры, шампиньоны и т. д., а также яйца, птицу и массу рѣдкихъ цвѣтовъ, хризантемъ, розъ и т. п. На фермѣ теперь имѣются четыре прекрасныя коровы и колонисты успѣли уже продать шесть телятъ. Недавно въ общину вступилъ ученый садовникъ, собирающійся разводить орхидеи.

Отношенія сосѣдей къ колонистамъ измѣнились радикально; на нихъ стали смотрѣть даже съ нѣкотораго рода почтеніемъ и всюду имъ былъ открытъ кредитъ, но они рѣдко прибѣгали къ нему и наотрѣзъ отказались отъ субсидій, предложенныхъ капиталистами. Теперь колонія въ Клоуденъ-Хиллѣ служитъ любимымъ мѣстомъ прогулки окрестныхъ жителей. Обыкновенно по воскресеньямъ цѣлыя толпы гуляющихъ идутъ въ Клоуденъ Хилль, осматриваютъ теплицы, оранжереи, питомники и разныя другія сельскохозяйственныя учрежденія. Всѣ продукты фермы раскупаются съ величайшею охотой и сбытъ имъ всегда обезпеченъ, въ виду ихъ превосходнаго качества. Мечты Капра близятся къ осуществленію, и скоро долгъ Вильяму Кею, достигавшій первоначально 32.500 фр., будетъ покрытъ совсѣмъ, такъ что земля и всѣ сооруженія, сельскохозяйственныя орудія и т. д. составятъ полную коллективную собственность колоніи. Получаемые доходы дѣлятся такимъ образомъ: 25% раздѣляется между колонистами, а 75% отсчитывается въ пользу колоніи. Корреспондентъ французской газеты «Temps», посѣтившій недавно эту замѣчательную колонію и пораженный ея быстрыми успѣхами и процвѣтаніемъ, замѣтили колонистамъ, что ихъ жизнь напоминаетъ ему первобытныя монастырскія общины. «Вотъ еще!—воскликнули колонисты.—Мы нисколько не похожи на монаховъ. Вѣдь мы живемъ со своими семьями...»—«И не требуемъ ни отъ кого приданнаго или взноса», перебилъ другой.—«И не подчиняемся никакому правилу!» замѣтилъ Капръ.

Доступъ въ колонію открытъ для каждаго. Кто пожелаетъ постучаться въ двери фермы Клоуденъ-Хилля, будетъ принятъ съ распростертыми объятіями. Отъ него потребуется только, чтобы онъ работалъ такъ, какъ другой, ни больше, ни меньше. Взамѣнъ онъ получаетъ кровъ, постель, пищу и все необходимое. Онъ можетъ во всякое время выйти изъ колоніи. Если при поступленіи въ общину у него были деньги, то ихъ у него отбираютъ, такъ какъ члены общины не могутъ имѣть никакой отдѣльной собственности или капитала. Деньги эти, однако, остаются неприкосновенными и возвращаются колонисту при его выходѣ изъ колоніи. Если сумма была довольно велика, то колонистъ обязанъ предупредить за мѣсяцъ о своемъ выходѣ. Никакихъ другихъ формальностей ни при выходѣ, ни при вступленіи въ общину, не соблюдается.

«— Мы всѣ пользуемся здѣсь безграничною свободой,—сказалъ Капръ корреспонденту французской газеты.—Основывая эту колонію въ Клоуденъ-Хиллѣ, я далъ себѣ слово, что никогда тутъ не водворится никакая власть, и если-бы это случилось, помимо моей воли, я первый покину общину навсегда. Мы изъяли изъ нашей жизни въ общинѣ все, что могло бы дать поводъ къ какимъ бы то ни было раздорамъ. Мы не интересуемся ни политическими, ни религіозными воззрѣніями своихъ членовъ, предоставляя каждому полную свободу. Никто изъ насъ не помышляетъ о томъ, чтобы властвовать надъ другими, такъ какъ каждый изъ насъ сознаетъ, что учрежденіе власти только ослабитъ нашу колонію. Мы всѣ проникнуты тою истиной, что успѣха можно ожидать только отъ свободнаго труда, добровольнаго и хорошо оплачиваемаго, такого, который составляетъ самый первый долгъ человѣка и въ которомъ лежитъ залогъ счастья человѣчества. Въ этомъ отношеніи нашъ опытъ можетъ быть очень полезенъ, такъ какъ онъ послужитъ доказательствомъ возможности организаціи такой общины, какъ наша. Но если надъ нами нѣтъ никакой власти и у насъ нѣтъ президента, то это еще не значитъ, чтобы мы всегда и во всемъ были согласны между собою, но мы устраиваемъ такъ, чтобы не было распрей и раздоровъ. Если, напримѣръ, возникаетъ споръ относительно какого-нибудь способа культуры, какого-нибудь нововведенія, то мы пускаемъ этотъ вопросъ на голоса. Но большинство все-таки не составляетъ закона ни для кого, и меньшинство можетъ, если хочетъ, поступать по своему и примѣнять свой способъ культуры. Послѣ одного или двухъ мѣсяцевъ уже на дѣлѣ будетъ видно, на чьей сторонѣ была правда. Никакія разногласія никогда не порождали среди насъ неудовольствія, никто не обязанъ былъ дѣлать то, что ему не по сердцу, никто не терпѣлъ никакого униженія и всегда работалъ только такъ, какъ ему хотѣлось, и это очень важно, такъ какъ лишь тотъ трудъ бываетъ успѣшнымъ, который приходится по сердцу. Окрестные фермеры сначала только пожимали плечами, глядя на насъ, а теперь они убѣдились, что наши колонисты, никѣмъ не управляемые, безъ всякой дисциплины и приказаній, работаютъ гораздо лучше и успѣшнѣе и больше вырабатываютъ, чѣмъ ихъ сельскохозяйственные рабочіе. Они попробовали даже намъ подражать, но неудачно, такъ какъ ихъ рабочіе, работающіе не на себя, а на хозяина, тотчасъ же злоупотребили своею свободой и начинали работать еще хуже, какъ только вышли изъ послушанія...

«— На восемь или десять километровъ въ окружности нѣтъ ни одного такого учрежденія, какъ наше. Есть и болѣе обширныя, и болѣе богатыя, но нигдѣ въ такой короткій срокъ не были достигнуты такіе замѣчательные результаты. А вѣдь дѣло у насъ только начинается; вѣдь мы работаемъ немного болѣе двухъ лѣтъ. Но и теперь уже мы выращиваемъ больше розъ и поставляемъ больше томатовъ и хризантемъ, чѣмъ пять или шесть торговыхъ фирмъ вмѣстѣ. Когда наступитъ время и мы выплатимъ весь свой долгъ Кею, весь доходъ пойдетъ у насъ на расширеніе дѣла, и ферма въ Клоуденѣ-Хиллѣ сдѣлается тогда самымъ образцовымъ сельскохозяйственнымъ заведеніемъ во всей странѣ.

«— Вначалѣ, когда мы поселились здѣсь, мы ѣли только хлѣбъ и пили воду, теперь же, какъ видите, мы лучше одѣты и гораздо лучше питаемся, чѣмъ большинство рабочихъ. Наши колонисты имѣютъ не одно только строго необходимое, но пользуются также разными удобствами. У насъ есть зала, гдѣ мы собираемся по вечерамъ и занимаемся музыкой, есть библіотека, заключающая въ себѣ до 900 томовъ, а также разныя игры: крокетъ, мячъ, шахматы и т. д. Результаты превзошли мои ожиданія, и я мечтаю о томъ, чтобы въ разныхъ мѣстахъ Англіи устроить еще такія колоніи».

Капръ нисколько не тревожится за будущность своей колоніи и твердо убѣжденъ, что она будетъ процвѣтать все больше и больше. По его разсчету,

въ Клоуденъ-Хиллѣ могутъ прокормиться до 500 человѣкъ, безъ всякаго ущерба другъ для друга, но его безпокоитъ нѣсколько положеніе колоніи по отношенію къ законамъ страны. Передъ закономъ непремѣнно кто-нибудь долженъ быть собственникомъ фермы. Пока долгъ не выплаченъ Вильяму Кею, онъ является такимъ собственникомъ; когда же всѣ обязательства будутъ покрыты, придется найти среди самихъ же колонистовъ какого-нибудь фиктивнаго собственника. Но это все-таки не можетъ служить гарантіею относительно будущаго колоніи, и главный вопросъ, который теперь занимаетъ Капра, это именно обезпеченіе ея будущаго. Задача не легкая, такъ какъ Капръ не хочетъ поступаться своими убѣжденіями и вносить элементы власти въ свое учрежденіе. Во всякомъ случаѣ, сомнѣваться въ процвѣтаніи колоніи въ настоящее время невозможно, и какъ по отзыву сосѣдей, такъ и по отзыву самихъ же обитателей колоніи между ними никогда не происходило никакихъ ссоръ, и всѣ колонисты до сихъ поръ всегда дружно и охотно работали.

Колонія существуетъ еще слишкомъ недавно, чтобы можно было высказать какое-нибудь окончательное мнѣніе о системѣ Капра или предсказать ея дальнѣйшую судьбу, но какъ опытъ, эта колонія, безъ сомнѣнія, достойна того, чтобы на нее обратили вниманіе соціологи и экономисты.

Британскія затрудненія. Этотъ годъ особенно труденъ для Англіи. Индія, составляющая наиболѣе чувствительное мѣсто Соединеннаго Королевства, причиняетъ англичанамъ не мало хлопотъ. Всѣ условія какъ будто нарочно слагаются противъ англичанъ. Чума, голодъ, возстаніе пограничныхъ племенъ,— все это не могло не породить серьезной тревоги. Броженіе умовъ давно уже замѣчалось въ Индіи и въ значительной степени оно было вызвано санитарными мѣропріятіями, но на сѣверной границѣ Индіи сюда присоединились еще и другія причины, къ числу которыхъ надо прибавить общее возбужденіе мусульманъ, вызванное побѣдами Турціи, и особенный интересъ, пробудившійся внезапно къ султану, какъ къ великому «калифу» или повелителю мусульманъ.

Однако, несмотря на эти причины, нельзя ожидать въ Индіи никакого всеобщаго возстанія и нельзя строить свои разсчеты на этомъ. Въ Индіи, менѣе чѣмъ гдѣ-либо на Востокѣ, существуетъ тѣсная національная связь между отдѣльными племенами и собственно жителями Индостана, и политическія группировки лишены въ ней особеннаго значенія; въ нихъ всегда существуетъ полное смѣшеніе расъ и языковъ и нѣтъ никакой солидной связи между отдѣльными элементами такой группировки, вслѣдствіе чего всякое движеніе, происходящее въ Индіи, носитъ по преимуществу мѣстный характеръ.

Въ общемъ, 210 милліоновъ индусовъ, повидимому, нисколько не обладаютъ склонностью къ мятежамъ; у нихъ какъ бы образовалась уже закоренѣлая привычка повиноваться иноземному владычеству и они вовсе не помышляютъ о томъ, чтобы его свергнуть. Доктрины индусовъ даже скорѣе играютъ въ руку правительствамъ; притомъ же, большинство индусовъ не привыкли обращаться съ оружіемъ, и это бы очень ихъ затруднило, если бы дѣйствительно началось серьезное возстаніе. Впрочемъ, есть и среди индусовъ племена, обладающія воинскими качествами. Напримѣръ, сикки въ Пэнджабѣ, сдѣлавшіеся воинственными вслѣдствіе постоянныхъ преслѣдованій монголовъ, но воспоминанія объ этихъ преслѣдованіяхъ скорѣе должны расположить ихъ въ пользу англичанъ и заставить ихъ тѣснѣе примкнуть къ британскому владычеству. Что касается мусульманъ, то всѣ шестьдесятъ милліоновъ, населяющіе Индію, раздѣляются на двѣ большія группы: одна населяетъ Пэнджабъ и афганскую границу, другая же находится въ Бенгаліи, гдѣ образуетъ большинство сельскаго населенія. Надо, впрочемъ, прибавить, что коренные индусы не терпятъ мусульманъ, и тѣ всегда держатся въ сторонѣ, такъ что представители ихъ даже вышли недавно изъ на-

ціональнаго собранія. Однако, нельзя все-таки отрицать, что мусульманская община внушаетъ индусамъ чувство невольнаго уваженія какъ своимъ достаткомъ, такъ и своимъ образомъ жизни и силою характера, а отчасти тутъ дѣйствуетъ также и воспоминаніе о долгомъ владычествѣ мусульманъ. Да и дѣйствительно, вездѣ, за исключеніемъ мѣстности къ югу отъ Мадраса, центральной Индіи и Раджпутаны, исламъ выступаетъ на первый планъ; скромный индусскій храмъ совершенно заслоняется торжествующей мечетью и даже въ священномъ городѣ Бенаресѣ все-таки мечеть занимаетъ первенствующее мѣсто; вообще получается такое впечатлѣніе, что исламъ въ Индіи совершенно такъ же у себя дома, какъ въ Турціи и Египтѣ, и мусульманская цивилизація, несомнѣнно, наложила свою печать на страну.

Въ этомъ столѣтіи среди мусульманъ Индіи началось довольно любопытное религіозное движеніе, которое, однако, въ теченіе пятидесяти лѣтъ ускользало отъ глазъ индійскаго правительства, что ясно указываетъ на способность индійскихъ мусульманъ къ организаціи. Нѣкій Саидъ Ахмедъ принялся проповѣдывать въ Индіи реформу мусульманской религіи, лишившейся своей первоначальной чистоты отъ соприкосновенія съ индобраманизмомъ. Проповѣдь оказалась очень успѣшной. Новому Махди удалось даже устроить нѣчто въ родѣ административной и фискальной организаціи, которая дѣйствовала бокъ-о-бокъ съ англійскою администраціей. Онъ разсылалъ своихъ миссіонеровъ по всему полуострову и посадилъ въ Патнѣ четырехъ калифовъ, которые должны были наблюдать за дѣйствіемъ всей системы; самъ же онъ отправился въ долину Свата, туда, гдѣ теперь находится центръ волненій, и тамъ, въ укрѣпленномъ мѣстѣ, подготовлялъ возстаніе, искусно вербуя въ свое войско людей изъ разныхъ провинцій Индіи. Нѣсколько разъ онъ самъ, и впослѣдствіи его преемники, спускались въ долину во главѣ тысячнаго войска и совершали набѣги на невѣрныхъ. Съ большими затрудненіями удалось англо-индійскому правительству разсѣять въ 1863—1868 г. армію мятежниковъ, состоявшую изъ 60.000 человѣкъ. Рядъ послѣдовавшихъ затѣмъ процессовъ раскрылъ глаза англичанамъ и указалъ имъ, къ великому ихъ удивленію, что возстаніе подготовлялось уже давно и уже давно разные мусульманскіе ученые и паломники проповѣдывали законность возмущенія противъ англійскаго господства.

Мусульмане, такимъ образомъ, составляютъ главный источникъ опасностей для англійскаго владычества въ Индіи, тѣмъ болѣе, что они дѣйствительно имѣютъ нѣкоторые поводы жаловаться на притѣсненія и несправедливыя отношенія англо-индійскихъ властей. Въ мусульманской общинѣ броженіе не прекращается, и такъ какъ теперь нѣтъ ни великаго Могола, ни Махди, то взоры мусульманъ обращаются въ сторону Константинополя, тѣмъ болѣе, что престижъ султана въ послѣднее время очень возросъ вслѣдствіе ореола побѣды. Коренные же индусы опасности большой не представляютъ и, безъ всякаго сомнѣнія, предпочитаютъ англійское владычество мусульманскому, что вполнѣ резонно, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, англичане много сдѣлали для Индіи въ отношеніи цивилизаціи и прогресса. Ужъ одно то, что въ Индіи существуетъ 150 коллегій и 152.330 школъ подтверждаетъ это, не говоря уже о развитіи желѣзныхъ дорогъ, почтоваго и телеграфнаго дѣла, печати и т. п. Между тѣмъ, разговоры о притѣсненіяхъ англичанъ сдѣлались ходячимъ мѣстомъ въ литературѣ и въ обществѣ, и недавно эти разговоры еще усилились и даже нашли подтвержденіе въ томъ фактѣ, что двѣ или три мѣстныя газеты въ Индіи были закрыты и редакторъ одной изъ нихъ посаженъ въ тюрьму на полтора года. Однако, познакомившись ближе съ этими фактами, мы увидимъ, что тутъ нѣтъ никакого злоупотребленія своими правами со стороны англичанъ. Редакторъ былъ привлеченъ къ суду за то, что напечаталъ статьи, призывающія къ возстанію. Судъ былъ гласный, съ присяжными засѣдателями, и обвиняемый не

только могъ представить всѣ доказательства въ свою защиту, но имѣлъ и защитника. Если же онъ все-таки былъ обвиненъ, то потому, что было доказано, что въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ газетѣ, заключались не только критика дѣйствій правительства, но и воззваніе къ бунту. Первое не запрещается англійскими законами,—всякій имѣетъ право свободно и безъ стѣсненій высказывать свое мнѣніе,—второе же составляетъ подстрекательство и считается преступленіемъ, подлежащимъ карѣ законовъ.

Кубанскіе герои и героини. Европейское общество, горячо заинтересовавшееся участью армянъ, борьбою критянъ и греко-турецкою распрей, очень мало или даже совсѣмъ не интересуется тѣмъ, что происходитъ на островѣ Кубѣ. Отчаянная борьба кубанцевъ съ испанскимъ владычествомъ возбудила сочувствіе только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ, европейскія же правительства относятся къ ней или вполнѣ равнодушно, или даже съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ на томъ основаніи, что Соединенные Штаты открыто становятся на сторону кубанцевъ, и исходомъ борьбы можетъ явиться окончательное отпаденіе Кубы и вступленіе ея въ составъ американскихъ республикъ, что, конечно, въ глазахъ европейскихъ правительствъ явится подтвержденіемъ доктрины Монроё.

Какъ бы тамъ ни было, но горсть героевъ, сражающихся такъ долго и такъ упорно за независимость Кубы, заслуживаетъ нисколько не меньшаго вниманія Европы, чѣмъ критскіе инсургенты, о которыхъ такъ много говорится и пишется въ послѣднее время. Одинъ испанскій публицистъ, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, напечаталъ по этому поводу статью въ «Revue des Revues», въ которой говоритъ, что на кубанское возстаніе не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на смуту, произведенную только какою-нибудь одною партіею недовольныхъ, къ дѣятельности которой относится съ неодобреніемъ разумная и мирная часть населенія. Напротивъ, недовольство противъ испанскаго владычества распространено вездѣ, во всѣхъ классахъ общества, и самыя богатыя и старинныя семьи кубанскихъ гражданъ открыто становятся на сторону инсургентовъ.

Когда Испанія овладѣла Кубой и другими сосѣдними островами, численность туземнаго населенія была около двухъ-трехъ милліоновъ. Туземная раса отличалась кротостью и миролюбіемъ, и испанцамъ не трудно было при помощи своихъ ружей и штыковъ, обратить ихъ въ христіанство и заставить признать себя подданными Испаніи. Въ благодарность за такое послушаніе испанцы тотчасъ же обратили въ рабство своихъ новыхъ подданныхъ. И рабство это было изъ самыхъ тяжелыхъ. Испанцы пріѣзжали на Кубу исключительно съ цѣлью нажиться какъ можно скорѣе, и они заставляли своихъ рабовъ работать до полусмерти. Сами испанскіе историки съ ужасомъ описываютъ, какимъ истязаніямъ подвергали испанскіе плантаторы своихъ рабовъ. Результатомъ такого звѣрскаго обращенія было быстрое вымираніе населенія, и въ дѣйствительности эта древняя раса почти совсѣмъ исчезла теперь. Туземцы вымирали такъ быстро, что вскорѣ рабочія руки очень вздорожали и пришлось добывать ихъ въ другихъ мѣстахъ, посредствомъ порабощенія туземцевъ на другихъ островахъ и вывезенія негровъ изъ Африки. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но участь рабовъ отъ этого нѣсколько улучшилась; хозяинъ, заплатившій деньги за своихъ рабовъ, остерегался слишкомъ истязать ихъ, такъ какъ ихъ смерть и болѣзнь нанесли бы ему прямой ущербъ. Изъ Испаніи были выписаны надсмотрщики и искусные ремесленники, и теперешніе кубанцы являются потомками этихъ испанскихъ выходцевъ. Когда торговля рабами была уничтожена цивилизованнымъ міромъ, на Кубу устремились переселенцы изъ разныхъ мѣстъ. Мало-по-малу эти новые колонисты, благодаря энергіи, предусмотрительности и труду, сосредоточили въ своихъ рукахъ бывшія вла-

дѣнія испанцевъ. Но правительство и вся администрація острова осталась въ рукахъ испанскихъ чиновниковъ, отличавшихся своею недобросовѣстностью, всякаго рода вымогательствами, притѣсненіями, поборами, злоупотребленіями и т. п. Деньги сдѣлались главнымъ рычагомъ администраціи и съ деньгами можно было всего достигнуть; всюду царилъ подкупъ и каждый чиновникъ думалъ только о томъ, какъ бы ему извлечь побольше денегъ изъ кармана кубанца. Замѣчательно, что правительство въ этомъ отношеніи слѣдовало по стопамъ своихъ чиновниковъ на Кубѣ, и всѣ его распоряженія и законы носили такой же характеръ вымогательства, какъ и дѣйствія чиновниковъ. Такъ напримѣръ, вслѣдствіе одного изданнаго правительствомъ закона, кубанскому купцу, желающему выписать муку изъ Флориды, нужно было предварительно отправить ее въ Барселону и оттуда уже переправить ее на испанскомъ суднѣ на Кубу, такъ что стоимость муки возрастала вчетверо, и кубанецъ, получая одинъ хлѣбъ, уплачивалъ еще за два, которые шли уже въ пользу испанскихъ владѣльцевъ.

Но что же внесли испанцы на Кубу, кромѣ злоупотребленій и поборовъ? Способствовали ли они развитію страны, ея цивилизаціи и т. д.? Было бы напрасно искать на Кубѣ доказательствъ успѣховъ цивилизаціи, красивыхъ зданій, дворцовъ, музеевъ, библіотекъ. Ничего этого нѣтъ, и немногочисленныя желѣзныя дороги на островѣ возникли лишь благодаря частной иниціативѣ и иностраннымъ капиталамъ. Народное образованіе осталось въ самомъ зачаточномъ состояніи и на всемъ островѣ существуетъ не болѣе 449 первоначальныхъ школъ, да и эти школы находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, учителя уже нѣсколько лѣтъ не получаютъ жалованья, никакихъ пособій въ школахъ нѣтъ и ни о какомъ правильномъ ученіи не можетъ быть и рѣчи. Все населеніе ходитъ въ лохмотьяхъ и если бы не изумительное плодородіе страны, то, пожалуй, все бы населеніе давно бы вымерло отъ голода. Но масса природныхъ богатствъ острова остаются нетронутыми, и если бы какому-нибудь смѣлому предпринимателю вздумалось заняться эксплуатаціей желѣзной, мѣдной руды и др. минераловъ, находящихся въ изобиліи на островѣ, ему пришлось бы дорого поплатиться за свою смѣлость, такъ какъ онъ былъ бы разоренъ раньше, чѣмъ эта эксплуатація принесла бы ему какой-нибудь доходъ. Такая администрація острова естественнымъ образомъ должна была привести къ тому, что Куба становилась все бѣднѣе и бѣднѣе. Кубанцы нѣсколько разъ обращались съ воззваніями къ центральной власти и каждое министерство въ Испаніи неизмѣнно обѣщало принять во вниманіе жалобы кубанцевъ, но обѣщаній своихъ не выполняло и на Кубѣ все оставалось по прежнему; налоги же возрастали и теперь привели страну къ полному разоренію.

Чтобы не допускать возстаній на Кубѣ, испанское правительство учредило тамъ армію, содержаніе которой обходилось Кубѣ ежегодно въ 35 милліоновъ. Режимъ, введенный на Кубѣ, имѣлъ крайне деспотическій характеръ; всякія собранія, рѣчи, свобода слова—все это преслѣдовалось самымъ жестокимъ образомъ. Если бы можно было, то запретили бы даже думать. Такой режимъ въ концѣ-концовъ долженъ былъ истощить терпѣніе населенія; къ этому присоединилось еще случайное обстоятельство—неурожай, заставившій кубанцевъ взяться за оружіе. У нихъ не было ни денегъ, ни рессурсовъ, ни военной организаціи, ни флота, не было ни оружія, ни аммуниціи; большинство, къ тому же, было плохо одѣто. Между тѣмъ, кубанцы, поднявшіе знамя возстанія, должны были бороться съ 50.000 войска, превосходно обученнаго и снабженнаго всѣмъ необходимымъ. Но кубанцевъ воодушевляла мысль, что они стоятъ за правое дѣло. Возстаніе вспыхнуло въ февралѣ 1895 года. Къ концу трехъ мѣсяцевъ армія независимости состояла изъ 25.000 человѣкъ, а теперь, несмотря на всѣ понесенныя потери, въ ней все-таки насчитывается 60.000 человѣкъ. Оружіе и аммуниція доставлены были кубанцамъ ихъ друзьями; кромѣ

того, у нихъ давно существовали тайные запасы на случай надобности. Предводители движенія, Максимо Гомецъ, Антоніо Мацео, Родригецъ, Санхецъ и др., сознавая неравенство силъ, старались избѣгать встрѣчи съ испанскими войсками и вели партизанскую войну. Они устраивали засады, нападали на уединенныя укрѣпленія, небольшіе отряды, постоянно тревожили испанцевъ, грабили обозы и поѣзда и т. д. Какъ велики потери испанцевъ—въ точности никому неизвѣстно, такъ какъ въ данномъ случаѣ истина скрывается всѣми, начиная отъ генерала Вейлера и кончая самымъ младшимъ поручикомъ его арміи. Не смотря на такую систему укрывательства, оффиціальныя донесенія все-таки указываютъ 5.000 убитыхъ и столько же раненыхъ. Однако, судя по количеству раненыхъ, которые доставлены были изъ Кубы въ Испанію, число это должно быть гораздо больше.

Испанія увеличила свои силы на Кубѣ и теперь въ ея распоряженіи находится тамъ 250.000 войска. Генералъ Вейлеръ превратилъ всю страну въ пустыню, разрушилъ все, что было у него на пути, и тамъ, гдѣ прошло его войско, не осталось ни одной хижины, ни одной плантаціи. Вступая въ командованіе испанскимъ войскомъ на Кубѣ, генералъ Вейлеръ объявилъ, что ему достаточно будетъ 14 мѣсяцевъ, чтобы овладѣть островомъ. Для выполненія своего плана онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 250.000 войска; кромѣ того, ему было дано 680 милліоновъ на расходы. Но онъ ничего не добился; не смотря на всѣ крутыя мѣры, на полное разореніе острова, ему не удалось сломить сопротивленіе кубанцевъ. Сами испанскіе офицеры называютъ кубанскую кампанію—«борьбою двухъ немощныхъ» (la lucha de los impotentes), такъ какъ на дѣлѣ ни кубанцы не могутъ прогнать испанцевъ, ни испанцы не могутъ покорить кубанцевъ и заставить ихъ сдаться. Однако, положеніе испанскихъ войскъ становится хуже съ каждымъ днемъ; рессурсы Испаніи истощились и поэтому жалованье войскамъ все болѣе и болѣе задерживается. Генералъ Вейлеръ не оправдалъ надеждъ, возложенныхъ на него. Своею свирѣпостью онъ возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть, но ничего другого не добился.

Испанскіе отряды гверильясовъ, въ ряды которыхъ завербованы были по преимуществу каторжники и вообще подонки общества, ознаменовали себя звѣрскими избіеніями и всевозможными жестокостями. Въ Баладронѣ, въ провинціи Матанцагѣ, кубанскіе крестьяне предпочли умереть съ голоду въ своихъ погребахъ, гдѣ они баррикадировались, нежели сдаться въ руки испанцамъ. Испанцы не только звѣрски поступаютъ съ инсургентами, которые попадаются имъ въ руки, но не щадятъ ни женщинъ, ни дѣтей. Хорошенькій городокъ Матанцасъ, такой веселенькій и цвѣтущій года два тому назадъ, теперь имѣетъ самый печальный видъ. Населеніе его буквально умираетъ съ голоду. Генералъ Вейлеръ отдалъ распоряженіе, по которому всѣ поселяне, проживающіе за укрѣпленною линіей городовъ, должны были явиться въ недѣльный срокъ времени въ города, занятые испанскими войсками; тѣ же, которые не исполнили этого приказанія считались бунтовщиками и съ ними поступали, какъ съ таковыми. Крестьяне, фермеры и др., повиновавшіеся этому распоряженію и перебравшіеся вмѣстѣ со своими семьями въ города, занятые испанцами, осуждены были терпѣть всевозможныя лишенія, и если, кто-нибудь изъ нихъ пытался пробраться, за укрѣпленную линію, немедленно расплачивался за это жизнью. Казни бѣглецовъ происходили нѣсколько разъ въ недѣлю въ назиданіе жителямъ; несчастныхъ, со связанными сзади руками, приводили на площадь и ставили на колѣни противъ стѣны, на которой висѣло распятіе. Раздавался залпъ и все было кончено; сила торжествовала надъ правомъ.

Но казней казалось мало, чтобы сломить сопротивленіе, и испанцы ввели пытку. Читая описаніе тѣхъ ужасовъ, которые совершаются на Кубѣ, не-

вольно мысль переносится въ средніе вѣка, во времена инквизиціи. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы подобныя дѣла совершались на рубежѣ XX вѣка? Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, испанскій публицистъ. Три мѣсяца тому назадъ испанскими властями въ Матанцасѣ былъ арестованъ пастухъ, по имени Фодель Фундора. Онъ обвинялся въ томъ, что въ ящикѣ съ кожами, который онъ собирался отправить изъ Матанцаса, онъ припряталъ небольшой запасъ сѣрнокислаго хинина и патроновъ. Власти рѣшили, или по крайней мѣрѣ сдѣлали видъ, что такъ думаютъ, будто Фундора не могъ дѣйствовать одинъ и что у него непремѣнно должны были быть сообщники. И вотъ несчастнаго подвергли пыткѣ, подъ вліяніемъ которой у него омертвѣли большіе пальцы на обѣихъ рукахъ и гангрена настолько распространилась, что ему пришлось ампутировать обѣ кисти. Черезъ мѣсяцъ его судили военнымъ судомъ и приговорили къ разстрѣлянію, причемъ стрѣлять должны были въ спину. Согласно испанскому обычаю, Фундору отвели въ часовню за двѣнадцать часовъ до казни, затѣмъ къ нему явился испанскій офицеръ, предложившій ему помилованіе, свободу и еще сумму денегъ, если онъ выдастъ имена тѣхъ, кому предназначались патроны. Фундора отказался.

На другой день Фундору отвели на мѣсто казни. Онъ сталъ на колѣни и опустилъ голову, но когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, то оказалось, что Фундора попрежнему стоитъ на колѣняхъ; всѣ выстрѣлы пролетѣли надъ его головой. Какая судьба постигла его потомъ—никому неизвѣстно.

Кромѣ кубанцевъ, которые сражаются за свою независимость съ оружіемъ въ рукахъ, есть еще много такихъ патріотовъ, которые заграницей стараются словомъ и перомъ помогать испанцамъ, вербуя имъ сторонниковъ. Многіе изъ этихъ людей присоединяютъ къ слову и дѣло, какъ, напримѣръ, кубанскій генералъ Карлосъ Ротофъ, который велъ очень дѣятельную пропаганду въ Соединенныхъ Штатахъ въ пользу кубанцевъ и чрезвычайно ловко ухитрялся провозить подъ самымъ носомъ испанскихъ военныхъ кораблей военную контрабанду кубанцамъ, такъ что блокада острова, въ сущности, была только фикціей. И такихъ замѣчательныхъ по своей энергіи и самоотверженію людей встрѣчается не мало среди кубанскихъ инсургентовъ. Женщины также играютъ не послѣднюю роль. Онѣ организовали заграницей очень вліятельную ассоціацію «дочерей Кубы» (Las Hijas de Cuba), которая ведетъ неустанную борьбу за независимость. Предсѣдательницей этого общества состоитъ г-жа Гонзало де-Кевзада, женщина рѣдкой энергіи и мужества. Впрочемъ, всѣ члены этой ассоціаціи обнаружили такія же качества и полную готовность жертвовать собою. Почти всѣ пожертвовали своимъ состояніемъ въ пользу кубанскаго дѣла; многія продали для этого всю свою обстановку, свои драгоцѣнности, художественныя произведенія и т. п., и вырученныя деньги пошли на покупку оружія и перевязочныхъ средствъ для инсургентовъ.

На Кубѣ женщины, какъ и мужчины, не довольствуются только платоническимъ сочувствіемъ инсургентамъ, посильною помощью или словесною и письменною пропагандою, а многія сами берутся за оружіе, чтобы отмстить за своихъ братьевъ, погибшихъ отъ руки испанскихъ солдатъ. Къ числу такихъ героинь принадлежитъ г-жа Адела Ацкуи де-Пилото, которая командуетъ въ настоящее время однимъ отрядомъ кубанцевъ. Это молодая красивая дѣвушка; испанцы отняли у нея все ея состояніе и убили ея родителей. Она сама лишь случайно избѣжала смерти и бѣжала въ ряды инсургентовъ. Тамъ, взявшись за оружіе, она доказала еще разъ, что женщина, въ случаѣ нужды, можетъ такъ же хорошо сражаться, какъ и мужчина.

Таково положеніе дѣлъ на Кубѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что кубанцы, какъ мужчины, такъ и женщины, скорѣе погибнутъ всѣ до одного человѣка, нежели согласятся сложить оружіе и уступить своему врагу, превосходящему

ихъ силой. Надо, впрочемъ, прибавить, что силы инсургентовъ возрастаютъ все болѣе и болѣе; испанцы же ослабѣваютъ. Климатъ, дурныя санитарныя условія, лишенія—все это отражается очень вредно на здоровьѣ молодыхъ испанскихъ солдатъ, непривычныхъ и не успѣвшихъ еще достаточно закалиться. Войска рѣдѣютъ, касса пустѣетъ и испанскому правительству предстоитъ теперь очень трудная задача: найти способъ выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія. Въ Испаніи уже раздаются голоса, требующіе прекращенія отвратительной войны, разоряющей Испанію и позорящей ее, какъ цивилизованную страну. Но голоса эти заглушаются хоромъ близорукихъ патріотовъ, въ особенности возмущающихся вмѣшательствомъ Соединенныхъ Штатовъ и требующихъ покоренія Кубы во что бы то ни стало. На долю новаго либеральнаго министерства въ Испаніи, во главѣ котораго стоитъ Сагаста, выпала не легкая задача удовлетворить требованіямъ гуманности и справедливости, принимая во вниманіе также и интересы страны, и щадя въ то же время патріотическія чувства испанцевъ, готовыхъ видѣть позоръ и униженіе отечества въ желаніи прекратить кровопролитіе и удовлетворить законныя желанія кубанцевъ, предоставивъ имъ автономію, которой они добиваются.

Опытъ международной корреспонденціи. Около года тому назадъ, профессоръ нормальной школы въ Драгиньянѣ Міелль, обратился къ редактору журнала «Review of Reviews» Стэду, съ просьбою принять участіе въ задуманномъ имъ предпріятіи. Міелль, совмѣстно съ другими учителями, задался цѣлью облегчить своимъ ученикамъ изученіе новыхъ языковъ, сдѣлавъ это изученіе для нихъ болѣе привлекательнымъ. Ему казалось, что лучшимъ способомъ въ данномъ случаѣ будетъ обмѣнъ писемъ между учениками разныхъ національностей. Такой обмѣнъ долженъ былъ удовлетворять двумъ цѣлямъ: ученики выучивались владѣть иностраннымъ языкомъ и въ то же время между двумя націями создавалась дружественная связь. По мнѣнію Міелля, разногласія весьма часто возникаютъ отъ непониманія другъ друга. Двое учениковъ, которые будутъ писать другъ другу и взаимно исправлять ошибки, которые будутъ сообщать другъ другу о своей школьной жизни, играхъ, занятіяхъ и т. д., непремѣнно должны въ концѣ концовъ заинтересоваться другъ другомъ. Недовѣріе, являющееся всегда результатомъ недостаточнаго знакомства другъ съ другомъ, должно, такимъ образомъ, исчезнуть. Испробовавъ этотъ методъ на своихъ ученикахъ, которые вступали въ переписку съ юными англичанами, Міелль убѣдился въ его цѣлесообразности и, желая доставить ему какъ можно большее распространеніе, онъ прибѣгъ къ помощи печати.

Заинтересованный его идеей, Стэдъ съ величайшею готовностью взялся за дѣло. Онъ обратился къ редактору «Revue universitaire» и вскорѣ съ его помощью былъ составленъ списокъ учениковъ, англичанъ и французовъ, пожелавшихъ вступить въ переписку. Какъ только списокъ этотъ былъ опубликованъ и идея Міелля получила извѣстность, Стэдъ сталъ получать письма отъ разныхъ лицъ въ Англіи, давно уже перешедшихъ школьный возрастъ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, которые выражали мнѣніе, что такая международная переписка можетъ принести пользу не однимъ только школьникамъ. Въ то же время многіе изъ этихъ лицъ обращались къ Стэду съ просьбою найти имъ кого-нибудь, кто бы пожелалъ вступить съ ними въ переписку на такихъ же условіяхъ, на какихъ организуется переписка между школьниками. Въ числѣ желающихъ были врачи, адвокаты, конторщики, военные, учителя и т. д. Много было женщинъ, молодыхъ и старыхъ, желавшихъ усовершенствоваться въ иностранномъ языкѣ. Организовать такую переписку между учительскимъ персоналомъ не составляло затрудненія, но не такъ было легко найти желаемое для другихъ лицъ. Чтобы переписка дѣйствительно могла создать извѣстную проч-

ную симпатію между переписывающимися, необходимо, конечно, чтобы между ними было что-нибудь общее. Такая общность взглядовъ и чувствъ несомнѣнно должна существовать между учениками, мальчиками и дѣвочками, какой бы то ни было національности; то же самое можно ожидать и относительно людей одинаковой профессіи. Врачъ, адвокатъ, коммерсантъ и т. д. всегда найдутъ о чемъ бесѣдовать со своимъ собратомъ по профессіи, хотя бы и другой національности. Исходя изъ этой мысли, Стэдъ обратился къ редакціи «Revue des Revues» съ просьбою пропагандировать эту идею. Что касается практической стороны задачи, то она выполняется очень просто: каждый пишетъ, по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ, при чемъ одно письмо должно быть написано на своемъ родномъ языкѣ и должно служить образцомъ и средствомъ для исправленія ошибокъ своего иностраннаго корреспондента, другое же на иностранномъ языкѣ, при чемъ помощь въ данномъ случаѣ должна быть взаимной.

Какъ и слѣдовало ожидать, редакція французскаго журнала отнеслась сочувственно къ приглашенію Стэда, и результаты взаимной дѣятельности печати и преподавателей превзошли ожиданія. Міеллю и Севретту, профессору лицея въ Шартрѣ, удалось организовать вполнѣ правильную переписку между тысячами учениковъ, французовъ и англичанъ. Идея привилась и принесла плоды. Какъ только редакція французскаго журнала объявила объ этомъ учрежденіи международной переписки, тотчасъ же съ разныхъ сторонъ откликнулись на ея приглашеніе и даже стали присылать деньги на почтовые расходы. Редакція отклонила всѣ эти предложенія денежныхъ пособій, заявивъ, что охотно принимаетъ на свой счетъ «незначительные расходы», которые ей можетъ доставить учрежденіе международной корреспонденціи, т. е. публикація адресовъ, отвѣтъ на запросы и извѣщеніе лицъ, желающихъ вступить между собою въ переписку.

Въ настоящее время редакція постоянно получаетъ письма съ просьбою найти иностраннаго корреспондента. Самыя разнообразныя лица прибѣгаютъ къ посредству редакціи въ данномъ случаѣ; тутъ есть и чиновники, и свѣтскія дамы, молодыя дѣвушки, крупные промышленники, офицеры, въ особенности много артиллеристовъ, инженеры и даже одинъ крупный издатель одного католическаго журнала выразилъ желаніе вступить въ такую переписку; однимъ словомъ, тутъ есть представители всѣхъ классовъ, профессій и состояній.

Рамки, однако, раздвинулись силою вещей. Въ началѣ дѣло шло о перепискѣ только между французами и англичанами, теперь же получаются заявленія объ организаціи такой переписки съ другими націями, испанцами, итальянцами и нѣмцами.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года около 2.000 французскихъ студентовъ и 1.200 англійскихъ студентовъ откликнулись на приглашеніе вступить въ переписку. Вслѣдъ затѣмъ явилась мысль объ организаціи такой же франко-нѣмецкой переписки. Эта мысль встрѣтила горячую поддержку у многихъ дѣятелей въ Германіи. Такое же сочувствіе идея международной переписки встрѣтила въ Швейцаріи и въ Италіи. Недавно получены заявленія изъ Америки о желаніи вступить въ такую переписку.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue internationale».—«Revue des Revues».

«Античная трагедія въ современной эпохѣ» — такъ называется статья въ «Nouvelle Revue internationale», напоминающая объ одномъ изъ трагическихъ эпизодовъ современной исторіи, который можетъ быть названъ насильственнымъ

учрежденіемъ монархіи въ Мексикѣ. Авторъ вышеназванной статьи разсматриваетъ этотъ эпизодъ съ точки зрѣнія драматурга и находитъ въ немъ всѣ элементы для созданія античной трагедіи въ духѣ Софокла и Эврипида. Злополучный австрійскій эрцгерцогъ Максимиліанъ, павшій жертвою своихъ честолюбивыхъ мечтаній и наполеоновской интриги, представляетъ, по мнѣнію автора, настоящаго героя древней трагедіи. Ему, какъ и Макбету Шекспира, какая-то колдунья въ дѣтствѣ предсказала, что онъ будетъ королемъ; она не предсказала только чѣмъ кончится его кратковременное величіе. Максимиліанъ дѣйствительно съ юныхъ лѣтъ мечталъ о коронѣ. Живя въ своемъ замкѣ Мирамаре около Тріеста, онъ проводилъ большую часть времени въ томъ, что писалъ стихи, въ которыхъ воспѣвалъ такія времена, когда происходили рыцарскіе турниры и охотники разъѣзжали въ свободныхъ лѣсахъ и охотились на кабановъ и медвѣдей. Онъ постоянно находился подъ вліяніемъ сознанія, что онъ—«потомокъ Карла V», и это сознаніе возбуждало въ немъ стремленіе къ блеску, къ власти и онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ «Дорожныхъ воспоминаніяхъ». «Что можетъ быть прекраснѣе и возвышеннѣе зрѣлища,—восклицаетъ онъ послѣ посѣщенія дворца въ Неаполѣ,—которое представляетъ монархъ, возсѣдающій во всемъ своемъ величіи на самомъ возвышенномъ тронѣ, рѣзко выдѣляющимся на ослѣпительно-блестящемъ фонѣ мрамора, у ногъ котораго находятся всѣ остальные люди!.. Я думалъ, какъ должно быть пріятно находиться въ извѣстные моменты на вершинѣ этого величія и оттуда взирать на толпу, чувствуя себя первымъ, какъ солнце на небосклонѣ!»

Таковъ былъ человѣкъ, на котораго Наполеонъ обратилъ свои взоры, когда задумалъ подчинить своему вліянію Мексику и насильственно учредить тамъ монархію. Максимиліанъ былъ на дурномъ счету при дворѣ своего брата, австрійскаго императора, но зато пользовался большими симпатіями Наполеона III. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что еслибъ не было Максимиліана, то, пожалуй, фантастическое предпріятіе Наполеона не могло бы осуществиться: стоитъ только припомнить, какъ не легко было найти короля для Греціи и потомъ для Испаніи, поэтому трудно предположить, чтобы кто-нибудь другой, кромѣ Максимиліана, могъ увлечься блескомъ мексиканской короны. Созванное по приказанію Наполеона въ столицѣ Мексики собраніе «именитыхъ гражданъ», избрало Максимиліана императоромъ Мексики. Что нужды, что это была одна комедія, что никто изъ этихъ гражданъ не имѣлъ полномочій отъ народа и что французское правительство не только снарядило на свой счетъ депутацію, которая должна была отправиться къ Максимиліану, но даже купило для депутатовъ приличное платье, такъ какъ имъ не въ чемъ было ѣхать въ Европу?—Максимиліанъ былъ ослѣпленъ этимъ предложеніемъ императорской короны, ему, потомку Карла V, и увидѣлъ въ этомъ какъ бы велѣніе судьбы. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ на него оказала давленіе его жена, принцесса Шарлотта, необыкновенно честолюбивая и высокомѣрная женщина. Однако, Максимиліанъ все-таки не хотѣлъ царствовать противъ воли народа и поставилъ свое согласіе въ зависимость отъ плебисцита. При помощи французскихъ штыковъ была устроена пародія на плебисцитъ, и Максимиліанъ вполнѣ удовлетворился этимъ. Зналъ ли онъ истину, или былъ такъ всецѣло охваченъ мечтами о коронѣ, что не замѣчалъ ничего—въ точности неизвѣстно, но онъ отрекся отъ своихъ правъ на австрійскую корону и въ 1864 году отправился съ женою въ Мексику, заѣхавъ по пути въ Римъ, чтобы получить отъ папы благословеніе. Опять таки при помощи французскихъ штыковъ новому императору была устроена овація въ Мексикѣ; ему бросали цвѣты, уплаченные предварительно французами. Но мексиканскій народъ оставался холоденъ и скорѣе даже враждебно взиралъ на эту затѣю.

Скоро Максимиліану пришлось почувствовать, какъ опрометчиво онъ поступилъ, положившись на обѣщанія Наполеона III и соблазнившись эфемернымъ

блескомъ короны. Республиканцы, которые представляли значительное большинство населенія, знать не хотѣли Максимиліана. Ему пришлось вести отчаянную борьбу съ Хуаресомъ, Діасомъ и др. Соединенные Штаты также не хотѣли признавать его и тотчасъ же по окончаніи войны за освобожденіе потребовали, чтобы Франція очистила Мексику. Наполеонъ немедленно отозвалъ французскія войска, хотя передъ отправленіемъ Максимиліана въ Мексику формально обѣщалъ поддерживать его. Комедія учрежденія имперіи мало-по-малу перешла въ трагедію. Несчастный Максимиліанъ, оставленный своимъ покровителемъ, стѣсненный въ финансовыхъ средствахъ, страдающій отъ непривычнаго климата, непріятностей своей домашней обстановки, совершенно потерялъ голову. Совсѣмъ не то представлялъ онъ себѣ, когда отправлялся въ Мексику, которая казалась ему какою-то сказочною страной. Онъ сталъ издавать прокламаціи за прокламаціями, въ которыхъ объявлялъ всѣхъ ведущихъ войну республиканцевъ бандитами и грозилъ имъ разстрѣляніемъ въ 24 часа. Эта угроза была приведена въ исполненіе относительно многихъ плѣнныхъ, что погубило Максимиліана, и военный судъ, который долженъ былъ судить его послѣ взятія въ плѣнъ въ крѣпости Кверетаро, въ особенности опирался на эту прокламацію и на разстрѣляніи двухъ бравыхъ республиканскихъ генераловъ, Салазара и Артеага, кровь которыхъ требовала отмщенія. Былъ такой моментъ, когда Максимиліанъ, совершенно обезкураженный, подумывалъ уже объ отреченіи отъ престола, но опять-таки его удержала жена, которая рѣшила отправиться къ Наполеону и требовать отъ него помощи и обѣщанной поддержки. Несчастная императрица пріѣхала инкогнито въ Парижъ и добилась свиданія съ Наполеономъ. Но это свиданіе нанесло страшный ударъ ея гордости; Наполеонъ заставилъ ее ждать и принялъ ее очень холодно; онъ обошелся съ нею далеко не такъ, по ея мнѣнію, какъ того требовало ея достоинство императрицы. Шарлотта уѣхала отъ него страшно раздраженная и оскорбленная. Она отправилась изъ Парижа прямо въ Римъ, къ папѣ, но и здѣсь не нашла желаемой поддержки. Разсудокъ ея, уже нѣсколько пошатнувшійся послѣ ряда неудачъ, не выдержалъ послѣдняго удара, и съ нею сдѣлался острый приступъ помѣшательства какъ разъ во время ея визита папѣ. Съ тѣхъ поръ Шарлотта не приходила въ себя; острое помѣшательство перешло въ тихое и она до сихъ поръ живетъ, ничего не зная о судьбѣ своего мужа, и считаетъ себя императрицей. Жертва Наполеона, Максимиліанъ былъ разстрѣлянъ въ іюнѣ 1867 года и этимъ кончилась мечта о царствѣ. Отъ руки представителя старинной мексиканской расы погибъ потомокъ Карла V, для котораго Кортецъ завоевалъ Мексику. Въ исторіи встрѣчаются иногда подобныя возмездія.

Редакторъ «Revue des Revues» развиваетъ свою идею изданія Пантеона періодической печати, приглашая всѣхъ современныхъ журналистовъ принять въ этомъ участіе. Указавъ въ своей первой статьѣ, посвященной этому вопросу, что газету ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ считать продуктомъ позднѣйшей эпохи, авторъ еще разъ подтверждаетъ это ссылкой на знаменитыя римскія «acta diurna», которыя могутъ считаться древнимъ прототипомъ газетъ, явившихся уже гораздо позднѣе. До насъ не дошли оригиналы этихъ римскихъ газетъ, но въ существованіи ихъ не можетъ быть сомнѣнія. Древніе авторы часто цитируютъ извѣстія, появлявшіяся въ этихъ листкахъ и можемъ судить по нимъ, что древнія римскія газеты мало чѣмъ отличались отъ современной мелкой прессы; въ нихъ также можно было найти все, что угодно, политическія извѣстія рядомъ съ описаніемъ какого-нибудь скандала, свѣтскими сплетнями, слухами, сенсаціоннымъ сообщеніемъ о рожденіи на свѣтъ какого-нибудь страшнаго урода, о появленіи морского чудовища и т. д. и т. д. Эти газеты точно также служили орудіемъ власти, льстили друзьямъ прави-

тельства и поносили его враговъ, умалчивали объ одномъ и разглашали другое,—однимъ словомъ, «acta diurna» доставляли обильный матеріалъ для толковъ и пересудовъ и часто заключали въ себѣ извѣстія одно невѣроятнѣе другого.

Успѣхъ этихъ первыхъ римскихъ газетъ продолжался нѣсколько столѣтій и затѣмъ онѣ безслѣдно исчезли. Какъ это случилось и отчего — это тайна, которую должны разъяснить будущіе историки журнализма. Прошло нѣсколько столѣтій, но о газетахъ и журналистахъ не было ни слуху, ни духу. Слѣды этой древней періодической печати были до такой степени потеряны, что до сихъ поръ еще возникаютъ споры о томъ, кому принадлежитъ честь изобрѣтенія первой газеты въ средніе вѣка. Не смотря на то, что многія націи заявляютъ свои притязанія на первенство въ этомъ отношеніи, вопросъ этотъ все-таки остается открытымъ. Голландія, Англія, Венеція и Франція также энергично оспариваютъ другъ у друга честь изданія первой газеты, какъ семь греческихъ городовъ — честь считаться родиною Гомера. Во всякомъ случаѣ, Англіи принадлежитъ честь учрежденія «независимой» печати, передъ которою затрепетали сильные міра сего. Но какъ бы тамъ ни было, а исторія эволюціи журналистики представляетъ то замѣчательное явленія, что развитіе ея вдругъ пріостановилось, и журналистика не подавала о себѣ признака жизни въ теченіе 1.200 лѣтъ. Но какъ же могла безслѣдно исчезнуть изъ жизни народовъ такая важная часть соціальной организаціи? На этотъ вопросъ долженъ будетъ дать отвѣтъ кто-нибудь изъ будущихъ редакторовъ предполагаемаго Пантеона періодической печати.

Національное движеніе среди евреевъ.

(По поводу конгресса сіонистовъ).

Письмо изъ Мюнхена.

Еврейскій вопросъ на Западѣ и спеціально въ Германіи, по всѣмъ видимостямъ, принимаетъ нѣсколько иной оборотъ. Пора безцеремоннаго изувѣрства отставного придворнаго проповѣдника Штеккера и беззастѣнчивой агитаціи «ректора всѣхъ нѣмцевъ» Альварта, очевидно, миновала и не вернется. Эти незванные спасатели отечества, запутавшись въ рядѣ интригъ и грязныхъ исторій, почти что сошли съ общественной арены, они, какъ выражаются нѣмцы, политически мертвые люди. Ихъ непосредственная креатура—антисемитическая, или, какъ она себя называетъ, нѣмецкая реформенная партія, съ ея вождями Либерманомъ-фонъ-Зонненбергомъ и Цимерманомъ въ германскомъ рейхстагѣ сдѣлала, правда, на послѣднихъ выборахъ 1893 года довольно крупные успѣхи, но въ теченіе послѣднихъ лѣтъ то и дѣло дискредитируетъ себя безконечными внутренними раздорами. Какъ самоновѣйшій продуктъ, вышедшій изъ нѣдръ сильно прикрашенной антисемитизмомъ христіанско-соціальной пропаганды Штеккера, является такъ-называемая науманновская группа, сформированная въ прошломъ году въ національ-соціальную партію. Эта новая партія съ пасторомъ Науманомъ и Гёре во главѣ, вобравъ въ себя общественныя тенденціи Штеккера, совершенно отбросила въ сторону его антисемитическія стремленія и стала на точку зрѣнія полной расовой и племенной терпимости. Терпимость этой, по преимуществу христіанской, партіи идетъ такъ далеко, что въ ея прессѣ горячо дебатировался вопросъ о допущеніи евреевъ въ среду ея членовъ, подъ условіемъ признанія ими требованій національно-соціальной программы.

Таковъ колоссальный переворотъ, совершившійся за 15—20 лѣтъ во взглядахъ, связанныхъ съ еврейскимъ вопросомъ, и не удивительно, если переворотъ этотъ умѣрилъ нѣсколько горячность обѣихъ враждующихъ партій. Со стороны евреевъ эта умѣрившаяся горячность сказывается, между прочимъ, въ перемѣнѣ взглядовъ на способы борьбы съ антисемитизмомъ. Въ пору наибольшаго разгара этой борьбы былъ въ Германіи основанъ спеціальный ферейнъ для отраженія антисемитизма—«Verein zur Abwehr des Antisemitismus», заключающій въ себѣ не мало выдающихся дѣятелей христіанскаго исповѣданія. Этотъ ферейнъ въ пылу борьбы не гнушался никакими средствами для дискредитированія антисемитизма и для разоблаченія предосудительныхъ качествъ его представителей.

Въ настоящее время интеллигентные евреи часто съ насмѣшкой говорятъ объ этой политикѣ отраженія и серьезно негодуютъ противъ филосемитическаго самообольщенія черезчуръ усердныхъ дѣятелей ферейна. На почвѣ этой критической реакціи противъ филосемитизма возникли два любопытныхъ явленія среди современнаго еврейства: еврейскіе антисемиты и еврейскіе націоналисты, или такъ-называемые сіонисты *).

Антисемиты среди нѣмецкихъ евреевъ принадлежатъ большею частью къ тѣмъ еврейскимъ семействамъ, которыя во второмъ или третьемъ поколѣніи совершенно ассимилизировались съ нѣмецкимъ населеніемъ, но изъ гордости и чувства чести отказываются принять христіанство. Эти семейства представляютъ по преимуществу скромный и трудолюбивый средній классъ евреевъ, которые упорнымъ трудомъ зарабатываютъ свой хлѣбъ и знаютъ хорошо, какому строгому контролю они, какъ евреи, подвержены со стороны христіанскаго населенія. Поэтому, еврей изъ этого класса старается быть какъ нельзя болѣе аккуратнымъ, какъ въ области своихъ дѣловыхъ отношеній, такъ и въ общественной жизни. Онъ не допуститъ въ себѣ ни одной изъ непріятныхъ и такъ прочно усвоенныхъ за евреями характеристикъ: онъ отрѣшается отъ некрасивыхъ жестикуляцій, отъ скороспѣлой довѣрчивости и откровенности, онъ не суется на переднее мѣсто и лучше хранитъ про себя свои таланты, чѣмъ навлекаетъ обидную репутацію еврейскаго тщеславія. Такой еврей, хотя бы и раціоналистъ по убѣжденіямъ, остается, тѣмъ не менѣе, въ составѣ еврейской общины, участвуетъ въ ея выборахъ и въ качествѣ комитетскаго члена старается вліять на ея дѣла. Все это, однако, не даетъ ему полнаго душевнаго равновѣсія. То робкое принужденіе, которое онъ на себя систематически налагаетъ, прорывается нерѣдко въ протестъ, въ недовольство самимъ собою и ведетъ къ ряду безтактностей, отъ которыхъ бѣдняга такъ упорно воздерживался. Холодность и предательская насмѣшка окружающихъ обрушиваются на него и лишаютъ его покоя. Вполнѣ понятно, что эти робкіе и неуравновѣшанные люди проникнуты большой дозой презрѣнія и ненависти къ тѣмъ многочисленнымъ еврейскимъ выскочкамъ, которые не знаютъ робости и, какъ истинные пролазы, норовятъ во что бы то ни стало пробраться въ высшіе круги общества, или поддѣлаться подъ ихъ тонъ. Неуравновѣшенный еврей возмущенъ пустымъ тщеславіемъ и недостойнымъ поведеніемъ еврейскихъ выскочекъ; онъ становится къ нимъ въ оппозицію изъ моральныхъ побужденій и изъ побужденій эстетическихъ. Оскорбленный въ своихъ эстетическихъ и нравственныхъ чувствахъ, неуравновѣшенный еврей начинаетъ постепенно ненавидѣть свое собственное племя и горячо протестуетъ каждый разъ, когда филосемиты приписываютъ евреямъ всякія возможныя и невозможныя высокія качества. Онъ не хочетъ быть евреемъ, но желаетъ раствориться въ нѣмецкомъ народѣ, раство-

*) См. интересную статью S. Lublinski: «Die neuesten Wandlungen der Judenfrage» въ журналѣ «Die Gegenwart» № 26, 1897 г.

риться не путемъ вынужденной ассимиляціи или наружнаго подражанія. Онъ не крестится, остается въ своей общинѣ, не принимаетъ участія въ отраженіи антисемитизма,—онъ самъ еврей-антисемитъ.

Приблизительно изъ тѣхъ же мотивовъ народился еврей-націоналистъ. Начавшись въ Россіи, національное движеніе перешло затѣмъ въ Австрію и Германію и воплотилось въ идеѣ возстановленія еврейскаго государства, культурнаго и національнаго объединенія на почвѣ Палестины. Въ противуположность еврею-антисемиту, еврей-націоналистъ глубоко вѣритъ въ будущее своего народа и его культурное и національное возрожденіе. Онъ открыто и съ бурнымъ пафосомъ заявляетъ о своемъ происхожденіи. Но заодно съ евреемъ-антисемитомъ еврей-націоналистъ проникнутъ жгучей ненавистью къ еврею выскочкѣ со всѣмъ его напускнымъ и показнымъ шикомъ. Они оба жаждутъ настоящей жизни, подлиннаго органическаго развитія, одинъ хочетъ стать совсѣмъ нѣмцемъ, другой,— сдѣлаться совсѣмъ евреемъ, но и тотъ и другой горятъ желаніемъ раствориться въ одной опредѣленной народности. Нѣмецкій еврей, вобравши въ себя значительную часть нѣмецкой культуры, лишь наружно поддерживаетъ связь со старыми племенными традиціями, и неудивительно, если онъ норовитъ окончательно порвать тонкія нити этой связи. Другое дѣло русскій или галиційскій еврей, лишь съ большимъ трудомъ выбравшійся изъ талмудическихъ путъ. Онъ съ жаромъ бросается въводоворотъ молодой и не установившейся культуры этихъ странъ, онъ проходитъ черезъ всѣ фазисы ея броженія, но не находитъ для себя прочной почвы. Партійная тактика и политическій фанатизмъ не даютъ ему полнаго органическаго равновѣсія и ведутъ, рано или поздно, къ реакціи. Одна изъ главнѣйшихъ формъ, въ которыхъ выражается эта реакція, и есть еврейскій націонализмъ или сіонизмъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что печальныя событія, разразившіяся надъ русскими евреями въ 1881 году, заново подогрѣли усыпленныя было сіонистскія тенденціи, заново возродили ихъ въ широкихъ слояхъ еврейскаго народа и вызвали напряженную колонизацію евреевъ въ Палестину. Но было бы ошибкой считать эти событія основнымъ факторомъ сіонистскаго движенія. Болѣе глубокая причина послѣдняго лежитъ въ пробудившемся инстинктивномъ протестѣ противъ ненормальностей и отталкивающихъ проявленій лишь поверхностно воспринятой евреями культуры и противъ отвлеченнаго узкопартійнаго догматизма всевозможныхъ родовъ. Въ сіонизмѣ пробудилась жажда развитія собственной индивидуальности, стремленіе къ коренному перерожденію и возрожденію собственной народности.

Самымъ вѣрнымъ отраженіемъ народной индивидуальности служитъ литература народа, и не удивительно, если вдругъ пробудившееся національное чувство прежде всего ищетъ своего поэтическаго и эстетическаго выраженія. Взоры обращаются къ національному прошлому, въ которомъ заключены уже готовыя законченныя выраженія національнаго духа. Для еврейскаго національнаго или сіонистскаго движенія этотъ ретроспективный взглядъ былъ элементарной необходимостью, такъ какъ только въ прошломъ еврейскаго народа существовала подлинная еврейская національность. Въ виду этого сіонисты остановились на библіи, какъ на единственномъ литературномъ источникѣ, и на древне-еврейскомъ языкѣ, какъ на единственномъ выраженіи національной поэзіи, литературы, публицистики и національной гордости. И въ дѣйствительности, консервативные эстетики среди сіонистовъ достигли большихъ успѣховъ, возродивъ совсѣмъ было мертвый языкъ къ новой жизни. Это литературное возрожденіе началось одновременно съ возрожденіемъ сіонизма и осталось бы мертворожденнымъ продуктомъ отдѣльныхъ еврейскихъ ученыхъ, если бы не притокъ новыхъ силъ и новой жизни со стороны сильно пробудившагося національнаго движенія. Древнееврейскій языкъ сдѣлался вскорѣ распространеннымъ письменнымъ языкомъ среди націоналистовъ-евреевъ, преимущественно

русскихъ и галиційскихъ евреевъ. Начали основываться журналы и газеты, въ древнееврейскомъ стилѣ сообщавшіе о политикѣ, общественной и культурной жизни современности. Многія изъ этихъ изданій просуществовали не долго, но нѣкоторыя прочно держатся и по сіе время и ведутся по всѣмъ правиламъ современной журналистики.

Въ этой еврейской журналистикѣ не малое мѣсто занимала борьба между раціоналистами и романтиками національнаго еврейскаго движенія. На первыхъ порахъ побѣда была на сторонѣ націоналистовъ-романтиковъ. Увлеченіе Палестиной, ортодоксіей и церемоніаломъ охватило широкіе слои; среди вѣнскихъ студентовъ, большею частью галичанъ, разгорѣлось вдругъ необыкновенное религіозное усердіе. Эти вновь обращенные еврейскіе романтики отодвинули въ первое время представителей соціально-раціоналистическаго направленія и овладѣли движеніемъ. Такое положеніе не долго продолжалось. Лучшія силы отшатнулись отъ движенія, которое въ своей ортодоксальной формѣ выродилось въ шовинизмъ и фанатическую ненависть ко всѣмъ прочимъ національностямъ. Противъ этого гибельнаго направленія должна была явиться реакція, симптомомъ которой служатъ извѣстная книжка д-ра Теодора Герцля «Der Judenstaat» *), переведенная и на русскій языкъ въ прошломъ году, и небольшая книжка д-ра Натана Бирнбаума: «Die jüdische Moderne» **).

Къ д-ру Герцлю мы еще вернемся ниже, когда будемъ говорить о базельскомъ конгрессѣ сіонистовъ. Что же касается любопытной книжки Бирнбаума, то основной ея мотивъ — нѣсколько преувеличенная ненависть ко всякой реальной политикѣ, но тѣмъ болѣе глубокая жажда самостоятельно выработанной еврейской индивидуальности, проникающей всѣ поры самостоятельной культурной жизни евреевъ. Бирнбаумъ прежде всего останавливается съ ужасомъ передъ матеріальной и духовной нуждой, передъ холодомъ и голодомъ, безпощадно губящимъ великія дарованія и таланты его народа. Возстановленіе еврейскаго государства для Бирнбаума представляется болѣе эстетической проблемой, чѣмъ экономической и политической. Еврейской народности, этому «геніальному парію», какъ ее называетъ Бирнбаумъ, должна быть дана возможность полностью развить свои дарованія и создать самобытную, но въ то же время въ высокой степени европейскую культуру.

Нашимъ личнымъ впечатлѣніямъ отъ базельскаго конгресса сіонистовъ (въ концѣ августа текущаго года) мы считали нужнымъ предпослать эту характеристику новѣйшихъ теченій еврейскаго вопроса, держась разсужденій такого компетентнаго въ этомъ дѣлѣ лица, какъ берлинскій писатель С. Люблинскій. На самомъ конгрессѣ мы нашли полное подтвержденіе вышесказаннаго. Мы нашли это подтвержденіе какъ въ главнѣйшихъ рефератахъ конгресса, такъ и во всемъ настроеніи этого любопытнаго собранія.

Само собою разумѣется, что сіонистское движеніе встрѣтило рѣзкую оппозицію со стороны еврейской буржуазіи, которая уже давно отрѣшилась отъ какихъ бы то ни было національныхъ мечтаній и, въ противуположность евреямъ-націоналистамъ, National-Juden считаетъ себя лишь религіознымъ аггрегатомъ — Religions-Juden. Эта оппозиція опасается, что сіонистское движеніе снова раздуетъ пламя антисемитизма и ухудшитъ положеніе евреевъ даже тамъ, гдѣ они, какъ во Франціи, Англіи, Италіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, сравнительно сносно уживаются съ другими исповѣданіями. Изъ этой же оппозиціи вышелъ и тотъ рѣзкій, опубликованный въ газетахъ протестъ нѣмецкихъ раввиновъ, въ которомъ эти послѣдніе указывали на противорѣчіе сіонистскихъ

*) Der Judenstaat. Versuch einer modernen Lösung der Judenfrage von Theodor Herzl, Doctor der Rechte.

**) M. Acher (Dr. N. Birnbaum): «Die Jüdische Moderne».

стремленій завѣтамъ Моисея, выраженнымъ въ священныхъ книгахъ и обязывающимъ еврейство служить и содѣйствовать національнымъ интересамъ того государства, которому оно принадлежитъ. Усиліямъ этой же оппозиціи удалось воспрепятствовать конгрессу собраться въ какомъ-нибудь германскомъ городѣ, въ виду чего сіонисты остановились на пограничномъ городѣ Базелѣ.

Въ просторной залѣ мѣстнаго музыкальнаго казино собралось 29-го августа свыше 200 членовъ и гостей конгресса обоего пола. На стѣнахъ залы были развѣшены географическія карты Палестины, разнаго рода историческія и хронологическія письмена и художественныя произведенія, символически изображающія судьбы и стремленія еврейства. Само собраніе носило на себѣ печать торжественности. Прибывшіе со всѣхъ странъ свѣта сіонисты явились на конгрессъ во фракахъ, бѣлыхъ галстухахъ и ленточныхъ изображеніяхъ герба царя Давида въ петлицахъ. Лишь нѣсколько раввинскихъ мантій и ермолокъ нарушали однообразіе вполнѣ свѣтской картины. Мы не встрѣтили здѣсь ни Ротшильдовъ, ни Гиршей, національныя симпатіи которыхъ не идутъ далѣе содѣйствія не претенціозной еврейской колонизаціи: здѣсь не было также и тѣхъ еврейскихъ пролетаріевъ, которые должны составить главное ядро грядущаго еврейскаго царства. На базельскій международный конгрессъ прибыли почти исключительно представители международной еврейской интеллигенціи: врачи, инженеры, адвокаты, писатели, журналисты, студенты. Новизна самого конгресса и специфическій темпераментъ еврейской натуры съ самаго перваго момента внесли въ настроеніе собранія рѣдкое оживленіе. У географическихъ картъ и хронологическихъ таблицъ тѣснились группы, съ необыкновенной жестикуляціей доказывавшія провиденціальное значеніе конгресса, который по всѣмъ пророческимъ и человѣческимъ разсчетамъ долженъ былъ собраться именно въ этотъ 1897 годъ. Среди другихъ, не менѣе жестикулирующихъ группъ шла горячая дискуссія, въ которой, съ одной стороны, съ необыкновеннымъ жаромъ доказывалось, что еврейскій народъ, по существу своему народъ республиканскій, врагъ денегъ и торговой морали, а съ другой—нѣкоторому сомнѣнію подвергалась эта историко-философская аргументація.

Отъ жестикулирующихъ группъ взоръ невольно обращался къ подлиннымъ вождямъ движенія. Въ этомъ отношеніи прежде всего возбуждалъ къ себѣ вниманіе упомянутый выше авторъ книжки «Der Judenstaat» д-ръ Герцль. Глядя на этого молодого, красиваго брюнета, нельзя было не подивиться, какъ именно онъ очутился во главѣ національнаго движенія евреевъ. Герцль—европеецъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ цѣлый рядъ годовъ былъ парижскимъ корреспондентомъ вѣнской «Neue Freie Presse» и написалъ интересную книгу о французскомъ парламентѣ «Das Palais Bourbon». Въ настоящее время онъ состоитъ фельетоннымъ редакторомъ названной газеты. Онъ блестящій, талантливый журналистъ, но все же остается непостижимымъ, что привело его къ занятію еврейскимъ вопросомъ и къ проповѣди переселенія въ обѣтованную землю... Послушаемъ, впрочемъ, его привѣтственную рѣчь, открывшую занятія конгресса.

Чего хочетъ д-ръ Герцль и сіонисты?

Они хотятъ положить основаніе тому зданію, которое предназначено служить пріютомъ еврейскаго народа. Лишь современные пути сношеній сдѣлали возможнымъ соединиться этому народу, разсѣянному по частямъ, но страдающему общимъ горемъ. Старая ненависть къ евреямъ смѣнилась новой непріязнью, антисемитизмомъ, который и не подозрѣваетъ, какъ жестоко уязвляетъ онъ именно самую просвѣщенную, уже отрѣшившуюся отъ преданій *гетто* часть еврейства. Евреи не хотятъ апеллировать къ жалостливымъ чувствамъ своихъ противниковъ, они обращаются къ сіонизму, который означаетъ возвращеніе къ еврейству передъ возвратомъ къ родной землѣ. Сіонизмъ старается соединить въ себѣ всѣ требованія національнаго объединенія евреевъ со всѣми за-

воеваніями современной культуры... Евреи на протяженіи исторіи совершенно забросили физическую работу и физическое воспитаніе. Въ виду этого первой ихъ заботой было путемъ культуры еврейскаго земледѣлія наверстать потерянное. Но эта культура есть лишь первое, а не послѣднее слово движенія. Самъ еврейскій народъ долженъ позаботиться о своемъ возрожденіи и объединеніи, иначе онъ потерянъ. На какихъ правовыхъ и политическихъ основаніяхъ состоится это объединеніе — пока нельзя сказать съ опредѣленностью. Одно несомнѣнно: судьба евреевъ должна рѣшаться на основаніи права, а не терпимости. Одной колонизаціи евреевъ недостаточно. Она и не встрѣтила широкаго сочувствія: изъ 9 милліоновъ евреевъ всего какихъ-нибудь 100.000 заняты хлѣбопашествомъ. Такимъ образомъ, для колонизаціи всего еврейства потребовалось бы 900 лѣтъ, что, конечно, очень непрактично... Для султана, по мнѣнію д-ра Герцля, имѣвшаго съ нимъ личную аудіенцію, еврейская эмиграція имѣетъ большія выгоды. Она служитъ также на пользу христіанскому населенію. Конечно, о полной эмиграціи не можетъ быть рѣчи; лишь постепенно и съ разрѣшенія правительствъ должна она совершаться вплоть до прекращенія антисемитизма. Таково разрѣшеніе еврейскаго вопроса.

Русскіе читатели знаютъ д-ра Макса Нордау, какъ остроумнаго автора «Парадоксовъ», «Вырожденія», «Условной лжи», и будутъ, вѣроятно, очень поражены, встрѣтивъ его въ обществѣ сіонистовъ. Мы могли бы, въ отличіе отъ его литературной извѣстности, называть его здѣсь въ его національно-сіонистской роли подлиннымъ его именемъ д-ра Зюдфельда. Но г. Нордау-Зюдфельдъ и въ качествѣ сіониста остается вѣренъ себѣ: онъ и въ этомъ качествѣ остроуменъ и парадоксаленъ... Да, ужъ если авторъ «Вырожденія» заговорилъ о необходимости возрожденія!—такъ восклицали умиленные сіонисты... Съ рѣчью Нордау начинается новая эпоха въ историческихъ судьбахъ еврейства, —серьезно замѣчали другіе... Нордау съумѣлъ дать геніальное выраженіе тысячелѣтнимъ страданіямъ еврейскаго народа,—восторженно взывали третьи... Признаюсь: мнѣ тоже рѣдко приходилось испытать на себѣ обаяніе болѣе блестящаго, болѣе своеобразнаго краснорѣчія.

Нордау уже за 50 лѣтъ. Онъ совершенно сѣдъ, и только густыя черныя брови и умные, выразительные, нѣсколько лукавые глаза рельефно выдѣляются на бѣлоснѣжномъ фонѣ красиваго семитическаго лица. Вся его фигура дышитъ еще молодой бодростью и подвижностью. Рѣчь звучная, отчетливая, безъ напускного паѳоса. Нордау говорилъ объ общемъ положеніи евреевъ. Вотъ нѣсколько мыслей и нѣсколько парадоксовъ изъ его рѣчи.

Повсюду, гдѣ живутъ евреи, царитъ и еврейская нужда, которую евреи испытываютъ не какъ люди, а какъ евреи. Эта нужда двоякая: матеріальная и нравственная. Въ восточной Европѣ да еще въ Африкѣ $^{9}/_{10}$ евреевъ подвержены въ буквальномъ смыслѣ лишеніямъ своего грѣшнаго тѣла; мучительной борьбѣ за насущное существованіе. Въ Россіи пять милліоновъ евреевъ, за исключеніемъ небольшого числа привилегированныхъ, стиснуты въ ограниченныхъ предѣлахъ черты осѣдлости. Не лучше положеніе евреевъ и въ Румыніи, гдѣ они подвержены произволу низшей администраціи. Въ виду неудовлетворительныхъ экономическихъ условій половина евреевъ совершенные нищіе... Въ Западной Европѣ преобладаетъ нравственная нужда евреевъ, причиняющая имъ изо дня въ день обиды самолюбія и чувства чести, въ соціальномъ отношеніи налагающія на нихъ лишенія такихъ благъ жизни, которыя для каждаго нееврея ничѣмъ не преграждены. Здѣсь нѣтъ различій по праву, но старая ненависть къ евреямъ господствуетъ въ формѣ общественной непріязни. Эмансипація евреевъ не принесла имъ избавленія. Она была самообманомъ народовъ. Она явилась ничѣмъ инымъ, какъ прямолинейнымъ выводомъ французскаго раціонализма XIX вѣка, результатомъ философіи энциклопедистовъ. Евреи люди—

имъ должны быть предоставлены права человѣка не потому, что этого требуетъ справедливость, а потому, что этого требуетъ логика... «Люди 1789 года эмансипировали насъ изъ пустого принципіализма—aus Prinzipienreiterei!..» Другіе народы послѣдовали ихъ примѣру не изъ внутренняго побужденія, а потому, что по принципамъ великой революціи рядомъ со свободой печати, собраній и обществъ—также и свобода евреевъ считалась необходимымъ условіемъ современнаго государства. Это тотъ принципъ, въ силу котораго въ благоустроенной домашней обстановкѣ долженъ быть рояль и въ томъ случаѣ, если ни одинъ изъ членовъ семьи не умѣетъ на немъ играть. Исключеніе составляла одна Англія, гдѣ эмансипація евреевъ вытекала изъ назрѣвшаго чувства справедливости и была санкціонирована закономъ долгое время спустя послѣ того, какъ фактически исчезло всякое различіе между евреемъ и неевреемъ.

Въ своемъ гетто еврей находилъ полную пощаду своимъ специфическимъ рассовымъ особенностямъ, ему не было дѣла до мнѣнія постороннихъ, онъ старался придтись по вкусу лишь своимъ собратьямъ. Такимъ образомъ еврей жилъ въ своемъ гетто полной жизнью, онъ былъ гармонической натурой. Но вотъ пришла эмансипація, еврею сказали: ты полноправный гражданинъ,—и онъ въ опьяненіи сталъ тотчасъ ломать за собою мосты; ему незачѣмъ больше льнуть къ своимъ соплеменникамъ.

Послѣ медовой паузы въ тридцать лѣтъ, пробудившійся антисемитизмъ обнаружилъ истинное положеніе вещей. Еврей сохранилъ еще право голоса, но изъ ферейновъ и обществъ онъ болѣе или менѣе деликатнымъ образомъ выпроваживается. Одной изъ главнѣйшихъ заботъ еврея сдѣлалось теперь, по возможности, замаскировать свою подлинную сущность, онъ боится, чтобъ въ немъ не узнали еврея. Это противно, какъ все противное правдѣ. Многіе евреи ищутъ спасенія въ крещеніи, безъ истиннаго проникновенія духомъ самого ученія, и этимъ святотатственнымъ путемъ думаютъ проникнуть въ христіанское общество. Другіе бросаются въ водоворотъ революціонной борьбы, полагая, что на развалинахъ современнаго строя разцвѣтетъ иная жизнь, исключающая всѣ причины и поводы антисемитизма... Очень распространено мнѣніе, что евреи располагаютъ громадными богатствами и какими-то таинственными силами. Это злая насмѣшка: у евреевъ не хватаетъ даже силы предотвратить тотъ страшный разбой и разореніе, которые обрушиваются на нихъ, напр., въ Марокко. Антисемиты ставятъ евреямъ въ вину ту кучку милліонеровъ и милліардеровъ, которые родились евреями. Но что общаго у Израиля съ этой ничтожной кучкой баловней Мамона? Еврейство пророковъ, Гиллеля и Спинозы, еврейство Берне и Гейне не знаетъ ихъ. Для своихъ соплеменниковъ у нихъ имѣются одни подаянія; въ еврейскомъ царствѣ они будутъ стоять въ низшихъ рядахъ, они не удостоятся тамъ тѣхъ почестей, титуловъ и орденовъ, которыми ихъ одаряютъ христіане!..

Рефератъ Нордау, блѣдный конспектъ котораго переданъ въ этихъ строкахъ, былъ блестящею культурно-историческою экскурсіею. Онъ былъ исходнымъ и конечнымъ пунктомъ всего конгресса. На немъ сосредоточился энтузіамъ собраніе, его восторженныя упованія. Тотъ же Нордау на послѣдующихъ засѣданіяхъ и неоффиціальныхъ сходкахъ членовъ конгресса съумѣлъ вызвать въ своихъ слушателяхъ слезы умиленія, да,—буквально слезы и рыданія. Рядъ другихъ рефератовъ, посвященныхъ затѣмъ положенію евреевъ въ различныхъ странахъ свѣта, изобиловалъ, большею частью, печальнымъ фактическимъ матеріаломъ, но не могъ ничего прибавить къ широко набросанной картинѣ художника Нордау. Еще рядъ рефератовъ былъ посвященъ обоснованію сіонистской программы, сіонистской организаціи, колонизаціи евреевъ, настоящему состоянію колоній, древнееврейской литературѣ и т. п.

Остановимся на нѣкоторыхъ дебатахъ и постановленіяхъ конгресса. Со всѣмъ

жаромъ и фанатизмомъ піонеровъ новаго движенія происходили дебаты о цѣли сіонизма. Болѣе осторожные сіонисты предлагали дипломатическую формулировку, чтобы не дразнить гусей. Болѣе крайніе элементы не хотѣли знать никакихъ затушевываній. Согласились на средней формулировкѣ, которая гласитъ: Сіонизмъ стремится создать для еврейскаго народа въ публично-правовомъ смыслѣ обезпеченное жительство въ Палестинѣ (умѣренные элементы предлагали просто: въ правовомъ смыслѣ; крайніе элементы настаивали на формулировкѣ: въ международно-правовомъ смыслѣ обезпеченную территорію). Для достиженія этой цѣли сіонизмъ имѣетъ въ виду слѣдующія средства; 1) цѣлесообразныя мѣры къ заселенію Палестины евреями-земледѣльцами, ремесленниками и промышленниками; 2) стройное дѣленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объединеніе всего еврейства на началахъ мѣстныхъ и общихъ организацій сообразно съ законами каждой страны; 3) подъемъ самосознанія среди евреевъ; 4) подготовительные шаги для полученія согласія правительствъ, необходимаго для проведанія цѣлей сіонистскаго движенія...

Само собою понятно, что намѣченные здѣсь пункты предполагаютъ необходимость хорошо организованной сіонистской прессы, учрежденіе народныхъ библіотекъ, изданіе еврейскихъ классиковъ, учрежденіе института странствующихъ пропагандистовъ. Все, это съ своей стороны, предполагаетъ строгую партійную организацію. Конгрессъ пока назначилъ исполнительный комитетъ изъ 23 членовъ, изъ которыхъ только пять являются исполнительнымъ органомъ и живутъ въ Вѣнѣ, остальные 18 разсѣяны по разнымъ странамъ. Конгрессъ принялъ далѣе резолюціи, предложенныя д-ромъ Эрнпрейсомъ, докладывавшимъ о еврейской литературѣ: 1) основаніе общееврейскаго школьнаго союза, съ цѣлью открывать безплатныя школы для преподаванія еврейскаго языка; 2) учрежденіе литературной коммиссіи, имѣющей цѣлью основывать еврейскія періодическія изданія, поддерживать существующія и развивать еврейскую литературу всѣми зависящими мѣрами... Съ восторгомъ было встрѣчено предложеніе гейдельбергскаго профессора математики Шапиро учредить еврейскій университетъ въ Палестинѣ. Не менѣе горячо дебатировались проекты учрежденія національнаго еврейскаго фонда и еврейскаго банка...

Въ теченіе трехъ дней всемірнаго конгресса сіонистовъ было получено до 600 поздравительныхъ телеграммъ съ болѣе чѣмъ 6.000 подписями отъ еврейскихъ общинъ, сіонистскихъ кружковъ и частныхъ лицъ; свыше 150 писемъ и масса петицій съ 50.000 подписями. Были получены телеграммы отъ великаго раввина Франціи Цадокъ-Кона, извѣстнаго бѣлостокскаго раввина Мошлевера и лондонскаго раввина д-ра Гастера, пославшихъ свое благословеніе первому еврейскому національному собранію и призывавшихъ къ объединенію для общаго народнаго дѣла.

Д-ръ Герцль въ качествѣ перваго президента сказалъ заключительную рѣчь. Онъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія констатировалъ блестящій исходъ конгресса, которому предстоитъ сдѣлаться отнынѣ постояннымъ учрежденіемъ еврейскаго народа. Онъ благодарилъ всѣхъ участниковъ и сторонниковъ движенія, въ особенности христіанскихъ сіонистовъ, изъ которыхъ одинъ, если не ошибаюсь, аристократъ съ баронскимъ титуломъ, не остановился даже передъ поѣздкой въ Базель... «Въ тотъ моментъ,—такъ заключилъ свою рѣчь Герцль,—когда плугъ снова очутится въ окрѣпшихъ рукахъ еврейскаго пахаря, еврейскій вопросъ будетъ рѣшенъ»...

Мы оставили базельскій конгрессъ со смѣшаннымъ чувствомъ. Намъ казалось, что и надъ конгрессомъ тяготѣлъ тотъ неисповѣдимый рокъ, какой вообще тяготѣетъ надъ историческими судьбами еврейскаго народа. Это собраніе идеалистовъ имѣло несомнѣнно свои симпатичныя стороны. Это былъ крикъ отчаянія, протестъ противъ человѣческаго изувѣрства и несправедливости. Здѣсь

говорилось и много горькой истины противъ самого еврейства, противъ его обезличенія и роковой деморализаціи. Здѣсь еврейство въ первый разъ рѣшительно и безъ компромиссовъ заявило о своихъ правахъ не только какъ людей, но и какъ евреевъ. И все-таки намъ кажется, что тутъ большую роль играетъ слишкомъ преувеличенная раздражительность. Блестящіе парадоксы Нордау насчетъ безполезности эмансипаціи все же не въ силахъ опровергнуть того факта, что эмансипація евреевъ есть громадное культурное завоеваніе. Въ своемъ крайнемъ раздраженіи сіонисты упускаютъ изъ виду значеніе этого факта и принимаютъ въ соображеніе лишь то, что тамъ и здѣсь евреи еще безправны, подвержены разнымъ ограниченіямъ и поношеніямъ со стороны антисемитовъ. Оскорбленное чувство человѣческаго достоинства затуманиваетъ здравый разумъ. Сіонисты не хотятъ разглядѣть все безсиліе антисемитизма, всю его моральную немощь въ сравненіи съ гуманными стремленіями современности. Они не хотятъ постигнуть весь преходящій характеръ антисемитическихъ оргій. Антисемитизмъ, даже въ его самыхъ серьезныхъ стремленіяхъ, есть не болѣе, какъ дѣтское заблужденіе, полагающее причину существующаго зла тамъ, гдѣ его отнюдь не слѣдуетъ искать. Не даромъ одинъ извѣстный нѣмецкій парламентарій охарактеризовалъ антисемитизмъ, какъ «соціализмъ глупцовъ»—Socialismus der dumen Kerle.

Намъ сдается, что и сіонизмъ большая иллюзія, хотя и полная благороднаго негодованія, которому, однако, предстоитъ раствориться въ единственно разумномъ и прогрессивномъ теченіи современности, ведущемъ всѣхъ къ братскому сліянію, а не къ вящему разъединенію.

Г. А. Гроссманъ.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сѣдьмой международный геологическій конгрессъ.

Еще на IV-мъ международномъ конгрессѣ геологовъ, засѣдавшемъ въ Лондонѣ, многими изъ участвовавшихъ было заявлено желаніе, чтобы одинъ изъ слѣдующихъ геологическихъ конгрессовъ состоялся въ Россіи, но такъ какъ было рѣшено, что два слѣдующихъ конгресса будутъ въ Вашингтонѣ и въ Вѣнѣ, то, понятно, прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ въ нашей столицѣ собрались геологи всего міра. На VI-мъ конгрессѣ, происходившемъ въ Цюрихѣ въ сентябрѣ 1892 года, нашъ академикъ, директоръ геологическаго комитета *А. П. Карпинскій*, пригласилъ геологовъ, отъ имени императора Александра III, собраться на слѣдующую секцію конгресса въ Россію и заявилъ, что для членовъ конгресса будутъ устроены научныя экскурсіи по Уралу, Кавказу, Крыму и Финляндіи. Предложеніе это было единогласно принято цюрихскимъ конгрессомъ. Русскіе геологи, въ лицѣ организаціоннаго комитета, составленнаго изъ выдающихся русскихъ геологовъ (президъ. *А. П. Карпинскій*, вице-президентъ *А. А. Иностранцевъ* и секретарь *Ѳ. Н. Чернышевъ*) (см. портреты) взяли на себя трудную задачу. Главный секретарь съѣзда *Ѳ. Н. Чернышевъ* въ рѣчи, произнесенной имъ, во время перваго торжественнаго засѣданія, справедливо указалъ, что ни въ одной изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ происходили до сихъ поръ международные геологическіе съѣзды, не могло возникнуть тѣхъ трудностей при организаціи научныхъ экскурсій, какія явились въ нашемъ отечествѣ— нужно было показать иностранцамъ такіе уголки Россіи, гдѣ часто не только гостинницы, но и дороги путной, западно-европейской, не встрѣтишь, нужно было въ нѣсколько недѣль познакомить сотни лицъ съ геологіей всей Европейской Россіи, съУраломъ, Кавказомъ и Финляндіей, нужно было сдѣлать это относительно дешево — ученые не милліонеры, и съ возможнымъ комфортомъ. Задача была бы совсѣмъ непосильна для нашихъ геологовъ, если бы на помощь не явилось правительство и многія частныя лица. Всѣмъ членамъ VII геологическаго конгресса было предоставлено право безплатнаго проѣзда въ I классѣ по всѣмъ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (съ 15 іюля по 5 октября), правительство ассигновало 30.000 руб. на расходы съѣзда, мѣстнымъ учрежденіямъ было предписано оказывать всяческое содѣйствіе организаціонному комитету конгресса. Различные города, ученыя общества, владѣльцы уральскихъ заводовъ и донецкихъ копей сдѣлали все возможное, чтобы принять достойнымъ образомъ геологовъ, собравшихся со всѣхъ концовъ міра, и сдѣлать имъ пребываніе въ Россіи наиболѣе интереснымъ и комфортабельнымъ. Торжественныя собранія, привѣтствія, рѣчи, обѣды, рауты слѣдовали одинъ за другимъ и часто утомляли нашихъ гостей больше, чѣмъ научныя засѣданія и экскурсіи.

Впрочемъ, не только русскіе,—поразили иностранцевъ своимъ гостепріимствомъ и финляндцы. Финляндскія желѣзныя дороги, также какъ и русскія, предоста-

вили всѣмъ экскурсантамъ безплатные билеты I-го класса по своимъ желѣзнымъ дорогамъ. Экскурсія геологовъ по Финляндіи была сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ — оркестры музыки, привѣтствующія толпы народа на станціяхъ, факельныя шествія въ городахъ, наконецъ, апоѳеозъ всего — роскошно устроенная поѣздка конгресса (болѣе 700 человѣкъ) изъ Петербурга на Иматру, гдѣ были совершены маленькія мѣстныя экскурсіи, завершившіяся блестящимъ банкетомъ. Финляндскій сенатъ ассигновалъ на эту поѣздку геологовъ 30.000 финляндскихъ марокъ. Немножко много для маленькой, небогатой, самоуправляющейся страны; Швейцарія, неизмѣримо болѣе богатая, никогда бы не истратила столько денегъ на подобную вещь. Примѣръ заразителенъ—Россія, подъ бокомъ, истратила въ 20 разъ больше, финляндцамъ, вѣроятно, не хотѣлось невыгоднаго сравненія.

Занятія VII-го международнаго съѣзда геологовъ, какъ и всѣхъ предъидущихъ геологическихъ съѣздовъ, состояли изъ научныхъ экскурсій и изъ засѣданій конгресса.

Экскурсіи были совершены до и послѣ съѣзда. Для болѣе удобнаго и предварительнаго ознакомленія экскурсантовъ съ геологическимъ строеніемъ тѣхъ мѣстностей Россіи, которыя должны были быть показаны конгрессу, организаціонный комитетъ, при содѣйствіи почти всѣхъ выдающихся русскихъ геологовъ, напечаталъ на французскомъ языкѣ «Гидъ экскурсій VII-го геологическаго конгресса». Это великолѣпно изданная книга, въ 660 страницъ, съ массой фототипическихъ картинъ, рисунковъ, профилей и мѣстныхъ геологическихъ картъ; кромѣ того къ ней приложена геологическая карта всей Россіи, довольно большихъ размѣровъ. Не смотря на то, что для удобства экскурсантовъ книга раздѣлена на XXXVI отдѣльныхъ брошюръ (по числу отдѣльныхъ экскурсій) и при геологическомъ описаніи точно слѣдуетъ намѣченнымъ маршрутамъ, все же она является въ настоящее время лучшимъ и наиболѣе полнымъ компендіумомъ по геологіи Россіи. «Этотъ гидъ,—говорилъ академикъ Годри въ засѣданіи 18-го октября Парижской академіи наукъ,—былъ для многихъ изъ насъ истиннымъ откровеніемъ; благодаря ему, наши наблюденія были болѣе легки и болѣе плодотворны; мы можемъ только восхищаться передъ этимъ произведеніемъ русскихъ геологовъ—вотъ наше общее впечатлѣніе». Кто сравнитъ этотъ гидъ и, напр., гидъ, выпущенный швейцарскими геологами для цюрихскаго конгресса, тотъ увидитъ, что восторженный отзывъ акад. Годри не грѣшитъ противъ правды; отзывы геологовъ и другихъ національностей, по сути, таковы же.

Врядъ ли въ какой-либо другой наукѣ международные съѣзды имѣютъ большее значеніе, чѣмъ въ геологіи. Помимо личныхъ сношеній между учеными, необходимыхъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, помимо тѣхъ общихъ вопросовъ науки и вопросовъ номенклатуры, которые рѣшить могутъ только всѣ представители данной науки en masse, помимо этого геологамъ важны международные съѣзды, такъ какъ они на мѣстѣ могутъ увидѣть то, что особенно интересуетъ ихъ въ строеніи чужой страны, что неясно, непонятно изъ описанія, изъ рисунковъ, чему, наконецъ, иностранецъ не вѣритъ, что долженъ, какъ «Ѳома невѣрный», ощупать собственными руками. Другіе ученые стоятъ въ лучшихъ условіяхъ, въ большинствѣ случаевъ они могутъ пересылать другъ другу интересующіе ихъ объекты, а вѣдь, не можетъ же русскій геологъ послать американскому попочтѣ гору Благодать, или хотя бы даже какой-нибудь интересный разрѣзъ ея.

Поэтому-то до сихъ поръ центръ тяжести геологическихъ конгрессовъ лежалъ въ экскурсіяхъ. На VII-мъ конгрессѣ экскурсіи были организованы до и послѣ съѣзда и организованы прекрасно,—это общій отзывъ всѣхъ участвовавшихъ, какъ иностранцевъ, такъ и русскихъ; экскурсантамъ было показано почти все, что только есть интереснаго въ Россіи въ геологическомъ отношеніи. «Геологія въ Россіи въ почетѣ,—говоритъ акад. Годри,—рудныя богатства Урала,

каменный уголъ донецкаго бассейна, нефть Кавказа, примѣненіе геологіи къ земледѣлію играютъ большую роль въ народномъ хозяйствѣ; съ научной точки зрѣнія труды русскихъ геологовъ являются почетомъ для страны... Въ обстановкѣ, которой мы никогда не забудемъ, мы непосредственно могли ознакомиться съ работами нашихъ русскихъ собратьевъ по наукѣ и проконтролировать ихъ». Многіе заграничные ученые, пріѣхавшіе съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ по отношенію къ русской геологіи и къ многимъ выводамъ нашихъ геологовъ, послѣ первой же экскурсіи должны были много посбавить тона; они увидѣли, что то, что они считали ошибкой, поспѣшнымъ выводомъ ученика,— правильно отъ начала до конца, или, во всякомъ случаѣ, является результатомъ всесторонняго и глубокаго изученія предмета. Особенно удачной въ этомъ отношеніи нужно считать уральскую экскурсію, совершенную до открытія засѣданій конгресса. Вотъ какъ отзывается о ней тотъ же французскій академикъ: «Наконецъ, два главные организатора конгресса, благодаря авторитету, преданности и неутомимой дѣятельности которыхъ и сдѣлалось возможнымъ полное осуществленіе его, гг. Карпинскій и Чернышевъ были нашими гидами въ Среднемъ Уралѣ: мы видѣли богатыя палеозойскія фауны, прекрасныя залежи минераловъ и рудъ, метаморфическія породы, все еще оспариваемыя, съ ихъ структурой, такъ удивительно похожей на структуру породъ Аппалагскихъ горъ Америки. Эта область, съ ея безконечными лѣсами, болотами, громадными незаселенными пространствами, казалось, представляла бы непреоборимыя препятствія для подробнаго геологическаго изслѣдованія; а между тѣмъ, удивительная вещь, эти препятствія преодолѣны, и Уралъ, вмѣстѣ съ донецкимъ бассейномъ, являются въ настоящее время частью Европы, гдѣ, благодаря трудамъ, главнымъ образомъ, Чернышева, послѣдовательность новѣйшихъ палеозойскихъ фаунъ лучше всего извѣстна, сюда мы должны придти искать примѣра, какъ нужно совершить необходимый пересмотръ для части нашихъ западныхъ фаунъ»...

До уральской экскурсіи врядъ ли бы французскіе геологи говорили такимъ языкомъ о русской геологіи и ея представителяхъ. До уральской экскурсіи врядъ ли нашелся бы иностранный геологъ, который раздѣлялъ бы взгляды Ѳ. Н. Чернышева о возрастѣ кварцитовъ, слюдистыхъ песчаниковъ и сланцевъ средняго Урала. На Западѣ эти породы относятся къ архейской эрѣ, къ самой древней страницѣ лѣтописи земли. Г. Чернышевъ считаетъ ихъ принадлежащими къ девонскому періоду. Большинство представителей западно-европейской науки принуждены были вполнѣсогласиться съ этимъ взглядомъ, когда нашъ почтенный геологъ указалъ имъ шагъ за шагомъ постепенный переходъ между названными выше кристаллическими породами и несомнѣнными девонскими. Вообще уральская экспедиція произвела громадный переворотъ въ воззрѣніяхъ многихъ западно-европейскихъ геологовъ. Результаты этого вліянія скажутся еще впослѣдствіи. Одновременносъ экскурсіей по Уралу велись еще двѣ экскурсіи: одна подъ руководствомъ академика *Шмидта* по Эстляндіи, другая подъ руководствомъ финляндскихъ геологовъ *Седергольма* и *Рамзая* по Финляндіи.

Эстляндія благодаря, главнымъ образомъ, трудамъ академика Шмидта, является классически изученной страной силурійскихъ и кембрійскихъ отложеній. Финляндскіе геологи за послѣднее десятилѣтіе также обнаруживаютъ лихорадочную дѣятельность въ изученіи своей, крайне интересной и въ геологическомъ отношеніи страны. Чрезвычайно поучительны ея ледниковыя отложенія, съ ея типичными озами, бараньими лбами, древними моренами и обширными ледниковыми полями; въ изученіи этихъ отложеній принимали сильное участіе и русскіе геологи. Въ послѣдніе годы начинаютъ привлекать вниманіе иностранцевъ и нѣкоторыя характерныя черты кристаллическихъ породъ Финляндіи.

Большой геологическій интересъ имѣли также экскурсіи по средней и южной Россіи, которыя велись подъ руководствомъ старшихъ геологовъ геологическаго комитета *Никитина* и *Соколова*, профессоровъ *А. Павлова*, *Гурова* и *Армашевскаго*.

Крымская и кавказская экскурсіи, несмотря на свой общенаучный и эстетическій интересъ, не могли имѣть того спеціально-геологическаго значенія, какъ предъидущія, особенно, какъ уральская экскурсія: и Крымъ, а особенно Кавказъ еще такъ мало изучены, что врядъ ли иностранные геологи могутъ здѣсь многому учиться, скорѣе они пріѣдутъ помогать намъ въ изученіи этихъ далекихъ окраинъ нашей обширной страны; здѣсь есть еще надъ чѣмъ поработать, на Западѣ же такъ уже трудно найти непочатый уголокъ, который далъ бы геологу обильную жатву. Въ Крыму наибольшій интересъ представляли: судакскій разрѣзъ юрскихъ отложеній, детально изученный и прекрасно демонстрированный конгрессистамъ вторымъ секретаремъ съѣзда *К. фонъ-Фохтомъ*, Керченскій полуостровъ, крайне сложная тектоника котораго изучена профессоромъ *Н. Андрусовымъ*, и изверженныя породы Кара-Дага, составлявшія предметъ многолѣтнихъ изслѣдованій проф. *Лагоріо*. На Кавказѣ наиболѣе интересной и по красотѣ, и въ геологическомъ отношеніи была экскурсія по Военно-грузинской дорогѣ; руководилъ ею проф. *Левинсонъ-Лессингъ*, подробно изучившій изверженные породы Кавказскаго хребта.

Хотя заграничные геологи и не ожидали, что организація VII-го конгресса и особенно экскурсій будетъ такъ блестяще выполнена, но одна уже возможность объѣхать всю Европейскую Россію, посѣтить Уралъ, Кавказъ и Крымъ, была такъ привлекательна, что въ Россію съѣхалось болѣе 700 геологовъ со всѣхъ концовъ міра. Среди нихъ отмѣтимъ нѣмцевъ: *Рихтгофена*, знаменитаго изслѣдователя Китая, *Циттеля*, автора наиболѣе полной палеонтологіи, *Циркеля*, извѣстнаго петрографа, *Креднера*, *Кайзера*, *Титце*, *Грота*, выдающагося минералога, черезъ школу котораго прошло много русскихъ минераловъ и др.; изъ французовъ назовемъ: палеонтолога академика *Годри*, академика *М. Бертрана* (портретъ котораго мы прилагаемъ), *Ст. Меньe*, извѣстнаго своими изслѣдованіями метеоритовъ, *Барруа;* изъ англичанъ: *Гейки* (Geike), автора извѣстнаго руководства по геологіи, *Муррея* (Murray), прославившагося океаническими изслѣдованіями на суднѣ «Черленджеръ», *Юза*; изъ американцевъ престарѣлаго *Джемса Гооля* (James Hool) (см. портретъ), прежняго почетнаго президента, палеонтолога *Марша* (Masrsh), *Фразера*, (Frazer), *Эммонса* (Emmons); изъ итальянцевъ: президента Болонскаго конгресса *Капеллини* (Capellini), *Пелати*; изъ Швеціи и Норвегіи—*Натгорста*, *Брёггера* (одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ петрографовъ); изъ швейцарцевъ: *Реневье*, президента VI-го международнаго съѣзда геологовъ, *Гейма*, прославившагося изслѣдованіемъ тектоники Альпъ, *Фореля*, извѣстнаго своими работами о швейцарскихъ озерахъ и ледникахъ; отъ всѣхъ другихъ странъ также были болѣе или менѣе многочисленные представители: отъ Сербіи—*Жуевичъ*, отъ Болгаріи—*Златарскій*, отъ Мексики—*Агилера*, отъ Японіи—*Кохибе*. Изъ ученыхъ, не занимающихся спеціально геологіей, но все же оказавшихъ на ея развитіе извѣстное вліяніе, пріѣхалъ знаменитый зоологъ, одинъ изъ наиболѣе яркихъ и оригинальныхъ дарвинистовъ, іенскій профессоръ *Геккель*.

Среди членовъ конгресса было 10—15 дамъ, большею частью супруги иностранныхъ или русскихъ геологовъ, хотя было и нѣсколько дамъ, дѣйствительно занимающихся геологіей; изъ нихъ отмѣтимъ нашихъ соотечественницъ г-жъ Павлову и Цвѣтаеву. Нѣкоторое недоумѣніе вызывалъ мальчикъ лѣтъ 12—14 съ значкомъ члена съѣзда; оказалось, что это былъ сынъ одного американскаго геолога; папаша, видимо, хочетъ заранѣе соблазнить сына прелестями геологической карьеры. Вообще, лицъ непричастныхъ геологіи было достаточно, вѣроятно, не

меньше 60 человѣкъ, почти все иностранцы. Они плѣнились возможностью совершить интересный и дешевый «voyage» и записались въ члены съѣзда, воспользовавшись тѣмъ, что таковымъ можетъ быть всякій, «интересующійся геологіей». Эти «интересующіеся» оказались очень неудобнымъ элементомъ, всюду забирали лучшія мѣста, мѣшали руководителямъ и вообще вызывали своимъ поведеніемъ всеобщее недовольство геологовъ. Поэтому, одно изъ засѣданій совѣта конгресса (23 августа) было сплошь посвящено вопросу, не слѣдуетъ ли ограничить на будущее время число членовъ конгресса или же, по крайней мѣрѣ, число лицъ, имѣющихъ право принимать участіе въ экскурсіяхъ будущихъ конгрессовъ. Послѣ довольно продолжительныхъ преній была принята слѣдующая резолюція: «Совѣтъ конгресса выражаетъ желаніе, чтобы число участвующихъ въ геологическихъ экскурсіяхъ было бы ограничено въ такой мѣрѣ, чтобы не мѣшать ни руководителямъ, ни серьезному изученію данной мѣстности».

По нашему мнѣнію, осуществить эту резолюцію будетъ довольно трудно, если она не приметъ болѣе рѣзкой формы и не ограничитъ допущеніе въ число членовъ геологическаго конгресса только тѣми лицами, которыя дѣйствительно занимаются геологіей, т. е. имѣютъ печатныя работы по одному изъ отдѣловъ этой науки или же являются выдающимися учеными другихъ естественно-историческихъ наукъ. Дѣйствительно, почему членомъ конгресса врачей можетъ быть только врачъ, юристовъ, статистиковъ—юристъ, статистикъ, а для того, чтобы быть членомъ геологическаго конгресса и пользоваться льготами, соединенными съ этимъ, достаточно только найти въ себѣ смѣлость и сказать, что «интересуешся геологіей»?!

Научныя занятія начались 17-го августа торжественнымъ засѣданіемъ въ громадномъ, роскошно декорированномъ залѣ зоологическаго музея петербургской академіи наукъ. Засѣданіе открылось привѣтственной рѣчью почетнаго президента конгресса Великаго Князя Константина Константиновича, президента академіи наукъ.

Послѣ выбора президента, вице-президентовъ и секретарей, поднялся академикъ *А. П. Карпинскій*, избранный конгрессомъ въ президенты. Въ своей рѣчи онъ кратко очертилъ тѣ основные вопросы, которые организаціонный комитетъ предлагаетъ вниманію съѣзда и съ которыми члены конгресса уже имѣли возможность ознакомиться изъ циркуляровъ, разосланныхъ за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія конгресса. На первыхъ двухъ геологическихъ съѣздахъ, парижскомъ (въ 1878 г.) и болонскомъ (1881), геологи стремились сговориться относительно тѣхъ основъ, на которыхъ нужно строить геологическую номенклатуру; особенно сильно проявилось это стремленіе создать, наконецъ, однообразіе терминовъ на болонскомъ съѣздѣ, когда даже удалось установить наименованіе для подраздѣленій геологическаго времени: эры, періоды, эпохи, вѣка; этимъ дѣленіямъ по времени соотвѣтствовали стратиграфическія дѣленія группы: группы, системы, отдѣлы, этажи. Но послѣ этого временнаго успѣха наступила реакція и конгрессы: берлинскій (въ 1885), лондонскій (въ 1884), вашингтонскій (въ 1891) и даже цюрихскій (въ 1894), ни на іоту не подвинули дѣло однообразія геологической терминологіи,—хотя еще предсѣдатель цюрихскаго съѣзда *Реневье* въ своей президентской рѣчи убѣждалъ конгрессъ приступить къ выработкѣ однообразной терминологіи, хотя бы въ видахъ чисто педагогическихъ, онъ указывалъ на то, что «мы часто споримъ оттого, что не понимаемъ другъ друга, что слова, имена, цвѣта у различныхъ авторовъ означаютъ различное, что наши геологическія карты являются арлекинами, одѣтыми каждый по своей фантазіи; что, наконецъ, мы идемъ быстрыми шагами къ вавилонскому столпотворенію... Будемъ пытаться,—продолжалъ почтенный ораторъ,—представлять одинаковые факты всегда одинаковымъ образомъ и формулировать ихъ всегда одними и тѣми терминами. Пусть не будетъ геологіи французской, нѣмецкой или англійской. Что нужно объединить, что необходимо объединить, въ чемъ можно столковаться—это въ научныхъ ме-

тодахъ, въ геологическомъ языкѣ! Здѣсь мы не рискуемъ исказить природу, научная свобода не можетъ быть оскорблена этимъ!..» Но несмотря на это краснорѣчивое воззваніе своего президента, цюрихскій съѣздъ не подвинулъ впередъ объединенія геологической терминологіи и предсѣдателю VII-го петербургскъго конгресса, въ 1897 г. снова пришлось говорить, что «нашъ самый существенный вопросъ это однообразіе номенклатуръ». «Организаціонный комитетъ,—говорилъ академикъ А. Карпинскій,—согласенъ, что прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію какого бы то ни было другого вопроса, конгресъ долженъ рѣшить, которую изъ двухъ хронологическихъ классификацій осадочныхъ образованій желаетъ онъ сохранить въ наукѣ: искусственную классификацію, основанную единственно на историческихъ данныхъ, или же естественную классификацію, которая зиждется столько же на главныхъ физикогеографическихъ измѣненіяхъ, общихъ всему земному шару, какъ и на фаунистическихъ данныхъ, а не на случайныхъ границахъ различныхъ дѣленій, получавшихъ названіе отъ имени той мѣстности, гдѣ они констатированы въ первый разъ. Затѣмъ нужно, чтобы конгрессъ выяснилъ другой принципіальный вопросъ, какимъ правиламъ нужно слѣдовать при введеніи новыхъ терминовъ въ стратиграфическую номенклатуру... Еще вопросъ не менѣе важный—это вопросъ о петрографической номенклатурѣ...»

Эти вопросы, по мнѣнію нашего почтеннаго академика, могутъ быть разрѣшены только конгрессомъ. Если хотя бы только половина геологовъ пришла къ соглашенію въ этомъ смыслѣ, то и всѣ другіе въ концѣ концовъ присоединились бы къ этому рѣшенію. Ставя эти вопросы, организаціонный комитетъ думаетъ, что онъ «направляетъ труды конгресса на добрый путь, на единственный, который можетъ привести къ счастливымъ результатамъ».

Въ томъ же духѣ была и рѣчь главнаго секретаря организаціоннаго комитета и конгресса *Ѳ. Н. Чернышева*, представлявшая, кромѣ того, краткій очеркъ громадной подготовительной работы организаціоннаго комитета. Посмотримъ же, какъ разрѣшилъ конгрессъ эти основные вопросы, предложенные ему организаціоннымъ комитетомъ.

Два общихъ засѣданія (18-го и 20-го августа) были посвящены вопросу о стратиграфической номенклатурѣ.

18-го числа диспутировалась принципіальная часть вопроса, слѣдуетъ ли держаться стараго палеонтологическаго, историческаго принципа, или же искать новыхъ, менѣе искусственныхъ, основаній классификаціи. Послѣ довольно продолжительныхъ дебатовъ конгрессъ принимаетъ слѣдующую резолюцію: «конгрессъ полагаетъ, что слѣдуетъ оставаться на почвѣ историческаго метода, но стремиться все къ большей и большей естественности его. Совѣту поручается назначить коммиссію, чтобы выработать принципъ классификаціи въ духѣ этого рѣшенія». 20 августа конгрессъ обсуждалъ положенія, выработанныя гг. Карпинскимъ и Чернышевымъ на основаніи докладовъ гг. *Фреха* и *Биттнера*, представленныхъ конгрессу и трактующихъ вопросъ стратиграфической номенклатуръ. Конгрессъ принялъ слѣдующія резолюціи: введеніе въ интернаціональную номенклатуру новаго стратиграфическаго термина должно быть вызвано строго опредѣленною научной необходимостью; всякое новое прибавленіе должно сопровождаться ясной характеристикой, какъ батрологической, такъ и палеонтологической, тѣхъ слоевъ, къ которымъ оно относится, а также основываться на данныхъ не только одного разрѣза, но болѣе или менѣе значительной поверхности». Затѣмъ также было принято предложеніе, чтобы названія, приданныя извѣстному образованію въ опредѣленномъ смыслѣ, не употреблялись бы въ другомъ смыслѣ, предложеніе о научномъ пріоритетѣ, опредѣляющемся датой перваго печатнаго упоминанія, о предпочтительности палеонтологическихъ характеристикъ для болѣе мелкихъ стратиграфическихъ подраздѣленій, объ исправленіи худо образованныхъ съ этимологической точки зрѣнія названій.

А. А. Иностранцевъ.

О. Н. Чернышевъ.

А. П. Карпинскій.

Марсель Бертранъ.

Univ. of California

Джемсъ Гоуль.

Остальныя положенія сданы въ коммиссію. Какъ видитъ чтатель, по вопросу о стратиграфической номенклатурѣ послѣдовало нѣкоторое соглашеніе, хотя далеко не въ той формѣ, не въ видѣ коренного пересмотра основъ классификаціи, какъ то предлагалъ президентъ конгресса.

Что же касается до петрографической номенклатуры, до классификаціи горныхъ породъ, то здѣсь стремленія нашего организаціоннаго комитета потерпѣли полное фіаско. Предварительное собраніе 42 петрографовъ рѣшило, что, въ виду крайне быстраго развитія петрографіи, нужно отказаться отъ мысли выработать и утвердить конгрессомъ какіе-либо принципы для классификаціи горныхъ породъ, что можно удовлетвориться болѣе точнымъ опредѣленіемъ общихъ названій крупныхъ подраздѣленій, необходимыхъ при обозначеніи породъ на картахъ. Конгрессъ не могъ придти ни къ какой опредѣленной резолюціи по поводу этого рѣшенія петрографовъ и въ концѣ концовъ сдалъ его цѣликомъ въ коммиссію. Если и эта коммиссія также не проявитъ признаковъ своего существованія, какъ и петрографическая коммиссія, избранная во время цюрихскаго конгресса, то предсѣдателю слѣдующаго, парижскаго конгресса, вѣроятно, снова придется говорить трогательную и краснорѣчивую рѣчь о необходимости единства въ терминологіи. Я написалъ *парижскаго*, такъ какъ геологи единодушно приняли предложеніе своихъ французскихъ собратьевъ собраться на VIII секцію въ Парижѣ въ 1900 году, во время парижской выставки.

Организаціонный комитетъ конгресса рѣшилъ, что, кромѣ основного вопроса о номенклатурѣ, къ сообщенію будутъ допущены только доклады, носящіе болѣе или менѣе общій характеръ. Но на дѣлѣ оказалось невозможнымъ провести это рѣшеніе комитета и пришлось выслушивать многія сообщенія, носившія такой же спеціальный характеръ, какъ и въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ научныхъ обществъ; впрочемъ, и присутствующихъ на такихъ сообщеніяхъ бывало крайне мало—тридцать, сорокъ человѣкъ. Изъ докладовъ общаго содержанія укажемъ на докладъ *Фореля*, президента прежней «ледниковой» коммиссіи. Форель изложилъ изслѣдованія этой коммиссіи, касающіяся періодическихъ измѣненій величины ледниковъ. Докладчикъ считаетъ необходимымъ объединять наблюденія надъ ледниками, дѣлаемыя въ различныхъ горныхъ странахъ всего міра; только тогда можно будетъ констатировать, являются ли вышеупомянутыя измѣненія въ двухъ полушаріяхъ одновременными и, слѣдовательно, обусловливаются космическими причинами, или же они прямо противоположны въ двухъ полушаріяхъ и, слѣдовательно, зависятъ отъ причинъ астрономическихъ, или же, наконецъ, они не подчинены общимъ законностямъ на различныхъ точкахъ земного шара и, значитъ, зависятъ отъ причинъ чисто атмосферическихъ.

Какъ бы дополненіемъ къ докладу Фореля является сообщеніе *Ёфама* (*Upham*) о ледникахъ. Докладчикъ совершенно справедливо указалъ, что до сихъ поръ изучали, главнымъ образомъ, горизонтальное движеніе ледниковъ; крайне важно изучить также и его вертикальное движеніе. Ошибка Агассисса состояла въ томъ, что онъ предполагалъ, что ледъ, соприкасающійся съ ложемъ ледника, движется быстрѣе, чѣмъ находящійся сверху.

Доклады *Меньe* и *Сакко* касались основныхъ вопросовъ геологіи. Акад. *Меньe* познакомилъ конгрессъ съ слѣдующимъ опытомъ: на резиновую пластину, имѣющую форму полушарія и нѣсколько растянутую, наливаютъ толстый слой гипса. Когда послѣ этого резиновое полушаріе предоставляется самому себѣ, то, понятно, оно сокращается и гипсовая поверхность начинаетъ сморщиваться, — интересно, что складки при этомъ образуются постепенно, идя отъ полюса къ экватору, т. е. совершенно такъ же, какъ то имѣетъ мѣсто на земной поверхности; слѣдовательно, для объясненія появленія послѣднихъ достаточно предположить, что ядро земли обладало и обладаетъ сократимостью, подобной сократимости резины.

Докладъ проф. *Сакко* является плодомъ его долголѣтнихъ изслѣдованій во-

проса о происхожденіи земли. Принимая первоначальное огненножидкое состояніе земли, ея постепенное охлажденіе, образованіе коры и складокъ ея, авторъ предполагаетъ, что, вслѣдствіе постепеннаго, но не во всѣхъ точкахъ одинаковаго, сокращенія нашей планеты, могли мало-по-малу образоваться на земной поверхности, къ концу архейской и въ теченіе палеозойской эры, въ области африкано-арабской и въ областяхъ, окружающихъ современный Тихій океанъ, многочисленныя частныя зоны относительныхъ поднятій и складчатости; эти поднявшіяся части постепенно уплотнѣли и, оставшись, такимъ образомъ, неподвижными, явились первыми континентальными областями, какъ бы скелетомъ будущихъ континентовъ. *Проф. Сакко* называетъ ихъ *древними массивами*. Образованія этихъ массивовъ и продолжающееся сокращеніе земли вызвало образованіе складокъ въ областяхъ, прижатыхъ къ этимъ твердымъ массивамъ и сжатыхъ ими, эти складки сильно увеличили поверхность континентовъ и образовали высокія горныя цѣпи—такъ появились *альпійскія*, *аппенинскія* и *океаническія* зоны, которыя авторъ объединяетъ однимъ словомъ *новѣйшія*.

Докладчикъ дополнялъ свой докладъ демонстраціей описываемыхъ процессовъ на особомъ, приготовленномъ имъ для этой цѣли, глобусѣ. Соображенія г. *Сакко* очень вѣроятны, при допущеніи огненножидкаго состоянія земли, но не отличаются особенной оригинальностью.

Изъ другихъ сообщеній укажемъ на интересныя работы проф. *Seeley* и варшавскаго проф. *Амалицкаго* о пресмыкающихся, найденныхъ въ пермскихъ отложеніяхъ Пермской и Вологодской губерній. Было указано на близость найденныхъ формъ съ африканскими, индійскими, шотландскими и сѣвероамериканскими. Совмѣстное нахожденіе съ этими сухопутными пресмыкающимися (изъ порядка Anomodontia) водныхъ растеній и раковинъ указываетъ, что въ пермскомъ континентѣ существовали многочисленныя озера. *Аномодонты* (Anomodontia), очень близки къ Лабиринтодонтамъ и къ Monotremata. Проф. *Амалицкій* дополнилъ докладъ проф. *Seeley*, сообщивъ, что, судя по новѣйшимъ находкамъ въ Вологодской губерніи, нужно думать, что въ пермскій періодъ въ теперешней Россіи жили также и парейозавры, вѣроятно, другихъ родовъ чѣмъ американскіе, очень близкіе къ цетіозаврамъ.

Большой интересъ для геологіи представляли и доклады нашихъ соотечественниковъ, генерала *Тилло*, извѣстнаго своими многочисленными прекрасными работами по гипсометріи Россіи, и г. *Лебединцева*. Первый указалъ на два крайне важные факта: на существованіе депрессіи въ центрѣ Азіи и на сильныя магнитныя аномаліи въ окрестностяхъ деревни Кочетовки (Курской губ.). *Лебединцевъ* познакомилъ конгрессъ съ результатами, добытыми русской научной экспедиціей въ заливѣ Карабугазъ. Прежде думали, что въ этомъ заливѣ отлагается поваренная соль. Теперь же, благодаря трудамъ этой экспедиціи, установлено, что дно Карабугаза образовано гипсомъ, покрытымъ въ центральной части залива отложеніями мирабилита. Этотъ странный фактъ объясняется химическимъ составомъ водъ Каспійскаго моря: онѣ очень богаты сѣрнокислыми солями, напр., сѣрнокислой магнезіи въ нихъ въ 2,6 разъ больше, чѣмъ поваренной соли. Въ Карабугазскомъ же заливѣ происходитъ быстрая концентрація водъ Каспійскаго моря и онѣ, конечно, еще болѣе обогащаются глауберовой солью. Проф. *Андрусовъ* указалъ на геологическое значеніе отложеній гипса въ Карабугазѣ—это первый примѣръ современныхъ отложеній этого рода. Упомянемъ еще о докладѣ *Фреха* о распредѣленіи морей въ палеозойскую эру, первой попыткѣ, касающейся этой эры.

На этомъ съѣздѣ, какъ и на многихъ другихъ, лишній разъ было доказано, что спеціальныя сообщенія являются балластомъ, они только отнимаютъ время у конгрессистовъ отъ работъ надъ другими, болѣе общими и важными вопросами; если это не всегда справедливо относительно всѣхъ конгрессистовъ, такъ

какъ громадное большинство изъ нихъ этихъ сообщеній не слушаетъ, то все же наиболѣе занятые члены конгресса—организаціонный комитетъ, президентъ, секретари принуждены терять много драгоцѣннаго времени...

На петербургскомъ международномъ съѣздѣ геологовъ были сдѣланы и приняты всѣмъ съѣздомъ два предложенія, имѣющія по нашему мнѣнію, громаднѣйшее значеніе для развитія геологіи.

Проф. юрьевскаго университета *Андрусовъ*, извѣстный не только своими чисто-геологическими работами, но и изслѣдованіемъ Чернаго моря, въ общемъ засѣданіи конгресса 22-го августа прочелъ слѣдующее заявленіе 18-ти выдающихся геологовъ: «Въ стратиграфіи играютъ главную роль морскія отложенія, геологу необходимо знать ихъ происхожденіе; но только глубокое изученіе современныхъ намъ морей можетъ положить основу для сужденія о способахъ образованія осадковъ и о распредѣленіи организмовъ въ моряхъ древнихъ періодовъ. Результаты, уже полученныя въ этой области, особенно знаменитыми океаническими экспедиціями Черленджера, имѣютъ громадное значеніе. Но эти экспедиціи были изолированы и временны. Только крайне незначительное число геологовъ имѣли случай бросить взглядъ въ глубины океановъ. Намъ кажется необходимымъ для прогресса геологіи и для воспитанія геологовъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ возможность лично изучить біологію, физику и естественную исторію морей. Учрежденіе *плавучаго международнаго института*, содержимаго всѣми правительствами, могло бы оказать большую услугу наукѣ. Нижеподписавшіеся просятъ конгрессъ санкціонировать это заявленіе и просить всѣ правительства объ ассигнованіи необходимыхъ суммъ для созданія и содержанія этого института». Конгрессъ единогласно одобрилъ это предложеніе и поручилъ президенту довести его до свѣдѣнія всѣхъ правительствъ. По нашему мнѣнію, учрежденіе такого института скорѣе приблизитъ насъ къ тому времени, когда можно будетъ заложить основы раціональной стратиграфической номенклатуры, чѣмъ всѣ дебаты конгрессовъ.

Вторымъ предложеніемъ громадной важности мы считаемъ слѣдующее, единогласно принятое конгрессомъ заявленіе, прочитанное извѣстнымъ французскимъ палеонтологомъ, академикомъ *Годри*: «Международный геологическій конгрессъ, собравшійся въ С.-Петербургѣ выражаетъ желаніе, чтобы правительства всѣхъ странъ ввели преподаваніе геологіи и палеонтологіи въ высшіе классы гимназій и лицеевъ. Представители каждой страны приглашаются довести до свѣдѣнія ихъ правительствъ это заявленіе». Это предложеніе кажется намъ важнымъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, оно—лишній толчокъ въ сторону необходимости коренной реформы нашей, не только русской, но и вообще европейской, средней школы—вѣдь, нельзя же вводить преподаваніе геологіи не измѣнивъ кореннымъ образомъ всей безобразной системы нашего средняго образованія. Во-вторыхъ, это предложеніе отрадно тѣмъ, что въ немъ видно сознаніе, обыкновенно смутное у людей науки, связи между этой «чистой» наукой и образованіемъ массы, видно стремленіе ученыхъ выйти изъ тѣсныхъ стѣнъ своихъ кабинетовъ и позаботиться о «малыхъ сихъ»; хорошо, если бы оно не заглохло, а крѣпло бы и развивалось.

В. Агафоновъ.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

1) Послѣднія работы о геліи и аргонѣ. 2) Рёнтгеновскіе лучи и ихъ физіологическое дѣйствіе. 3) Человѣкъ-магнитъ. 4) Искусственное золото и золото въ природѣ. 5) Новый способъ искусственнаго полученія алмаза. 6) Солнце—электромагнитъ и предсказаніе погоды. Періоды тепла и холода. 7) Защита противъ града. 8) Послѣднія землетрясенія. Связь силы толчковъ землетрясенія съ часами дня и ночи. 9) Къ вопросу объ умственныхъ способностяхъ животныхъ. 10) Гигантская черепаха. Морское чудовище. 11) Бактеріи и растенія. 12) Масляное дерево.
Некрологъ: Юлій Саксъ.

1) **Послѣднія работы о геліи и аргонѣ.** Гелій и аргонъ, два газа-революціонера, не перестаютъ занимать ученыхъ; да оно и понятно, природа этихъ интересныхъ незнакомцевъ еще очень мало изучена. До сихъ поръ, напр., физики еще не рѣшили окончательно вопросъ, присутствуетъ ли *гелій* въ нашей атмосферѣ; если и присутствуетъ, то, во всякомъ случаѣ, въ крайне незначительномъ количествѣ, не превышающемъ 0,0001 по объему. Астрономы оказались въ данномъ случаѣ или счастливѣе, или смѣлѣе физиковъ; такъ, нашъ соотечественникъ академикъ *Бредихинъ* стремится доказать, что хвосты кометъ состоятъ изъ гелія. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашъ почтенный астрономъ опубликовалъ изслѣдованіе, въ которомъ вычисляетъ силу толчка, необходимаго для того, чтобы удалить вещество кометы отъ ея ядра; сила эта должна быть, по мнѣнію г-на Бредихина, обратно пропорціональна атомному вѣсу вещества, составляющаго хвостъ кометы, и выражаться числомъ 18; для водорода эта сила была бы 36, что указываетъ на то, что атомный вѣсъ вещества, изъ котораго состоитъ хвостъ кометы, равняется 2, а это и есть атомный вѣсъ гелія. Г. Бредихинъ думаетъ, что и комета 1811 года состояла изъ гелія, такъ какъ хвостъ ея имѣлъ желтую окраску, а извѣстно, что для спектра гелія характерна свѣтлая желтая линія.

Впрочемъ, какъ показали новѣйшія изслѣдованія англійскаго физика *Ramsay*, плотность гелія нѣсколько колеблется въ зависимости отъ того, изъ какого минерала получаютъ этотъ газъ. Такъ, гелій,

извлеченный изъ	бреггерита,	имѣетъ плотность 2,181
» »	самарскита,	» » 2,118
» »	фергюссонита,	» » 2,140

Также и спектры гелія мѣняются въ зависимости отъ его, такъ сказать, происхожденія; напр., въ спектрѣ гелія, извлеченнаго изъ клевита, присутсвуетъ цѣлая серія линій между рѣзкой зеленой и синей линіей, въ спектрахъ же гелія, извлеченнаго изъ вышеименованныхъ минераловъ, такихъ линій совсѣмъ нѣтъ.

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія мы имѣемъ объ *аргонѣ*. По новѣйшимъ, весьма точнымъ изслѣдованіямъ *Kellas*'а:

100 частей (по объему) атмосфернаго азота заключаютъ 1,186 частей аргона.
100 » » выдыхаемаго » » 1,210 » »

Такимъ образомъ, азотъ воздуха, который уже служилъ для дыханія нѣсколько богаче аргономъ, чѣмъ азотъ атмосферный. Мы не станемъ останавливаться на гипотезахъ, стремящихся объяснить этотъ фактъ. Большинство ученыхъ склоняется теперь къ тому мнѣнію, что *аргонъ*, такъ же какъ и азотъ, не играетъ большой роли въ жизни организмовъ, а является только растворителемъ кислорода. Атомный вѣсъ *аргона* = 39,88, если признать аргонъ одноатомнымъ. Знаменитый англійскій ученый *Рамзай* (*Ramsay*) въ рѣчи, произнесенной

недавно въ Британской ассоціаціи, указываетъ, что нужно искать элементъ—газъ съ атомнымъ вѣсомъ 20. Въ системѣ химическихъ элементовъ часто встрѣчаются серіи изъ трехъ элементовъ, причемъ атомные вѣса двухъ крайнихъ отличаются другъ отъ друга, приблизительно, на 36; таковы: фторъ, хлоръ, марганецъ 19 — 55; кислородъ, сѣра, хромъ 16 — 52; азотъ, фосфоръ, ванадій 14 — 51,4 и т. п. Атомный вѣсъ аргона = 40, гелія = 4, потому нужно думать, что имѣется промежуточный элементъ, котораго атомный вѣсъ будетъ, приблизительно, 20; элементъ этотъ долженъ быть такимъ же индифферентнымъ газомъ, какъ и аргонъ и гелій; можетъ быть, онъ находится даже въ тѣхъ минералахъ, которые содержатъ и гелій, но въ такихъ незначительныхъ количествахъ, что его крайне трудно отдѣлись отъ гелія. Въ пользу этого предположенія, по нашему мнѣнію, говорятъ и тѣ различія въ атомныхъ вѣсахъ и спектрахъ гелія, на которыя мы уже указывали читателю.

2) **Рѳнтгеновскіе лучи и ихъ физіологическое дѣйствіе.** Еще энергичнѣе, чѣмъ аргономъ и геліемъ, занимаются ученые рентгеновскими лучами; можно сказать безъ преувеличенія, что каждый день приноситъ съ собою какое-либо новое изслѣдованіе, и въ Берлинѣ уже основано особое учрежденіе, въ которомъ ученые могутъ спеціально заниматься изученіемъ этого новаго вида энергіи. Но такое обиліе работъ все же, въ концѣ концовъ, весьма мало подвинуло наше знаніе относительно природы этихъ дивныхъ лучей.

За послѣдніе два мѣсяца работы въ этой области носятъ такой спеціальный и часто неясный характеръ, что мы не можемъ здѣсь останавливаться на нихъ. Укажемъ только на новый фактъ крайне вреднаго дѣйствія этихъ лучей на организмъ, тѣмъ болѣе, что жертвой научной любознательности сталъ знаменитый изобрѣтатель Эдиссонъ. Отъ усиленныхъ занятій надъ рентгеновскими лучами у него выпали волоса, образовалось пораженіе кожи рукъ, но, что всего серьезнѣе, произошло сильное нарушеніе аккомодаціи глазъ.

3) **Человѣкъ-магнитъ.** Въ одной лабораторіи производились весьма точныя измѣренія съ гальванометромъ; случайно къ прибору подошелъ служащій въ этой лабораторіи механикъ—игла гальванометра, какъ бы подъ вліяніемъ какой-то силы, *оттолкнулась*.

То же дѣйствіе было констатировано и тогда, когда бѣднаго магнитнаго человѣка раздѣли до нага; когда его заставляли постепенно поворачиваться, держась на томъ же разстояніи отъ прибора, то отклоненіе стрѣлки влѣво начинало уменьшаться, достигало нуля, затѣмъ снова увеличивалось, но въ обратномъ смыслѣ, т. е. вправо и достигало прежней величины (но обратнаго знака), когда механикъ совершилъ оборотъ на 180° и очутился спиной къ прибору. Такимъ образомъ, сдѣлалось яснымъ, что грудь его представляетъ собою сѣверный полюсъ магнита, а спина — южный. При многочисленныхъ повтореніяхъ опытовъ результатъ былъ всегда одинъ и тотъ же, между тѣмъ какъ двѣнадцать другихъ лицъ не оказывали никакого вліянія на магнитную стрѣлку и только проф. *Местрани* оказался такимъ же магнитнымъ человѣкомъ, какъ и механикъ, причемъ такъ же, какъ у послѣдняго, грудь у него была сѣвернымъ полюсомъ, а спина — южнымъ. Интересно то, что и интензивность дѣйствія, т. е. maximum отклоненія иглы гальванометра, были въ обоихъ случаяхъ одинаковы.

Мы нашли описаніе этого, крайне интереснаго факта въ «*Cosmos*» (2 Octobre 1897), а этотъ журналъ заимствовалъ свою замѣтку изъ l'*Elettricita*. Нужно надѣяться, что вскорѣ появятся болѣе подробные и обстоятельные опыты, касающіеся описанныхъ нами явленій.

4) **Искусственное золото и золото въ природѣ.** Какъ видно изъ тѣмъ, предложенныхъ американскимъ «серебрянозолотымъ синдикатомъ» (*Argen-*

taurum Syndicate), основаннымъ въ виду якобы могущаго осуществиться способа получать изъ серебра золото, эта завѣтная мечта алхимиковъ гораздо дальше отъ своего осуществленія, чѣмъ то прокричали разные полунаучные и совсѣмъ не научные журналы.

Темъ 4 и за каждую предлагается премія въ 2.500 франковъ.

Первая тема требуетъ резюмировать и сгруппировать всѣ мнѣнія высказанныя людьми науки въ теченіе текущаго столѣтія относительно единства матеріи и теоретической возможности полученія золота изъ «такъ называемыхъ» элементовъ.

Вторая — собрать всѣ наблюденія, касающіяся измѣненія удѣльнаго вѣса, физическихъ и химическихъ свойствъ твердыхъ тѣлъ подъ вліяніемъ давленія, удара и охлажденія.

3-я и 4 я темы носятъ крайне странный характеръ; онѣ требуютъ отъ авторовъ доказать, что кинетическая теорія газовъ, законъ Авогадро, труды Томсона, Тэта и «другихъ авторитетовъ» ложны... Все это слишкомъ пахнетъ Америкой и поневолѣ приходитъ въ голову мысль, не замѣшала-ли какая-нибудь грандіозная афера въ свои грязныя дѣла и бѣдную науку въ лицѣ нѣкоторыхъ ея представителей.

Дѣйствительно, искусственное золото сильно начинаетъ волновать и американскую публику и ея ученыхъ и по поводу искусственнаго начинаютъ вспоминать нѣкоторыя данныя относительно вообще широкаго распространенія золота въ природѣ. Уже лѣтъ 40 тому назадъ, одинъ филадельфійскій ученый точными анализами доказалъ присутствіе золота въ различнѣйшихъ образцахъ металловъ, доставленныхъ ему со всѣхъ концовъ Америки; глина окрестностей Филадельфіи тоже оказалась содержащей золото: на 1.224.000 частей глины приходилась 1 часть благороднаго металла. Не смотря на этотъ микроскопическій процентъ, все же подпочва Филадельфіи и ея пригородовъ содержитъ въ себѣ золота не менѣе, какъ на 5.040.000.000 франковъ. Колоссальная цифра, интересная не съ практической (извлекать золото при такомъ маломъ процентномъ содержаніи не окупаетъ издержекъ работъ), а съ чисто-научной стороны, такъ какъ указываетъ на поразительно-широкое распространеніе золота въ природѣ. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что, помимо элементовъ, доминирующихъ въ нашей земной корѣ, каковы, напр., кремній, желѣзо, углеродъ, кальцій, натрій, калій, магній,—и другіе, относительно рѣдкіе, элементы, также какъ и золото, окажутся крайне широко распространенными, но, также какъ и золото, въ микроскопическихъ, едва уловимыхъ анализомъ, дозахъ...

Пока американцы мечтаютъ объ искусственномъ золотѣ въ англійской Колумбіи, на границѣ съ Аляской, въ долинѣ Укона въ мѣстечкѣ Клондике, открыто уже съ годъ тому назадъ новое мѣсторожденіе золота. Сначала на него не обратили большого вниманія, такъ какъ думали, что оно очень небогатое, но эта зима показала противное: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ тамъ добыто золота на 15 милліоновъ франковъ, и неизвѣстный, мирный уголокъ сталъ неузнаваемъ—кипучая дѣятельность, корабли, увозящіе золото, привозящіе товары, быстрый ростъ населенія, наплывъ разныхъ искателей приключеній, однимъ словомъ, обычная картина «золотой лихорадки».

5) **Новый способъ полученія искусственнаго алмаза.** Открытіе Муассаномъ, французскимъ химикомъ, способа искусственнаго полученія алмаза (микроскопическихъ размѣровъ) было далеко не такимъ *внезапнымъ*, ошеломляющимъ открытіемъ, какимъ было бы предполагаемое превращеніе серебра въ золото. Уголь, графитъ и алмазъ — три различные вида (аллотропическія, или полиморфныя разности) одного и того же элемента—углерода; слѣдовательно, нужно

было только найти способъ превратить одинъ *видъ* въ другой, въ данномъ случаѣ уголь, или графитъ въ алмазъ; о превращеніи одного элемента въ другой тутъ и рѣчи нѣтъ. Мы познакомимъ читателя только съ новѣйшимъ способомъ искусственнаго полученія алмаза открытымъ итальянцемъ *Quirino Majorana*. Этотъ ученый накаливалъ уголь въ вольтовой дугѣ и затѣмъ тотчасъ же подвергалъ его дѣйствію давленія въ 5.000 атмосферъ. Такимъ образомъ онъ получалъ черную массу, состоящую, главнымъ образомъ, изъ графита и аморфнаго угля, но изъ этой массы, по способу Бертело, можно выдѣлить черные микроскопическіе кристаллы, по своимъ физическимъ и химическимъ свойствамъ являющіеся истинными алмазами. Такимъ образомъ мы видимъ, что для превращенія аморфнаго углерода въ алмазъ достаточно дѣйствія высокой температуры и давленія и нѣтъ надобности въ металлическомъ растворителѣ, какъ то указывалъ Муассанъ.

6) **Солнце—электромагнитъ и предсказаніе погоды. Періоды тепла и холода.** Въ августѣ текущаго года г. *Зенгеръ* сдѣлалъ крайне интересный докладъ парижской академіи наукъ, касающійся связи послѣднихъ бурь во Франціи (въ іюлѣ и августѣ 1897 г.) съ солнечными явленіями. Уже съ 1883 г. г. *Зенгеръ* работаетъ надъ вопросомъ о взаимной связи воздушныхъ, электрическихъ, магнитныхъ, сейсмическихъ бурь и вулканическихъ изверженій; онъ думаетъ, что ему удалось доказать зависимость всѣхъ этихъ явленій отъ одной общей причины, именно отъ вращенія солнца; съ временемъ солнечнаго вращенія, равнымъ на солнечномъ экваторѣ 25.189 земнымъ днямъ, связана, по мнѣнію автора, и періодичность всѣхъ перечисленныхъ выше явленій. Такъ, напр., воздушныя, электромагнитныя и сейсмическія бури имѣютъ періодъ, приблизительно, въ 13 дней, величина, очень близкая къ продолжительности половины полнаго солнечнаго вращенія (=13,4 дня). Общей причиной, обусловливающей всѣ эти явленія, является, по Зенгеру, *электромагнитное дѣйствіе солнца*. Но, вѣроятно, есть еще и какая нибудь другая причина этихъ земныхъ возмущеній, такъ какъ наблюдается иногда еще періодичность въ видѣ цѣлыхъ серій, состоящихъ изъ многихъ дней; эту вторичную причину Зенгеръ видитъ въ періодическихъ потокахъ падающихъ звѣздъ и болидовъ. Авторъ отмѣчаетъ, что наиболѣе сильными воздушными возмущеніями являются американскіе циклоны, образующіеся около острова Св. Ѳомы, и тифоны Индокитайскаго моря, центръ образованія которыхъ отстоитъ отъ этого острова на 180° долготы и на 18°,8 широты. На солнцѣ, приблизительно въ 7° отъ его экватора, имѣются такіе же максимумы возмущеній; они-то, по мнѣнію г. Зенгера, и являются какъ бы двумя полюсами могучей динамо-машины, индуктивное дѣйствіе которой на нашу землю и создаетъ на ней два аналогичные пункта, являющіеся центрами наиболѣе сильныхъ возмущеній на нашей планетѣ. Предположивъ динамоэлектрическое дѣйствіе солнца на землю (и на другія планеты), нужно предвидѣть, что періодическое усиленіе солнечной дѣятельности должно вызвать новую періодичность нашихъ метеорологическихъ явленій, при чемъ эти періоды будутъ очень продолжительны, будутъ равняться 10,6 годамъ (средняя цифра), т. е. продолжительности періода максимальной дѣятельности солнца; авторъ подтверждаетъ этотъ выводъ сравненіемъ погоды съ одной стороны 1836, 1846, 1856, 1866, 1876 и 1886 съ погодой 1896 г., а съ другой сравненіемъ погоды 1837 и т. д. съ погодою 1897 года. Такимъ образомъ, говоритъ Зенгеръ, я могъ точно предвидѣть циклоны, разразившіеся надъ Парижемъ 26 іюля и 10 сентября, бурю 4 октября 1896 года, а также предвидѣть и опубликовать въ февралѣ текущаго года всѣ большія электромагнитныя и сейсмическія возмущенія на цѣлый 1897 годъ, наконецъ, предсказать недавніе циклоны, которые являются совершенно аналогичными цик-

лонамъ 1887 года. Вообще авторъ приходитъ къ заключенію, что подобное простое сравненіе атмосферныхъ явленій, происходившихъ въ данномъ мѣстѣ приблизительно 10 лѣтъ тому назадъ, позволяетъ предвидѣть съ *большой вѣроятностью* погоду. Нужно ждать работъ и отзывовъ другихъ спеціалистовъ относительно теоретическихъ грандіозныхъ обобщеній г. Зенгера; что же касается чисто практическаго вопроса—предсказанія погоды, то, по нашему мнѣнію, «большая вѣроятность» предсказаній автора врядъ ли достаточна для этой цѣли.

Не можемъ не остановиться здѣсь еще на другой метеорологической періодичности, указываемой г. *Мореромъ*, цюрихскимъ метеорологомъ. На основаніи изученія *вѣковыхъ* измѣненій температуръ, этотъ авторъ приходитъ къ выводу, что въ вѣковые періоды относительнаго тепла мягкія зимы часто смѣняются теплыми лѣтами, а въ холодные періоды за жесткими зимами часто слѣдуютъ холодныя лѣта. Очень вѣроятно, что приближающійся теплый періодъ, который, по мнѣнію цюрихскаго ученаго, начнется на исходѣ текущаго столѣтія, будетъ характеризоваться для Западной Европы мягкими зимами и теплыми лѣтами.

7) **Защита противъ града.** *А. Штигеру*, владѣльцу большихъ виноградниковъ въ Штейрмаркѣ (Австріи), въ мѣстности, часто посѣщаемой градовыми бурями, пришла въ голову мысль защищаться противъ града пушечными выстрѣлами; онъ надѣялся, что сильные взрывы будутъ разсѣявать тучи и удалять тѣ, которыя несутъ съ собою градъ. Для выполненія своего плана онъ построилъ на вершинахъ холмовъ, окружающихъ мѣстечко, гдѣ расположены его виноградники, 6 станцій, такимъ образомъ, чтобъ охранять территоріи, приблизительно, въ 3 километра въ окружности. Каждая станція была снабжена 10 большими мортирами. Первые опыты ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ; наконецъ насталъ день, когда появились темныя подозрительныя тучи, былъ открытъ огонь сразу изъ всѣхъ 60 мортиръ—и успѣхъ опыта превзошелъ всѣ ожиданія: въ тучахъ образовался воронкообразный проломъ и черезъ это отверстіе тучи начали подниматься въ видѣ все болѣе и болѣе расширяющихся колецъ. Не упало ни одной градины, ни одной капли дождя. Впродолженіи лѣта опытъ былъ повторенъ 6 разъ и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Англійскій научный журналъ «Nature», въ которомъ было помѣщено описаніе этихъ опытовъ, не безъ ядовитости замѣчаетъ, что передъ успѣхомъ «разсѣвателей тучъ» должны печально опустить головы «дѣлатели дождя». Дѣйствительно, какъ объяснить противоположное дѣйствіе одного и того же средства на облака и на тучи. Вѣроятно, метеорологи въ скоромъ времени выскажутся по этому поводу.

8) **Послѣднія землетрясенія. Связь силы толчковъ землетрясенія съ часами дня или ночи.** За послѣдніе 2 мѣсяца наблюдались весьма частыя землетрясенія.

21 сентября (нов. ст.), въ 2 часа пополудни, чувствовались сильные толчки въ Римѣ, Пезаро, Урбино, Фермо, Римини, Анконѣ, болѣе легкіе— во Флоренціи, Болоньи, Венеціи и Тріестѣ. 20-го—въ Лимѣ было довольно сильное землетрясеніе, направлявшееся съ З. на В. и причинившее большіе убытки; движеніе по желѣзной дорогѣ Арройо было прервано.

17-го сентября, въ 8 часовъ, было сильное землетрясеніе въ Ташкентѣ; сильный толчокъ остановилъ маятники, заставилъ звонить колокола, повредилъ многіе монументы. Этотъ же толчокъ чувствовался и жителями Самарканда и вообще во всемъ Туркестанѣ, но значительно ослабленный.

Въ ночь съ 10 на 11 сильный толчокъ разбудилъ все населеніе Сукъ-ель-Арбы, въ Тунисѣ. Но наиболѣе сильному землетрясенію подвергся островъ Борнео, на которомъ вообще часто случаются землетрясенія. Сильные толчки сопровождались подземными раскатами, почва настолько поднялась, что около Майпа-

кюль образовался новый островъ. Наиболѣе сильныя сотрясенія чувствовались въ англійской части острова, на сѣверо-западномъ берегу между Сараванъ и Лабуаномъ.

Но наибольшихъ бѣдъ надѣлали недавнія землетрясенія въ Японіи, гдѣ они сопровождались еще и страшными морскими бурями. Воды моря то поднимались къ небу, въ видѣ длинныхъ колоннъ, распадавшихся снова въ мелкую пыль и образовавшихъ туманы, то море набрасывалось на берега и, казалось, хотѣло поглотить всю твердую землю... На большомъ протяженіи берега опустошены, сотни людей погибли, жилища разрушены, нѣкоторые рудники залиты водой вмѣстѣ съ работавшими тамъ шахтерами.

Японія—страна, наиболѣе опустошаемая землетрясеніями. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ японцы отмаливались отъ этихъ бѣдствій, теперь, съ поразительно быстрымъ ростомъ культуры страны, и отношеніе къ землетрясеніямъ измѣнилось: они ихъ изучаютъ. Вся Японія усѣяна сейсмографическими станціями и дѣло изученія землетрясеній поставлено на такую научную высоту, какой вы не встрѣтите въ Европѣ. Японскими наблюденіями, измѣреніями и цифрами пользуются уже и западно-европейскіе ученые. Японскими же данными пользовался и американецъ *Давидсонъ*, изучавшій вопросъ о силѣ землетрясеній въ различные часы дня и ночи. Обыкновенно принимаютъ, что сила землетрясеній больше утромъ, чѣмъ днемъ, и что сейсмическая дѣятельность въ теченіе сутокъ идетъ паралельно съ барометрическими колебаніями. Давидсонъ подтвердилъ это, но, сверхъ, того приходитъ еще къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Во время обыкновенныхъ колебаній наблюдается суточная періодичность съ максимумомъ обыкновенно между 10 часами и полуднемъ; кромѣ того, наблюдаются еще малые максимумы между 9 часами утра и полуднемъ и 9 часами вечера и полночью. Суточная періодичность, кажется, болѣе замѣтна для слабыхъ колебаній. 2) Въ случаѣ сильныхъ землетрясеній максимумъ наблюдается черезъ нѣсколько часовъ пополуночи, вторичные же максимумы подвергаются сильнымъ колебаніямъ.

9) Къ вопросу объ умственныхъ способностяхъ животныхъ. До сихъ поръ все эволюціонное ученіе объ организмахъ было основано, главнымъ образомъ, на изученіи ихъ анатомическаго строенія и отчасти физіологическихъ отправленій; вопросъ же объ эволюціи того, что мы зовемъ «духовною дѣятельностью», еще очень мало разработанъ и потому всѣ факты, относящіеся къ проявленію тѣхъ или иныхъ умственныхъ способностей животныхъ крайне интересны, какъ матеріалъ для будущаго зданія. Мы хотимъ подѣлиться съ читателемъ нѣсколькими новыми фактами изъ этой области.

Многіе иностранные научные журналы передаютъ со словъ одной американской газеты, что въ рудникахъ Трансвааля обезьяны часто замѣняютъ рабочихъ. Онѣ укладываютъ въ ряды куски кварца и исполняютъ это съ видимымъ удовольствіемъ. Сами собираются утромъ на работу и покидаютъ ее вечеромъ только послѣ того, какъ данъ сигналъ; работаютъ они гораздо лучше и больше рабочихъ и живутъ въ полномъ согласіи другъ съ другомъ. «Revue Scientifique» склоняясь къ тому мнѣнію, что разсказъ этотъ, вѣроятно, нѣсколько преувеченъ, приводитъ много уже извѣстныхъ, крайне интересныхъ фактовъ, указывающихъ на высокую степень умственныхъ способностей обезьянъ, на полную пригодность ихъ ко многимъ простымъ работамъ, такъ, напримѣръ, въ Сіера-Леоне шимпанзе часто служатъ водоносами, растираютъ и толкутъ зерна, а въ Китаѣ обезьяны собираютъ иногда чай.

Въ томъ же № «Revue Scientifique» приводятся иртересные факты, указывающіе, какъ птицы умѣютъ строить гнѣзда изъ совсѣмъ непривычнаго для нихъ матеріала. Такъ, въ окрестностяхъ Лиля было открыто гнѣздо иволги, построенное изъ бѣлой шерсти и изъ полосъ бумаги, похищенныхъ съ телеграфной станціи; около Безансона найдено другое гнѣздо, сплошь построенное

изъ часовыхъ пружинъ (въ Безансонѣ имѣются часовыя фабрики), наконецъ, въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ жила сенбернарская собака, одно гнѣздо было построено изъ ея шерсти. Выборъ подобнаго матеріала указываетъ на довольно сложный процессъ мысли и совершенно не можетъ быть объяснено инстинктомъ.

10) **Гигантская черепаха. Морское чудовище.** Въ зоологическій садъ Лондона привезена сухопутная черепаха, вида *Testudo Daudnii*, еще невиданной величины: въ длину она имѣетъ 1,375 метра, а въ ширину 0,85 метра, родина ея — острова Альдабра, въ Индѣйскомъ океанѣ, она прожила уже въ плѣну 150 лѣтъ.

Осьминогъ, убитый недавно норвежскими рыбаками, въ 75 километровъ чудовище, совершенно затмевающее эту черепаху; «руки» его достигаютъ 3,10 метра. Это чудовище едва не потопило рыбачью лодку и только находчивость рыбака, направившаго свое суденышко къ берегу, спасла его отъ смерти. Только умертвивъ осьминога, рыбаки могли отцѣпить его «руки» отъ бортовъ лодки. Этотъ рѣдкій экземпляръ находится теперь, конечно, въ спиртѣ, въ естественно-историческомъ музеѣ города Throndhjiem.

11) **Бактеріи и растенія.** Очень точныя изслѣдованія г. *Цинсера* показываютъ, что сѣмена растеній не заключаютъ никакихъ бактерій; если поверхность сѣмени и почва, въ которой выращивается данное растеніе, стерилизованы, то въ этомъ растеніи никогда не будетъ бактерій; черезъ живыя растительныя ткани, напримѣръ, черезъ корни, бактеріи не могутъ проникнуть въ растеніе. Болѣе, г. Цинсеръ констатировалъ, что бактеріи, введенныя въ растительныя ткани, насильственнымъ, такъ сказать, образомъ, весьма скоро погибаютъ, также какъ и ихъ споры; веществомъ, убивающимъ бактеріи, вѣроятно, является клѣточный сокъ, владѣющій, какъ извѣстно, довольно сильными кислотными свойствами.

12) **Масляное дерево.** *Butyrospermum (Bassia) Parkikotschy.* До сихъ поръ объ этомъ растеніи было очень мало извѣстно. Проф. *Е. Геккель*, директоръ колоніальнаго института въ Марселѣ, помѣстилъ о немъ статью въ «Naturaliste» за 1897 г. Масляное дерево принадлежитъ къ семейству Sapoteen. Высота его отъ 9 до 10 метровъ, стволъ достигаетъ толщины до 1,80 метр., по своему внѣшнему виду, особенно по расположенію своихъ вѣтвей, оно очень похоже на нашъ дубъ. Клинообразные листья сидятъ пучками на концѣ вѣтвей; между этими пучками листьевъ цвѣтутъ бѣлые, въ видѣ зонтиковъ, цвѣты; чашечки колокольчиками и вѣнчикъ имѣютъ по восьми лепестковъ; тычинокъ 16. Шарообразный, шелковистый плодникъ состоитъ изъ 8—10 долей, величиной со сливу, содержитъ продолговатое или шарообразное ядро, окруженное сочною, хорошо пахнущей мякотью.

Масляное дереве растетъ въ Верхней Гвинеи, въ королевствѣ Бамбара, на Верхнемъ Нилѣ и въ Сенегалѣ, въ Суданѣ, въ странѣ Ніамъ-Ніамъ. Въ Суданѣ находятся двѣ разновидности: Мана и Ши.

Масляное дерево цвѣтетъ со средины января до конца февраля, плоды созрѣваютъ съ іюня до августа. Зерна доставляютъ жирное вещество, такъ-называемое галамъ—масло, ти—масло или каритé—масло. Для полученія этого продукта негры въ Суданѣ собираютъ зрѣлые плоды, бросаютъ ихъ въ яму, вырытую въ землѣ, гдѣ оболочка скоро сгниваетъ, тогда плоды высушиваютъ въ печахъ, затѣмъ разбиваютъ косточку, поджариваютъ слегка бѣлыя ядрышки, а затѣмъ размалываніемъ превращаютъ ихъ въ тѣстовидную массу, которую опускаютъ въ кипящую воду. На поверхность воды всплываютъ жировыя капли, а твердыя части падаютъ на дно. Маслянистую жидкость собираютъ съ поверх-

ности и помѣщаютъ въ сосуды съ холодной водой и долго мѣшаютъ ее. Затѣмъ, масло вынимается и сильно мѣсится, чтобы удалить изъ него всю воду. Изъ полученной такимъ образомъ массы дѣлаютъ куски въ 1—2 килограмма: такіе куски, обернутые въ листья, можно видѣть въ Марсельскомъ колоніальномъ музеѣ, въ отдѣленіи Судана.

Масло это является въ видѣ зернистой глинообразной массы грязнаго, иногда красноватаго цвѣта; оно обладаетъ особеннымъ запахомъ, едва замѣтнымъ при обыкновенной температурѣ, но дѣлающимся настолько острымъ при варенiи или жареніи, что у непривычныхъ европейцевъ пропадаетъ всякій аппетитъ. Но если влить нѣсколько капель воды въ расплавленное масло, то непріятно пахнущія вещества—жировыя кислоты уносятся парами. Галамбовое масло имѣетъ то преимущество, что оно долго сохраняется свѣжимъ и не горкнетъ. Негры употребляютъ его для приготовленія пищи, для смазыванія волосъ, ранъ, для освѣщенія и т. п.

Некрологъ. Юлій Саксъ †. 29-го мая 1897 года ботаника потеряла въ лицѣ Юлія Сакса одного изъ своихъ самыхъ выдающихся представителей; его научныя произведенія, блестяще написанныя, возбуждали глубокій интересъ далеко за предѣлами Германіи.

Саксъ работалъ преимущественно въ области физіологіи растеній; громадная заслуга его въ томъ, что онъ оживилъ своими опытами этотъ интересный отдѣлъ ботаники и привлёкъ къ изученію жизненныхъ отправленій растеній массу молодыхъ ученыхъ. Сынъ гравера, Юлій Саксъ родился 2-го октября 1832 года въ Бреславлѣ. Родители его обладали настолько скромными средствами, что не могли дать своему сыну образованія соотвѣтствующаго его дарованіямъ. Однако обстоятельства сложились для него настолько благопріятно, что онъ могъ посѣщать гимназію. Первое поощреніе къ занятіямъ, опредѣлившимъ его будущность, онъ получилъ отъ бреславльскаго физіолога Пуркинье, съ сыномъ котораго они вмѣстѣ посѣщали школу. Здѣсь Саксъ сталъ гербаризировать и научился распознавать растенія... То были, по его словамъ, самые чудные дни его юности.

Семнадцати лѣтъ Саксъ потерялъ отца, мать и брата, и намѣревался уже покинуть школу и сдѣлаться морякомъ, но Пуркинье, переселившійся въ Прагу въ 1850 году, предложилъ ему мѣсто ассистента. Здѣсь молодой ботаникъ, несмотря на крайнюю нужду, продолжаетъ свои занятія; 19-ти лѣтъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, поступаетъ онъ студентомъ въ пражскій университетъ, рѣшившись посвятить себя всецѣло изученію естественныхъ наукъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ напряженно работаетъ для Пуркинье и учится черченію и рисованію. Черезъ пять лѣтъ Саксъ уже докторъ «философіи».

Первыя его работы касаются физіологіи питанія и роста растеній.

Въ 1859 году Саксъ получилъ мѣсто ассистента въ Тарандѣ при агрономической лабораторіи. Здѣсь, одновременно съ Кнопомъ, онъ ставитъ опыты выращиванія растеній безъ земли, въ водяныхъ растворахъ неорганическихъ солей и вообще работаетъ надъ усовершенствованіемъ методовъ культуръ растеній. 24 лѣтъ Саксъ былъ приглашенъ профессоромъ въ сельскохозяйственный институтъ въ Попельсдорфѣ, около Бонна; только тутъ начинается нѣкоторая матеріальная обезпеченность—онъ получаетъ около 700 талеровъ въ годъ.

Шестилѣтняя профессорская дѣятельность Сакса въ Попельсдорфѣ была чрезвычайно плодотворна для науки. Имъ блестяще доказанъ всѣмъ извѣстный теперь фактъ, что ассимиляція углекислоты зернами хлорофилла прекращается въ темнотѣ, при свѣтѣ же начинается снова, объяснены также процессы превращенія и переноса пластическаго вещества въ растеніяхъ. Къ этому же времени относится его слава, какъ замѣчательнаго ботаника-писателя. Появленіе

*

его трактата экспериментальной физіологіи, можно сказать, составило эпоху— такъ ясно и увлекательно изложенъ здѣсь цѣлый рядъ интересныхъ и важныхъ опытовъ, касающихся жизненныхъ явленій въ растеніи.

Въ 1868 году Саксъ получаетъ профессуру въ Вюрцбургѣ, гдѣ работаетъ въ продолженіи 30 лѣтъ, до самой своей смерти, и создаетъ цѣлую школу, къ которой принадлежатъ извѣстнѣйшіе изъ современныхъ ботаниковъ. Не смотря на почетныя приглашенія въ Іену, Гейдельбергъ, Вѣну, Берлинъ, Боннъ и Мюнхенъ, Саксъ остался вѣренъ до конца вюрцбургскому университету.

Мы не будемъ останавливаться на перечисленіи спеціальныхъ многочисленныхъ (99) работъ Сакса, скажемъ только, что изданіе его «Исторіи ботаники» и «Учебника ботаники» являлись событіями въ наукѣ и были по достоинству оцѣнены не только учеными, но и болѣе широкимъ кругомъ читателей.

Въ апогеѣ своей славы, Саксъ не могъ не поддаться влеченію своей самоувѣренной, даже деспотической натуры; онъ не удостаивалъ вниманія того, что не исходило изъ его школы, и съ трудомъ сознавался даже въ явныхъ своихъ ошибкахъ; раздражительный и нетерпимый, онъ поссорился со многими своими знаменитыми коллегами.

Его послѣднія произведенія (1892—1896) касаются общихъ вопросовъ физіологіи, морфологіи и исторіи развитія растеній. Ограничиваемся этой краткой замѣткой, такъ какъ читатели «Міра Божія» ознакомятся съ личностью, трудами и значеніемъ въ наукѣ знаменитаго нѣмецкаго ботаника изъ подробнаго очерка профессора Тимирязева.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Ноябрь 1897 г.

Содержаніе. Русскія и переводныя книги. Критика и исторія литературы.—Публицистика.—Исторія русская и всеобщая.—Медицина и гигіена.—Естествознаніе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — *Иностранная литература.*—Изъ западной культуры. Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

В. Д. Смирновъ. «Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена».—«Библіографическій указатель переводной беллетристики»—*А. Гаспари.* «Исторія итальянской литературы».

Смирновъ, В. Д. Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. Біографическіе наброски С.-Петербургъ 1897. Движеніе русской общественной мысли и литературы въ 40-хъ, 50-хъ, а отчасти и въ 60-хъ годахъ нельзя представить хотя сколько-нибудь полно, если не отвести одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ личности и дѣятельности Герцена. Всего три-четыре писателя: Новиковъ, Бѣлинскій, Чернышевскій, Салтыковъ, по размѣрамъ своего вліянія, могли бы оспаривать у него первенствующее значеніе въ развитіи русскаго общества, и ни одному русскому писателю, быть можетъ, не суждено было принимать такого непосредственнаго участія въ ходѣ историческихъ событій. Препятствія, представлявшіяся при воспроизведеніи исторической картины дѣятельности Герцена, въ послѣднее время начинаютъ, повидимому, ослабѣвать. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ приходилось ограничиваться почти одними намеками и писать только начальную букву фамиліи. Еще въ 1890 г. А. Н. Пыпинъ не находитъ возможнымъ удѣлить Герцену сколько-нибудь значительное мѣсто во 2-мъ изданіи своей *Характеристики литературныхъ мнѣній.* Въ послѣдніе годы, однако, все чаще стали появляться въ печати матеріалы для его біографіи, письма, мемуары, критическія оцѣнки. Пора, быть можетъ, подумать о томъ, чтобы свести, наконецъ, въ одну картину всѣ эти разбросанныя данныя и попытаться переиздать хотя нѣкоторыя изъ его сочиненій: это была бы большая заслуга передъ русскимъ читателемъ, который рѣдко имѣетъ возможность наблюдать такую цѣльную, энергичную дѣятельность, всю проникнутую высокой идеей освобожденія.

Біографическіе наброски г. Смирнова лишь въ весьма слабой степени способны разрѣшить назрѣвшую задачу. Уже самые размѣры книжки (160 страницъ небольшой октавы) не могутъ допустить исчерпывающей обработки предмета. При этомъ этюдъ г. Смирнова на каждомъ шагу обнаруживаетъ черты несомнѣннаго дилеттантства: матеріалъ очень часто разбросанъ неправильно, различные періоды жизни Герцена изложены безъ всякой равномѣрности, нѣкоторыми весьма важными источниками авторъ, повидимому, совсѣмъ не пользовался, наконецъ, собственныя разсужденія автора поражаютъ иногда странностью. Чтобы не быть голословными, приведемъ разсужденія г. Смирнова, напр., объ освобожденіи крестьянъ. «Порою даже, подчиняясь впечатлѣніямъ современности,—говоритъ онъ,—мы склонны умалять его значеніе, низводя всѣ его послѣдствія къ нулю или прямо къ отрицательной величинѣ. Мы (?) говоримъ, что прежде,

правда, народъ былъ закрѣпощенъ, терпѣлъ всякія обиды и истязательства отъ помѣщиковъ, но этотъ закрѣпощенный народъ жилъ въ сравнительномъ достаткѣ, и истязанія и обиды являлись не правиломъ, а исключеніемъ. Мужика и барина, продолжаемъ мы, соединялъ общій интересъ: хозяинъ-помѣщикъ понималъ и видѣлъ, что онъ можетъ быть богатъ лишь при условіи, если его мужики не разорены, если у нихъ есть скотъ, запасъ для посѣва, инвентарь, изба,—и даже, если онъ сравнительно доволенъ своею судьбою. Случается, что порою мы впадаемъ въ тонъ Карлейля (?), утверждая, что не только государственныя установленія, не только общая выгода, а что-то другое, болѣе сильное и чистое, служило связью между помѣщиками и ихъ холопами, и это болѣе сильное и чистое—взаимная привязанность, благожелательная у однихъ, покорная у другихъ» (стр. 6 и 7). Г. Смирновъ думаетъ, что «въ наши дни это можно высказывать безъ всякихъ подозрительныхъ побужденій», справедливо замѣчая при этомъ, что «всѣ эти соображенія не могли быть въ шестидесятыхъ годахъ: они показались бы уродливыми, за ними немедленно усмотрѣли бы лишь личный барскій эгоизмъ, желаніе продолжить въ безконечность жизнь на счетъ дарового крестьянскаго труда». Авторъ, повидимому, совершенно не знаетъ, что и теперь такой «карлейлевскій тонъ» кажется безусловно такимъ же уродливымъ и неприличнымъ въ уважающей себя прессѣ, иначе онъ долженъ былъ бы точнѣе опредѣлить, кто эти «Карлейли», отъ лица которыхъ онъ говоритъ «мы». Самъ г. Смирновъ однако сторонникъ манифеста 19 февраля, и всю почти заслугу Герцена онъ видитъ въ томъ, что тотъ подготовилъ общество къ освобожденію крестьянъ *съ землею*. При помощи Герцена, Бѣлинскаго и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей 40-хъ годовъ, «русская передовая мысль съ отвлеченной высоты нѣмецкой идеалистической философіи спрыгнула (sic) въ дѣйствительность» (стр. 13). Спрыгнувши, она поняла, что «свобода не только въ правахъ, въ хартіяхъ, сознаніи. Ей нужна опора. Нашъ вѣкъ ясно говоритъ, какая опора нужна ей. Это—собственность» (стр. 18). Такимъ образомъ, когда выводы г. Смирнова даже не расходятся съ азбучными истинами, онъ умѣетъ выразить ихъ въ своеобразно неточной формѣ.

Мы не будемъ, однако, долѣе останавливаться на собственныхъ соображеніяхъ г. Смирнова. Предметъ его монографіи самъ по себѣ такъ интересенъ, что заставляетъ часто забывать присутствіе посредника, гдѣ этому не мѣшаетъ самый характеръ изложенія. Г. Смирновъ большею частью предпочитаетъ говорить цитатами изъ самого Герцена, и благо ему. Передъ читателемъ мелькаютъ, къ сожалѣнію, только слишкомъ быстро, яркія характеристики стараго барина Яковлева, его легкомысленнаго брата, матеріалиста «химика», брата будущей жены Герцена и прототипа Базарова и пр. и пр. Борьба со схоластикой элементарнаго обученія и жадное чтеніе книгъ отцовской библіотеки, начало дружбы съ кроткимъ Никомъ Огаревымъ, университетскіе кружки, натурфилософія и сенъ-симонизмъ, первыя любовныя приключенія, — все это разсказано или словами самого Герцена, или его подруги дѣтства, Татьяны Пассекъ. Затѣмъ, нелѣпая ссылка, скитаніе по Перми, Вяткѣ, Владиміру, экзальтированность чувства Герцена и будничная его жизнь подробнѣе извѣстны публикѣ изъ безконечной переписки его съ Н. А. Захарьиной, сначала просто «ангеломъ-хранителемъ», а послѣ невѣстой и женой. Періодъ жизни Герцена отъ возвращенія въ Москву до выѣзда заграницу, полемика съ Бѣлинскимъ на почвѣ гегеліанства и съ славянофилами изъ-за западничества, глухая семейная драма, кружковая жизнь, дружба и охлажденіе между Герценомъ и Грановскимъ, играли слишкомъ большую роль для самого Герцена и для всего русскаго общества, чтобы можно было все это изложить на двадцати страницахъ. Это время, когда душевный и умственный складъ Герцена получилъ окончательную форму, когда онъ сталъ тѣмъ, какимъ онъ проявился впослѣдствіи въ заграничной дѣятельности. Первыя заграничныя

впечатлѣнія разсказаны опять довольно полно (конечно, словами Герцена). Это былъ революціонный 48-й годъ. Герценъ былъ очевидцемъ страшныхъ іюньскихъ дней въ Парижѣ, одной изъ самыхъ позорныхъ страницъ въ исторіи либеральной буржуазіи. Благородныя, красивыя декламаціи съ парламентской трибуны, безсиліе оплатить выданныя всенародно обязательства, тамерлановскіе подвиги національной гвардіи, инспирированные «народнымъ» правительствомъ, и, наконецъ, первые предвозвѣстники эры Наполеона III—не могли не произвести на Герцена удручающихъ впечатлѣній. Тутъ окончательно созрѣлъ его скептицизмъ къ либеральнымъ политическимъ формамъ, лишавшій его эмигрантскую дѣятельность значительной доли практическаго значенія, но дѣлавшій его однимъ изъ первыхъ пророковъ кореннаго перестроенія соціальнаго склада Европы. Эмигрантская жизнь, въ Женевѣ, а затѣмъ въ Лондонѣ до начала «Колокола» (1856 г.)—самый тяжелый періодъ для Герцена: отсутствіе послѣдовательной общественной дѣятельности, дрязги и непріятности въ средѣ эмигрантовъ, тяжелыя сердечныя потрясенія характеризуютъ эти годы. Съ родины получались также нерадостныя вѣсти. «Положеніе наше,—пишетъ Грановскій въ 1850 г.,—становится нестерпимѣе день ото дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза собирали справки. Но что значитъ личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ. Университеты предполагаютъ закрыть», и т. д... «Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во время! Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее, когда же развалится этотъ міръ?..» (стр. 93). Такія сообщенія не могли улучшить самочувствія Герцена на чужбинѣ. Несмотря на всѣ эти тягостныя условія существованія, Герценъ не впалъ ни въ разочарованіе, ни въ пессимизмъ. Бодрое, живое, практическое направленіе его послѣдующей дѣятельности доказываетъ это. Къ сожалѣнію, лондонскій періодъ жизни Герцена изложенъ у г. Смирнова совершенно отрывочно, такъ что не посвященный читатель не только не могъ бы получить изъ его книжки хотя бы отдаленное понятіе о содержаніи и направленіи литературной дѣятельности Герцена, но и не пріобрѣтетъ ясныхъ свѣдѣній даже о событіяхъ чисто біографическаго характера.

Такимъ образомъ,—по причинамъ вполнѣ, впрочемъ, понятнымъ,—работа г. Смирнова не соотвѣтствуетъ важности предмета, и будущему, болѣе счастливому, біографу Герцена предстоитъ попрежнему идти совершенно самостоятельнымъ путемъ собиранія, группировки и изслѣдованія матеріала. Но пока приходится быть благодарнымъ и г. Смирнову за то, что онъ предложилъ вниманію забывчивой публики, правда, далеко не полную и не совершенную, но все же интересную картину дѣятельности одного изъ самыхъ выдающихся русскихъ людей.

Библіографическій указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критикой. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Спб. 1897. Ц. 1 руб. Указатель этотъ несомнѣнно удовлетворяетъ одной изъ существенныхъ потребностей русскаго читателя, столь безпомощнаго въ выборѣ чтенія. Русская литература слишкомъ молода, чтобы ею одною можно было ограничиться, при желаніи получить сколько-нибудь полное образованіе. Между тѣмъ, средняя школа наша не сообщаетъ никакихъ даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по иностранной литературѣ, такъ что молодежь, да и старшія поколѣнія читателей, желающія хоть отчасти пополнить свой умственный и эстетическій багажъ, предоставлены въ большинствѣ случаевъ совершенной случайности въ знакомствѣ съ иностранными авторами. При ничтожной распространенности у насъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, особенно въ провинціи, даже людямъ, владѣющимъ языками, приходится нерѣдко прибѣгать къ русскимъ переводамъ. Но и переводъ того или другого интересующаго про-

изведенія иногда очень затруднительно отыскать, даже имѣя подъ руками болѣе или менѣе порядочную общественную библіотеку. Настоящій «Указатель» окажетъ такому читателю не малую услугу. Къ сожалѣнію, нельзя не согласиться съ Н. А. Рубакинымъ, что именно этотъ «Указатель» съ очевидностью доказываетъ крайнюю бѣдность нашей переводной литературы. Сколько классическихъ писателей совсѣмъ не переведены на русскій языкъ, или переведены только отрывками, или, наконецъ, имѣются только въ устарѣвшихъ, вышедшихъ изъ продажи переводахъ! Для примѣра возьмемъ хотя бы французскую литературу. Ронсаръ, Рабле, Добиньи, Виллонъ, Лашоссе, Мариво, Жильберъ, Парни, Нодье, М-me Сталь, Сенанкуръ, М-me Дебордъ-Вальморъ, Вилье-де-Лиль-Аданъ *), Гюисмансъ совершенно неизвѣстны нашей читающей публикѣ. Другіе, еще болѣе крупные извѣстны только отдѣльными произведеніями, таковы: Корнель, Расинъ, Лафонтенъ (переведены только басни), Буало, Вольтеръ, Шенье и очень много писателей XIX столѣтія. Менѣе всего доступны, конечно, поэты всѣхъ племенъ. Можно смѣло сказать, что большинство изъ нихъ, даже такихъ, какъ Гердеръ, Шамиссо, Новалисъ, Гервегъ, представлены исключительно въ хрестоматіяхъ Н. В. Гербеля. Если принять во вниманіе, сколько изъ имѣющихся переводовъ плохи, даютъ весьма слабое представленіе о подлинникѣ, то дѣйствительно можно «удивляться и жаловаться лишь на то, что мы еще мало причастны, посредствомъ переводной литературы, къ умственнымъ и литературнымъ теченіямъ Запада».

Серьезный интересъ, представляемый «Указателемъ», заставляетъ отмѣтить и его недостатки. Впрочемъ, самъ «составитель (анонимный) знаетъ, что въ его «Указателѣ» не мало промаховъ и ошибокъ», которые не трудно было бы исправить при продолженіи работы и при слѣдующихъ изданіяхъ. Мы говоримъ «при продолженіи», потому что многія имена авторовъ сопровождаются ремаркой: «см. отдѣлъ исторіи» или «см. отдѣлъ философіи» и т. п. Такъ какъ въ изданной книжкѣ такихъ отдѣловъ нѣтъ, то приходится предположить, что мы имѣемъ передъ собой только первый выпускъ цѣлой серіи «Указателей» по различнымъ отдѣламъ литературы, хотя составитель объ этомъ не упоминаетъ. Нигдѣ также не объяснено, что обозначаютъ арабскія и римскія цифры предъ названіями сочиненій, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ. При «Указателѣ» нѣтъ списка сокращеній, что несомнѣнно въ сильной степени затруднитъ пользованіе имъ, особенно для мало начитаннаго читателя. Значеніе иниціаловъ В. Е. или Р. М., конечно, всякій пойметъ, но найдется не мало читателей, которымъ Р. Р. («Русская Рѣчь») и З. В. («Загран. Вѣстн.») ничего не скажетъ. Составитель не имѣлъ намѣренія дать полнаго списка русскихъ переводныхъ книгъ, а исходя изъ совершенно правильнаго взгляда на «практическое значеніе» своего труда, онъ поставилъ себѣ задачу «выбрать... произведенія тѣхъ авторовъ, которые играли извѣстную роль въ исторіи человѣческой мысли съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ. Никакого иного критерія къ избираемымъ авторамъ, кромѣ критерія историческаго, составитель не предъявлялъ». Въ этихъ видахъ составитель могъ бы совершенно законно выбросить значительное число никому ненужныхъ названій и ни съ какой стороны неинтересныхъ авторовъ. Это уменьшило бы балластъ «Указателя» и придало бы ему большее педагогическое значеніе. Въ разсматриваемой книжкѣ нѣтъ недостатка и въ болѣе мелкихъ промахахъ, которые однако также слѣдовало бы устранить при слѣдующихъ изданіяхъ.

Крупнѣйшіе изъ замѣченныхъ нами слѣдующіе. *Беовульфъ* отнесенъ въ нѣмецкую литературу, тогда какъ онъ представляетъ древнѣйшій англо-сак-

*) Въ сентябрьской книжкѣ «Сѣв. Вѣстн.» этого года переведена его повѣсть «*Мятежъ*» (*La révolte*).

сонскій эпосъ и, слѣдовательно, принадлежитъ англійской литературѣ. Списокъ переводовъ *Фауста* Гёте неполонъ,—недостаетъ переводовъ Вронченко и Голованова (въ настоящемъ году вышли еще два перевода А. И. Мамонтова въ Москвѣ и Н. П. Маклецовой въ Саратовѣ). Нѣкоторые писатели занесены въ «Указатель» по начальной буквѣ своего имени, а не фамиліи, напр., Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, Гёмфри Уордъ, при чемъ та же писательница занесена и на свое мѣсто подъ именемъ Уордъ, Г. Въ число скандинавскихъ писателей почему-то попала Софья Ковалевская. Очень много пропусковъ допущено какъ въ библіографіи, такъ и въ спискѣ авторовъ и произведеній: о *Гудрунѣ*, напр., существуетъ прекрасная монографія проф. А. Кирпичникова (*Кудруна*); въ библіографіи объ Ибсенѣ не упомянуто ни одной изъ превосходныхъ статей Н. И. Иванова въ «Артистѣ» и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», лучшихъ изъ существующихъ объ Ибсенѣ на русскомъ языкѣ; не указана статья Герцена о Э. Т. А. Гофманѣ; переводъ стихотвореній Боделера съ критико-біографическимъ очеркомъ былъ помѣщенъ въ «Сѣв. Вѣст.» 1890 г., а также существуетъ отдѣльный, очень недурной сборникъ (анонимный) переводовъ этого поэта; нѣсколько переводовъ (г. Ратгауза) изъ П. Верлена также вышли маленькимъ сборникомъ (Кіевъ, 1896); не зарегистрованы переводы романовъ Г. д'Аннунціо *Эпископо и К°*, *Торжество смерти* и др. («Сѣв. Вѣстн.»); совсѣмъ пропущены Товоте, лучшіе галицкіе писатели, Федьковичъ и Франко, изъ которыхъ кое-что переведено на русскій языкъ.

Указанные и неуказанные недосмотры «Указателя» не позволяютъ, къ сожалѣнію, полагаться на него при научной или литературной работѣ, но не отнимаютъ его значенія для цѣлей педагогическихъ и самообразовательныхъ, а потому нельзя не пожелать ему возможно бо́льшаго распространенія, которое, вѣроятно, и не заставитъ себя ждать въ виду того, что цѣну книжки ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать высокой.

А. Гаспари. Исторія итальянской литературы. Томъ I. Переводъ Бальмонта. Москва, 1897. Въ первомъ томѣ своего труда Гаспари разсмотрѣлъ первую, подготовительную эпоху Возрожденія въ лицѣ Данте и его ближайшей школы и далъ характеристику перваго итальянскаго гуманиста Петрарки. Второй томъ посвященъ расцвѣту Возрожденія въ XIV и XV в., а также его блестящимъ, но менѣе оригинальнымъ переживаніямъ въ XVI вѣкѣ. Кромѣ общихъ характеристикъ литературныхъ явленій за это время и очень полнаго перечисленія всѣхъ тогдашнихъ литературныхъ школъ и ихъ выдающихся и менѣе замѣчательныхъ послѣдователей, Гаспари останавливается болѣе подробно на самыхъ крупныхъ дѣятеляхъ Возрожденія. Литературныя характеристики великихъ дѣятелей Ренессанса составляютъ главный интересъ книги и сдѣланы съ большимъ знаніемъ эпохи и пониманіемъ сложныхъ элементовъ Возрожденія.

Говоря о первой эпохѣ Возрожденія, Гаспари оставался въ сферѣ идеалистическихъ стремленій, характеризующихъ итальянскій Ренессансъ. Въ мистическомъ Данте, въ идеально настроенномъ Петраркѣ и его ученомъ рвеніи и во всѣхъ явленіяхъ литературы и искусства, окружавшихъ эти два великихъ имени, раскрывается одна сторона Возрожденія—высокій христіанскій духъ и стремленіе освободиться отъ жизни путемъ отреченія. Но столь же сильна въ Ренессансѣ и языческая струя, побуждавшая людей того времени жить всей полнотой жизненныхъ инстинктовъ, возводить въ идеалъ самую жизнь съ ея наслажденіями и искать безконечнаго въ томъ, чтобы какъ можно болѣе раздвигать предѣлы конечнаго, чтобы дать человѣческой волѣ и человѣческимъ страстямъ безграничную свободу, доходящую до дерзновенія.

Въ литературѣ Ренессанса первымъ представителемъ этой языческой жизнерадостности былъ Боккаччіо. Гаспари указываетъ на тѣсную связь геніальнаго разсказчика съ Данте, которому онъ поклонялся, и съ Петраркою, котораго онъ

считалъ своимъ учителемъ въ области гуманизма. Но по натурѣ своей Боккаччіо полная противоположность этимъ своимъ двумъ предшественникамъ. Данте и Петрарка—флорентійцы, т. е. люди итальянскаго сѣвера, родины аскетизма и святости; въ блѣдной Флоренціи самая природа располагаетъ къ мечтательности и самоуглубленію и ничто не нарушаетъ душевной тишины. Боккаччіо же хотя и не родился въ Италіи (а въ Парижѣ отъ отца итальянца), но большую часть жизни провелъ въ Неаполѣ, при дворѣ короля Роберта, и только уже поздно, послѣ того, какъ написано было большинство его безсмертныхъ новеллъ, пріѣхалъ во Флоренцію: даже знаменитое описаніе флорентійской чумы въ началѣ «Декамерона» сдѣлано было Боккаччіо далеко отъ Флоренціи, быть можетъ, даже въ Неаполѣ, гдѣ чума свирѣпствовала такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Боккаччіо началъ съ ученыхъ занятій и съ аллегорическихъ итальянскихъ поэмъ, въ которыхъ, подъ вымышленными именами рыцарей и ихъ возлюбленныхъ, воспѣвались христіанскія добродѣтели и проповѣдывалось ихъ торжество. Но уже въ этихъ благочестиво-настроенныхъ поэмахъ сказывается внутренняя отчужденность Боккаччіо отъ религіозныхъ настроеній. Боккаччіо говоритъ о морали и религіи, о Богѣ и Христѣ, взываетъ къ помощи Божіей въ началѣ поэмъ, благодаритъ за оказанную помощь въ концѣ ихъ, но за всѣмъ этимъ чувствуются могучія земныя страсти и характерная для Ренессанса жизнерадостность. Гаспари очень вѣрно подмѣчаетъ этотъ контрастъ двухъ міровъ, сказавшійся въ Боккаччіо, который, при всемъ своемъ стремленіи идти по пятамъ боготворимыхъ имъ учителей, обнаруживалъ иную натуру, иную сторону одного и того же общаго явленія. «Земной міръ для Данте,—говоритъ Гаспари,—былъ тѣнью; здѣшняя красота была символомъ духовной истины и небеснаго свѣта; для Петрарки она—нѣчто большее, но все же это только прекрасный покровъ, находящійся въ неразрывномъ сочетаніи съ болѣе высокой красотой, съ красотой совершенно спиритуальной. У Боккаччіо земля снова предъявляетъ свои права; красота снова сама по себѣ является кое-чѣмъ, безъ всякаго иного значенія—какъ это было въ древности. У Данте любовь идеально-мистична и настолько высока и чиста, что подвергается опасности сдѣлаться абстракціей, совершенно смѣшаться съ добродѣтелью, съ вѣрой, съ любовью къ Богу. У Боккаччіо она имѣетъ реально-земной характеръ и до такой степени, что постоянно соприкасается съ сладострастіемъ».

Въ этомъ проявленіи языческой чувственности Гаспари не видитъ ничего внезапнаго и указываетъ на параллельное существованіе двухъ теченій, языческаго и христіанскаго, на протяженіи всего Ренессанса. Такъ, современниками Боккаччіо были: Якопо Пассаванти, Доменико Кавалько, Св. Катерина Сіенская. Но Гаспари слишкомъ упрощаетъ характеръ Ренессанса такими параллелями съ одной стороны автора игривыхъ новеллъ, а съ другой стороны святыхъ. Вліяніе язычества и христіанства было гораздо болѣе глубокимъ. Въ первомъ періодѣ Ренессанса его не было. Эпоха Данте была расцвѣтомъ чистаго христіанскаго идеализма. Но, начиная съ Боккаччіо, въ каждомъ художникѣ, въ каждомъ выдающемся дѣятелѣ на разныхъ поприщахъ, такъ же, какъ и въ самой толпѣ, составляющей разумный и отзывчивый хоръ духовной жизни, сплетаются и поражаютъ своими контрастами эти два элементы. Разсматривая самыя новеллы Боккаччіо, его «Декамеронъ» и «Фіаметту», Гаспари приходится ежеминутно сталкиваться то съ безконечной широтой разгула, съ радостью и весельемъ, съ прославленіемъ наименѣе нравственныхъ, но почему-либо пріятныхъ чертъ характера въ женщинахъ и мужчинахъ, то вдругъ прославленіе лукавства и удовольствій уступаетъ мѣсто искренно умиленному поклоненію чистотѣ и святости, какъ, напр., въ поэмѣ о Гризельдѣ, заключающей серію новеллъ «Декамерона». Боккаччіо любитъ жизнь даже тогда, когда она уродлива и, обличая разнузданные нравы духовенства и тупость мелкихъ буржуа, онъ благодаренъ

и имъ, потому что они родникъ неистощимаго смѣха и даютъ возможность проявиться утонченности ума и стихійному чувству жизни у тѣхъ, кто ему близокъ, у молодыхъ и прекрасныхъ людей.

Съ истинными представителями Ренессанса, въ которыхъ сливаются контрасты духовности и жизнерадостности, Гаспари приходится столкнуться, когда онъ описываетъ дворъ Лоренцо Медичи, его самого и окружавшихъ его поэтовъ, какъ, напр., Полиціана. Характеристика самого Лоренцо недостаточно полна у Гаспари для той роли, которую игралъ этотъ славнѣйшій изъ Медичей въ литературѣ своей эпохи. Лоренцо — одна изъ самыхъ характерныхъ личностей второй эпохи Возрожденія. Ни въ комъ другомъ не проявлялась такъ сильно жажда власти и силы, какъ въ этомъ властителѣ, не знавшемъ предѣла своей власти, жестокомъ и не признающемъ предѣловъ своей воли. Онъ хладнокровно нарушалъ самые элементарные нравственные принципы, не признавалъ въ своей коварной политикѣ ничего, кромѣ личной выгоды, совершалъ истинно низкіе поступки, какъ, напр., знаменитое расхищеніе фонда бѣдныхъ невѣстъ, былъ неумолимо жестокъ къ своимъ врагамъ, какъ показала его расправа съ участниками въ заговорѣ Пацци, сознательно былъ тираномъ и стремился только къ самовозвеличенію и къ безграничнымъ наслажденіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самымъ утонченнымъ цѣнителемъ искусствъ и выше жизни ставилъ красоту и искусство. Его собственные стихи, поэмы и баллады, отражаютъ сложность его натуры. Гаспари приводитъ наиболѣе популярныя эпикурейскія пѣсни, какъ, напр., знаменитая:

Quant'è bella giovinezza
Che si fugge tuttavia!
Chi vuol ésse lieto, sia;
Di doman non c'è certezza.

(Какъ прекрасна молодость, которая быстро убѣгаетъ! Кто хочетъ быть веселымъ, пусть поспѣшитъ. Нельзя быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ).

Мораль одной стороны Возрожденія, въ самомъ дѣлѣ, высказывается въ этой граціозной ритурнели. Но Лоренцо писалъ и другіе стихи, съ грустнымъ идеалистическимъ или, вѣрнѣе, пессимистическимъ настроеніемъ. Есть у него, напр., одно чрезвычайно характерное для раздвоенности его духа стихотвореніе, которое начинается слѣдующими стихами: «Что мнѣ не нравится, тому я слѣдую съ тоскою, чтобъ познать высшую жизнь, я иногда жажду конца, я смерть зову—и молю, чтобъ она отвернулась, я покоя ищу, гдѣ покоя быть не можетъ», и т. д. По этимъ контрастамъ пессимизма и жизнерадостности, деспотизма и мистическихъ стремленій духа Лоренцо въ поэзіи, какъ и въ жизни, истинный представитель своего времени; онъ стремится впередъ и озирается въ то же время назадъ, полонъ христіанскаго смиренія и его тянетъ къ возрожденію древности. Съ радостью и недовѣріемъ онъ стоитъ на перепутьи двухъ великихъ эпохъ, совмѣщая въ себѣ и утреннюю, и вечернюю зарю. Этой стороны въ жизни и творчествѣ Лоренцо Гаспари не показываетъ, вслѣдствіи чего характеристика его становится односторонней.

Въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи литературы Возрожденія Гаспари доходитъ до XVI вѣка, гдѣ явленія уже менѣе сложны и потому, быть можетъ, болѣе ярки въ своей цѣльности. Очень интересна его характеристика Пьетро Аретино, геніальнаго сатирика и памфлетиста, который силой своего пера сдѣлался истиннымъ деспотомъ надъ деспотами, грозой королей и отрадой своихъ современниковъ. Гаспари рисуетъ жизнь Аретино въ Венеціи, безпредѣльность его разгуловъ, неистощимость его фантазіи, одинаково изощрявшейся въ жизни и въ искусствѣ и признававшей лишь одинъ законъ—наслажденіе. Въ немъ вылились всѣ крайности духа Возрожденія, и на фонѣ разнузданной жизни тогдашней Венеціи талантъ его пріобрѣтаетъ необычайную яркость и силу.

Кромѣ этихъ самыхъ типичныхъ и въ то же время обособленныхъ дѣятелей Ренессанса, Гаспари разсматриваетъ и многихъ другихъ, дополняющихъ общую картину эпохи. Очень интересна глава, посвященная историкамъ и политическимъ теоретикамъ Ренессанса, Маккіавелли и Гвиччіардини, воплощающимъ иныя стороны эпохи—мудрое и проникновенное знаніе жизни и людей. Гаспари даетъ также общія характеристики лирики, трагедіи и комедіи и останавливается на творчествѣ знаменитыхъ, но утратившихъ отчасти съ теченіемъ вѣковъ свой интересъ писателей, напр. Аріосто и др.

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. И. Мессарошъ. «Финляндія—государство или русская окраина?»—«Коммиссія по организаціи домашняго чтенія».—*В. В. Быховскій.* «Обвиненіе и защита при законѣ 18 марта 1896 г.

П. И. Мессарошъ. Финляндія—государство или русская окраина? Значеніе особыхъ учрежденій финляндской окраины Россійской Имперіи. Спб.. 1897 года. Цѣна не обозначена. Изд. автора. Книжка г. Мессароша представляетъ явленіе совершенно исключительное въ нашей современной публицистикѣ. Судя по заглавію, можно предположить, что авторъ, изслѣдуя значеніе особыхъ учрежденій Финляндіи, изучаетъ вопросъ строго объективно и даетъ историко-юридическій анализъ сущности финляндской конституціи. Ничего этого въ разбираемомъ сочиненіи нѣтъ. Авторъ преслѣдуетъ постороннія цѣли, ничего общаго съ научнымъ изслѣдованіемъ не имѣющія.

Нашъ великій сатирикъ, исчерпавшій чуть ли не всѣ явленія нашей политической и общественной жизни за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, констатировалъ появленіе на Руси особой категоріи лицъ, которыхъ онъ назвалъ «доброхотными ревнителями», считающими своимъ долгомъ предупредить, предостеречь, предувѣдомить, указать на предстоящую опасность... Вездѣ мы встрѣчаемся, говоритъ Салтыковъ, съ несомнѣнными «сивыми меринами», которые пропагандируютъ несомнѣнно полоумные фантазіи и бреды и, не обинуясь, присвоиваютъ имъ наименованіе политическихъ и административныхъ программъ *).

Подобнаго рода «политическій и административный бредъ» представляетъ и книжка г. Мессароша. Матеріалами для автора послужили по преимуществу: 1) сочиненіе г. Еленева, изданное въ 1895 г. во Франціи подъ заглавіемъ «Les prétentions des séparatistes finlandais», почти цѣликомъ излагаемое въ разбираемой книжкѣ, и 2) статьи и корреспонденціи, напечатанныя въ разное время въ газетахъ «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости».

Исходный моментъ и конечная цѣль труда г. Мессароша опредѣлены имъ такъ. Партія финляндской независимости, а въ особенности *финноманскій отдѣлъ* ея (курсивъ г. Мессароша), имѣя во главѣ представителей высшихъ административныхъ учрежденій края, учебнаго вѣдомства и прессы, и захвативъ въ свои руки какъ мѣстную періодическую печать, такъ и всѣ учебныя заведенія края, съ народными школами включительно, подготовляетъ въ Финляндіи *событія, вполнѣ аналогичныя съ событіями, происходившими въ Польшѣ въ 1830 и 1863 гг.* (курсивъ г. Мессароша). Для предупрежденія такихъ событій, говоритъ г. Мессарошъ, и противодѣйствія пропагандѣ политическихъ партій необходима полная реорганизація управленія края. Для осуществленія такой реформы, продолжаетъ онъ, надлежитъ произвести са-

*) См. сочиненія М. Е. Салтыкова т. V и VIII изд. 1889 г., стр. 257 и 267.

мую тщательную ревизію всѣхъ мѣстныхъ учрежденій, черезъ *русскихъ государственныхъ людей* (курсивъ автора), которымъ должно быть поручено и составленіе проекта такой реформы, *безъ всякаго участія въ этой законодательной работѣ финляндскихъ* «дѣятелей» (курсивъ и ковычки его же). Основанія реформы должны быть: замѣна «особыхъ» военныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій края учрежденіями, дѣйствующими въ Россіи, и введеніе государственнаго русскаго языка въ дѣлопроизводство всѣхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ установленій, дѣйствующихъ въ этой окраинѣ. Работать нужно дружно, неустанно, не покладая рукъ! Ядъ сепаратизма, продолжаетъ г. Мессарошъ, хотя и заразилъ большую часть финляндскаго населенія, но зараженіе еще въ томъ періодѣ, когда излѣченіе возможно мягкими, такъ сказать, домашними средствами; *помощь хирурговъ еще не нужна!* (курсивъ автора). Но если Россія будетъ медлить, если она дастъ яду распространиться, окрѣпнуть во всемъ организмѣ, то безъ хирурговъ не обойтись!.. Такъ бредитъ г. Мессарошъ на протяженіи всего своего труда (см. стр. 24, 84, 100, 106, 330 и др.).

Изъ изложеннаго видно, какъ далеко заходитъ бредъ г. Мессароша. Его предшественники, гг. Ординъ и Еленевъ, предъ которыми г. Мессарошъ преклоняется, не идутъ такъ далеко, а г. Еленевъ, которому порядкомъ достается за это отъ разгнѣваннаго г. Мессароша, осмѣливается даже утверждать, что въ Россіи никто не требуетъ уничтоженія особыхъ законовъ и особаго управленія Финляндіи. Не смотря на глубочайшое уваженіе къ г. Еленеву, авторъ разбираемой книжки не можетъ не указать на противорѣчіе между вышеприведенными словами г. Еленева и основной идеей всего его сочиненія (см. стр. 69 и 70).

Характерны собственныя признанія г. Мессароша. «Мы не принадлежимъ къ знатокамъ *финскаго народа* (курсивъ нашъ), мы знаемъ самый *микроскопическій кусочекъ этого края*»... (авторъ, по его словамъ, прожилъ около года въ г. Сердоболѣ, см. стр. 69). Приступая къ характеристикѣ школъ Финляндіи, въ которыхъ авторъ видитъ одно изъ средствъ распространенія ученія такъ называемой имъ партіи независимости, г. Мессарошъ говоритъ: «Къ сожалѣнію, мы обладаемъ крайне ограниченнымъ количествомъ источниковъ»... (см. стр. 143). И тѣмъ не менѣе, авторъ смѣло и самоувѣренно осуждаетъ постановку школьнаго дѣла въ Финляндіи и даже вступаетъ въ полемику съ г. Песковскимъ, осмѣлившимся похвалить школьные порядки, существующіе въ Финляндіи. На стр. 163 г. Мессарошъ опять признается: «Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности дать русской публикѣ свѣдѣній о руководствахъ и книгахъ для чтенія, употребляемыхъ въ народноучительскихъ семинаріяхъ, но мы утверждаемъ, что въ этихъ семинаріяхъ преподаются свѣдѣнія, составляющія катехизисъ финляндскихъ сепаратистовъ». Какое же право имѣлъ г. Мессарошъ, «не принадлежа къ знатокамъ финскаго народа» и «обладая крайне ограниченными источниками», устанавливать вышеприведенное тяжкое обвиненіе противъ финскаго народа и дѣлать выводы, на которые было нами указано выше?

Отмѣтимъ слѣдующее умышленное извращеніе фактовъ: на стр. 95 г. Мессарошъ скорбитъ о томъ, что «въ Россіи не годятся марки съ злосчастными кружками», т. е. марки для сношеній Финляндіи съ Россіей. Смѣемъ увѣрить г-на Мессароша, что, въ силу распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ 19 марта 1891 г., дѣло обстоитъ иначе: марки, установленныя для оплаты корреспонденціи, подаваемой въ Финляндіи, не допускаются къ продажѣ въ другихъ частяхъ имперіи, но *вынутыя изъ почтовыхъ ящиковъ письма, оплаченныя такими марками, отправляются безпрепятственно.*

Г. Мессарошъ этимъ не ограничивается. Онъ проявляетъ себя еще съ одной очень характерной стороны. «Мы не касаемся частныхъ лицъ,—говоритъ г. Мес-

сарошъ,—мы не пишемъ доносовъ» (см. стр. 116). Но оказывается, что страсти до того увлекаютъ г. Мессароша, что онъ начинаетъ прописывать полныя фамиліи частныхъ лицъ съ указаніемъ ихъ жительства, должности и мѣста службы. Такія указанія сдѣланы на стр. 209 о православномъ священникѣ, служащемъ литургію на финскомъ языкѣ, на стр. 323 о профессорѣ гельсингфорскаго университета, и сенаторѣ административнаго департамента финляндскаго сената и на стр. 324 объ одномъ генералѣ. Пріемъ безподобный и со временъ Булгарина и Греча почти вышедшій изъ употребленія въ литературѣ!

Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. — Программы домашняго чтенія на третій годъ систематическаго курса. М. 1897. in 8-vo. Стр. XVI+320. Ц. 50 коп., почтой 68 коп., налож. платеж. 85 к. Предъ нами новый, только что вышедшій въ свѣтъ, сборникъ *Программъ* московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія на *третій* годъ систематическаго курса. Еще одинъ годъ и въ рукахъ публики получится учено-педагогическое изданіе, равнаго которому еще не было въ нашей литературѣ. Теперь окончательно выяснилось, что на первый планъ комиссія выдвинула читателя, въ значительной степени подготовленнаго, и на немъ исключительно сосредоточила пока всѣ свои заботы: окончившій среднюю школу и не попавшій въ университетъ, студентъ, преподаватель средней школы, частью преподаватель низшей и народной школы (съ большими, конечно, оговорками), окончившій курсъ средней или высшей профессіональной школы—вотъ лица, для которыхъ доступны программы избраннаго комиссіей типа. Читатель-простецъ, не говоря уже о большой сѣрой массѣ, до сихъ поръ тщетно напрягаетъ свои усилія найти компетентное руководство, продолжаетъ безъ него оставаться, дѣйствуетъ ощупью и въ лицѣ немногихъ изъ своей среды добивается любезнаго титула *самоучки*, стоящаго въ коренномъ противорѣчіи съ запросами современной дѣйствительности.

Относясь съ полнымъ сочувствіемъ и глубокой благодарностью къ просвѣтительной дѣятельности московской комиссіи, критика тѣмъ не менѣе обязана неустанно повторять свои desiderata: чтобы, *во-первыхъ*, популяризація научныхъ знаній въ Россіи возможно скорѣе превратилась въ ихъ демократизацію (дешевизна и доступность), и чтобы, *во-вторыхъ*, эта демократизація научныхъ знаній поставлена была на болѣе практическую почву, въ смыслѣ выбора темъ и основной ихъ тенденціи. Въ этомъ отношеніи работа московской комиссіи грѣшитъ извѣстнымъ индифферентизмомъ и черезчуръ неумѣреннымъ безразличіемъ.

Обратимся къ содержанію новаго и весьма цѣннаго выпуска программъ комиссіи. Во главѣ сборника помѣщены хорошо знакомые читателямъ «Планы (стр. 1—16) систематическаго чтенія по семи основнымъ отдѣламъ программъ» (перепечатано безъ измѣненій изъ второго выпуска программъ). Далѣе слѣдуютъ въ обычномъ порядкѣ собственно программы.

I. По *математикѣ* дана программа чтенія по дифференціальному и интегральному исчисленію (стр. 19—22), которая преслѣдуетъ цѣли усвоенія читателемъ основныхъ понятій и теоремъ высшаго анализа, а затѣмъ пріобрѣтенія навыка въ механизмѣ дифференцированія и его приложеніяхъ къ рѣшенію разнообразныхъ математическихъ вопросовъ; она требуетъ отъ читателя большихъ практическихъ упражненій: «чѣмъ больше задачъ рѣшитъ читатель, тѣмъ полнѣе, глубже и отчетливѣе будутъ его знанія». Программа страдаетъ отсутствіемъ руководящихъ указаній по существу и провѣрочныхъ вопросовъ, отступая въ послѣднемъ отношеніи отъ порядка, который выдерживаютъ другія программы комиссіи.

II. Программы по *астрономіи* (стр. 23—51) и *метеорологіи* съ *кли-*

матологіей (стр. 51—61) снабжены не только провѣрочными вопросами, но и небольшими характеристиками рекомендованныхъ книгъ; по астрономіи дано двѣ программы: одна—«элементарная», другая—«основная». Въ основу изученія метеорологіи и климатологіи положена книга Д. Лачинова, о которой едва ли достаточно сказать, что въ ней есть «нѣкоторые недостатки», да къ тому же, для читателя, приступающаго къ изученію предмета, такая неопределенная фраза ровно ничего не говоритъ.

III. Программа по *физіологіи* (стр. 62—74) разработана лишь въ общей части и въ отдѣлѣ физіологіи растеній; физіологія животныхъ осталась неразработанной, такъ какъ коммиссія ждала новаго изданія извѣстной книги И. М. Сѣченова. Причина едва ли вполнѣ уважительная, ибо книга И. Сѣченова «Физіологическіе очерки» вышла, если не ошибаемся, нѣсколько раньше программъ.

IV. Для философскаго отдѣла даны двѣ программы: одна — Н. Я. Грота, другая—А. С. Бѣлкина. Для третьяго выпуска г. Гротъ написалъ по *теоріи познанія и метафизикѣ*. Г. Бѣлкинъ (стр. 80—105) обстоятельно разработалъ и снабдилъ свою программу множествомъ провѣрочныхъ вопросовъ. Авторъ поступилъ правильно и педагогично, разработавъ программу по исторіи древней философіи гораздо детальнѣе, чѣмъ по исторіи средневѣковой философіи.

V. Программы по *общественно-юридическимъ* наукамъ распредѣлены въ настоящемъ выпускѣ по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) экономическая исторія Россіи (стр. 106—109, составлена исключительно по книгѣ проф. П. Н. Милюкова «Очерки по исторіи культуры»); 2) экономія сельскаго хозяйства (стр. 109—114, по книгѣ Н. Каблукова); 3) экономія промышленности (стр. 114—118); 4) экономія торговли (стр. 118 — 122, по Лексису); 5) гражданское право (стр. 122—136, въ основу положены Мейеръ и Кавелинъ); 6) уголовное право (стр. 136—147). Кромѣ того, къ этому отдѣлу относятся чтенія по отдѣльнымъ темамъ, помѣщенныя въ концѣ сборника (стр. 301—313); всѣ пять по статистикѣ.

VI. Программъ по *всеобщей исторіи* (стр. 148 — 218) въ сборникѣ помѣщено двѣ: обѣ посвящены XVI—XVIII в.в. Одна изъ нихъ, болѣе сложная, соотвѣтствуетъ по трудности историческимъ программамъ въ предшествующихъ двухъ сборникахъ,—другая, болѣе простая, предназначается для лицъ, не имѣющихъ возможности тратить много времени на прохожденіе курса новой исторіи, при чемъ замѣчено, что подобныя упрощенныя программы предположено подготовить также по древней и средней исторіи. Программа по *русской исторіи* (стр. 218—252) разбита на два особыхъ отдѣла не въ силу, однако, педагогическихъ соображеній, а просто въ виду плачевнаго состоянія научной литературы по русской исторіи. Отдѣлъ первый состоитъ изъ нѣкоторыхъ руководящихъ указаній и провѣрочныхъ вопросовъ исключительно по книгѣ проф. П. Н. Милюкова «Очерки по исторіи русской культуры»; отдѣлъ второй программы состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ темъ, непосредственно примыкающихъ къ этимъ вопросамъ, какъ ихъ дальнѣйшее развитіе и дополненіе; впрочемъ, оба отдѣла программы, дополняя другъ друга, составляютъ одно цѣлое. Всего отдѣльныхъ темъ предложено коммиссіей 13 подъ такими рубриками: смутное время,—земскіе соборы въ XVII в.,—боярская дума XVII в.,—мѣстное управленіе XVII в.,—административныя учрежденія XVIII в.,—городъ въ XVIII в.,—крѣпостное право въ XVII—XVIII в.,—дворянство въ XVIII в.,—просвѣщеніе и школы XVII в.,—профессіональная школа въ первой половинѣ XVIII в.,—школа при Екатеринѣ II,—развитіе русскаго стиля и построекъ,—Малороссія XVII—XVIII в.в. Ни одна изъ программъ, печатающихся въ сборникахъ коммиссіи, не снабжается такой массой провѣрочныхъ вопросовъ, какъ программа по исторіи, отличающаяся, къ тому же, большой научной высотой.

VII. Программа по исторіи *литературы всеобщей* (стр. 253—271) посвящена испанской драмѣ XVII и XVIII в.в., англійской, итальянской, французской и нѣмецкой литературамъ XVII—XVIII ст.; программа по исторіи русской литературы (стр. 271—284) обнимаетъ исключительно XVIII в., при чемъ дана лишь одна элементарная программа, болѣе же сложная, начатая въ предшествующемъ выпускѣ, отложена на неопредѣленное время.

VIII. Наконецъ, остается упомянуть еще о программѣ по *этнографіи* (стр. 285—313), и содержаніе сборника будетъ исчерпано. Главный недостатокъ программы по этнографіи заключается въ ея неопредѣленности и безсистемности. Очевидно, для самой коммиссіи еще неясны составъ и методъ этой вспомогательной научной дисциплины.

Таково содержаніе новаго сборника трудовъ коммиссіи, которой остается дать еще одинъ выпускъ, чтобы закончить первый циклъ своихъ занятій. Не трудно замѣтить, изучая три выпуска ея сборника, изъ которыхъ первый выходитъ четвертымъ изданіемъ, что сама коммиссія колеблется въ нормахъ и объемахъ для своихъ программъ. Обѣщая раньше довольно рѣшительно *энциклопедическую* программу, теперь она говоритъ о ней въ предисловіи довольно глухо. Быть можетъ, ее пугаетъ отсутствіе въ наличной литературѣ подходящихъ пособій; но это—не мотивъ для того, чтобъ безнадежно опустить руки. Работа коммиссіи въ концѣ концовъ будетъ возможной и плодотворной лишь при условіи, если коммиссія широко разовьетъ свою издательскую дѣятельность.

В. В. Быховскій. Обвиненіе и защита при законѣ 18 марта 1896 года. Москва 1897 г. Цѣна 60 коп. Изд. автора. Въ названной брошюрѣ авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ обратить вниманіе отечественныхъ юристовъ, прессы и общественнаго мнѣнія на крайне опасный для нашего правосудія законъ 18 марта 1896 года, внесшій весьма важное измѣненіе въ наши процессуальныя нормы по вопросу о вызовѣ подсудимыми свидѣтелей къ судебному слѣдствію и рѣзко измѣнившій взаимное соотношеніе обвиненія и защиты въ нашемъ процессѣ.

Исходя изъ безспорнаго положенія, что свидѣтельскія показанія, непосредственно выслушиваемыя судьями, составляютъ въ современномъ уголовномъ процессѣ важнѣйшій моментъ въ ходѣ складывающагося судейскаго убѣжденія, и указавъ на постановленія по данному вопросу важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, предоставляющихъ широкія права обвиняемому относительно вызова свидѣтелей къ судебному слѣдствію,—г. Быховскій, прежде, чѣмъ перейти къ новеллѣ 18 марта 1896 года, останавливается на постановленіяхъ устава уголовнаго судопроизводства въ первоначальной ихъ редакціи по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года, а также на рѣшеніи уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената 1878 г. № 34, по дѣлу Вѣры Засуличъ, значительно измѣнившемъ правила устава уголовнаго судопроизводства.

Судебные уставы предоставляли обвиняемому *безусловное* право вызывать, и притомъ на счетъ казны, всѣхъ свидѣтелей, спрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, и *ограниченное* право вызова новыхъ свидѣтелей, еще не спрошенныхъ у слѣдователя. Ограниченія вызова состояли въ повѣркѣ требованія о вызовѣ цѣлымъ составомъ суда коллегіально, относительно *основательности* причинъ къ вызову и *важности* обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію, послѣ чего судъ могъ отказать въ вызовѣ свидѣтелей. Но этотъ отказъ рѣшалъ только о томъ, что свидѣтели не могли быть вызваны на счетъ казны. Затѣмъ подсудимый имѣлъ полное право или вызвать свидѣтелей, *не смотря на отказъ суда*, на свой собственный счетъ, или привести ихъ съ собою въ судъ. Изъ изложеннаго видно, какъ справедливо

относились благородные составители судебныхъ уставовъ къ правамъ обвиняемаго по вызову свидѣтелей.

Поворотнымъ пунктомъ явилось указанное выше рѣшеніе Сената, въ которомъ высказано было, что приглашеніе свидѣтелей на счетъ подсудимаго не составляетъ для него безусловнаго права и стоитъ въ зависимости отъ того, по какимъ основаніямъ отказалъ судъ въ просьбѣ о вызовѣ свидѣтелей, не спрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Такимъ образомъ, если отказъ основанъ былъ на томъ, что свидѣтели имѣютъ показывать объ обстоятельствахъ, не составляющихъ предмета дѣла, что показанія ихъ не могутъ разъяснить мотивовъ преступленія, то тѣмъ самымъ исключается и возможность вызова или приглашенія ихъ въ судъ на счетъ подсудимаго.

Новелла 18 марта 1896 года рѣзко и круто измѣнила всю систему дѣйствовавшихъ до того времени законоположеній и рельефно выяснила тенденцію ограничить права подсудимыхъ и ихъ защитниковъ, оставивъ безъ измѣненій права обвинителей отъ короны. Новый законъ лишилъ подсудимаго принадлежавшаго ему безусловнаго права вызывать по его желанію свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, предоставивъ суду въ административныхъ его засѣданіяхъ, т. е. тамъ, куда ни подсудимый, ни его защитникъ не имѣютъ доступа, но гдѣ выслушивается прокуроръ, страшное право допустить или не допустить вызовъ со стороны подсудимаго свидѣтелей, какъ допрошенныхъ у слѣдователя, такъ и новыхъ. Судъ руководствуется при этомъ соображеніями о томъ, могутъ ли имѣть значеніе для дѣла, или не могутъ, обстоятельства, подлежащія разъясненію показаніями этихъ свидѣтелей. Эти ограниченія правъ подсудимаго пріобрѣтаютъ крайне опасный характеръ, въ связи съ установившейся практикой по вопросу о правѣ подсудимаго вызывать свидѣтелей на свой счетъ. Нельзя не принять во вниманіе и того, что новый законъ требуетъ отъ подсудимыхъ тщательнаго разбора данныхъ предварительнаго слѣдствія, умѣнья хорошо мотивировать свое ходатайство о вызовѣ даже допрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ свидѣтелей, и это требованіе предъявляется при подавляющей, почти поголовной безграмотности нашего народа, при отсутствіи какой бы то ни было защиты въ большинствѣ даже уѣздныхъ городовъ.

Авторъ надѣется, что коммиссія, работающая надъ пересмотромъ Судебныхъ Уставовъ, поставитъ вопросъ о правахъ подсудимыхъ при выборѣ главнѣйшаго средства въ борьбѣ съ обвиненіемъ на надлежащій путь, согласный съ закономъ и справедливостью.

Брошюра г. Быховскаго, имѣющая громадный общественный интересъ, прочтется всѣми, интересующимися нашимъ уголовнымъ правосудіемъ.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

К. Д. Кавелинъ. «Собраніе сочиненій». — *Гринъ.* «Краткая исторія англійскаго народа». — *Ив. Семьобосъ.* «Политическая исторія современной Европы».

Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ первый. Монографіи по русской исторіи. Съ портретомъ автора, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1897. in 8-vo. Стр. XXXII+1052+IV. Ц. 2 руб. 50 коп. Кто не знаетъ имени Кавелина, кто отрицаетъ его громадныя общественныя заслуги или его цѣнный даръ гармонически сочетать кабинетную ученую работу съ живой общественной дѣятельностью! У Кавелина былъ большой интересъ къ общественнымъ вопросамъ и не менѣе объемистая способность къ спеціальной ученой работѣ. Но это еще *одна* только сторона лич-

ности Кавелина, которая притягиваетъ къ нему наблюдателя русской общественности; есть и *другая*, которая работу этого наблюдателя дѣлаетъ особенно плодотворной и поучительной. Во всѣхъ сторонахъ своей дѣятельности Кавелинъ вылился вполнѣ, отъ него не осталось ни одного недосказаннаго слова, каждой эпохѣ своей жизни онъ подвелъ опредѣленные итоги; умирая, онъ былъ историческимъ лицомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: и по величію имъ сдѣланнаго, и по тому, что положительное содержаніе его дѣла все было въ прошломъ. Кавелинъ исчерпалъ всего себя безъ остатка; отходя постепенно въ прошлое, Кавелинъ отрывался одновременно и отъ правительственныхъ сферъ, и отъ новыхъ русскихъ поколѣній. «Сферамъ» стала неудобной его самостоятельность, его независимость—это драгоцѣннѣйшее свойство, какое только можно проявить въ русской дѣйствительности. Кавелинъ казался черезчуръ либеральнымъ; напротивъ, «поколѣнія» отнеслись къ нему равнодушно, ибо онъ не пошелъ далеко въ развитіи своего образа мыслей и остался совершенно чуждымъ того настроенія, которымъ прониклись его болѣе молодые современники. Д. А. Корсаковъ въ своемъ бѣгломъ очеркѣ жизни и дѣятельности Кавелина, приложенномъ къ первому тому, справедливо замѣтилъ (стр. XXVI и XXVII) слѣдующее: «съ 1862 по 1877 годъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, Кавелинъ не занимаетъ никакого оффиціальнаго служебнаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ имѣть то значеніе среди новыхъ русскихъ поколѣній, какое онъ имѣлъ раньше; это обусловливается какъ измѣненіемъ въ воззрѣніяхъ и въ направленіи русской интеллигенціи и публицистики 1860-хъ и 1870-хъ годовъ сравнительно съ сороковыми годами, такъ и въ измѣненіи воззрѣній самого Кавелина; у Кавелина въ эти годы сложился тотъ умѣренно-либеральный, но вполнѣ независимый образъ мыслей, который заставилъ его, съ одной стороны, разойтись со многими изъ своихъ старыхъ друзей и отшатнуться отъ крайнихъ новыхъ русскихъ воззрѣній, съ другой стороны—совершенно удалиться отъ сферъ правительственныхъ, гдѣ на его самостоятельность и независимость смотрѣли недружелюбно, признавая ихъ за своего рода непокорность и строптивость». Не будучи ни крайнимъ, ни рѣзкимъ, Кавелинъ, тѣмъ не менѣе, не отличался той фальшивой терпимостью и приспособляемостью, той пресловутой безпринципностью, которой такъ часто гордятся иные. Не идеализируя дѣйствительности, не примиряясь съ существующимъ, Кавелинъ долженъ былъ въ 1848 г. покинуть профессуру въ московскомъ университетѣ (вмѣстѣ съ П. Г. Рѣдкинымъ и А. И. Чивилевымъ), а въ 1861 г. покинуть петербургскій университетъ (вмѣстѣ съ М. М. Стасюлевичемъ, А. Н. Пыпинымъ, В. Д. Спасовичемъ и Б. И. Утинымъ). Быть можетъ, это — *третья* сторона въ личности Кавелина, которую необходимо имѣть въ виду при ея изученіи.

Какъ ученый, какъ общественный дѣятель, Кавелинъ принадлежитъ исторіи, его научные и политическіе взгляды позади нашихъ, но имя его цѣнно для современности, для текущей дѣйствительности, цѣнно неподкупной преданностью идеѣ общественнаго служенія, горячей убѣжденностью въ правотѣ, а слѣдовательно, силѣ основныхъ своихъ принциповъ. Въ эпоху карьернаго отношенія къ общественному дѣлу, въ дни безпринципности, Кавелинъ, какъ образецъ, сіяетъ особенно ярко и привѣтливо, а выходъ въ свѣтъ собранія его сочиненій выростаетъ до факта несомнѣннаго общественнаго значенія.

Оно разсчитано на четыре большихъ тома и издается подъ редакціей Л. З. Слонимскаго и Д. А. Корсакова: матеріалъ перваго тома посвященъ *русской исторіи*, второго—публицистикѣ, третьяго — вопросамъ науки и философіи и четвертаго — правовѣдѣнію и этнографіи. Съ нѣкоторой натяжкой можно сказать, что по русской исторіи Кавелинъ писалъ, главнымъ образомъ, рецензіи, которыя порой превращались въ цѣлыя изслѣдованія. Перечитываніе Кавелина напомнило намъ тѣ времена русской журналистики, когда со вкусомъ писали

и охотно печатали обширные критическіе разборы новыхъ научныхъ работъ. «Въ совершенствѣ владѣя русскимъ языкомъ, — пишетъ г. Корсаковъ (стр. XI),—онъ (Кавелинъ) чрезвычайно ясно излагалъ и развивалъ свою мысль, и въ доказательствахъ любилъ прибѣгать какъ къ примѣрамъ изъ обыденной, ежедневной жизни, такъ и къ помощи исторіи; *исторія* являлась для него не отрѣшенной отъ жизни архивной стариной, а непрерывной цѣпью фактовъ изъ развитія человѣческихъ обществъ, неразрывно соединяющей прошедшее съ настоящимъ; поэтому для уясненія современнаго положенія дѣлъ, онъ нерѣдко обращался къ прошлому, и наоборотъ, для большей удобопонятности прошлаго, сравнивалъ его съ современностью». Эта особенность придавала, конечно, большой общественный интересъ писаніямъ Кавелина по русской исторіи.

Давши первому тому подзаголовокъ *Русская Исторія*, редакторы подраздѣлили его на двѣ части: 1) «разсужденія и критическія статьи» (стр. 5 — 682) и 2) «рецензіи и замѣтки» (стр. 689 — 1.052). Въ этой второй части читатели найдутъ разборы когда-то очень ходячихъ и по сію пору извѣстныхъ спеціалистамъ работъ Д. А. Валуева, Н. В. Калачова, Д. А. Корсакова, Круга, Павлова, Шульгина; въ этихъ разборахъ найдется не мало замѣчаній, которыя, будучи сведены въ одно цѣлое, дадутъ прекрасный фонъ къ первой части разбираемаго тома: въ ней какъ разъ помѣщены обширные критическіе разборы трудовъ Погодина, Соловьева и Чичерина,—разборы, которые по существу дѣла представляютъ собой самостоятельныя изслѣдованія.

Первая часть открывается совершенно самостоятельной статьей *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*: впервые она появилась въ первой книжкѣ *Современника* за 1847 г. и вызвала суровую славянофильскую критику въ лицѣ Ю. Ѳ. Самарина (подъ псевдонимомъ М... З... К... въ *Москвитянинѣ*), на которую Кавелину пришлось отвѣчать очень рѣшительно. *Взглядъ* Кавелина, написанный слишкомъ 50 лѣтъ тому назадъ, конечно, устарѣлъ во многомъ, но какъ ранній, вполнѣ научный, опытъ цѣльной формулировки общаго хода развитія древней Руси сохранилъ значеніе и интересъ. Въ этомъ *Взглядѣ* Кавелину приходилось доказывать, что «внутренняя исторія Россіи— не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ не связанныхъ фактовъ; она, напротивъ, — стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной даже во время и послѣ реформы; исчерпавъ всѣ свои исключительно національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ были и прежде—русскими славянами» (стр. 65). Это авторъ говоритъ въ заключеніи своей статьи. Кавелинъ начинаетъ свое введеніе словами, которыя, понявъ нѣсколько шире, можно признать писанными вчера: «въ наше время русская исторія становится предметомъ общаго любопытства и дѣятельнаго изученія; прежде она была доступна однимъ избраннымъ, на которыхъ потому и смотрѣли съ какимъ-то удивленіемъ, переходящимъ въ благоговѣніе; теперь всѣ образованные люди интересуются русской исторіей; не только у насъ, даже въ Европѣ многіе ею занимаются». Само собою разумѣется, что этого любопытства, этого интереса недостаточно. Нуженъ опредѣленный взглядъ, *теорія*, чтобы изъ груды историческаго хлама и архивной пыли создать стройное зданіе. Такая рѣзкая постановка вопроса о необходимости теоретическаго изученія прошлаго должна была имѣть большое значеніе въ то время, когда маститые ученые, пропагандируя математическій методъ въ исторіи, съ пѣной у рта гнали всякую мысль о теоріи. Кавелинъ въ концѣ своего *Взгляда* категорически утверждаетъ органическую цѣлостность нашего прошлаго, задаваясь во введеніи лишь принципіальнымъ заявленіемъ: «чтобы понять тайный смыслъ нашей исторіи, чтобъ оживить нашу историческую литературу, необходимы *взглядъ*, *теорія*; они должны представить русскую исторію какъ развивающійся организмъ, живое

цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами; явленія ея должны быть поняты, какъ различныя выраженія этихъ началъ, необходимо связанныя между собою, необходимо вытекающія одно изъ другого».

Двадцать лѣтъ спустя, во второй книгѣ *Вѣстника Европы* за 1866 г. Кавелинъ вновь изложилъ свой взглядъ на общій ходъ русской исторіи въ статьѣ *Мысли и замѣтки о русской исторіи*. Взглядъ Кавелина нѣсколько модифицировался, но здѣсь, какъ и тамъ, онъ говоритъ объ интересѣ къ русской исторіи въ нашемъ обществѣ, о томъ, какъ мало сдѣлано для удовлетворенія этого интереса (тоже, пожалуй, можно бы было повторить и теперь, начиная журнальную статью по русской исторіи), говоритъ о необходимости теоріи и ставитъ принципіально вопросъ о роли петровской реформы, вопросъ, по поводу котораго онъ никогда не могъ столковаться съ славянофилами, испытавъ на себѣ силу ихъ вліянія въ другихъ отношеніяхъ. Для Кавелина «петровская эпоха была, во всѣхъ отношеніяхъ, приготовленіемъ, при помощи европейскихъ вліяній, къ самостоятельной и сознательной народной жизни: участіе европейскаго элемента въ нашемъ быту было нужно не для однѣхъ практическихъ цѣлей, но и для нашего внутренняго развитія; люди и народы приходятъ къ самосознанію черезъ сравненіе себя съ другими, и чѣмъ предметъ для сравненія лучше, краше, развитѣй, совершеннѣй, тѣмъ полнѣй и глубже человѣкъ и народъ вникаютъ въ самихъ себя, открываютъ въ себѣ неизвѣстныя имъ самимъ, дремлющія въ бездѣйствіи силы» (стр. 674, срв. опредѣленіе исторіи на стр. 584—585).

Въ изученіи и пониманіи нашего прошлаго въ самой теоретической постановкѣ историческихъ вопросовъ мы ушли очень далеко отъ Кавелина, но изученіе его работъ представляетъ далеко не одинъ только историографическій интересъ; его работы сами по себѣ извѣстный фактъ изъ исторіи нашей общественности, и потому представляютъ отличный матеріалъ для самостоятельныхъ работъ читателямъ изъ публики. Можно было бы намѣтить рядъ темъ, надъ которыми читатель поработалъ бы съ пользой, перелистывая первый томъ сочиненій Кавелина.

Привѣтствуя появленіе въ свѣтъ новаго собранія сочиненій Кавелина, мы не можемъ не выразить самаго глубокаго сожалѣнія, что издатели не обѣщали пятаго тома, *переписки Кавелина*, для чего можно было бы воспользоваться среди другихъ источниковъ изданіемъ «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену» 1892.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Выпускъ первый. Переводъ съ англійскаго В. Я. Богучарскаго. Подъ редакціей Н. Н. Шамонина. Москва. 1897 года. Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой («Научно-образовательная библіотека»). Цѣна 50 коп. До недавняго времени русская читающая публика, желавшая ознакомиться съ англійской исторіей, должна была пользоваться «Исторіей англійскаго народа» Грина, пространнымъ трудомъ въ четырехъ томахъ, изданнымъ въ 1891—1892 гг. К. Т. Солдатенковымъ. Изданіе это, вслѣдствіе своей дороговизны (10 р. 50 к.), было почти недоступно. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать появленіе на русскомъ языкѣ «Краткой исторіи англійскаго народа» того же автора въ трехъ выпускахъ, по очень доступной цѣнѣ, при которой вся «Краткая исторія» будетъ стоить 1 р. 50 к. Живость разсказа, преобладаніе культурной точки зрѣнія и ясность изложенія увеличиваютъ достоинства новаго дешеваго изданія «Научно-образовательной библіотеки».

Цѣль настоящаго сочиненія опредѣляется его заглавіемъ: это не исторія англійскихъ королей и завоевателей, а исторія англійскаго *народа*. Авторъ касается лишь слегка и вкратцѣ частностей войнъ и дипломатическихъ сношеній,

похожденій королей и вельможъ, роскоши двора и интригъ фаворитовъ. Онъ подробно останавливается на явленіяхъ политическаго, духовнаго и общественнаго прогресса, въ которомъ отражается исторія самого народа. Поэтому авторъ отвелъ больше мѣста Чосеру, чѣмъ побѣдѣ при Креси, Кекстону, чѣмъ мелкой борьбѣ Іоркскаго и Ланкастерскаго домовъ, Елизаветинскому закону о бѣдныхъ, чѣмъ побѣдѣ при Кадиксѣ, методистскому возрожденію, чѣмъ бѣгству молодого претендента. Если нѣкоторыя лица англійской военной и политической исторіи занимаютъ въ книгѣ Грина меньше мѣста, чѣмъ это бываетъ обыкновенно, то онъ сдѣлалъ это потому, что сохранялъ мѣсто для фигуръ, обыкновенно мало замѣчаемыхъ исторіей, — фигуръ миссіонера, поэта, книгопечатника, купца, философа.

Признавая, что въ Англіи конституціонный конгрессъ былъ болѣе чѣмъ гдѣлибо результатомъ соціальнаго развитія, Гринъ, насколько позволяла ему краткость изложенія, старается показать на крупныхъ кризисахъ, въ родѣ крестьянскаго возстанія или возникновенія новой монархіи, въ какой степени англійская политическая исторія является результатомъ соціальныхъ перемѣнъ. Наряду съ этимъ, авторъ разбираемаго труда постоянно обращаетъ болѣе вниманія на религіозный, интеллектуальный и промышленный прогрессъ англійскаго народа, чѣмъ это дѣлается въ книгахъ, по размѣрамъ соотвѣтствующихъ разбираемой.

Ш. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. 1814—1896. Переводъ съ французскаго. Часть вторая. Спб. 1897 г. Цѣна 2 рубля. Окончаніе труда Сеньобоса, появившееся въ русскомъ переводѣ (главы XII—XVII и заключеніе), содержитъ послѣднія главы первой части, гдѣ излагается исторія внутренней политики Германіи, Австріи, Швеціи, Норвегіи, Даніи съ герцогствомъ Шлезвигъ и Голштинія, Оттоманской имперіи, Румыніи, Греціи, Сербіи, Черногоріи и Болгаріи (процущена политическая исторія Россіи); затѣмъ слѣдуютъ вторая и третья части *).

Въ послѣдней части своего труда, посвященной внѣшнимъ отношеніямъ между государствами, Сеньобосъ уклоняется отъ обычнаго, со временъ древнихъ историковъ, пріема включать въ политическую исторію повѣствованіе о военныхъ событіяхъ и дипломатическихъ переговорахъ. Эти подробности, необходимыя въ техническихъ исторіяхъ военнаго искусства и дипломатіи, написанныхъ для спеціалистовъ, военныхъ людей и дипломатовъ, по мнѣнію Сеньобоса, неумѣстны въ общей исторіи; онѣ безполезны для уразумѣнія политической эволюціи. Поэтому авторъ приводитъ здѣсь по части событій военныхъ и дипломатическихъ лишь то, что строго необходимо для выясненія того, какимъ образомъ поставлены были вопросы внѣшней политики, въ какомъ смыслѣ и какими средствами они были разрѣшены.

Наибольшій интересъ представляютъ три главы первой части—XV-я, XVI-я и XVII-я (Объединеніе Германіи, Германская имперія и Конституціонное правленіе въ Австріи), затѣмъ вся вторая часть, трактующая о матеріальныхъ условіяхъ политической жизни, о церкви и католическихъ партіяхъ, и о международныхъ революціонныхъ партіяхъ (главы XXI-я, XXII-я и XXIII-я). Въ главѣ о германской имперіи Сеньобосъ даетъ слѣдующія любопытныя данныя о партіяхъ въ рейхстагѣ, начиная съ основанія имперіи:

---

*) См. «Міръ Божій» 1897 г., № 9, библіографія, стр. 70—71.

ПАРТІИ.	1871 г.	1874 г.	1877 г.	1878 г.	1881 г.	1884 г.	1887 г.	1890 г.	1893 г.
Консерваторы	56	21	40	59	51	76	80	71	70
Консервативн. либералы (Reichspartei).	39	36	38	57	27	28	41	21	27
Національные либералы	120	152	127	98	(42) (44)	50	99	42	52
Прогрессисты (Fortschritt, съ 1884— Freisinnige)	46	49	36	25	61	65	32	67	23
Народная партія	2	1	3	3	9	7	0	10	11
Соціалисты	2	9	12	9	12	9	11	24	44
Центръ	63	91	92	94	97	100	98	107	99
Гвельфы	4	4	5	10	10	11	4	11	7
Поляки	14	14	14	14	18	16	13	16	19
Эльзасъ-лотарингцы	—	15	10	15	15	13	15	10	8
Датчане	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Антисемиты	—	—	—	—	—	—	—	4	18

Интересны также статистическія данныя о числѣ голосовъ, какимъ располагала соціалъ-демократическая партія. На выборахъ 1871 г. число избирателей этой партіи равнялось 300.000, въ 1874 г. — 340.000, въ 1877 г. — 480.000, въ 1881 г.—310.000, въ 1884 г.—550.000, въ 1887 г.—763.000, въ 1890 г.—1.427.000, наконецъ, въ 1893 г.—1.700.000.

Несмотря на краткость, а порой даже и конспективность «Политической исторіи современной Европы», трудъ этотъ обладаетъ несомнѣнными достоинствами. Главныя изъ нихъ — это детальная обработка исторіи политическихъ партій и библіографическія указанія, приводимыя въ концѣ каждой главы. Послѣднее дѣлаетъ сочиненіе Сеньобоса важнымъ и полезнымъ пособіемъ для занимающихся новѣйшей исторіей Европы. Переводъ второй части нѣсколько лучше первой, но все же мѣстами не вполнѣ точенъ.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Э. А. Андресъ. «Недостатки рѣчи и борьба противъ нихъ».—*И. К. Хмылевскій».* «Заиканіе».

Э. А. Андресъ. Недостатки рѣчи и борьба противъ нихъ въ семьѣ и школѣ 1897 г. Книга г. Андреса посвящена вопросу, къ сожалѣнію, почти совершенно игнорируемому у насъ не только обществомъ, но даже педагогами и медиками. Если принять во вниманіе распространенность заиканія, глубокое вліяніе его на психическую сферу, возможность не только измѣненія, но и предотвращенія этого недуга, то понятно, что популяризація этого вопроса заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Что касается собственно указанной книги, то отличительная черта ея—компилятивность, что авторъ и самъ оговариваетъ въ предисловіи: «не претендуя на оригинальность, я въ предлагаемомъ руководствѣ попытаюсь изложить все то, что, основываясь на своей долголѣтней практикѣ, считаю необходимымъ для вполнѣ успѣшной борьбы съ недостатками рѣчи какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ». Авторъ знакомитъ съ физіологіей и анатоміей аппарата рѣчи, разстройствами, гигіеной ея въ семьѣ и школѣ и наконецъ съ организаціей курсовъ для заикающихся. Во введеніи приведены интересныя статистическія данныя о распространенности заиканія въ разныхъ государствахъ. Въ Россіи, между прочимъ, 1 заика приходится на 833 чел., что составляетъ 158.750 заикъ. Западная Европа въ этомъ отношеніи даетъ аналогичныя данныя. Статистика дѣтей школьнаго возраста рисуетъ еще болѣе непригляднуюю картину—школа предрасполагаетъ къ развитію заиканія, такъ что къ 13 лѣтнему возрасту число заикъ достигаетъ 2,12%! Интересно отмѣтить, что процентъ заикающихся дѣвочекъ втрое меньше, чѣмъ мальчиковъ.

Ознакомивъ съ механизмомъ рѣчи, слагающимся изъ психо-физіологическаго, дыхательнаго, голосового и артикуляціоннаго акта, авторъ переходитъ къ обзору разстройствъ рѣчи, при чемъ особенно подробно останавливается на заиканіи. Недугъ этотъ представляетъ судорожное сокращеніе мышцъ, завѣдующихъ рѣчью, аналогично нѣкоторымъ профессіональнымъ болѣзнямъ—писчему спазму, спазму піанистовъ и т. п. Заиканіе вліяетъ на весь психическій складъ человѣка: «всѣ заики отличаются большой живостью и пылкостью фантазіи при чрезвычайной застѣнчивости, робости и впечатлительности. Ненормальный перевѣсъ чувствительности обусловливаетъ неровность расположенія духа; чрезмѣрная веселость часто быстро, безъ всякихъ основательныхъ причинъ, смѣняется мрачнымъ настроеніемъ». Заиканіе, слѣдовательно, представляетъ серьезный недугъ, на предотвращеніе котораго уже на первыхъ порахъ развитія рѣчи должно быть обращено самое тщательное вниманіе со стороны родителей и воспитателей; необходимыя для этого мѣры, рекомендуемыя авторитетными медиками и педагогами, обстоятельно и удобопонятно изложены въ книгѣ Э. А. Андреса. Онъ вполнѣ справедливо, между прочимъ, вооружается противъ распространеннаго у насъ и крайне вреднаго обыкновенія обучать дѣтей иностранному языку, а то и нѣсколькимъ, раньше, чѣмъ ребенокъ хорошо усвоитъ свой родной языкъ.

Не менѣе важны обстоятельно изложенныя указанія по гигіенѣ рѣчи въ школѣ; смущеніе, одержимаго хотя бы и незначительнымъ разстройствомъ рѣчи, ребенка, насмѣшки товарищей, безтактность по отношенію къ нему учителя обусловливаютъ весьма значительное распространеніе заиканія въ зависимости отъ школы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, не смотря на предпринятыя мѣры, заиканіе все же укореняется, необходимо прибѣгнуть къ систематическому лѣченію, которое даетъ довольно утѣшительные результаты: какъ видно изъ отчетовъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ институтовъ для заикающихся на Западѣ, 78% излѣчиваются, въ 16% достигается улучшеніе и лишь въ 6% результатъ отрицательный. Кромѣ институтовъ, организованы заграницей при нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ курсы для заикающихся, гдѣ лѣченіемъ ихъ занимаются спеціально къ тому подготовленные преподаватели.

По примѣру Европы, Э. А. Андресъ въ 1893 и 1894 г., по распоряженію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, организовалъ курсы для заикающихся при Первомъ и Александровскомъ кадетскихъ корпусахъ, причемъ получились болѣе или менѣе утѣшительные результаты: нѣкоторые излѣчились, а у остальныхъ достигнуто улучшеніе.

Въ заключеніе авторъ знакомитъ съ организаціей курсовъ и лѣченіемъ заиканія.

Книга г, Андреса можетъ сослужить службу преподавателямъ учебныхъ заведеній и наиболѣе интеллигентнымъ родителямъ; среди публики въ широкомъ смыслѣ слова она едва ли пріобрѣтетъ распространеніе.

Д-ръ И. К. Хмѣлевскій. Заиканіе. Его сущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе. 1897 г., цѣна 1 р. Аналогичную задачу имѣетъ въ виду и г. Хмѣлевскій—борьбу противъ заиканія. Такъ какъ брошюра его составлена на основаніи сочиненій выдающихся спеціалистовъ по вопросу о заиканіи—проф. Сикорскаго, Куссмауля, Гутцмана и др., да и самъ авторъ, лѣчившій многихъ заикъ, обладаетъ извѣстной опытностью въ этомъ дѣлѣ, то по существу какихъ-либо существенныхъ погрѣшностей въ брошюрѣ не замѣчается; лишь вопросъ о цѣлесообразности примѣненія гипноза, на ряду съ другими мѣрами, при лѣченіи заиканія, возбуждаетъ сомнѣніе; особенно страннымъ кажется, что гипнозомъ д-ръ Хмѣлевскій разсчитываетъ, такъ сказать, укрѣпить характеръ паціента—«исправлять недостатокъ выдержки, настойчивости», какъ онъ выражается. Большинство спеціалистовъ относится отрицательно къ примѣненію гипноза при заиканіи, и весьма возможно, что способъ этотъ, даже въ умѣлыхъ рукахъ, можетъ принести въ данномъ случаѣ больше вреда, нежели пользы.

Вполнѣ основательно авторъ подчеркиваетъ необходимость строгой индивидуализаціи, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, терапевтическихъ мѣропріятій, изъ чего слѣдуетъ необходимость медицинской подготовки для лѣченія заиканія. Не весьма полезнымъ суррогатомъ спеціальныхъ лѣчебницъ являются курсы для заикающихся, получившіе заграницей широкое распространеніе, на которыхъ пользованіе заиканія ведется спеціально подготовленными къ тому учителями. Результаты на этихъ курсахъ достигаются весьма утѣшительные, какъ мы видѣли выше. Болѣе тяжелые случаи заиканія безусловно подлежатъ вѣдѣнію спеціальныхъ заведеній, гдѣ, кромѣ разнообразныхъ пріемовъ гимнастики рѣчи, какъ это производится на курсахъ учителями, примѣняется еще, при строгомъ индивидуализированіи, также и лѣченіе водой, массажемъ, электричествомъ, общей гимнастикой и т. п.

Совершенное почти игнорированіе вопроса о заиканіи въ Россіи вызываетъ пожеланіе наивозможно скораго исполненія надежды автора, «что соединенными усиліями врачей и педагоговъ массовое лѣченіе заикающихся въ народныхъ и низшихъ школахъ получитъ современемъ и у насъ должное развитіе и распространеніе, и что количество несчастныхъ дѣтей, обреченныхъ силою своего недуга на безпомощное существованіе, будетъ такимъ образомъ значительно уменьшено».

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

А. Г. Столѣтовъ. «Общедоступныя лекціи и рѣчи».—*А. П. Павловъ.* «Полвѣка въ наукѣ объ ископаемыхъ организмахъ».

Общедоступныя лекціи и рѣчи А. Г. Столѣтова съ фототипическимъ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ К. Тимирязевымъ. Москва. 1897 г. Цѣна 2 р. Въ этой книгѣ собраны публичныя рѣчи и рефераты скончавшагося въ маѣ прошлаго года самаго выдающагося изъ современныхъ намъ русскихъ физиковъ, профессора московскаго университета Александра Григорьевича Столѣтова. Къ сборнику присоединенъ біографическій очеркъ покойнаго ученаго, весьма тепло составленный проф. К. Тимирязевымъ. Передъ вами характеръ, довольно рѣдкій въ настоящее время: человѣкъ точнаго знанія и въ то же время широкаго охвата мысли; человѣкъ крайне самолюбивый, но безъ высокомѣрія, къ сожалѣнію, столь часто свойственнаго «людямъ науки», человѣкъ долга прежде всего, но совершенно чуждый педантизма; профессоръ строгій,

но всегда ревностный и справедливый, не ищущій популярности у молодежи, но пріобрѣтающій ее «строгимъ до щепетильности исполненіемъ принятыхъ на себя по отношенію къ ней обязанностей, въ постоянной заботѣ о томъ, чтобы доставить ей всѣ средства для пріобрѣтенія знаній».

«Учащаяся молодежь,—говоритъ проф. Тимирязевъ,—не могла не сознавать присутствія сильнаго, строгаго ума, широкой культуры и энергической воли, направленной къ тому, чтобы цѣной неустанныхъ трудовъ поставить науку на возможно высокій уровень, а учащій всѣмъ своимъ, можетъ быть, нѣсколько сдержаннымъ, но всегда безукоризненнымъ отношеніемъ выражалъ ей не заискивающее, а дѣйствительное уваженіе... выражалось оно и въ готовности сказать въ ея защиту свое вѣское слово въ тѣхъ случаяхъ академической жизни, когда онъ усматривалъ въ томъ свой нравственный долгъ»...

Наука и университетъ—вотъ чѣмъ жилъ А. Г. Столѣтовъ, но это, казалось, скромное, возможное, скажемъ сильнѣе, даже необходимое совмѣщеніе двухъ дѣятельностей и ускорило конецъ Александра Григорьевича. У насъ, въ Россіи, профессорская дѣятельность часто соединена съ такимъ опаснымъ плаваніемъ между Сциллой и Харибдой, что профессора, дѣйствительно преданные только наукѣ, но въ то же время готовые «сказать свое вѣское слово въ защиту» кого бы то ни было, «сталкиваются съ неблагодарностью, мелкими уколами самолюбію, оскорбленіями», и клеветой. Такъ было и съ А. Г. Столѣтовымъ: онъ посвятилъ московскому университету всю свою жизнь, а за нѣсколько дней до нежданной и внезапной смерти, принужденъ былъ придти къ рѣшимости подать въ отставку, «уйти, наконецъ, изъ той среды, которая омрачила послѣдніе годы его жизни». Къ какому оружію прибѣгали «враги», видно, напр., изъ того, что когда «въ Москвѣ разыгралась одна изъ такъ называемыхъ студенческихъ исторій, былъ *распущенъ слухъ*, что подстрекателемъ въ этой исторіи былъ Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ».

Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь останавливаться на жизни и трудахъ покойнаго физика и отсылаемъ читателя къ прекрасному біографическому очерку проф. Тимирязева.

Въ сборникѣ помѣщено 14 статей: 1) *Г. Р. Кирхгофъ*; 2) *Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ*; 3) *Энергія солнца*; 4) *Физическія лабораторіи у насъ и за границей*; 5) *Жизнь и личность Ньютона*; 6) *Ньютонъ какъ физикъ*; 7) *Эфиръ и электричество*; 8) *Софья Васильевна Ковалевская*; 9) *Г. Ф. Гельмгольтцъ* (*біографическій очеркъ и общая характеристика*); 10) *Работы Гельмгольтца по акустикѣ*; 11) *Заключительныя слова цикла лекцій о Г. Ф. Гельмгольтцѣ*; 12) *Рѣчь Гельмгольтца 2 ноября 1894 г.* (*переводъ А. Г. Столѣтова*); 13) *Гельмгольтцъ и современная физика*; 14) *Леонардо да-Винчи, какъ естествоиспытатель*. Всѣ эти статьи (кромѣ 1-й) были читаны А. Г. Столѣтовымъ въ періодъ отъ 1879 до 1895 г. (включительно) въ общихъ засѣданіяхъ различныхъ *ученыхъ* обществъ.

Уже одно это указываетъ, что врядъ ли возможно назвать ихъ «общедоступными», и дѣйствительно, читатель убѣдится, что доступны эти «лекціи и рѣчи» только тѣмъ, кто прошелъ хорошій средній курсъ физики, не тотъ убогій, который обыкновенно преподается въ нашихъ средне-учебныхъ зведеніяхъ, особенно въ классическихъ гимназіяхъ. Но изъ этихъ статей нужно выдѣлить, какъ болѣе популярныя статьи, носящія біографическій характеръ, каковы 5-я, 7-я, 9-я, 11-я, 12-я и отчасти 14-я. Такой подготовленной публикѣ разбираемая книга принесетъ громадную пользу и будетъ прочитана съ наслажденіемъ. Главнымъ достоинствомъ этихъ лекцій, помимо ихъ строгой научности и точности, является, по нашему мнѣнію, замѣчательная архитектурность ихъ: авторъ дорожитъ матеріаломъ, онъ скупъ на слова. Это не художникъ, щедро

разбрасывающій все богатство своей палитры, но зато дающій зрителю сразу цѣлую, готовую картину,—это именно архитекторъ, строитель, возводящій передъ вами, не спѣша, камень за камнемъ, какую-то постройку, цѣль, значеніе и красоту которой вы можете оцѣнить вполнѣ только въ концѣ, когда она уже красуется передъ вами стройная, величественная, но нѣсколько холодная... Архитекторъ-авторъ не только возводитъ передъ вами ее, но онъ и васъ заставляетъ работать вмѣстѣ съ нимъ... Это, вѣроятно, даже оттолкнетъ нѣкоторыхъ читателей: мы, русскіе привыкли требовать отъ популяризаціи, чтобы она была занятна и читалась легко, какъ романъ, не утруждала бы бѣдную голову, которая такъ много училась въ гимназіи, что больше уже не вмѣщаетъ. Такое отношеніе къ популярной книжкѣ говоритъ, во-первыхъ, о крайне малой подготовленности нашей «большой» публики, а во-вторыхъ, что гораздо печальнѣе, о страшной умственной ея усталости... «Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь», а все же устали. Такимъ «усталымъ» мы, конечно, не можемъ рекомендовать лекцій проф. Столѣтова.

Особенно хороши съ точки зрѣнія этой архитектурности статьи: 2-я—*Очерки развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ* и 7-я—*Эвиръ и электричество*, но въ то же время это и наиболѣе трудныя статьи. Наиболѣе же картинной, наиболѣе блестящей является, по нашему мнѣнію, послѣдняя статья—«*Леонардо да-Винчи, какъ естествоиспытатель*», въ которой авторъ часто останавливается на сравненіи двухъ гигантовъ «художественной индукціи» Винчи и Гете, предвосхитившихъ величайшія научныя идеи нашего времени—первый идею сохраненія энергіи, второй—идею эволюціи; сравненіе, конечно, не въ пользу веймарскаго «олимпійца».

Проф. А. П. Павловъ. Полвѣка въ исторіи науки объ ископаемыхъ организмахъ. 22 рисунка, 88 стр. № 9 изъ серіи «Вопросы науки и искусства, литературы и жизни». Цѣна 40 коп.—«Цѣль этой книжки, — говоритъ проф. Павловъ,—разсказать въ доступной для неспеціалиста формѣ о важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи науки объ ископаемыхъ животныхъ, познакомить съ ея задачами и обратить вниманіе читателя на результаты нѣкоторыхъ изслѣдованій, въ области этой науки имѣющихъ общій интересъ и проливающихъ свѣтъ на сосѣднія области природовѣдѣнія». Авторъ прекрасно выполнилъ поставленную себѣ задачу. Кратко коснувшись, такъ сказать, «доисторическаго» періода палеонтологіи, когда на ископаемые организмы смотрѣли какъ на «игру природы», а появленіе этихъ странныхъ «фигурныхъ камней» объясняли различными фантазіями, авторъ приходитъ къ началу нашего столѣтія, когда среди ученыхъ уже окончательно утвердился правильный взглядъ на окаменѣлости, какъ на ископаемые организмы. Здѣсь проф. Павловъ посвящаетъ нѣсколько словъ англичанину Вильяму Смиту, и затѣмъ довольно подробно останавливается на великомъ трудѣ Кювье, доказавшемъ, что ископаемые организмы—дѣйствительно вымершіе организмы, что землю въ различныя геологическія эпохи населяли различныя фауны; передъ глазами удивленныхъ современниковъ Кювье воскресилъ палеотерія, аноплотерія, ксифодонта и создалъ науку—*палеонтологію*; на вновь проторенный путь выступаетъ цѣлая фаланга ученыхъ и довольно быстро накопляется громадный фактическій матеріалъ, который и позволяетъ *Пикте* въ 1846 году выпустить въ свѣтъ первую подробную палеонтологію. Въ 1893 году проф. Циттель окончилъ печатаніемъ свой громадный трудъ — курсъ палеонтологіи. Въ своей брошюрѣ проф. Павловъ и даетъ намъ картину прогресса, который совершила наука объ ископаемыхъ организмахъ за 50-ти-лѣтній промежутокъ между появленіями этихъ двухъ знаменитыхъ курсовъ. Этотъ прогрессъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, состоитъ въ пріобрѣтеніи новаго фактическаго матеріала, въ его освѣщеніи съ такихъ сторонъ, какія и не предвидѣлись ученымъ первой половины текущаго столѣтія».

Какъ разросся фактическій матеріалъ, видно изъ того, что курсъ Циттеля вчетверо больше курса Пикте, несмотря на то, что первый отличается крайней сжатостью изложенія сравнительно со вторымъ. Насколько же измѣнилось «освѣщеніе» этого матеріала? Для неспеціалиста особенно важна эта философская сторона вопроса и проф. Павловъ даетъ блестящую картину тѣхъ 2-хъ теорій, изъ которыхъ одна царила въ палеонтологіи до появленія знаменитаго сочиненія Дарвина, другая господствуетъ теперь. Первая изъ нихъ, созданная Кювье,—теорія «послѣдовательныхъ твореній». Эта теорія тѣсно связана съ современной ей, чисто-геологической теоріей катастрофъ, по которой времена покоя прерывались въ жизни земли катаклизмами, катастрофами, измѣнявшими земную поверхность и уничтожавшими на ней все живое; послѣ такой катастрофы слѣдовалъ новый «актъ творенія»—появлялась флора и фауна, почти совершенно отличная отъ только что уничтоженной. Вторая теорія—*эволюціонная*, положившая въ основу измѣняемость видовъ и ихъ прогрессивное развитіе, общепринятая въ настоящее время. Проф. Павловъ съ замѣчательной яркостью обрисовываетъ значеніе Дарвина въ дѣлѣ развитія палеонтологіи. «Разъ задача была поставлена, и указано огромное значеніе ожидавшихся выводовъ, наука вступила на новый путь... Открытіе послѣдовало за открытіемъ. Ожиданія оправдывались. Многіе ископаемые виды и роды, до тѣхъ поръ изолированные, стали связываться въ болѣе или менѣе длинные родословные роды; нѣкоторые изъ этихъ родовъ естественно завершались современными формами»... Авторъ проводитъ передъ читателями нѣкоторые изъ этихъ родословныхъ рядовъ, останавливается на лужанкахъ (палюдинахъ), на предкахъ лошади, на парнопалыхъ копытныхъ, выясняетъ на примѣрахъ, что измѣненіе вида далеко не всегда прогрессивно, далеко не всегда ведетъ къ торжеству измѣняющагося ряда, а напротивъ, иногда приводитъ его къ постепенному вымиранію; много мѣста удѣляетъ авторъ и такъ называемымъ сборнымъ типамъ и переходнымъ группамъ. Мы убѣждены, что всякій, прочитавшій брошюру проф. Павлова, долженъ сказать вмѣстѣ съ авторомъ: «когда мы видимъ передъ собою хотя и блѣдныя, но осязательныя черты прежнихъ обитателей земли и узнаемъ повѣсть о тѣхъ событіяхъ, которыхъ они были свидѣтелями, современный намъ міръ начинаетъ освѣщаться для насъ съ новыхъ точекъ зрѣнія»...

Брошюра проф. Павлова разсчитана на самую широкую публику, она не требуетъ никакой предварительной подготовки, всякій читатель можетъ легко прочесть ее, и всѣмъ, незнакомымъ съ геологіей, она откроетъ широкія и неожиданныя перспективы.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го сентября по 15-е октября 1897 года.

Н. Н. Златовратскій. Сочиненія. Изд. III, дополненное, въ III томахъ съ портретомъ автора. Москва 1897.

Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. Москва. 1897. Ц. 2 р. 25 к.

К. К. Случевскій. По сѣверо-западу Россіи. Т. I съ картою Сѣвернаго края и 146 рис. Изд. Маркса. Спб. 1898. Тоже т. II, съ картою Западнаго края и 159 рис. Ц. за оба тома 7 р., съ пер. 8 руб.

Д-ръ Карлъ Клаусъ. Основы зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Т. II. Изд. Мамонтова. Москва. 1898. Ц. 5 р.

Д-ръ Хмѣлевскій. Заиканіе, его сущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе. Популярный очеркъ. Одесса. 1897. Ц. 1 руб.

Т. Паркеръ. Лекціи по элементарной біологіи съ 88 рис. Изд. Сабашниковыхъ. Серія учебниковъ по біологіи. Москва. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

Юрій Веселовскій. Стихотворные переводы. Вып. I. Москва. 1898. Ц. 50 к.

Плато Ф. Рейсенеръ. Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука XII изданіе. Варшава. 1897. Ц. 10 коп.

Травосѣяніе въ Вятской губерніи. Составилъ А. Новиковъ. Изд. вятскаго губ. земства. Вятка. 1897.

А. Осиповичъ (А. О. Новодворскій). Собраніе сочиненій. Спб. 1897. Изд. Батуева. Ц. безъ пер. 1 р. 50 к.

Журналы Вятскаго губернскаго земскаго собранія XXX очередной сессіи и приложенія къ нимъ. Вятка. 1897.

Труды VI съѣзда агрономовъ вятскаго губернскаго земства. 1896 г. Вятка. 1896.

Серафима Аргамакова. Дѣйствительность, мечты и разсужденія провинціалки. Спб. 1897. Ц. 75 к.

К. Э. Францозъ. Сендеръ Глайтизъ. Ром. въ пяти книгахъ изъ еврейской народной жизни. Спб. 1896. Ц. 2 р. 50 коп.

Г. К. Дорофеевъ. Кавказскія сказки и преданія. Тифлисъ. 1897. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. Сочиненія. Т. V. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Ц. 2 р.

П. Казанскій. Международный союзъ книговѣдѣнія. Одесса. 1897.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. I. Изд. кн. склада Муриновой «Научно-образовательная библіотека». Москва. 1897. Ц. 12 коп.

Л. Я. Апостоловъ. Географическій очеркъ Кубанской области, съ картами Кубанской области, планомъ г. Екатеринодара и др. рис. Тифлисъ. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Г. Гиддингсъ. Основанія соціологіи. Москва. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Гербертъ Спенсеръ. Основанія психологіи. Части I—V, съ табл. рис. Изд. Сытина. Спб. 1897. Ц. за всѣ 4 тома 4 р. 50 к безъ пер.

Е. Д. Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Изд. П. Сытина. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Программы домашняго чтенія на 3-ій годъ систематическаго курса. Москва. 1897 Ц. 50 к. безъ пересылки.

В. Д. Смирновъ. Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и заграницей. Спб. 1897. Ц. 1 руб.

Фр. Кейра. Характеръ и нравственное воспитаніе. Изд. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Фридрихъ Кирхнеръ. Путь къ счастью (пер. съ нѣм.). Изд. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Т. Рибо. Психологія чувствъ. (Пер. съ франц.). Изд. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 80 коп.

Ф. Фэдо. Бобаникъ любитель (пер. съ франц.). Изд. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 1 руб.

Испанскія сказки. Изд. Павленкова. «Иллюстрированная сказочная библіотека» 2

выпуска №№ 79 и 80. Ц. кажд. вып. 15 коп.

Перро. Сказки. Изд. Павленкова «Иллюстрированная сказочная библіотека». 2 выпуска №№ 81 и 82. Ц. кажд. вып. 15 к.

Жюль Пейо. О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки. Изд. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 50 коп.

Я. В. Абрамовъ. Аренда и наемъ имуществъ. Изд. Павленкова. «Популярно-юридическая библіотека. Спб. 1897. Ц. 25 коп.

Докторъ L. Landois. Учебникъ физіологіи человѣка со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи (съ 375 рисунками). Изд. П, Б. П. Хавкина. Хар. 1898. Ц. 8 р. 50 к.

Проф. Н. М. Любимовъ. Способы распространенія заразныхъ болѣзней. Публичная лекція. Казань. 1897. Ц. 20 коп.

Его же. О борьбѣ съ заразными болѣзнями. Публичная лекція. Изд. 2-е. Казань. 1897. Ц. 20 коп.

Максъ Шиппель. Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1894. Ц. 50 коп.

Я. В. Абрамовъ. Ибсенъ и Бьернсонъ. Литературная характеристика (съ двумя портр.). Изд. Городецкаго. «Популярная библіотека». Спб. 1897. Ц. 30 коп.

Его же. Два великихъ француза: Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Изд. Городецкаго. Спб. 1897. Ц. 20 к.

М. Б. Городецкій. Подъ землей. (Очерки и картинки съ натуры). Изд. Городецкаго. Спб. 1897. Ц. 30 коп.

Врачъ Е. С. Гребенюкъ. Совѣты мужчинамъ и женщинамъ, какъ предохранить себя отъ зараженія сифилисомъ. Спб. 1897. Ц. 25 коп.

Эмиль Фишеръ. Руководство къ приготовленію органическихъ препаратовъ. Рига. 1897. Ц. 65 коп.

Проф. И. Г. Оршанскій. Измѣреніе психическихъ явленій. Хар. 1897.

Н. Рождественскій. Вѣщіе сны. (Значеніе въ жизни человѣка сна и сновидѣній. Источникъ происхожденія вѣщихъ сновъ. Вѣра въ вѣщіе сны въ древнія и новыя времена). Спб. 1897. Ц. 40 коп.

Н. Рейхесбергъ. Статистика и наука объ обществѣ. Изд. редакціи журн. «Образованіе». Спб. 1898. Ц. 50 коп.

Журналъ VI съѣзда агрономовъ вятскаго губ. земства. 1896 года. Вятка. 1896.

Годичный отчетъ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы за 1896—1897 гг. Москва. 1897.

Годовой отчетъ Общества распространенія Св. Писанія (за 1896 годъ). Спб. 1897.

Уставъ Азовской общественной библіотеки. Рост. на Дону. 1897.

Уставъ Угличской публичной библіотеки. Угличь. 1897.

Отчетъ за второй операціонный годъ Московскаго Общества потребителей «Взаимная польза». Москва. 1897.

В. Уминскій. На шарѣ къ полюсу (съ рисунками). Спб. 1898. Ц. 1 руб.

Его же. Невѣдомый міръ (Марсъ и его жители) съ рисунками. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Изданія О. Н. Поповой:

И. Сѣченовъ. Физіологическіе очерки. Ч. I (съ 15 рис.). Спб. 1898. Ц. 60 коп.

Антонъ Лампа. Силы природы и естественные законы. Часть II (съ 8 портретами). Спб. 1898. Ц. 50 коп.

Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Луи Бертранъ. Общества взаимной помощи въ Бельгіи. Спб. 1898. Ц. 60 к.

І. Янсенъ. Экономическое правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 коп.

Фритіофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и вольдахъ. Томъ I, вып. VI и VII.

Тоже. Томъ II. Цѣна за 2 тома 4 р., въ пер. 5 руб.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

La France d'après les cahiers de 1789. par Edme Champion. Pards, 1897.

I.

Мы намѣрены вести рѣчь о предметѣ, занимающемъ весьма странное положеніе въ кругу культурныхъ интересовъ такъ называемой большой публики. Предметъ неразрывно связанъ съ великимъ историческимъ явленіемъ, извѣстнымъ всякому болѣе или менѣе образованному человѣку, съ французской революціей, и по существу связанъ настолько тѣсно, какъ, напримѣръ, умозаключеніе силлогизма съ его посылками. И все-таки, при всей популярности умозаключенія, посылки на этотъ разъ остаются для громаднаго большинства не только неясными, а просто недоступными.

Мы говоримъ о документахъ, носящихъ крайне блѣдное и краснорѣчивое наименованіе *cahiers*, *тетрадей*.

Такое значеніе документовъ могло быть создано только совершенно исключительными обстоятельствами, при какихъ они возникли. Государь, въ теченіе вѣковъ не слыхавшій голоса своего народа, обратился къ этому самому народу за совѣтами, за помощью въ виду грозящей государственной катастрофы. Онъ желалъ слышать желанія и мнѣнія не только сильныхъ и просвѣщенныхъ, но даже «обывателей захолустныхъ и почти неизвѣстныхъ мѣстностей». Такъ выражался правительственный указъ, сопровождая приглашеніе крайне чувствительными истинно отеческими изліяніями монарха по адресу послѣднихъ подданныхъ.

И подданные откликнулись съ чрезвычайной стремительностью, какъ и слѣдовало ожидать. Къ трону со всѣхъ краевъ страны полились годами накипѣвшія слезы и вѣками наболѣвшія боли. Милостивыя слова короля упали на истомленныя сердца, будто влага на сожженную почву, и заговорили даже тѣ, кто въ теченіе всей жизни только развѣ нечленораздѣльными звуками выражалъ непосредственные порывы гнѣва и обиды. Король хотѣлъ искренности и довѣрчивости и получилъ ихъ сторицею.

«Дѣти» не находили словъ достойно наименовать своего августѣйшаго благодѣтеля. Онъ—«возродитель націи», «отецъ отечества», «соревнователь Карла Великаго», Людовикъ—*французскій* по преимуществу. Вся страна должна покрыться монументами и статуями въ честь его, въ бѣднѣйшихъ деревняхъ будутъ посажены заповѣдныя деревья имени Людовика XVI... Это по истинѣ праздникъ чувства, наивный, но глубоко искренній и трогательный.

Въ такомъ настроеніи французы писали свои *cahiers*. Но за настроеніемъ слѣдовало и дѣло: государь требовалъ отчета о положеніи своихъ подданныхъ, и ему данъ былъ отчетъ, подробностями, житейскимъ смысломъ, обстоятельностью и, главное, фактической правдой превосходившій все, что́ могла бы представить самая идеальная коммиссія чиновныхъ изслѣдователей.

Развѣ это не оригинальнѣйшее произведеніе если не государственнаго ума, то всесторонней практической мудрости?

И какая картина развернулась на этихъ свиткахъ! Отъ столицы до Богомъ и людьми забытой деревушки—вся страна на вѣки вписала сюда исторію своего бытія, оцѣнила своихъ правителей, свои законы, подписала приговоръ своему благоденствію и мирному житію.

И все это произошло наканунѣ великаго переворота, страшнаго кроваваго ниспроверженія стараго порядка, и глубокаго преобразованія всего строя національной жизни. Никто изъ авторовъ *тетрадей* не ждалъ грозы и еще менѣе грезилъ кровью. Революція нависла надъ страной, будто лѣтняя туча, едва успѣвъ закрыть ослѣпительное солнце идиллическихъ чувствъ и блаженныхъ упованій. И катастрофа оказалась на столько сильной, что не только современники, но даже отдаленное потомство все еще не можетъ отдать спокойнаго отчета въ смыслѣ стихійнаго разгрома и мечется между двумя полюсами—лирической легендой и фантастическимъ пасквилемъ.

Казалось бы, ни то, ни другое отношеніе не имѣетъ ни малѣйшаго права на существованіе. Сильныя чувства еще мыслимы, когда вопросъ идетъ о дѣйствіяхъ отдѣльной личности или партіи, но можно ли впадать въ паѳосъ по поводу мірового историческаго явленія? Вѣдь оно, несомнѣнно, внѣ человѣческой воли, какъ силы независимо творческой и направляющей. Рядомъ съ талантами и страстями людей здѣсь дѣйствуетъ нѣчто, никѣмъ въ данную минуту не подготовленное и не предусмотрѣнное, разрѣшается давно назрѣвшій процессъ и въ этомъ движеніи часто самонадѣяннѣйшіе герои въ сущности оказываются пассивными орудіями не поставленныхъ и даже не сознанныхъ ими цѣлей.

И именно, къ французской революціи этотъ законъ, повидимому, болѣе всего приложимъ по самой внезапности катастрофы, по ея стремительной и всеобъемлющей мощи. Но человѣческому уму трудно подняться до безличнаго и безстрастнаго суда.

Въ результатѣ, революція попала на скамью подсудимыхъ и не покидаетъ ея до послѣднихъ дней.

Такъ именно поступилъ съ революціей Тэнъ, по злополучнѣйшей ироніи судьбы стяжавшій имя историка и ученаго.

Но какъ же, спросите вы, возможно такое недоразумѣніе, когда сама Франція наканунѣ революціи подробнѣйшимъ образомъ изобразила свое политическое, нравственное и экономическое положеніе? Вѣдь историку слѣдуетъ только изучить это описаніе и прикинуть его черты къ позднѣйшимъ событіямъ: приложимы ли здѣсь понятія причинъ и слѣдствій? Это настоятельнѣйшій и азбучно обязательный вопросъ, при томъ отнюдь не сложный и не двусмысленный.

Его именно и миновалъ историкъ. Онъ предпочелъ перечитать цѣлыя библіотеки мемуаровъ, извлечь оттуда бездну анекдотовъ

и сплетней, пересмотрѣть архивы всевозможныхъ административныхъ мѣстъ и донесенія оффиціальныхъ лицъ, но какъ разъ голосъ самой націи не удостоился его вниманія. Онъ вообразилъ видѣть болѣе вѣрную картину дореволюціонной Франціи въ зеркалѣ какого-нибудь салоннаго франта, полицейскаго агента, благородной искательницы приключеній, чѣмъ въ подлинныхъ рѣчахъ горожанъ, крестьянъ и лучшихъ свидѣтелей своего времени. Даже его источники безпрестанно твердили ему, что *cahiers* выражаютъ мысли и чувства «людей честныхъ и просвѣщенныхъ», слѣдовательно, должны быть оцѣнены раньше всѣхъ тайныхъ и явныхъ оффиціальныхъ и частныхъ бумагъ [1]).

Но нагляднѣйшее обязательство оказалось невыполненнымъ, взамѣнъ его дана была полная свобода сомнительнымъ литературнымъ жанрамъ, въ родѣ памфлета, каррикатуры, сарказма и замаскированной клеветы.

И все-таки Тэнъ успѣлъ прославиться и его книги о революціи попали даже въ авторитетныя руководства у кое-какихъ профессоровъ.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, а между тѣмъ вопросъ почти не двинулся впередъ. Французское правительство, несомнѣнно культурное, дружественное всяческимъ научнымъ и просвѣтительнымъ начинаніямъ, расходующее не мало средствъ на ученыя изданія и сборники документовъ, относительно *cahiers* почти ничего не сдѣлало.

До сихъ поръ издано семь томовъ, изъ нихъ небольшая часть перваго и слѣдующіе пять представляютъ перепечатку *тетрадей*, седьмой томъ наполненъ указателемъ. Въ общемъ это лишь малая доля всѣхъ инструкцій, проектовъ и челобитныхъ, отправленныхъ Франціей въ генеральные штаты. Въ сборникѣ меньше всего какъ разъ самыхъ любопытныхъ и поучительныхъ посланій отъ деревень. Потомъ существуетъ нѣсколько частныхъ и провинціальныхъ изданій, сдѣланныхъ небрежно, наскоро, такъ же, какъ и главное оффиціальное изданіе. Достаточно сказать, что французскіе архивы даже не владѣютъ всѣмъ количествомъ *тетрадей*: нѣкоторыя — и опять-таки изъ самыхъ важныхъ — находятся въ Британскомъ музеѣ. Въ такомъ положеніи основной первоисточникъ революціонной исторіи.

Становится понятнымъ интересъ, вызываемый у насъ какой бы то ни было новой работой по столь, можно сказать, преступно заброшенному предмету.

Небольшая книга Шампіона не представляетъ ничего поразительнаго и вообще замѣчательнаго. Существенная заслуга автора, что онъ лишній разъ напоминаетъ о громадномъ пробѣлѣ въ новой исторической наукѣ. Но предметъ самъ по себѣ до такой степени значителенъ и изобиленъ новыми и краснорѣчивыми выводами, что всякая обработка его даетъ непремѣнно самые плодотворные результаты.

Авторъ не задавался широкими оригинальными цѣлями. Онъ хотѣлъ собрать болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія для характеристики дореволюціонной Франціи.

---

[1]) Malouet, *Mémoires*. Paris. 1868, I, 330.

Мы больше были бы обязаны автору, если бы онъ просто издалъ нѣсколько неизвѣстныхъ до сихъ поръ *cahiers*. Теперь же крайне трудно опредѣлить, что составляетъ личный вкладъ историка. Большинство его ссылокъ все-таки направлено на *парламентскіе архивы*, т. е. на оффиціальное изданіе *тетрадей*. Мы можемъ даже сказать, что эти ссылки далеко не всегда полны и тщательны: авторъ слишкомъ съуживаетъ рамки и подчасъ даетъ мѣсто только крайне незначительному матеріалу.

Мы дополнимъ недосказанное и, насколько возможно, воспользуемся существеннѣйшими свидѣтельствами замѣчательныхъ документовъ не только о фактическомъ положеніи страны наканунѣ революціи, но, что, пожалуй, еще поучительнѣе, о планахъ и идеалахъ націи наканунѣ ея перехода въ новую эпоху.

II.

Для Тэна бунтовщики заняли мѣсто преобразователей.

На этой картинѣ построена вся «ученая» работа Тэна, и эта идея моментальнаго умопомѣшательства цѣлой страны исчерпываетъ всю его политическую философію.

«Непонятно,—отвѣчаетъ на его краснорѣчіе нашъ авторъ,—какъ можно говорить подобнымъ языкомъ, если только предварительно перелистать первые томы *Парламентскихъ архивовъ*, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ минутъ».

Эти томы прежде всего чуть не на каждой страницѣ будутъ кричать объ одномъ и томъ же фактѣ: Франція Людовика XVI не имѣла никакого государственнаго порядка, генеральнымъ штатамъ рѣшительно нечего было преобразовывать и исправлять, такъ какъ хаосъ и анархія—нѣчто, совершенно неподлежащее частичнымъ поправкамъ. А именно, какъ анархію, Франція изображала свой внутренній строй, часто описывая совершенно невѣроятные факты всяческой смуты, произвола и безнадежнаго политическаго разложенія государства.

Дворянство одной провинціи въ четырехъ словахъ дало точное представленіе объ экономическомъ состояніи страны: *Dette enorme—crédit nul*, т. е. громадный долгъ и никакого кредита. Именно этотъ фактъ и заставилъ правительство обратиться къ народу: причина и слѣдствіе достаточно краснорѣчиво свидѣтельствовали, какой могъ быть порядокъ при подобномъ финансовомъ положеніи королевства?

Но этого мало.

Инструкціи всѣхъ трехъ сословій неистощимы въ удручающихъ примѣрахъ повсемѣстной путаницы, безначалія и вопіющихъ нелѣпостей.

Можетъ ли государство считаться упорядоченнымъ, гдѣ нѣтъ ни опредѣленныхъ для всей страны обязательныхъ законовъ, гдѣ административныя и финансовыя подраздѣленія территоріи неизвѣстны самимъ агентамъ правительства, гдѣ не существуетъ единообразной администраціи часто въ одной и той же деревнѣ, гдѣ правительство не знаетъ цифры населенія, гдѣ на каждомъ шагу у центральной власти является конкуррентъ по части всякаго рода взиманій—въ лицѣ феодальнаго владѣтеля, служителя

церкви, откупщика, просто разбогатѣвшаго аферисга, стяжавшаго себѣ дворянскій гербъ за единовременный взносъ, гдѣ, наконецъ, священнѣйшая функція правительства—правосудіе—находится на откупу.

Мы могли бы составить еще болѣе длинный періодъ и все-таки не исчерпали бы всей бездны неправдъ и уродствъ, царившихъ вѣками надъ несчастной страной.

Можно совершенно серьезно задать вопросъ, что дѣлало французское правительство, если не считать войнъ и придворныхъ празднествъ? Правда, оно по временамъ будто просыпалось и давало довольно основательныя распоряженія. Но всѣ добрыя начинанія, даже санкціонированныя королемъ, пропадали безслѣдно, перетирались въ прахъ и пыль въ колесахъ ржавой рутины и и неизлѣчимаго произвола тьмы низшихъ властителей.

Если изучать старую французскую исторію по канцелярскимъ бумагамъ, какъ это дѣлалъ Тэнъ и даже Токвиль, можно получить совершенно превратную картину. Канцеляріи сообщатъ о многочисленныхъ реформахъ, какъ совершившихся фактахъ, въ дѣйствительности реформы продолжали оставаться прекрасными, но невыполнимыми проектами благонамѣренной власти. Это засвидѣтельствуютъ инструкціи избирателей генеральнымъ штатамъ, и безъ этого единственнаго свидѣтельства подлинная правда королевскаго режима такъ бы и потонула въ омутѣ разныхъ циркуляровъ, донесеній, отчетовъ и прочихъ чиновничьихъ измышленій.

Вообще указамъ короля повиновался кто захотѣлъ. Нѣтъ ничего комичнѣе и неправдоподобнѣе представленія именно о королевскомъ деспотизмѣ въ дореволюціонной Франціи. Напротивъ, именно монархъ и являлся самымъ безсильнымъ, можно сказать, платоническимъ представителемъ власти.

Она практиковалась по мелочамъ министрами, интендантами и всѣми, кого облекалъ казенный мундиръ, и практиковалась такъ, какъ только и возможно при анархическомъ состояніи государства.

Cahiers такъ характеризуетъ этотъ предметъ;

«Нѣтъ ни одного министерства и въ каждомъ министерствѣ нѣтъ ни одной канцеляріи, которыя бы не вели дѣла на манеръ совершенно независимой державы, состоящей въ войнѣ со всѣми остальными и считающей просто своей частной добычей всякую власть и всякій доходъ, какой только она можетъ извлечь за свой счетъ. Ни у кого нѣтъ и мысли о томъ, что существуетъ одно государство, одинъ король, одно отечество, и что все должно быть подчинено ихъ интересамъ. А если кто и осмѣливается обнаружить подобное представленіе, его сейчасъ объявляютъ мечтателемъ, философомъ».

Инструкціи часто умоляютъ короля о тѣхъ реформахъ, какія, по даннымъ оффиціальнаго законодательства, считались давно проведенными въ жизнь. Печальнѣе всего, что такая судьба постигала не только административныя распоряженія правительства, но и его мѣропріятія по пути народнаго просвѣщенія.

Существовали указы объ учрежденіи начальныхъ школъ по всѣмъ приходамъ еще съ конца XVII-го вѣка. Повторялись они и позже,—и все-таки современникамъ 89-го года приходилось жаловаться на недостатокъ школъ во всемъ государствѣ!

Такъ управлялась Франція!

Отдѣльныя провинціи припоминаютъ, что они когда-то составляли независимыя политическія единицы. Провансъ готовъ именовать французскаго короля графомъ Прованскимъ, Наварра требуетъ права чеканить монету и говоритъ о себѣ, какъ о «королевствѣ», Беарнъ именуетъ себя «отдѣльной державой». Не мало и другихъ.

Очевидно, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ короли, царствовавшіе изъ Парижа, не съумѣли создать единаго государства,—единаго по національному чувству и политическимъ стремленіямъ. Задолго до революціонной смуты страна глухо кипѣла всевозможнымъ недовольствомъ, мучилась въ безъисходныхъ недоразумѣніяхъ, въ неоправданныхъ надеждахъ, среди старинныхъ попранныхъ и ничѣмъ не возмѣщенныхъ правъ.

Нашъ авторъ указываетъ, сколько наивности проявилъ даже такой добросовѣстный изслѣдователь, какъ Токвиль, съ искреннимъ довѣріемъ и съ бенедиктинскимъ терпѣніемъ перечитавшій груды интендантскихъ отчетовъ и всякихъ другихъ административныхъ документовъ.

Они нерѣдко составлялись съ такой же основательностью, какъ, напримѣръ, крестьянами опредѣляются разстоянія по проселочнымъ дорогамъ или импровизированными статистиками фабрикуются свѣдѣнія о какихъ угодно явленіяхъ народной жизни.

Это касается одинаково экономическихъ фактовъ и основныхъ порядковъ мѣстнаго управленія.

Cahiers безпрестанно уличаютъ правительство въ его ошибкахъ по счисленію налоговъ, въ невѣдѣніи количества земли и населенія отдѣльныхъ провинцій, при чемъ часто самыя незначительныя и легко измѣряемыя мѣстности являлись совершенно неузнаваемыми въ оффиціальныхъ отчетахъ.

Все дѣло производилось, очевидно, по догадкѣ, на глазъ, по мимолетному вдохновенію, и никого не безпокоила эта изъ года въ годъ нараставшая бездна подлоговъ и нелѣпостей, за исключеніемъ только непосредственныхъ жертвъ чиновничьяго легкомыслія. Вплоть до революціи даже населеніе многихъ городовъ составляло для правительства тайну. Легко представить, какъ распредѣлялись налоги, какъ вообще осуществлялось возможное благоустройство и правда законовъ и государственнаго порядка!

И такъ вездѣ и во всемъ.

Токвиль совершенно извратилъ дѣйствительное политическое положеніе нѣкоторыхъ мѣстностей—на основаніи лживыхъ административныхъ донесеній. Историкъ вообразилъ, напримѣръ, что Лангдокъ наслаждался полнымъ самоуправленіемъ, мѣстная провинціальная жизнь развивалась внѣ насильственныхъ врываетельствъ администраціи, мѣстные штаты собирались и обсуждали свои дѣла безъ участія правительственныхъ агентовъ.

Картина умилительная, но совершенно опровергаемая инструкціями лангдокскаго населенія. Оно безусловно недовольно своими штатами, оно даже требуетъ ихъ уничтоженія, и по очень простой причинѣ: лангдокское самоуправленіе — пустой призракъ, игрушка въ рукахъ «королевской коммиссіи», члены штатовъ—просто правительственные коммиссары.

Такова дѣйствительность со словъ самихъ заинтересованныхъ лицъ. Сколько же наивныхъ самообмановъ, ложныхъ выводовъ

*

могли бы избѣжать историки, черпая свой матеріалъ изъ чистѣйшаго источника!

Тотъ же Токвиль пріобрѣлъ даже спеціальную извѣстность однимъ великимъ открытіемъ, именно на счетъ большаго развитія личной земельной собственности въ дореволюціонной Франціи. Этотъ фактъ считается едва ли не важнѣйшимъ завоеваніемъ трудолюбиваго изыскателя.

Но, къ сожалѣнію, онъ опять основанъ на канцелярскихъ документахъ и опять далеко не совпадаетъ съ фактическимъ положеніемъ дѣла.

Изъ *Cahiers* мы узнаемъ, какъ составлялись списки собственниковъ при старомъ порядкѣ.

Составители сплошь и рядомъ «не знали ни лицъ, ни имуществъ», подлежавшихъ налогамъ, и все-таки давали по формѣ тщательные и точные отчеты — потомъ, считаться собственникомъ на казенной бумагѣ и быть имъ на самомъ дѣлѣ — вещи совершенно различныя въ монархіи французскихъ Людовиковъ. Челобитныя перечислятъ вамъ сколько угодно мѣстностей, гдѣ болѣе чѣмъ львиная доля земли принадлежала сеньеру, церкви, а часто и вся земля составляла собственность одного лица. Легко представить, какимъ наслажденіемъ оказывалась подобная «мелкая собственность» для мелкихъ владѣльцевъ! И, понятно, *cahiers* неистощимы въ жалобахъ какъ разъ на участь этихъ пасынковъ своего отечества и своей собственной земли. Наконецъ, надо помнить — а это именно и забылъ Токвиль, — на языкѣ старой администраціи собственниками именовались и арендаторы въ теченіе срока аренды. Но что же общаго между этой собственностью и той экономической независимостью, какая дѣйствительно доступна настоящимъ собственникамъ?

Много вносятъ существенныхъ поправокъ тѣ же *cahiers* и въ другія, не менѣе прискорбныя иллюзіи историковъ.

Если опять остановиться на оффиціальныхъ цифрахъ, феодальныя обязательства можно счесть довольно легкими. Денежныхъ доходовъ сеньеры получали не особенно много и чистая матеріальная польза отъ феодальной зависимости была незначительна. Но это отнюдь не рѣшеніе вопроса.

Дѣло не въ чистыхъ доходахъ, а многочисленныхъ сопутствовавшихъ обстоятельствахъ. Рабство являлось невыносимымъ бременемъ не столько благодаря результатамъ вымогательствъ, сколько практикѣ и разнымъ мелкимъ и крупнымъ мытарствамъ подданнаго.

Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сеньёръ получалъ извѣстную часть жатвы, въ общемъ довольно скромную. Но на практикѣ это означало, что земледѣлецъ не могъ собрать урожая до осмотра его агентомъ, хотя бы всѣ стихіи угрожали его труду полною гибелью, потомъ онъ обязанъ былъ сложить зерно непремѣнно въ указанное ему мѣсто. Все это въ деревенской практикѣ, въ періодъ лѣтней страды, на каждомъ шагу создавало множество затрудненій, причиняло бездну ущерба и потерь.

Дальше, во всей странѣ существовалъ обычай, заставлявшій крестьянъ молоть хлѣбъ непремѣнно на мельницѣ сеньёра. На первый взглядъ, ничего особеннаго, но въ дѣйствительности часто полное разореніе вассала: приходилось хлѣбъ везти по ужаснымъ дорогамъ, дожидаться очереди по нѣскольку дней, принимать муку

дурно смолотую, подвергаться всевозможнымъ притѣсненіямъ своевластныхъ мельниковъ.

Все это *cahiers* описываютъ съ простымъ, но захватывающимъ краснорѣчіемъ самой жизни, и вы вполнѣ соглашаетесь съ ихъ выводомъ: феодальныя повинности ничтожны и малоцѣнны для сеньёровъ сравнительно съ тѣмъ, что они стоятъ народу.

Очевидно, центръ тяжести въ обстановкѣ, а не въ отвлеченной цифрѣ. При другихъ порядкахъ можно бы собрать гораздо больше налоговъ и повинностей съ несравненно меньшимъ ущербомъ народному благосостоянію и безъ кровныхъ насилій надъ личностями плательщиковъ. Но анархія стараго режима именно на томъ стояла, чтобы каждый грошъ доставать будто со дна души плательщика и всякій гражданскій долгъ превращать въ испытаніе.

Наконецъ, *cahiers* вскрываютъ еще одинъ фактъ, окончательно подрывающій точность самыхъ подробныхъ и пространныхъ описаній дореволюціонныхъ повинностей. Сеньёры безпрестанно изощрялись въ изобрѣтеніи и открытіи новыхъ феодальныхъ обязательствъ. Открытія превратились въ своего рода профессію благородныхъ архиваріусовъ: въ глубинѣ вѣковъ, въ пыли фамильныхъ пергаментовъ они всякую минуту могли нащупать желаемое *право* и невозбранно принимались осуществлять его на подлежащемъ населеніи. Здѣсь все оказывалось умѣстнымъ и захватъ земель, и новое обложеніе, и небывалая барщина.

Очевидно, при такихъ порядкахъ ничего не могло быть устойчивымъ и опредѣленнымъ. Составители *cahiers* прямо молятъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, сеньеры свои *права* оправдывали какими-нибудь вразумительными основаніями. И несомнѣнно, съ теченіемъ времени изобрѣтательность могла только развиться при всеобщемъ разореніи высшаго дворянства. Революція застала процессъ отнюдь не въ истощеніи, а въ полномъ и энергичномъ движеніи впередъ.

Намъ достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы оцѣнить бытовое значеніе инструкцій и всю громадную пользу, какую онѣ могутъ принести историку. Только онѣ, изъ всѣхъ современныхъ имъ документовъ, говорятъ неподдѣльнымъ языкомъ жизненной правды, только онѣ—прямой и совершенный отголосокъ дѣйствительности, только ихъ составляли люди, не заинтересованные въ извращеніи фактовъ и, по своему положенію, менѣе всего равнодушные къ возможно точному освѣщенію ихъ.

Правительство получало больше, чѣмъ ожидало. Страна поучала его совершенно невѣдомымъ для него истинамъ, открывала не грезившіеся ему горизонты и Людовикъ XVI, если бы познакомился съ челобитными своихъ подданныхъ, могъ бы вообразить себя королемъ нѣкоей фантастической страны, сравнительно съ своимъ обычнымъ представленіемъ о «прекрасной Франціи».

Эта фантастическая страна не только являлась эффектной незнакомкой предъ монаршіи очи, она настоятельно предъявляла свою программу дѣйствій. Изъ фактовъ дѣлались выводы, пожалуй, для потомства еще болѣе поучительные, чѣмъ сами факты. По крайней мѣрѣ, и здѣсь историки сангвиническаго направленія должны въ конфузѣ закрыть свое лицо предъ жгучими уликами нелицепріятныхъ обличителей.

III.

Разъ въ странѣ нѣтъ порядка, онъ долженъ быть созданъ. Это такъ просто и логически необходимо. Должна возникнуть *конституція*. Это слово пестритъ по всѣмъ инструкціямъ избирателей, притомъ безусловно консервативныхъ и благонамѣренныхъ, дворянства и духовенства.

Но несравненно легче было написать слово *конституція*, чѣмъ точно опредѣлить даже хотя бы отвлеченный составъ этого понятія. Ученые памфлетисты въ родѣ Тэна усиливаются увѣрить своихъ читателей, будто виноваты исключительно философы, особенно Руссо, въ политическихъ смутныхъ мечтаніяхъ французовъ наканунѣ революціи и будто бы даже сама идея конституціи была подсказана избирателямъ и ихъ представителямъ тѣми же необузданными теоретиками.

Въ дѣйствительности дѣло происходило совершенно наоборотъ: мысль о *конституціи*, т. е. о какомъ бы то ни было новомъ строѣ государства, возникла совершенно естественно на почвѣ фактической неурядицы и всяческаго хаоса, царствовавшаго подъ скипетромъ Людовика XVI. Мирабо, компетентнѣйшій свидѣтель, признаваемый самимъ Тэномъ, выразилъ эту истину энергично и вполнѣ опредѣленно: «Нѣтъ никого, кто бы не призналъ, что нація была приготовлена къ революціи гораздо болѣе сознаніемъ своихъ бѣдствій, чѣмъ успѣхами просвѣщенія».

Французы желали упорядоченной власти и для всѣхъ обязательныхъ законовъ: въ этомъ желаніи весь смыслъ ихъ конституціонныхъ плановъ.

Но откуда было взять основы новаго гражданскаго строя?

Предъ импровизированными государственными людьми въ распоряженіи оказывались вѣковые наросты феодализма. Врядъ ли какой мудрецъ изъ такихъ элементовъ могъ извлечь принципы культурнаго распорядка, и естественно составители инструкцій обратились къ самымъ широкимъ общимъ основамъ человѣческаго политическаго бытія, т. е. къ идеямъ и теоріямъ, къ отвлеченнымъ опредѣленіямъ человѣка, какъ гражданина, какъ члена общества.

Этотъ фактъ *логически необходимаго* вмѣшательства теорій въ чувства современниковъ революціи признанъ самыми скромными, даже реакціонными свидѣтелями событій. Малледюканъ, извѣстный публицистъ эмиграціи, составившій для Тэна почти весь его ругательный словарь противъ дѣятелей и фактовъ революціи, понимаетъ «метафизическій азартъ» національнаго собранія, даже обобщаетъ явленіе: къ абстракціямъ прибѣгали всюду, гдѣ приходилось создавать основы новаго политическаго и общественнаго строя. Такъ поступили даже англичане въ 1688 году, хотя въ ихъ исторіи существовали идеи и факты конституціонной свободы.

Потомъ, не слѣдуетъ забывать, что представленіе о философахъ, какъ возбудителяхъ бурныхъ страстей и внушителяхъ скоропалительныхъ политическихъ экспериментовъ — совершенный вымыселъ. Надо безусловно не знать философскихъ произведеній XVIII-го вѣка, чтобы усмотрѣть въ нихъ *революціонные* умыслы на существующій порядокъ вещей.

Самымъ страшнымъ и злополучнымъ учителемъ революціи счи-

тается Руссо, но откройте его проектъ польской конституціи и прочтите разсужденіе объ отмѣнѣ крѣпостного права! Самый осмотрительный носитель оффиціальной власти, посѣдѣвшій въ бюрократической рутинѣ, не могъ бы съ бо́льшей осторожностью толковать о рискованномъ предметѣ.

Свобода—пища далеко неудобоваримая для всѣхъ желудковъ; таково убѣжденіе женевскаго философа. Надо предварительно быть воспитаннымъ для свободнаго состоянія, и не кое-какъ, не теоріями и метафизикой, а практикой жизни, нравами, всестороннимъ развитіемъ ума. И философъ, естественно вожделѣя о свободѣ польскихъ крестьянъ, рѣшается предложить только медленное и постепенное освобожденіе. Одновременно онъ со всей пощадой относится къ преимуществамъ рожденія и общественнаго положенія избранной части общества.

О другихъ философахъ нечего и говорить.

Кондорсе, напримѣръ, несомнѣнно пламеннѣйшій энтузіастъ новой эпохи. Могъ же человѣкъ чуть не подъ топоромъ гильотины мечтать о необозримыхъ перспективахъ общечеловѣческаго счастья. Но и онъ касательно государственной дѣятельности преподавалъ самые солидные уроки, какихъ только можно пожелать отъ умудреннаго опытомъ преобразователя.

Когда измѣняютъ законы, писалъ философъ, слѣдуетъ избѣгать, во-первыхъ, всего, что можетъ нарушить общественное спокойствіе, потомъ—всего, что можетъ произвести слишкомъ сильныя потрясенія въ положеніи большого количества гражданъ, наконецъ, всего, что прямо шло бы въ разрѣзъ съ общепринятыми предразсудками и привычками...

«Благоразумнѣе» трудно разсуждать и, очевидно, не изъ такихъ устъ революціонеры могли услышать призывъ къ рѣшительной борьбѣ съ существующимъ порядкомъ, какъ бы онъ неудовлетворителенъ ни былъ.

Другіе философы по пути благоразумія и сдержанности шли, конечно, еще дальше. Монтескьё не рѣшался поднимать руки на самые вопіющіе изъяны стараго режима, въ родѣ купли и продажи судебныхъ должностей, и во главѣ своей книги поспѣшилъ разъ навсегда отречься отъ субверсивныхъ и даже послѣдовательно критическихъ замысловъ.

Очевидно, философская политическая революція—легенда, созданная или невѣжествомъ, или недобросовѣстностью. Правда, въ эпоху смутъ оказались въ высшей степени популярными идеи Руссо, по самой своей сущности не выполнимыя на вѣковой исторической почвѣ. Но до этихъ идей мечтатели дошли не столько подъ вліяніемъ таланта и убѣдительности философа, сколько подъ давленіемъ самихъ событій.

Нашъ авторъ, на основаніи тѣхъ же *cahiers*, легко доказываетъ, что принципъ равенства смѣнилъ идею политической свободы только съ теченіемъ времени. Это произошло, когда дворъ объявилъ рѣшительную войну какимъ бы то ни было преобразовательнымъ планамъ не только третьяго сословія и какихъ бы то ни было агитаторовъ, а даже умѣреннымъ реформаторскимъ мечтамъ дворянства, духовенства и самихъ чиновниковъ.

«Демократія и всѣ ея неистовства были порождены вызывающими притязаніями аристократіи»—таковъ выводъ очевидца, не

питавшаго ни малѣйшаго сочувствія къ революціи и къ самой демократіи.

Такъ шли событія, никѣмъ не направляемыя, никѣмъ даже не предусмотрѣнныя, можно сказать, за нѣсколько дней. Представители націи собрались предъ лицо своего государя съ самыми сердечными и искренними чувствами, одушевленные поразительно оптимистическими надеждами и даже вѣрой въ предстоящее умилительно-спокойное преобразованіе государства.

Правда, всѣ говорили о конституціи, но каждый изъ говорившихъ съ ужасомъ отступилъ бы отъ одной мысли посягнуть на священную личность короля. Страна была глубоко истомлена неправдами и бѣдствіями, но ни одинъ голосъ не винилъ въ этихъ бѣдствіяхъ верховнаго носителя власти и для него звучали только рѣчи благоговѣнія и пламенной любви.

Это мы не должны забывать ни на одну минуту, если желаемъ имѣть вѣрное представленіе о революціонной исторіи. Генеральные штаты сплошь состояли изъ вѣрноподданныхъ «дѣтей» Людовика XVI. Національное собраніе все еще видѣло въ королѣ могущественнѣйшую опору народнаго благоденствія, но уже рѣзко отдѣляло себя отъ фанатиковъ старины...

Тогда только идея культурнаго прогресса дѣйствительно превратится въ фактъ, когда заблужденія и страданія одного поколѣнія войдутъ въ неотъемлемый нравственный капиталъ его наслѣдниковъ.

IV.

Кажется, ни что не ускользнуло отъ вниманія авторовъ *cahiers*. Судьба человѣческой личности разобрана здѣсь по всѣмъ житейскимъ положеніямъ, начиная съ дѣтства, семьи и кончая обширной сценой общественной дѣятельности. Все предусмотрѣно, строго взвѣшено, всему опредѣлено извѣстное мѣсто и все согласовано съ высшими требованіями разума, какъ они представлялись законодателямъ.

А эти представленія были на столько высоки, что вѣкъ спустя мы не въ силахъ внести никакихъ поправокъ въ многочисленные идеалы безвѣстныхъ преобразователей. Напротивъ, на каждомъ шагу приходится признавать, до какой степени медленно жизнь идетъ за идеями и сколько, повидимому, простѣйшихъ и разумнѣйшихъ условій человѣческаго счастья и общественнаго порядка остается въ предѣлахъ воздушныхъ замковъ, не достигая земли и даже не проникая въ ясное сознаніе большинства людей.

Прочтите, напримѣръ, разсужденія *cahiers* о воспитаніи дѣтей, о положеніи незаконнорожденныхъ въ обществѣ и государствѣ; право, всѣ современныя либеральнѣйшія педагогическія идеи покажутся школьническимъ повтореніемъ давно вытверженныхъ задовъ. Попутно, едва ли не въ первый и не въ послѣдній разъ на французской почвѣ инструкціи постарались съ поразительной энергіей изобразить безпомощную судьбу женщинъ, обязанныхъ личнымъ трудомъ зарабатывать себѣ жизнь. Правда, много писалось и позже о такъ называемой эмансипаціи, но сколько было декламаціи, партійной заказной страстности въ этихъ описаніяхъ.

Въ *cahiers* ничего подобнаго: они чаще всего просто разсказываютъ факты и дѣлаютъ наглядные выводы. Это проектъ здраваго смысла, а не ухищренія передовой политики.

Та же самая жизненность чувства,—отнюдь не теоретическая отвага философскихъ идей,—подсказываетъ избирателямъ столь же прогрессивные взгляды на всѣхъ, кого захватываетъ неволя, несчастье, кому приходится падать на своемъ пути—въ грѣхѣ, порокѣ, преступленіи.

Отсюда цѣлые трактаты объ участи преступниковъ, объ устройствѣ тюремъ, о пищѣ заключенныхъ, объ ихъ нравственномъ состояніи. Даже крестьяне додумываются до тюремныхъ мастерскихъ: работа дастъ примѣненіе талантамъ заключенныхъ и тѣмъ «усладитъ ихъ неволю». Всюду одна и та же идея: преступленіе—несчастіе—одинаково и для самого преступника, и для общества, а несчастіе должно быть, по возможности, облегчено, заглажено, и наказаніе не месть, не кара, а исправленіе.

Вопросъ другой, насколько этотъ взглядъ примѣнимъ вообще къ преступленію, но для насъ важна именно подобная мысль, послѣдовательно развиваемая отнюдь не кабинетными учеными или ублаготворенными, снисходительно-милостивыми обывателями. Предъ нами только голосъ многострадальной и многоиспытанной народной жизни...

Наивностей не мало въ нашихъ документахъ! они составлялись людьми отнюдь не многоученаго ума, и если составителямъ приходилось совпадать съ идеями современной философіи, то по самой причинѣ. Ее мѣтко опредѣлилъ Вольтеръ: философія не что иное, какъ здравый смыслъ. Не во всемъ, конечно, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ разсужденія Вольтера и его сподвижниковъ могли быть восприняты всѣми, кто только видалъ и пережилъ современный порядокъ вещей. И нашъ авторъ совершенно правъ, настаивая, что выработанный стиль многихъ *cahiers* вовсе не доказываетъ, будто содержаніе ихъ также сочиненное и доступное только особымъ интеллигентамъ, литераторамъ, адвокатамъ. Напротивъ. Форма нисколько не мѣняла сущности дѣла, и крестьяне, можетъ быть,—даже навѣрное,—не всегда могли изложить въ изящной или просто складной рѣчи свои докуки, но они душою и сердцемъ присоединялись къ тѣмъ, кто владѣлъ модньмъ словомъ и ихъ житейскія нужды могъ перевести на ученый и литературный языкъ. Это невольное, практически неизбѣжное совпаденіе народныхъ нуждъ и идеаловъ съ идеями философіи XVIII вѣка именно и доказываетъ ея жизненность и цѣлесообразность.

Для примѣра достаточно взять самый, повидимому, рискованный вопросъ для народнаго разумѣнія—церковный. Извѣстно, на немъ сосредоточивалась вся дѣятельность Вольтера, на католичество преимущественно были направлены его остроуміе, его знанія, его многообразные таланты. Въ *cahiers* безпрестанно обсуждается тотъ же предметъ, и *по формѣ*, конечно, весьма мало общаго между стилемъ доморощенныхъ грамотѣевъ и шикарной рѣчью геніальнаго brochurier, но опять *сущность* и тамъ, и здѣсь одна и та же.

Напримѣръ, целибатъ, обязательное безбрачіе католическаго духовенства. Вольтеръ могъ разбить его молніями иронiи, сарказма, уничтожить каррикатурой, бойкой эпиграммой, неподра-

жаемымъ анекдотомъ. Авторы *cahiers* вмѣсто этого напишутъ простодушный, чувствительный монологъ такого содержанія:

«Пусть священники женятся. Нѣжность женъ пробудитъ въ ихъ сердцахъ чувствительность, признательность, состраданіе, столь свойственныя людямъ. Между тѣмъ, все это заглушено обѣтами цѣломудрія и одиночества почти у всѣхъ, кто произнесъ ихъ... Невинныя ласки дѣтей окажутъ безконечное благодѣяніе отцамъ, напомнятъ имъ былыя семейныя радости въ годы ихъ дѣтства, напомнятъ о томъ, что они—священники—такіе же люди, какъ и всѣ другіе, и отнюдь не стоятъ выше обыкновенныхъ смертныхъ, если только не отличаются особыми добродѣтелями» *).

Выводъ, конечно, совершенно ясный.

Тѣ же *cahiers* послѣдовательнѣйшая и подчасъ удивительно страстная защита просвѣщенія. Избиратели не устаютъ предлагать множество проектовъ начальнаго образованія, обсуждать мельчайшіе экономическіе вопросы касательно школы, вродѣ положенія учителей, содержанія учебниковъ. Недаромъ въ наши дни спеціальный французскій журналъ могъ извлечь изъ *cahiers* не мало полезныхъ указаній по адресу современной семьи-воспитательницы и, на основаніи столь, повидимому, давнихъ рѣчей и желаній, вызвать полную иллюзію самаго новаго и передового идеализма въ важнѣйшей области внутренней политики новаго общества **).

Здѣсь же всѣмъ оффиціальнымъ лицамъ слѣдовало бы поучиться, какъ изслѣдовать фактическое положеніе вопроса. *Cahiers* представляютъ удручающую картину повальнаго невѣжества страны. Невѣжество одинаково распространяется на народъ и даже на ученыхъ: школы не даютъ свѣдущихъ юристовъ и докторовъ. Всѣ знанія числятся только на бумагѣ, въ дипломахъ, такъ же какъ и правительственныя реформы въ канцелярскихъ папкахъ. Въ дѣйствительности, юристы не знаютъ законовъ, медики пробавляются шарлатанствомъ, и школы изнываютъ въ рутинѣ и вѣковой омертвѣвшей учености, не имѣющей ничего общаго съ запросами живой жизни.

Опять полное совпаденіе съ сужденіями философовъ, но здѣсь даже высшее духовенство единодушно съ энциклопедистами: оно также свидѣтельствуетъ объ уродливой системѣ образованія и жалуется на непросвѣтную тьму народной массы...

И въ результатѣ, вмѣсто торжественнаго шествія къ благамъ новаго вѣка, полный разгромъ всѣхъ этихъ рыцарей и мечтателей...

Одно можно сказать съ достовѣрностью: люди 89-го года честно и искренне *желали* быть мирными преобразователями своего отечества, но не *могли* и не *умѣли*.

Ив. Ивановъ.

---

*) *Cahiers de la ville de Châlois.* Archives V, 677.
**) *Revue de l'enseignèment.* 15 juillet 1894.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Secret Societies of all Ages and Countries*» *by C. W. Heckethorn* (*George Redway*). (*Тайныя общества всѣхъ временъ и странъ*). Въ исторіи всѣхъ народовъ и во всѣ времена тайныя общества какъ политическаго, такъ и религіознаго характера, играютъ немаловажную роль. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ книги, о которой идетъ рѣчь, задался цѣлью прослѣдить постепенную эволюцію этихъ обществъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ вплоть до современной эпохи, изслѣдовать ихъ дѣятельность и изучить ихъ значеніе. Книга о тайныхъ обществахъ уже вышла давно, но теперь авторъ выпустилъ второе изданіе, значительно имъ дополненное и пересмотрѣнное. Въ первое изданіе не вошло описаніе греческаго тайнаго общества «Ethnike Hetaireia», а также феніанскаго общества въ Ирландіи. Во второмъ изданіи этотъ пропускъ исправленъ и, кромѣ того, прибавлено описаніе тайныхъ обществъ въ Италіи, содѣйствовавшихъ ея объединенію, франмассонскихъ ложъ и іезуитовъ, пользовавшихся, въ особенности въ прежнее время, громаднымъ вліяніемъ. Написанная очень живо и увлекательно, вышеназванная книга представляетъ громадный историческій интересъ, тѣмъ болѣе, что авторъ обнаруживаетъ большое безпристрастіе и старается преимущественно держаться фактической стороны. Первая часть его книги посвящена древнимъ обществамъ, а во второй заключается исторія тѣхъ обществъ, которыя оказали большее или меньшее вліяніе на строй современной жизни нѣкоторыхъ странъ и отразились на политическихъ событіяхъ. (Bookseller).

«*Some observations of a Faster Patent*» *by J. C. Farver* (*A. Constable and C°*). (*Нѣсколько наблюденій воспитателя*). Книга эта очень выгодно отличается отъ большинства педагогическихъ сочиненій и производитъ освѣжающее впечатлѣніе. Авторъ дѣлится съ читателемъ своими наблюденіями на обширномъ педагогическомъ поприщѣ, на которомъ авторъ подвизался много лѣтъ. Оригинальность книги заключается въ томъ, что со своими замѣчаніями и разсужденіями относительно воспитанія, опирающимися на многолѣтній опытъ, авторъ обращается по преимуществу къ матери, а не къ отцу школьника, и выказываетъ себя врагомъ школьной рутины и условныхъ взглядовъ. Авторъ очень широко смотритъ на воспитаніе, и хотя онъ больше руководствуется точкою зрѣнія родителей, нежели учителей, но для послѣднихъ знакомство съ его книгой можетъ, пожалуй, принести еще больше пользы, нежели для первыхъ. (Bookseller).

«*Journal of tour in the United States Canada and Mexico*» *by Winifred, Lagy Howard of Glossop. Illustrated* (*Marston and C°*). (*Дневникъ путешествія по Соединеннымъ Штатамъ, Канадѣ и Мексикѣ*). Очень живое и увлекательное описаніе путешествія, продолжавшагося пять мѣсяцевъ, снабженное прекрасными иллюстраціями и фотографическими снимками мѣстностей и типическихъ представителей населенія. Книга читается съ большимъ интересомъ отъ начала до конца, несмотря на то, что въ ней нѣтъ никакихъ особенныхъ приключеній, и авторъ разсказываетъ только то, что онъ видѣлъ, и передаетъ свои непосредственныя впечатлѣнія.
(Daily News).

«*Practical Astrology*» *by Alan Leo.* (*Практическая астрологія*). Появленіе второго исправленнаго и дополненнаго изданія этого руководства, написаннаго президентомъ астрологическаго общества, указываетъ, что находится публика, интересующаяся всякаго рода сочиненіями, относящимися къ области метафизическихъ наукъ. Многіе, впрочемъ, прочтутъ эту книгу изъ любопытства, ради того, чтобы ознакомиться со способомъ пересадки древней астрологіи на современную почву. (Daily News).

«*Half Hours in Early Naval Adventure*» (*James Nisbet and C°*). (*Разсказы о приключеніяхъ на морѣ въ прежнія времена*). Издатели дешевой библіотеки «Half Hour Library» выпустили новый томикъ, въ которомъ собраны разсказы о приключеніяхъ на морѣ въ древнія времена вплоть до современной эпохи. Книга эта знакомитъ читателей съ древними способами морепла-

ванія, съ подвигами древнихъ моряковъ и съ современными героями, стяжавшими себѣ славу на этомъ поприщѣ. Къ книгѣ приложено много недурныхъ иллюстрацій, дополняющихъ текстъ. (Daily News).

«*Mother, Baby and Nursery*» *by Geneviene Tucker. (Мать, дитя и дѣтская).* Авторъ этого полезнаго маленькаго руководства для молодыхъ матерей говоритъ, что онъ имѣлъ цѣлью составить краткій сборникъ необходимыхъ свѣдѣній изъ области дѣтской гигіены и физическаго развитія дѣтей, который могъ бы служить подспорьемъ при уходѣ за дѣтьми. Весьма привлекательнымъ дополненіемъ къ этой книгѣ служатъ портреты разныхъ неизвѣстныхъ ребятъ, причемъ нѣкоторые замѣчательно хорошо исполнены и жизненны.

(Bookseller).

«*La Volonté de vivre*» *par Victor Charbonnel* (*A. Colin*). (*Воля жить*). Книга, проникнутая самыми оптимистическими взглядами на жизнь и трактующая о внутренней жизни, пробужденіи совѣсти, образованіи характера, о религіи, идеалѣ—однимъ словомъ, обо всемъ, что входитъ въ область нравственныхъ проблемъ, терзающихъ наше поколѣніе. Цѣна книги 3 фр. 50 с.

(Journal des Débats).

«*Le Feminisme*» *par Maurice Lambert, docteur en droit.* (*Женское движеніе*). Чрезвычайно добросовѣстное изслѣдованіе женскаго вопроса и его положенія въ настоящее время. Авторъ разсматриваетъ всестороннимъ образомъ положеніе женщины, создаваемое законами и общественными условіями и предразсудками какъ въ христіанскихъ, такъ и въ нехристіанскихъ государствахъ, и сравниваетъ положеніе женскаго движенія въ Англіи и Америкѣ и во Франціи. Книга эта представляетъ очень полезный вкладъ въ литературу женскаго движенія. Цѣна 1 фр. 50 с.

(Journal des Débats).

«*Napoléon a-t-il été un homme heureux*» *par Philibert Audebrand* (*Calman Lévy*). (*Былъ ли Наполеонъ счастливымъ человѣкомъ?*). Исходя изъ той мысли, что интересъ къ Наполеону до сихъ поръ еще не ослабѣлъ во Франціи, несмотря на массу появившихся о немъ сочиненій за послѣднее десятилѣтіе, авторъ издалъ книгу, въ которой старается разрѣшить вопросъ: былъ ли счастливъ Наполеонъ въ то время, когда находился на высотѣ своего величія и когда ему, повидимому, все улыбалось въ жизни? На основаніи сопоставленіи различныхъ фактовъ, разговоровъ и свѣдѣній, касающихся интимной жизни Наполеона, его характера, влеченій и т. д., авторъ приходитъ къ заключенію, что Наполеонъ никогда не былъ и не могъ быть счастливъ. Авторъ избралъ довольно оригинальную литературную форму для своего произведенія; онъ написалъ его въ видѣ разговоровъ о Наполеонѣ различныхъ отдѣльныхъ личностей, бесѣдующихъ между собою и сообщающихъ другъ другу свои мысли о героѣ, подкрѣпляя ихъ примѣрами изъ его жизни и различными фактами и анекдотами. Цѣна книги 3 фр. 50 с.

(Journal des Débats).

«*L'éducation normale des tout petits*» *par M-me A. Vuagnat, directrice de l'école normale froebelienne de Neuchâtel.* (*Нормальное воспитаніе малютокъ*). Авторъ книги излагаетъ систему воспитанія, основывающуюся на идеяхъ великихъ педагоговъ, доказывающихъ, что къ ребенку надо относиться какъ къ чувствующему и мыслящему существу и стараться воспитывать его, не нарушая его природныхъ склонностей, а стараясь воспитать его умъ и душу, сообразуясь съ требованіями его природы, а не насилуя ее. По мнѣнію автора, воспитаніе и обученіе должно составлять одно, и только такая система можетъ принести хорошіе результаты. (Indépendance Belge).

«*Le Musée de Conversation*» *par Roger Alexandre. Troisième edition, revue et augmentée de nombreux articles. Emile Bouillon.* (*Музей разговора*). Этотъ трудъ, представляющій нѣчто въ родѣ юмористическаго словаря, вышелъ первымъ изданіемъ въ 1892 году и второе его изданіе удостоено было почетнаго отзыва французской академіи два года тому назадъ. Это самый полный сборникъ французскихъ цитатъ, современныхъ поговорокъ и всякаго рода литературныхъ курьезовъ историческаго и анекдотическаго характера. Авторъ, обладающій громадною эрудиціей, указываетъ на источники происхожденія многихъ выраженій, фразъ, стиховъ и т. п. Къ книгѣ приложены два очень подробныхъ указателя именъ и словъ. Цѣна книги 7 фр.

(Journal des Débats).

«*A. Manual of Ethics*» *by J. S. Mackenzie. Third edition.* (*Руководство этики*). Новое изданіе этого прекраснаго руководства значительно исправлено и дополнено самимъ авторомъ. Въ первой части книги профессоръ Макензи добавилъ цѣлую главу о развитіи нравственнаго чувства и нравственнаго сужденія; кромѣ того, значительныя дополненія сдѣланы въ той части, въ которой идетъ рѣчь объ отношеніяхъ этики къ практической жизни. Въ первой части книги цѣлая глава посвящена историческому обзору разныхъ этическихъ теорій, вообще усовершенствованія въ новомъ изданіи настолько значительны, что эту книгу можно смѣло причислить къ лучшимъ элементарнымъ руководствамъ этики на англійскомъ языкѣ. (Bookseller).

«*The World of Moral and Religions Anecdote*» *by G. Paxton Hood.* (*Міръ нравственныхъ и религіозныхъ анекдотовъ*). Кни-

га эта пользуется популярностью преимущественно среди проповѣдниковъ и учителей воскресныхъ школъ. Новое изданіе ея, значительно дополненное и дешевое, разсчитано на болѣе широкій кругъ читателей. Авторъ въ предисловіи говоритъ о значеніи анекдота, какъ иллюстраціи къ тому или другому жизненному правилу. Читатели, раздѣляющіе его взгляды, найдутъ въ его книгѣ огромный выборъ анекдотовъ, относящихся чуть ли не ко всѣмъ случаямъ жизни. (Bookseller).

«*Succes and Failure*» *by R. F. Horton.* (*Успѣхъ и неудача*). Маленькая книжка, заключающая въ себѣ нѣсколько полезныхъ и оригинальныхъ мыслей, касающихся условій, обезпечивающихъ человѣку успѣхъ въ жизни. Авторъ соглашается съ тѣмъ, что понятія объ успѣхѣ крайне индивидуальны, но именно это крайнее разнообразіе опредѣленій, въ чемъ заключается успѣхъ, и условій, содѣйствующихъ ему, придаетъ его разсужденіямъ объ успѣхахъ и неудачахъ въ жизни нѣкоторый интересъ и оригинальность; притомъ же авторъ возвышается въ данномъ случаѣ надъ шаблонными воззрѣніями толпы и старается пробудить въ душѣ человѣка какъ можно болѣе высокія стремленія. (Daily News).

«*Evolution and Revelation*» *by Rev. G. M. Mac Dermott.* (*Эволюція и откровеніе*). Очень любопытная книжка, авторъ которой—духовное лицо, старательно собираетъ всѣ доказательства въ пользу теоріи эволюціи, причемъ доказываетъ также, что эта теорія не находится въ противорѣчіи съ христіанскою доктриной и такъ же, какъ она, стремится къ тому, чтобы доставить торжество альтруистическому идеалу. Въ виду постоянныхъ споровъ объ антагонизмѣ, религіи и наукѣ, появленіе этой маленькой книжки представляетъ особенный интересъ. (Daily News).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1898** ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р., безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ **8** р.; за границу **12** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*уголъ Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается **разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой:** при подпискѣ **5** р. и къ 1-му іюля **4** р., или при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р. и къ 1-му іюля **3** р. **Другихъ условій разсрочки не допускается.**

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ **безъ доставки** допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку ***отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.***

Подписчики „Русскаго Богатства“ пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книжкѣ журнала на первыхъ страницахъ.

Редакторы Д. Быковъ, С. Поповъ.

О подпискѣ на общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

съ приложеніемъ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (годъ X)

подъ редакціей **М. Виноградова.**

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., на полгода—3 р. и на 3 мѣс. 2 р.; *для начальныхъ школъ и народныхъ учителей* — 4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ Редакціей. №№-овъ за прежніе годы «Школьнаго Обозрѣнія» не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 г. можно получать по *два* руб., и 1895 и 1896 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать *безплатно* всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихъ и учащихся.

Вышедшіе №№ «Жизнь и Школа» и «Школьнаго Обозрѣнія» тек. г., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одиннадцатый *безплатно.*

Подписка принимается въ главной конторѣ «Жизнь и Школа» и «Школьнаго Обозрѣнія»: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

17Jan'61EMF

IN STACKS

JAN 3

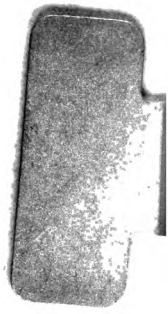
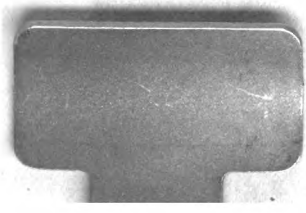
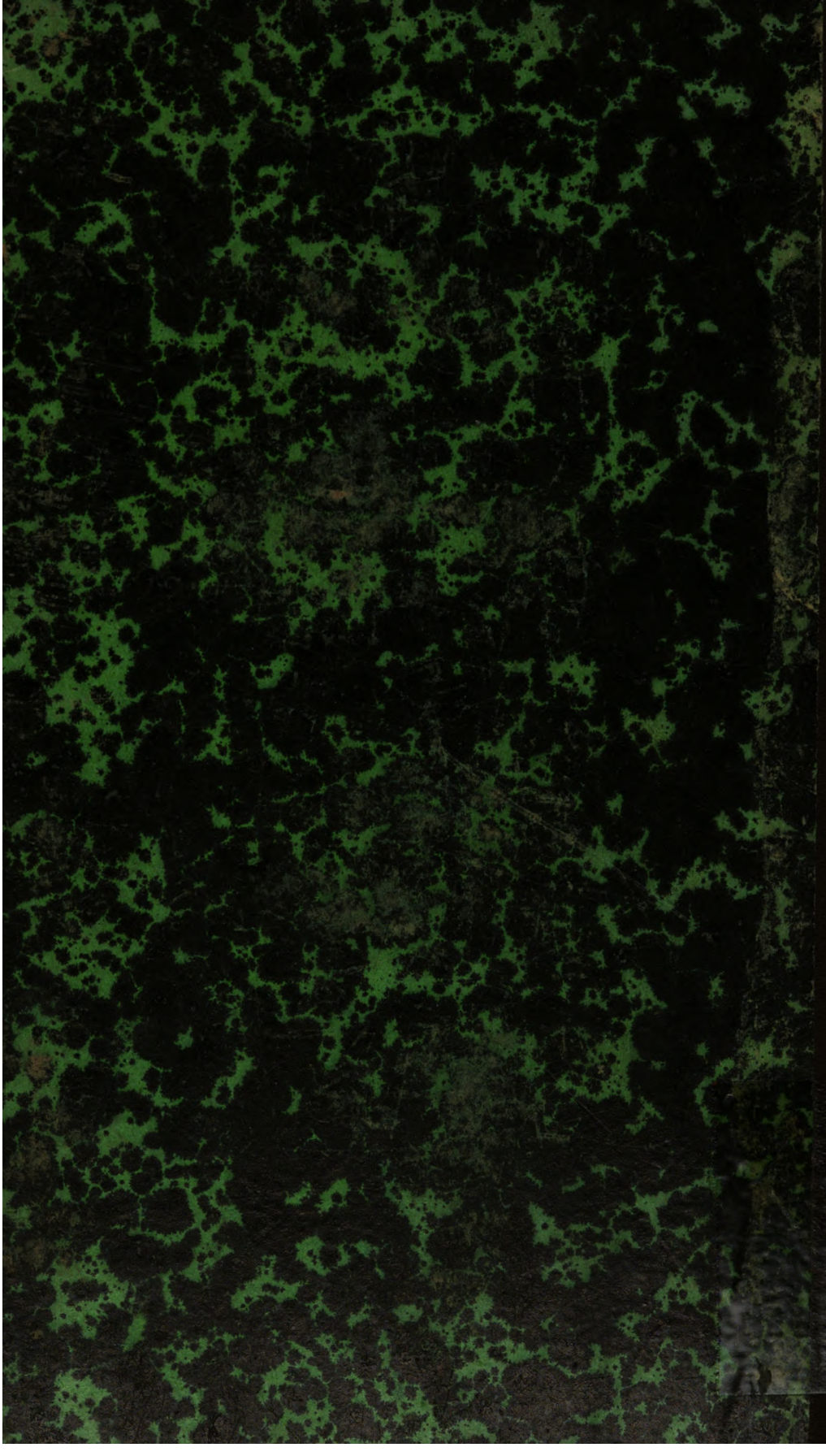
RECD LD

JAN 3 '61

LD 21A-50m-4,'60
(A9562s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636729



884293